

ISBN 978-5-9624-1900-8

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
VII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 15 февраля 2021 г.

УДК 316
ББК 74.58

Под общей редакцией
канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*

Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 15 февраля 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1900-8.2021.1-556>

ISBN 978-5-9624-1900-8

Доклады посвящены условиям социальной консолидации, социальному самочувствию современной молодежи, культурному и религиозному, экономическому и политическому воспроизводству общества, межпоколенческой консолидации, гражданской активности, образованию и профессиональным ориентациям в цифровую эпоху, с учетом влияния COVID-19 и др.

Предназначено для ученых в области общественных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами изменения социокультурного пространства, социального воспроизводства и социальной консолидации.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. (3952) 52-19-00

Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 12.02.2021. Тираж 30 экз. Объем 6,8 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2021

ISBN 978-5-9624-1900-8

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ
ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы
VII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 15 февраля 2021 г.

ISBN 978-5-9624-1900-8

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ, И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции
Иркутск, 15 февраля 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Воссоздание социальной солидарности после пандемии	9
--	---

СЕКЦИЯ 1. УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Решетников В. А. Устойчивое развитие или воспроизводство матрицы: проблемы модификации переходного состояния общества в аспекте социально-экономического кризиса.....	10
Гасанов Э. Л. Толерантные ценности как фактор социальной консолидации	15
Пиляк С. А. Культурное наследие как символ консолидации российского общества.....	21
Чеснокова Л. В. Идеология сепаратных сфер как фактор гендерной дискриминации	27
Пряжникова О. Н. Экологическое гражданство как фактор устойчивого развития общества: теоретические и практические аспекты.....	33
Иванов Р. В. Источники идеологии современного консервативного охранительного патриотизма.....	38
Бобков А. А., Бобков А. И. Этнокультурная идентичность как проблема возрождения консолидирующего субъекта власти в условиях нетократического трансгуманизма.....	42
Гольцова Е. В. Человекообразность социальной среды региона в аспекте демографического развития	49
Лещенко Я. А. Качество населения – важнейший фактор и критерий социального воспроизводства	54

СЕКЦИЯ 2. СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Островский С. Н. Когнитивные подходы к развитию национальной идеи и идейного воспитания молодежи	60
Кишея И. Л., Астрейко А. В. Особенности проявления гражданской идентичности в период юности и средней взрослости.....	65
Бардамова Я. Ю., Гуринович Л. А. Сетевое взаимодействие с молодежью как фактор консолидации общественных возможностей и влияния на формирование и трансформацию ценностных ориентаций	68
Андреева И. А. Особенности психологического стресса студенческой молодежи в условиях дистанционного образования	73
Бобровская А. В. Социальное самочувствие как фактор социальной адаптации современной российской молодежи.....	77

Власевская Е. И. Социальная активность молодежи как основной двигатель государственной молодежной политики.....	80
Медведева Д. А. Социальное неравенство как причина возникновения девиации в молодежной среде: теоретический анализ.....	84
Новохатская А. И. Современные проблемы социальной адаптации российской молодежи и социальная работа как фактор ее успешной адаптации.....	87
Спешилова М. А. Современная молодежь в аспекте формирования жизненных стратегий.....	90
Шантанов Р. В. Актуальные формы и методы профилактики девиантного поведения молодежи сельской местности.....	94
Косякова Е. С. Экстремизм как форма асоциального поведения молодежи: понятие, причины, профилактика.....	98
Анохина А. А., Осипов Т. А. Ценностные трансформации современной молодежи и их последствия для консолидации российского общества.....	102

СЕКЦИЯ 3. КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ УСЛОВИЯ СОЛИДАРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Карандина А. А., Антонова А. А. Терапевтическая функция публичного искусства в городской среде.....	106
Шмаков В. С. Методологические аспекты трансформации социокультурного пространства.....	112
Григорьева М. И. Консолидация художественного сообщества в РФ и ее значение.....	118
Галаева Х. Х. Религиозное самоопределение и свобода воли в общественном сознании.....	121
Иванова В. Д. Медицинская терминология как ресурс развития языковой культуры общества (на примере студентов начальных курсов ИГМУ).....	134
Сарапулова Л. Н. Роль современных культурных проектов в процессе консолидации российского общества.....	138
Деренко Н. В., Борозненко А. В., Осипов К. Д. Первоочередные задачи креативного сообщества и органов власти Иркутской области в развитии креативной экономики региона.....	145
Деренко Н. В., Петров А. А., Конколевский Е. П. Информационная система «Креативные индустрии г. Иркутска» как основной инструмент картирования сектора креативной экономики региона.....	149
Гильдебрандт А. И. Механизмы и тенденции гендерной стереотипизации на рубеже XIX–XXI веков.....	152
Попова М. В. Влияние идентичности на имидж сельских территорий.....	158
Рудакова Н. В. Деятельность учреждений культуры Иркутской области по работе с многодетными семьями.....	165

СЕКЦИЯ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЛИДАРНОСТИ

Завьялов А. В. На пути к успеху: изменения в экономике Ирландии в течение столетия	173
Заварзина Ю. В. Особенности организации системы социальной безопасности регионального туризма (на примере Иркутской области)	179
Москвитина Н. В. Социальное моделирование внутреннего туризма после пандемии COVID-19 (на примере Иркутской области)	198
Салимгореева Р. Р. Инновация как фактор развития туристической отрасли Иркутской области.....	211
Костылев С. В. Миссия, идеология и аксиология организаций культуры и искусства как факторы корпоративной консолидации	214
Удалых С. К. Доступное жилье – влияние на консолидацию и разобщение российского общества	218
Заварзина Ю. В., Батъянова Л. Н. Инновационное предпринимательство в Иркутской области: вопросы социального моделирования	226
Трескин П. А. Стратегии развития фондов местных сообществ как источников поддержки некоммерческого сектора: анализ мирового опыта	244
Лашко О. К. ВЭД регионов России как фактор нормативного и социально-культурного развития территорий	251
Федосеева А. А. Лидер в предпринимательстве: социально-философский анализ	255
Ковалевская А. Е., Запелалова Е. С. Страницы в социальных сетях как агенты, участвующие в формировании занятости населения	259
Фальковская Т. Ю. Социальная консолидация: от корпоративной социальной ответственности до экономики Фельбера	261

СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Бахлова О. В., Бахлов И. В. СНГ как международная площадка обсуждения глобальных и региональных проблем: политика и интересы России	265
Мухаметзарипов И. А. Нормативный плюрализм и проблема выбора в современном обществе	271
Тирских М. Г. Протрузия права как фактор деконсолидации государства и общества	277
Эбсан С. Р. Дискуссия о сохранении патерналистской роли государства в условиях глобализационных процессов	284
Бовыкин К. А. Абстрактный патриотизм как результат отсутствия четкой активистской основы современной российской национальной идеи	287
Абдрашитова О. А. Тенденции оптимизации государственного управления в Иркутской области.....	294
Рангин В. Ю. Повышение уровня доверия к власти как основной показатель эффективности	299

Дружинин Г. В. Взаимодействие корпоративно-нормативной и правовой системы на примере деятельности государственных корпораций.....	303
Кильдюшкина И. Г. Электоральная активность регионального социума как ресурс социокультурной консолидации граждан	308
Силивеев И. М. Проявление консолидационных начал в антикризисном управлении в процедурах несостоятельности (банкротства)	314
Головчун К. А., Поджидаева А. Ю. Институт штрафных формирований в военной истории России.....	319
Батьянова Л. Н. Карьера женщины на государственной службе	323
Ардашев Р. Г. Имидж муниципальных служащих в СМИ (на примере Ангарского городского округа).....	335

СЕКЦИЯ 6. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И СОЛИДАРНОСТИ ПОСЛЕ COVID-19

Карнышев А. Д., Карнышева О. А. Психологическое здоровье и его проблемы в современном обществе	344
Скирко М. О. Цифровая солидарность в современном обществе: пример использования хэштегов для воспроизводства «женской» темы в цифровой коммуникации	351
Даркина А. В. «Забудьте про плюшевых акул, у нас новый герой»: виртуальное мифотворчество как поле консолидации пользователей (на примере популярных интернет-мемов)	357
Олефир А. В. Креативная солидарность: мемы в самоизоляции	364
Хлудова В. А., Макаренко Е. А. Риски исторической памяти как фактор цифровизации общества в эпоху постмодерна.....	371
Попова В. В. Специфика переживания социальной травмы в условиях пандемии COVID-19.....	378
Тайсумова Х. В., Назаева П. Х. Проявление социальной солидарности в период пандемии.....	384
Скуденков В. А. COVID-19 в чреде эпидемий: мигранты в оценках общест-венности	388
Решетникова Е. В., Семейкина Т. В., Мадойкина Е. В. Специфика кон-солидации работы учреждений социального обслуживания населения в период COVID-19: региональный аспект.....	393

СЕКЦИЯ 7. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И РАЗОБЩЕННОСТЬ

Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И., Шкуран О. В. Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодежи и общества	401
Хайрулина Н. Ф. Жизненный мир поколений: анализ коллективных эмо-ций и практик просоциального поведения	408
Мехришвили Л. Л. Сценарий успеха у представителей разных поколе-ний	423

Ардашев Р. Г. Удовлетворенность жизнью: субъективные страхи различных поколений	430
Чернякевич Е. Ю. Факторная обусловленность представлений о семейно-брачных отношениях современной студенческой молодежи	440
Шахбазова А. А. Роль семьи в межпоколенческой преемственности в социокультурном единстве социума	445

СЕКЦИЯ 8. ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Гражданский активизм в конъюнктивном аспекте	449
Полюшкевич О. А. Социальная активность горожан (на примере Иркутска).....	456
Гудаева Е. К., Гуринович Л. А. Повышение социальной активности школьников за счет участия в проектах волонтерской деятельности	464
Хандагурова В. А. Влияние традиций на самосовершенствование человека и развитие добровольчества	468
Распутина Е. В. Волонтерство как способ вовлечения в общественную деятельность студенческую молодежь	474
Сафонов С. А., Анохина А. А. Цели и смыслы общественной деятельности в XXI в.	477
Кирпиченко П. В. Ключевые проблемы ресоциализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, и пути их решения.....	479

СЕКЦИЯ 9. ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА

Диггид Дж. Д., Пустобаева А. М. Социология науки и научная грамотность	485
Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Развитие образовательных ресурсов с позиций системно-синергетического подхода	490
Журавлева И. А. Проблемы развития дополнительного образования в Иркутской области.....	497
Фейткевич Н. А. Система дополнительного образования как потенциальный ресурс консолидации российского общества.....	504
Маркова Е. А. Взаимодействие в образовательном процессе вуза как внутренний фактор имиджевой политики образовательного учреждения.....	508
Пружинин А. Н. Развитие корпоративного образования в среднем бизнесе	513
Апанина А. В., Журавлёва А. В., Фионова В. А. Профессия рекрутер: значение рекрутеров на рынке труда.....	520
Малых С. В. Механизмы конструирования репутации ИГУ в общественном сознании жителей региона.....	523

Ерёменко С. А. Профессиональная деятельность работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания как один из механизмов реализации социальной политики государства и консолидации общества	529
Солдатова А. Г. Консолидация спортивной команды через личностную и социальную идентификации	534
Осипов Т. А., Сафонов С. А. Стигматизация как индикатор статусных различий субъектов в образовательной среде	538
Литвинова Ж. Б., Литвинова И. В. Образовательный потенциал физики как науки в консолидации российского общества	541
АВТОРСКАЯ СПРАВКА	545

Предисловие

Воссоздание социальной солидарности после пандемии

15 февраля 2021 г. прошла VII Международная научно-практическая конференция «Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы».

Современное состояние общественного развития ставит перед учеными и практиками новые задачи и ориентиры социального воспроизводства. Пандемия COVID-19 привнесла существенные трансформации в условия и механизмы социальной консолидации, мотивы и цели деятельности рядовых граждан. Это отразилось в фокусах внимания участников конференции.

В рамках конференции осуществляли работу девять секций, посвященных таким вопросам, как условия социальной консолидации, социальному самочувствию современной молодежи, культурному и религиозному, экономическому и политическому воспроизводству общества, межпоколенческой консолидации, гражданской активности, образованию и профессиональным ориентациям в цифровую эпоху, с учетом влияния COVID-19 и др.

Среди участников данной конференции стали ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Красноярска, Воронежа, Симферополя, Тюмени, Смоленска, Саранска, Грозного, Самары, Архангельска, Уфы, Казани, Владивостока, Ярославля, Иркутска и других городов России, а также их других государств: из Республик Белоруссии, Азербайджана, Луганской Народной Республики, Украины, США и др.

Вопросы и дискуссии, возникающие в ходе конференции, подтверждают актуальность изучения вопросов солидарности и социального воспроизводства в современном постпандемическом обществе и требуют более детального изучения

Оргкомитет конференции

УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

УДК 316.42.3
ББК 60.52

В. А. Решетников, *Иркутск*

Устойчивое развитие или воспроизводство матрицы: проблемы модификации переходного состояния общества в аспекте социально-экономического кризиса

Рассматривается социокультурное значение образцов развития, понятия «матрица». Анализируется концепция «великой перезагрузки» К. Шваба. Подчеркивается важность концепции развития и планового начала для социокультурного развития России.

Ключевые слова: развитие, матрица, перезагрузка, инклюзивный капитализм, антропологический подход, модернизация.

V. A. Reshetnikov, *Irkutsk*

Sustainable development or reproduction of matrix: the problems of modification of transitional state of society in aspect of socially economic crises

The paper analyse the sociocultural meaning of the samples of development, the notion matrix. The Shwabs' conception of the "Great Overloading" is analysing. The importance of the conception of development and plan principle for the sociocultural development of Russia is underline.

Keywords: Development, matrix, overloading, inclusive capitalism, anthropological approach, modernization.

Постепенное проявление новой реальности, которая иногда обозначается как обновленный, инклюзивный капитализм, ставит под сомнение либеральные иллюзии о существовании неких моделей, образцов, паттернов, стандартов, которым следует неумолимо следовать для того, чтобы достичь зрелого цивилизационного состояния. Любая модель условна и отражает лишь некоторые возможные тенденции, она не может исчерпать объект, о чем свидетельствует судьба сложных математических моделей. Ее авторы способны поддаться той догматической попытке, которую критиковал еще И. Кант, рассматривая переход от модели реальности к реальности модели. Не отрицая наличия или возможности исторической истины полезно помнить о склонности сознания к вариативным интерпретациям наследия, причем каждая из них конечна и зависит от позиции исследователя.

Выйти за рамки такого противоречия можно за счет аппроксимативной репрезентации (Вартофский), включающей процесс постоянной самокоррекции модели в соответствии с меняющейся реальностью. Технологичность задачи требует учета не только рациональных форм, но и архетипов, мифологии, религиозного опыта. Однако популярный на Западе проект «Великой перезагрузки» и четвертой промышленной революции ста-

вит под сомнение перспективность каких-либо образцов и воспекает коренную переделку мира.

Можно использовать и другой образ для обозначения внеидеологизированного пребывания человека в сконструированном им типологизированном мире. Рене Декарт, в свое время, ставил вопрос о то, что все ощущения возникают в результате внешнего воздействия, некоего злобного демона. Философ Д. Дэнси сформулировал известный образ «мозги в банке» таким образом. «Вы не знаете, что вы не мозг, плавающий в сосуде с жидкостью в лаборатории, соединенный проводами с компьютером, скармливающим вам текущие ощущения под контролем некоего изобретательного ученого (доброе или злое, это как вам больше нравится). И, если бы вы были таким мозгом, при условии, что ученый знал, что делает, ничто из ваших ощущений не открыло бы вам, что вы есть на самом деле; потому что ваши ощущения были бы гипотетически идентичны ощущениям того, чьи мозги не плавают в банке физраствора. И так как вы можете призвать только свои ощущения, а они не скажут вам ничего нового, ничто не поможет вам узнать правду». [1]

Современным, соотнесенным социокультурным подобием «мозгов в банке» является Матрица, которая может выступить завершающим этапом деидеологизации и одновременно формой преодоления антиномичности развития с учетом новой информационной реальности, возможностей сетевых взаимодействий. [5]

Своей популярностью этот «термин» во многом обязан одноименному американскому блокбастеру, снятому Энди и Ларри Вачовски. Сценарий впитал в себя аллегории пещеры Платона, стиль киберпанк, идеи рассказов С. Лема и его повести «Футурологический конгресс», выводы из работ физика Д. Дойча, предвидения К. Кастанеды. В фильме есть ссылка на работу Ж. Бодрийера «Симулякры и симуляция». Имея в виду мозаичность содержания, словенский культуролог и философ Ж. Жижек даже назвал «Матрицу» тестом Роршаха для философов.

Как явление культуры, «Матрица» парадоксальным образом стимулировала дискуссии об истинном и виртуальном мире, в том числе в риторическом смысле используется для обозначения «сложного информационного продукта, адресованного обществу и способного обеспечивать функционирование государственной власти в тех параметрах, которые для нее представляются оптимальными» [2]. Матрица как проект будущего может быть построена на разных основаниях. Так, С. Кара-Мурза подсказывает: «Элементы такой большой системы, как жизнеустройство страны, не изобретаются, а отбираются из всех объективно возможных. Эти элементы – матрицы, на которых воспроизводится, живет страна. Главные матрицы советского строя обеспечивали надежное воспроизводство России как независимой страны, народа и культуры. Часть их устарела, их надо заменить, другие отремонтировать и обновить – в соответствии со свойствами городского индустриального общества, опытом катастрофы СССР и ры-

ночной реформы, произошедшими за полвека мировоззренческими сдвигами и новыми международными условиями. Так мы и представим образ возможного будущего. Его смыслы и программы пишутся на новом языке и обращены к реальным нынешним людям, со всеми их сильными и слабостями сторонами и предрассудками» [4, с. 104]

Независимо от вариантов и сценариев ясно, что наступает время политического прагматизма, выражающееся в том числе: в вовлечении в идеологическую работу гибких, синтетических понятий, которые многозначны и с трудом поддаются однозначной трактовке; использовании вместо жесткой идеологии или какой-либо определенной национальной идеи концепции поля, границы которого маркированы противоположными по форме понятиями; избирательное отношение к реконструкции исторических традиций; применение с учетом новой информационной реальности возможностей сетевых взаимодействий и матриц сознания. Многие берется из методики постмодернизма, который все больше становится фактором культуры, в том числе и политической. Эти и другие формы разрешения антиномичности современного российского сознания неоднозначны.

Как пишут оптимистически настроенные А. Зуев, Л. Мясникова: «В этом мире создаются новые трансграничные социальные организации, в которых личность человека лишена запретов общества модерни. Такие организации способствуют выявлению пассионарных личностей, изменению “скорости” социального времени и создают новый статус общества по отношению к цивилизации. Происходит геокультурная диффузия социального пространства, которая должна захватить и российскую социальность, втянув ее в мир нарождающегося сетевого “соляриса”». [3]

И в этом действительно есть нечто положительное. Однако остаются вопросы – разрешает ли матричное построение политических целей и прикрывающих их идеалов антиномичность общественного развития на практике? Можно ли действительно обойтись без сильной идеи или мобилизующего общественного идеала в традиционном смысле? Создается ли Матрица для сохранения власти или для проведения социальной Реформации?

Можно высказать предположение, что в специфических российских условиях формирующаяся симулятивность не может продержаться долго. Формирование Матрицы, которая интегрирует антиномии общественного развития в калейдоскопическое единство, имеет свой срок жизни. Она не может отменить своего объективного источника, который ежедневно напоминает людям о реальности (хотя бы через рост цен в магазинах). Время ее жизни сокращает и то, что большинство населения России имеет личный опыт проживания в советской «Матрице».

Скорее всего, маятник исторических перемен, как ему и положено, продолжает искать новую точку равновесия среди антиномий развития. Но в своеобразной постмодернистской форме. На международной арене в этом отношении выделяется манифест глобалистов, который сформулировал Клаус Шваб – организатор и директор Всемирного экономического форума.

В своей книге «Covid 19. Великая перезагрузка» (2020 г.) он утверждает, что мир должен перекалибровать и переоценить свои базовые системы, если он хочет пережить афтешоки пандемии вируса... наши старые системы больше не подходят для XXI в. Пандемия создает «окно возможностей» для наступления светлого будущего, в котором будут стерты национальные различия и государственные границы. Вслед за Гербертом Уэлсом (1928 г.) [6] он пишет о необходимости мирового правительства. Экономика нового мира будет управляться транснациональными корпорациями, а место частной собственности займет «экономика пользователей», экономика участия». Изменится и человек в соответствии концепциями трангуманизма. Людей разделят на *genrich* и *genproog* в зависимости от материальных возможностей модификации своего тела, что вновь заставляет вспомнить об элоях и морлоках Г. Уэлса. В соответствии с концепциями тотальной глобализации на микроуровне, в отдельных отраслях и компаниях, «Великая перезагрузка» повлечет за собой сложную систему перемен и корректировок.

Столкнувшись с этим, некоторые лидеры отраслей и руководители захотят остановить эту перезагрузку, рассчитывая вернуться к старым нормам и восстановить то, что когда-то работало: традиции, устоявшиеся процедуры и привычные способы ведения дел. Короче говоря, к обычной реальности. Этого не произойдет, потому что этого уже не может быть, по мнению Клауса Шваба.

Эти, хотя и не новые, концептуальные подходы вызвали неоднозначную реакцию участников. Выделяется позиция Дэн Сяо Пина, который сделал в своем выступлении упор на принцип равноправия в международных отношениях и отметал любые установки на исключительность. У перезагрузки, в смысле К. Шварца, нет перспективы.

В. В. Путин в выступлении на сессии онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» Организации Всемирного экономического форума 27.01.2021 (впервые, кстати, за истекшие 11 лет) предупредил, что на пути тотальной ломки социальных систем человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материи. Общая тональность его речи состояла в призыве к перезагрузке политических и экономических отношений в целях прекращения распада социальной системы, а также к совместному регулированию «цифровых гигантов». Хотелось бы выделить несколько моментов:

Государства, национальные органы, культурные центры сохраняют свое влияние. Более того, культурное многообразие является основой развития.

Абсолютно ясно, что мир не может идти по пути построения экономики, работающей на миллион человек или даже на «золотой миллиард». Это просто деструктивная позиция. Такая модель по определению неустойчива. Недавние события, в том числе миграционные кризисы, вновь это подтвердили», – заявил он.

В речи В. В. Путина прослеживается четкий антропологический акцент. «Это создание новых возможностей для каждого, условий для развития и реализации потенциала человека вне зависимости от того, где он родился и живет», – считает глава Российского государства.

Конкретизируя свой антропологический подход, В. В. Путин назвал четыре основных приоритетов для устойчивого и гармоничного развития. Это создание комфортной среды для каждого человека в государстве, обеспечение граждан рабочими местами, медицинской помощью и достойным образованием.

Только так можно будет гарантировать наиболее эффективное развитие современной экономики. Экономики, где люди – не средство, а цель. И только те страны, которые смогут добиться прогресса по обозначенным четырем направлениям (они не исчерпывающие, я сказал только о главном), но только те страны, которые смогут добиться прогресса хотя бы по этим четырем направлениям, обеспечат себе устойчивое и инклюзивное развитие, – полагает российский лидер.

Хотелось бы уточнить, что при восприятии его речи необходимо видеть разницу в понятиях модернизация и развитие. Модернизация исходит из каких-то образцов, которые часто выражаются в понятии вестернизация. Может быть, поэтому понятие модернизация практически не использовано. Развитие же подчеркивает преемственность дореволюционной России – Советской России – современности в устремленности лучших образцов к более зрелой форме или, если хотите, к непрерывной имперской фазе. Основой развития является не готовый матричный образец, а перспективный план. Плановые начала противостоят концепции свободного и неограниченного развития рынка, концепции, которая в своей практической форме не утвердилась нигде.

В качестве вывода отметим, что цивилизационное пространство России должно оцениваться и учитываться во всем временном социокультурном многообразии. Предлагаемые руководством Всемирного экономического форума, в частности Клаусом Швабом, основы перезагрузки, носят иллюзорный характер и открыто отстаивают ценности «золотого миллиарда». Скрытой формой является отказ от культурных матриц и от наследия разных народов. Важнейшим направлением прогресса для современной России является социально– экономическое развитие в сочетании с серьезным государственным плановым началом. Добавим, что плановые начала не противоречат рыночной экономике, но вносят в общественный процесс порядок, прагматический смысл планирования подразумевают отчетность властей перед народом и, соответственно, их ответственность за состояние дел. Одновременно, общегосударственные подходы не выгодны ведущим российским корпорациям, которые привыкли действовать в льготных псевдолиберальных условиях. Как подчеркивает видный экономист С. Ю. Глазьев, в условиях гибридной войны необходима мобилизация российского социума.

Список литературы

1. Грау К. Мозги в банке URL: <http://www.Thematrix.com/> (дата обращения: 30.01.2021)
2. Зверева Г. Построить матрицу: дискурс российской власти в условиях сетевой культуры // Вестник общественного мнения. 2007. № 1. С. 21–34
3. Зуев А., Мясникова Л. Gue Vadis? Нетократия // Свободная мысль. 2005. № 9. С. 3–19
4. Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». М., 2007. 217 с.
5. Матрица русской культуры: миф? двигатель модернизации? барьер? : [сб. ст.] / Совет по внешней и оборонной политике, Фак. мировой экономики и мировой политики НИУ-ВШЭ, Фак. медиакоммуникаций НИУ-ВШЭ; [редкол.: А. Н. Архангельский (отв. ред.) и др.]. М. : Совет по внешней и оборонной политике, 2012. 216 с.
6. Уэллс Г. Открытый заговор. Чертежи мировой революции / пер. с англ. А. Крутько, с предисл. В. Ю. Катасонова. М. : Изд. дом «Кислород», 2021. 288 с.

УДК 37.479
ББК 87.703

Э. Л. Гасанов, *Гянджа, Азербайджан*

Толерантные ценности как фактор социальной консолидации

На основе исследования разных источников, литературы раскрываются важные параметры идей мультикультурализма и культуры толерантности в современном периоде. Также характеризуются некоторые основные стороны мультикультурализма как государственной политики в Республике Азербайджан. Подчеркивается фактор бинарности мультикультуральных ценностей и толерантности в контексте национальной культуры. Отмечается, что азербайджанская модель мультикультурализма основана на принципах гуманизма. Обозначается, что мультикультурализм играет большую роль при урегулировании конфликтов между народами и цивилизациями, именно когда на международной арене господствуют безразличие и национальная нетерпимость. Мультикультуральная политика, проводимая азербайджанским правительством по отношению к национальным меньшинствам и религиозным группам, изучается со стороны государств мира широко и с большим интересом.

Ключевые слова: мультикультурализм, общество, межкультурный диалог, политика, толерантность.

E. L. Hasanov, *Ganja, Azerbaijan*

Tolerance values as the factor of social consolidation

Based on study of various sources and literature in this scientific work, have been investigated important parameters of the ideas of multiculturalism and the culture of tolerance in modern stage. Some basic aspects of multiculturalism as a state policy in the Azerbaijan Republic are also characterized. The factor of binary multicultural values and tolerance in the context of national culture is emphasized. It is important to note that the Azerbaijani model of multiculturalism is based on the principles of humanism. Multiculturalism plays an important role in resolving conflicts between peoples and civilizations, precisely when indifference and national intolerance prevail in the international arena. The multicultural policy pursued by the Azerbaijani government in relation to national minorities and religious groups is being studied widely and with great interest by the states of the world.

Keywords: multiculturalism, society, intercultural dialogue, politics, tolerance.

Современное функционирование толерантности и мультикультуральных категорий направлено в сторону социально адаптированных мультикультуральных ориентиров. В основании концепции мультикультурализма в азербайджанской науке лежит важная методологическая парадигма, согласно которой бинарность понятия мультикультурализма является пер-

вичной. Так, идеи мультикультурализма в Азербайджане апеллируют к этногенетической способности народа интегрировать культурные этнокоды, с одной стороны, и сохранять свою национальную идентичность, с другой стороны. Подчеркнем при этом, что внутренняя согласованность мультикультуральной модели имеет значительные потенциальные возможности.

Азербайджан исторически находится на стыке двух цивилизаций. Соединяя Восток с Западом, Азербайджан играл роль моста в развитии экономических, стратегических и культурных связей между странами двух противоположных цивилизаций. С древних времен в Азербайджане проживали представители разных национальностей, превращая Азербайджан в многокультурную страну. Уникальная толерантность и межнациональный диалог являются основными аспектами развивающейся модели азербайджанского мультикультурализма [6, с. 118–119].

В современном мире, который характеризуется сложными процессами, независимый Азербайджан выделяется как стабильное и безопасное государство. Огромную роль в современном Азербайджане играет мультикультурализм, ибо обеспечивает устойчивое экономическое, политическое, социальное, культурное развитие страны. Мультикультуральная модель современного общества формируется в русле основных векторов государственной политики [1, с. 120].

На современном этапе Азербайджан является одним из основных центров мультикультурализма. Сегодня мультикультурализм – государственная политика в Азербайджане. Формирование мультикультурализма как государственной политики в нашей стране связано с именем великого лидера Гейдара Алиева. Ныне эта политика успешно осуществляется главой государства Ильхамом Алиевым.

Мультикультурализм представлен как значимое звено, имеющий большое познавательное и практическое значение, как важное направление проводимой в Азербайджане политики. В нашей республике отводится место важным мыслям о большом опыте Азербайджанского государства в области мультикультурализма, что представляет значение для других стран, в частности западных государств, столкнувшихся сегодня с серьезными проблемами в осуществлении политики мультикультурализма [2, с. 498].

Современное общество Азербайджана – это общество открытого диалога с представителями иных наций и религий, ибо мультикультурализм в Азербайджане является и государственной политикой, и образом жизни.

Таким образом, рождается тесная связь между обществом и приоритетами социально-политического развития. В свете сказанного подчеркнем, что мультикультурализм в Азербайджане имеет глубокие исторические корни и тесно связан с менталитетом. Толерантность азербайджанского народа формировалась в течение длительного исторического времени.

Мультикультуральный опыт азербайджанского народа включает в себя как генетический, так и современный код коммуникативных процессов [9, с. 50–51].

В государственном строительстве современного Азербайджана роль мультикультуральных моделей значительна, поскольку мультикультурализм в азербайджанской национальной культуре формировался как приверженность социальному этикету, взаимоуважению и терпимости в отношении субкультур, проживающих на территории Азербайджана. Именно поэтому в Азербайджане XXI в. мультикультурализм объявлен как необходимость социально-культурного диалога с целью успешной реализации прогресса.

Терминологически понятие мультикультурализма появилось на рубеже XX–XXI вв. Вместе с тем важно отметить, что суть термина как сосуществование многонациональных сообществ была известна в истории Азербайджана на протяжении многих веков. Это означает, что в нашей стране всегда шли процессы ассимиляции при сохранении аутентичной культуры, национальной культуры. Иными словами говоря, самобытность, самоидентификация азербайджанского народа формировалась в контексте взаимосвязей культур, адекватного восприятию иных культур. Так, исследование проявлений мультикультурализма, его различных исторических векторов, позволяет показать картину цельности и единства азербайджанской культуры [7, с. 228–232; 10, с. 171–174].

Методологические параметры мультикультурализма как научного направления позволяют утверждать, что в мультикультуральном диалоге, национальная доминанта превалирует. Перспективно понимание мультикультурализма как национального осмысления проблем глобализации, ибо сохранение межцивилизационной этики сегодня является гарантом безопасности современного мира и важной доминантой культурной коммуникации [11, с. 13].

Более того, мультикультурализм как понятие интегративное позволяет говорить о традиционном азербайджанском мультикультурализме, в контексте которого национальные приоритеты коррелируют с взаимосогласованностью граждан демократического общества. Приоритетным в понимании мультикультурализма в азербайджанской культуре является то, что мультикультурализм является слагаемым национальной идеи. Система мультикультуральных констант выстраивается таким образом, что органично объединяет как специфику национальных ценностей, так и ценности всех этнических групп, проживающих на территории Азербайджана.

В своих выступлениях, многочисленных встречах на высоком политическом уровне, церемониях по случаю значительных событий и праздников, встречах с представителями общественности, жителями Азербайджана Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев позиционирует мультикультурализм как образ жизни азербайджанского общества [12, с. 82–83].

Коррекция мультикультурализма в современном Азербайджане четко сформулирована Президентом Ильхам Алиевым.

Азербайджанская модель мультикультурализма отличается тем, что синтезирует в себе:

- 1) приоритеты государственной политики;
- 2) духовные, традиционные ценности азербайджанского народа;
- 3) общечеловеческие векторы.

Данные параметры зафиксированы в концепции мультикультурализма Президента Ильхама Алиева. Формирование мультикультурализма в современном Азербайджане связано с именем общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева [2, с. 497].

Азербайджанская модель мультикультурализма основана на принципах гуманизма. Мультикультурализм играет большую роль при урегулировании конфликтов между народами и цивилизациями, именно когда на международной арене господствуют безразличие и национальная нетерпимость. Мультикультуральная политика, проводимая азербайджанским правительством по отношению к национальным меньшинствам и религиозным группировкам, изучается со стороны государств мира широко и с большим интересом. На фоне тенденции роста конфликтных ситуаций, спорных диалогов между цивилизациями Азербайджан тем не менее не перестает оставаться мультикультуральной страной [5, с. 11–12].

Мультикультурализм является стратегической основой политики государства. Именно поэтому каждый член общества является полноправным гражданином Азербайджана. В этом заключается политика общенациональной солидарности.

В деятельности продолжателя мудрого политического курса Гейдара Алиева Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева мультикультурализм является основной парадигмой социального и культурного развития. В государственных документах подчеркиваются приоритеты углубления синтеза национального и общечеловеческого [2, с. 497].

Подчеркивая роль мультикультурализма в Азербайджане, Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев отмечает следующее: «Азербайджанский народ привержен своим религиозным и национальным традициям, национально-духовным ценностям. Мы веками хранили в сердце эти нравственные ценности, и сегодня, принимая все общечеловеческие ценности, считаем главным фактором для себя наши национально-духовные ценности. В то же время в Азербайджане представители всех религий, всех наций живут единой семьей. Межрелигиозные отношения и их высокий уровень укрепляют нашу государственность, независимость, придавая дополнительный импульс интеграционным процессам Азербайджана в мир» [12, с. 69–71].

Развитие идей по мультикультурализму получило продолжение в контексте процесса, начатого в Баку 2008 г. и названного «Бакинским процессом».

На церемонии официального открытия Всемирного форума по межкультурному диалогу седьмого апреля 2011 г. Президент Ильхам Алиев сказал следующее: «Мы хотим, чтобы все народы, представители всех религий тесно общались друг с другом, открыто обсуждали все проблемы, выражали свои мысли. Азербайджан стал уже традиционным пространством для проведения подобных представительных мероприятий. Конечно, это имеет и географические, и исторические, и культурные основы, так как на протяжении веков в Азербайджане все народы, представители всех религий жили как одна семья» [12, с. 50–52].

Программное выступление Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева прозвучало четвертого октября 2012 г. на церемонии открытия «Второго Бакинского Международного гуманитарного форума».

Тридцатого мая 2013 г. Президент Ильхам Алиев принял участие в открытии в Баку Второго Всемирного Форума по межкультурному диалогу, на котором подтвердил приверженность Азербайджанской Республики идее мультикультурализма.

Распоряжениями Президента Азербайджана Ильхама Алиева от 15 мая 2014 г. был создан Бакинский международный центр мультикультурализма, от 11 января 2016 г. 2016-й год в Азербайджане был объявлен Годом мультикультурализма [13].

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев четко определил основные детерминанты мультикультурализма.

«В Азербайджане традиционно, исторически всегда существовала национальная и религиозная терпимость. Это одно из главных, важнейших достижений нашей страны. То, что в период становления нашей страны как независимого государства эти традиции прошлого были сохранены и преумножены, это большое достижение. Каждый человек в Азербайджане, независимо от его национальной и религиозной принадлежности, является полноценным и полноправным гражданином своей страны. Такой мир внутри нашего общего дома – это залог нашего успеха» [12, с. 81–84].

Обобщим некоторые системные слагаемые толерантных традиций и мультикультурализма:

- 1) государственная политика как основание мультикультуральных процессов в Азербайджане;
- 2) мультикультурализм как синтез национального и общечеловеческого;
- 3) культура толерантности – продукт демократического общества;
- 4) мультикультурально значимая открытость мировому сообществу;
- 5) мультикультурализм определяет готовность вести диалог в рамках государственной политики;
- 6) мультикультурализм определяет новые процессы интеграции Азербайджана в современный мир;
- 7) паритетность гражданских прав;
- 8) обеспечение безопасности демократического государства.

Высока значимость мультикультурализма в современном азербайджанском обществе. Мультикультурализм создает в современном Азербайджане предпосылки для успешного межкультурного диалога, позволяет опираться на позитивные тенденции межкультурного диалога.

Более того, нужно особо отметить, что является гарантом единства и сплоченности общества, ибо обеспечивает равноправие всех граждан Азербайджана независимо от религиозной и этнической принадлежности.

Список литературы

1. Гасанов Э. Л. Об изучении историко-религиозных памятников Гянджи как хранителей толерантных ценностей и мультикультурализма // *Gənc tədqiqatçıların III Respublika elmi-praktik konfransının materialları*. Bakı, Azərbaycan universiteti. 2020. S. 119–121.
2. Джаббарова Ш. Политика мультикультурализма как основа устойчивого развития Азербайджана // Мультикультурализм является государственной политикой и образом жизни в Азербайджане : материалы Междунар. науч. конф. Баку, 2016. С. 497–498.
3. Əhmədov F. M. Gəncənin tarix yaddaşı. Gəncə: Elm nəşriyyatı. 2007. 246 s.
4. Geneviève Z., Danielle L., Claire K. Handbook of Multilingualism and Multiculturalism. *Archives contemporaines*. 2011. P. 377.
5. Hasanov S. L., Hasanov E. L. Applied features of comparative technical, sociological investigation of historical and contemporary heritage of Azerbaijan // *International Scientific Journal Theoretical & Applied Science*. 2018. Iss. 1, Vol. 57, part 1. P. 9–16.
6. Həsənov E. L. Gəncə İmamzadə türbəsi ənənəvi multikulturalizm abidəsi kimi // *Qafqazda mədəni-dini irsin qorunması mövzusunda beynəlxalq konfransın materialları*. Bakı, 2015. S. 117–120.
7. Həsənov E. L. Birgəyaşayış mədəniyyəti ənənələrinin tədqiqində Gəncə Səbzikar abidəsinin əhəmiyyəti // *Din araşdırmaları jurnalı*. Bakı : Nurlar, 2020. № 1(4). S. 225–241.
8. Культура устойчивого развития: от идеи к реальности / сост. и науч. ред. Н. Мамедов. Баку : ЭЛМ, 2013. 348 с.
9. Мамедов Ф. Т. Культура управления. Баку : Апостроф, 2009. 715 с.
10. Многогранность человеческого капитала: культурные и социальные основания / общ. ред. и сост.: О. Н. Астафьевой, О. В. Шлыковой. М. : Согласие, 2019. 293 с.
11. Mooney C. A. Culture clash: an international legal perspective on ethnic discrimination. Ashgate Publishing, Ltd., 2011. P. 13.
12. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев об азербайджанской модели мультикультурализма. Баку : Бакин. междунар. центр мультикультурализма, 2017. 524 с.
13. Об объявлении 2016 года Годом мультикультурализма в Азербайджане : указ Президента Азербайджанской Республики И. Алиева от 12.01.2016. URL: <https://www.president.az/sitiles/furure/ru/pdf> (дата обращения: 28.05.2017).
14. Smith W., Hasanov E. L. Importance of handicraft traditions in investigation of history of urban culture in Ganja // *International Scientific Journal Theoretical & Applied Science*. 2013. Issue 11, Vol. 7. P. 61–66. <http://dx.doi.org/10.15863/TAS.2013.11.7.10>
15. The dawn of Art. Leningrad : Aurora Art Publishers, 1974. 196 p.

Культурное наследие как символ консолидации российского общества

Рассматривается роль культуры и культурного наследия в формировании социальной консолидации общества. Выявляется роль идеологической составляющей в формировании социокультурных связей социальной солидарности и перспективы развития общественной интеграции.

Ключевые слова: символическая ценность, культурное наследие, интерпретация, культурная политика.

S. A. Pilyak, *Smolensk*

Cultural heritage as a symbol of consolidation of Russian society

The article examines the role of culture and cultural heritage in the formation of social consolidation of society. The role of the ideological component in the formation of socio-cultural ties of social solidarity and the prospects for the development of social integration are revealed.

Keywords: symbolic value, cultural heritage, interpretation, cultural policy.

Консолидация общества является важной задачей. Несомненным обязательным условием выступает наличие определенного символа, способного объединить людей вокруг идеи, визуализировать смысл консолидации. Культурное наследие является важным фактором формирования национальной и региональной идентичности, наряду с языком, обычаями, историей. Естественно, именно культурное наследие в большей мере способно выступить в качестве основного инструмента и ресурса консолидации. Подобных примеров мы можем найти множество. К примеру, Победа в Великой Отечественной войне является важной культурной ценностью, символическим капиталом, служащим ресурсом достижения общественно-го согласия.

Как известно, «Самоидентификация – жизненная потребность миллионов людей. Каждый из нас выстраивает свой внутренний мир в соответствии с определенными типами идентичности – цивилизационной, религиозной, культурной, национальной, политической, гражданской» [11, с. 174]. Соответственно, можно утверждать о наличии особого потенциала культурного наследия в укреплении межнационального содружества. Стоит рассмотреть объекты культурного наследия в качестве символов. При этом стоит указать особо то, что создание смыслового наполнения культурного наследия является отдельной задачей. Довольно часто смысл и значение объекта культурного наследия оказываются не связаны с его обликом или историей. К примеру, архитектурный ансамбль центральной части города Костромы во многом связан с работой реставратора Калерии Тороп, а колонны Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге являются памятником блокаде не менее чем зодчеству Огюста Монферрана. Повреждения стволов колонн внесли особое значение в интерпретацию памят-

ника архитектуры. Хранимая культурным наследием информация пробуждается, как семя в земле, при определенных условиях. Ю. М. Лотман поясняет: «...чтобы эта информация “проснулась”, символ должен быть помещен в какой-либо современный контекст, что неизбежно трансформирует его значение» [8, с. 618]. Как отмечают исследователи, объект оказывается в познавательном отношении к субъекту в том случае, если приходит в состояние, благоприятствующее познавательным действиям.

В данном контексте особую сложность представляет исследование восприятия культурных ценностей. Как отмечают некоторые исследователи, «гуманитарное явление существует только в мире культуры...» [6, с. 129]. При этом, как известно, в широком смысле понятие культуры объединяет все созданное человеком. В каждой культурной ценности в знаково-символической форме зафиксирована эстетическая, психологическая и историческая информация. Комплексный характер культурных ценностей также формулируют следующим образом: «нацеленность культурного капитала на развитие человека и человеческого капитала связывает воедино культурный, природный и человеческий капитал» [10, с. 649]. Основоположником понятия культурного капитала можно считать французского социолога П. Бурдьё [1]. К культурному капиталу исследователь относит материальное и нематериальное культурное наследие, присущие обществу эстетические стандарты и т. п. Соответственно закономерным становится и уже упомянутое автором разделение физического и духовного воплощений объекта наследия, требующих соответственно введения объекта как в духовный, так и в экономический оборот.

Важным инструментом в интерпретации культурного наследия традиционно является музей, выступающий особым пространством, в котором сохраняемые ценности подлежат обстоятельному анализу, рассмотрению в контексте истории и современности. О. Шпенглер в свое время восклицал: «А наши музеи, куда мы сносим всю совокупность ставшего чувственно-телесным прошлого! Разве и они не являются первостепенным символом? Разве их предназначение не сохранить, наподобие мумий, «тело» всей культурной истории?» [13]. На современном этапе развития науки цель музейной деятельности излагается иначе, несмотря на современные дискуссии относительно роли музеев в формировании и развитии институтов общества и общества в целом. Исследованию музеев как института сохранения исторической памяти посвящен ряд научных публикаций [4; 5; 9; 12]. Однако исследователи сравнительно редко обращаются к вопросам интерпретации культурного наследия в музейных условиях.

Музей как инструмент интерпретации известен с древнейших времен. Человеческий интерес к древним артефактам, выступающих в качестве зримых символов историко-культурной памяти прошлого, со временем привел к развитию коллекционирования, а затем, с обнаружением коллекций, и к появлению музеев. Уже в эпоху античности коллекционирование предметов искусства и их презентация в форме государственных или

корпоративных коллекций становится важным направлением государственной политики. Если вначале музейные коллекции составлялись из материальных приношений богам и служили свидетельством величия главенствующей в государстве религии, то затем они начинают формироваться из трофеев и в свою очередь визуализируют мощь государства и его армии. Демонстрация сокровищ с древнейших времен служила доказательством власти и могущества. Постепенная трансформация коллекций от религиозных и частных к государственным и национальным наглядно представляет изменение ведущей силы человеческого общества.

Стоит отметить, что отличительным свойством процесса и результата интерпретации культурного наследия является четкая связь с современностью. Интерпретатор избирательно обращается как к выбору объекта интерпретации в контексте современности, так и к отдельным особенностям объекта. В итоге результат интерпретации – созданный в сознании интерпретатора образ объекта культурного наследия – оказывается подчас более зависим от текущей ситуации, нежели собственного смыслового наполнения, что неизменно влияет на формирование информационного и культурного пространства.

Ярким примером, способным проиллюстрировать данный тезис, является интерпретация кремлей российских городов. Первоначально возведенные как защитные сооружения, кремли постепенно утратили изначальный функционал. Со временем это даже привело к их частичной физической ликвидации. Но, тем не менее, до сих пор в России сохраняются более десятка кремлевских ансамблей. В их образном насыщении есть заметные различия, которые сформировали различное отношение к их сохранности, и, следовательно, к их текущему содержанию и техническому состоянию. С учетом актуальности проблемы сохранения объектов культурного наследия данная ситуация требует особого рассмотрения.

Некоторые кремли становятся архитектурными символами, и, благодаря такому смысловому наполнению, получают необходимую поддержку на содержание, как в случае Московского кремля, служащего символом и зримым свидетельством незыблемой государственной власти. Стены и башни Московского кремля, построенные в XV веке, уже к XVII столетию утратили свое фортификационное значение. Увенчанные высокими шатрами в эпоху абсолютизации монархии, башни должны были визуализировать в архитектурной среде место пребывания монарха. В данном контексте объяснимо использование подобных архитектурных форм и при строительстве загородных царских резиденций первых Романовых. Впоследствии стены с зубцами и башни под конусовидными или многоярусными завершениями становятся своеобразным архитектурным шаблоном, интерпретированным образом Московского кремля XVII в.

Московский кремль стал одним из символов России, своеобразным паттерном национальной идентичности, что и объясняет тиражирование этого образа в среде российских городов. Повторения отдельных сооружений Московского кремля, деталей зубцов и башен, реализованные в российских крепостях и монастырских комплексах, сделали этот символ понятным и читаемым. С учетом важного символического наполнения данного ансамбля, его техническое состояние на протяжении многих лет визуально остается близким к безупречному. Даже утраты, возникающие на протяжении минувших столетий, такие, как разборка части южной стены зодчим Василием Ивановичем Баженовым для строительства Большого Кремлевского дворца либо повреждения в войне 1812 г. – в относительно оперативный срок ликвидируются с тем, чтобы сохранить зафиксированный «исторический» облик Московского кремля, ориентирующий на состояние ансамбля в XVII в.

При этом кремли других русских городов, не имеющие столь четкой ассоциации с верховной властью, уже с XVII в., вместе с утратой оборонительного значения, приходят в состояние романтической руины. Создать условия для использования их историко-культурного потенциала и обеспечить их сохранение – сложная задача, связанная, в первую очередь, с поиском и определением их функционала в настоящий момент.

Во-первых, объекты кремлей имеют большой потенциал в сфере патриотического воспитания и популяризации событий военной истории государства. Кремль, занимающий, как правило, центральную часть города, окаймленный городскими площадями, насыщенный административными зданиями и культурными объектами, с учетом их доступности, по определению обладает высокой способностью репрезентовать собственный историко-культурный потенциал. К примеру, масштабные реставрационные работы на объектах Нижегородского и Новгородского кремлей, начатые после Великой Отечественной войны, позволили представить фортификационные сооружения в качестве зримых символов важных событий российской военной истории, что, кстати, имеет высокую актуальность и в настоящее время. На настоящем этапе аналогичные работы планируется провести на объектах Смоленской крепости.

Во-вторых, кремли выступают символами региональной идентичности. Для крупных региональных центров создание условий для поддержания хорошего состояния кремлевских ансамблей является важной составляющей частью формирования престижа региона. Как известно, «национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием всего человечества» [7, с. 4]. Подобный подход возможно применить и в части регионов крупного государства.

В первую очередь, такие ансамбли ассоциируются с экономическими и культурными успехами региона. К подобным примерам вполне можно отнести Казанский и Тобольский кремли. В данном контексте возможно

также вспомнить пример создания кремлеподобных зданий в Йошкар-Оле. Потребность в презентации региональной идентичности в формате «столичного кремля» была реализована созданием в 2000-х годах нескольких зданий, сформировавших неординарную архитектурную среду, до сих пор вызывающую споры, как в профессиональном сообществе, так и в широкой аудитории. Несмотря на претенциозный характер этого проекта, в определенной степени его можно считать успешным. Город получил яркие архитектурные символы, в некоторой степени вырос туристический поток. Однако непродуманность вопросов содержания и использования построенных объектов, а также полное отсутствие региональной привязки в облике Царевококшайского кремля и Благовещенской башни изначально сделали проект обреченным на неудачу.

В-третьих, кремли могут выступать в качестве объектов культуры и искусства. В российских реалиях такой подход остается реализуемым лишь частично. Близкая концепция реализована в кремлях Рязани, Тулы и Астрахани. При этом немалое количество музеефицированных монастырских ансамблей дает понимание широких возможностей применения этого метода.

Обращение к культурному наследию также является одним из векторов самоотождествления человека с границами историко-культурной реальности [3, с. 6]. Сопричастность определенной эпохе, близость собственных духовных воззрений мировоззрению человека иной эпохи к настоящему моменту является модным явлением, причем в следовании этой моде невозможно обойтись без обращения к объектам культурного наследия как маркерам иных эпох. При закреплении в сознании человека, образы, связанные с объектами культурного наследия, обретают ценностно-смысловую значимость и эмоциональную окраску. При этом в сознании человека данные образы неминуемо «вступают во взаимодействие с границами его идентичности» [3, с. 8]. Объекты культурного наследия выступают некими зримыми символами эпох, верстовыми столбами истории. Как отмечают современные исследователи, «в результате одни грани культуры могут позиционироваться человеком как чуждые или «иные», а другие восприниматься как близкие, сопричастные и в итоге тождественные его идентичности» [3, с. 6].

Культура и искусство составляют фундаментальную основу суверенитета России. «Героические образы России, наше великое историко-культурное наследие запечатлены в памятниках архитектуры, скульптурах, живописи, литературе, кинематографе. Они стали символами национального единства: государственного, народного, религиозного – независимо от времени, призваны воспитывать молодое поколение, чтить память предков и вдохновлять на новые творческие свершения. Чтобы они стали щитом и неодолимой крепостью в противостоянии нации перед лицом разрушительного духовного нашествия, необходимо, прежде всего, домостроительство внутреннее, духовное, культурно-образовательное» [2, с. 352]. Произведения искусства, а также и объекты культурного наследия

являются зримыми символами государственности, истории, военной и трудовой славы страны. Естественно, что использование этих символов обладает в государственном преломлении особой методикой, составляющей значительную часть государственной культурной политики.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. и общ. ред. Н. А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Закунов Ю. А. Символические войны против цивилизационной идентичности России // Русская цивилизация в глобальных конфликтах: исторические уроки и духовные смыслы : сб. материалов науч. конф., организ. Ин-том Наследия и РИИИ под эгидой С.-Петерб. междунар. культур. форума в 2018–2019 гг. М. : Институт Наследия, 2020. С. 255–356.
3. Иконникова С. Н., Леонов И. В. Основные векторы самоотожествлений в формировании культурной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 6–10.
4. Кимеева Т. И. Актуализация художественного наследия коренных малочисленных народов Притомья на основе интерпретации материалов собраний музеев России : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.03. Кемерово, 2019. 500 с.
5. Короткова А. В. Музейные практики США XX–XXI вв.: институциональные аспекты : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 2013. 24 с.
6. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М. : Изд-во МГУ, 1991. 192 с.
7. Лосский Н. О. История русской философии : пер. с англ. М. : Советский писатель», 1991. 480 с.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 703 с.
9. Мишуrowsкая О. С. Музей как семиотический феномен : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Мурманск, 2012. 22 с.
10. Никонорова Е. В. Культура и устойчивое развитие: основания взаимовлияния и контуры интеграции // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 6. С. 644–651.
11. Сеношкина Т. А. Кризис идентичности и цивилизационное наследие Православной культуры // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития: Коллективная монография по материалам Юбилейных международных Панаринских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А. С. Панарина / отв. ред. В. Н. Расторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия им. Д. С. Лихачева (Ин-т Наследия) ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филос. ф-т. М. : Институт Наследия, 2016. С. 173–182.
12. Шелегина, О. Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 24.00.03. Томск, 2012. 54 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. 637 с.

Идеология сепаратных сфер как фактор гендерной дискриминации

Рассматривается разделение публичной и приватной сфер, произошедшее в обществах Нового времени в результате процессов индустриализации и урбанизации. Анализируются гендерные стереотипы в структуре социального воспроизводства, факторы гендерного противостояния и ущемления.

Ключевые слова: приватность, публичность, гендерные стереотипы, природный порядок, Новое время

L. V. Chesnokova, Omsk

Ideology of Separate Spheres as a Factor of Gender Discrimination

The article examines the division of the public and private spheres that occurred in the societies of Modernity as a result of the processes of industrialization and urbanization. Gender stereotypes in the structure of social reproduction are analyzed, factors of gender confrontation and oppression are analyzed.

Keywords: privacy, publicity, gender stereotypes, natural order, modernity.

Современная социально-культурная традиция разделяет бытие человека на две отличные друг от друга, но тесно связанные между собой сферы: публичную и приватную. Основопологающее различие между публичной и приватной областями заключается в том, что публичное пространство подразумевает свободный доступ для всех желающих, а приватное пространство предназначено для узкого круга лиц, в первую очередь, близких родственников и друзей. «В современных обществах приватное охватывает все жизненные сферы индивида, которые, будучи тайными или скрытыми, защищены от внешнего вмешательства и контроля как отграниченное от внешнего мира внутреннее пространство, где царят интимность и эмоциональность» [9, с. 11]. Напротив, публичная сфера связана с открытостью, прозрачностью, конкуренцией во внешнем мире, необходимостью играть определенную социальную роль.

Хотя история разделения этих двух сфер восходит еще к античному разграничению полиса и ойкоса, политической и домашней жизни, однако окончательно укрепилась эта дихотомия в западноевропейском обществе Нового времени. Это период формирования буржуазии как господствующего общественного класса, чьи идеалы и представления оказывали влияние на все слои общества. Особенностью нового класса было сочетание материального благосостояния и образованности. Именно в буржуазной среде разделение приватного и публичного пространства получило наибольшее развитие. «Банкиры, купцы, чиновники, учителя, судьи и пасторы, т. е. люди с разнообразными формами дохода и работы имели одно общее: они все сильнее отделяли свою бытовую жизнь от места, где получают заработанные деньги, постепенно формируя сферу частной жизни... Общим для всех было желание держать своих жен и детей в стороне от труда на производстве» [2, с. 124].

Если ранее в традиционном обществе производство продуктов питания, обеспечение дома, изготовление и починка одежды относились к труду, которым занимались и мужчины, и женщины, то в ходе модернизации возникла модель занятой исключительно своим домом домохозяйки, не принимающей участия в продуктивной деятельности. В результате процессов урбанизации и индустриализации происходит разделение мира семьи и мира работы. В обществе Нового времени трудовая самоидентификация имеет большое значение. Выбор профессии становится частью личной идентичности. Публичная деятельность воспринимается как сфера самореализации и одновременно место жесткой конкурентной борьбы. Если частный мир основывается на отношениях любви и заботы, то взаимодействие в публичной сфере характеризуется рациональным деловым подходом.

В связи с этим особое значение приобретает дом и семья как гавань покоя, где можно отдохнуть от тревог и борьбы. Дом – место физической и психологической регенерации. В Новое время «вместе с ростом общественного контроля, требующего подавлять собственные желания, усиливается потребность в личном пространстве как своего рода отдушине, где царят мир и семейная гармония без конфликтов, без угроз и напряжения. Свой дом как частное пространство противопоставляется отчуждению, спешке и эксплуатации эпохи модерна» [5, с. 47]. Это была сфера деятельности женщины, которой приписывались определенные психологические черты: заботливость, участие и повышенная эмоциональность как противоположность мужской рациональности и соревновательности.

Буржуазная семья кажется основанной на взаимном уважении и любви. Однако, по мнению Ю. Хабермаса, «семья не существует без принуждения, которому подчинено буржуазное общество, как и любое другое до него. Она играет особую роль в процессе движения капитала. Она гарантирует в качестве генеалогической связи личную преемственность, которая заключается в аккумуляции капитала и зиждется на наследовании собственности. Под видом свободы, она следует строгому воспроизводству общественных требований» [8, с. 111]. В семье воспроизводится зависимость жены и детей от отца семейства.

Если буржуазный мужчина понимался как автономный рациональный индивид, действующий в публичной сфере на равных с такими же рациональными и автономными индивидами, то женщина была ответственна за обустройство частной сферы и отношений. Отношения, в которых «женщины не были независимыми и самостоятельно определяющими свою жизнь; их бытие характеризовалось естественной подчиненностью мужу, который имел статус *pater familias* и, исходя из него, отвечал за отношения с миром» [10, с. 24], воспринимались как естественные.

Особенностью разделения публичной и частной областей жизни является их гендерная привязка, так называемая идеология «сепаратных сфер» с четкими границами между ними. Публичное и частное соответствовали разделению на мужскую и женскую природу. Теперь публич-

ность считается исключительно доменом мужчины, а приватность – единственной сферой деятельности женщины. Основывается такое разделение на стереотипах об особенностях характеров обоих полов. Гендерный характер понимался как сущностный признак, основывающийся на биологической природе. Мужчина считался храбрым, сильным, рациональным, предназначенным для борьбы и труда, а женщина – мягкой, пассивной, эмоциональной, по своей натуре предназначенной для ведения дома и воспитания детей.

Этот набор убеждений, получивший окончательное оформление в эпоху индустриального общества, был очень популярен среди ученых и писателей рубежа XVIII–XIX вв. Бесспорным казалось, что женская природа базируется на эмоциях, мужская – на разуме. Отношения полов и гендерное распределение труда понимались как естественные и тем самым как некая неизменная природная данность, недоступная критике. Женщина в таких представлениях предстает «как изнанка мужчины. Ее идентифицируют с точки зрения сексуальной, телесной, тогда как мужчину – с точки зрения ума и энергии... Женская мускулатура менее развита. Сочетание физической и интеллектуальной слабости с высокой эмоциональностью идеально для воспитания детей» [4, с. 48].

Как результат возникла идеология, которая считает женщин «способными к работе, но по определению не доросшими до мира производительного труда. Они предопределены для обустройства частного, ответственны за семейную работу, эмоциональность и теоретически и практически исключены из политического и экономического мира» [10, с. 12]. Вместе с формулировкой этой идеологической модели произошло окончательное закрепление гендерных ролей. Теперь женщине было более или менее эксплицитно предписано «определенная природой» роль в домохозяйстве, мужчине же приписывались публичные, политические функции. Это был очень жесткий стереотип, апеллирующий к морали и исторической традиции. Вместе с гендерной принадлежностью «даются основания для определенной социализации: субъект должен был вести себя в соответствии с предписанной ему ролью» [7, с. 59]. Такое гендерно специфическое разделение труда оценивается как естественные отношения, так что любое отклонение от этой модели считается нарушением, направленным против самой природы.

Эта идеология оказала огромное влияние на поведение обоих полов, поскольку, если соответствие норме, ожидаемое поведение индивида вознаграждается, то любое отклонение от социальных стандартов вызывает подозрения и санкционируется. Гендерным характерам и ролям приписывались конкретные свойства и задачи. Эта модель отношений была влиятельным идеалом, который понимался как природный порядок.

Согласно этим представлениям, дом и семья должны быть полностью отделены от экономики и политики. Приватная сфера семейных отношений – это домен женщины, поскольку здесь отсутствует мужская агрессия

сивность и установка на соревновательность. «Осуществление заботы в семьях должно быть передано женщинам, потому что жесткая и безличная публичная сфера является неподходящей для осуществления заботы» [6, с. 8]. Считалось, что по природе женщина присущи смирение и альтруизм, готовность пожертвовать собой во имя интересов семьи. «Утверждается, что женщина чище мужчины, религиознее, альтруистичнее. Женщины объявляются благородной частью человечества, чье назначение – возвышать чувства мужчин и вдохновлять их на высокие свершения. Феминизация совершенства в конце XVIII – начале XIX в. была своего рода компенсацией за помещение женщины в частную сферу. Культ женской святости включается в аргументацию против эмансипации: женщина потому совершенна, что укрыта от злобных сил публичной жизни. Святыня – это домашний очаг, и, чтобы не потерять совершенства, женщине следует оставаться в частной сфере» [3, с. 108–109].

В семье осуществляется уход и забота за членами семьи – как физическая, так и эмоциональная. И в наше время женщины выполняют большинство работы в сфере ухода. Считается, что женщины делают ее потому, что она присуща им как матерям, женам и дочерям, подобно тому, как добывание пропитания естественно присуще мужчинам как отцам и мужьям. «Люди склонны понимать заботу как часть женской биологической природы или как фундаментальную черту, которая связана с репродуктивной ролью. Они не видят осуществление заботы как некий тренируемый навык, которому следует обучаться на практике. Более того, подобного рода деятельность понимается как забота потому, что женщины выполняют ее» [6, с. 3].

В этой модели мужская деятельность связывается с рациональным, т. е. культурным и цивилизованным, а женская – с иррациональным, т. е. с природным и потому менее значимым. Следствием подобных стереотипов является обесценивание этой деятельности. Хотя, с одной стороны, люди ищут заботы и любви, идеология и массовая культура прославляет семейные ценности, в то же время происходит обесценивание деятельности в частной сфере. Домашний труд и воспитание детей, как правило, вообще не считаются трудом. К неоплачиваемой семейной работе по уходу за детьми или престарелыми и больными родственниками зачастую относятся пренебрежительно и игнорируют ее. Если уход и забота – это естественная, инстинктивная склонность женщины, то этому не нужно дополнительно учиться. Поэтому существует стереотип о том, что, люди, работающие в сфере ухода, например, няни и сиделки, являются малообразованными. Отсюда естественной кажется низкая оплата их труда и недостаток уважения к таким профессиям в обществе. По мнению Ф. М. Кансиан и С. Дж. Оликер, «обесценивание или отсутствие поддержки для семейной заботы имеет негативные следствия для женских доходов, времени для досуга и самочувствия.... Обесценивание заботы связано с обесцениванием женщин... Паттерны осуществления заботы связаны с неравным распределением власти, престижа и материальных ресурсов» [6, с. 10].

В эпоху Нового времени любая деятельность женщин в сфере материального производства отрицалась. Поначалу, как указывают исторические исследования буржуазной семьи, мир политики и экономики стал пониматься как исключительно мужской мир, в то время как женщине было указано на семью как единственную сферу ее деятельности. В дальнейшем «концентрация на оплачиваемом, т. е. производительном труде как исходном пункте общественной жизни имела следствием обесценивание всей неоплачиваемой работы. Труд женщины в домашней сфере превратился, таким образом, в «обязанность любви», который в определенном смысле важен и всем необходим, однако его общественное значение остается незначительным» [10, с. 53].

Мужчина теперь понимался как единственный кормилец в семье. «Претензии мужчины на власть объективно основывались на труде вне дома и профессиональной квалификации как предпосылке его успеха. Домашний труд, впервые ставший чисто женским, утратил свой производительный характер, все больше становясь работой по воспроизводству» [2, с. 133]. В то время как производительный труд давал деньги, самоуважение, социальное признание и связи, он воспринимается как деятельность первого сорта. Приватная сфера как обслуживание первой понималась как вторичная. Труд по ее поддержанию систематически обесценивался, поскольку он производился как бы без усилий, основываясь исключительно на природных склонностях.

Как отмечает Т. Веблен, согласно буржуазному кодексу благопристойности, женщина из обеспеченных кругов не должна была заниматься чем-то приносящим прибыль. Ее силы и время должны были тратиться в актах демонстративной праздности, вроде визитов, клубов, кружков кройки и шитья, участия в благотворительных организациях и прочих развлечениях, не приносящих никакой практической пользы. Мужчина из среднего класса зарабатывал на жизнь, в то время как его жена должна была поддерживать его репутацию с помощью актов показательной праздности и потребления. «Мужчина с величайшим усердием предается работе с тем, чтобы его жена могла в должном виде представлять за него ту меру праздности, которой требует общепринятый здравый смысл» [1, с. 118].

Хотя возможность не работать была лишь у представительниц привилегированных классов, все женщины были в идеологическом смысле исключены из сферы производительного труда. Их вклад в производственную деятельность почти не принимался во внимание или воспринимался как внушающая сожаление необходимость. Та работа, которую выполняли как нечто само собой разумеющееся женщины в традиционных обществах, впоследствии была вытеснена из общественного сознания.

Эти стереотипы, связанные с идеологией сепаратных сфер, критикуются феминистской повесткой, которая выступает против интерпретации термина приватного пространства как исключительно женской сферы и гендерно специфического распределения труда в обществе. Представления

о том, что для женщины «по природе» присуща лишь область частного, репродуктивный труд и личные отношения в то время, как мужчина может ангажировать себя в области публичного, политики и экономики, приводит к сокращению поля деятельности для женщин. С исключением из общественной жизни, а также из сферы производительного труда вытекает невозможность принимать решения касательно собственной жизни. Следствием этого являются различные проявления гендерного неравенства: насилие, бедность, трудовая дискриминация и т. п.

Согласно современным представлениям, частное пространство должно быть только сферой деятельности не только женщин, но и мужчин, а государство и общество должны в большей степени поддерживать семейный труд. С подобным подходом должно быть преодолено старое разделение сепаратных сфер, ведущее к социальной дезинтеграции. Это означает, что, если мужчины и женщины действительно должны обладать одинаковой индивидуальной свободой, это требует новой организации и нового разделения труда как в публичной, так и в частной сфере.

В настоящее время в развитых странах социальные стереотипы претерпели изменения: профессиональная занятость женщин сегодня воспринимается как норма. Происходит отказ от патриархальной семейной структуры; технический прогресс позволил облегчить домашний труд, существует социальная поддержка материнства и детства. Однако эти факторы хотя и сгладили остроту конфликта, но полностью не решили проблемы справедливости и равенства в частной сфере. Несмотря на широкое внедрение бытовой техники, повысились стандарты труда в частной сфере: требования к чистоте одежды и помещения, к образованию и воспитанию детей и т. п.

Кроме того, старые стереотипы не исчезли. В традиционном восприятии женщинам сейчас, как и раньше, указывается роль хранительницы очага с относящимися сюда коннотациями заботящейся, кормящей, иррациональной и т. п. Это вносит существенный вклад в воспроизводство традиционного гендерного порядка. Несправедливое разделение труда в частной сфере приводит к меньшему количеству времени, которая женщина могла бы посвятить отдыху и саморазвитию. Следовательно, подобные стереотипы негативно сказываются на ее профессиональной и публичной деятельности. И сегодня домашняя работа, воспитание детей воспринимаются как занятия, имеющие более низкий общественный статус, нежели профессиональная деятельность. Дихотомия между публичным и частным, одновременно означающая разделение между гендерными ролями, до сих пор продолжает влиять на общественное сознание.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
2. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М. : Владос, 1997. 304 с.

3. Рябов О. В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново : «Юнона», 1999. 360 с.
4. Хант Л. Французская революция и частная жизнь // История частной жизни / под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М. : Новое литературное обозрение, 2018. Т. 4: От Великой французской революции до I мировой войны. С. 20–50.
5. Чеснокова Л. В. Сферы приватного и публичного как дихотомия природы и культуры // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2018. № 2(19). С. 44–47.
6. Cancian F. M., Olikier S. J. *Caring and Gender*. Walnut Creek: Rowman & Little field Publishers Inc, 2000. 183 p.
7. Gather C. Zu einigen Begrifflichkeiten: Geschlechterrollen und Weiblichkeitsmythen // Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppatsch). Wiesbaden : Springer, 2011. S. 53–69.
8. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Fr. a. M. : Suhrkamp Verlag, 2015. 391 S.
9. Hahn K., Koppatsch C. Zur Soziologie des Privaten. Einleitung // Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppatsch). Wiesbaden : Springer, 2011. S. 7–16.
10. Ritter M. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. 139 s.

УДК 304.44
ББК 74.2

О. Н. Пряжникова, *Москва*

Экологическое гражданство как фактор устойчивого развития общества: теоретические и практические аспекты

В статье раскрывается содержание концепции экологического гражданства. Обосновывается значимость экологического гражданства для создания условий более устойчивого развития общества, которые достигаются благодаря изменению ценностных установок, убеждений, поведения людей и развитию навыков коллективного действия.

Ключевые слова: экологическое гражданство, охрана окружающей среды, система образования, проэкологическое поведение, экологическая солидарность.

O. N. Pryazhnikova, *Moscow*

Environmental citizenship as a factor of sustainable development of society: theoretical and practical aspects

The article reviews the content of the concept of environmental citizenship. It highlights the role of environmental citizenship in creating conditions for more sustainable development of society, which are achieved due to changes in value attitudes, beliefs, human behavior and the development of collective action skills.

Keywords: environmental citizenship, environment protection, education system, pro-ecological behaviour, ecological solidarity.

Гражданство как концепция развивались в процессе эволюции общества в различном историческом, философском и культурном контексте. В современном обществе гражданство принято рассматривать в трех измерениях: гражданский статус, права гражданина и его идентичность. Текущие тенденции развития и практической реализации идеи гражданства, обусловленные этнической плюрализацией граждан во многих странах мира, либерализацией доступа к получению гражданства и росту значения

гарантий прав меньшинств, повышают актуальность поиска новых форм единства и интеграции общества.

Современный контекст развития общества во многом определяется обостряющимся экологическим кризисом, в условиях которого все острее встает необходимость в солидарной деятельности людей с целью осуществления социально-экономических, культурологических, а также политических изменений в обществе, призванных остановить разрушение окружающей среды. Для решения проблемы сохранения экологического равновесия требуется не только научное понимание вопросов охраны природы, но и ценностных установок разных акторов на уровне сообществ, а также их способность к коллективному действию. Феномен солидарного участия людей в деле сохранения экологического равновесия нашел свое отражение в формирующейся концепции экологического гражданства.

Согласно определению одного из основоположников теории экологического гражданства А. Добсона оно означает проэкологическое поведение граждан как в общественных местах, так и в частных пространствах, мотивированное представлениями о справедливом распределении экологических благ. Кроме того, экологическое гражданство предполагает совместное участие граждан в выработке политики и продвижении ценностей устойчивого развития. Таким образом, экологическое гражданство представляет собой путь к новой экономике и новому обществу, целью которого является устойчивое развитие и сохранение окружающей среды [4].

К. Мело-Эскриуэла предлагает рассматривать экологическое гражданство в двух ракурсах. Во-первых, как принятые на себя гражданином личные обязательства, отражающиеся на образе жизни. Во-вторых, с точки зрения «права на участие», понятие которого сформулировано в рамках либеральной и республиканской политических теорий. При этом либеральный подход делает акцент на важность индивидуальной ответственности граждан и реализацию прав на получение экологических благ. В то время как республиканская теория делает упор на реализацию права участия в принятии решений, гражданское действие и общественное обсуждение, а также приверженность общему благу [5].

Кроме того, существует ряд других подходов к рассмотрению понятия экологического гражданства, сформулированных в рамках концепций феминизма, мультикультурализма, а также космополитизма и неолиберализма. Теория мультикультурализма добавляет к политическому дискурсу экологического гражданства категорию универсализма; неолиберальная и космополитическая теории подчеркивают глобальные взаимосвязи процессов продвижения ценностей экологического гражданства. При этом в рамках неолиберального подхода граждане воспринимаются, прежде всего, в качестве потребителей, вследствие чего экологическое гражданство рассматривается здесь через призму концепций устойчивого потребления и зеленого консьюмеризма [1].

В настоящее время в ряде стран мира концепцию экологического гражданства начинают интегрировать в обучающие практики в том числе на уровне системы формального образования. В процессе переосмысления теоретических основ экологического гражданства с целью его концептуализации для интеграции в сферу образования исследователи «Европейской сети экологического гражданства» уточнили несколько релевантных определений. Так, экологически ориентированный гражданин описывается как гражданин, имеющий последовательную и адекватную совокупность знаний, навыков, ценностей, взглядов и компетенций, дающих ему возможность участвовать в жизни общества в качестве проводника перемен, нацеленных на защиту окружающей среды [1]. Таким образом, воспитание экологического гражданства можно воспринимать как вид образования, который развивает последовательные и адекватные знания, навыки, ценности, взгляды и компетенции, которыми должен обладать экологически ориентированный гражданин, чтобы иметь возможность участвовать в жизни общества в качестве агента проэкологических изменений.

В связи с этим в качестве целей воспитания экологического гражданства можно выделить изменение поведения индивида и развитие у него навыков участия в экологически ответственных действиях. Очевидно, что достижение данных целей предполагает параллельное развитие у учащихся как когнитивных способностей (аккумуляция знаний, понимание, мышление и т. д.), так и навыков, обусловленных ценностными установками, убеждениями, отношениями с другими членами общества, способностью принятия на себя ответственности. Особое внимание требует развитие тех компонентов личности, которые позволяют претворить полученные знания в конкретные действия в сотрудничестве с другими людьми.

Образование, направленное на формирование экологического гражданства, предполагает понимание учащимися определенных философских и культурных принципов, лежащих в основе взаимодействия человека и природы. Например, это может быть уважение к другим биологическим видам, признание наличия у них определенных прав, этика вмешательства человека в природные процессы [1, р. 24]. При этом важнейшей задачей образования в сфере экологического гражданства является рост осведомленности человека о его экологическом следе (воздействии его деятельности на экологическое равновесие).

Важным элементом воспитания экологического гражданства должна стать ориентация на практические действия и получение практического опыта осуществления изменений, что дает возможность испытать эмоциональную вовлеченность в коллективные действия. Кроме того, ввиду особой роли, которую играют социальные нормы при формировании или изменении проэкологического поведения, актуальность приобретают воспитательные мероприятия, предполагающие участие в экологических программах и проектах по охране окружающей среды на уровне местных сообществ.

Формирование экологического гражданства возможно и необходимо осуществлять не только в рамках дисциплин, в сфере экологии, но и в тех,

которые расширяют знания экономических и социальных аспектов жизни общества. Междисциплинарный характер воспитания экологического гражданства может способствовать формированию гражданских навыков учащихся, дающих им возможность исследовать социальные явления, участвовать в решении актуальных проблем на уровне местного сообщества.

Воспитание экологического гражданства может создать условия для формирования устойчивой эмоциональной связи индивида с локальной природной средой – городской или сельской экосистемой. Кроме того, конкретные практики воспитания экологического гражданства могут дать учащимся возможность получить положительный опыт решения различных экологических проблем на уровне сообщества, например, в виде написания обращения в местный орган власти или участия в кампании по защите локальной окружающей среды. На индивидуальном уровне индивид учится реализации навыков экологически ориентированного поведения, например, сортировке отходов для последующей переработки, «зеленому» потреблению.

В целом при формировании образовательных практик, направленных на воспитание экологического гражданства, европейские специалисты [3] в сфере образования экологического гражданства рекомендуют включать в образовательные процессы следующие основные задачи.

Во-первых, воспитание качеств, позволяющих учащимся стать агентами изменений, а именно способность инициировать изменения, принимать участие в выработке коллективных решений и выступать в качестве наставников в сфере проэкологического поведения для других членов общества.

Во-вторых, владение знаниями, дающими возможность решать существующие экологические проблемы и предотвращать новые.

В-третьих, приверженность принципам устойчивого развития, которое способно удовлетворять потребности нынешних поколений, не ставя под угрозу благосостояние будущих.

В-четвертых, создание «здоровых» отношений с природой, предполагающих осознание своей зависимости от окружающей среды и собственное влияние на ее устойчивость.

В-пятых, знание и осуществление своих экологических прав и обязанностей, как на персональном уровне, так и на уровне сообщества и на государственном уровне.

Таким образом, предполагается, что в результате формирования у индивида экологического гражданства он овладевает компетенциями, позволяющими ему исследовать, распознавать и изменять структурные причины экологических проблем: несовершенство экономической системы, нарушения экологического законодательства, отсутствие эффективных регулирующих структур, коррупцию. Для реализации данных способностей важно наличие у индивида навыков гражданского участия в процессах принятия значимых для общества решений (индивидуально и коллективно).

В целом формирование в обществе экологического гражданства должно наделять людей знаниями в сфере экологии, навыками анализа информации и использования социальных механизмов для выработки и реализации эффективной политики охраны окружающей среды. Кроме того, феномен экологического гражданства создает условия для возникновения и укрепления в обществе так называемой экологической солидарности, когда члены сообщества объединяются вокруг общей цели защиты природы и осознают свои общие интересы и общую ответственность [2]. Даже в условиях общества, где присутствуют значительные социальные контрасты, вокруг задач охраны окружающей среды объединяются большие группы людей и в ходе совместной деятельности реализуют требования локального сообщества, давая возможность всем членам сообщества почувствовать себя причастными общему делу.

Таким образом, включение задачи формирования экологического гражданства в образовательную политику и/или политику охраны окружающей среды могло бы стать шагом к укреплению связей между людьми на основе осознания общих интересов и целей по сохранению экосистемы. Рост осознания людьми моральных обязательств и ответственности перед другими членами общества и будущими поколениями послужит углублению взаимосвязей социальной и экологической среды. Кроме того, эта концепция предполагает налаживание механизмов совместной выработки экологической политики и распределение ответственности за ее реализацию благодаря сотрудничеству органов власти и граждан.

Список литературы

1. Conceptualizing environmental citizenship for 21st century education / ed. by A. Ch. Hadjichambis, P. Reis, D. Paraskeva-Hadjichambi, J. Činčera, J. Bovee-de Pauw, N. Gericke, M. - Ch. Knippels. Cham: Springer, 2020. xiii, 261 p.
2. Ecological solidarity as a conceptual tool for rethinking ecological and social interdependence in conservation policy for protected areas and their surrounding landscape / J. D. Thompson, R. Mathevet, O. Delanoë, Ch. Gil-Fourrier, M. Bonnin, M. Cheylan // *Comptes rendus biologies*. 2011. Vol. 334. Is. 5–6. P. 412–419. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/comptes-rendus-biologies/vol/334/issue/5> (дата обращения: 12.12.2020).
3. Education for environmental citizenship in focus: A booklet for teachers with practical ideas for implementation of education for environmental citizenship. Lemesos: European network for environmental citizenship, 2019. 26 p.
4. Environmental citizenship / ed. by A. Dobson, D. Bell. MIT Press, 2005. 304 p.
5. Melo-Escrihuela C. Promoting ecological citizenship: rights, duties and political agency // *ACME: An international journal for critical geographies*. 2008. Vol. 7, N 2. P. 113–134.

Источники идеологии современного консервативного охранительного патриотизма

В статье анализируется содержание и приводится характеристика идеологии современного консервативного охранительного патриотизма в России, его источников формирования и примеры применения механизмов охранительного патриотизма при реализации властных решений на практике. Оценивается роль современного патриотизма в процессе создания современной национальной идеологии.

Ключевые слова: патриотизм, идеология, общество, консерватизм, система, источники, идеи.

R. V. Ivanov, *Irkutsk*

Sources of modern ideology conservative protective patriotism

The article analyzes the content and characterizes the ideology of modern conservative protective patriotism in Russia, its sources of formation, and examples of the use of protective patriotism mechanisms in the implementation of power decisions in practice. The author evaluates the role of modern patriotism in the process of creating a modern national ideology.

Keywords: patriotism, ideology, society, conservatism, system, sources, ideas.

Основа российской идеи патриотизма является не только результатом развития русской цивилизации и народной веры, но также и итогом процесса национального возрождения отечественной культуры, религии и идеи централизованной власти. Изначально устойчивость и способность к воспроизводству русской национальной идеи напрямую связана с ее естественной природой. «...Выдвижение российской национальной идеи, отражающей особенности национального мировосприятия, отвечающей потребностям нации и государства, требованиям развития правовой сферы российского государства, выступает одним из условий собственной этнической самобытности, уникальности собственной культурной модели, языка и мироощущения, закрепленного в этнической языковой системе» [9, с. 155].

Источниками общественной и политической активности в XX веке становилась идеология, абсолютная вера в политического лидера и культ личности в государственном масштабе. Вопрос о том, какие существуют эффективные источники воспитания активной части современного общества в России, рассматривается в современных социологических, политологических и философских отечественных исследовательских трудах: «...многие ученые считают, что чувство патриотизма основано на идентификации с образом данной страны, с ее народом, ее культурой, религией (Н. С. Мухаметшина, А. В. Кузнецова, У. А. Кублицкая, А. Н. Малинкин и др.)» [8, с. 233]. Современное смысловое наполнение идеи патриотизма на государственном уровне напрямую связано с понятием толерантности. «...Нас все время призывают быть толерантными и терпимыми. Но сегодня толерантность стала означать размытие ценностей, утрату своей идентичности. Толерантность прикрывает собой, во-первых, личную безыдей-

ность и пустоту, а во-вторых, часто служит оправданием всевозможных извращений и нетрадиционности» [3, с. 20].

Депрессивный характер российского общества в целом является результатом влияния ряда факторов, таких как экономические санкции с 2014 г., падение цен на нефтепродукты, снижение курса российской валюты и всеобщая эпидемиологическая опасность. «...Современное российское общество имеет широкий спектр проблем, еще не разрешенных в полной мере, что негативно сказывается на условиях формирования социального сознания и определяет высокий уровень подверженности его основных структурных элементов внешним воздействиям» [1, с. 60]. Названные факторы способствовали обострению серьезных социально-экономических проблем: кризису российской экономики, постоянному удорожанию жизни в стране, повышению цен, падению уровня и качества жизни населения страны в целом.

За прошедший период с 2014 до 2020 г. в Российской Федерации сформирована функциональная система социального контроля, идеологически оформленная как консервативный охранительный патриотизм, на основе создания административной системы федеральных органов власти. «...Уровень современного патриотизма в обществе после референдума и бескровного присоединения Крыма можно рассматривать как результат допинговых мероприятий политической власти по популяризации патриотического образа Крыма» [2, с. 208].

В качестве источника формирования такой системы социального контроля на наш взгляд можно рассматривать государственную идею «охранительного имперского патриотизма», созданную в дореволюционной Российской империи. Идеи консерватизма на государственном уровне в России развивались с XVIII в.: «Н. М. Карамзин и Ф. В. Ростопчин выступали за сохранение традиционной иерархии общества, считая дворянство опорой трона и государства; были решительными противниками отмены крепостного права, видя в этом предпосылку грандиозной социально-политической катастрофы; для них были неприемлемы революции и любые реформы, подрывающие Традицию. Административный опыт Ростопчина в 1812 году способствовал тому, что за ним закрепилась репутация “ловкого” или “зарвавшегося” патриота» [7, с. 77–78].

В современной России подобный образ ловкого и зарвавшегося патриота имеет свое продолжение в деятельности губернаторов и лидеров современных общественно-политических движений. Проявление консервативного патриотизма в современной России также связано с консервативным характером пенсионной, налоговой и конституционной реформ 2018–2020 гг. Результатом их проведения стал ряд протестных движений, антиправительственных выступлений и демонстраций, продолжающихся регулярно с 2018 г. до настоящего времени. «Повышение возможности роста опасных состояний социально-политической и экономической систем современной России привело к ответной реакции со стороны обще-

ства и политической элиты, что выразилось в существенном росте значения «охранительных» концепций и идей развития страны, а также их практической реализации» [6, с. 23–24].

Во все периоды, связанные в России с обострением социально-политической ситуации в русском обществе, молодежь являлась движущей силой и так называемой лакмусовой бумагой в процессе реакции на решения государственной власти. Следует отметить, говоря о характеристике современного мировоззрения молодежи и уровне патриотизма, что «...большая часть молодежи достаточно инертна и не готова бороться за свои права в общественно-политических организациях. Они не готовы нарушать закон, но и активно отстаивать его интересы также не рвутся... Из допустимых методов политической борьбы все молодые люди указывали на словесные и легальные методы борьбы. Это указывает на их сложившуюся систему ценностей и мировоззрения» [4, с. 134].

Влияние государственной власти на утверждение патриотизма в сознании граждан оценивается в последние годы самими представителями руководства страны. «В послании президента РФ Федеральному собранию в 2016 г. указано, что главные проблемы государственного строительства – «это низкая эффективность государственной власти и коррупция». Патриотизм, «ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, – подчеркнул Президент, – а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкальывает» во имя страны, города, региона, поселка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение» [5, с. 63]. В послании президента подчеркивается важность открытости власти, ее доступности для гражданского населения, как основы для укрепления общественной морали, консолидации и гражданского общества. Или же это может отражаться и в иррациональных образах и стратегиях, возникающих в общественном сознании [10–13].

С точки зрения президента формирование механизмов прозрачности власти должно способствовать повышению авторитета государственной власти. Если рассматривать обращения президента к Федеральному собранию, Прямую линию с президентом и личное участие президента во всех социально значимых событиях в течение календарного года (праздниках, форумах и официальных ежегодных мероприятиях) в качестве действующих механизмов повышения уровня прозрачности власти. Также можно сделать вывод о постоянном наращивании мер по искусственному стимулированию и развитию идеи патриотизма на государственной основе.

Охранительная направленность российской идеи патриотизма является его основной функцией, таким образом, сохранение статус-кво государственного политического режима является самоцелью функционирования властных структур. Любые несанкционированные социально значимые выступления расцениваются как прямой вызов власти, примерами, могут служить общественные выступления в августе 2019 г., а также протестное движение в 2011–2013 гг. – все указанные общественные выступления по-

давлились с привлечением силовых структур и длительным тюремным заключением для участников без предъявления обвинений.

Список литературы

1. Асланов Я. А. Патриотическое воспитание современной российской молодежи: теоретико-методологические аспекты исследования и проблемы реализации // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 4 (63). С. 58–71.
2. Иванов Р. В. Популяризация образа Крыма в процессе консолидации российского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 204–208.
3. Иванов Р. В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
4. Иванов Р. В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–136.
5. Козлов Н. Д. Власть и общественность о формировании патриотизма и современная повседневность России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2–2 (14). С. 56–64.
6. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Модернизация политической системы современной России: развитие консервативных и национал-патриотических проектов // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 19–24.
7. Мещерякова А. О. Грани консервативного патриотизма: Н. М. Карамзин и Ф. В. Ростопчин // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 77–78.
8. Науменков С. М. Современные исследования факторов формирования патриотизма личности // Социальная политика и социология. 2013. № 1 (91). С. 233–241.
9. Проколопова А. А., Карасев Р. Е. Национальная идея: какой она должна быть? // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 4. С. 153–167.
10. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
11. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
12. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 245–249.
13. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 328–333.

Этнокультурная идентичность как проблема возрождения консолидирующего субъекта власти в условиях нетократического трансгуманизма

В статье раскрывается проблема идентичности социального субъекта. Рассматривается состояние противостояния между традиционным воображаемым сообществом (субъектом) и толпой массой (объектом). Констатируется, что симулякр умной толпы сегодня затмил привычную преступную толпу. Доказывается, что толпа стала субъектом, объективирующим любого другого социального субъекта, но не в собственных интересах; на должность интегрирующего субъекта власти претендует нетократия с ее идеологией трансгуманизма. Обозначается, что феномен утраты самобытного мышления в условиях господства этой идеологии ведет к тому, что называется господством искусственного интеллекта. Доказывается, что толпо-элитарная модель социальной консолидации репрессирует сегодня в первую очередь философский дискурс этнокультурной идентичности как методологическую альтернативу полисубъектной социальности нетолерантного характера.

Ключевые слова: субъект власти, нетократия, этнокультурная идентичность, критика власти, трансгуманизм, консолидация

A. A. Bobkov, A. I. Bobkov, Irkutsk

Ethnocultural identity as a problem of the revival of the consolidating subject of power in the context of netocratic transhumanism

The problem of the identity of the social subject has already passed into a state of confrontation between the traditional imaginary community (subject) and the crowd-mass (object). The simulacrum of the smart crowd has eclipsed the usual criminal crowd today. The crowd has become a subject, objectifying any other social subject, but not in their own interests. Today netocracy with its ideology of transhumanism claims to be an integrating subject of power. The phenomenon of the loss of original thinking under the dominance of this ideology leads to what is called the dominance of artificial intelligence. The crowd-elite model of social consolidation represses today primarily the philosophical discourse of ethnocultural identity, as a methodological alternative to the polysubject sociality of an intolerant nature.

Keywords: subject of power, netocracy, ethnocultural identity, criticism of power, transhumanism, consolidation

Конец XX в. ознаменовался тем, что индивидуализированное общество и общество симулякра стало реальностью. Уже ни для кого не секрет, что разделять и властвовать теперь можно не только над искусственно сконструированным сообществом, но и над искусственно сконструированным сознанием отдельного индивида. Digital Man сегодня это не только результат третьей промышленной революции, но и индивид осуществляющий четвертую революцию. Каковы будут ее результаты, и что будет с человеком после ее осуществления? Спрогнозировать трудно и легко как ни парадоксально. На сегодняшний день легкость прогноза заключается в том, что предсказуемость оцифрованного кибер-человека проверена ни одним социальным экспериментом. Экспериментом, осуществленным над человеком без его ведома, но при этом с испытанием им невероятного удовольствия, как от процесса эксперимента над ним, так и результата. Ритуалы перехода из одного состояния в другое наименее болезненны в силу их предельной виртуализации. Вот высказывание одного из идеоло-

гов новой революции Рэймонда Курцвейла «Мы будем становиться все более небиологическими существами, пока не дойдем до состояния, когда небиологическая часть станет превалировать, а биологическая потеряет свое значение. При этом небиологическая часть, механическая часть, будет настолько мощной, что она сможет полностью моделировать и понимать биологическую часть. Так что если биологическая часть вдруг исчезнет, это не будет иметь значения, поскольку небиологическая часть уже полностью ее поняла...

У нас будут небиологические тела. Мы сможем создавать тела с помощью нанотехнологий, мы сможем создавать виртуальные тела и виртуальную реальность, которая будет полностью реалистичной благодаря тому, что виртуальные тела будут настолько же детальны и убедительны, как настоящие. Мы сможем выбирать, как нам создавать новые тела...» [Цит. по: 1].

Легкая замена ненужного в организме, конечно, не является столь очевидным результатом перехода, но вот замена сопротивляющегося в сознании и интеллекте человека уже идет полным ходом. И все дело здесь в том, что периодические упражнения в поиске истины путем преобразования мыслящего субъекта, являющиеся смыслом философии и смыслом бытия философа, были вытеснены инженером и программистом на периферию человеческого бытия. Бред по поводу искусственного интеллекта уже подтверждает, а не опровергает истину социальной философии, гласящую, что «Все, во что верит общество, есть социальный факт». Сегодня вопрос об искусственном интеллекте это социальный факт и образование, уповающее на креативное мышление субъекта, как искомую цель должно уступить место тому образованию, когда творческому мышлению можно будет научить абсолютно любого субъекта. Этакое интеллектуальное равенство.

Достижение такого равенства заключается в том, что перемены должны идти столь быстрыми темпами, что любая структура, мешающая им, должна быть расплавлена или уничтожена. Текучесть структуры должна стать наиболее мощным методологическим концептом, позволяющим технократии наконец-то стать безоговорочной меритократией. Не случайно сегодня на слуху, например имя Марка Цукерберга, как одного из основателей сетевого сообщества. Известность технократического характера на сегодняшний день ведет людей к тому, что кибер революция наконец-то устанавливает окончательное превосходство лозунга «Свободы, равенства и братства» над любым другим консолидирующим лозунгом, например над формулой «Православие, самодержавие и народность». Только наполнение смыслом этого лозунга уже не то, что было, скажем в эпоху Просвещения или Великой Французской революции. Если в эпоху Просвещения свобода означала свободу разума от страха перед познанием мира, его целеориентацию на преодоление запретов творческого познания социального, культурного, природного или человеческого бытия, то сегодняшняя кибер-свобода уже давно стремится к тому, чтобы мир виртуального был

создан без познающего субъекта. Был создан роботом, а сообщество успешным программистом. При чем, не на основании творческого воображения, а на основании соединения несоединимого путем коммуникации. Свобода слова в результате кибер – революции превратится в свободу вычисления и снижения разнообразия языка до айтишного сленга.

Равенство в результате революции виртуального ведет к тому, что все имеют возможность доступа к информации, но использование ее для личного роста находится под контролем творцов нового шума, ведущего к известности тех, кто наиболее полно дискредитирует любую традиционную доминанту человеческого свойства. Отменит традиционную дифференциацию, как скажем Коля из Нового Уренгоя. Никакой коллективной идентичности как проблемы и консолидация вокруг тех, кто больше всего посмеет в дискредитации старых ценностей. Новых же ценностей не стоит творить. Ведь уже есть трансгуманизм, позволяющий единомыслие находить через недомыслие. Философия истории вновь пошла в сторону отмены полисубъектной социальности и самобытности в сторону отмены уже социального самосознания. Индивидуальность уже должна быть интегрирована, но в сетевое сообщество, где старое бессетевое поколение пользуется не искусственным интеллектом, а неким иррациональным или рациональным анализом бытия или познающего субъекта или его сознания. Старое поколение мучалось над вопросом, поставленным М. Хайдеггером: «Что значит мыслить?», или над вопросом И. Канта: «Что есть человек?». Сегодня все решилось просто: «Не надо думать с нами тот, кто все за нас решит» (В. С. Высоцкий). Уход от взрослого пользования собственным умом ведет к тому, что называется интеллектуальным равенством сегодня.

И наконец, выход к братству. Успехи генной инженерии уже доказали единое генетическое происхождение человечества. Последствия заключаются в том, что биологический унифицированный материал или человеческий капитал становится совсем не нуждающимся в отождествлении себя с неким социальным субъектом «Мы», ведь «Они» исчезли. Биологизация человеческой идентичности сродни математизации человеческого образования, изгоняющего уникальность человеческого бытия вместе с уникальностью этнокультурного бытия.

В условиях господства нетократии потребуются иное методологическое осмысление феномена социальной консолидации. До сих пор локализация негативных социальных процессов и структур производилась с поздозрением последних в том, что они способны привести к тотальному контролю над поведением и мышлением субъектов, как коллективных, так и индивидуализированных.

Теперь человек согласился на тотальную объективацию и смерть субъекта. Это согласие произошло путем смерти политического в традиционном смысле. Уже отставлены от борьбы за власть и философская, и идеологическая критики власти. Бюрократия уже не правит в силу того, что документооборот перешел в виртуальную реальность, а это уже поле

нетократического субъекта идеологией которого является трансгуманизм согласия на эксперимент не только с телом, но и с сознанием. Бессубъектное отношение между нетократией и объектом, предусматривает отсутствие конфликта по поводу власти и конфликта по поводу обнаружения обмана власти. Демократизм нетократии настолько очевиден, что вопрос об ограблении будущего не стоит. Вещная наполненность будущего настолько лишает субъектности, что вопроса об оклике субъектом субъекта уже не предполагается. Бессубъектная социальность реальна, но каково тем, кто привык к тому, что интерсубъективная реальность создает общество. Общество создается без акцентирования внимания на социальных закономерностях. Они кажутся преодоленными, и политика уже превращается не в поиск наиболее приемлемых решений по сохранению и распределению властных ресурсов, а в симуляцию наличия легкого доступа к ним с любой точки социального пространства. Сакральное знание до этого полагавшееся источником власти на сегодняшний день таковым не является в силу господства иллюзии того, что все неприкосновенное измерено, оцифровано и подчиняется компьютерному числению и контролю.

Концепт «критика власти» может толковаться с одной стороны как выяснение ее возможностей, а с другой как ее порицание с целью исправления. Если первый дискурс носит ярко выраженный кантовский характер, направленный на мышление и познание властвующего субъекта возможностей власти, ее ответственности за исполнение или неисполнение своего долга, как реализации возможностей и наконец, ее суждение о прекрасном, или само проявление прекрасного в ее действиях, направленное на отсутствие надежды, на иное управленческое решение. Если рассмотреть более пристально критику как выяснение возможностей власти, то в первом случае устанавливается возможность нахождения у власти философов, во втором случае святых и в третьем случае художников. Кант однозначно дает понять то, что познающий власть субъект должен менять точку зрения на первоначало архе, он должен не искать его как основу социального, а скорее научиться отделять подлинное знание власти от его симуляции. Подлинное знание в данном случае можно обозначить как выявление социальных закономерностей, которые либо ускорятся в своем очевидном проявлении, либо замедлятся в отношении очевидности. Вообще снять социальные закономерности негативного свойства власть способна или нет. Способна ли она обозначить и полностью одолеть плутократию в себе и заменить ее меритократией. Возможно ли управленческие решения принимать исходя из социальных закономерностей или нет? Эти вопросы задаются тогда, когда вопрос о создании идеала и его достижении подчиняет себе аффект оскорбления идеала действительностью. Иначе обстоит дело тогда, когда аффективное состояние отвергает критикующего субъекта в понимание того, что критика это лишь порицание, но уже не с целью исправления, а с целью уничтожения. Ибо у критикующего вдруг появились

иные возможности принятия управленческих решений в одночасье исправляющих ситуацию.

Получается, что выяснение возможностей власти и потом ее порицание за нереализацию этих возможностей более необходимая критика, нежели простое порицание без всякой оценки ее возможностей. Так или иначе. Но в самой управленческой среде есть и та и другая критика, но вопрос о том, какая из них наиболее учитывается с точки зрения повышения эффективности управления остается весьма актуальной проблемой философии власти, философии управления и социальной философии в целом. Смерть субъекта столь важная для философии постмодерна ведет к тому, что десубъективация организации достигает в условиях текущей современности наиболее полного воплощения. Сообщество власти в условиях современной организации не читается и ответственности за управленческие решения не несет. Вопрос о том, каковы возможности власти не может быть решен, потому что субъект умер.

Определение границ власти и есть определение ее возможностей. Но это же и определение самобытности. Границы самобытности во власти и есть продуктивное расширение ее возможностей.

Столь мощная борьба с тоталитаризмом, ведшаяся всеми западоцентричными интеллектуалами с неподвластными западоцентричной модели идеализации политического, обрела понимание демократии на неуязвимое для стремления к абсолютной власти революционное движение. Эта неуязвимость полагалась объективно наличным этапом эволюции социальной реальности искореняющим нахождение у власти нежелательных социальных общностей имеющих стремление к социальной справедливости направленной на преобразование человеческого мышления, эту самую справедливость производящую. Справедливость теперь обозначается тем, что она инструментальна, а не интеллектуальна. Она есть результат не истории социальной философии, а результат технологического развития. Уровень развития технологии полагается обозначением наличия или отсутствия социальной справедливости. Нетократия не ведет к необходимости обостряющей разум. Свободное время в ее рамках уже настолько подчинено производству ее властных ресурсов, что лишенный их объект власти не желает оставлять их у себя. Он вообще не понимает того, что он может не сделать то, что делает в присутствии нетократического субъекта. Подчиненность с удовольствием. Добровольное рабство с убежденностью того, что свобода творчества реализована во включенности в «текущую современность» (З. Бауман).

Философское осмысление мира привело к тому, что без идентичности человек не чувствует себя в качестве свободного творческого субъекта, причастного к творению социальной культурной и человеческой реальности. Вместе с тем любая идентичность в повседневном сознании и традиционные типы идентичности в первую очередь ассоциируются с отступлением в низкоэнергетические состояния недомыслия, когда стереотипы

прошлого не позволяют говорить от необходимости новых стереотипов восприятия мира. Вместе с тем в социуме симулякра самоактуализация самости должна быть контролируема там, где обозначается самобытность. Иначе возникнет та подлинность и оригинальность, а в пространстве глобального копирования и обмана такое возникновение нежелательно. Оно приводит к свободе путем минования структуры до этого столь успешно навязываемой.

В связи с этим возникают, например два полюса структурной идентичности. Первая структура позволяет другим мыслить за тебя тотально. Затемняя экзистенциальные практики практиками адаптивными. Когда ни человеческого я, ни этнической субъектности нет, ибо нет диалога с тем, что именуется механизмом. Механическая мегамашинная картина буржуазного философского дискурса нового времени инфантильного характера на сегодняшний день позволяет смириться с тем, что мышление другого или других и отсутствие самобытного самостоятельного мышления выступают необходимостью сущностного определения как коллективной, так и индивидуальной идентичности. Чтобы было симулировано мышление нам необходимо, чтобы прошлое обращение к идентичности уже не содержало того удивления, которое может примирить науку и религию, культуру и природу, коллективную и индивидуальную субъектности. Кто-то должен предстать иным, объектным, а не диалогично вопрошающим и метафизичным. Неметафизическая симулятивная идентичность является искомым структурным воплощением локализирующего философского дискурса. Этнос должен быть побежден как субъект, ограниченно терминован и уже только дифференцировать, а не интегрировать и не интегрироваться. Этническая идентичность глобального философского дискурса должна, обязана содержать только конфликтно насильственное содержание человеческой природы.

Отторжение несамобытного мышления, рефлексия, историческая память заставляют осознавать, что уникальность и свободная творческая личность когда-то кем-то были востребованы, другие провоцировали на самостоятельное мышление, а полнота картины мира и полнота человеческой природы умещалась в этническом космосе, где границы самобытности были намечены так, что господство одних не предполагало рабства других. Просвещение этнической культуры происходило через участие в переживании сакрального, ведущего к самобытному самостоятельному мышлению и самоактуализации самости через утверждение того, что было недоступно тем, кто пожелал остаться без критичного понимания самобытности как мышления в первую очередь. Народ мыслит, так как научает мышлению меня, он учит мыслить самобытно.

Возможно ли это на самом деле, ведь мышление удел одиночек, но когда возникает такое мышление? Когда симуляция этнической идентичности ведет к утрате самобытности когнитивной культуры. Подражание и учреждение иных ценностей как ценностей вызывает отторжение, если не

сконструировать этноархаику, как гармонию этнического, ожидавшую оценки великого другого, не демонстрирующего этнических следов своего мышления.

Концепт «критика власти» может толковаться с одной стороны как выяснение ее возможностей, а с другой как ее порицание с целью исправления. Если первый дискурс носит ярко выраженный кантовский характер, направленный на мышление и познание властвующего субъекта возможностей власти, ее ответственности за исполнение или неисполнение своего долга, как реализации возможностей и наконец, ее суждение о прекрасном, или само проявление прекрасного в ее действиях, направленное на отсутствие надежды, на иное управленческое решение. Если рассмотреть более пристально критику как выяснение возможностей власти, то в первом случае устанавливается возможность нахождения у власти философов, во втором случае святых и в третьем случае художников. Кант однозначно дает понять то, что познающий власть субъект должен поменять точку зрения на первоначало архе, он должен не искать его как основу социального, а скорее научиться отделять подлинное знание власти от его симуляции. Подлинное знание в данном случае можно обозначить как выявление социальных закономерностей, которые либо ускорятся в своем очевидном проявлении, либо замедлятся в отношении очевидности. Вообще снять социальные закономерности негативного свойства власть способна или нет. Способна ли она обозначить и полностью одолеть плутократию в себе и заменить ее меритократией. Возможно, ли управленческие решения принимать исходя из социальных закономерностей или нет? Эти вопросы задаются тогда, когда вопрос о создании идеала и его достижении подчиняет себе аффект оскорбления идеала действительностью. Иначе обстоит дело тогда, когда аффективное состояние отвергает критикующего субъекта в понимание того, что критика это лишь порицание, но уже не с целью исправления, а с целью уничтожения. Ибо у критикующего вдруг появились иные возможности принятия управленческих решений в одночасье управляющих ситуацию.

Получается, что выяснение возможностей власти и потом ее порицание за не реализацию этих возможностей более необходимая критика, нежели простое порицание без всякой оценки ее возможностей. Так или иначе. Но в самой управленческой среде есть и та и другая критика, но вопрос о том, какая из них наиболее учитывается с точки зрения повышения эффективности управления остается весьма актуальной проблемой философии власти, философии управления и социальной философии в целом. Смерть субъекта столь важная для философии постмодерна ведет к тому, что десубъективация организации достигает в условиях текущей современности наиболее полного воплощения. Сообщество власти в условиях современной организации не читается и ответственности за управленческие решения не несет. Вопрос о том, каковы возможности власти не может быть решен, потому что субъект умер.

Определение границ власти и есть определение ее возможностей. Но это же и определение самобытности. Границы самобытности во власти и есть продуктивное расширение ее возможностей.

Список литературы

1. Курцвейл Рэймонд. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B2%D0%B5%D0%B9%D0%BB_%D0%A0%D1%8D%D0%B9%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B4 (дата обращения: 30.01.2021).

УДК 316:314.3
ББК С73.22

Е. В. Гольцова, *Иркутск*

Челoveкoразмерность социальной среды региона в аспекте демографического развития

Рассматриваются проблемы несовершенства концепции демографической политики и неэффективности принимаемых экономических мер. Исследуются процессы устойчивой естественной убыли населения России. Проводится анализ основных демографических показателей и тенденций демографических изменений, направленные на поиск причин снижения демографического потенциала, показывают связь демографического поведения населения с качественным изменением жизненных условий, связанных с поселенческой средой. Утверждается, что улучшение поселенческой среды в направлении ее человекoразмерности отражается на социальном самочувствии и демографических установках населения.

Ключевые слова: человекoразмерность, социальная среда, демография, рождаемость, регион.

E. V. Goltcova, *Irkutsk*

Human dimension of the social environment of the region in the aspect of demographic development

Despite the adoption of the concept of demographic policy and the introduction of a number of serious economic measures, a steady natural decline in the population remains in Russia. This poses a serious threat to the development and demographic security not only for individual regions, but also for the entire country. Studies of the main demographic indicators and trends of demographic changes, aimed at finding the reasons for the decline in demographic potential, show the relationship of demographic behavior of the population with a qualitative change in living conditions associated with the settlement environment. The improvement of the settlement environment in the direction of its human dimension is reflected in the social well-being and demographic attitudes of the population.

Keywords: human dimension, social environment, demography, birth rate, region.

Демографическое развитие России и ее регионов является одной из актуальнейших проблем современной науки. Социологи интересуются этой проблемой, прежде всего, в связи с большими вызовами, проявившимися в последние десятилетия и требующими своевременной оценки рисков и факторов, определяющих демографическую ситуацию.

Анализ демографических показателей по регионам России за период с окончания Второй мировой войны до настоящего времени показывает, что во многих регионах естественная убыль населения наблюдается уже с середины-конца 1960-х гг. Максимальная убыль населения России отмечалась в 1995–2005 гг. и имела трехфакторную обусловленность: снижение рождаемости, рост смертности и усиление миграции за пределы страны.

В 2007 г. в России была принята концепция демографической политики и введен ряд серьезных финансовых затратных мер, которые привели к незначительному временному улучшению демографической ситуации примерно в половине регионов страны, и особенно, в столичных городах – Москве и Санкт-Петербурге, где прирост составил 19 820 и 3883 человек соответственно [6, с. 57–58]. Однако общее ухудшение в демографической ситуации в течение последнего десятилетия говорит о том, что принятые государством меры не дали ожидаемого эффекта. Дополнительные патерналистские меры, принятые в начале 2020 г. также пока не возымели должного эффекта, что подтверждается негативными тенденциями демографических показателей за прошедший год. Обещание выплачивать материнский капитал при рождении первого ребенка не привело к росту рождения первенцев. Говорить о том, что депопуляции в России остановлена, преждевременно. Если не учитывать миграционные приросты, то можно зафиксировать на большей части территории России устойчивую убыль населения и констатировать, что демографический кризис стал главным фактором, препятствующим развитию человеческого капитала в России. «Благодаря» хронически низкой рождаемости, высоким миграционным и летальным потерям последних десятилетий, Россия вошла в период крайне негативных изменений возрастного состава, что представляет серьезную угрозу ее устойчивого развития и демографической безопасности.

Сравнительный анализ научных публикаций на демографическую тематику показывает наличие большого количества работ, посвященных изучению динамики численности населения, изменению экономической и социальной структуры, а также качества жизни населения по разным областям и регионам.

Анализ коэффициентов естественного движения населения показывает естественную убыль или снижение прироста населения, как в центральных, так и в восточных регионах. Многие исследования, в том числе, проводившиеся при грантовой поддержке государственных научных фондов, имеют узкую направленность и относятся к отдельным административным образованиям. Обширные исследования и обзоры встречаются достаточно редко. Одна из наиболее весомых публикаций – это статья В. А. Ионцев а и А. Г. Магомедовой «Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионов», в которой, в частности, говорится, что несмотря на некоторое улучшение количественных показателей в области рождаемости и смертности в 2006–2014 гг., в России продолжает наблюдаться режим суженного воспроизводства населения, и демографическая обстановка остается сложной, что подтверждается структурными и качественными негативными изменениями в населении России [7, с. 95].

Также региональные различия в воспроизводстве населения проанализированы в статье В. В. Елизарова «Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное». Автором предпринята попытка прогноза демографического развития страны и отмечено сохранение значительной

дифференциации в показателях воспроизводства населения в ряде российских регионов. В своей статье Елизаров обуславливает необходимость и важность разработки и реализации региональных демографических программ, согласованных с общегосударственной демографической политикой. В прогнозе на ближайшие 15 лет Елизаров предсказывает низкую рождаемость, возобновление убыли населения (депопуляции) и увеличение ее масштабов [6, с. 68] и этот прогноз по прошествии пяти лет уже подтверждается.

Научные дискуссии вокруг основных демографических показателей, отражающих тенденции демографических изменений обычно сопровождаются обсуждением набора факторов, влияющих на изменение демографических характеристик в большей степени. Главными причинами снижения демографического потенциала часто называют бедность и низкую заработную плату, особенно у работников государственных и муниципальных организаций [2, с. 40–41]. Однако в истории страны бедность и низкие доходы населения не всегда сопровождалась снижением рождаемости. Например, В. П. Попов, анализируя рождаемость в беднейшее послевоенное время, отмечал годы роста – 1946, 1948–1949. Рост рождаемости начался сразу после возвращения демобилизованных солдат с войны, но в 1947 г. он резко упал из-за голода. В 1948–1949 гг. рождаемость снова растет, а в 1950 г. отмечается заметное снижение.

По нашему мнению, резкий рост послевоенной рождаемости был связан с большими надеждами населения на улучшение жизни, ожидавшимися после победы в Великой Отечественной войне, а также с планами по возрождению страны, с высоким уровнем оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Снижение рождаемости с 1950 г Попов пытается объяснить увеличением бегства крестьян из деревни в связи с развернувшейся в стране всесоюзной кампанией по укрупнению колхозов [9]. Действительно, деревни начали активно пустеть именно в эти годы. Большинство мигрантов находилось в возрасте, наиболее способном к деторождению, а переехавшие в города люди были в большей степени озабочены работой и жизнеустройством, нежели рождением детей. В России традиционно больше рожали на селе, поэтому массовые миграции 50-х годов способствовали снижению рождаемости не только в 50-е, но и в 60-е годы.

Таким образом, снижение рождаемости происходило на фоне общего увеличения численности городского населения страны. Изменение демографического поведения было связано с изменением среды обитания населения, связанной со сменой сельской среды на городскую.

Результаты исследований, проведенных нами в последнее десятилетие, не дают оснований для оптимизма: прироста рождаемости в стране, где всего одна пятая часть населения проживает в сельской местности. Анализ распределения численности детского населения в территориях Иркутской области по возрастам показывает самые низкие значения в более высоко урбанизированных территориях (от 17,8 % в Ангарске, до 17,1 % в

Иркутске) и самые высокие (от 19,5 до 26,8 %) в менее урбанизированных территориях: Усть-Ордынский Бурятский округ, Иркутский и Черемховский районы, центральные и южные районы, Иркутской области.

Для того чтобы горожане начали больше рожать, должно произойти качественное изменение их жизненных условий, связанных, прежде всего, с поселенческой средой. Качество поселенческой среды влияет на социальное самочувствие и демографические установки в довольно высокой степени, не оцененной в должной мере современной наукой. К сожалению, социологи, и особенно демографы чаще считают рубли и копейки, либо пытаются препарировать ментально-ценностную сторону демографического поведения населения, не обращая внимания на односторонность выбранных методов и подходов. Учитывая отраслевую разобщенность и узкую специализацию большинства современных исследований, необходимо использовать новые методы, основанные на междисциплинарном экологическом подходе, апробированном нами в ходе исследования демографического поведения молодежи Иркутской области в рамках гранта РФФИ в 2015–2017 гг. [4]. Применение этого подхода, учитывающего человеко-размерность социальной среды, позволяет установить совокупность социально-экологических связей и закономерностей, влияющих на демографические установки населения [5].

Необходимы дальнейшие, более обширные и углубленные исследования факторов демографической детерминации, для чего желательна разработка новых, прорывных теорий и методов исследований качества социальной среды жизнедеятельности человека, ее гармонизации и экологизации, связанных, прежде всего, с уровнем ее человеко-размерности.

Развитие человека как личности и общества в целом зависит от абстрактных характеристик личности и социальной среды, а внутрличностное взаимодействие – от структуры и степени организованности самой социальной среды. Социальная среда не ограничивает развитие личности, а личность не дезорганизует социальную среду при условии человеко-размерности социальной среды, которая рассматривается применительно к человеку, его ментальным и физическим возможностям [3].

Этот термин, заимствованный из социальной философии, означает соразмерность, гармонию между человеком и окружающей средой. Следует использовать его не только по отношению к человеку, но и по отношению к социальной среде, факторы которой могут быть оценены с точки зрения их человеко-размерности. Наилучший способ достижения человеко-размерности социальной среды – это ее экологизация на основе исследования ее качества и приведения в соответствие с потребностями населения. Недостаточно механически переселить часть населения в сельскую местность. Необходимо изучать условия поселенческой среды в Усть-Ордынском Бурятском округе, Иркутском и Черемховском районах и выявлять факторы, обеспечивающие ее человеко-размерность, которая в наибольшей степени способствует повышению рождаемости.

При рассмотрении структуры социальной среды жизнедеятельности человека выделяются уровни и факторы ее воздействия на демографическое поведение населения в условиях городской и сельской местности; Оценка человекообразности составляющих социальной среды региона должна проводиться на микро– и мезо-уровне социальной среды и включать исследование всех значимых факторов – от экономических, жилищных и социальных, до пространственных, этнических и культурологических. В качестве экономических факторов могут выступать «географические» (северные) и «сельские» надбавки. Жилищный фактор должен обеспечивать семью удобным и просторным домом с необходимым уровнем благоустройства, с традиционной архитектурой и достаточным участком земли. Социальные факторы должны включать возможность обучения детей, обеспеченность населения качественной медициной. Этнические и культурологические факторы должны обеспечивать комфортный «этнокультурный пейзаж», возможность общения и проведения досуга с людьми своего этноса и традиционной культуры. Поселения должны иметь хорошую транспортную доступность и пространственную организацию, регулярное сообщение с другими поселениями и центром региона. Человекообразность перечисленных факторов означает соответствие их потребностям человека, проживающего в данном поселении. Она имеет объединяющее и гармонизирующее значение, дает человеку ощущение комфортности и наполненности жизни, чувство гармонии с окружающей средой.

Не следует также забывать о макроуровне, который формируется из федерального компонента, включающего в себя не только общий уровень жизни или доходов населения, но и социально-культурную политику, правовую защищенность и другие значимые факторы. Поэтому при разработке методов экологизации социальной среды необходимо учитывать все три уровня.

Таким образом, социально-демографическая стратегия, сформированная с учетом человекообразности социальной среды, обеспечит формирование условий, необходимых для демографического развития региона и страны в целом. М. Ломоносов писал в своем трактате «О сохранении и размножении российского народа», что численность населения представляет для России огромное значение, видя именно в этом «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей» [8]. Данный тезис должен стать главным принципом в государственном подходе к управлению демографическими процессами. Его актуальность спустя четыре века не уменьшилась, выполнение «заветов» Ломоносова должно стать девизом социально-демографической политики государства.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление и численность населения области по полу и возрасту. Статистический сборник. Иркуткстат, 2009. 93 с.

2. Андрианова Е. В. Демографические составляющие как важнейший индикатор социально-экономического развития региона (на примере Архангельской области) // Экология человека. 2008. № 7. С. 40–41
3. Баранов В. А. Человечекоразмерность как регулятивная основа бытия // Таврический научный обозреватель. 2016. № 3 (8). С. 116–121.
4. Гольцова Е. В. Система факторов детерминации репродуктивного поведения молодежи // Новые контуры социальной реальности. 2017. С. 100–103.
5. Гольцова Е. В. К вопросу о человечекоразмерности социальной среды // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сб. науч. тр. Иркутск : ИГУ, 2018. С. 239–244.
6. Елизаров В. В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1. С. 57–72.
7. Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102.
8. Ломоносов М. В. О сохранении и размножении российского народа // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2002. № 1. С. 170–181.
9. Попов В. П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 76–94.
10. Семья в Иркутской области. Аналитическая записка. Иркутскстат, 2016. 25 с.

УДК 314.172:33
ББК 60.07+65.012.2

Я. А. Лещенко, *Ангарск*

Качество населения – важнейший фактор и критерий социального воспроизводства

Рассмотрена категория «качество населения» применительно к человеческому потенциалу России. Исследованы основные компоненты данной категории – качество медико-биологического потенциала, качество социально-психологического потенциала, качество социально-трудового потенциала. Сделан вывод, что произошедшие в постсоветский период изменения качества населения указывают на деградацию человеческого потенциала.

Ключевые слова: качество населения, медико-биологический потенциал, социально-психологический потенциал, социально-трудовой потенциал.

Ya. A. Leshchenko, *Angarsk*

The quality of the population is the most important factor and criterion of social reproduction

The article examines the category “quality of the population” in relation to the human potential of Russia. The main components of this category are investigated. These are the quality of the medico-biological potential, the quality of the socio-psychological potential, the quality of the social and labor potential. The conclusion is drawn: the changes in the quality of the population that occurred in the post-Soviet period indicate the degradation of human potential.

Keywords: quality of the population, medico-biological potential, socio-psychological potential, social and labor potential.

В настоящее время успешность функционирования и развития обществ, государств следует оценивать, прежде всего, в аспекте социального воспроизводства. Важнейшим элементом последнего является социально-демографическое воспроизводство. В данном случае речь идет о развитии количественных и качественных параметров человеческой популяции.

Долгое время основное внимание демографов, других специалистов, субъектов управления было обращено на количественные аспекты воспроизводства населения, в том числе естественного воспроизводства (рождаемость, смертность, естественный прирост и численность населения) и механического воспроизводства (миграционные процессы). При этом наибольшее беспокойство вызывало снижение численности населения, особенно когда этот процесс становился устойчивым и происходил в значительных масштабах (депопуляция).

Со временем стало приходить понимание того непреложного факта, что не меньшее, а возможно, и большее значение имеют качественные характеристики этноса, проще говоря, качество населения. Речь идет о свойствах, возможностях и способностях людей быть здоровыми, работать, создавать семьи, рожать и воспитывать детей, способствовать собственному социальному и культурному развитию, а также развитию общества в целом. В неразрывной связи со всем вышеперечисленным следует рассматривать факторы, влияющие на формирование качественных признаков населения: уровень и качество медицинской помощи, образования, благосостояние, занятость, жилищные условия, общественная и личная безопасность и многое другое. Именно эти факторы представляют собой обязательные условия и детерминанты того или иного качества жизни индивида и социальных групп. Они могут обуславливать формирование как позитивных, так и негативных человеческих качеств, например таких, как социальное иждивенчество и паразитизм, криминальные наклонности и т. п.

Чтобы запустить эффективный механизм развития общества и государства, надо объективно оценить состояние человеческого потенциала во всех его аспектах.

Несмотря на сохраняющиеся расхождения в трактовках качества населения, в значительной степени связанные с различным составом включаемых в него характеристик, в основе этих трактовок лежит единый подход к качеству населения как системе его свойств, выражающих совокупности свойств индивидов и принимающих форму наблюдаемых и измеряемых качественных характеристик, непосредственно определяющих режим воспроизводства населения [7]. Считаем нужным уточнить: качественные характеристики населения определяют не только и не столько режим воспроизводства, сколько качественное состояние человеческого потенциала в целом.

Под качеством населения отдельные авторы понимают систему врожденных, приобретенных и реализуемых свойств, способностей, структурно выраженных:

- а) в демографических характеристиках, отражающих процесс возобновления поколений (воспроизводственный, или демографический, потенциал);
- б) в совокупности унаследованных и приобретенных психофизиологических качеств как предпосылок способности к труду, а также качеств

личности, сформированных и развитых в процессе обучения и социализации (деятельностный, или трудовой, потенциал) [5].

в) в социально-психологическом потенциале, проявляющемся в системах ценностей, целей и мотиваций, характере, культурном уровне, нравственном развитии, особенностях менталитета) [7].

Т. В. Полкова дает обобщающее определение качества населения как системы врожденных, приобретенных и реализуемых способностей, выраженных в наложении качественных характеристик на экономическую, демографическую и социальную структуры населения и обеспечивающих взаимодействие его воспроизводственного, деятельностного и социально-психологического потенциалов [7].

На наш взгляд можно категорию «качество населения» рассматривать в виде трех составляющих (компонентов): 1) качество медико-биологического потенциала (показатели соматического, психического и репродуктивного здоровья); 2) качество социально-психологического потенциала (показатели психологического (духовного) здоровья); 3) качество социально-трудового потенциала, которое характеризуется по аналогии с экономическими трактовками человеческого капитала. Напомним, что экономистами человеческий капитал обычно определяется как совокупность приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг» [11].

Первый компонент – качество медико-биологического потенциала (соматическое, психическое и репродуктивное здоровье) можно оценивать по показателям санитарной статистики. Однако полнота учета и регистрации различных форм заболеваний может очень сильно различаться. В первую очередь это относится к т. н. социальной (социально обусловленной) патологии – алкоголизму, наркомании, заболеваниям, передаваемым половым путем и др. По данным ряда авторов фактическая распространенность наркомании может в 3–5 и более раз превышать регистрируемые статистикой показатели.

Еще более сложной задачей является оценка второго компонента – качества социально-психологического потенциала, поскольку здесь приходится оперировать, преимущественно, косвенными показателями и характеристиками. Поэтому рассмотрим данный компонент подробнее. Духовное (психологическое) здоровье можно определить как комплекс характеристик мотивационной и потребностно-информативной сферы жизнедеятельности, основу которого определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивида в обществе. Можно сказать, что психологическое здоровье характеризует личность человека и находится в непосредственной связи с проявлениями человеческого духа. Психологическое здоровье характеризует индивида как субъекта жизнедеятельности, распорядителя душевных сил и способностей [10].

И. В. Дубровина отмечает, что психологическое здоровье позволяет личности стать постепенно самодостаточной, когда она все больше ориентируется в своем поведении и отношениях не только на извне задаваемые нормы, но и на внутренние осознанные самоориентиры. Оно предполагает интерес человека к жизни, свободу мысли и инициативу, увлеченность какой-либо областью научной или практической деятельности, активность и самостоятельность, ответственность и способность к риску, веру в себя и другого, разборчивость в средствах достижения цели... [1].

По нашей оценке, нарушения психологического здоровья произошли главным образом в контингентах молодого возраста – вследствие того, что институты социализации в постсоветский период вошли и, отчасти, все еще находятся в т.н. состоянии аномии (*аномия* (от греч. сл. беззаконие) – состояние общества, характеризующееся *дезорганизацией социальных норм и институтов*, неопределенностью и нестабильностью условий человеческого действия, а также расхождением между провозглашаемыми обществом целями и доступностью для массы людей законных средств их достижения). Аномия способствует *десоциализации личности*, стере или деформации жизненных ориентиров. Следующая за этим социально-психологическая напряженность влечет возрастание иррациональных форм поведения, таких как *негативные аффективные психоэмоциональные проявления* (враждебность, агрессивность), *нарушения психологического здоровья* и формирование *аномальных* (в том числе. *асоциальных*) *типов личности*. Десоциализация часто выражается в различных формах девиантного, саморазрушительного поведения (курение, алкоголизм, наркомания, ранние и/или беспорядочные половые связи). В постсоветский период в группе риска развития социальных девиаций оказались в наибольшей степени лица подросткового и юношеского возраста, что в конечном счете привело к возрастанию заболеваемости и смертности этих контингентов [2; 3; 8].

Таким образом, в последние десятилетия важнейшими из детерминант жизнедеятельности российского общества стали факторы психосоциального неблагополучия, негативные факторы социокультурной среды, (аномия, десоциализация, возрастание риска социальных девиаций), а главными индикаторами этих факторов являются нарушения психологического здоровья, социальные болезни, некоторые социально-демографические индикаторы.

Вышесказанное наглядно подтверждается при анализе всемирно признанных *специфических индикаторов психосоциального неблагополучия – показателей частоты завершенных суицидов (самоубийств) и показателей смертности от насильственных причин (убийств)*. Так, в Иркутской области в 1990–2000-е гг. показатели частоты самоубийств (среди всего населения) превышали критический уровень, установленный ВОЗ (20 ‰), в 3,5–5,7 раза [4]. Еще ярче указанные закономерности демонстрировали рассматриваемые индикаторы применительно к молодежному

контингенту 15–19 лет при сравнении с показателями смертности в странах Восточной и Западной Европы, которые могут служить в качестве эталонных стандартов. Например, в 2006 г. показатели смертности юношей в связи с суицидами в Иркутской области превышали соответствующие показатели Польши в 5,3 раза, Швеции – в 9,8 раза. Показатели смертности юношей от насильственных причин (убийств) превышали соответствующие показатели Польши и Швеции – в 64,7 раза [4].

В отношении третьего компонента – качества социально-трудового потенциала – также наблюдается очень широкий разброс оценок.

Как было отмечено выше, официальная статистика дает очень неточные, как правило, сильно заниженные показатели, особенно по распространенности социальной патологии. Поэтому мы обратились к оценкам, сделанным выдающимся экономистом и статистиком В. Симчерой. Василий Симчера – доктор экономических наук, вице-президент общественной организации «Российская академия экономических наук», возглавлял в течение ряда лет Институт статистики при правительстве РФ. В. Симчера вывел на основе переписи 2010 г. структурные показатели качества трудового потенциала России. Официальная сугубо количественная оценка трудового потенциала – 85 миллионов дееспособных рабочих – подвергнута им серьезной критике как раз в качественном аспекте. По оценке В. Симчеры, в стране 27 миллионов алкоголиков, наркоманов и других невоспитанно больных людей [9]. Автор также считает, что из работающих – половина людей фактически не работает. Они получают среднюю зарплату, но даже та нищенская больше, чем то, что они фактически заработали. Получается, что государство их содержит, это скрытые иждивенцы. Их надо переучивать [Там же].

Выдающийся советский и российский социолог, академик Геннадий Осипов считает, что приемлемость, прогрессивность парадигмы развития государства, а также любых социально-экономических преобразований, реформ должна обязательно «тестироваться» человеком [6]. В свое время он предлагал протестировать российские либеральные реформы подобным образом и ответить на простой вопрос: в результате прошедших за постсоветские годы преобразований человек эволюционировал или деградировал? Ответ, по мнению Г. Осипова, очевиден: произошедшие качественные изменения указывают на деградацию человеческого потенциала. А любые реформы, ведущие к деградации человека и общества, реакционны [Там же].

Нам остается только согласиться с этой оценкой.

Список литературы

1. Практическая психология образования / ред. И. В. Дубровина. СПб.: Сфера, 2004. 592 с.
2. Лещенко Я. А. Здоровье современных подростков и факторы, его определяющие // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2012. № 5. С. 72–76.

3. Лещенко Я. А. Социально-экономические проблемы формирования потенциала воспроизводства населения и медико-демографического развития Сибири (на примере Иркутской области) // Сибирский научный медицинский журнал (Бюллетень СО РАМН). 2008. № 1. С. 35–42.
4. Лещенко Я. А., Лисовцов А. А. Смертность, условия жизнедеятельности подростков и молодежи Сибири в 1990–2000х гг. // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. 2013. № 1. С. 91–96.
5. Медков В. М. Качество населения. Сущность, содержание, критерии. М. : Прогресс, 1995.
6. Осипов Г. У последней черты // Трибуна. 1999. 20 авг.
7. Полкова Т. В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118–130.
8. Мониторинг подрастающего поколения: тенденции и особенности развития / Н. М. Римашевская, Е. Б. Бреева, А. А. Шабунова, Р. Т. Барсукова // Народонаселение. 2007. № 1 (35). С. 4–12.
9. Симчера В. М. Перемен не будет... Записки пессимиста. URL: http://zavtra.ru/blogs/peredmen_ne_budet (дата обращения: 15.06.2018).
10. Слободчиков В. И., Шувалов А. В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91–106.
11. Bowen H. R. Investment in Human Capital and Economic Growth // Perspectives on Economic Growth. N. Y., 1968.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

УДК 37.035.6
ББК 74.480

С. Н. Островский, *Республика Беларусь, Минск*

Когнитивные подходы к развитию национальной идеи и идейного воспитания молодежи

Рассматривается взаимосвязь формирования воспитания и ценностей, формирования мировоззрения, а также влияние конкретных идей, находящих отражение в теории и практике педагогической работы. Особое внимание уделяется национальной идее и лаконично выстроенному идейному воспитанию.

Ключевые слова: духовность, идейное воспитание, национальная идея, нравственность.

S. N. Ostrovsky, Republic of Belarus, Minsk

Cognitive approaches to the development of the national idea and ideological education of youth

Any upbringing is based on certain values, forms an appropriate worldview, and is also based on specific ideas that are reflected in the theory and practice of pedagogical work. At the same time, special attention should be paid to both the national idea and the laconically built ideological education.

Keywords: spirituality, ideological education, national idea, morality.

В настоящее время все больше и больше внимания уделяется духовно-нравственному воспитанию молодежи, при этом, основной акцент стараются сводить к развитию национальной идеи и связанными с ней идеологическими составляющими. При этом молодежь не всегда способна поддерживать те или иные послылы, правильно воспринимать те нравственные и духовные ценности, на которых зиждилось воспитание предыдущих поколений. Порой, возникает конфликт поколений, разрешить который призвано более глубокое осмысление корней отечественной культуры и традиций своего народа, а также правильное донесение глубинных идей в реалиях молодежного восприятия и понимания жизни. Ведущим компонентом здесь будет выступать некая ценностная структура, в базе которой обязательно должен находиться духовный императив, а вершиной выступать четко очерченная национальная идея.

Национальная идея должна раскрывать смысл и необходимость существования данной нации в бытии мирового сообщества. Если же такого смысла и такой необходимости нет, то нация может преспокойно сойти с исторической сцены, как сошли уже многие народы и цивилизации.

Вообще-то русская национальная идея существовала давно: в идеале Святой Руси, в концепции Москвы – Третьего Рима, и наконец, она была в совершенной форме выражена в триаде «Православие, Самодержавие и Народность», что в свою очередь опирается на христианскую трихотомию «дух–душа–тело».

Однако говорить о стойкости идеологии, о воспитании в наших гражданах чувства патриотизма, об умелом политическом руководстве – не престало. На лицо экономический кризис, духовное опустошение и культурная деградация. Молодежь все меньше и меньше интересуется политикой, отдавая предпочтение большей частью своей неутомимой тяги к наслаждениям.

Именно поэтому встает вопрос о необходимости поиска новых путей экономического развития, укрепления государства, борьбы за физическое и духовное здоровье человека. При этом важно помнить и то, что все это необходимые средства, а не цель. В этом наша беда: осмысляя национальное бытие, мы средства принимаем за цель, а затем сами же вовлекаем себя в бессмысленный круговорот вопросов, на которые не можем дать окончательного ответа.

В этой связи следует помнить об идеологическом состоянии нашего государства: это и период отрицания Бога, это и стремление построить коммунизм, это и попытка определить свое положение среди других стран и как итог – нравственно-культурный и политико-экономический кризис. Интересна по этому поводу мысль Вл. Соловьева: «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [4].

Именно сейчас необходимо вновь обратить свое внимание на наше духовное развитие, на ту идеологическую позицию, которая будет способствовать развитию в гражданах таких духовных, политических и патриотических стремлений, что составит крепкую, прочную фундаментальную основу функционирования нашего государства.

Становление же и развитие этой основы возможно при четкой опоре на исторический опыт, столь глубоко отпечатавшийся и ярко выразившийся в православии.

Недаром Ф. М. Достоевский указывал на необходимость и возможность поставить правду выше собственной корысти. Это необходимость в любви, в заботе, в благоустройстве всего нашего общества, а не в реализации таких суждений, типа: «это никому не нужно», «меня это не волнует», «работаю, как платят... » и т. п.

Отвергая идеологию, ниспровергая веру, человек вынужден подавить и подлинное национальное самосознание, результатом чего выступают крайний национализм и шовинизм. Это присутствует и сейчас. Противники начинают упрекать всякое русское слово (будь оно произнесено в обществе, или в храме), указывают на Запад, на независимость, требуют сво-

боды. Но чьей свободы они хотят: свободы беззакония, свободы греха или даже свободы от кого?..

Следует помнить, что главная задача построения общества и государства заключается в уяснении и воплощении таких ценностей, как доброта, сострадание, милосердие, отмеченная Ф. М. Достоевским «всечеловечность», всеотзывчивость славянского человека ко всем другим народам, его готовность защитить слабого, любовь к подлинной духовной свободе. Все это есть и должно быть использовано в политике, так как именно эти ценности, выступают не только ценностями государственными, но являются основой развития каждой личности, что и составляет прочный фундамент нашей страны. Однако реальность, следование собственным корыстным желаниям, а не Правде приводит к тому, что государство начинает меркнуть, угасать подобно гаснущей свече или падающей звезде, чьи минуты уже сочтены [1].

Подлинная свобода, забота государства о своих людях могут возродить нашу страну, но чаще всего этому же мешают обыденная лень, безответственность, воображаемость, несдержанность, неумение сосредоточиться на главном и др. Именно от этого страдает национальное достоинство.

В то же время одно из важнейших творческих движений русского национального сознания есть сбережение и сохранение красоты русского национального духа. И здесь не может быть четкой, резкой границы между такими тремя славянскими державами, как Россия, Беларусь и Украина. Напротив, националистическое сознание все воспринимает как уродство, всякие индивидуалистические проявления разрушают мир и соборность славянских государств. Соборность – есть выражение народного единства, основанного на любви как на высшем качестве бытия, так к. любовь – главная составляющая красоты национального духа. И поскольку любовь есть союз совершенства, глубокое национальное сознание наполнено религиозными и этическими предпочтениями.

Главный недостаток сегодняшних реалий состоит в резком разрыве между теорией и практикой. Национальный дух славянского народа, включающий религиозно-духовные, этические, культурные и общественные ценности, – удивительно прекрасен, а окружающая нас действительность – весьма страшна и порою опасна. Именно поэтому человек, встречаясь с подобной раздвоенностью между идеалами и реальностью не выдерживает и устремляется в различные формы эскапизма (стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения).

Поразительно и то, что в былые времена основу самосознания славянского человека составляло не желание стать удачливым добытчиком денег, а быть юродивым искателем правды.

Как утверждает И. А. Ильин, Бог – есть Дух, и открывается только духовному опыту. Отвергая духовность человека, и провозглашая сенсуализм (чувственное познание), мы уподобляемся безбожникам, находя в

себе лишь природную животную основу. А поскольку Бог – есть любовь, то и открывается Он только живому, любящему сердцу [2].

Именно поэтому в то время, когда вопросы культурного и духовного возрождения выступают актуальными для полноценного развития нашей страны, особое внимание следует уделить духовной культуре каждой личности.

И. А. Ильин также отмечает, что культура творится изнутри; она есть создание души и духа. Культура не может развиваться без любви. Воля, рожденная из любви, становится совестною, благородною волею и оказывается источником настоящих христиански-героических поступков. Это укрепляет патриотизм, выражает желание служить своей вере, Отчизне и оберегать свой народ [3]. Это состояние прекрасно отображено героями кинофильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник», где честь, достоинство и высокая духовность выступают созидательными качествами благородного человека. Именно истинное понимание любви способствует созданию благополучных семейных отношений, а не к развитию страстной одержимости, итогом которой выступает неудовлетворенность, неравномерность, безрадостность последующей жизни. Поразительно, но в 1912 г. в Минской губернии было зафиксировано только одно бракоразводное дело. Сейчас количество разводов превосходит количество браков. Все кроется в неумении, а порой и нежелании молодых преодолеть собственный эгоцентризм, отдав волю любви, терпению и милосердию... Именно поэтому, главной идеологической задачей нашего государства должно являться привитие людям христианских ценностей, от меры усвоения которых будет зависеть благосостояние каждого человека и всего государства в целом.

Христианство представляет собой дух живого творческого содержания, а не формализма, так как формализация и механизация культуры противоречат христианскому духу, а значит – свидетельствуют о ее вырождении. Христианство предполагает совершенствование, основанное на постижении и стремлении к тому, что истинно, нравственно, художественно, справедливо, патриотично. Именно это вынуждает христианина испытывать дух ответственности, покаяния, прилежания, добросовестности, труда, дисциплины и даже подвига.

Однако следует помнить, что приобщать людей к христианской культуре следует «мягко», а не реакционными методами. Иначе сработает категория меры: излишнее идеологическое давление вызывает неприятие подчас справедливых советов, рекомендаций. В обсуждении вопросов веры нужен спокойный диалог, уважительное отношение к собеседнику, проявление культуры несогласия с его мнением.

Для успешной реализации программы идейно-политического и гражданско-патриотического воспитания в Республике Беларусь необходимо:

1. Повысить авторитет Православной церкви как выступающей главной основой по развитию духовности и культуры белорусского и других славянских народов.

2. Обеспечить факультативные занятия по курсам «Религиоведение», «Православие и современность», «Христианство» и другим с согласия администрации школ и органов родительского самоуправления.

3. Привлекать студентов и учащихся к участию в духовных конференциях, Свято-Евфросиньевских, Кирилло-Мефодиевских чтениях и т. п., обеспечив их широкую информационную поддержку.

4. Проводить строгую государственную политику по выявлению и привлечению к административной и уголовной ответственности сектантских организаций и их последователей.

5. Исключить из репертуара СМИ передачи, фильмы и т. п., основывающиеся на пропаганде насилия, жестокости и порнографии, а также поручить Республиканской экспертной комиссии вести контроль за использованием на территории Республики Беларусь соответствующих материалов.

6. Поощрять и развивать отечественных производителей, чья деятельность способствует возрождению, актуализации и развитию христианских ценностей в обществе.

7. В качестве идеологии – принять идеологию христианского развития общества, что обусловлено многовековой историей развития наших славянских государств.

Список литературы

1. Дунаев, М. М. Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) // Православие и русская литература : [в 6 ч.]. М. : Христианская литература, 1997. С. 284–560.

2. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование. Т. 1–2 / [сост. и авт. вступ. ст. И. Н. Смирнов]. М. : Рарог, 1993. 448 с.

3. Ильин, И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 1. Путь духовного обновления. Основы христианской культуры. Кризис безбожия. М. : Рус. книга, 1993. 398 с.

4. Соловьев, В. С. Русская идея : [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / [пер. с фр. Г. А. Рачинского]. Репринтное воспроизведение издания: М. : Путь, 1911. [Ленинград : Наука, 1990]. 51 с.

Особенности проявления гражданской идентичности в период юности и средней зрелости

Рассмотрено определение понятия «гражданская идентичность». Представлены результаты изучения особенностей гражданской идентичности в период юности и средней зрелости, с констатацией уровневой представленности когнитивного, мотивационного и поведенческого компонентов.

Ключевые слова: компоненты и уровни гражданской идентичности, период юности, зрелость.

I. L. Kisheya, A. V. Astreiko, *Republic of Belarus, Baranovichi*

Features of the manifestation of civic identity during adolescence and middle adulthood

The definition of the concept of “civil identity” is given. The article presents the study of the results of studying the forms of identity in the period of adolescence and middle adulthood, with the statement of the presented representation of the cognitive, motivational and behavioral components.

Keywords: components and levels of civic identity, adolescence, adulthood.

В современных условиях гражданская идентичность является одной из наиболее важных и менее изученных сфер жизни человека. Для успешного развития гражданской идентичности важно правильное понимание сущности данного явления [1]. Так, в отношении понятия «гражданская идентичность» многие исследователи сходятся на таком определении, как индивидуальное чувство принадлежности человека к общности граждан конкретного государства, которое позволяет действовать в качестве коллективного субъекта [3].

В настоящее время достаточное большое число исследований и публикаций посвящено проблеме гражданской идентичности, однако, несмотря на это, можно говорить о том, что современная психология продолжает испытывать необходимость в изучении данной проблематики [3].

Целью данного исследования выступило выявление особенностей гражданской идентичности в период юности и средней зрелости.

Для достижения поставленной цели нами использовался метод тестирования. В частности, применение методики «Выявление уровней гражданской идентичности учащейся молодежи» Е. А. Курганова, позволило получить результаты, связанные с выявлением уровня гражданской идентичности [4].

Методика «Выявление уровней гражданской идентичности молодежи» состоит из 16 утверждений, на которые испытуемому нужно выбрать значение от 0 до 5, которое в наибольшей степени свойственно ему [2].

Исследование проводило на базе Барановичского государственного университета. Выборку исследования составили 150 человек, из которых 80 представителей юношеского возраста, и 70 представителей средней зрелости.

Применение методики для выявления особенностей гражданской идентичности в период юности и средней взрослости, позволило получить результаты, демонстрирующие особенности изучаемого феномена [2].

Рассмотрим и проанализируем полученные результаты. Анализ результатов, полученных по шкале «Когнитивный компонент гражданской идентичности», позволяет заключить: для большинства испытуемых юношеского возраста характерен средний уровень выраженности данного компонента 86,25 %. Высокий уровень выраженности данного компонента составляет 12,5 %, низкий уровень – 1,25 %.

Далее рассмотрим результаты по той же шкале у представителей средней взрослости: для большинства испытуемых средней взрослости характерен средний уровень выраженности когнитивного компонента 65 %. Высокий уровень выраженности данного компонента составляет 33,8 %, низкий уровень – 1,2 %.

Полученные результаты могут быть связанные с тем, что представители средней взрослости высоко оценивают собственные патриотические знания, углубленно изучают культуру народа, в котором проживают, а так расширяют свои знания в данной области. Представители средней взрослости достаточно высоко оценивают свою, внутреннюю гражданскую позицию, а также они довольны своей принадлежностью к народу, в котором проживают. Тем временем у представителей юношеского возраста не наблюдается интерес к углублению и расширению знаний о культуре народа, в котором они проживают, а также представители юношеского возраста не высоко оценивают свою принадлежность к народу, в котором они проживают.

Результаты по шкале «Мотивационный компонент гражданской идентичности» расположились следующим образом: у большинства представителей юношеского возраста диагностируется средний уровень выраженности мотивационного компонента 82,5 %. Высокий уровень выраженности мотивационного компонента составляет 15 %, низкий уровень – 2,5 %.

Результаты по той же шкале представителей средней взрослости расположились следующим образом: у большинства представителей средней взрослости диагностируется средний уровень выраженности 54,6 %. Высокий уровень выраженности мотивационного компонента составляет 43,4 %, низкий уровень – у 2 %.

Можно предположить, что полученные результаты связаны с тем, что для большинства представителей средней взрослости присуще чувство ответственности за сохранение своего народа и общего социально-политического благополучия страны, так же для них характерна готовность к введению диалога и сотрудничеству с людьми разных убеждений, национальных культур и религий. Для представителей юношеского возраста характерно развитие общественного экологического движения в учебном заведении, а также представители юношеского возраста гуманно относятся к своему этносу.

Далее проанализируем результаты, которые были получены по шкале «Поведенческий компонент гражданской идентичности»: нами было выявлено, что для большинства представителей юношеского возраста характерен средний уровень выраженности данного компонента 80 %. Высокий уровень характерен для 16,25 %, а низкий уровень для 3,75 % юношей.

Рассмотрим результаты по той же шкале представителей средней взрослости: у большинства испытуемых диагностируется средний уровень выраженности поведенческого компонента гражданской идентичности 63,2 %. Высокий уровень выраженности составляет 36 %, низкий уровень – 0,8 %.

Полученные результаты могут быть связанные с тем, что представители средней взрослости участвуют в акциях, диспутах, культурной и патриотической направленности. По мнению представителей средней взрослости, этнокультурное и патриотическое воспитание молодежи поможет обществу выйти из социально-экологического кризиса. Так же представители средней взрослости стараются соблюдать традиции и обычаи своего народа. Для представителей юношеского возраста характерно так же активное участие в различных акция, диспутах культурной и патриотической направленности. У представителей юношеского возраста выросло желание участвовать в мероприятиях, направленных на разрешение национальных, региональных проблем общества в рамках образовательной политики вуза.

Таким образом, в рамках проведенной работы выделены особенности гражданской идентичности в период юности и средней взрослости. Результаты эмпирического исследования гражданской идентичности в юношестве и у представителей средней взрослости позволяют расширить возможности обучения, выявить новые способы взаимодействия в образовательном процессе. Также полученные результаты могут быть использованы в рамках деятельности практических психологов, социальных работников, педагогов. В целом следует отметить, что проблема исследования гражданской идентичности требует дальнейшего, углубленного изучения, а также увеличения выборки.

Список литературы

1. Водолажская Т. В. Идентичность гражданская. Социология: Энциклопедия. М. : Изд. центр «Академия», 2003. 275 с.
2. Дмитриева Н. В. Диагностика идентичности. Новокузнецк : КузГПА, 2012. 134 с.
3. Дробижева Л. М. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
4. Кожанов И. В. Гражданская и этническая идентичность: проблема взаимосвязи и взаимозависимости. М. : Аспект Пресс, 2013. 152 с.

Сетевое взаимодействие с молодежью как фактор консолидации общественных возможностей и влияния на формирование и трансформацию ценностных ориентаций

В статье рассмотрена проблема влияния виртуального пространства на формирование ценностных ориентиров молодежи. Приведены трактовки понятия «ценности» и дан ответ на вопрос о том, какое место ценности занимают в сознании индивида. Обозначены каналы трансляции ценностей в виртуальном пространстве и их влияние на молодое поколение.

Ключевые слова: молодежь, молодое поколение, ценности, социальные сети, интернет, формирование ценностей.

Y. Y. Bardamova, L. A. Gurinovich, *Irkutsk*

Network interaction with young people as a factor of consolidation of social opportunities and influence on the formation and transformation of value orientations

The article deals with the problem of the influence of virtual space on the formation of value orientations of young people. The interpretation of the concept of "values" is considered and the answer to the question of what place values occupy in the consciousness of the individual is given. The article considers the channels of values translation in the virtual space and their influence on the younger generation.

Keywords: youth, young generation, values, social network, Internet, formation of values.

Вопросы автономизации деятельности общественных структур, распыления внимания к различным проектам для представителей различных социальных групп, уменьшение социальных взаимодействий становятся следствием не только периода пандемии, который продолжается практически в течение календарного года. Эти аспекты развития общественных процессов в постиндустриальной эпохи вызван, по нашему мнению, собственно развитием модели цифровых процессов. Важным становится изучение процесса социальной конъюнкции, изучаемые социологами, философами, правоведами.

Профессор Кармадонов О. А. утверждает, что выведенные в виртуальное пространство инструменты социальной мобилизации, интеграции, оппозиции и консолидации необходимо изучать и использовать для достижения приоритетных целей управления, социального воспроизводства и полноценной социальной интеграции [3, с. 162].

Массовое расширение воздействия сети Интернет в современном мире оказало огромное влияние на формирование и содержание ценностной культуры современной молодежи и интернет-пользователей в целом. Всеобъемлющее влияние виртуального пространства с его многочисленными информационными платформами настолько захватило умы пользователей, что представить жизнь обычного человека без них практически невозможно. Пользователями этой сети сегодня являются люди независимо от возраста и рода деятельности, под влиянием оказываются все, но степень этого влияния выражается по-разному. Одной из наиболее восприимчивых социальных групп, охотно отзывающихся на все смысловые изменения,

является молодежь. Такой выбор аргументируется несколькими причинами: во-первых, потому что именно эта группа является главным потребителем сети, большая часть активных интернет-пользователей приходится именно на них, а во-вторых, потому что молодежь-это главных катализатор прогресса, отличающийся высокой адаптивностью к изменяющей среде. Также немаловажным фактором является то, что молодежь представляет собой ту часть общества, система ценностей которой находится на стадии разработки и не имеет четкую иерархию.

Проблема ценностных ориентиров, их качественного содержания и динамики развития становится как никогда актуальной в условиях перенасыщения информации и переоценки всей культуры ценностей. Влияние на молодежь со стороны виртуального пространства в настоящее время является настолько интенсивным, что невольно ставится вопрос о том, положительно ли такое явное воздействие на молодые умы. Особенно сильно прослеживается влияние блогеров и неявных (не обозначаемых таковыми, но составляющими огромную аудиторию референтных групп – *прим. автора*) кумиров, за жизнью которых молодежь следит в социальных сетях и которых считает примером для подражания, поскольку их высказывания играют огромную роль в процессе формирования собственного мнения у молодого поколения. В связи с этим независимым от официальных методов воспитания, влиянием традиционные институты социализации теряют вес в процессе формирования ценностных ориентаций.

Для того чтобы более подробно понять культуру ценностей, нужно рассмотреть социологические трактовки понятия «ценности», как они рассмотрены исследователями, что именно вкладывают в смысловое содержание и какое место занимает в системе сознания индивида.

В Большом толковом социологическом словаре мы нашли достаточно емкое определение: «... основные убеждения и цели индивидуума или общества...» [1, с. 431].

Ученые периодически исследуют ценности как социальный феномен, развивая аспекты исследования в корреляции к времени и пространству групп – носителей ценностей. Также рассматривают и общие представления о ценностях. Так, исследователь Т. И. Ежевская выделяет три формы существования ценностей: в первой форме ценность рассматривается как значимость, как некий идеал, принятый обществом, вторая форма включает в себя материальную и объективированную форму воплощения этих идеалов, а третья подразумевает вхождение этих ценностей в психологическую структуру личности, являясь факторами мотивации поведения человека. Также автор обращает внимание на то, что само понимание ценностей двойственно: с одной стороны, ценности являются основой установок в сознании людей, тем самым помогая человеку определить собственную точку зрения и занять определенную позицию, а с другой ценности выступают в качестве мотивов поведения. Что касается самой ценности, она по-

нимается как фактор самоорганизации человека, она связывает поведение человека с окружающей средой и определяет его образ жизни.

Ценности характеризуются системой доминирования, доминирующие ценности имеют преобладающее, решающее значение при ситуационном и личностном выборе. В зависимости от того, какая ценность ставится на первый план, меняется отношение к той или иной ситуации или деятельности, поэтому особенно важно правильно выстраивать ценностную иерархию. В такой иерархии высшие ценности носят практический характер и стремятся к получению выгоды, и все имеет значение лишь в свете этих высших ценностей [2].

Таким образом, место ценностных ориентиров в сознании личности имеет ключевое значение как при ситуационном выборе, так и при постановке жизненных целей и поведенческой модели индивида в целом.

Динамичное развитие виртуального пространства за последние несколько лет сильно поменяло взгляды общества на устоявшиеся культурные ценности и нормы, изменило технологии трансляции, перемешало ведущих акторов в системе трансляции ценностей. Владение информационно-коммуникационными технологиями дало молодежи новые возможности для самореализации и самообразования, расширение каналов связи и огромный стимул для повышения компьютерной грамотности для того, чтобы более полно овладеть информацией, ставшей главным ресурсом современного общества. Осуществление социальной активности в виртуальном пространстве приводит к киберсоциализации пользователей, к трансформации их жизненных установок, появлению новых интересов и жизненных приоритетов. Сравнивая системы ценностей поколений, видно одно огромное различие, которое повлекло за собой кардинальное изменение всего уклада ценностей: изменение значимости личности человека. Уклон транслируемых сейчас ценностей делается в сторону развития личности, повышения ее значимости и индивидуальности. Такое изменение ориентира сказывается на всех областях жизни общества, обретение свободы и ее фактор особенно важен для сегодняшней молодежи. К примеру, намного ценнее становится сейчас найти дело по душе, которое может и не приносить постоянного заработка, чем получать стабильный доход на нелюбимой работе, выбранной по совету родителей или родственников, возможность выбора и его свобода ставится на первое место, и это сильно контрастирует с привычной профессионально-образовательной технологией выбора направления занятости.

Ориентир таких ценностей пришел из американского общества свободы, где такие понятия как «равенство», «личная свобода» и «толерантность» развиваются уже давно. Такой подход полностью перевернул отношение молодого поколения к себе и друг другу, в частности, часто употребляемые слова о том, что молодежь – это «потерянное поколение», застрявшее в деградации, необразованности и неуважении к старшему поколению, уже не являются верными. Современное молодое поколение все

больше и больше стремится не только к уважительному отношению к личностным границам каждого человека, но и к полному уничтожению национализма. Эпоха толерантности и равенства воспитывает в молодежи не только чувство собственной значимости, но и чувство уважения по отношению к другим пользователям сети. «Цель воспитания толерантности заключается, прежде всего, в формировании у молодого поколения потребности и готовности к конструктивному, компромиссному взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их социальной, национальной, религиозной принадлежности, взглядов, интересов, стилей мышления, мировоззрения и поведения» [6, с. 49].

Тем не менее, наличие социального опыта у молодежи все еще остается недостаточным для принятия собственного решения, поэтому немаловажную роль в формировании подобных ценностей сыграли развитие социальных сетей и связанная с ними блогосфера. Формирование мировоззрения молодежи зачастую подвержено изменениям, происходящим под влиянием мнений популярных блогеров, что имеет огромное значение для становления и самореализации молодого поколения. Это доверие вызвано не только симпатией к ним как к личности, но и тем, что они являются показательным примером того, что любимое дело может приносить не только удовольствие, но и общественное признание и, что является немаловажным, высокий доход. Кумиры молодого поколения постоянно находятся на связи со своими подписчиками с помощью таких инструментов сетей, как ежедневные истории в Инстаграм, добавить про «карусели и прочие забавы», постоянно просматриваемые пользователями сетей, стирают эту грань обособленности и создают атмосферу близкого содружества, доверие к кумиру растет, и процесс внушения становится необычайно легким. Такое влияние не всегда носит явный характер, любое неосторожно сказанное вслух слово может пониматься как призыв к действию, даже если блогер вкладывал в это совершенно другой смысл. Именно поэтому процесс такого воздействия всегда носит двусторонний характер, нам видится, что известные люди всегда должны думать о последствиях своих сказанных «мыслей вслух», так как реакция всегда может быть непредсказуемой. Формальные социальные санкции, об обращении к которым еще только раздумывают представители исполнительной власти, не будут иметь последствий, если общественность будет возлагать ответственность только на власть, необходимо интегрировать в поле формирования представлений и лидеров общественного мнения[5].

У активно развивающегося феномена блогосферы и ее влияния есть и еще один характерный минус, на который стоит обратить внимание. Активное использование социальных сетей стерло границу между виртуальным и физическим мирами. Коммуникации в сети носят преобладающий характер по сравнению с живым общением и постепенно вытесняют его, основываясь на том, что любые практики общения можно осуществить и в киберпространстве, не затратив при этом большое количество физической энергии.

Многие стали делиться своей жизнью в социальных сетях для того чтобы увидеть под личной фотографией пару положительных отзывов и получить порцию удовлетворения, понимая такой обмен удовлетворением потребности в коммуникации и престиже. Человек в виртуальном пространстве понимается как «проект», целью которого является создание идеального виртуального образа, не имеющего ничего общего с оригиналом вне этого пространства. Но главная проблема заключается в том, что человек, который так усердно создает свой идеальный образ, старается подражать ему и в реальной жизни, перенося весь ценностный образ в повседневную жизнь. Тот статус, который человек выстраивает себе на основе общественного одобрения и следования популярным нормам виртуального пространства, ставится намного выше того, что он имеет в реальной жизни. Работа над проектом «идеального Я», преследование не своих жизненных целей и ориентация на навязанные ценности приводит к конфликту между реальной личностью человека и его прототипом [4].

Молодежь сегодня вовлечена в жизнь общества посредством своей виртуальной проекции. Все события, происходящие в реальной жизни, они узнают из новостной ленты в социальных сетях, весь их процесс социализации проходит внутри сети, там они находят друзей, общаются, выражают собственное мнение и даже учатся, посещая дистанционные курсы. Сеть Интернет дает множество новых и полезных возможностей, необходимых для развития и удовлетворения потребностей в развитии и коммуникации, однако, присутствие минусов в этой системе не исключено. Активно отзываясь на правила этого виртуального пространства, молодые люди строят свой идеальный образ в сети, тем самым подстраиваясь под запросы этого виртуального сообщества. Ценностные ориентиры в таком случае нередко оказываются навязанными более популярными пользователями, такой уклад противоречит самой идее культа личности, к которой так отчаянно общество стремится сегодня. Мы видим решение проблемы отчужденности молодежи от общественно важных социальных проектов в расширении аспектов информационной интеграции, что увеличит возможности консолидации общества, что можно выполнять как в рамках работы институтов молодежной политики, так и в реализации стратегий развития регионов и государства.

Список литературы

1. Джери Д. Большой толковый социологический словарь (Collins). Т. 2. М.: Вече: АСТ, 1999. 528 с.
2. Ежовская Т. И. Ценности как важный психологический ресурс личности // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 2. С. 55–59.
3. Кармадонов О. А. Цифровые технологии и символическое измерение социальной консолидации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации: материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 162–165.

4. Лисенкова А. А., Мельникова А. Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № . 4. С. 322–329.

5. Струглин Г. В. Проблема управления транспортными средствами в состоянии опьянения глазами общества: причины избирательного подхода к актуальным вопросам безопасности // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 163 – 167.

6. Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Формирование толерантности в обществе в современном мире // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № . 2. С. 47–50.

УДК 378.015.3

ББК 74.58:88

И. А. Андреева, *Иркутск*

Особенности психологического стресса студенческой молодежи в условиях дистанционного образования

Исследуется психологический стресс студентов при переходе от очной формы обучения к дистанционной в период самоизоляции. Анализируются исследования и публикации, целью которых было изучение психологического стресса студенческой молодежи. Даются практические рекомендации по профилактике стресса.

Ключевые слова: молодежь, студенты, образование, психологический стресс, дистанционное образование.

I. A. Andreeva, *Irkutsk*

Features of psychological stress of student youth in the context of distance education

The article examines the psychological stress of students during the transition from full-time education to distance learning during the period of self-isolation; analyzes of research and publications, the purpose of which was to study the psychological stress of student youth; practical recommendations for stress prevention are given.

Keywords: youth, students, education, psychological stress, distance education.

Около трети населения планеты составляет социальная группа молодежь, которая в период получения профессионального образования чаще всего подвержена психологическому стрессу. Когда молодой человек приобретает статус студента, он входит в новую систему отношений со сверстниками и взрослыми. Этот процесс требует от него систематической самодисциплины, самоорганизации и интеллектуального труда. Так, возникновению психологического стресса у студентов способствуют следующие факторы:

- 1) адаптационный период, когда происходит смена школьного формата обучения на профессиональный;
- 2) период сессии;
- 3) информационная перегрузка, связанная с переработкой большого массива информации при самостоятельных исследованиях;
- 4) период написания выпускных квалификационных работ и выпуск из учебного заведения, который подразумевает под собой кризис самоопределения, трудоустройства, планирование карьеры.

Понятие «стресс» в психологии употребляют для обозначения обширного круга аффективных состояний человека, которые возникают как ответ на внешнее воздействие окружающей среды. В нашей статье мы рассмотрим особенности психологического стресса студентов при переходе на дистанционное образование в условиях самоизоляции.

Весной 2020 г. мы наблюдали за тем, как поменялись условия организации учебной жизнедеятельности студентов. Такая резкая смена условий образования заставила студентов запустить механизмы самообразования и самовоспитания. Важно отметить, что занятия в домашних условиях в большей степени расслабляют, так как в полной мере не осуществляется методический контроль над обучающимися. Ряд особенностей, которые характерны для дистанционного образования, в значительной степени влияют на психоэмоциональное состояние студентов. Так, например, для дистанционного образования необходима жесткая самодисциплина, которая подразумевает под собой значительный самоконтроль студентов как в отношении учебного процесса, так и в отношении своего эмоционального состояния. Особенно психологический стресс испытывали студенты, которым для учебного процесса необходимо специальное оборудование и больше практических занятий, а дистанционное обучение, в свою очередь, не позволяет это организовать.

Также негативным фактором дистанционного образования выступает информационная перегрузка. Большая часть учебного материала в дистанционном формате обучения переходит в самостоятельное изучение. Студенты были вынуждены перебирать большой поток информации для выполнения своих заданий, что приводило к погрешности в режиме труда и отдыха.

Еще одним негативным фактором является недоступность дистанционного образования определенной группе студентов. Так, многие студенты из сельской местности в период самоизоляции и дистанционного образования имели проблемы с доступом к интернету, что повлекло пропуск лекционных занятий в онлайн-режиме и трудности с выполнением самостоятельных работ. Такая изолированность также влечет за собой появление стресса, который подкрепляется мыслями «я не успеваю за одногруппниками», «не сдам сессию», «меня отчислят».

В целях нашей работы мы провели анализ последних исследований и публикаций, которые напрямую связаны с особенностями психологического стресса студенческой молодежи в период дистанционного образования. Так, сотрудники Магнитогорского государственного университета провели онлайн-анкетирование студентов с целью изучения адаптации студентов к дистанционному образованию. В исследовании приняли участие 90 студентов в возрасте от 18 до 27 лет. Исследование показало, что психоэмоциональное состояние обучающихся в вузах в режиме самоизоляции следующее: 22,5 % респондентов постоянно переживают, у 26,3 % респондентов наблюдается стресс, у 37,5 % респондентов спокойное состояние, 48 % респондентов нуждаются в живом общении. При этом выяс-

нилось, чего боятся студенты, обучающиеся в вузах во время пандемии: 55 % респондентов боятся не сдать сессию, 48,8 % респондентов боятся не успеть выполнить все задания преподавателей, 18,8 % ничего не боятся [5].

Научно-исследовательская лаборатория Сургутского педагогического университета «Здоровый образ жизни и охрана здоровья», которая на протяжении 12 лет проводит психофизиологические исследования и изучает психологические реакции студентов на условия обучения, также поделилась результатами своего исследования, направленного на изменение психических реакций студентов во время перехода на дистанционное образование. Исследование проводилось с использованием комплекса стандартизированных и общепринятых компьютерных методик, которые можно применять и объективно оценивать дистанционно. Результаты исследования были следующими: 45,1 % респондентов имели низкую нервно-психическую устойчивость, которая предрасполагает к психологическим срывам и психосоматическим заболеваниям; 30,4 % респондентов в целом эмоционально устойчивы, но при этом у них возможны проявление агрессии и конфликтности; 24,5 % респондентов обладают высокой эмоциональной устойчивостью [1].

В Государственном университете управления среди студентов 1 курса в период дистанционного обучения также провели исследование, которое было направлено на выявление субъективного благополучия (приняло участие 100 респондентов в возрасте от 18 до 20 лет). Результаты были следующими 41 % респондентов обладают умеренным субъективным благополучием, при котором нет беспокоящих трудностей, но и отсутствует полный эмоциональный комфорт; 20 % респондентов имеют высокий уровень субъективного неблагополучия, что подразумевает плохой уровень адаптивности к изменениям ситуации и склонность к депрессии; 12 % респондентов ощущают умеренный эмоциональный комфорт (не было значительных трудностей с адаптацией к новым условиям получения образования); 9 % респондентов демонстрируют заметный эмоциональный дискомфорт и у 13 % респондентов наблюдается полное эмоциональное благополучие [6].

Влияние на психологическое состояние студентов при переходе на дистанционное образование также не оставило без внимания Студенческое научное общество РЭУ им. Плеханова. Ими было проведено исследование с марта по июль 2020 г., в котором приняло участие 750 студентов вуза г. Москвы. Результаты были следующими: 81 % опрошенных были не удовлетворены качеством удаленного образования, что, в свою очередь, повлияло на психологическое и физическое состояние – 74 % опрошенных устали от электронного информационного потока. 60 % опрошенных отметили, что испытывали большую нагрузку на свое психологическое состояние, так как увеличился объем заданий [7].

В Иркутске коллеги из ИГУ (И. А. Журавлева [2; 3]) и ИГМУ (А. В. Завьялов [4]) проводили изучение оценок студентов дистанционного

обучения в период пандемии, где выявили невысокие показатели значимости удаленной работы, дополнительные ограничения и сложности в усвоении учебного материала.

Проведя анализ исследований, мы заметили, что в большинстве случаев при переходе на дистанционное образование студенты испытывали психологический стресс разного характера: переживание, тревога, агрессия, эмоциональная неустойчивость, беспокойство, усталость. Проанализированные исследования показывают, что проблема психологического стресса среди студентов существует и ее не нужно оставлять без внимания.

Мы не исключаем того, что в дистанционном образовании есть ряд положительных моментов. К примеру, доступность в любой точке мира, где есть Интернет. Также стоит отметить, что дистанционное образование повышает навыки самообразования и навыки использования современных возможностей будущих специалистов, что, в свою очередь, повышает самооценку и ответственность за свое будущее.

Но говоря о резком изменении формы обучения с очного на дистанционное, при низкой подготовке образовательных ресурсов, мы допускаем возможность, что студенты больше обычного подвержены психологическому стрессу. Если в школьном образовании в штате сотрудников имеется вакансия психолога, то в профессиональных учебных заведениях это редкость.

Нам видится необходимым внедрение технологий, которые будут обеспечивать психическое здоровье студентов, а также профилактику стресса и тревоги студентов в высших учебных заведениях. Это можно реализовать в форме практических занятий или в форме видеоматериалов для студентов, на которых их будут обучать самодиагностике и саморегуляции при тревогах в стрессовых ситуациях, давать проверенные методики урегулирования стресса и т. д. Данную проблему также может решить методическое пособие, которое будет содержать в себе информацию (тесты, рекомендации) по профилактике и борьбе с психологическим стрессом. Данное пособие можно разместить на официальных сайтах учебных заведений, таким образом каждый студент будет иметь доступ к методическому пособию в любое время. С привлечением таких технологий, мы надеемся, что студенты смогут улучшить состояние своего здоровья, научатся распознавать и бороться со своим психологическим стрессом, что в последующем будет способствовать их быстрой адаптации к меняющимся условиям.

Список литературы

1. Дистанционное образование студентов: фактор риска или новые возможности? // Новостной портал г. Югра. Официальный сайт. Здоровье. URL: https://ugra-news.ru/article/distantionnoe_obuchenie_studentov_faktor_riska_psikhicheskikh_narusheniy/ (дата обращения: 15.12.2020).
2. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
3. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 475–480.

4. Завьялов А. В. Социальное самочувствие во время режима самоизоляции и восприятие дистанционного обучения студентами ИГМУ // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 480–488.

5. Изучение проблемы адаптации студентов вуза в условиях самоизоляции к online-обучению с применением дистанционных образовательных технологий / Е. В. Олейник, Д. А. Муталова, Т. А. Безенкова, А. В. Мананникова // Современное педагогическое образование. 2020. С. 69–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-problemy-adaptatsii-studentov-vuza-v-usloviyah-samoizolyatsii-k-on-line-obucheniyu-s-primeneniem-distsionnyh/viewer> (дата обращения: 16.12.2020).

6. Соколовская И. Э. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов в условиях цифровизации обучения в период пандемии COVID-19 и самоизоляции // Цифровая социология. 2020. С. 46–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-factory-udovletvorennosti-studentov-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obucheniya-v-period-pandemii-covid-19-i/viewer> (дата обращения: 16.12.2020).

7. Штырно Д. А., Константинова Л. В., Гагиев Н. Н. Переход вузов в дистанционный режим в период пандемии: проблемы и возможные риски // Открытое образование. 2020. Т. 24, № 5. С. 72–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-vuzov-v-distsionnyy-rezhim-v-period-pandemii-problemy-i-vozmozhnye-riski/viewer> (дата обращения: 14.12.2020)

УДК 316.346.32-053.6
ББК С55.325.1

А. В. Бобровская, *Иркутск*

Социальное самочувствие как фактор социальной адаптации современной российской молодежи

Рассматривается теоретическая основа феномена социальное самочувствие как индикатора социальной адаптации современной молодежи. Приводится причинно-следственная взаимосвязь рассматриваемых явлений и предлагается практика социальной работы, которая может способствовать решению проблем социального самочувствия и социальной адаптации.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальная адаптация, социальная работа, молодежь.

A. V. Bobrovskaya, *Irkutsk*

Social well-being as a factor of social adaptation of modern Russian youth

The article examines the theoretical basis of the phenomenon of social well-being as an indicator of social adaptation of modern youth. The causal relationship of the phenomena under consideration is given and the practice of social work is proposed, which can contribute to solving the problems of social well-being and social adaptation.

Keywords: social well-being, social adaptation, social work, youth

Различные процессы, происходящие в современном обществе, сегодня определяют на формирование субъективного взгляда человека на свою личность, которая использует разные модели поведения, эмоции, чувства и настроение. Именно поэтому последние из поля только психологии переходит в ряд других научных направлений как объект их изучения и исследования. В своей работе автор делает упор на социологическую науку, которая способна качественно и результативно анализировать жизнедеятельность отдельной взятых социальных субъектов. В этот анализ также входит и изучение самочувствия человека, влияющие на его окружение,

социальную дистанцию с другими индивидами, модели поведения, выбор векторов дальнейшего развития и восприятие им его социальных общностей. Поэтому сегодня очень актуально исследование поля проблематики социального самочувствия. Мы же решили остановиться на изучении характера социального самочувствия молодых людей, которым в большей степени присущи высокая мобильность, вовлеченность в процесс адаптации, склонность к резким и необдуманным поступкам и т. д. Названные факторы так или иначе имеют особое влияние на их самочувствие, которое имеет не постоянство, а зачастую хаотичность.

Само социальное самочувствие берет свое начало с 80-го десятилетия прошлого века, когда появились первые научные работы о рассматриваемом нами термине, а предпосылкой возникновения данного термина послужили труды, посвященные темам общественного настроения [3]. Необходимо упомянуть о том, что комплементарной составляющей изучаемого нами понятия является социальное настроение, которое, по словам Ж. Т. Тощенко, позволяет обратиться к оценке общественных процессов в целом и оценке поведения человека в обществе, что очень важно при определении социального самочувствия [1].

Л. В. Кашкина пишет, что отличительной особенностью самочувствия социального от самочувствия физического является продолжительность и устойчивость психоэмоционального состояния, в котором с социологической стороны рассматривается комплексная удовлетворенность индивида своими статусом, положением, безопасностью, благополучием, связями, самореализацией и т. д. [1]. Следовательно, проецируя это на все общество, образовывается объективное требование изучать и оценивать социальное самочувствие, а также его динамичность, которое диктуется временем.

Молодежь во всей структуре общества вызывает особое внимание при изучении социального самочувствия населения. Их социальное настроение зависит от многих факторов и условий, образующиеся под влиянием разных причин. Несмотря на это, ряд ученых разделяют мнение о том, что социальное самочувствие молодежи разделяется на объективный и субъективный уровни, определяющиеся степенью удовлетворенности их потребностей. Объективная часть характеризуется эмоционально-оценочным отношением молодежи к достаточности/недостаточности окружающих условий в обществе для реализации самих себя, а субъективность – их оценочным отношением к удовлетворенности/неудовлетворенности личными достижениями [4]. Исходя из этого формируется три составляющие социального самочувствия, которые описаны Я. Н. Крупец: 1) внутреннее состояние, 2) оценка внешних условий, 3) восприятие собственного положения [2].

Согласно многочисленным утверждениям, изучение социального самочувствия молодежи является основой феномена их социальной адаптации к постоянно изменяющимся условиям. Показатель данного самочувствия так или иначе влияет на успешность их адаптации. В. П. Щербакова указывает также на молодежные проблемы (постоянный рост противоре-

чий в рассматриваемой категории, социальная напряженность молодежи из-за наличия угрозы личной безопасности, их замкнутость и усиление возрастной сегрегации, обособленности молодежных групп, неуверенность и нестабильность молодежи на рынке труда и т. д.), которые опосредуют социальное самочувствие, тем самым актуализируя этот феномен как эмпирический индикатор социальной адаптации [4].

Нами представляется взаимосвязь рассматриваемые двух явлений: социального самочувствия и социальной адаптации. При изучении теоретических основ мы постепенно приходим к выводу, что негативный ключ социального самочувствия во многом определяет низкий уровень социальной адаптации и наоборот: низкий уровень социальной адаптации является одной из причин плохого социального самочувствия. Для поддержания их нормального уровня во многом актуальна практика социальной работы, располагающая в своем рабочем арсенале технологию социальной адаптации, которая имеет ряд своих положительных функций.

Применяя названную нами технологию, специалисты по социальной работе и клиент совместно находят выход из образовавшейся проблемы последнего. Зачастую специалистом в адрес своего клиента на выбор или в комплексе предлагается следующее: возможность знакомства с новым человеком, моделирование усложнения нынешней ситуации, подготовка к творческой работе и обсуждение его итогов и т. п. Применяя данные методы при повышении социальной адаптации молодых людей, усваивается новый опыт, развиваются коммуникативные и адаптивные способности [5]. В комплексе применение данной технологии благоприятно влияет на социальное самочувствие молодого человека, а в последствии уже на его окружение.

Таким образом, следует сказать, что актуальность исследования социального самочувствия, его факторов как причин и следствий процесса социальной адаптации современной молодежи сохраняется и представляет большой интерес. При решении проблем социальной адаптации и улучшении социального самочувствия молодых людей сегодня необходимо прибегать к деятельности специалистов по социальной работе, которые при помощи целой технологии могут успешно решать проблемы российского молодежного общества.

Список литературы

1. Кашкина Л. В. Социальное самочувствие населения монопрофильного города // Арктика и север. 2012. № 8. С. 1–6. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/e68/04.pdf> (дата обращения: 21.11.2020).
2. Садкова Д. А. Социальное самочувствие молодежи: адаптация к общественным трансформациям // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 6. С. 91–99. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/180/1217/006.PETROVA.pdf> (дата обращения: 07.12.2020).
3. Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 51–59. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/180/1217/006.PETROVA.pdf> (дата обращения: 21.11.2020).
4. Холостова Е. И., Кононова Л. И. Технология социальной работы : учеб. для бакалавров. М. : Дашков и К, 2013. 478 с.

5. Щербаков В. П. Социальное самочувствие молодежи – интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-molodezhi-integralnyy-pokazatel-ee-adaptatsii-k-obschestvennym-peremenam-v-rossii> (дата обращения: 06.12.2020).

УДК 316.346.32-053.6
ББК С55.325.1

Е. И. Власевская, *Иркутск*

Социальная активность молодежи как основной двигатель государственной молодежной политики

Рассматривается понятие социальной активности молодежи и его теоретический анализ. Приводится причинно-следственная связь социальной активности современной молодежи и государственной молодежной политики, которая выражается в деятельности социальных служб.

Ключевые слова: молодежь, социальная активность, государственная молодежная политика, социальная работа, жизненная позиция.

Е. I. Vlasevskaya, *Irkutsk*

Social activity of young people as the main engine of state youth policy

The article discusses the concept of social activity of youth and its theoretical analysis. The author deduces a causal relationship between the social activity of modern youth and state youth policy, which is expressed in the activities of social services.

Keywords: youth, social activity, state youth policy, social work, life position.

На сегодняшний день молодежь активно принимает участие в различных процессах общества как локального, так и глобального. В большинстве случаев она используется той частью этих процессов, на которую возлагается основной труд и продвижение каких-либо интересов и целей. Вот только само явление социальной активности молодежи было взято во внимание ученых не сразу. И. В. Троцук и К. Г. Сохадзе пишут, что в поле ученых оно попало при изучении социального потенциала молодежи, и трактуют понятие социальной активности как сознательную и целенаправленную деятельность личности и ее социально-психологические качества, которые направлены на воздействие социальной среды и ее элементов [7, с. 59]. Необходимо отметить, что в процессе этого воздействия происходит не только преобразование настоящих реалий, но и преобразование самой личности, т. е. субъекта рассматриваемого процесса. В этом свете актуальна проблематика поддержки этой социальной активности современной молодежи, которая явно имеет два направления: положительное и негативное. Понятно, что первое характеризуется своей пользой для других членов общества, а второе – своими отклоняющимися от норм и ценностей всего общества действиями.

Для понимания сущности проявления социальной активности молодежью автором предлагается рассмотреть ее мотивы, которые имеют свою классификацию. Мотивы бывают: социальными (отражаются гражданским долгом и ответственностью, проявлением справедливого отношения к различным общественным инициативам и оказанием в нужный момент помощи другим людям), селективными (рассматриваются молодежные перспективы в отношении профессии и профессиональной самореализации, возможностей дополнительного заработка и т. п.), компетентностными (представляются получением знаний, навыков и опыта, не имевшихся у человека ранее, посредством вовлечения в деятельность, которая ему интересна); мобилизационными (характеризуются влиянием разных групп из окружения индивида: семья, коллеги, друзья, знакомые по совместному досугу и хобби и т. д.) [5, с. 348].

Рассматривая структуру социальной активности, в этом ключе интересен подход В. Н. Константинова, который считает, что социальная активность имеет четыре уровня. В определении разного уровня этой активности он обращается к жизненной позиции, что, по мнению автора, является справедливым. Итак, опишем эти уровни, исходя из молодежных жизненных позиций: 1) высшего уровня активности, проявляющейся в социальной инициативе и творческой деятельности личности; 2) среднего уровня активности, заключающейся в обязанностях, к которым личность имеет ответственное отношение, и в преобладании репродуктивной деятельности; 3) низкий уровень активности, которая причисляется к пассивной жизненной позиции, отражающаяся здоровой социальной основой конформизма; 4) различная активность с направленностью, характеризующаяся потенциальной негативностью в отношении окружения индивида, и причисляется также к пассивной жизненной позиции, отличающаяся скептицизмом и конформизмом, основанным на социальных разочарованиях [2]. Исходя из этих уровней, мы понимаем, что развитие общества возможно при большем проявлении высокого уровня социальной активности. Но присутствие молодых людей с другими уровнями этой активности также необходимо для проведения профилактики нововведений, на некоторые из которых конформизм, скептицизм и, даже, проявление девиации выступают как ответные реакции молодежных групп. Следовательно, сегодня государственная молодежная политика активно регулируется и реализуется различными структурами в целях повышения социальной активности, что возможно благодаря положительным нововведениям.

Но автор актуализирует причинно-следственную связь социальной активности и государственной молодежной политики. Актуальность этой связи сегодня может вызвать серьезное внимание со стороны многих ученых для более глубокого изучения и проведения исследований. Идея об актуализации данной связи вытекает из социологического определения молодежи К. Мангейма: «Молодежь – это один из скрытых ресурсов общества, от мобилизации которого зависит его жизнеспособность» [4].

Определение ясно показывает, что государственная молодежная политика при мобилизации этого скрытого ресурса посредством повышения социальной активности молодежи обуславливает успешность своих действий, а полученный уровень социальной активности молодежи и сама социально-активная молодежь дает информационный ресурс для дальнейших действий этой политике.

Сегодня государственная молодежная политика создает условия для взаимодействия различных институтов общества в целях воспитания и самореализации молодежи и, следовательно, развития потенциала всей страны [1, с. 66]. Поэтому социальную активность молодежи сегодня можно воспринимать как один из индикаторов развития гражданского общества.

Конечно, одним из двигателей этой государственной молодежной политики работа социальных служб, которые реализовывают мероприятия на различных уровнях в целях оказания социальной поддержки и оказания разного рода услуг. Сегодня социальными службами и их работниками, в частности специалистами по социальной работе, решаются проблемы молодежи по трудоустройству, обеспечению жилья, правовой защите и т. д. [6]. Актуальность их работы в рамках нашего исследования заключается в том, что без решения этих проблем невозможно поддерживать здоровую социальную активность в молодежной среде.

Вообще в сфере социальной работы сформирована целая дисциплина, направленная на изучение проблем социальной работы при непосредственной работе с молодежью. Изучение данной дисциплины позволяет четко понимать проблемное поле, в котором оказывается специалист по социальной работе. С. В. Павлюк и А. Я. Матиевой определяется три группы проблем:

- 1) проблемы безопасности молодежи (понимается здоровье физическое, социальное и духовное);
- 2) проблемы жизненных перспектив молодежной когорты (в данную группу входит творческая и профессиональная самореализация, уровень образования возможности карьерного роста, благосостояние личное и его нынешней/будущей семьи);
- 3) проблемы «социального участия» [3, с. 66].

В работах Л. Н. Батяновой, И. А. Журавлевой [10], Р. В. Иванова [9], О. А. Полюшкевич [8] прослеживаются вопросы проявления активности молодежи в повседневном публичном пространстве, рассматривающие разные аспекты социального моделирования общественной жизни.

При решении данных проблем можно наблюдать рост социальной активности молодежи, что сегодня можно аргументировать наличием и работой множества общественных детских и молодежных объединений и движений по всей России, которые являются также формой реализации Государственной молодежной политики.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня социальная активность современной молодежи имеет ряд различных особенностей, которые

на прямую влияют на государственную молодежную политику. В целом активность молодежи является основным двигателем большинства различных процессов, которые происходят в обществе, поэтому правильная поддержка со стороны государства и других категорий общества очень значима. Государственная молодежная политика и социальная активность молодежи показывает нам причинно-следственную связь, являющаяся непосредственно частью сферы социальной работы.

Список литературы

1. Березутский Ю. В. Роль государственной молодежной политики в развитии социальной активности молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1 (89). С. 65–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-razvitiisotsialnoy-aktivnosti-molodezhi/viewer> (дата обращения: 09.12.2020).
2. Константинов В. Н. Социальная активность и пассивность личности. Владимир: ВГПИ, 1990. 130 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/010003_000061_c5fb53bf95f07e1f7068f526991ce8de/ (дата обращения: 09.12.2020).
3. Павлюк С. В., Матиева А. Я. Проблемы социальной работы с молодежью // КАИТ. 2015. № 2(15) С. 65–66. URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2016-03/trofimenko.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).
4. Севастьянова А. А., Осипова Л. Б. Социальная активность молодежи как условие динамичного развития общества // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22320> (дата обращения: 09.12.2020).
5. Сохадзе К. Г., Троцук И. В. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН, серия Социология. 2017. Т. 17. 3. С. 348–363. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-rossiyskoy-molodezhi-mashtaby-i-factorysderzhivaniya/viewer> (дата обращения: 24.11.2020).
6. Трофименко Е. Н. Социальные технологии работы с молодежью // Белг. гос. нац. иссл. ун-т. 2016. URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2016-03/trofimenko.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).
7. Троцук И. В., Сохадзе К. Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН, серия Социология. 2014. № 4. С. 58–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-molodezhi-podhody-k-otsenke-form-motivov-i-faktorov-proyavleniya-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 23.11.2020).
8. Полошкевич О. А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан // Социология. 2020. № 2. С. 299–305.
9. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
10. Батьянова Л. Н., Журавлева И. А. Гражданская активность как фактор социально-политической стабильности региона (социально-философский аспект) // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 177–186.

Социальное неравенство как причина возникновения девиации в молодежной среде: теоретический анализ

Рассматривается социальное неравенство как фактор девиантного поведения молодежи в обществе и как первопричина вхождения молодых людей в группы риска. Указываются разные формы социального неравенства и профилактики девиантного поведения молодежи.

Ключевые слова: социальное неравенство, молодежь, девиация, девиантное поведение, социальная работа.

D. A. Medvedeva, *Irkutsk*

Social inequality as the cause of the emergence of deviation in the youth environment: theoretical analysis

The article examines social inequality as a factor in the deviant behavior of young people in society and as the root cause of young people entering risk groups. Various forms of social inequality and prevention of deviant behavior of young people are presented.

Keywords: social inequality, youth, deviation, deviant behavior, social work.

На сегодняшний день социальное неравенство отражает сложную иерархическую структуру современного общества и определяет основную сущность его стратификации. Разность положения индивидов, социальных групп, классов, слоев и, конечно, целых государств в иерархии локализованного общества и общей глобальной иерархии создает определенные проблемы в удовлетворении ими своих потребностей различного характера. Неудовлетворенность потребностей становится главным фактором, который вызывает рост социальной напряженности в современном российском обществе. Но перед этим необходимо понимать основные причины сегодняшнего социального неравенства.

Причинами социального неравенства, как утверждают многие исследователи, выступают: 1) неравное отношение к собственности, которое ярко отразилось в марксизме; 2) владение собственностью, наличие власти и определенных качеств; 3) стремление любой ячейки общества, организации, социального института, государства в целом к упорядочению структуры управления, вызывающее одновременно подчинение и порядок. Безусловно, следствием всего этого является расслоения общества на бедных и богатых, между которыми с трудом формируется средний класс, поддерживающий стабильность любого общества.

Бедность и богатство формирует определенные социально-экономические отношения в обществе, которые опосредуют отклоняющееся поведение. Е. В. Гребенкин отмечает, что взаимосвязь здесь очень сложна и зачастую многопланова, и ссылается на историю развития всего общества, свидетельствующая о ее существовании [1]. Я. И. Гилинский также считает, что социальное неравенство, вызывающее разный уровень удовлетворения потребностей, является источником девиантного поведения [4].

Рассматривая молодежь в аспекте формирования их жизненных ценностей в процессе социализации и усвоения общественных норм и моделей поведения, следует упомянуть, что она более всего подвержена риску вовлечения в девиантные группы из-за наличия социального неравенства. Такой позиции придерживается В. Н. Ярская, которая утверждает, что «существующее в обществе неравенство неблагоприятно влияет на жизненные шансы молодежных групп, особенно непривилегированных» [5]. Это социальное неравенство как отмечалось выше в первую очередь вызывает чувство неудовлетворенности, а удовлетворение потребностей, как мы понимаем, играет важную роль в полноценном ощущении себя частью большого общества. Отсутствие возможностей удовлетворить свои потребности зачастую ведет к хаотичному восприятию общепринятых ценностей, а также, что немаловажно, к их неправильному восприятию. В. С. Грехнев пишет, что детская и подростковая преступность является следствием самостоятельного выстраивания норм и ценностей субъектами этой преступности [2]. Также он пишет, что сегодня у многих людей есть уже постоянное чувство неудовлетворенности, что является характерным признаком предрасположенности к девиации разных форм.

Такая причинно-следственная связь имеет разные формы и разный временной период, которые определяется уже индивидуальными качествами отдельно взятого члена категории молодежи. В добавок сегодня есть разные формы социального неравенства, которые имеют свои сущностные особенности и характеры влияния на вхождение молодежи в группу риска девиантного поведения. Н. Г. Осипова выделяет следующие формы социального неравенства: ресурсное (это уже приведенное нами неравенство между богатыми и бедными), витальное (или биологическое, которое характеризуется отношением к окружающей среде и здоровью), экзистенциальное (основано на таких категориях как социальная инклюзия и социальная эксклюзия), инвайронментальное (основано на изучении распределения и потребления экологических ресурсов), пространственное (ссылается на пространственную сегрегацию и джентрификацию в городах), неравенство с позиций социального конструктивизма (определяется производством и воспроизводством самими людьми социального неравенства) [3]. Следовательно, мы видим, что наличие разных форм социального неравенства так или иначе ведет к отклоняющемуся поведению в среде молодежи, да и других категорий населения в целом. Сама же категория молодежи большую часть своего времени, находясь на этапе формирования своих профессиональных и личностных основ, имеет наибольший риск девиации.

Профилактикой этой девиации сегодня в большей степени занимается сфера социальной работы, которая имеет уже целостную систему по реагированию на девиантное поведение. В данной системе отлажены разные уровни ее превенции, которые отмечены В. С. Грехневым: 1) воздействие на окружение; 2) воздействие на группы риска; 3) воздействие на причины

возникновения девиации [1]. Но необходимо сказать, что социальная работа занимается зачастую с уже возникшими девиантными группами или девиациями отдельно взятого индивида, с устранением причин повторного вовлечения их вовлечения в группы риска и т. д., не прорабатывая механизмы устранения первопричин возникновения девиации среди молодежи. В этом контексте более актуальна социальная политика государства, которая во многом формирует основу для успешного функционирования социальных институтов в аспекте благоприятной социализации молодежи в разные группы общества.

Таким образом, делая выводы по данной работе, необходимо нами отметить, что социальное неравенство имеет сильное влияние на возникновение предпосылок к девиации в молодежной среде из-за неправильного понимания ее сущности. Социальное неравенство так таковое нужно актуализировать как ориентированность на регуляцию порядка в разных группах общества, а не как расслоение всего общества на бедных богатых. Актуализация такого отношения молодежи к социальному неравенству возможно благодаря социологии, которая с помощью теоретических обоснований сможет правильно и корректно реализовать ее в жизни, и практике сферы социальной работы, которая сегодня имеет тесный контакт с живым результатом последствий социального неравенства в среде молодежи и не только.

Список литературы

1. Гребенкин Е. В. Девиантное поведение (социороскультурный анализ) : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : Изд. НГПУ, 2007. 86 с. URL: <https://repo.nspu.ru/bitstream/nspu/3629/1/deviantnoe-povedenie-sociokrossk.pdf> (дата обращения: 07.12.2020).
2. Грехнев В. С. Девиации поведения и педагогические возможности их коррекции // Философия и общество. № 2. 2012. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/143588/> (дата обращения: 07.12.2020).
3. Осипова Н. Г. Социальное неравенство в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18, Социология и политология. 2019. Т. 25, № 4. С. 124–153. URL: <https://vestnik.socio.msu.ru/jour/article/view/633/358> (дата обращения: 07.12.2020).
4. Плюсов Д. В. Девиантное поведение малых молодежных групп в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Акад. упр. МВД России. М., 2003. 28 с. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197379875.pdf> (дата обращения: 07.12.2020).
5. Ярская В. Н. Социология молодежи в контексте социальной работы : учеб. пособие. Саратов : Саратов. гос. техн. ун-т, 2004. 298 с. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/19197291/> (дата обращения: 07.12.2020).

Современные проблемы социальной адаптации российской молодежи и социальная работа как фактор ее успешной адаптации

Рассматривается проблематика социальной адаптации современной российской молодежи. Раскрывается теоретическая основа понятия «социальная адаптация» и ее основные функции. Показывается деятельность специалиста по социальной работе как эффективный метод решения проблем социальной адаптации современной российской молодежи.

Ключевые слова: социальная адаптация, молодежь, социальная работа, специалист по социальной работе.

A. I. Novokhatskaya, *Irkutsk*

Modern problems of social adaptation of Russian youth and social work as a factor in their successful adaptation

The article deals with the problems of social adaptation of modern Russian youth. The theoretical basis of the concept of "social adaptation" and its main functions are revealed. The author also cites the activities of a specialist in social work as an effective method for solving the problems of social adaptation of modern Russian youth.

Keywords: social adaptation, youth, social work, social work specialist.

Процесс социальной адаптации современной молодежи на сегодняшний день привлекает большой интерес и представляет собой острую социальную проблему нашего общества. Данный процесс и его проблематика приводит к необходимости исследовать особенности нынешней социальной адаптации российской молодежи. В первую очередь следует обратиться к опыту отечественных ученых, которые не раз проводили исследования по этой теме.

Для понимания теоретической основы термина «социальная адаптация», нам необходимо обратится к трактовке понятия «адаптация», которую дают некоторые ученые. Л. С. Выготский считает, что адаптация является для человека некой связью с происходящими культурными и историческими обстоятельствами в его жизни [3]. В другом ключе понимает адаптацию И. А. Милославова, относящая ее к одному из механизмов социализации молодых людей. По ее мнению, именно этот механизм способствует молодым людям с помощью стандартизации прошедших событий интегрироваться в различные социальные группы общества [1]. Л. Д. Столяренко адаптацию представляет как процесс вхождения индивида в какую-либо деятельность и интернализацию им происходящих вокруг социальных отношений [5]. Безусловно, четкого определения адаптации сегодня в науке нет, но, благодаря исследованиям ученых, мы имеем полноценное представление о самой адаптации.

К тематике социальной адаптации автором предлагается подойти со стороны результатов исследования Бабинцева В. П. Ушамирского А. Э., которые провели сравнительный анализ социальной адаптации и социализации

зации. По итогам их работы мы видим: 1) социализация предполагает селекцию индивидом ценностей и норм (и зачастую не то, что устоялись в обществе), а социальная адаптация такого не требует; 2) социализация и социальная адаптация во многом отличаются друг от друга соотношением формальности и реальности процессов, происходящих вокруг индивида [1]. Понимание этих существенных особенностей социальной адаптации и социализации дает нам четкое разграничение этих понятий, которые не следует путать.

Определение термину социальная адаптация дается в энциклопедическом словаре в шести томах Л. А. Карпенко, в котором говорится, что социальная адаптация является видом взаимодействия индивида с окружающей социальной средой и процессом принятия им условий этой среды [6]. В связи с этим необходимо упомянуть о том, что именно категория молодежи является одной из тех категорий, которые за определенный период жизни проходят различные этапы: завершение школы, поступление в профессиональное учебное заведение, его окончание, поиск работы и временная безработица, связанное с ней временное материальное неблагополучие, у мужчин обязательная военная служба, серьезным процессом является поступление на работу и освоение нового рабочего места, заведение своей семьи и, возможно, рождение детей и т. д. Все эти этапы зачастую проходят именно в молодом возрасте. Каждый этап характеризуется своими особенностями, и далеко не каждый человек может пройти все эти этапы без психологической и эмоциональной нагрузки. Некоторые из этих этапов могут начаться одновременно, усложняя социальную адаптацию личности. Следовательно, формируется острая необходимость в способствовании молодым людям создавать благоприятный эмоционально-психологический фон для их успешной социальной адаптации к постоянно изменяющимся условиям глобального общества и социальных групп, в частности.

Институтом, который может благоприятно способствовать социальной адаптации молодых людей в различные социальные группы общества, является, по нашему мнению, высококвалифицированная социальная работа. В контексте рассматриваемой нами проблемы привлекает внимание деятельность специалиста по социальной работе. Выполняя диагностическую, прогностическую, правозащитную, организационную, предупредительно-профилактическую, социально-медицинскую, психологическую, педагогическую, бытовую, а также коммуникативную функции он может в комплексе разрешать различные проблемы социальной адаптации и нуждающихся в помощи молодых людей современного общества. Т. Н. Сафонова отмечает, что необходимо учитывать подходы специалиста по социальной работе, которые способствуют его успешной деятельности: 1) воспитательный (когда специалист по социальной работе занимает роль учителя или консультанта, а может и эксперта, способный дать совет, обучить новым умениям и навыкам); 2) фасилитативный (когда специалист по со-

циальной работе выступает в качестве посредника, который способен разрешить проблемы апатии личности, направлен на выявление новых альтернативных векторов социальной адаптации и может объяснить и донести происходящую вокруг ситуацию); 3) адвокативный (когда специалист по социальной работе исполняет роль адвоката отдельно взятой личности или целой группы и помогает выдвигать усиленные аргументации по той или иной противоречивой ситуации) [4].

Безусловно, знания, опыт, статус, эмпатийность, репутация и другие не менее значимые качества личности специалиста по социальной работе дают ему твердую уверенность в легальности всех услуг, которые он предоставляет тем или иным клиентам. Решая проблемы социальной адаптации современной молодежи, он должен иметь представление о том, проблему какого уровня социальной адаптации он решает. А. Д. Вислова выделяет три уровня: 1) макро (уровень общества, на котором больший упор делается на такие факторы как политика, социально-экономическая составляющая и духовно-нравственные идеалы общества); 2) микро (уровень социальных групп, в которых акцентируется внимание на взаимоотношения индивида с членами семьи, коллегами, друзьями и т. д.); 3) внутриличностный (индивидуальный уровень, на котором специалист по социальной работе может решать проблемы низкой самооценки личности, плохого эмоционально-психологического фона и т. п.) [2]. На каждом уровне наш специалист имеет различные ресурсы, которыми он должен владеть свободно или которые необходимо привлекать при их отсутствии.

Таким образом, мы видим, что сегодня есть серьезная проблема в актуализации социальной работы в направлении решения проблем социальной адаптации молодых людей. Сама социальная адаптация может быть разной, следовательно, у каждого клиента индивидуальный случай, в связи с чем есть потребность в универсальном специалисте по социальной работе. Учитывая значимость успешной социальной адаптации молодежи современного российского общества, мы понимаем остроту проблематики социальной адаптации, которую невозможно решить одним нормативно-правовым актом. Здесь необходима комплексная работа специалистов разных профилей, деятельность которых будет актуализирована именно специалистом по социальной работе.

Список литературы

1. Бабинцев В. П., Ушамирский А. Э. Российская молодежь: социализация как социальная адаптация // Научные ведомости БелГУ Серия Философия. Социология. Право. 2016 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodezh-sotsializatsiya-kak-sotsialnaya-adaptatsiya> (дата обращения: 15.11.2020).
2. Вислова А. Д. Проблемы социальной адаптации молодежи в современном обществе (на примере Кабардино-Балкарии). Нальчик : Ред. отдел ИГИ КБНЦ РАН. 2017. 104 с.
3. Вислова А. Д. Социальная адаптация молодежи в современных реалиях // Социально-гуманитарные знания. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-adaptatsiya-molodezhi-v-sovremennyh-realiyah/viewer> (дата обращения: 15.11.2020).

4. Сафонова Т. Н. Социально-личностный аспект адаптации к социальной работе студентов – будущих специалистов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-lichnostnyy-aspekt-adaptatsii-k-sotsialnoy-rabote-studentov-buduschih-spetsialistov> (дата обращения: 15.11.2020).

5. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов-на-Дону, 2010, с. 364

6. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского. М. : ПЕР СЭ, 2006. 176 с.

УДК 316.62
ББК С55.325.1

М. А. Спешилова, *Иркутск*

Современная молодежь в аспекте формирования жизненных стратегий

Рассматривается проблема понимания сущности жизненных стратегий глазами современной молодежи. Приводятся мнения ученых, определяющих актуальность жизненных стратегий и их изучение. Также исследуется роль социальной работы в выстраивании молодежью своих жизненных стратегий.

Ключевые слова: молодежь, жизненная стратегия, жизненная перспектива, социальная работа.

M. A. Shpeshilova, *Irkutsk*

Modern youth in the aspect of the formation of life strategies

The article examines the problem of understanding the essence of life strategies through the eyes of modern youth. The author cites the opinions of scientists who determine the relevance of life strategies and their study. It is also proposed to consider the role of social work in building young people's life strategies.

Keywords: youth, life strategy, life perspective, social work.

Современное общество на сегодняшний день характеризуется своими постепенными и постоянными процессами глобализации, урбанизации, цифровизации и унификации практически всех сфер жизнедеятельности. Каждое новое поколение молодежи в этих процессах является практически зависимым, но в то же время выступает основной движущей силой. В то же время она довольно быстро может реагировать на масштабные социальные изменения в обществе, а впоследствии быстро адаптируется к этим изменениям. Также она быстро осваивает новые инструменты, технологии, способы коммуникации, что невозможно сказать о более старших людях. Молодые люди XXI в. аккумулируют опыт прошлых поколений и в то же время модернизируют его под новые глобальные и цифровые условия. Следовательно, в этой модернизации они видят свое дальнейшее развитие и выстраивают свои жизненные стратегии.

Л. Б. Осипова и Л. А. Энвери актуализируют изучение жизненных стратегий молодежи, относя это к ряду обстоятельств: во-первых, снижается роль и участие многих традиционных институтов социализации индивида, модифицируются ценностные ориентации современной молодежи; во-вторых, сама молодежь – это активный гарант планомерного и постоян-

ного развития общества, а их жизненные стратегии – это индикатор, который сегодня может помочь прогнозировать многие социальные процессы развивающегося общества; в-третьих, сегодня деформируется возрастная структура общества, которая свидетельствует о депопуляции населения; в-четвертых, постоянно изменяется статус молодежи в глобальном обществе, которое напрямую влияет на уровень безработицы среди молодых людей и ограничение их в перспективах социального роста и самореализации в профессиональном плане [9].

Автоматически выстраивая позиции и приоритеты о будущем, многие люди не имеют представления о сущности жизненных стратегий, хотя в науке оно является распространенным понятием. Алиев Ш. И. проводит параллель между жизненными стратегиями и жизненными планами, говоря о том, что с помощью них можно проектировать свою будущую жизнь [2]. Но в самой этимологии слова имеется коннотация об изменении динамики жизни, что очень характерно жизни современной молодежи. С точки зрения К. А. Абульхановой-Славской жизненные стратегии имеют три основных признака: 1) когда человек определяет для себя свои жизненные цели, выстраивает этапы их достижения, выбирает способы и направления жизни; 2) когда человек постепенно разрешает свои противоречия в жизни между «хочу» и «предлагают»; 3) когда человек формирует свои ценности жизни, вовлечен в творчество и благодаря ему созидает эти ценности [1]. Большинство людей редко задумываются о своих жизненных стратегиях и перспективах, поэтому предпочитают в основном жизнь «по течению» большинства и жизнь «здесь и сегодня». Но жизненные стратегии предполагают своей сущностью другой уровень организации культуры этой самой жизни, более высокий. Поэтому-то К. А. Абульханова-Славская представляет нам в основном жизнеориентирование человека, его жизнестроительство и, конечно, жизнетворчество [2].

Украинский ученый Е. И. Головаха обратился к жизненным перспективам и определяя их, по нашему мнению, он близок к описанию жизненных стратегий. Он подчеркивает понимание жизненных перспектив как целостной картины будущего, как ценность социальную, а не духовную, относит ее к индивидуальному смыслу жизни каждого человека [3]. Н. А. Шлапак же обращается к жизненным планам, которые актуализируют в сознании человека объективную реальность, имеют мобилизующее и организующее ресурсы свойства, выступают лучшим средством превращения возможностей в действительность [9].

На основании теорий, мнений и подходов многих ученых Алиев Ш. И. все же попытался вывести определение понятию «жизненная стратегия». Он пишет: «жизненные стратегии – это идеальная модель, формирующаяся в сознании индивида, представляющая собой систему целей и задач человека во всех сферах его жизнедеятельности, а также способов их достижения и репрезентирующая смысл его жизни. Основными характе-

ристиками жизненных стратегий личности являются их динамичность и интегральность» [2].

Сегодня имеется много социальных проблем, которые достаточно долго решаются государственной социальной политикой, которая в то же время имеет существенные результаты. В любом случае молодежь не имеет хорошей опоры для уверенного планирования своей будущей жизни и выстраивания своих жизненных стратегий. Постоянная адаптация к новым условиям зачастую приводит к психологическому стрессу, растерянности. Для решения их проблем зачастую обращаются к формам социально-психологической работы с подростками, студентами, молодыми семьями и т. д. В этом же поле актуальна социальная работа.

В исследованиях И. А. Журавлевой и коллег выявляются жизненные перспективы и сценарии развития российской молодежи, на примере молодежи Иркутской области, выявляются образовательные и профессиональные приоритеты, а также смысложизненные ориентации [4–7].

Современный специалист по социальной работе располагает многими знаниями и технологиями из своей профессиональной деятельности, которые могут способствовать успешному выстраиванию своих жизненных стратегий. Так, к примеру, посредством технологий социальной работы можно снизить риск попадания молодых людей в депрессию и стресс, а мероприятия, организуемые специалистом по социальной работе, могут способствовать успешному пополнению его личностного капитала и планированию своих личностных ресурсов в долгосрочной перспективе. Тем самым, благодаря этому, у молодого человека формируется основа для выстраивания своих жизненных стратегий и перспектив. Данная основа, по нашему мнению, будет характеризоваться хорошим эмоционально-психологическим фоном, что немаловажно в рассматриваемом нами поле проблемы.

Через реализацию социальной политики государство всячески поддерживает категорию молодежи, в этом ключе немаловажную роль играет социальная работа как средство ее реализации. Именно социальная работа позволяет выработать стратегии развития социальной политики, и сама является их основным субъектом воплощения в жизнь. Деятельность социальной работы от лица государства подкреплена ст. 7, 38, 39 и 41 Конституции РФ, Федеральным законом «О государственной поддержке молодежных и детских объединений» от 28.06.1995 № 98-ФЗ многими другими, которые регулируют и утверждают деятельность социальной работы, направленную непосредственно на молодежь. В связи с этим необходимо сказать, что главная цель социальной работы с молодежью – это обеспечение безопасности на всех уровнях власти их качеств и свойств, которые необходимы для постоянного развития государства в целом и его регионов в частности [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что жизненные стратегии рассматриваются как идеальные модели формирования целей и задач, основных личностных ресурсов для реализации себя во всех сферах жизнедеятельности.

тельности. Необходимо понимать, что молодежь – это та категория людей, которая еще формирует свои жизненные ценности, в связи с чем для них важна самореализация в первую очередь. Следовательно, первостепенными задачами для них будут выступать получение профессионального образования, которое будет определять их материальное и духовное благополучие, и создание своей семьи. Именно в этом контексте следует актуализировать работу специалистов по социальной работе, возможно, выступающие одними из основных агентов их социализации и обладающие всем необходимым для помощи им в дальнейшем развитии.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегии жизни. М. : Мысль, 1991. 350 с.
2. Алиев Ш. И. Понятие и типы жизненных стратегий // Известия Дагестанского государственного университета. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-tipy-zhiznennyh-strategiy/viewer> (дата обращения: 13.11.2020).
3. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб. : Питер, 2000. С. 256–269.
4. Журавлева И. А. Модернисты и традиционалисты: образовательные траектории российской молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2019. № 6. С. 31–34.
5. Журавлева И. А. Образовательный контекст трудовой реализации российской молодежи // DIXI-2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2019. С. 71–78.
6. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи // Социология. 2020. № 2. С. 117–127.
7. Журавлева И. А., Иванов Р. В., Тетерин В. В. Изучение жизненных приоритетов региональной молодежи: качественный анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 52–59.
8. Кондратьева Я. В. Проблемы социальной работы с молодежью : учебник. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 278 с. URL: https://www.spbume.ru/file/pages/78/kondratieva_probl_s_molodezhu.pdf (дата обращения: 12.11.2020).
9. Осипова Л. Б., Энвери Л. А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 108–129. URL: http://esc.vscc.ac.ru/article/1964/full?_lang=ru (дата обращения: 12.11.2020).

Актуальные формы и методы профилактики девиантного поведения молодежи сельской местности

Рассматриваются особенности проявления и развития девиантного поведения молодежи сельской местности. Выявляются две наиболее актуальные формы профилактики девиантного поведения сельской молодежи и описаны его методы.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение, отклоняющее поведение, сельская местность, профилактика девиации.

R. V. Shantanov, *Irkutsk*

Actual forms and methods of prevention of deviant behavior of rural youth

The article examines the features of the manifestation and development of deviant behavior of rural youth. This paper identifies two of the most relevant forms of prevention of deviant behavior of rural youth and describes its methods.

Keywords: youth, deviant behavior, deviant behavior, countryside, prevention of deviation.

Сельская местность на сегодняшний день характеризуется процессом постепенного роста в сфере агропромышленного комплекса, благодаря серьезной поддержке государства через различные программы сельхоз развития. Только проблему безработицы, а точнее сезонной безработицы, которая является преобладающей для данной территории нашей страны, это не решает. В основные сезоны сельхоз работ (конец весны – начало лета, конец лета – начало осени) уже сформировавшиеся сельскохозяйственные кооперативы и крестьянско-фермерские хозяйства, а также более крупные организации по переработке продукции сельхозпроизводства, сегодня привлекают к работе жителей близлежащих сельских территорий на неофициальной основе и зачастую за натуральную оплату их труда. Это выявлено благодаря методу наблюдения в период с 15 февраля 2020 г. по 25 января 2021 г.

При отсутствии работы на сельхозпредприятиях вне сезона, население сельской местности в основном занято на своих мелких личных подсобных хозяйствах или случайными подработками. В более или менее густонаселенных селах и деревнях работу можно найти в сельских домах культуры, школах или администрациях населенных пунктов. И данная проблема безработицы сегодня играет существенную негативную роль в формировании благополучия жителей сельских территорий и их высокого качества жизни. При этом необходимо понимать тот факт, что отсутствие занятости или занятого времени в сутках является досугом, который сегодня в сельских местностях нашей страны организован очень плохо из-за отсутствия профессиональных и компетентных кадров в бюджетных учреждениях и отсутствия финансирования развития бюджетных организаций по направлению досуговой деятельности.

Свободное/досуговое время сельчанина подвержено различным негативным факторам, которые имеют место быть уже на протяжении последних двадцати лет. К ним в первую очередь относится фактор алкоголизации населения, которая в большей степени проявляется именно в сельской местности. Сельские жители зачастую прибегают именно к алкоголю из-за неспособности самостоятельно занять свое досуговое время. Как правило, следствием этого выступает наглядная трансляция девиантных форм проявления перед представителями молодого поколения.

Главным образом живое воспроизводство девиантных моделей поведения, не только употребления алкоголя, молодые люди видят не событийно (по особым случаям), а видят постоянно на протяжении нескольких лет. Из-за этого зачастую и возникают такие социальные проблемы как детская беспризорность, домашнее насилие, молодежная алкоголизация и наркомания и т. д. Но в данной связи необходимо понимание социальной природы данной девиации. К примеру, при разработке решений по проблеме употребления наркотиков в социологии фокус был направлен не на природу зависимости, а на социальные причины, которые заставляли потреблять наркотики и поддерживать такое поведение. В нашей проблеме девиантного поведения представителей молодежи сельской местности также необходимо актуализировать данный метод. На начальном этапе девиации молодые люди попадают не в группы девиантного поведения, а в среду комфортной для них субкультуры, которая предоставляет ему убежище, возможность без страха проявлять неконформное поведение и, конечно, обеспечивает условия для социального приятия [1].

Профилактика негативных проявлений в социальной среде сельской местности, профилактика девиации сельской молодежи сегодня на практике серьезно уступает профилактическим мерам, осуществляемые в городской местности. Применение одинаковых методов профилактики как для одной, так и для другой территории грозит низкой эффективностью и результативностью. В этой связи автором предлагается выявить наиболее актуальные формы и методы профилактики девиантного поведения в среде сельской молодежи.

О. С. Ильина в первую очередь отмечает факт очень низкого уровня культурно-досуговой деятельности, являющийся причиной агрессивных, аутоагрессивных, безнравственных/аморальных, неэстетичных форм поведения, а также причиной сексуальной и коммуникативной девиации, нарушения пищевого поведения, злоупотребления наркотиками и алкоголем [2].

В первую очередь, говоря об организации культурно-досуговой деятельности молодежи, следует упомянуть о деятельности государственных учреждений дополнительного образования, которые непосредственно занимаются этой деятельностью для подростковой молодежи. В статье 75 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, регламентирующий дополнительное образование детей и взрослых, прописано, что «дополнительное образование детей и

взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [3]. Следовательно, мы видим серьезную нормативно-правовую основу сферы дополнительного образования, которая сегодня активно и успешно реализуется в рассматриваемом нами направлении социальной политики.

Как правило, студенческой и более взрослой молодежью сегодня сочетаются различные традиционные и инновационные формы культурно-досуговой деятельности [4]. Традиционные формы занятия досуга сегодня представляются молодежи как необходимая и важная часть их жизнедеятельности и не важно, участвует она в этих культурных движениях или нет. Музыкальные и танцевальные шоу и фестивали, игры КВН и многие другие ток-шоу сегодня предстают перед нами как традиционные виды досуговой деятельности, в которых молодежь не только участвует, но и создает своим активным образом жизни досуг для другой, большой аудитории, не занятой в этих сферах, молодежи. Представленные нами виды традиционной социально-культурной досуговой деятельности во многом способствуют личностному развитию индивида, его успешной социализации в новых социальных группах, но помимо этого, являются качественными средствами профилактики девиантного поведения в молодежной среде сельской местности (Р. В. Шантаров, М. В. Попова, Е. П. Попов) [5–9].

Также для сельской местности, как видится автору из личного опыта, наиболее актуальна профилактика девиации путем привлечения к труду на сельскохозяйственных участках. Для сельской молодежи она на современном этапе интересна как временная занятость в связи с тем, что непосредственно работа в сфере сельского хозяйства затрачивает большие физические ресурсы. Но при этом данный вид профилактики способствует занятости молодых людей их жизнеобеспечению.

При этом сегодня необходимо актуализировать обучение молодых людей, проживающих в сельской местности открытию и ведению своего личного хозяйства, будь подсобное или фермерское. Сегодня государством предлагается множество программ поддержки молодых фермеров, но так такого обучения не предлагается. Система отчетности в сельскохозяйственном комплексе нашей страны имеет свои особенности, которые обычным молодым людям, имеющим желание развиваться в этой сфере не понятна.

Физический труд имеет свои положительные моменты в формировании хорошего эмоционально-психологического фона молодого поколения. При этом необходимо актуализировать проблему занятости их родителей, чтобы молодежь видела некие образцы поведения, которые могут обеспечить жизнедеятельность всей семьи. На их примере молодые люди будут стремиться к трудовой деятельности и профессиональной самореализации. Занятие сельским хозяйством также дает определенную возможность сплю-

тить всех членов семьи, обеспечить социально-психологическое здоровье в их окружающей социальной среде и, конечно, «сколотить» материальные средства для организации семейного отдыха. Сельское хозяйство также имеет огромный плюс в формировании четких мировоззренческих позиций по поводу функционала традиционного функционала мужчины и функционала женщины в социально-трудовых отношениях, что немаловажно в профилактике девиантного поведения, а именно в сексуальной девиации.

Таким образом, представленные автором два вида профилактики девиантного поведения сельской молодежи являются, по его мнению, наиболее актуальными в современных условиях жизни на селе. Высокоорганизованный культурный досуг должен также исходить из национальных особенностей сельской территории, так как национальные праздники имеют существенное место в системе семейных ценностей, в которых основное место должно отдаваться трюдолюбию и занятости всех членов семьи.

Список литературы

1. Диденко-Чинтимур Д. С., Гаврилова Т. В. Влияние процессов профессиональной деформации на формирование девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел, психологическая профилактика девиантного поведения // Вестник Московского университета МВД России. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-protssessov-professionalnoy-deformatsii-naformirovanie-deviantnogo-povedeniya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 28.01.2021).
2. Ильина О. С. Профилактика девиантного поведения у детей в условиях сельской местности // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018011088> (дата обращения: 31.01.2021).
3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 21.01.2021).
4. Суровенкова М. А. Досуговая деятельность современной студенческой молодежи // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovaya-deyatelnost-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения 27.01.2021).
5. Шантанов Р. В. Культурно-досуговая деятельность как средство профилактики девиантного поведения молодежи сельской местности (на примере Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области) // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне / отв. ред. Ю. Ю. Шурыгина. Улан-Удэ, 2020. С. 323–325. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44307076> (дата обращения 27.01.2021).
6. Попова М. В. Социальные связи сельской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 274–280.
7. Попов Е. П., Попова М. В. Социальная идентичность молодежи современных сел // Вестник Иркутского университета. 2019. Вып. 22. С. 85–87.
8. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
9. Попова М. В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич. Иркутск : Изд-во, 2019. С. 328–334.

Экстремизм как форма асоциального поведения молодежи: понятие, причины, профилактика

Рассматривается проблема экстремизма в молодежной среде. Раскрывается понятие данного феномена, причина его возникновения. Приводится характеристика молодежного экстремизма, специфика его проявления, отличие от протестной активности. Особое значение уделяется профилактике данного явления, взаимодействию разных институтов при борьбе с ним.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, молодежный экстремизм, девиантное поведение, асоциальное поведение, протестная активность.

E. S. Kosyakova, *Irkutsk*

Extremism as a form of antisocial behavior of young people: concept, causes, prevention

The article deals with the problem of extremism among young people. The concept of this phenomenon, the reason for its occurrence is revealed. The article describes the characteristics of youth extremism, the specifics of its manifestation, and the difference from protest activity. The authors pay special attention to the prevention of this phenomenon, the interaction of different institutions in the fight against it.

Keywords: youth, extremism, youth extremism, deviant behavior, antisocial behavior, protest activity.

Одной из актуальных проблем развития современного общества является распространения идей экстремизма в молодежной среде. Экстремизмом называют формы радикального отрицания существующих общепризнанных общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или группы лиц. Признаками экстремизма могут выступать:

- применение или возможность применения насильственных, силовых методов решения возникших задач;
- отсутствие эмпатии, сочувствия чужому горю и потерям;
- фанатизм;
- жесткая приверженность к одной конкретной идеологии;
- разжигание расовой или религиозной розни;
- публичные призывы к нарушению конституционных основ государства;
- использование или распространение фашистской или иной экстремистской символики;
- и т. д.

Экстремистские настроения молодых людей, их протестная активность вытекает из самой сущности молодежи как социальной группы. Именно данной категории населения присущи наиболее острая реакция на происходящие вокруг события, неопределенность убеждений, максимализм в разных его проявлениях и другие характеристики, которые делают молодежь предрасположенной к социальной девиации.

Для правильного понимания проблемы необходимо различать обычную протестную активность и политический экстремизм, сделать это бывает непросто, так как грань между двумя данными явлениями очень тон-

кая. Протест, бесспорно, является неотъемлемой частью активного гражданского общества, которое выражает свое недовольство и пытается выйти на диалог с властью. Но, если власть, со своей стороны, на диалог идти не хочет, регулярно игнорирует общественные проблемы и бездействует при необходимости решения разного рода кризисов, протестная активность перерастает в политический экстремизм [2].

В реалиях сложившейся эпидемиологической обстановки и принятых в следствии нее мер, многие страны, включая Россию, ощутили подъем уровня тревоги, страхов, паники и, конечно, недовольства действиями вышестоящих органов. Данную зависимость можно проиллюстрировать с помощью еженедельных всероссийских опросов населения о протестных настроениях, проводимыми Фондом Общественного Мнения. На вопрос о том, приходилось ли респондентам за последний месяц сталкиваться с критическими высказываниями в адрес российских властей, с мая 2020 г. положительныe ответы стабильно преобладают над отрицательными, что говорит том, что люди часто сталкиваются с осуждением действий властей [4]. Молодежь сталкивается с критикой власти намного чаще, чем другие категории населения. Это объясняется тем, что основной поток получаемой ею информации исходит из сети Интернет, в которой при условии относительной анонимности и отсутствия цензуры негативная оценка действий правительства встречается очень часто.

Основа молодежного экстремизма заложена в причинах его возникновения, среди которых выделяют:

1) социальные – заключаются в проблемном, неблагоприятном окружении молодого человека. Конфликты в семье, асоциальное поведение родителей, ссоры со сверстниками могут негативно сказаться на становлении личности человека. Часто такие подростки, не получая должного внимания взрослых, пытаются получить его в других местах: уходят на улицу, примыкая к преступным компаниям, в том числе экстремистского толка;

2) экономические – характеризуются общим падением жизненного уровня населения, ростом безработицы. Развитие социального неравенства, ощущения отсутствия перспектив и безысходности может подтолкнуть молодых людей к вступлению в экстремистские объединения;

3) образовательные – характеризуются падением эффективности образовательной системы, снижением ее воспитательных функций, непрофессионализмом педагогического состава, отсутствием профилактирующих мероприятий, предупреждающих проявление экстремистских настроений;

4) политические – к ним следует отнести то, о чем уже было сказано ранее: повышение уровня недоверия к действующему правительству, приводящее к открытому выражению недовольства со стороны граждан. Молодежь, из-за присущей ей более острой реакции на происходящие вокруг события, постоянного доступа к ресурсам, критикующим власть, легко уходит в радикализм, осуществляя экстремистские действия. В данном случае экстремистская деятельность нередко прикрывается благими наме-

рениями и идеями о справедливости и лучшей жизни, которые распространяются, в том числе, в сети Интернет, где большинство пользователей как раз молодые люди, часто не обладающие критическим мышлением и сформированными установками [1].

Перечисленное нередко в комплексе действует на восприятие жизни молодого человека, подрывая его представления о хорошем и плохом. Участники экстремистских организаций умеют находить таких людей и завлекать в свои ряды, тем самым образуя целую систему молодежного экстремизма. По данным Министерства внутренних дел эта система состоит из трех уровней:

1) первый уровень – организационный. Он предполагает формальное и неформальное членство в организациях и движениях экстремистского толка (футбольные фанаты, движение скинхедов и другое);

2) второй уровень – ментальный. Он представлен экстремистской политической культурой и деструктивными действиями средств массовой коммуникации (экстремистские идеи, ценности, ориентиры);

3) третий уровень – поведенческий. На нем проявляются конкретные действия и поступки экстремистского характера [3].

Для недопущения развития представленной системы молодежного экстремизма необходимо развитие механизма профилактических мероприятий, выстроенных с учетом не только возрастной специфики молодых людей, но и причин возникновения экстремистских настроений среди них. Данный механизм может включать:

1) государственный контроль за деятельностью различных общественных организаций в целях предотвращения создания объединений экстремистской направленности, что включает в себя своевременное выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности [5];

2) контроль за детской беспризорностью, своевременное выявление неблагополучных семей, подростков, нуждающихся в помощи специалистов;

3) проведение в стенах образовательных учреждений мероприятий воспитательно-профилактического характера, направленных на формирование у молодых людей основ негативного отношения к действиям экстремистского характера и лицам, которые их совершают. Такие антиэкстремистские профилактические мероприятия делятся на два вида: первичная профилактика – предупреждение притока новых членов в экстремистские объединения, формирование неприятия насилия, негативного образа экстремизма в целом; вторичная профилактика – работа с теми, кто уже является участниками экстремистских объединений для предотвращения членства в них [5];

4) развитие и популяризация сети учреждений дополнительного образования в целях приобщения молодых людей к активному, развивающему, полезному досугу;

5) декриминализация виртуального пространства посредством совместной деятельности с Интернет-провайдерами по поиску и удалению сайтов экстремистского содержания;

6) и другие меры профилактики экстремизма.

В работах Р. Г. Ардашева [6,7] показывается иррациональность конструирования молодежного экстремизма, в исследованиях Р. В. Иванова [8–11] подтверждается противоречивость молодежного экстремизма в Иркутской области.

Таким образом, молодежный экстремизм, являясь актуальной и значимой проблемой современности, требует комплексного подхода в своем решении. Объединение разных общественных институтов, включая государство, семью образование и другие, оказывает синергетический эффект на молодое поколение, предотвращая возникновение девиантного и асоциального поведения, причинение вреда себе и окружающим людям.

Для достижения эффективного результата при борьбе с поставленной проблемой профилактические мероприятия должны образовывать целую систему, состоящую из множества элементов, подготовленных, как говорилось ранее, с учетом специфики молодежи как возрастной группы.

Список литературы

1. Ермакова Е. С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 220–222.
2. Ефанова Е. В. Политический экстремизм и протестная активность молодежи России // Via in tempore. История. Политология. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-ekstremizm-i-protestnaya-aktivnost-molodyozhi-rossii> (дата обращения: 22.12.2020)
3. Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. портал. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 22.12.2020)
4. Фонд общественного мнения: официальный портал . URL: https://fom.ru/obshchestvo/11090#tab_01 (дата обращения: 23.12.2020)
5. Центральный административный округ города Москвы: офиц. портал. URL: <https://cao.mos.ru> (дата обращения: 23.12.2020)
6. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
7. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
8. Иванов Р. В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
9. Иванов Р. В. Эмпирический анализ экстремистских настроений молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 232–242.
10. Иванов Р. В. Особенности противодействия экстремизму в молодежной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 434–445.
11. Иванов Р. В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–135.

Ценностные трансформации современной молодежи и их последствия для консолидации российского общества

Статья посвящена основным трансформациям ценностных установок современной российской молодежи. Выявлен ряд стереотипов и мифов о молодежной социально-демографической группе настоящего времени, обусловленных межпоколенческим конфликтом. Сделан вывод, что наряду с ценностями-последствиями цифровизации (виртуальное общение) и глобализации (карьера, власть) молодежь сохраняет традиционализм и ценит семью и здоровье.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, консолидация российского общества, трансформация ценностей, поведенческие практики, социальные связи.

A. A. Anokhina, T. A. Osipov, *Irkutsk*

Value transformations of modern youth and their consequences for the consolidation of Russian society

The article is devoted to the main transformations of the values of modern Russian youth. The authors have identified a number of stereotypes and myths about the youth socio-demographic group of the present time, due to the intergenerational conflict. It is found that, along with the values-consequences of digitalization, such as virtual communication, and globalization, such as career and power, young people retain traditionalism and value family and health.

Keywords: youth, value orientations, consolidation of the Russian society, transformation of values, behavioral practices, social relations.

Молодежь является социально-демографической группой, наиболее восприимчивой к изменениям внешней среды. Современные молодые люди социализировались в период глобализации, цифровизации и других глобальных трансформаций по всему миру. Внешние условия, в особенности нестабильность, что, безусловно, свойственно XXI в., оказывают большую степень влияния как на все общество в целом, его сплоченность, структурированность и др., так и на отдельных индивидов, воздействуя на их внутренний мир, психологические составляющие и духовность, включая ценности и мировоззрение. Неспроста люди старшего возраста нередко говорят, что молодежь сейчас совсем другая – так и есть, меняется мир, меняются и сами люди, живущие в нем, так как в них закладываются совершенно другие принципы и привычки. К стереотипам о молодежи относится то, что современные молодые люди не представляют свою жизнь без цифровых гаджетов, без общения в Интернете, они строят иные демографические планы, не торопясь заводить семью и рожать детей, не отличаются патриотизмом, стремясь покинуть родную страну/родной город/родное место жительства, не заинтересованы в образовании, занимаясь самообразованием и прочее. Подобная раздробленность в мнениях о молодежи и в отношении к ней свидетельствует о проблемах в консолидированности современного российского общества. Однако следует разобраться, что из перечисленного является, действительно, стереотипами, что – мифами, на которые люди опираются в своей жизни, а что – на самом деле

правда. Разберем более подробно ценностную трансформацию современного молодого человека.

Начнем с наиболее распространенного мнения о том, что молодежь на данный момент общается только в социальных сетях посредством гаджетов, что «они всю жизнь проводят в телефоне». На сегодняшний день сетевое пространство во многом заменяет реальность, и это неизбежное последствие глобализации и цифровизации общества. Однако рассмотрим данный вопрос напрямую через призму результатов социологического исследования, проведенного в период с 26 октября по 1 ноября 2020 г. в рамках инициативного исследовательского проекта на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» методом онлайн-опроса на тему «Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро– и микро– угроз в России». В исследовании приняли участие 151 представитель российской молодежи в возрасте от 18 до 40 лет. По результатам исследования, примерно половина (44,4 %) опрошенных считают, что современные макро– и микроугрозы оказывают влияние на социальное самочувствие и поведение российской молодежи в высокой степени. Одними из самых значимых микроугроз, по мнению респондентов, являются изменение основной составляющей нравственности молодежи (23,0 % ответов представителей молодежной группы), формирование нового видения целей и смысла человеческой жизни (17,1 %) и изменение системы ценностей по всему миру (15,2 %). Следует отметить, что ценностная и мировоззренческая системы действительно подлежат масштабной трансформации, что также сказывается и на молодежи. Основным фактором, влияющим на данное явление, на наш взгляд, является цифровизация и глобализация. Традиционные идеи постепенно вытесняются современными, что можно проследить на примере вытеснения личного общения «переписками» в социальных сетях и мессенджерах – по результатам исследования, 36,2 % опрошенных в настоящее время предпочитают виртуальное общение, исключая телефонные разговоры и ресурсы видеосвязи (т. е. исключая зрительный и голосовой контакт) реальному (вариант «личное общение» в данном вопросе выбрали лишь 22,2 % респондентов) [1, с. 355]. Следовательно, выдвинутый стереотип во все таковым не является. основополагающим компонентом трансформации ценностей молодежи, действительно, является трансформация общения и замена личного, «живого» контакта виртуальным тем же «ВКонтакте».

Также обратим внимание на то, какую ценность для молодежи имеет образование. По данным Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат) [3], примерно половина (45,8 %) действительно получают в настоящий момент высшее или среднее профессиональное образование, соответственно большую часть из этого числа занимают школьники-старшеклассники. Следовательно, имеем основания сделать вывод, что образование является одним из основополагающих видов поведенческих практик. Возрастание обучающихся в текущем учебном году может быть связано с введением условий дистанционного обучения,

которое является удобнее и доступнее для многих обучающихся. На данный момент четверть населения региона получает определенный уровень образования (23,3%). Однако стоит отметить возрастание с прошлого учебного года численности учащихся в организациях среднего профессионального образования (с 56 272 человек до 58 053 в государственных, с 2319 до 2667 в негосударственных) и резкое сокращение студентов (с 66 928 студентов государственных вузов до 64 903, с 1422 студентов негосударственных вузов до 1244). Число студентов высших учебных заведений за год сократилось примерно на 2 тыс., что, вероятно, точно так же может быть связано с дистанционным обучением, но обратной его стороной – зачем учиться в вузе, если все равно обучение проходит на дому. При этом представители молодежи все же склоняются к среднему профессиональному образованию в противовес высшему, но образование остается молодежным трендом, молодые люди считают образование важным и нужным, пусть оно и принимает другие формы.

Чтобы более точно понять ценности современной молодежи, обратимся к результатам социологического исследования, проведенного в ФБГОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» и Московском филиале Российской международной академии туризма с целью выявления ценностных ориентаций студенческой молодежи в октябре-ноябре 2017 г. В исследовании приняли участие 245 студентов [2].

По результатам исследования, главной ценностью молодежи является здоровье, которое выбрали 42,0% опрошенных. Это подтверждается распространенным на сегодняшний день трендом на здоровый образ жизни – правильное питание, занятие спортом, режим дня. Второе и четвертое места соответственно занимают власти и престиж, слава (по 31,8 и 21,6% ответов респондентов соответственно), что отражает внедрение в ценностные ориентиры современной молодежи успешную карьеру. Однако вопреки распространенному заблуждению молодые люди продолжают ценить семью, которая стоит на третьем месте данного рейтинга и набирает 27,3% опрошенных. Действительно, на сегодняшний день под влиянием волны феминизма, распространением феномена «чайлдфри» и многих других явлений, ценность и желание семьи среди современных молодых людей значительно упала. Семья заводится гораздо позже, чем в прошлом веке, существует тренд на малодетность или бездетность вовсе, возрастает число разводов. В нестабильных условиях функции семьи трансформируются, она находится в зоне риска. Однако, несмотря на все перечисленные факторы и существенный разрыв между поколениями, многие представители молодежи все же сохраняют в себе традиционные семейные ценности и желание создать семью и воспитать детей, что и отображают результаты исследования. Также стоит отметить, что данная ценность напрямую зависит от воспитания человека, его родительской семьи и условий социализации. Более того, отметим, что ценностные ориентации и духовность любого человека формируются лишь во вторую очередь под влиянием внешних

условиях, а в первую – под воздействием родителей и ближайшего окружения в период становления личности.

Таким образом, отметим, что трансформация ценностных ориентаций молодежи является насущным вопросом не только ученых, но и всех людей – это большой вопрос для обсуждения. Действительно живое общение молодых людей вытесняется виртуальным, однако представители молодежи не забывают про личные контакты, более 17 % опрошенных в Москве людей среди 245 респондентов отмечают общение с друзьями как ценность. Наряду с трендами на самообразование, молодые люди не забывают и об образовании – с каждым годом число студентов в вузах и организациях дополнительного образования возрастает, хоть и множество студентов отдадут предпочтение вторым. Популяризируется тренд на здоровый образ жизни среди молодежи, здоровье является главной ценностью для многих молодых людей на сегодняшний день. Также в список традиционных ценностей попадает успешная карьера, однако она не вытесняет семью из этого списка, несмотря на резкий упадок желания семьи и глобальную трансформацию демографических планов среди молодежи. Не стоит забывать, что ценностные ориентации и духовность формируются не самостоятельно, а под влиянием, в первую очередь родительской семьи человека – и так было во все времена. Относительно современной молодежи, с нынешней системой ценностей и ее успешной адаптацией к внешним угрозам и вызовам, молодежь является важнейшим стратегическим ресурсом любого государства. Все проблемы, связанные с молодежью как самой восприимчивой и склонной к изменениям социально-демографической группой, остаются противоречивыми, что опять же подчеркивает разрозненность нарушение консолидации экспертного сообщества по вопросам поведения молодежи. Так, многие эксперты утверждают, что современной молодежи свойственны инфантилизм, безответственность, уклонение и незаинтересованность в патриотическом воспитании. Однако многие исследователи также подчеркивают, что современные молодые люди являются стратегическим ресурсом российского государства, молодежь является многоаспектной элитой страны, которая по истечении времени сможет консолидировать не только экспертное сообщество в области молодежной политики, но и все общество [2].

Список литературы

1. Анохина А. А. Социальное самочувствие и поведение молодежи в условиях современных макро– и микроугроз в России // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 350–359.
2. Малолетнева И. В., Жираткова Ж. В., Элиарова Т. С. Трансформация ценностей студенческой молодежи: миф и реальность // Вестник университета. 2018. № 4. С. 150–155. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/1013/436> (дата обращения: 15.01.2021).
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат) // Численность воспитанников (учащихся, студентов) по Иркутской области на 2020 г. URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/5NXUfQ6C/chisl_vospit2020.html (дата обращения: 25.01.2021).

КУЛЬТУРНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ УСЛОВИЯ СОЛИДАРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

УДК 78.071
ББК 85.118

А. А. Карандина, А. А. Антонова, *Владивосток*

Терапевтическая функция публичного искусства в городской среде

В статье сформулирована классификация видов публичного искусства по способам терапевтического воздействия. Основное внимание уделено благотворному влиянию публичного искусства на городскую среду. Научная новизна исследования заключена в подходе к изучению паблик-арта как с художественной, так и с психологической точки зрения. В результате определено, что публичное искусство обладает терапевтическим влиянием как на городские сообщества, так и на отдельных горожан.

Ключевые слова: паблик-арт, публичные пространства, терапевтичность, городские сообщества, городская среда.

А. А. Karandina, A. A. Antonova, *Vladivostok*

The therapeutic function of public art in an urban environment

The article formulates the classification of types of public art according to the methods of therapeutic influence. The article focused on the beneficial effects of public art on the urban environment. Scientific novelty lies in the approach to the study of public art from both an artistic and a psychological point of view. As a result, it was determined that public art has a therapeutic effect on both urban communities and individual citizens.

Keywords: Public art, public spaces, therapeutic, urban communities, urban environment.

В настоящее время многие города пытаются адаптироваться к общемировому процессу деиндустриализации, формируя экономику нового типа – символическую. Этот вид экономики предполагает активное развитие туризма и креативных индустрий, а также формирование новых представлений об эстетике. Символическая экономика трансформирует городское публичное пространство, которое постепенно превращается в арену культурного производства и потребления [16].

Поскольку город становится узнаваем и приобретает индивидуальные черты именно благодаря своим визуальным характеристикам (архитектурной конфигурации, цветовой палитре), то публичное искусство, вписанное в контекст культурного потребления и финансовых потоков, становится интересно бизнесу и государству как инструмент создания имиджа города [4].

Искусство способно оказывать заметное влияние на процесс джен-трификации, повышать туристическую привлекательность города [12]. Например, в 2012 г. в Бристоле граффити фестиваль «Не видеть зла» посетило более 50 тыс. человек. Таким образом становится видна практическая польза искусства в городе для городской администрации и крупного бизнеса [11].

Однако в данной статье предпринята попытка рассмотреть более важный с гуманистической точки зрения аспект существования публичного искусства. Речь идет о возможности его терапевтического влияния на городскую среду, жизнь сообществ и отдельных горожан в контексте взаимоотношений с ними.

Паблик арт – это форма существования современного искусства вне художественной инфраструктуры, в общественном пространстве, рассчитанная на коммуникацию со зрителем, в том числе и с неподготовленным, и на проблематизацию различных вопросов как самого современного искусства, так и того пространства, в котором оно представлено [13].

Одна из задач паблик-арт состоит в том, что, представляя свои работы вне стен галерейных и музейных пространств, их авторы хотят расширить территорию современного искусства и сделать его доступным для большого числа зрителей. Таким образом, аудиторией паблик-арта может стать любой горожанин. Современное искусство – это не просто результат самовыражения художника, но результат его коммуникации с публикой, поэтому в его задачи входит не только создавать собственное заявление, но и слушать публику и интерпретировать, заимствовать и видоизменять ее идеи и генерируемые ею смыслы [5].

Но в чем заключается миссия городского публичного искусства? Произведение, обладающее статусом принадлежности к паблик-арту, должно быть тесно связано с историей, функцией или культурным смыслом места, в котором оно размещено [10]. Назначением публичного искусства является преобразование городского пространства, трансляция новых образов и моделирование городской среды, преодоление неуместного обилия рекламы [6].

Ранее исследователями было выделено пять вариантов предназначения публичного искусства в современном городе:

1. Прикладное (утилитарное) значение, связанное с благоустройством города, созданием комфортной среды.
2. Служение культу или реализация идеологии.
3. Формирование общности в городе вокруг местных культурных кодов.
4. «Чистое искусство», т. е. творчество художника без решения какой-то четкой городской задачи.
5. Стимулирование творчества, активности и самореализации в городе (научной, художественной, предпринимательской, политической, гражданской) [10].

Первый и третий варианты можно объединить в общую подгруппу, которая представляется наиболее важной для этого исследования. К ней

относятся работы, направленные прежде всего на взаимодействие со зрителем, на прямое или косвенное влияние на него.

Кроме того, они тесно связаны с функциями искусства в психологии, такими как:

1) функция социальной коммуникации – искусство как посредник в коммуникации, способствует общению и познанию внутреннего мира человека;

2) общественно-преобразующая функция – искусство дает человеку мировоззренческую ориентацию, способствует преобразованию общества в направлении идеала;

3) информационно-коммуникативная функция – искусство как сообщение и обобщение индивидуального опыта отношений, индивидуализации общественного опыта [3].

Существует отдельная область психологии – психология окружающей среды. Она исследует влияние среды на поведение, здоровье и психологическое благополучие человека. Психология окружающей среды поддерживает идею участия и ставит в качестве одной из своих задач «повышение уровня вовлеченности граждан в обустройство среды обитания, а также в различные инициативы, направленные на поддержание ее в благополучном состоянии. Существует термин «персонализация среды», связанный с представлением о «средовой идентичности». Под персонализацией среды понимается ее индивидуальное структурирование человеком – субъектом или группой. Именно персонализация среды выражает индивидуальность субъектов и групп в их пространственных и временных отношениях со средой, их уникальность. Персонализация среды имеет важное значение в арт-терапии, во многом определяя особый характер взаимодействия участников занятий с окружающим их пространством [8].

Некоторые уличные художники считают персонализацию городской среды важным компонентом своего творчества, и выделяют основные характеристики влияния их работ на городское сообщество. Горожане привыкают не замечать неопрятность, обилие рекламы и другие мелкие городские проблемы, а художник может сделать раны города заметнее для людей. Уличные рисунки могут на некоторое время привлечь внимание прохожего или общества к какой-то теме. Вместе легче преодолевать препятствия, и искусство, обращенное к людям, может призывать их становиться более сплоченными и дружными. Иногда художником руководит простое желание делиться с людьми чем-то своим – переживаниями, страхами или наоборот, чем-то радостным и светлым. Тогда в диалоге с городом можно посмотреть на него под новым углом и неожиданно для себя полюбить его. В некоторых случаях произведения искусства в городе могут напоминать зрителям о детстве и вызывать положительные эмоции, а иногда художники получают отзывы от людей и оказывается, что в их работах кто-то увидел поддержку для себя в трудной ситуации [17].

Необходимо отметить, что психотехнические (психологические и психотерапевтические) эффекты от взаимодействия личности с произведением искусства могут выражаться в целом спектре возможных изменений: от ситуативного ощущения удовольствия при созерцании прекрасного, до измененного состояния сознания и трансформации смысловой сферы личности в результате эстетического переживания. Тем не менее, все вышеперечисленные факты являются основанием для предположения о том, что публичное искусство обладает терапевтическим эффектом.

При этом под «терапевтическим» в данном случае нужно понимать «имеющий благотворное влияние, обеспечивающий положительные ментальные изменения» [9].

По способам терапевтического влияния публичное искусство можно разделить на следующие виды:

Поддерживающие индивидуально, привлекающие внимание случайного прохожего обращением к нему непосредственно. Как правило, такие работы стремятся вызвать положительные эмоции у зрителя. Выполняют роль дружеского участия, терапевтического для рядового горожанина самим фактом проявленного к нему внимания, попытки осуществления диалога. Данный вид публич-арта становится инструментом развития самосознания граждан относительно своих целей и ценностей [1].

Примеры работ данного вида: «Я бы обнял тебя, но я просто текст» Тимофей Радя; «Счастье не за горами» Борис Матросов; «Тебя видно» Тимофей Радя; «Все будет хорошо» Мартин Крид; «Мамины записки» Елена Шубенцева; «Мосты» Александра Суворова; «Весна скоро» Тимур Просто; Владимир Абих «Лучшие годы» Санкт-Петербург; Иван Серый и Татьяна Константинова, серия «Маленькие миры»; «Кое-что общее» Тимофей Радя, Екатеринбург; «Кто мы» Тимофей Радя, Екатеринбург; Keetra Dixon «Стена объятий».

Активистские, громко манифестирующие социальные проблемы. Могут быть рассмотрены как терапевтические для общества в целом. Так называемое «искусство в общественных интересах», которое имеет ярко выраженный социальный пафос и предполагает активную коммуникацию художников с локальными сообществами, а также социально уязвимыми группами. [7] У таких произведений нет цели развлекать, они зачастую очень неприятны, но являются так называемым «горьким лекарством» [1].

Примеры работ данного вида: Вахит Туна, «40 пар туфель», Стамбул; Владимир Тернет «Озеро Иссык-Куль», Бишкек; «Доступное жилье» Evol, Владивосток, Москва, Стамбул, Лондон и др.; Анонимная серия о домашнем насилии, Омск; «Памятник самоизоляции» Санкт-Петербург; «Расскажите вашим детям», студенты школы вовлеченного искусства Санкт-Петербург; «Свобода» Тимофей Радя Санкт-Петербург; Enjoy, «Мама я не хочу бути космонавтом», Крым; Арт-группа «Явь», «Терпение», Санкт-Петербург; акции Арт-группы «Война».

Формирующие локальную идентичность, созданные «в полемике с городом». Объекты, «одушевляющие» города, которые становятся частью локальной идентичности города и также терапевтичны для городского сообщества в целом, так как возвращают чувство родства с местом, его обитаемости [6]. Такие объекты серьезно меняют городскую планировку, реорганизуя улицы, парки, пешеходные зоны. Также, к данному типу паблик арта относятся проекты, учитывающие уникальную историю места, которая интерпретируется в произведениях художников. В этом случае городские места из необязательного фона превращаются в неотъемлемый элемент художественного замысла и воплощения [15].

Примеры работ данного вида: Проект Museum in progress, Вена; «Эмбрион» Давида Черных, Прага; «Вечный хлеб» Витя Фрукты, Пермь; Заподлицо «Уровень безразличия», Санкт-Петербург; «Здесь просто был человек» Группа Ганди, Санкт Петербург; «Заплатки» Иван Кравченко, Иркутск; Паша Кас «Дверь в Новый год», Санкт-Петербург – была уничтожена коммунальными службами и восстановлена горожанами; «Памятник самоизоляции» Санкт-Петербург. «Комитет по благоустройству вынужден был демонтировать конструкцию из-за ее неустойчивости и опасности для окружающих. Однако многим жителям так понравился необычный арт-объект, что они высказались за его сохранение», – сообщили в районной администрации; «Лава-ламповый курорт», Калуга. Работа была уничтожена дорожными подрядчиками, но местным жителям так понравилась работа, что разразился скандал и ее пришлось восстановить совместно силами дорожных служб и команды художника; Проект «Delete» Вена; Акция с привлечением местных жителей «Народное бросание цемента», Арт-сообщество 33+1, Владивосток; Серия фестивалей в Нижнем Новгороде «Новый Город: Древний».

В некоторых случаях бывает трудно отнести работу к одной из групп, поскольку она имеет несколько задач. Все эти произведения объединяет то, что они меняют городскую среду и делают пространство более дружелюбным к человеку, а также предпринимают попытки помочь обществу в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что публичные пространства с элементами уличного искусства могут быть ценны для города не только как места, обладающие туристической привлекательностью и потенциалом привлечения инвестиций, но и как центры позитивного эстетического влияния на городское сообщество в целом и на отдельных горожан в частности.

Рассматривая произведения паблик-арта с точки зрения психологии окружающей среды, можно выделить три способа их позитивного влияния на городскую среду и горожан: индивидуально-поддерживающий, активистский и формирующий локальную идентичность. Эта классификация дает основание для утверждения о существовании терапевтической функции (или терапевтического эффекта публичного уличного искусства в современных городах.

Иллюстрации к статье

<https://drive.google.com/drive/folders/13oCUMPEuuPW4gd5DwMsQ4BKa2280r4MN>

Список литературы

1. Аллахвердиева Н. Паблик-арт – это перепланировка реальности // Искусство. 2012. № 3.
2. Белоногова Е. В. Индивидуальные стратегии восприятия живописи. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004.
3. Боброва О. А. Искусство и его роль в развитии личности // Известия УрФУ. Серия 2, Гуманитарные науки. 2014.
4. Буррио Н. Эстетика взаимодействия // Московский художественный журнал. 2000. № 28–29.
5. Вейц М. Е. Проекты паблик-арт как диалог между художниками и горожанами // Журнал исследований социальной политики. 2012.
6. Гороховская Л. Г. Прогулки по городу: «паблик-арт» в городском пространстве Владивостока // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2014
7. Квон М. «Паблик арт как публичность» // Московский художественный журнал. 2013. № 89.
8. Копытин А. А. Арт-терапевтическая среда с точки зрения клинического, социального и экологического подходов // Исцеляющее искусство». 2016. № 1.
9. Марцинковская Т. Д. Искусство в современном мире – новые формы и новые старые механизмы воздействия // Культурно-историческая психология. 2007. Том3, № 2. С. 56–61
10. Новичков Н. В. Городское искусство и предназначение современного города // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013
11. Пиликин Д. В. Граффити в городе – это сила добра или сила зла? // Институт исследования стрит-арта. URL: <http://streetartinstitute.com/is-urban-graffiti-a-force-for-good-or-evil/>
12. Польский А. П. Ненормативная этика уличного искусства // Московский художественный журнал. 2017. № 102.
13. Ткачева Д. С. Между искусством и обществом. К проблеме термина паблик-арт // Культура и искусство. 2017
14. Трубина Е. Г. Город: стратегии и тактики // Московский художественный журнал. 2013. № 89.
15. Оже М. От города, воображаемого к городу-фигции // Московский художественный журнал. 1999. № 24.
16. Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011.
17. Интервью с художниками: Иван Кравченко, Зоя Арт, Enjoy, Паша Кас, Иван Серый, Deonis Thekko, Елена Шубенцева, Тимофей Радя // Партизанинг. URL: <http://partizaning.org/>

Методологические аспекты трансформации социокультурного пространства

Рассматриваются проблемы трансформации социокультурного пространства, связанные с геополитическими процессами. Исследуются методологические схемы анализа социокультурного пространства с позиций содержания и структуры. В процессе модификаций формируется парадигма динамичности, нелинейности, локальности в сфере социокультурной жизни. Прослеживается разрыв сложившейся системы устойчивых социокультурных связей и отношений под влиянием глобализации. Выделяются вектора движения формирования моделей развития социокультурного пространства.

Ключевые слова: геополитика, локальные сообщества, социокультурное пространство, методология.

V. S. Shmakov, *Novosibirsk*

Methodological aspects of transformation of socio-cultural space

The article deals with the problems of transformation of the socio-cultural space associated with geopolitical processes. Methodological schemes of analysis of socio-cultural space from the point of view of content and structure are investigated. In the process of modifications, a paradigm of dynamism, nonlinearity, locality in the sphere of socio-cultural life is formed. There is a break in the existing system of stable socio-cultural ties and relations under the influence of globalization. The selected motion vector to generate models of the development of socio-cultural space.

Keywords: geopolitics, local communities, socio-cultural space, methodology.

Анализ особенностей модифицирования социокультурного пространства приобретает особую актуальность на фоне экономической и социальной нестабильности. В теории и практике модернизационных процессов социокультурный фактор выступает неким базисом, во многом формирующим основу преобразований, в том числе и в процессе изменений места и роли локальных сообществ в различных общественных сферах, включая экономические и политические. Выявление, осмысление и актуализация качественных и количественных социокультурных характеристик, определяющих современное состояние развития мирового сообщества является осознанной необходимостью. Процессы глобализации имеют определенную диалектическую двойственность. С одной стороны, глобализация способствует формированию единства мирового развития, мироцелостности, с другой стороны, прослеживаются процессы дифференциации, фрагментации, локализации. Наблюдается тенденция консервации социокультурных различий. Национальные государства продолжают играть важную роль в охране этничности в системе социокультурных отношений. В этом смысле глобализация – явление глубоко противоречивое. Глобалистика как явление, не только объединяет, но и разъединяет; не только обогащает, но и существенно ограничивает. Глобализация влечет за собой стягивание и столкновение локальных культур, которые должны определиться в этом противостоянии локальности и глобальности. В этом смысле геополитика представляется концентрированным выражением трансформации мирового

го развития, концептуализирует процесс размежевания геополитического пространства, формируя новую парадигму объяснения развития мира, основывающуюся на современных практиках связанных с резким разделением стран на богатых и бедных.

Задачей нашего исследования является методологический анализ влияния геополитических процессов, определяющих современные характер глобализации, на трансформацию социокультурного пространства локальных сообществ. С нашей точки зрения глобальность усиливает воздействие либерально-модернистских ценностных установок. Локальность благоприятствует сохранению влияния традиционных и консервативных ценностей. Происходящие инновационные изменения имеют локальный характер, поскольку зависимы от уникального сочетания доступных сообществу ресурсов и технологий, но подчиняются общим закономерностям трансформации образа жизни в условиях глобальной реструктуризации. Инновации, формирующиеся на локальном уровне можно трактовать как модели адаптации локальных сообществ к изменениям внешней среды, при этом часть адаптационных практик сохраняет традиционность. Такой подход актуализирует обладающую научной новизной проблему образования новых социокультурных форм, факторов и каналов социальных инноваций, оказывающих влияние на развитие социокультурного пространства локальных сообществ Российской Федерации, и определяют необходимость анализа методологических подходов исследования эволюции социокультурного пространства.

Можно выделить ключевые вопросы методологического анализа социокультурного пространства: сообщество, место, время, социальность, культура. Культурные ценности, артефакты, нормы мироустройства, образцы социального действия, образующиеся и развивающиеся в определенном пространстве в установленном времени, служат регуляторами взаимоотношений. В процессе анализа мы получаем отображение, модель социокультурной действительности, социокультурную систему как совокупность производственно-экономических, политических, социокультурных процессов, развертывающихся в обществе. Социокультурное пространство отражает направленное, закономерное изменение социокультурных явлений, в результате они приобретают новое качественное состояние, изменяется состав, структура и т. д. Методологическая схема предполагает изучение динамики социокультурного пространства путем определения структуры применяемых сообществом практик, складывающихся в процессе трансформации жизненных укладов сообществ, влияющих на формирование социокультурного пространства. 1. Внешние факторы воздействия со стороны глобализованного общества. 2. Влияние внутренних условий существования сообщества. 3. Традиционность, воспроизводимая сообществом (включая этничность и религию). Расшифровка совокупности факторов позволяет определить «границы возможного», пределы, лимитирующие доступные сообществу формы воздействия на изменения

социокультурных условий; ресурсы, обеспечивающие приспособительные реакции, вырабатываемых сообществами в процессе жизнедеятельности. Очевидно, что методология таких исследований должна быть комплексной и междисциплинарной, поскольку сложность и неоднозначность социокультурного развития делают невозможным применение какой-либо одной теории в качестве объяснительной стратегии.

Системный подход позволяет анализировать социокультурное пространство как систему, целостный комплекс взаимосвязанных компонентов культуры и социальности в совокупности взаимодействующих объектов. В контексте парадигмальных концептов «социальность» можно представить как структурное взаимодействие производственно-экономических, институциональных, политических характеристик анализируемых сообществ, как коллектив людей, объединенных общей территорией проживания, социокультурными, социально-психологическими, этническими и кровнородственными связями [7, с. 142]. В. С. Цукерман справедливо отмечает, что социокультурное пространство есть «крайняя степень абстракции, основанная на том, что если есть общее понятие, то оно включает в себя все мыслимые варианты каких-либо входящих в его определение реалий. Реальное же социокультурное пространство предполагает большую или меньшую степень единства, даже когда речь идет о человеческой цивилизации в целом, а тем более о каких-либо локальных образованиях» [6, с. 53]. То есть социокультурное пространство является сложным, неоднозначным феноменом, характеризующимся нестабильностью, изменчивостью, высокой динамикой варьирования. С другой стороны, на развитие социокультурного пространства оказывают давление глобализация, геополитика, информатизация, формирование «поток» и «сетей», определяющих направления эволюции. При исследовании социокультурного пространства как целого, необходимо учитывать проявление глобальности и локальности. Мы полагаем, что в основу анализа трансформации социокультурного пространства может быть положен социокультурный подход, наиболее полно объясняющий специфику протекания социокультурных процессов в различных исторических условиях, определяя направления исследования и создавая объяснительные концептуальные схемы. Н. И. Лапин, рассматривая содержание социокультурного подхода, подчеркивает, что «Специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) [5, с. 4]. Социокультурный подход обладает рядом особенностей, раскрывающих целесообразность и границы его применения. Его специфической чертой является определенный универсализм в анализе общественных явлений, позволяющий рассматривать сообщества в единстве социальности и культуры. Несмотря на возможности, которые предоставляет социокультурный подход при анализе социокультурных процессов, нельзя не отметить некоторую ограниченность исходных посылок. В социокультурном развитии

важную роль играют доминирующие ценности, нравственные идеалы, традиции, обычаи и т. д. Достаточно часто последователи социокультурного подхода описывают их и как некоторый ограничитель, тормоз прогресса. Полагая, что основные ценности локальных сообществ воспроизводятся вновь и вновь, не могут изменяться быстро, так как представляют собой элемент культурной системы с уже заданными характеристиками. В этом случае использование аксиологического подхода дает возможность более полно отразить связь культуры и социальности, показать их ценностное, духовно-практическое единство в процессе освоения действительности, подчеркнуть определенное отношение к жизненным реалиям. Аксиологический подход предусматривает понимание и признание социокультурных особенностей сообщества как основу специфики аргументов мотивирующих поведение человека и организующих взаимоотношения между людьми, определяющими потребности, интересы, ориентации и др. Использование аксиологического подхода дает возможность оттенить равноправие философских взглядов в рамках единой гуманистической системы при сохранении разнообразия их социокультурных особенностей, позволяет подчеркнуть равнозначность и эквивалентность традиций, равенство людей. Главным вопросом значится проблема понимания природы ценностей, их происхождения и универсальности, особо выделяя значимость собственно жизни человека. В. Н. Кузнецов отмечает, что проблемы ценностных ориентаций связаны с процессами выживания человека как биологического вида, «ценность человеческой жизни» важна в первую очередь. Центральной частью социокультурного пространства являются люди, которые рассматриваются в экономической теории как «человеческие ресурсы», обладающие совокупностью физических и духовных способностей и возможностью принять участие в процессе труда. Мировому сообществу необходима смена цивилизационной парадигмы, изменение «структуры целей и ценностей человеческой деятельности», важности диалога и отказа от силы, содействие пониманию в культурной, экономической и политической областях, укрепление основ свободы, справедливости и прав человека [3].

Адекватное понимание проблемы происхождения и общезначимости социокультурных ценностей позволяет отразить и зафиксировать цивилизационный фактор. С его помощью можно выявить особенности развития глобального и локального, отразить вопросы взаимосвязи, взаимоотношений общецивилизационных универсалий и локальной специфики. В цивилизационных исследованиях имеется достаточно много обозначений понятия цивилизация. Кратко выделим два основных варианта. Цивилизация есть определенный этап прогрессивного развития человечества. Вся история объясняется с позиций европоцентризма, изображаемого всеобщим идеалом. Цивилизация – явление уникальное, локально-историческое, обладает качественным отличием от других общественных образований. Говоря об основаниях цивилизационного подхода нельзя не задаться вопро-

сом, что служит базовым элементом социокультурного пространства, или основой, определяющим специфику локальности. Если согласиться с тем, что религия, национальная культура, традиции – в свою очередь определяются материально-техническими условиями общества, «вызовом» окружающей среды – то тогда необходимо признать глубинную взаимосвязь географических показателей и социокультурных особенностей. Возникает проблема объяснения процессов формирования геокультуры и геокультурного пространства, как попытка отразить и зафиксировать взаимосвязь, взаимообусловленность и взаимозависимость географического расположения, производственно-экономической и социокультурной жизнедеятельности в масштабах мирового сообщества. Не углубляясь в подробности анализа, сделаем ссылку на ряд авторов, обозначивших и более подробно рассматривающих эту проблему [1–3 и др.].

В целом сущность исследования социокультурного развития заключается, во-первых, в раскрытии социальных связей и закономерностей функционирования и развития культуры и, во-вторых, в выявлении социальных функций. С этой точки зрения, связать социальные и культурные грани жизнедеятельности сообществ в единую систему позволяет введение понятия «социокультурное пространство», имеющего несколько граней.

1. Формируется под воздействием человеческих взаимоотношений, включая распространения идей и взглядов, языков и традиций, верований и норм. Это интегральное явление, объединяющее культуру и социальность.
2. В процессе деятельности сообщества осуществляется репродукция культуры и социальности, поддержание и сбережение ее полноты и единства; устанавливаются границы реформирования.
3. Социокультурное пространство можно представить как единовременный, синхронный срез, картину мира, служащую средством воплощения в жизнь социокультурных ценностей, формирующих социокультурную среду, в которой складывается и развивается личность.
4. Социокультурное пространство имеет статус комплексного, многоуровневого явления, характеризующегося нестабильностью, нелинейностью и высокой динамикой изменений.

Предлагаемая методологическая схема предполагает изучение социокультурной динамики развития в пространственно-временных рамках, в процессе определения структуры применяемых практик, складывающихся под влиянием ряда мотиваторов.

1. Внешние факторы воздействия со стороны глобализованного общества.
2. Влияние внутренних условий существования сообщества.
3. Традиционность, воспроизводимая сообществом (включая этничность и религию).

Расшифровка совокупности факторов позволит определить «границы возможного», пределы, лимитирующие доступные формы воздействия на изменения социокультурных условий; уточнить ресурсы, обеспечивающие приспособительные реакции, вырабатываемых в процессе жизнедеятельности. Историческая практика свидетельствует, что устойчивое развитие социума невозможно без сохранения социокультурной преемственности, которая проявляется в сбережении

традиций, норм, ценностей. В контексте формирования социокультурного пространства задается формат развития и функционирования социокультурных практик, формирующих модели развития, фиксирующие масштабность действия, методы и средства взаимосвязи и существования элементов и подсистем.

Изучение современных тенденций трансформации социокультурного пространства как процесса коммуникации локального и глобального дает возможность сформулировать ряд положений, определяющих специфику эволюции локальных сообществ. Анализ динамики взаимодействия глобального и локального в процессе анагенеза сообществ позволяет выделить два разнонаправленных вектора движения. 1. Формируются модели социокультурного поведения, функционирование которых зависит от доступных сообществу ресурсов и технологий. Состояние сообществ выражается в попытке сохранить традиционный образ жизни. 2. Развитие локальных сообществ подчиняется всеобщим закономерностям трансформации в условиях глобальной и региональной реструктуризации. Модели социокультурного поведения объединяют население в специфическую социально-территориальную локацию, расположенную в определенных временных рамках. Концентрированное выражение этих процессов отражается в социальной структуре, характере и образе жизни.

Разработка методологии анализа трансформации социокультурного пространства, может способствовать созданию научно-методологической основы для прогнозирования социокультурных процессов, определению оптимальных направлений эволюции локальных сообществ, конкретизации сотрудничества государственных, региональных и научных кругов при формировании программ развития и устранения «негативных тенденций» социокультурного реформирования.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001. 416 с.
2. Замятин Д. Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М. : Наука, 2003. С. 213–256.
3. Кузнецов В. Н. Глобальная структурная гуманитарная революция XXI века: геокультурный, социологический аспект: Доклад весенней научной сессии авторов и участников научно-издательского Проекта «Безопасность Евразии». М., 2006. 84 с.
4. Кузнецов В. Н. Геокультура: основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI: Культура-Сеть. М., 2003. 631 с.
5. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 2–12.
6. Цукерман В. С. Единое социокультурное пространство: аспекты рассмотрения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 2 (18). С. 49–55.
7. Шмаков В. С. Сельские локальные сообщества: к методологии исследования // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 4. С. 135–145.

Консолидация художественного сообщества в РФ и ее значение

В статье консолидация представляется как процесс становления российских художников и формирования здоровой оценки собственного труда на художественном рынке. Выделяются основные факторы развития, объединения и роста осознанности среди творцов, а также проблемы отношения к авторскому творчеству в российском сегменте и постсоветском пространстве, и последующей убыли творческих ресурсов на иностранные платформы. Приводятся данные для сравнения цен англоязычных и отечественных авторов, раскрывается понятие демпинга и проблема потребительского общества.

Ключевые слова: консолидация, труд, авторское право, творчество, рынок, социальные сети, демпинг, толерантность.

M. I. Grigoryeva, *Irkutsk*

Consolidation of the artistic community in the Russian Federation and its significance

In the article, consolidation is presented as a process of the formation of Russian artists and the formation of a sound assessment of their own work in the art market. The authors identified the main factors of development, unification and growth of awareness among creators, as well as the problems of attitudes towards authorship in the Russian segment and the post-Soviet space, and the subsequent loss of creative resources to foreign platforms. The article provides data for comparing prices of English-speaking and domestic authors, reveals the concept of dumping and the problem of consumer society.

Keywords: consolidation, labor, copyright, creativity, market, social media, dumping

Художественное сообщество – это совокупность групп, представляющих самые разные направления, от традиционных картин до декоративно-прикладного искусства, и преследующих одну цель – самовыражение через творчество. На сегодняшний момент большинство художников стремится сделать свое хобби источником дохода, отчего такие социальные сети, как Instagram, Twitter, Tiktok приобрели большую популярность в качестве продвижения творчества в массы, привлечения подписчиков и потенциальных покупателей.

Когда как в англоязычном обществе художники легко выходят на платные платформы и получают большой отклик от потребителей в виде поддержки и материальной составляющей, на российском художественном рынке дела обстоят сложнее. Демпинг, нарушение авторского права и неприемлемое отношение к творческому труду – малая часть проблем, которые, к сожалению, являются реалиями художника из СНГ-сегмента, однако положение дел не так ужасно, как кажется на первый взгляд.

В этой статье авторы стремятся показать консолидацию, как способ благоприятных перемен в российском художественном сообществе и поднятю сознания обывателей социальных сетей.

Ранее упоминался такой термин, как «демпинг». Демпинг (с англ. *dumping* – «сброс») – это искусственное занижение цен для вытеснения конкурентов, явление, крайне распространенное на просторах русскоязычного сообщества и являющее, пожалуй, одной из самых тяжелых проблем

нынешнего художника [2,4]. Демпинг складывается из нескольких факторов. Для сравнения были взяты расценки нескольких случайных художников из иностранного и российского сегментов, благодаря чему наглядно видна разница между ценами товаров. В то время, как стоимость работы от первых начинается от 5500 руб., отечественные авторы редко поднимают цены выше тысячи, а ценник выше 3000 является скорее исключением. Но из чего она складывается? Почему наши художники не могут просто поставить более высокую цену?

В этом состоит первая причина. Как было сказано ранее, низкая цена – способ вытеснения конкурентов и привлечения их к своему товару. Происходит следующая ситуация: автор с хорошим уровнем мастерства, уважающий свой труд, не может найти покупателей, так как они уходят к другому автору со сравнительно равным уровнем и более низкими ценами. Более того, появляются все новые художники, считающие занижение цен нормой, и изначальная цена в 5 тыс. уменьшается сначала до 1,5 тыс., потом до 700, и заканчивает на отметке в 200 руб. Таким образом, авторы оказываются в невыгодном положении: оставшийся без заказов и привлекая дешевой ценой, позже осознающий, что такой платы труда не хватает на удовлетворение личных потребностей, а при попытке поднять цены он сталкивается с возмущением и потерей покупателей. Отсюда вытекает вторая причина распространенности демпинга – пренебрежительное отношение к представителям художественного сегмента и принижение творческого труда, закрепившееся еще со времен СССР [3]. Пока в сознании и начинающих авторов, и заказчиков, не отложится мысль «каждый труд должен оплачиваться», российский рынок так и продолжит испытывать утечку перспективных кадров за границу, где их труд ценится по достоинству, а порой предлагают большую цену.

Ключевым фактором является толерантность. По данным исследования на 2020 г., проводимого ежегодно американской неправительственной организацией Social Progress Imperative, Россия с 2015 г. в рейтинге поднялась с 71-го на 69-е место, согласно индексу социального прогресса. Для расчета индекса используются данные о показателях базовых благ (питание, медицина, санитарные условия, качество жилья и безопасность), основы благополучия (здравоохранение и экологическая обстановка, доступ к информации, коммуникациям и образованию) и человеческий потенциал (гражданские права, личная свобода, возможность выбора, толерантность, равноправие и доступность дополнительного образования) [1; 4; 6]. Таким образом, можно сделать вывод о медленном, но верном повышении уровня толерантности населения, особенно среди молодежи, представляющего наибольший процент художественного сообщества России. Возможность общения с людьми не только внутри страны, но и за ее пределами, раздвигает кругозор отечественных художников – представители разных направлений становятся все более терпимы друг к другу, обмен навыками и опытом перестает быть чем-то удивительным, а также авторы все яснее видят

нарушения, происходящие на творческих рынках, что побуждает их объединяться против несправедливости устаревшей системы. В прошлом десятилетиями разрозненное сообщество консолидируется, более опытные авторы призывают к здоровой оценке своего труда, ведется борьба против нарушения авторского права и прививание уважительного отношения к творцам.

Консолидация художественного сообщества – огромный, емкий процесс, способный привести большие изменения в существующие устои. Авторами исследования был сделан вывод о, несомненно, благотворном ее влиянии на художественное сообщество Российской Федерации и всего постсоветского пространства. Хотя изменения не столь масштабны, чтобы говорить о полном изменении данного социального слоя, большую надежду вселяет поднятие осознанности и активизация просветительской деятельности. Взаимопонимание, терпимость, умение отстаивать свои интересы и границы, но при этом и сохранение собственной индивидуальности – все это несет в себе объединение. Общество подвержено изменениям, некоторые из них оставляют положительные следы. И есть все основания полагать, что консолидация станет ступенью к лучшему.

Список литературы

1. Названы лучшие для жизни страны в 2020 году. URL: <https://www.vinegret.cz/632605/nazvany-luchshie-dlia-zhizni-strany-mira-v-2020-godu/> (дата обращения: 30.01.2021).
2. Что такое демпинг – способы демпинга и методы противостояния явлению. URL: <https://www.insales.ru/blogs/university/cto-takoe-demping> (дата обращения: 30.01.2021).
3. «Бульдозерная выставка» – как в СССР боролись с художниками. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2019/09/15/a_12651553.shtml (дата обращения: 31.01.2021).
4. The Social Progress Imperative: Рейтинг стран по уровню социального прогресса 2015 года. URL: <https://gtmarket.ru/news/2015/04/10/7126> (дата обращения: 31.01.2021).
5. Trade Dumping and Its Consequences. URL: <https://www.thebalance.com/what-is-trade-dumping-3305835> (дата обращения: 31.01.2021).
6. 2020 Social Progress Index. URL: <https://www.socialprogress.org/?code=NOR&tab=2> (дата обращения: 31.01.2021).

Религиозное самоопределение и свобода воли в общественном сознании

Исследуются процессы религиозного самоопределения граждан, волеизъявления в религиозных убеждениях и верованиях. Анализируются процессы трансформации общественного сознания в аспекте религиозного самоопределения.

Ключевые слова: свобода воли, религиозное самоопределение, субъективное восприятие, иррациональность, сознание, общественное сознание, социальные представления.

H. Kh. Galaeva, *Irkutsk*

Religious self-determination and free will in public consciousness

The article analyzes the processes of religious self-determination of citizens, expression of will in religious convictions and beliefs. The processes of transformation of public consciousness in the aspect of religious self-determination are analyzed.

Keywords: free will, religious self-determination, subjective perception, irrationality, consciousness, public consciousness, social representations

Свобода совести и религии идет в одном направлении со свободой слова. Во времена советского союза в уставе капиталистической партии были установлены правила для участников этого объединения, заключающихся в беспрекословном сопротивлении религиозным предрассудкам и иным заблуждениям прошлого. В связи с тем, что партийность была приоритетна в советский период, верующие граждане России не могли свободно выражать свои суждения. Переворот отобразился на жизни всего общества и всех человеческих отраслей, больше всего затронув установки идеологии. Складывалась мнимая очевидность того, что права верующих и неверующих равны, как в действительности атеистические взгляды на жизнь претерпевали упреки в реакционности, которые были близки к идеалам коммунизма.

Имея права на свободу воли и веры, человек в одинаковой мере должен соблюдать свои прямые обязанности перед законом и судом своего государства. Государственной религии в России не существует, так как это светская страна, в связи с этим запрещена любая дискриминация по религиозным убеждениям человека, если это не нарушает закон. Нельзя отделять верующих людей от неверующих, так как все граждане имеют одинаковые права и обязанности, независимо от их религии. Сейчас актуально участие православной церкви на светских сборах, различных праздниках и выпускных, но это является прямым нарушением прав человека, не придерживающегося этой религии или отрекающийся от любой веры.

Институт свободы веры и совести коррелирует с правом на труд. Все еще существуют профессии, в которых проверяется религиозная принадлежность человека. Например, военная служба, где военнообязанные беспрекословно должны выполнять все приказы офицеров, и даже при необ-

ходимости отнимать жизнь у человека, что полностью противоречит гуманным и священным правилам многих религий, где убийство является самым большим грехом.

В исследованиях ряда ученых анализируются современные условия развития религиозной ситуации в России (К. В. Акопян [1], А. И. Овчинников [13], П. А. Трескин [15]), работа религиозных институтов рассматривалась в исследованиях А. И. Бобкова [8], О. А. Кармадонова [11], М. О. Шахова [16], отдельные аспекты развития мышления, спровоцировавшего религиозный бум затрагиваются в исследованиях Р. Г. Ардашева [2–7], Р. В. Иванова [9,10], В. Н. Липкина [12], в работе О. А. Полюшкевич раскрываются вопросы идентичности и солидарности: религиозности виртуального пространства [14] и других.

В Конституции Российской Федерации отмечено, что гражданин России в связи со своей религиозной принадлежностью, противоречащей несению военной службы, вправе сменить эту деятельность на другую гражданскую профессию. Такой закон действует как на военных призывников, так и на контрактников. В Германии существует закон, где молодые люди с восемнадцати лет могут нести службу в гражданской обороне. Такая служба контролируется законом, и гражданином должно быть предоставлено письменное объяснение причины отказа от военной службы в Федеральное управление службы граждан, где принимаются решения по отказу или соглашению допустить человека до гражданской профессии. Решения принимаются, отталкиваясь от религиозной принадлежности гражданина [1].

Вольность совести и религии переплетается с образованием. Как уже было указано выше, школы в России и в то время и сейчас, отделены от церкви. В государственных школах и детских садах запрещено преподавать предметы религиозного характера. Не в детском, не в юношеском возрасте не допускается навязывание определенной религии, человек имеет право самостоятельно сделать выбор как в вопросах веры, так и в других. Подобный тип образования подтвержден и в Конституции РФ, а обучение религии может осуществляться лишь частным образом, без государственной помощи. Отказ в частном обучении религии, ребенка или взрослого, ссылаясь на законы, является правонарушением и неуважением человека к свободе совести и веры.

На практике по законам, частное обучение религии не способно достичь верного исхода и усложняется из-за введения регионального и базового компонента в программы. Прибавленные региональным компонентом часы, в школах расходуются не рационально. Считается, что такие знания расширяют кругозор и повышают грамотность учеников. Часто такие часы отдают на предметы не регионального образования, а для соблюдения, так называемой, образовательной моды. Допускается введение в предмет истории, религиозных справок по всем верам, с целью осведомить подрастающее поколение по различным идеологиям, это будет вносить современ-

ный вклад в школьное образование. Неприемлемо вводить в учебные заведения Божий предмет и тем более звать священника, который даже не имеет педагогического образования, с целью преподавать религиозный предмет. Во многих регионах в 2006 г. обязательным предметом было православие, что вызвало возмущение в обществе и являлось нарушением законов Конституции РФ.

Особенно накалена свобода совести и веры в образовательной сфере. По закону религиозные организации вправе создавать собственные школы и проводить в них обучение. Также по желанию родителей с одобрения руководства школы и детей вне образовательной программы можно формировать уроки по обучению религии. Но православная церковь во многих моментах продолжает нарушать права человека в сфере обучения. Например, в 2001 г. Московское министерство образования и епархии заключили договор, согласно которому они образуют совет по взаимодействию воспитания и образования детей, их духовному насыщению и совместное написание обучающей книги. Все эти действия противоречат Конституции РФ.

Закон свободы совести и веры существует по принципу Конституции, отделяющий государство от веры, в котором не будет ущемлений со стороны государства в адрес религиозного человека и вторжения в воспитательную деятельность родителей по отношению к своим детям. Религиозные объединения не обязаны функционировать, как органы государственной власти или органы местного самоуправления. Власть государства не будет вмешиваться в такие объединения, если они не будут противоречить законам. Государственные школы имеют светский характер, а для родителей, имеющих желание привить своему ребенку религиозные знания, может водить его в воскресную школу, организаторами которой могут быть монастыри, церкви и т. д.

Вольность в вере заключается правом на отдых. Создают все больше христианских лагерей для детей и молодежи, где подрастающее поколение может не только улучшить свое здоровье, но и обогатиться знаниями православия. В туризме активно осуществляют путешествие к святым местам. Там осматриваются храмы и другие святыни, а также купаются в священных источниках, поклоняются иконам и др. Такие религиозные методы оказывают хорошее воздействие на мировоззрение неверующих людей, что может стать причиной смены их духовных взглядов на жизнь. Но чрезмерное вмешательство церкви в общество и личную жизнь человека является нарушением свободы совести и веры.

Государство России в своем законе о свободе совести указывает на отсутствие религиозной публичности в органах местного самоуправления. Власти государства, местных органов, военнослужащие и другие чины, не имеют право за счет своих полномочий и положения в обществе навязывать религиозные суждения гражданам. Исходя из Конституции, где прописано отделение государства от религиозных объединений, закон обосновал деятельность последней, которая существует по структуре иерархии;

самостоятельно осуществляя персонализацию граждан, не участвуя в выполнении функции власти государства и в выборах в органы этих властей, не вмешиваясь в работу политики и не оказывая им никаких форм помощи.

В некоторых делах государство и религии все идет по правилам, так, как и должно быть, но в некоторых можно обнаружить несоблюдения. Когда президент России вступал на свой пост, кроме государственных властей, туда был приглашен Московский Патриарх, который от всех поздравил главу страны и пожелал ему успехов. Участие священника в такой масштабной церемонии, говорит об авторитете христианской веры в России и о полезных взаимоотношениях властей с церквями. Многие учреждения (школы, вузы, военные корабли и части) были освещены священниками, и в подобных ситуациях необходимо выяснять, являются ли такие действия работников церкви, нарушением законов РФ.

Во времена СССР на собрании депутатов были выбраны священники высшей церковной иерархии, они принимали участие в совете как граждане России. В 1997 г. тоже не было запрета таким объединениям на участие в политике страны [9].

В законе прописано, что отделения религиозных объединений от государства, не является ограничением для членов таких групп в участие деятельности страны, политических партий и выборах, наравне с другими гражданами. Выдвигаться в партии и баллотироваться в депутаты является собственным выбором каждого верующего человека. Но позже на многих собраниях было решено, что священникам становиться депутатами будет не разумно. Ведь мощное противоборство было и остается внутри государственной власти по признакам партии, а священник должен заниматься помощью и духовным обогащением людей.

Предметом для обдумывания является присутствие властей на религиозных праздниках. Глава государства или другие члены правления могут посещать подобные мероприятия как частные лица, но так как такое случается только по крупным поводам и в главном соборе, где ритуал проводится патриархом, то присутствие Президента выглядит как политическое движение, показывающее расположение властей к данной вере. Так как глава страны не исповедует иные религии, посещение им других священных мест (мечеть, храмы буддистов) не осуществляется, что не совсем корректно для демократической страны с равными правами, где внимание со стороны властей должно быть ко всем религиям одинаково. По примеру Президента руководители регионов появляются только в религиозных храмах собственной веры, такие действия со стороны властей указывает на их предпочтения в религии. Разумеется, они имеют право на свободу веры и выполнение соответствующих религиозных обрядов, но являясь лидерами и медийными личностями, нельзя забывать и про другие религии.

В правовой системе свобода совести и веры занимает главное место и ее продвижение – это основная задача современного государства [9].

Защита прав верующего органами власти в РФ

Защита прав верующего человека осуществляется Конституцией РФ и федеральным законом.

В нескольких статьях Конституции отображается правовая защита гражданина. Тринадцатая статья указывает на многообразие идеологий в России; в стране нет общего государственного мировоззрения, для каждого человека оно индивидуально; религиозным объединениям запрещено разрушать ценности государства, создавать небезопасную обстановку, нападать на властителей и мирных жителей страны, а также обострять религиозные и национальные конфликты. В четырнадцатой статье указывается светскость РФ, отсутствие единого государственного вероисповедания; все религиозные конфессии отведены от государства и соблюдают его законы.

Пятнадцатая статья говорит о законной силе Конституции и ее беспрекословном соблюдении всеми гражданами РФ, принятие каких-либо законов в стране не могут расходиться с Конституцией; все властители, высшие чины и граждане должны придерживаться конституционных законов; любой закон должен подлежать обязательной публикации, неопубликованные для всех жителей правила не могут соблюдаться; международные нормы и договоры РФ входят в систему ее права, международным договором могут быть прописаны правила, идущие в рознь закону, в таком случае необходимо придерживаться правилами первого.

В семнадцатой статье, исходя из Конституции, в РФ соблюдаются права человека в соответствии с международными нормами; с момента появления человека на свет, он получает права и свободу; полученные им права не могут нарушать свободу других граждан. Девятнадцатая статья подчеркивает паритетность человеческих прав вне зависимости от языка, национальности, положения, вероисповедания и так далее, не ограничивая таких людей в их правах. В двадцать восьмой статье указана свобода вероисповедания, где гражданин может самостоятельно придерживаться и обогащаться своей верой, быть участником религиозных общин, получать религиозные знания и распространять их среди общества или вовсе не исповедовать никакой веры.

Двадцать девятая статья доказывает свободу в мышлении и изложении своих мыслей любым человеком; нельзя призывать население к религиозной и национальной вражде, возвышать какую-либо религию или национальность, тем самым принижая другие; без собственного согласия ни одному человеку не может быть навязано чье-либо мнение; не противореча закону, каждый в праве искать и распространять какое-либо сведения; вольность в получении массовой информации. В пятьдесят девятой статье указана обязанность гражданина защищать свое государство, но, если вера человека не позволяет ему проходить военную службу, то ее можно заменить другой гражданской профессией.

Федеральным законом гарантируется право на свободу совести и веры каждому человеку, но независимо от религии и собственных умозаключений, обязательство в соблюдении законодательства, понимая, что Россия современное государство. Относясь с почтением к исламу, христианству, буддизму и иным религиям, являющихся составным элементом в истории России, трепетно и с пониманием содействовать в свободе совести и веры, учитывая законы.

В первой статье подчеркивается поддержание прав и религиозных объединений, создаваемых людьми. Вторая статья о свободе веры и ее общинах, регулирующихся Гражданским кодексом, Конституцией, Федеральным законом; права и законы РФ, деятельность религиозных конфессий не могут противоречить федеральному закону. Ни в одном законе РФ, не может быть строк, указывающих на ущемление человеческих прав. В третьей статье отмечается право в свободе самостоятельного или совместного исповедования любой веры, либо отречение от всех религий. Узнавать и пропагандировать свою веру в соответствии с законодательством. Мигранты и граждане другой страны, посетившие Россию, имеют в точности такие же права, как и граждане этой страны и несут ту же ответственность за несоблюдение ее правил. Федеральный закон вправе ограничить права в свободе вероисповедания человека в том случае, если они будут противоречить Конституции и создавать опасную обстановку в стране. Дискриминация к какой-либо вере неприемлема. В России все граждане едины перед законом во всех сферах человечества; военная служба, противоречащая религии человека, может быть заменена на любую гражданскую. По намерению Президента РФ в связи с прошением религиозных общин священникам по закону предоставляется в спокойный жизненный период отсрочка от военных сборов и службы. Ни один человек не должен оглашать о выборе своей религии и быть принужденным к выбору веры, не близкой его идеологиям; участие в богослужениях и религиозных обучениях должно быть индивидуальным предпочтением гражданина; дети не могут принимать участие в религиозных общинах, поневоле и без родительского согласия обучаться религии. Публичное оскорбление религиозных чувств верующего (митинги, неприличные картинки и высказывания) карается законом. Тайное покаяние находится под законной охраной, священник имеет право отказаться в даче показаний против человека, выясненных им из его покаяния.

Четвертая статья излагает о светскости РФ, об отсутствии единой государственной веры, разделении государства от религиозных общин и их единство перед законом. Власть не может влиять на религиозный выбор человека и обучать правильному родительскому воспитанию своих детей, вторгаясь в личную жизнь граждан. Не заставляет конфессии выполнять те же обязанности, что возложены на органы государства и не вторгается в их работу, если та не нарушает законы. Поддерживает в учебных заведениях светский характер. Религиозные организации получают льготы от государ-

ства, финансирование и помощь в улучшении состоянии здания, охрану памятных культур, предоставляются властями учителя по общим предметам для обучения в религиозных заведениях. Пользуясь своим положением, важные чины государства не вправе навязывать свою точку зрения по отношению к религии.

В свою очередь, исходя из этой статьи, религиозные общины работают по своей институтской системе, отбирая персонал по собственным соображениям; не реализуют обязанности других органов и систем; не отбирают людей в органы власти; не принимают участие и не оказывают благотворительность движениям партии; религиозные конфессии, независимо от их разделения с государством, в полной мере получают все права, полагающихся гражданам России и могут принимать участие в выборах государственного управления и партии; власть государства в РФ, по просьбам религиозных общин, религиозное празднество могут провозгласить нерабочим днем.

Из пятой статьи следует, что человек может получить образование по своей вере самостоятельно или с кем-то в группах. Дети воспитываются и обучаются родителями, соблюдая детские права на свободу. С одобрения ребенка, в результате прошения родителей, руководство школы вне учебной программы могут организовать для детей религиозные группы, для обогащения их знаний.

Шестая статья извещает о возможности организовать по собственному желанию религиозную общину, для совместного изучения и распространения основ веры, проводить богослужения или иные обряды, насыщая себя и своих последователей знаниями. Конфессии нельзя организовывать в местах государственного и военного назначения. В восьмой статье говорится о религиозных организациях, которые делятся на местные и централизованные. В местной будут насчитываться около десяти участников не менее восемнадцати лет и постоянно находящихся в одном городе или деревне. Централизованная же образована тремя местными организациями и может официально применять в своих названиях слово «Россия», если она действовала в течение 15 лет. Религиозная организация должна в полной мере доложить о своей вере. Многочисленное отсутствие представлений своих обновлений религиозной общиной в государственный реестр юрисдикции, органы, зарегистрировавшие эту организацию, могут подать в суд для признания этой общины недействительной и убрать ее из общего реестра.

В девятой статье сообщается о местной религиозной общине, владельцами которой имеют право быть около десяти Российских граждан, находящихся в одной группе и организованная не меньше 15 лет, с подтверждением регистрации. Централизованные создаются при существовании трех местных общин одной религии со своими правилами, не противоречащие Конституции. В уставе религиозной организации отмечается ее название, расположение, вера, задачи, цели, деятельность, структура,

управление и материальное обеспечение. Одиннадцатая статья посвящена регистрации религиозных организаций в государстве РФ, в соответствии с законом. Регистрируют такого рода общины, федеральный закон исполнительной власти, а затем судебные учреждения. Оповещение государственного реестра о производстве, закрытии организации или других извещениях выполняется органом регистрации по специально установленным правилам. Регистрация местной и централизованной общины производится федеральным органом судебных учреждений в определенном субъекте [2].

Большое значение в защиту прав верующего внесла Организация Объединенных Наций, акцентирующая свое внимание на уважительном отношении к религиозному и иному выбору человека, независимо от его нации, языка, пола. Для полной защиты ими были созданы декларации по правам гражданина, исключающие ущемление по религиозной принадлежности и убеждениям человека.

Существует несколько несоответствий в международных договорах. К примеру, мусульманские страны были возмущены тем, что можно менять религию и ответили отрицательно на подписание такого рода договоров, так как считают, что граждане их страны должно исповедовать только ислам. В связи с этим в некоторых пактах содержится запрет на принятие иной религии в определенных странах. Многие эксперты столкнулись со сложностями в прививании общих стандартов по правам религии некоторым государствам. Например, мусульманские страны, отрекающиеся от любой религии, кроме своей, или социалистических стран, отказывающихся признавать атеизм.

В определенных субъектах России, свобода совести и веры проявляется не в полной мере и не приведена в порядок законом. Например, такая проблема существовала в Тамбове. С 2003 по 2005 г. у них увеличивалось количество религиозных общин, но они нормально не регулировались государством. Законом не были до конца поддержаны права человека в регионе. Некоторые жители Тамбова вовсе не имели смыслового представления о правах на свободу совести и веры. Из чего и вытекает не полнота реализации и осведомленности населения об их правах.

Судебная практика в стране становится все более альтернативной. Согласно Конституции, суды вправе контролировать любые нормативные акты и ликвидировать законы властей, нарушающие человеческие права. Решения, принятые судом, будут рангом выше любых других государственных решений. Все судебные приказы должны подвергаться публикации, после чего они получают права наравне с полноценными нормами. Суды – то источник, решающий споры, объясняющий законы и заполняющий правовые пробелы. Но, на некоторые проблемы, нарушающие права, суды не обращают особого внимания. Откровенно воздействовать на душевные состояния человека (его суждений, идеологий) могут влиятельные государства. При возмущении граждан, на нарушение их прав, в связи с церковными работами, обычно происходила скарификация иных прав

(уважение личной жизни, защита собственности). Суды акцентировали свое внимание именно на этих нарушениях, несмотря на возмущение граждан по иным вопросам.

Частота нарушений человеческих прав наблюдалась в Греции. Люди, идущие против Греции и исповедовавшие веру Свидетелей Иеговы, собирались своими группами в частном помещении, не имея на это разрешения властей. С целью получить разрешение, они целый год обращались за помощью к властям, на что те, не давая точный ответ, указывали на более тщательное исследование данного вопроса. Ответы на их прошения так и не были получены, но люди все равно собирались в этом месте и проводили религиозные обряды. После этого их привлекли к уголовной ответственности. Власти государства отметили ущемление Греческим судом, получение церковного разрешения, лишь проведя с ними беседу. А граждане не пожаловались на длительность ответа властей. Суд объявил о нарочном оттягивании ответа, властями государства, чтобы уменьшить численность религиозных общин не православной веры.

Суд Швейцарии разрешил изымать человеческий волос для экспертизы, не считая это ущемлением прав. В Цюрихе, прокуратура подозревала гражданина в осуществлении сексуального проступка. Для подтверждения о употреблении гражданином запрещенных препаратов, у подозреваемого нужно было вырвать пару волос и отправить в лабораторию. Но, он сказал, что исповедует религию, в которой запрещено обстригать волосы, тем самым ставя под сомнение его право на свободу совести. При обращении в суд с этим вопросом, он постановил, что изъятие пары волос для экспертизы не будет нарушать человеческие права.

Власти государства, Конституция, Федеральный закон, суды: все они стараются оказать поддержку человеческих прав, но многие моменты требуют более тщательного государственного рассмотрения [10].

Деятельность органов власти по решению проблем оскорбления верующего и реализации прав человека

Религия в политике сочетает в себе несколько связанных друг с другом элементов: нормативных, функциональных, ценностно-целевых, институциональных.

В нормативном элементе осуществляется законный контроль в отношении свободы совести и веры. В правовых актах прописаны преимущества, обязанности и запреты властей в религиозных делах. Эти же правила распространяются на общины религиозного характера и их членов, где государство будет предоставлять им защиту и помощь. В ценностно-целевом элементе сочетаются мировые взгляды по вопросам религиозной роли в общественной жизни и по достижению государством своих целей в вопросах свободы совести. По идеологиям и духовенству можно понять, какие именно задачи государство стремится разрешить, исходя из их ценностей. В религиозной, светской и атеистической стране, власти поразному осуществляют свою деятельность, в связи с различиями в каждом

из государств. В свободных и актуальных государствах, нет обязательных убеждений, но у властей все ровно имеются собственные задачи и нравственное достоинство.

В функциональном элементе сочетается работа государства в конфессиях. Некоторые нормы государственной власти являются категоричными и не будут изменены по просьбе адресантов, а в некоторых складывается определенный поведенческий вариант, но оставляя инициативу за самими адресантами этих норм. В институциональном элементе государство осуществляет вероисповедную политику, обладая правовой компетенцией.

Рис. Система взаимосвязи государственно-конфессиональных отношений

В 1998 г. в коммунистической партии Советского Союза произошли перемены. Безбожные взгляды властей, навязанные всему обществу, сменились свободой совести, где православной церкви выразили особую признательность в становлении русской культуры. Прекратилось распространение атеистических взглядов, а руководство, регистрирующее религиозные организации стало значительно лояльнее к новым прошениям. В связи с этим появилось множество конфессий, и произошли глобальные изменения в религиозной политике государства.

Российские власти очень долго рассматривали староверие, как небезопасную для государства идеологию и осуществляли против них постоянные репрессии и ограничения. Но, со временем законодательство осознало, что это движение положительно влияет на страну, где члены этой организации являются патриотами, улучшающие экономическое положение и закрепляющие обычаи в обществе.

Во времена Советского Союза слово «вера» воспринималась, как архаизм, исчезнувший в идеологиях коммунистов. Власти в полной мере стремились огородить граждан страны от религиозных общин. Государство следило за деятельностью конфессий, блокируя любую активность с их стороны. Власти самовольно высказывались и пропагандировали атеистические убеждения, часто нарушая предписанные нормы. Религиозные общины не имели шанса протестовать в суде против властей. Со временем вся структура поменялась, появилась демократия и свобода совести.

Со временем вероисповедная политика начала осуществлять свободу совести и веры в отношении всех жителей страны, следила и оказывала

помощь религиозным общинам и поддерживала мир во всех религиях. Цель такой политики в РФ – это расширение прав человека на свободу совести и создание устойчивости в обществе. Задачами властей является выполнение прав по свободе совести и веры, указанных в Конституции, координирование интересов религиозных и нерелигиозных людей, конфессий. Контроль за всеми религиозными общинами, для сохранения в них мира и хорошего отношения. Равномерное размещение денежных средств для духовного процветания граждан и вручение им льгот. Усиление нравственной составляющей человечества, с помощью положительного раскрытия идеологий, поддержание национальных обычаев в стране, совершенствование самодеятельности, покровительство населения со всех сторон (государственной и личной), запрет на внедрение насильственных норм, опровергающих моральные ценности.

Принципами законодательства в отношении религии является светскость государства, одинаковое отношение ко всем верам и их организациям, соблюдая права человека на свободу. Все конфессии равны перед Конституцией. Почитание государством культурных и национальных обычаев каждого общества. Ущемлять властями одного гражданина или религиозную группу, допустимо, в случае нарушения ими норм Конституции, нанесение вреда здоровью человека и при создании небезопасной обстановке в стране. Преимущества властей в своем выборе, должны быть подтверждены научно, где необходимо проводить ряд анализов (правовых, экономических, социальных), чтобы предотвратить появление погрешностей в выборе действий.

Государство имеет свои методы в отношении свободы совести и веры, где любой гражданин страны, в независимости от его должности и статуса, обязан соблюдать законы, прописанные Конституцией. Права по свободе совести и веры должны постоянно преобразовываться и расширяться. Образуют действенные методики для продвижения религии в политике любого уровня, с целью выполнения властями своих обязанностей в отношении человеческих прав на свободу. Регулярное повышение квалификации работников государства, реализующих свою службу в политике веры. Содействие в учениях науки, для теоретического обогащения веры в государстве. Совместная работа с конфессиями и учет их интересов в государственных вопросах. Поддержка государством религиозных общин в любой сфере их продвижения, полезное общение и взаимопомощь, где власти будут духовно обогащаться, а общины получать необходимые ресурсы. Создание доброжелательных отношений между представителями разных религий [4].

Оценка мнения жителей Иркутской области по вопросам религиозного характера

Исследование проходило через виртуальную платформу опросов www.google.com в 2020 г., в нем приняло участие 860 жителей Иркутской

области, 56 % женщин и 44 % мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, занимающих разные социально-правовые и социально-демографические ниши.

На вопрос, о религиозной принадлежности, среди опрошиваемых было выявлено преобладание православных граждан. Доля православных составила – 45 %, буддистов – 20 %, мусульман – 15 %, католиков и атеистов по 10 %.

Большое присутствие буддистов объясняется традиционным распространением данной религии на территории Иркутской области и сопредельной Республики Бурятия, а ислама – высоким уровнем миграции из мусульманских стран СНГ и оседанием мигрантов на изучаемой территории.

Практически две трети участников исследования состоит в национально-культурных (29 %), конфессиональных (24 %) или общественно-просветительских (18 %) организациях, поддерживающих их культурные и религиозные ценности. Только 22 % нигде не состоят.

Негативных оценок в отношении представителей других национально-культурных и религиозных традиций было не так много (16 %), положительных оценок в два раза больше (32 %), но преобладали нейтральные (52 %).

При этом уровень религиозной конфликтности, по мнению респондентов, достаточно высокий (32 %), средний (47 %), низкий (21 %).

Отношение к религиозным сооружениям достаточно положительное (82 %), нейтрально их воспринимают 15 % и негативно 3 %. При этом у большей части жителей области сохраняется интерес к культурному наследию и готовы посещать религиозные сооружения, не принадлежащие к их вере с целью расширения представлений, ознакомления с другой культурой более половины опрошенных (54 %).

Интересны были ответы на вопрос о том, что «Считаете ли вы, что государство в полной мере защищает верующих людей», достоверно значимая часть респондентов ответили отрицательно – 75 %, утвердительно – 20 % и затруднились с ответом – 5 %. Иными словами, свобода совести и выбора вероисповедания формально соблюдается, но на обыденном повседневном уровне и россиян нет уверенности в безопасности данного выбора.

При этом респонденты достаточно радикально настроены против тех, кто негативно относится к представителям других религий и готовы привлекать их к уголовной ответственности (68 %), решать конфликты путем переговоров готовы только 22 % и 10 % затруднились с ответом.

Подводя итоги, можно отметить, что во многих странах, включая Россию, работа государства в плане религии осталась недоработанной, а мир среди представителей различной веры, плохо осущит и требует корректировок. Сегодня произошло мировое эволюционирование в правах граждан на свободу совести и веры, улучшилось положение в странах, где государство проделало немалую работу для достижения такой эмансипации. Но требуется еще немало доработок в плане веротерпимости, так как межнациональные и межрелигиозные конфликты все еще актуальны.

Список литературы

1. Акопян К. В. Некоторые аспекты современной религиозной ситуации в США // Вестник Вологодского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 148–154.
2. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 25–27.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность современных условий религиозной идентичности // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Астраханский университет, 2020. С. 121–126.
5. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
6. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во, ИГУ, 2020. С. 40–48.
7. Ардашев Р. Г. Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании // Социология. 2020. № 6. С. 5–15.
8. Бобков А. И., Кармадонов О. А. Религиозный опыт как фундирующее начало этнической субъектности // Социодинамика. 2017. № 3. С. 101–117.
9. Иванов Р. В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы науч.-практ. интернет-конференции / Институт социально-экономического развития территорий РАН. Вологда : Вол НЦ, 2016. С. 105–110.
10. Иванов Р. В. Новая религиозность и религиозная идентичность среди молодежи // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Астраханский университет, 2020. С. 137–143.
11. Кармадонов О. А. Особенности религиозной среды современной Америки: опыт социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5, № 4. С. 85–99.
12. Липкин В. Н. Принцип Светского государства как одна из основ конституционного строя РФ // Красноярский государственный университет. 2015. № 10 (19). С. 135–145.
13. Овчинников А. И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Дагестанский государственный институт народного хозяйства. 2014. № 3 (15). С. 7–15.
14. Полошкевич О. А. Идентичность и солидарность: религиозность виртуального пространства // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всерос. науч. семинара / под общ. ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Астраханский университет, 2020. С. 165–171/
15. Трескин П. А. Взрыв «новой религиозности» среди молодежи: причины и следствия // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2009. С. 139–144.
16. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в РФ. М. : Сретенский Монастырь, 2013. 528 с.

Медицинская терминология как ресурс развития языковой культуры общества (на примере студентов начальных курсов ИГМУ)

Рассматривается вопрос корректного представления будущих врачей (студентов начальных курсов ИГМУ) о том, как нужно правильно употреблять некоторые медицинские термины. Определяются аспекты владения студентами функциональной грамотностью, умения понимать и пользоваться данной информацией на практике, а также сама трансформация медицинского языка, так как медицинская терминология является ресурсом развития языковой культуры общества.

Ключевые слова: термин, медицинская терминология, формулировка.

V. D.Ivanova, *Irkutsk*

Medical Terminology as a Resource for the Language Culture of Society Development (ISMU Primary Students Case)

The article discusses the issue of the correct representation of future physicians (ISMU primary students) on how to correctly use some medical terms, aspects of students' possession of functional literacy, the ability to understand and use this information in practice, as well as the transformation of the medical language itself, since medical terminology is a resource for the development of the language culture of society which constantly changes.

Keywords: term, medical terminology, formulation.

В своей работе медицинские работники используют специфические термины, которые часто происходят из греческого или латинского языков. Этими терминами обозначают патологии, болезни. Благодаря этому врачи из разных стран понимают, о чем идет речь, и даже могут проконсультироваться друг друга вследствие универсальности понятий.

Людям, не связанным с медициной, замысловатые диагнозы и трудно проговариваемые слова не всегда ясны. Чтобы помочь им понять то или иное медицинское понятие, издаются словари медицинских терминов как на бумажном носителе, так и в электронном виде.

В настоящее время многие медицинские сайты имеют словари медицинских терминов, которые представлены в форме справочника, где есть возможность при нажатии на незнакомое слово перейти на страницу с подробным и полным объяснением этого термина. Такая система очень легка и доступна для врачей и пациентов. Они могут получить ответ на свой вопрос за считанные секунды. Онлайн-словарь содержит категории по буквам алфавита и группам патологий. Словари бывают разные: например, существует общий словарь медицинских терминов, в котором помимо данных о болезнях есть анатомические термины, физиологические определения, лекарства, а также существуют профильные и специфические словари, которые могут содержать разделения по категориям, например, по группам болезней или по анатомическим категориям. Но все же большинство справочников, которые находятся на сайтах, состоят из понятий, которые относятся к болезням.

На страницах словаря расположена общая информация и данные по категориям. Патологии, болезни расположены по алфавиту. Необходимо только нажать на нужную букву и найти незнакомый термин. Он кликабельный, и нажимая на него, можно сразу перейти к описанию и прочитать расшифровку.

В словаре находятся самые часто употребляемые термины. Если это какой-нибудь редкий диагноз, его можно найти только в специальных профильных словарях. В словарях встречаются не только медицинские термины, но и всевозможные инфекции, паразиты, болезни. В отдельных справочниках встречаются лекарства, где подробно описано то или иное средство. Словари помогают как медицинским работникам, так и пациентам расшифровывать необходимую информацию.

Описание строится следующим образом: необходимо выбрать соответствующий термин, кликнуть на него и перейти на страницу, где можно ознакомиться с описанием той или иной патологии, причин болезни, диагностики и профилактики. Эта информация необходима только в ознакомительных целях, потому что пациент не должен самостоятельно ставить себе диагноз и лечить себя. Необходимо обратиться к врачу, который способен верно определить диагноз и назначить лечение.

В своей практике врачи используют единую систему постановки диагноза, термины, которые ясны любому медицинскому работнику. С помощью нее проводят научные исследования, оказывают помощь и консультируются. Все понятия в своей основе содержат латынь либо греческий язык, которые понимают врачи с любой точки земного шара. Термины составляются по определенному принципу, есть система терминологии, которую изучают медицинские работники. Врачи также могут опираться на иррациональные стратегии восприятия языковой культуры социума [5; 6].

Медицинский справочник болезней – это справочник, в котором содержится часто встречаемые патологии. Такие справочники могут быть общими, где встречаются все патологии, и специальными, где затронуты определенные органы. Справочник используют для получения информации о заболевании, способах лечения, для получения общего представления о патологии, уровне опасности. [2] [3] [4]

Люди, не занятые медицинской деятельностью и не имеющие к медицине отношения, также имеют некоторые представления о медицинских терминах и их значении. Многие обыватели понимают значение слов «грипп», «ВИЧ», «инфекция». Однако нередко причины появления, проявления и передачи тех или иных болезней и инфекций для значительной части населения остаются малознакомыми, в связи с чем те или иные медицинские термины истолковываются ими в корне неверно (как, например, живучее среди малознакомых с путями передачи ВИЧ-инфекции представление о том, что ВИЧ передается при рукопожатии, хотя это совершенно не так).

Нами было проведено исследование среди студентов 1–2 курсов Иркутского государственного медицинского университета с целью выяснить, насколько корректное представление имеют будущие врачи о том, как нужно правильно употреблять некоторые медицинские термины. В опросе приняли участие 132 студента ИГМУ, из них: 61,1 % второкурсников и 38,9 % первокурсников. Распределение по специальностям выглядело следующим образом: 51,9 % – «Лечебное дело», 20,6 % – «Медико-профилактическое дело», 16,8 % – «Педиатрия», 6,1 % – «Фармация», 3,8 % – «Медицинская биохимия», 0,8 % – «Стоматология». Опрос был основан на материалах статьи «Семь медицинских терминов, которые мы употребляем неправильно» [1], анкетирование проходило с помощью Google-форм.

В первом вопросе рассматривался такой термин как «склероз», который на самом деле означает не потерю памяти, а проявление различных патологий, при которых сосуды и ткани органов заменяются плотной и нефункциональной соединительной тканью. Из опрошенных 42,4 % понимают значение слова «склероз» ровно так, как описано выше, 37,9 % понимают значение слова «склероз» как забывчивость, 12,1 % понимают значение слова по-иному, а 7,6 % понимают его как временную потерю памяти.

Во втором вопросе мы выяснили, различают ли ребята такие слова как «отек» и «опухоль». Опухоль – это новообразование из клеток, которое имеет свои особенности в развитии и росте, а отек – это скопление крови, межклеточного вещества, которое возникает на месте травмы сразу же. Итак, 93,2 % знают различие между опухолью и отеком, а 6,8 % ответили, что часто смешивают эти понятия.

Третий вопрос был посвящен понятию «стресс». Стресс – это реакция организма на нагрузку, он не всегда влияет на человека негативно, так как может влиять вполне благоприятно, повышая продуктивность людей. Дистресс оказывает влияние деструктивное и разрушающее. Ответы на этот вопрос разделились почти поровну: 52,3 % студентов имеют ошибочное представление о слове «стресс» (т. е. понимают его как что-то разрушающее), а 47,7 % различают термины «стресс» и «дистресс».

В четвертом вопросе рассматривался такой термин как «инфаркт». Инфаркт – это не всегда сердечный приступ, потому что это более общее понятие; инфаркт может быть и почки, и селезенки и т. д. 60,6 % студентов знают, что инфаркт связан не только с сердечным приступом, но и с другими органами, 37,9 % употребляют слово «инфаркт», когда говорят о сердечном приступе, а 1,5 % употребляют слово «инфаркт» по-иному.

Пятый вопрос был аналогичный вопросу об инфаркте, потому что понятие «туберкулез» также требует дополнения. Чаще всего от туберкулезной палочки страдают легкие, но создать очаг бактерия может и в других органах: почки, глаза, кожа, мозговые оболочки. 59,1 % студентов знают о таком понятии как внелегочный туберкулез, 22,7 % думают, что туберку-

лез связан только с поражением легких, а 18,2 % не задумываются о значении этого слова, потому что для них это просто болезнь.

Шестой вопрос был связан с понятием «наркоз». На самом деле наркоз не означает обезболивание в прямом смысле, потому что это потеря сознания и состояние сна. Наркоз может быть только общим. Правильно говорить «под общей анестезией». 73,5 % понимают значение слова «наркоз» именно таким образом, 18,2 % часто смешивают эти понятия (общего и местного наркоза в обыденной речи), 8,3 % думают, что наркоз – это обезболивание в прямом смысле.

В седьмом вопросе мы выяснили, понимают ли студенты, что такое «раздвоение личности». Раздвоение личности очень часто путают с такими понятиями как биполярное аффективное расстройство и шизофрения. На самом деле раздвоение личности – это диссоциативное расстройство. 60,6 % понимали значение так, как написано выше, 25,8 % считают, что биполярное расстройство – это раздвоение личности, 5,3 % думают, что раздвоение личности относится к другой патологии, 5,3 % не понимают разницы между терминами и считают всех этих людей «шизофрениками», а 3 % думают, что шизофрения – это раздвоение личности.

Также респондентам был предложен дополнительный восьмой вопрос, в котором мы поинтересовались, какие еще неправильно употребляемые медицинские термины знают опрошенные. Мы получили такие ответы: мигрень, аура, истерия, депрессия, инсульт, малярия, аскаридоз, синяк, анорексия, дистрофия, артрит, артроз, остеохондроз, аллергия, псевдоаллергия (существует большая разница между двумя этими недугами в принципах их развития), ВСД (вегетососудистая дистония), синдром Дауна, формулировка «мне вырезали аппендицит» (формулировка не верная, так как вырезают аппендикс, а аппендицит – это воспаление червеобразного отростка), кома, тромбоз.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в большинстве случаев будущие врачи имеют представление о том, как нужно правильно употреблять медицинские термины. Также студенты умеют различать похожие по произношению термины, которые могут быть непонятны людям, не связанным с медициной. Будущие врачи также предложили свой список терминов, неправильное значение которых они когда-то слышали от обывателей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что функциональная грамотность развита у большинства студентов начальных курсов ИГМУ на высоком уровне. Это доказывает, что будущие врачи заинтересованы в своей профессии. Но с каждым днем медицинская терминология расширяется, появляются новые понятия и формулировки, поэтому медикам необходимо как можно чаще «заглядывать» в медицинский словарь, где информация улучшается и дополняется.

Список литературы

1. 7 медицинских терминов, которые мы употребляем неправильно. URL: https://health.mail.ru/news/7_meditsinskih_terminov_kotorye_my_upotrebyaem/.
2. Зачем нужны медицинские термины и словарь медицинских терминов онлайн? URL: <https://www.med2.ru/story.php?id=87963>.
3. Зачем применяют словарь медицинских терминов? URL: <https://irkutskmedia.ru/news/15.08.2017/zachem-primenyayut-slovar-medicinskih-terminov.html>.
4. Словарь медицинских терминов. URL: <https://medinteres.ru/slovar-meditsinskih-termin>.
5. Ардашев П. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
6. Ардашев П. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.

УДК 316:008(470)
ББК С55.2(2)

Л. Н. Сарапулова, *Иркутск*

Роль современных культурных проектов в процессе консолидации российского общества

Рассматриваются особенности реализации культурных проектов, способствующих социальной консолидации общества. Выявляются особенности формирования аудитории, бюджета, социокультурного проектирования, культурной деятельности способствующей формированию инфраструктуры культуры региона.

Ключевые слова: консолидация, культурные проекты, национальный проект, культурная деятельность, инфраструктура культуры, регион

L. N. Sarapulova, *Irkutsk*

The role of contemporary cultural projects in the consolidation of Russian society

The article examines the features of the implementation of cultural projects that contribute to the social consolidation of society. The features of the formation of the audience, budget, socio-cultural design, cultural activities that contribute to the formation of the infrastructure of the culture of the region are revealed.

Keywords: consolidation, cultural projects, national project, cultural activities, cultural infrastructure, region.

Процесс консолидации российского общества обязательно включает культурные аспекты. При этом основное внимание уделено основным направлениям *культурного развития общества* – сохранение и преумножение культурных ценностей и традиций, повышение культурного образования и морально-нравственное воспитание людей. При этом необходимым является популяризация национальных традиций культуры и рекламная пропаганда культурных инициатив населения. Средством сохранения и воссоединения социальных явлений и культурных феноменов является социокультурный проект. Если раньше финансирование культурных мероприятий осуществлялось стабильно по фактическому содержанию учреждений культуры, то сейчас необходимо постоянно представлять социокультурные проекты для осуществления, часто целевого, финансирования учреждений в области культуры.

Ведущими целевыми ориентирами в ходе проблемно-целевого проектирования развития культуры являются следующие элементы:

- создание условий для поступательного развития социокультурного субъекта (личности, общности, общества в целом), самореализации человека;

- обеспечение благоприятных условий для саморазвития культурной жизни на основе стимулирования механизмов самоорганизации, поддержки исторически сложившихся и новых технологий, элементов, явлений.

Проблемы общенационального масштаба решаются с помощью федеральных национальных проектов. Для развития культуры в РФ Министерство культуры создало и внедряет Национальный проект (НП) «Культура» на 2019–2024 гг. Реализация проекта началась 1 января 2019 г. Создан паспорт нацпроекта, в том числе с определением бюджета федерального финансирования. Самая крупная задача нацпроекта – построить 39 центров культурного развития в городах РФ с числом жителей до 300 тыс. человек [1].

В свою очередь федеральные проекты и программы конкретизируются в региональных программах и локальных проектах развития культуры. В организации управления учреждениями культуры возрастает роль социокультурного проектирования. Организация работ и их финансирование осуществляется по программам и проектам. Следовательно, социокультурное проектирование имеет важное значение во внешнем и внутреннем управлении учреждениями культуры. Социокультурное проектирование представляет собой специальную управленческую технологию, включающую разработку конкретных мероприятий для выполнения основного предназначения культурной деятельности – ее миссии. Каждое культурное учреждение несет свою миссию в народ как функцию основного предназначения, для чего оно создано. Далее разрабатываются цели функционирования учреждения.

Процесс проектирования основан на конструктивной творческой деятельности работников культуры, а также на использовании уникальных, оригинальных технологий каждого объекта культуры. В качестве объекта социокультурного проектирования выступает сложное образование, включающие в себя две взаимосвязанные подсистемы: социум и культуру. Социум как явление представлено в виде базисных социальных субъектов (социальных групп, организаций, институтов), которые являются универсальными, типичными и устойчивыми образованиями. Исходными характеристиками являются статус и социальная роль субъекта [2]. Например, творческий коллектив, группа пожилых людей, студенческая группа, детская, подростковая группы и другие коллективы людей, объединенные единой целью в своей деятельности.

Сущность социума заключается в том, чтобы сделать человека общественным, полезным для общества. В свою очередь, сущность культуры определяется в формировании духовно целостной личности, соблюдающей нормы, ценности, традиции, характерные для социальной общности

(включая этнос, нацию, общество). Субъектами культурной деятельности являются личность, социальная группа или общность, регион, общество, человечество в целом. Следовательно, субъекты социума и культуры совпадают. Культура выполняет функции социальной ориентации, обеспечивающих принадлежность, консолидацию человеческих сообществ, индивидуальное самоопределение личности. Понятия «социальное» и «культурное» растворены друг в друге, в связи с тем, что в любом социальном явлении всегда присутствует человек как носитель социальных ролей и культурных ценностей. Именно человек является первичным «атомом» социальных структур, отношений и культурных процессов.

При составлении социокультурных проектов сначала выделяется проблемное поле проекта. Проблема определяется как противоречие между реальной картиной и нормой. Норма в проекте выступает как идеальное представление проектировщика от состояния объекта в соответствии с конкретной культурой и социумом. Проект в таком случае является средством сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных феноменов, соответствующих (как количественно, так и качественно, содержательно) сложившимся нормам. Основными результатами технологии социокультурного проектирования являются отдельный проект и комплексная программа как совокупность проектов.

Социокультурный проект может существовать в двух формах:

- как составная часть программы, представляющая собой форму конкретизации и содержательного наполнения приоритетных направлений развития социокультурной жизни территории;
- как самостоятельный вариант решения локальной проблемы, адресованный конкретной аудитории.

Социокультурная программа представляет собой комплексный документ, включающий совокупность проектов, мероприятий, акций, идей, инициатив. Программа создается в масштабах конкретной территории (района, города, региона, федерации) для оптимизации культурных процессов и повышения качества жизни населения.

Важнейшим структурным элементом технологии проектирования является исследовательская деятельность, поскольку именно проектировщик должен выполнять следующие функции:

- во-первых, знать, видеть реальные проблемы функционирования той или иной объектной области (например, культуры региона, среды и условий жизнедеятельности личности, социальной группы и т. д.);
- во-вторых, иметь представление об идеальном состоянии целого и способах его поддержки.

Исследовательская процедура социокультурного проектирования выражается здесь не только в сборе эмпирических показателей с помощью социологического исследования или анализа прессы. Проектирование есть, прежде всего, идеально-мыслимое представление о конечном продукте (параметрах того или иного явления, новом качестве объекта), которое

проходит путь от выделения проблем исходного состояния объектной области проектирования через формулировку целевых установок к определению конкретных методов изменения ситуации. Объектные области проектирования: социум и культура рассматриваются как некие теоретические (а значит, в определенной степени – искусственные) модели, подлежащие переконструированию и усовершенствованию в рамках проекта. Общую логику формирования проекта можно представить следующим образом: проблематизация – целеполагание – инструментализация.

В целом социокультурный проект представляет собой локальную программу, ориентированную на преодоление или профилактику различного рода проблем путем изменений в социокультурной среде.

В рамках национального проекта «Культура» в РФ функционируют три федеральных проекта, в том числе в Иркутской области:

1. Самый крупный федеральный проект «Культурная среда». В рамках проекта строят и капитально ремонтируют культурно-досуговые учреждения, модернизируют библиотеки, приобретают музыкальные инструменты для школ искусств и колледжей культуры. В 2021 г. на данный проект в Иркутскую область дополнительно направят 88 млн руб. из федерального и регионального бюджетов.

2. Федеральный проект «Цифровая культура». В 2021 г. в Иркутской области будет создано 6 виртуальных концертных залов. На данное мероприятие выделено 9 млн руб. Без виртуальных концертных залов сложно сейчас осуществлять деятельность учреждениям культуры. Всего по проекту предусмотрено создать виртуальные концертные залы не менее, чем в 500 городах РФ. Кроме того, запланировано более широкое внедрение цифровых технологий в культурное пространство страны. Цифровые технологии необходимо материально поддерживать, в том числе для покупки компьютерной техники.

3. Федеральный проект «Творческие люди». Культуре Иркутской области дополнительно выделено 2,5 млн руб. для поддержки талантливых и креативных работников культуры в 2021 г. В данном проекте работают по двум программам: «Волонтеры культуры» и «Центры образования и повышения квалификации». Повышение квалификации предусмотрено для творческих и управленческих кадров сферы культуры.

Новшеством развития культуры в Иркутской области в 2021 г. является включение в федеральный проект «Творческие люди» творческого конкурса «Лучшие сельские учреждения культуры и их работники». В Иркутской области он проводится с 2012 г. и теперь получил федеральную поддержку. 15 лучших учреждений культуры получают по 100 тыс. руб., 20 работников – по 50 тыс. руб. Кроме того, в рамках проекта будут проходить переобучение специалистов. Средства выделяют учебным заведениям. В 2021 г. в дистанционном формате в них будет учиться 620 специалистов из Иркутской области.

В процессе разработки программы очень важно найти оптимальное соотношение двух целевых установок, определяемых двумя подходами к культуре. С одной стороны, культуру необходимо рассматривать как самоценную сущность, т. е. материальную и духовную среду обитания человека, условие его развития и самореализации. Проектное мышление в данном случае предполагает понимание культуры как целостного объекта, подлежащего сохранению и воспроизводству, и ориентируется на заполнение недостающих мест внутри культурного целого посредством создания систем поддержки и реставрации (например, программы музеефикации и консервации культурных норм и способов их трансляции).

Ведущей целевой установкой проектов и программ в таком случае будет создание оптимальных условий, способствующих естественному развитию культуры как самоценного явления. С другой стороны, культура (культурная деятельность) является условием и средством решения проблем и задач, находящихся в других плоскостях социального и индивидуального бытия. Проекты такого типа в качестве своей конечной цели предполагают оптимизацию процессов жизнедеятельности (человека, социальной группы, региона и т. д.), а культура выступает в качестве средства, условия такой оптимизации. Например, создание условий для возрождения и развития народных ремесел и промыслов может частично решить проблему занятости.

Художественное объединение может стать средством решения социально-психологических проблем личности, способствуя социальной адаптации, признанию, самоутверждению человека, испытывающего дефицит положительных социальных связей в других сферах бытия. Проекты, формирующие соответствующие условия для развития культуры национальных меньшинств, будут объективно способствовать снижению социальной напряженности в регионе, повышать чувство удовлетворенности человека условиями своей жизнедеятельности.

Приоритетные области проектирования – это наиболее значимые в социальном и личностном плане сферы социально-культурной жизни (и соответствующие им виды деятельности), характеризующиеся максимальной концентрацией проблем и обладающие возможностями и ресурсами оптимизации человеческой жизнедеятельности. Выявление приоритетных направлений проектирования осуществляется, преимущественно, путем анализа конкретной ситуации, характеризующей совокупность обстоятельств и условий функционирования общества в целом и локальной ситуации, фиксирующей социальные, социально-демографические и социально-культурные проблемы конкретной территориально-административной единицы.

Аудитория проекта как носитель социально-культурных и личностных проблем, представляет социальную категорию или группу населения, которая характеризуется специфическими социальными и культурными особенностями и отличается от других групп композицией условий и про-

цессов жизнедеятельности. Последние включают как те элементы, которые общность воспроизводит и стремится сохранить, так и те, которые людям хотелось бы изменить [3].

Граждане регионов все более активно участвуют в социально-культурном развитии через различные элементы инфраструктуры. Стратегические управленческие решения в сфере развития инфраструктуры культуры региона включают следующие элементы:

1. Создание социально-педагогических и культурных центров (например, региональная программа Иркутской области «Школа клубного специалиста»).

2. Поддержка учреждений, способствующих снятию социальной напряженности (политические клубы, культурно-просветительские и национально-культурные центры).

3. Создание специализированных центров местной культуры: народных музеев, музеев частных коллекций, библиотечных выставок и других

4. Реставрация нежилого фонда в целях создания культурно-досуговых центров для детей, молодежи и других групп населения.

Все перечисленные элементы инфраструктуры культуры региона составляют материальный уровень культуры. Достигнутый материальный уровень культуры представляет собой овеществленный процесс человеческого стремления к совершенству, его «застывший» результат. Особое место при этом занимают результаты художественного творчества [4].

Материальный уровень культуры позволяет усилить развитие духовного уровня культуры. В 2020–2021 гг. в культурных учреждениях культуры Иркутской области действуют следующие культурные проекты:

1. Региональный фестиваль мастеров и любителей декоративно – прикладного творчества «Игрушка, рожденная сердцем».

2. Региональная программа «Радуга» по организации летнего досуга и занятости детей и подростков в целях профилактики девиантного и асоциального поведения.

3. Проект «Наследники традиций», в том числе Фестиваль ткацкого искусства. Грантодатель: Объединенная компанией РУСАЛ в рамках социальной программы «Территория РУСАЛа».

4. Муниципальная программа районов Иркутской области «Связь поколений через информационно-коммуникационные технологии» на 2021–2025 гг.

5. Муниципальная программа г. Иркутска «Культура и молодежная политика» от 14.01.2020 [5] и др.

Перечисленные основные культурные проекты Иркутской области характеризуют направления творческого развития населения региона. Несомненно, культурные проекты сплочивают россиян. В этом случае, происходит организация участников творческих коллективов для выполнения определенных функций, их самообразование. Для привлечения потенциальной аудитории участников коллективов и их слушателей, необхо-

димо выстроить маркетинговые коммуникации с целевыми группами. К средствам, наиболее часто используемым в комплексе маркетинговых коммуникаций, следует отнести: рекламу, личные контакты, устные рекомендации и др. Для их использования формируется адекватное информационное обращение к целевым группам. В данном обращении потенциальные участники должны увидеть интересующие их яркие формулировки будущих культурных действий (концерта, фестиваля, конкурса и др.).

С участниками культурного проекта обязательно устанавливаются каналы «обратной связи». По ним происходит систематический сбор информации, она анализируется, и процесс коммуникации корректируется. Важную роль играет социокультурный менеджмент учреждений культуры регионального или местного масштаба. Каждое учреждение культуры зарабатывает свой высокий положительный имидж. Одним из важных показателей имиджа, является персонал учреждения, а именно его количественный и качественный состав. Качественный состав персонала характеризуется наличием профильного образования в области культуры. Все культурные проекты внедряют специалисты учреждений культуры. Эффективность внедрения культурных проектов зависит от слаженной работы всех участников проекта. Показателями эффективности культурных проектов являются: количество участников, охваченных проектами; своевременность и фактическое проведение культурных мероприятий проектов, освоенность бюджета проектов, средняя заработная плата работников учреждений культуры, выявление талантливых участников и продвижение их в культурной среде, другие показатели.

Все культурные проекты финансируются из определенных источников, которые утверждены в конкретных правовых документах. В 2020–2022 гг. культурные учреждения Иркутской области финансируются из двух бюджетов: федерального (4 %) и областного (96 %). С 2023 г. Постановлением правительства Иркутской области зафиксировано прекращение федерального финансирования культуры (138 млн руб. в 2021 г.) и полный переход содержания культурных объектов за счет областного бюджета. При этом общий объем бюджета на культуру сократится с 3,6 млрд руб. до 2,8 млрд руб., или на 22 % [6]. Надежда остается на дополнительное финансирование по национальному проекту «Культура» и частные проекты, например, грантодателя: Объединенная компанией РУСАЛ в рамках социальной программы «Территория РУСАЛа».

В целом культурные инициативы и проекты российского государства стремятся к социальной консолидации и повышению качества жизни всех слоев россиян. В РФ действует национальный проект «Культура», и в его рамках три федеральных проекта. Самый большой федеральный проект в области культуры «Культурная среда». Профильное образование у специалистов социокультурной сферы позволит оказывать культурные услуги более качественно и своевременно. Консолидация российского общества усилится за счет лучших условий культурной жизни и повышения уровня образования населения.

Список литературы

1. Федеральный проект «Культурная среда» в рамках НП «Культура». URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/cultural-environment> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Гененко О. Н., Ефремова Н. В., Калашникова Н. Н. Технологии менеджмента социально-культурной деятельности: вопросы теории и практический опыт : монография. Белгород : БГИИК, 2020. 197 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/153871> (дата обращения: 19.01.2021).
3. Каменец А. В. Основы культурно-досуговой деятельности : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. 185 с. URL: <https://urait.ru/bcode/452814> (дата обращения: 21.01.2021).
4. Коноплева Н. А. Организация социокультурных проектов для детей и молодежи : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020. 254 с. URL: <https://urait.ru/bcode/456873> (дата обращения: 21.12.2020).
5. Муниципальная программа г. Иркутска «Культура и молодежная политика» от 14.01.2020. URL: <https://admirk.ru/pages/municipal-programms.aspx> (дата обращения: 21.12.2020).
6. Постановление правительства Иркутской области от 26.08.2020 № 698-пп «О внесении изменений в приложение 6 к госпрограмме ИО «Развитие культуры» на 2019–2024 гг. URL: <https://irkobl.ru/sites/culture/program/federal/index.php> (дата обращения: 21.01.2021).

УДК 334.021
ББК 65.53

Н. В. Деренко, А. В. Борозненко, К. Д. Осипов, *Иркутск*

Первоочередные задачи креативного сообщества и органов власти Иркутской области в развитии креативной экономики региона

Приводятся рекомендации по проведению первоочередных совместных мероприятий правительства региона и неформальной коллаборации по развитию креативных индустрий в г. Иркутске и Иркутской области, нацеленных на картирование данной сферы экономики и выработку предложений в Стратегию социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, креативный город.

N. V. Derenko, A. V. Boroznenko, K. D. Osipov, *Irkutsk*

Priority tasks of the creative community and authorities of the Irkutsk region in the development of the creative economy of the region

The article contains a set of recommendations for conducting top-priority joint activities of the regional government and informal collaboration on the development of creative industries in Irkutsk and the Irkutsk region, aimed at mapping this sector of the economy and developing proposals for a Strategy for the socio-economic development of the region.

Keywords: creative industries, creative economy, creative city.

В конце 2020 г. наступил третий, решающий, содержащий практические действия по модернизации системы регулирования креативной экономики Иркутской области, этап взаимодействия правительства региона и неформальной коллаборации вокруг АНО ИФЦ «Байкал-Тотем» и научно-практического центра «Креативный город» Института социальных наук Иркутского государственного университета [1–3].

В качестве первоочередных шагов по планированию развития креативных индустрий региона авторы предлагают рекомендованный творческим коллективом под руководством М. А. Лаптевой алгоритм первичного мониторинга данной сферы экономики города и области (Сибирский федеральный университет, проект «Креативные индустрии как сектор инновационной экономики Красноярска», 2011 г. [4]). В результате планируемой деятельности команда должна получить объективную информацию, столь необходимую и для планирования, и для модернизации Стратегии социально-экономического развития Иркутской области.

Коллеги из Красноярска в 2011 г. реализовали научно-исследовательский проект, выбрав объектом исследования сектор креативной экономики города с целью оценки потенциала креативной экономики и разработки рекомендаций по развитию данного сектора. Несмотря на прошедшие 10 лет результаты работы сибирских ученых несколько не утратили своей актуальности и заслуживают активного развития на территории Сибири. Особое место занимает проект информационной системы «Креативные индустрии г. Красноярска» <http://ci-kras.ru/>. Его запуск и эксплуатация засвидетельствовали, что проведенная работа – это одно из первых в Российской Федерации комплексных прикладных исследований социокультурных возможностей творческого бизнеса крупного города. Результаты особо значимы для органов власти различных региональных ведомств, так как возможности креативного сектора экономики ранее не попадали в поле зрения ни одного из министерств.

Следуя за мировым опытом изучения особенностей креативной экономики [2, 3], ученые СФУ выделили в 13 сегментов региональной экономики, содержащие элементы творческих технологий: реклама; архитектура; художественный и антикварный рынок; ремесла; дизайн; мода; производство кино- и видеопродукции; программирование, в том числе создание развлекательных интерактивных программ и компьютерных игр; музыка; исполнительские искусства; издательское дело; теле-, радио- и интернет-вещание. С учетом специфики развития Восточной Сибири авторы данной статьи намерены добавить в собственное исследование и туристический сектор экономики Иркутской области, и сферу дополнительного образования детей и взрослых, и разработку платформ онлайн-обучения.

Первым шагом должно стать статистическое исследование – выявление предприятий, организаций, проектов в сфере креативной деятельности. Такое исследование невозможно без задействования потенциала и авторитета региональных органов власти, ведь речь идет о формировании масштабного реестра организаций или индивидуальных предпринимателей, включая юридические адреса, все контакты, среднесписочную численность и заработную плату, сведения о произведенных собственных товарах и услугах, объемы выручки от реализации продукции, работ, услуг и др. Более полусотни кодов ОКВЭД позволят отобрать не менее тысячи предприятий и организаций, судя по опыту красноярских коллег.

Так, в сфере производства игрушек, сувениров, игр, товаров для праздников в Красноярске в 2010 г. было зафиксировано 11 предприятий; в сфере архитектуры и проектирования – 418 предприятий; в рекламе – 45; в фотографии – 33; среди художников, оформителей, дизайнеров – 266; в производстве фильмов – 23; в области радиовещания и телевидения – 54; в области искусства – 15; в сфере сценических выступлений – 56; ярмарки и парки – 14; информационные агентства – 61; организация азартных игр – 54 структуры; организация отдыха и развлечений – 55 (и это в одном сибирском городе!).

Второй шаг – экспертный опрос по оценке потенциала креативных индустрий в городе Иркутске и, по мере накопления опыта и развития инфраструктуры исследования, в Иркутской области. Красноярские коллеги включали в состав экспертов «продюсеров, директоров «креативных» бизнесов»; «представителей власти» (администрации края, города), занимающихся вопросами культуры и социального развития; «потребителей» из 4-х возрастных групп (общее число экспертов – 480 человек) [4]. Такой набор был обусловлен палитрой взглядов на изучаемую сферу: «продюсеры, директора «креативных» бизнесов» важны как профессионалы; «представители власти» могут оценить сектор креативных индустрий с точки зрения их значимости для города и возможных темпов развития; «потребители» лучше оценят востребованность различных видов креативных продуктов и услуг. Анкета для экспертов должна включить вопросы, использованные красноярцами [4]:

- «оцените степень развитости различных видов креативных индустрий в городе;
- назовите наиболее успешные действующие предприятия и организации креативных индустрий нашего города по следующим критериям: оригинальная, заметная продукция, соответствующая современному уровню требований; успешный бизнес и др. ;
- оцените значимость вклада предприятий и организаций креативного сектора в развитие города в настоящее время и в будущем;
- сопоставьте уровень развития креативных индустрий в нашем городе и в других российских городах (уровень творческих достижений, масштабы деятельности, экономические достижения);
- оцените основные проблемы, которые сдерживают развитие креативного сектора экономики нашего города;
- каким образом администрация города может поддерживать развитие креативного сектора экономики?
- какие общегородские проекты (существующие или совершенно новые) могут дать импульс развития креативных индустрий в нашем городе?
- какой позитивный опыт российских и зарубежных городов может быть применен для развития креативных индустрий в нашем городе?

- какие вопросы, связанные с возможностями развития креативных индустрий в Красноярске, на Ваш взгляд, необходимо обсудить?»

Третий шаг – проведение серии глубинных экспертных интервью с ведущими специалистами сферы креативных индустрий города (от себя добавим – экспертиза этими специалистами складывающейся карты сектора креативной экономики на предмет полноты и актуальности). Планируется привлечение не менее 50 специалистов, способных компетентно ответить на вопросы анкеты, разработанной под руководством М. А. Лаптевой [4]:

«– Как Вы оцениваете рынок (моды, музыки, изобразительного искусства и т. д.) в городе? Существует ли он вообще? Насколько он развит, каков его объем? Какие основные проблемы его развития?

– Какие наиболее сильные игроки на этом рынке (назовите основные, наиболее значимые имена)?

– Какие основные группы потребителей на этом рынке? Какие сложности существуют с расширением аудитории?

– Выходят ли продукты/услуги на рынок края, России, зарубежные рынки? Если да, то, какие рынки, какие товары/услуги? Как строятся взаимоотношения с партнерами?

– Существуют ли у данного сектора профессиональные ассоциации, союзы? Или иные структуры, продвигающие сектор в целом и отстаивающие его интересы? Какие средства массовой информации чаще всего пишут о деятельности предприятий в секторе?

– По Вашему мнению, какие основные проблемы предприятий креативного бизнеса в городе? Есть ли доступ к финансам? Есть ли доступ к дешевой или льготной аренде, а также иным льготам?

– Какие льготы являются наиболее актуальными? Льготы на услуги естественных монополий, льготы по аренде, снижение ставок социальных взносов, льготные кредиты на покупку оборудования и т. п.

– Какими суммами нужно располагать для открытия креативного бизнеса в городе? Какие статьи расходов являются наиболее значимыми при открытии бизнеса?

– По Вашим оценкам, какой годовой оборот (в среднем, максимально, минимально) у предприятий в секторе?

– Какие специалисты наиболее востребованы в сфере креативных индустрий? Есть ли сложности с привлечением кадров? Каких компетенций не хватает сотрудникам и владельцам бизнеса? Какие образовательные программы с Вашей точки зрения нужны для развития кадрового потенциала? Какие вузы и другие образовательные учреждения являются основными поставщиками кадров?

– Сколько человек (в среднем, максимально) работают на конкретном предприятии в Вашем секторе? Какое количество человек с высшим образованием востребовано? Какое количество человек с высшим творческим образованием востребовано?

– Как Вы можете оценить (в процентном соотношении) творческую и нетворческую составляющую Вашего бизнеса? То есть, какое место в Вашей деятельности занимает генерирование – производство идей?

– В какой степени историко-культурное наследие и местная специфика нашего края влияет на создание творческих продуктов в Вашем секторе?

– Кто из специалистов известен/востребован в России? За рубежом?»

И уже четвертым шагом будет разработка рекомендаций для городской и региональной власти, учитывающих и структуру сектора креативной экономики, и наиболее активных ее акторов, и наиболее востребованных направлений развития. Следом пойдут картирование творческого пространства города, формирование центров компетенций и проектных офисов, вступление в международную сеть креативных городов.

Список литературы

1. Деренко Н. В., Подковенко А. Г. Роль неформальных сообществ в развитии креативной экономики региона // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 215–217.
2. Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 23 мая 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск: Изд-во «Репроцентр А1», 2018. 194 с.
3. Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: Вторая регион. науч.-практ. конф. : материалы / [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск: Репроцентр А1, 2019. 333 с.
4. Отчет о научно-исследовательской работе «Креативные индустрии как сектор инновационной экономики Красноярска». Руководитель М. А. Лаптева. Красноярск, 2011. URL: <http://hi.sfu-kras.ru/sites/default/files/pfiles/cik.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 334.021
ББК 65.49

Н. В. Деренко, А. А. Петров, Е. П. Конколецкий,
Иркутск

Информационная система «Креативные индустрии г. Иркутска» как основной инструмент картирования сектора креативной экономики региона

Статья посвящена анализу требований к информационной системе «Креативные индустрии г. Иркутска». Рассмотрены также условия и перспективы развития креативной экономики Иркутской области.

Ключевые слова: креативные индустрии, креативная экономика, информационно-коммуникационные технологии, креативный город.

N. V. Derenko, A. A. Petrov, E. P. Konkolevsky, *Irkutsk*

Information system “Creative Industries of Irkutsk” as the main tool for mapping the sector of the creative economy of the region

The article is devoted to the analysis of the requirements for the information system “Creative Industries of Irkutsk”. Conditions and prospects for the development of the creative economy of the Irkutsk region are considered.

Keywords: creative industries, creative economy, information and communication technologies, creative city.

Третий год кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета целенаправленно способствует развитию сектора креативной экономики Иркутской области [1–3]. Благодаря активному включению в совместную работу в данном направлении АНО ИФЦ «Байкал-Тотем» под руководством одного из лидеров социально-культурного сектора региона Анатолия Викторовича Борозненко деятельность из научно-методической плоскости постепенно переходит в практическую. Так, на весну 2021 г. кафедра планирует запуск и пробную эксплуатацию информационной системы «Креативные индустрии г. Иркутска», опираясь на полезный опыт коллег из Сибирского федерального университета [4].

Главным компонентом данной информационной системы будет соответствующий web-ресурс, проектируемый по принципам SMM-продвижения творческих проектов в социальных сетях. В ходе подготовительной работы выяснилось практическое отсутствие проблематики креативной экономики на сайтах региона, поэтому не потребовалось ни проводить конкурентного анализа, ни заботиться о формулировке некоего уникального броского в смысле рекламы предложения. Потребитель планируемой информационной услуги массовый: здесь и средства массовой информации; и юридические лица, специализирующиеся в креативных индустриях; и физические лица – потребители культурных индустрий; и представители администраций муниципального, областного уровней; и преподаватели вузов и колледжей области (и студенты, конечно!) с социально-культурной специализацией; и самые разнообразные представители бизнеса.

Ключевое назначение информационной системы – коммуникативная площадка для представителей креативной экономики. Благодаря новому сайту складывающаяся в области творческая коллаборация получит возможность не только обмена сообщениями и афишами, но и сможет выстраивать работу по поиску партнеров и т. п., а кафедра культурологии и управления социальными процессами накопит необходимую информацию для картирования креативных индустрий региона.

Обязательное требование к разрабатываемому ресурсу – интеграция с социальными сетями, чтобы обеспечить любой формат присутствия в интернете: и коммерческий формат для уже сформированных проектов, и формат «по интересам» для разведки актуальных направлений воронок продаж; и смешанный формат, позволяющий полноценно реализовать экспертный потенциал профессорско-преподавательского состава как минимум трех иркутских вузов, развивающих подготовку кадров для креативной экономики.

Главная функция ресурса – реализация нашей контент-стратегии. На начальном этапе строительства частно-государственного партнерства в данной сфере (именно так дело обстоит в Иркутской области в 2020–2021 гг.) важное значение имеет демонстрация компетенции сообщества, возглавившего соответствующее общественное движение, завоевание доверия аудитории, повышение ее лояльности. Планируется задействовать инструменты для продвижения всех категорий контента: и развлекатель-

ного, и образовательного (в первую очередь), и коммерческого, и пользовательского, и новостного (особо актуально). В креативных индустриях особенно привлекательным является освещение «внутренней жизни» проектов, ведь бизнесменами в данном случае являются люди творческие, талантливые, интересные.

Особый раздел ресурса – трибуна для лидеров мнений. Она обязательна нужна вследствие большого разнообразия платформ, по которым рассыпалось авторитетное сообщество. Помимо уважаемых профессионалов и блогеров здесь важно дать слово и основному потребителю продукции и услуг креативных индустрий – честно и объективно работать с отзывами любой направленности, проводить конкурсы среди читателей сайта и т. п.

Таким образом, планируемая информационная система обеспечит доступ к системной информации о потенциале креативного бизнеса, рентабельности проектов, об участниках данного рынка в Иркутске, о перспективах государственного участия в развитии данной перспективной сферы экономики.

В открытый доступ публикуется информация:

- проект развития креативной индустрии города (миссия, история, человеческий капитал);
- карта и афиша событий, предприятий, организаций креативной сферы;
- портфолио активных участников развития сферы культуры и креативных индустрий региона с возможностью общаться друг с другом при помощи системы OpenID и т. п.

Структуру информационной системы можно заимствовать у коллег из Красноярска [4], опробовавших ее в своем проекте 10 лет назад:

- главная страница;
- страница авторизации;
- вход для незарегистрированных пользователей;
- личные страницы;
- текущие дискуссии и обсуждения;
- страницы компаний;
- реестр законопроектов и нормативно-правовых актов по креативной проблематике;
- новости и анонсы событий;
- фото/видеоматериалы;
- вопросы и ответы;
- контакты.

Залогом популярности разрабатываемой площадки является и оригинальный авторский дизайн авторов, реализующийся в наборе сувенирной продукции и услуг, – сайт должен быть привлекательным и информативным с точки зрения эстетики и особенностей мультикультурной среды Восточной Сибири.

Состав разработчиков обсуждаемого ресурса – студенты и преподаватели Иркутского государственного университета, бизнесмены. К проекти-

рованию привлекаются сотрудники органов управления сферой культуры города и области, а также преподаватели дружественных образовательных учреждений.

Список литературы

1. Деренко Н. В., Подковенко А. Г. Роль неформальных сообществ в развитии креативной экономики региона // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / [науч. ред. Т. И. Грабельных]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 215–217.
2. Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 23 мая 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2018. 194 с.
3. Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: Вторая регион. науч.-практ. конф. : материалы / Иркут. гос. ун-т ; [под общ. ред. В. А. Решетникова, Н. В. Деренко, Т. Ю. Фальковской]. Иркутск : Репроцентр А1, 2019. 333 с.
4. Отчет о научно-исследовательской работе «Креативные индустрии как сектор инновационной экономики Красноярска». Рук. М. А. Лаптева. Красноярск, 2011. URL: <http://hi.sfu-kras.ru/sites/default/files/pfiles/cik.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 316.423

ББК 60.524

А. И. Гильдебрандт, *Иркутск*

Механизмы и тенденции гендерной стереотипизации на рубеже XIX–XXI веков

Изучаются механизмы и тенденции такого социального процесса, как гендерная стереотипизация. Указывается, что период XIX–XXI вв. имеет особое влияние на изучение данной темы. Гендерная стереотипизация рассматривается как дезинтегрирующий общество процесс, автор обращается к истокам указанной области.

Ключевые слова: гендерная стереотипизация, гендер, глобализация, феминность, маскулинность.

A. I. Gildebrandt, *Irkutsk*

Mechanisms and trends of gender stereotyping at the turn of the 19–21 centuries

The author of the scientific work studies the mechanisms and trends of such a social process as gender stereotyping. Period 19–21 centuries has a particular influence on the study of this topic. Gender stereotyping is viewed as a process disintegrating society, the author refers to the origins of this area.

Keywords: gender stereotyping, gender, globalization, femininity, masculinity.

Сегодня сфера гендерных вопросов подвергается трансформации, поскольку в условиях информатизации общества изменения претерпевают все социальные сферы. Людям открываются новые возможности, знания и умения, которыми они активно пользуются в борьбе за то, чтобы отстоять свою точку зрения. И. С. Кон, считает, что происходит глобальный процесс изменения и ломки традиционной системы взаимоотношений полов и гендерной стратификации [9; 10].

К изучению механизмов и тенденций гендерной стереотипизации обращались теоретики гендерной социологии, гендерной психологии, социологии тела, социологии семьи, феминистских теорий, социальной психологии, философии. Безусловно, именно феминистские концепции повлияли на актуальность исследований области гендерных стереотипов.

Данная тема рассматривается в рамках ряда научных подходов. *Социологический подход* рассматривается в трудах А. Шюца [15], П. Бергера [3], Т. Лукмана [14], И. Гофмана [18], Г. Гарфинкеля [7], которые определяют гендер как систему социальных отношений, конструируемых в ходе повседневных взаимодействий на микроуровне социальной системы. Это подрывает саму основу представлений о «естественном» разделении гендерных ролей, основанном на абсолютизации гендерных различий.

Г. Зиммель подчеркивает существование стереотипов о том, что женщины более консервативны и верны «всему состоявшему и бывшему» в то время как мужчинам характерны непостоянство и радикализм. Так социолог подчеркивает различия в женской и мужской «верности-неверности» [8].

В научном сообществе присутствовали и присутствуют различные мнения по теме гендерных стереотипов. Взгляды классиков марксизма отражали «мужской взгляд» на мир, который не принимал во внимание женские социальные потребности и женский опыт, центрировались на приоритете экономических классовых интересов, не учитывая возможности объединения индивидов по половому признаку. Безусловно, подобные точки зрения способствовали именно возрастанию гендерных стереотипов и все большей полярностью между феминностью и маскулинностью.

Структурный функционализм Т. Парсонса не только позволял видеть в обществе цельную систему, но и влиял область об изучении отношений между полами [20]. В особенности стоит уделить внимание монографии Парсонса и Бейлза [21]. Согласно поло-ролевому подходу женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина – инструментальную. Здесь мы видим обращение к ролям «хранительницы очага, хозяйки» и «добытчика, защитника». Биологический детерминизм ролей отсылает к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах.

Как указывает австралийский социолог Роберт Коннелл, биологическая дихотомия, лежащая в основе теории ролей, убедила многих теоретиков в том, что в отношении полов не включают измерения власти, «женская» и «мужская» роли молчаливо признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию [13].

Обратимся к положениям драматургического интеракционизма Ирвина Гофмана. Половые различия рассматриваются им с точки зрения социального взаимодействия, предоставляющего индивидам средства для выражения их гендерной идентичности.

Механизмом создания гендера является гендерный дисплей – набор ритуализированных действий, совершаемых индивидом в ситуациях взаимодействия лицом к лицу.

Данные действия воспринимаются как выражение естественной половой сущности индивидов. «Гендерная игра», осуществляемая в социальных взаимодействиях, становится «естественным» проявлением сущности (биологического пола) акторов, которая организована социально. Половые различия наделяются социальным смыслом в соответствии с принципами институциональной рефлексивности [18; 19]

Социологические наблюдения позволяют понять, что среди мужчин и женщин не встречаются такие представители, которые будут обладать исключительно феминными или маскулинными качествами. У каждого индивида наблюдается смешанный набор данных характеристик, которые могут выражаться в складе мышления, модели поведения и личных предпочтений. Именно поэтому мы часто можем слышать фразы о том, что у женщин бывает «мужской мозг», а у мужчин – женский (под «мозгом» понимается склад ума, который в процессе стереотипизации стал причисляться к представителям одного из биологических полов).

Психологический подход, в рамках которого насчитывается четыре поло-ролевых типа, свойственных обоим полам: мужественный, женственный, андрогинный и недифференцированный. Но в то же время следует понимать, что «двуполое человеческое существо наделено определенным полом, и оно не может соединять в себе противоположные сущности, пока не обретет свою собственную» [2]. Поэтому так важно понимать и принимать себя со всеми особенностями.

И. С. Кон выделяет несколько базовых функций гендерных стереотипов [9]:

1. Гендерные стереотипы поддерживают существующую в обществе гендерную иерархию.
2. Гендерные стереотипы используются людьми в познавательном процессе. Они могут служить образами-схемами, управляющими процессом восприятия информации и ее обработки в сознании человека.
3. Гендерные стереотипы выступают регуляторами поведения людей на бессознательном уровне.

Философский подход по теме гендерных стереотипов берет свое начало с работы Аристотеля «О рождении животных», в которой утверждается, что женское и мужское начала принципиально различны по своему предназначению: если первое отождествляется с телесным, с материей, то второе – с духовным, с формой. Подобный взгляд встречается у Н. А. Бердяева [4; 5], В. Ф. Эрна, В. И. Иванова [1].

Философский взгляд на гендерную дифференциацию формы и материи выражается в противопоставлении порядка и хаоса. Так, Н. А. Бердяев, говоря о мужском и женском началах, отмечает: «Поскольку мужское начало есть начало оформления, внесения смысла, Логоса, строя, лада,

поскольку мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует, постольку оно есть начало порядка». Беспорядок и хаос рассматриваются как проявления женского начала: «Дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный, неорганизованный хаос» [4]. К этому можно присоединить подобные взгляды В. Ф. Эрна, А. Белого, В. И. Иванова, П. А. Флоренского. Вместе с тем современные исследователи женской и мужской психологии не считают, что мужское начало – проявление порядка, а женское – хаоса; каждый пол отличается своим своеобразным типом деятельности.

Феминистские концепции в научном дискурсе делятся на четыре волны женских движений. Первая волна женского движения относится к середине XIX – началу XX в. В рамках данного движения изучается борьба за избирательные и другие права женщин, за их эмансипацию. Вторая волна женского движения происходила в конце 1960–1970-х гг. Для этого периода характерна борьба с дискриминацией по признаку пола. И, наконец, третья волна феминизма относится к началу 1990-х – началу 2010-х гг. Феминистские теории третьей волны включает в себя элементы квир-теории, антирасизма, вуманизма, постколониальной теории, экзистенциализма, трансцендентализма, постмодернизма, транснационализма, киберфеминизма, экофеминизма, индивидуалистского феминизма, брахманизма, проблематики трансгендерности и др. Ориентировочно с 2013 г. берет свое начало феминизм четвертой волны. При этом ключевая фраза, характерная для начала данной волны была произнесена в 2009 г. американской феминисткой Джессикой Валенти, основательницей Feministing.com. В своем интервью New York Times она отметила, что четвертая волна феминизма происходит онлайн. Данный этап зародился, происходит и направляется преимущественно в Интернете и продолжается в настоящее время. Четвертая волна является квирной, интерсекциональной, сексуально-позитивной, трансинклюзивной, бодипозитивной и характеризуется хештег-активизмом, борьбой с сексизмом, мизогинией и насилием против женщин.

В развитии феминистской мысли особую роль сыграла работа Симоны де Бовуар «Второй пол» [6], где представлена экзистенциалистская трактовка закрепленных социумом половых различий и сформулирован тезис о том, что женщиной не рождаются, а становятся. Под сомнение ставится биологическая предопределенность женской судьбы. Телесность, сексуальность, репродуктивные способности, экономическое положение признаются причинами позиционирования женщины как «Другого», как объекта, скованного границами своей природы (тела) и ситуации. Большинство феминистских идеологий, так или иначе, позиционировали себя по отношению к данной работе.

В 1848 г. прошел съезд по защите прав женщин под лозунгом «Все женщины и мужчины созданы равными». На съезде была принята «Декларация чувств» [18] в которой обсуждалось равноправие женщин в правах собственности, браке, в свободном выборе профессии, получении полно-

ценного образования и т. д. Авторами этого документа являлись Элизабет Кэди Стэнтон и Лукреция Мотт. Данная работа стала началом организационного феминистского движения в обществе.

Важным представителем женского движения второй половины XIX в. является Эмелин Панкхерст. Она стала одной из основательниц движения за право женщин голосовать на выборах (суфражизм). В 1903 г. Панкхерст сформировала «Организацию в защиту общественных и политических прав женщин» [17], которая в течение года объединила 5 тыс. членов.

XX век принято считать веком гендерной революции, к 1917 г. женское движение добилось от Временного правительства бесцензового избирательного права в органы власти всех уровней: от органов местного самоуправления до самого Учредительного собрания. Таким образом, женское движение в России оказалось крайне успешным: благодаря ему Россия стала одной из первых стран мира, предоставивших женщинам всю полноту избирательных прав [16].

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, проявляется проблема гендерных стереотипов в России?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Мнение экспертов		Мнение населения	
		Кол-во ответов	Доля, в %	Кол-во ответов	Доля, в %
1	В ущемлении прав и свобод женщин	9	28,1	73	14,0
2	В неготовности общества к трансформациям	7	21,9	98	18,8
3	В ущемлении и неприятии прав и интересов сексуальных меньшинств	5	15,6	76	14,6
4	В доминировании мужчин в обществе	4	12,5	50	9,6
5	В признании некоторыми государствами наличия третьего пола	2	6,2	42	8,1
6	В непризнании во многих социальных группах наличия третьего пола	2	6,2	50	9,6
7	В готовности общества к трансформациям социальных сфер	1	3,1	12	2,3
8	В свободе интересов представителей сексуальных меньшинств	1	3,1	42	8,1
9	В доминировании женщин в обществе	1	3,1	33	6,3
	Всего	32	100	520	100

Для определения тенденций гендерной стереотипизации в России экспертам и населению Иркутской области было предложено ответить на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, проявляется проблема гендерных стереотипов в России?». Мнения групп сошлись на том, что проблема проявляется в неготовности общества к трансформациям (21,9 и 18,8 %) , в ущемлении прав и свобод женщин (28,1 и 14 %) и, наконец, в ущемлении и неприятии прав и интересов сексуальных меньшинств (15,6 и 14,6 %). Как мы

видим, те тенденции, которые указывали представители научных подходов по гендерным вопросам, имеют свою актуальность и в современном информационном обществе.

Таким образом, проблема гендерных стереотипов в современном информационном обществе находится на стыке социологических, психологических и философских подходов, отдельной категорией выступили феминистские концепции.

В своих работах выразили множество идей, одни из них противопоставляются другим, а некоторые дополняют друг друга. Необходимо отметить, что наибольшее внимание уделяется роли женщины в обществе, наблюдаются размышления о том, кем она является, дополнением или незаконченной формой мужчины или самостоятельным существом, которой наделен правами, свободами и правами наравне с другими категориями лиц социума.

Список литературы

1. Андреева Е. В. Динамика трансформации идентичности российской молодежи за рубежом // Власть. 2016. № 4. С. 149–153.
2. Бадентэр Э. Мужская сущность. М., 1995.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
4. Бердяев Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики // О назначении человека. М., 1993.
5. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Наука, 1994.
6. Бовуар С. де Второй пол М. : Прогресс; СПб. : Алетейя, 1997. 832 с.
7. Гарфинкель Г. Г. Исследования по этнометодологии. СПб. : Питер, 2007. 335 с.
8. Зинченко П. Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2003. № 5. С. 53–61.
9. Кон И. С. Введение в сексологию. М. : Медицина, 1989. 336 с.
10. Кон И. С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. Социальнопедагогический анализ. Дубна : Феникс+. 2001. 208 с.
11. Кон И. С. Пол и гендер: заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. 2004. № 1–2. С. 31–34.
12. Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М. : ОГИ, 1997. 464 с.
13. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб. : Д. Буланин, 2000
14. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой Редакторы перевода К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
15. Цюц А Мир, свегающийся смыслом : пер. с нем. и англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
16. Юкина И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007.
17. Cochrane, Kira The Fourth Wave of Feminism: Meet the Rebel Women // The Guardian. 2013. 10 December.
18. Goffman E. Frame Analysis of Gender // Goffman E. The Arrangement between the Sexes / C. Lemert, A. Branaman (eds.). Blackwell Publ, 1997. P. 201–208.
19. Goffman E. Gender Display. From "Gender Advertisements: Studies in the Anthropology of Visual Communication: // Goffman Reader. Lemert C and Branaman A. Blackwell Publ, 1997. P. 208–227.
20. Parsons T. Age and Sex in the Social Structure // Parsons T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied. 1949. P. 218–232
21. Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. London: Koutledge & Kegan Paul, 2005.

Влияние идентичности на имидж сельских территорий

Рассматривается актуальность и доказывается правомерность изучения влияния идентичности жителей на формирование имиджа сельских территорий. Выявляются основные способы конструирования идентичности и ее взаимосвязи с имиджем территории, а также рассматриваются основные направления развития имиджа территорий.

Ключевые слова: идентичность, имидж, бренд, сельская территория

M. V. Popova, *Irkutsk*

The influence of identity on the image of rural areas

The article examines the relevance and proves the legitimacy of studying the influence of the identity of residents on the formation of the image of rural areas. The main ways of constructing identity and its relationship with the image of the territory are revealed, and the main directions of the development of the image of the territories are considered.

Keywords: identity, image, brand, rural area

В последние десятилетия общественная наука занимается изучением образа жизни населения. Появилась потребность в поиске подхода к управлению социальным развитием. Ученые сошлись во мнении, что необходимо рассматривать все аспекты жизни человека и его поведения, чтобы была возможность найти способы влияния и попытаться их усовершенствовать под идеалы общества.

В современном мире термин бренд стал очень популярен. Этот термин прижился во многих сферах. В настоящее время, период глобализации, территориям приходится бороться друг с другом за инвестиции, информационные потоки и, особенно, за молодежь, за высококвалифицированные кадры. В этих условиях позиционирование положительного образа становится фактором выживания. Причина всему усиление мировой конкуренции между странами, городами. Поэтому сегодня бренд необходим больше прежнего – чтобы именно с его помощью конкурировать с другими местами за целевую аудиторию. И тут большинство регионов, не зная, что брендинг территории – долгосрочный проект, к которому нужен стратегический подход, считают, что смогут привлечь целевые группы с помощью логотипа и слогана. Поэтому мы считаем, что развитие теоретико-методических положений по формированию бренда территории является актуальной и своевременной задачей.

В России термин «бренд территории» появился не так давно, и сегодня уже это стало новым модным трендом в политике. В 2008 г. была принята Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства [3], и это также усилило интерес в данном направлении. Термин «бренд», «брендинг» стали употреблять многие политики в своей речи.

На деле получается, что большинство городов и регионов в России имеет слабо выраженный имидж. О городах отсутствует необходимая информация и реклама, не очерчены конкурентные преимущества, неграмотное продвижение территории [11]. Все это дает отрицательную оценку территории. Для любой целевой группы огромное значение имеют имидж и репутация территории, на которую они имеют какие-либо планы, будь то место учебы, работы, жительства, либо инвестированию.

В работах Р. Г. Ардашева [1–4] прослеживается иррациональность конструирования идентичности и социальных символов территории, в работах М. В. Поповой и Е. П. Попова [7–12] анализируются результаты конструирования бренда и идентичности, в исследованиях О. А. Полюшкевич и М. В. Поповой [6] анализируются условия символического конструирования территориальной идентичности.

Для привлечения любой группы потребителей необходимо целенаправленная разработка концепции бренда территории, а это долгая, глубокая и систематическая работа. «Бренд города невозможно построить как дом. Его можно вырастить – как дерево. Он может возникнуть в том случае, если городское сообщество проводит работу по поиску и системному использованию своих конкурентных преимуществ – чтобы соответствовать спросу на них со стороны собственных жителей, а также гостей города, инвесторов и других целевых групп» [8].

Понятие идентичность очень популярно в социальной теории как методологический инструмент. Однако сам термин первоначально возник в психологии. Изучение идентичности помогает наиболее точно соотнести индивиду самого себя с той социальной общностью, к которой он принадлежит. Стоит отметить, что отношения между индивидом и общностью носят динамичный характер. Следовательно, идентичность нами будет восприниматься как трансформирующаяся реальность.

В первой главе мы говорили о том, что территориальная идентичность является формой самоидентификации местных жителей. Исследователи территориального бренда идентичность представляют как характеристики реальных качеств территории. А при анализе территориальной идентичности основополагающим фактором является процесс конструирования идентичности со стороны социальной общности либо отдельной личности. Рассмотрим основные теории территориального брендинга, которые выделяют идентичность и учитывают ее как фактор формирования бренда территории.

Брендинг территории основан на очень неувловимой концепции идентичности территории. Понимание территории как одновременно абсолютного, относительного с одной стороны и как «существование различий» с другой стороны, открывает новые перспективы для этой концепции. Глядя на то, как устроена территория, учитывая ее отдельные составные элементы, может привести к более динамическому пониманию идентичности

территории, которое интегрировало бы психические образы, материальность, институты, практики и представления.

Стоит отметить, что автор выделяет пять компонентов, которые составляют идентичность территории. Первое, это имидж территории, по-другому, как она воспринимается. Второе, это материальные измерения территории (здесь автор говорит об инфраструктуре). Далее – всевозможные институты – институты, нормативно-правовые акты и т. д. Следующий компонент – это отношения между людьми. Например, классовые, гендерные, властные и др. И последний компонент, по мнению автора самый главный, – люди, проживающие на территории и их практики, к которым относятся традиции, повседневная жизнь, повторяемые действия и т. д.

Еще один авторитетный автор в области брендинга территорий – Саймон Анхольт, который занимался изучением бренда на национальном уровне. Не можем не уделить внимание концепции конкурентной идентичности, которая была разработана С. Анхольтом (рис. 1).

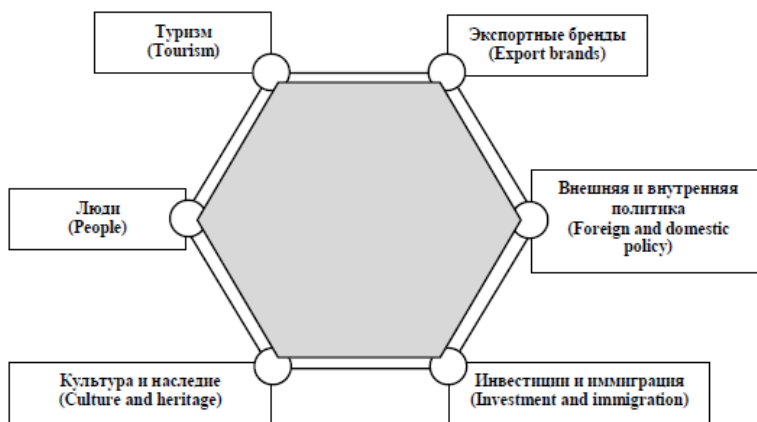

Рис. 1. Модель брендинга С. Анхольта

Он представил ее в виде шестиугольника, выделив следующие элементы, необходимые при построении бренда: люди, туризм, культура и население, экспортные бренды, внешняя и внутренняя политика, инвестиции и миграция. Он рассматривал бренд как конкурентную идентичность. Это понятие он ввел в 2007 г., говоря, что в основе территориального брендинга должен лежать «симбиоз бренд-менеджмента с публичной дипломатией, сопровождаемой активным развитием торговли, инвестиций, туризма и экспорта».

Ряд моделей территориального бренда опирается на понятие идентичности. Например, в модели Л. Кай идентичность рассматривается как ядро бренда, включенное в систему отношений при построении имиджа и микса

элементов бренда [8]. В результате отношений между идентичностью и миксом элементов бренда складывается структурированная коммуникация, состоящая из имиджа (органического и произведенного) и комплекса маркетинговых коммуникаций, включающего позиционирование и размер дестинации.

В интегративной модели территориального бренда С. Ханна и Дж. Роули (Hanna & Rowly) реализована попытка дать исчерпывающее описание структуры всего процесса формирования и затем поддержания бренда, идентичность здесь включена в сложную систему отношений и занимает позицию между инфраструктурой бренда и артикуляцией бренда (рис. 2). В системе взаимосвязей идентичность, таким образом, трактуется как результат инфраструктурных отношений (как управляемых, так и сложившихся) и в то же время как основание для артикуляции бренда. При этом идентичность уравнивается с понятием архитектуры бренда, тоже занимающей позицию между инфраструктурой и артикуляцией.

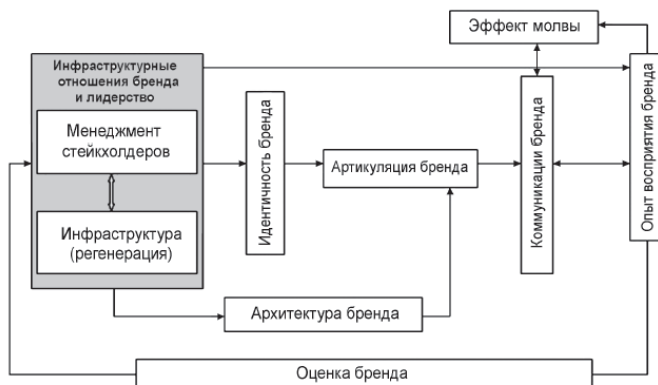

Рис. 2. Модель территориального бренда С. Ханна и Дж. Роули

Само понятие идентичности в данной модели слабо проработано, но если попытаться конкретизировать его, то окажется, что идентичность обусловлена управлением отношениями со стейкхолдерами и тем, что включено в инфраструктурные отношения, а это осязаемые функциональные атрибуты (собственно инфраструктура места и ландшафт) и неосязаемые переживаемые атрибуты (символы, рассматриваемые как единство культуры и сервиса).

Более внимательное отношение к идентичности бренда продемонстрировали М. Конечик Рузир и Л. де Чернатони (Konecnik Ruzzier & de Chernatony). Ранее Л. де Чернатони предложил модель идентичности бренда, в которой большое внимание уделено стейкхолдерам. Эта модель идентичности бренда включает такие ключевые элементы, как видение, ценности, личность, и дифференцирующие преимущества как основу по-

зиционирования. Адаптируя данную модель к задаче разработки бренда Словении, Л. де Чернатони и М. Конечик Рузир включили в нее следующие элементы: миссию как путеводный указатель будущего страны и выгоды, способные привлечь стейкхолдеров и дифференцировать страну среди других стран.

Согласно данной модели, идентичность бренда содержит в своем ядре переживаемое обещание, эмоциональную и функциональную ценности. Вокруг этого ядра, которое упрощенно можно свести к ключевой (ым) ценности (ям) бренда, выстраивается комплекс одинаково значимых взаимосвязанных элементов: выгоды, миссия, видение, ценность, личность, функциональные преимущества. Так называемой «оболочкой» идентичности бренда становятся стейкхолдеры как акторы, без действий которых данная идентичность не может быть реализована. Хотя авторы данной модели оперируют понятием идентичности бренда, приходится признать, что речь, по сути, идет о бренде территории, ведь данная идентичность составлена из категорий брендинга (именно они входят в так называемые пирамиду или колесо бренда в теории брендинга).

Можно обозначить как минимум три области полезности изучения территориальной идентичности. Первая область: политическая. Идентичность как таковая имеет мощный потенциал сплачивания людей в устойчивые группы на основе общих ценностей и воли к действию. Знание доминант идентичности жителей города (села, района), позволит разработать методы воздействия на социальные группы, вербовки людей для конкретных действий [3].

Вторая область: развитие бизнеса, сферы услуг. Здесь речь об изучении и выявлении вкусов и предпочтений потенциальных потребителей: какие услуги они хотят получать на своей территории, какой бизнес видят органически подходящим к особенностям местности. Т. е. для успешного развития бизнеса на конкретной территории необходимо увязывать его специфику с чувством территориальной идентичности.

Третья область: влияние на потенциальных инвесторов и туристов (внешнюю целевую аудиторию). Внешняя целевая аудитория может получить наиболее адекватное и позитивное представление о месте только в том случае, когда ее видение территории совпадает с видением жителей [1]. Это необходимое условие для появления успешного бренда территории: идентичность территории влияет на формирование ее имиджа, а имидж воздействует на выбор внешних «потребителей» (инвесторов, потенциальных жителей, туристов и т. д.), что и требуется для продвижения интересов (маркетинга) территории.

В российской литературе исследованием бренда и его влиянием на территориальную идентичность занимался Денис Визгалов. В своей книге «Брендинг города» автор связывает бренд и идентичность, говоря о том, что бренд – «это нечто находящееся «посередине» между видением города

изнутри и восприятием города извне». Под «видением города изнутри» Визгалов подразумевает территориальную идентичность [5].

Эксперты говорят, что на сегодняшний день муниципальные образования в России оказались в транзитивном положении. Они вынуждены участвовать в глобальной конкуренции за необходимые ресурсы, человеческие в том числе. Территории, опираясь как на исторический опыт, так и на актуальные возможности развития, должны наладить коммуникацию с целевыми аудиториями посредством своего эффективного позиционирования. Данная задача обостряет внутреннюю борьбу, в том числе, за маркеры территориальной самоидентификации.

В своих трудах выделяет три фактора, которые влияют на формирование идентичности. Среди них – субъекты, средства и отношения. Среди субъектов автор выделяет группы, которые преследуют собственные интересы (жители, власть, церковь, хозяйствующие субъекты). Средства представляют собой символические носители идентичности, которыми выступают литература, архитектура, искусство, СМИ, инфраструктура и др. И еще один фактор, отношения – это комплекс осмысленных процессов, существующих на территории. Это могут быть социальные, экономические, политические процессы, отношение к окружающей среде и др.

Вышеперечисленные факторы составляют прагматически ориентированную модель территориальной идентичности (рис. 3). Данная модель в общем виде показывает, что идентичность территории – это совокупность отношений между различными субъектами, при этом автор отмечает, что не имеет значение насколько эти субъекты активны в коммуникационном пространстве, которое на сегодняшний день является мощным фактором конструирования идентичности.

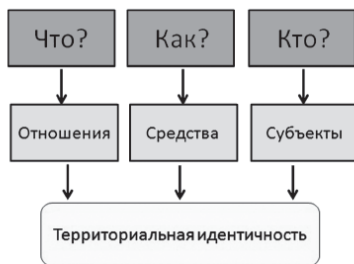

Рис. 3. Модель территориального брендинга

Формирование бренда территории создает условия для развития потенциала региона, для роста эффективности его использования, повышения конкурентоспособности территории. Продвижение бренда способствует росту его узнаваемости, а, следовательно, росту числа потенциальной целевой аудитории (инвесторов, туристов, потребителей товаров и услуг, предпринимателей и т. п.).

В разработке бренда территории должны принимать участие региональные общественные организации, бизнес-сообщества и представители средств массовой информации, жители региона.

Как свидетельствует зарубежная практика, формированию бренда территорий во многих странах уделяют большое внимание. Первые примеры брендинга территории мы можем наблюдать в 1990-х годы. С течением времени эта практика становится повсеместной. В Россию брендинг территории пришел в начале XXI в. и с каждым годом становится все популярнее. Но проблема в том, что данное явление на большинстве территорий носит стихийный характер. Это сказывается нехваткой опыта, информации и специалистов.

На сегодняшний день существует большое количество концепций по созданию бренда территорий. Исследователи до сих пор не имеют однозначного мнения в этом вопросе. Даже при сопоставлении основных определений у каждого эксперта свое видение. Единственное, что их объединяет, это то, что для разработки бренда территории необходим индивидуальный подход. Нельзя разработать один план, и на него накладывать каждую территорию.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 245–249.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 328–333.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
5. Визгалов Д. Пусть города живут: научное издание / Моск. высш. шк. соц. и экон. наук ; сост. : М. Губергриц, Н. Замятина, М. Ледовский. М. : Сектор, 2015. 271 с.
6. Полошкевич О. А., Попова М. В. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 117–134.
7. Попов Е. П., Попова М. В. Социальная идентичность молодежи современных сел // Вестник Иркутского университета. 2019. № 22. С. 85–87.
8. Попова М. В. Коммуникативное пространство сельской молодежи // Социология. 2019. № 2. С. 257–260.
9. Попова М. В. Механизмы развития привлекательности сельских территорий в Иркутской области // Социология. 2020. № 1. С. 317–327.
10. Попова М. В. Привлекательность сельских территорий для современной молодежи // Социология. 2019. № 1. С. 153–158.
11. Попова М. В. Социальное самочувствие и социальная идентичность сельской молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 328–334.
12. Попова М. В. Эмоционально-оценочные характеристики в территориальной идентичности жителей сельских территорий: по материалам социологического исследования // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 87–92.

Деятельность учреждений культуры Иркутской области по работе с многодетными семьями

Представлены результаты мониторинга, направленного на выявление и систематизацию деятельности учреждений культуры Иркутской области по работе с многодетными семьями в 2020 г.

Ключевые слова: учреждения культуры, Иркутская область, многодетная семья, культурно-воспитательная деятельность, культурно-образовательная деятельность, социальная поддержка.

N.V. Rudakova, *Irkutsk*

Activities of cultural institutions of the Irkutsk region to work with large families

The article presents the results of monitoring aimed at identifying and systematizing the activities of cultural institutions of the Irkutsk region to work with large families in 2020.

Keywords: cultural institutions, Irkutsk region, large family, cultural and educational activities, cultural and educational activities, social support.

Целями государственной культурной политики Российской Федерации, которые были установлены Указом Президента РФ № 808 от 24 декабря 2014 г. и отражены в Основах государственной культурной политики, являются: формирование гармонично развитой личности, укрепление единства российского общества, создание условий для воспитания граждан, для реализации каждым человеком его творческого потенциала.

В данной связи деятельность учреждений культуры Иркутской области направлена на организацию досуга и приобщение к творчеству, культурному развитию и самообразованию, любительскому искусству и народному творчеству различных социальных категорий населения: это дети, молодежь, семьи, лица старшего возраста, лица с инвалидностью и ОВЗ и др. Относительно семьи следует отметить, что в центре внимания учреждений культуры находятся разные категории семей: молодая семья, многодетная семья, неполная семья, приемная семья, семьи группы риска, семьи, находящиеся в социально опасном положении, семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, семьи с детьми-инвалидами.

При работе с многодетной семьей перед учреждениями культуры региона стоят следующие задачи – повышение социального статуса многодетной семьи, укрепление семейных традиций и связи поколений; развитие творческой активности всех членов семьи, пропаганда здорового образа жизни и благоприятных условий воспитания детей; популяризация активных форм семейного досуга и отдыха.

С целью реализации этих и многих других задач в области создана и функционирует сеть государственных и муниципальных учреждений культуры, которая по состоянию на 01.01.2021 включает в себя 1730 учреждений. Среди них: 10 театров, 3 концертные организации, 44 музея, 746

библиотек (из них 499 в структуре КДУ), 817 учреждений культурно-досугового типа, 94 детских школ искусств, 5 учреждений среднего профессионального образования, 11 иных учреждений.

В Иркутской области культурно-досуговая и культурно-воспитательная деятельность по работе с семьей основана на реализации Концепции семейной политики в Иркутской области на период до 2025 года от 26 июня 2015 г. № 78-р, Закона Иркутской области от 23 октября 2006 г. № 63-оз «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей» (с изм. на 17 июля 2020 г.), муниципальных межведомственных программ, перспективных планов учреждений культуры по работе с многодетными семьями.

В вопросах по укреплению института семьи специалисты учреждений культуры осуществляют тесное взаимодействие с администрациями муниципальных образований, органами управления культуры МО, органами социальной защиты, образования, благотворительными фондами, общественными организациями.

В целом деятельность учреждений культуры Иркутской области по работе с многодетными семьями можно условно разделить на следующие направления.

- 1) организация мероприятий, направленных на повышение ценности семейного образа жизни и формирование семейных традиций;
- 2) содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала многодетной семьи;
- 3) организация культурного досуга детей из многодетных семей.

Организация мероприятий, направленных на повышение ценности семейного образа жизни и формирование семейных традиций

В рамках данного направления перед учреждениями культуры стоят задачи по формированию семейных традиций и укреплению семейных ценностей, развитию семейного художественного творчества, созданию условий для повышения положительного имиджа многодетной семьи.

Реализация данных задач осуществляется посредством:

- праздничных мероприятий для многодетных семей;
- чествования многодетных семей;
- организации совместного семейного досуга (семейные клубы, семейные мероприятия).

В учреждениях культуры сложилась практика приглашения многодетных семей на праздничные мероприятия, направленные на сохранение семьи и популяризацию семейных ценностей, такие как: Международный день семьи, День матери, День отца, Международный женский день, День Петра и Февроньи, День защиты детей и др.

В рамках проведения данных праздников для многодетных семей организуются разнообразные по форме мероприятия: концерты, тематические программы, спектакли, фестивали и выставки семейного творчества,

выставки рисунков, фотоконкурсы, круглые столы по проблемам семьи, семейные балы, карнавалы, вечера отдыха, акции, конкурсные и игровые программы и т. п. Праздничные мероприятия часто сопровождаются спортивными соревнованиями. В 2020 г. в условиях работы учреждений в онлайн режиме появились новые формы проведения мероприятий, например, такие как, виртуальный вернисаж рисунков, песенный челлендж, онлайн-викторины, web-квесты, онлайн-мастер-классы и др.

Учреждениями культуры совместно с администрациями МО, службами ЗАГС, органами социальной защиты населения проводятся чествования многодетных семей, организуются конкурсы на звание «Почетная семья».

Одной из действенных форм работы с многодетной семьей являются семейные клубы, которые могут иметь творческую, коммуникативную, игровую, туристическую, спортивную и иную направленность. В качестве примера можно привести следующие семейные клубы, работающие в муниципальных учреждениях культуры: семейный клуб «Роднушечки» (Казачинско-Ленский район), семейный клуб «Капитошка (г. Черемхово), клуб выходного дня «Родители и дети» (Бодайбинский район), клуб семейного чтения «Библиотека + Семья (Усть-Илимский район) и др. Участники клубов выступают организаторами и участниками мероприятий, проводимых на территориях муниципальных образований: круглых столов, конкурсно-игровых программ, интеллектуальных игр, флеш-мобов, тренингов, фольклорных праздников, концертов и др.

Не менее значимым направлением работы с многодетной семьей при организации совместного семейного досуга и включения в совместную деятельность детей и взрослых, является проведение семейных дней отдыха с использованием таких конкурсных программ, как «Папа, мама, я – дружная семья», «Папа, мама, я – мастеров семья», «Папа, мама, я – спортивная семья», «Папа, мама, я – шахматная семья», «Семейные старты», «Я, ты, он, она вместе дружная семья», «Семейная зимниада» и т.п. В рамках данных мероприятий проводятся смотры семейных художественных коллективов, выставки семейного творчества, привлечение многодетных семей к участию в народных праздниках, гуляниях, карнавалах, походах выходного дня, соревнованиях по ориентированию на местности, экскурсиях, спортивных мероприятиях и др.

В муниципальных образованиях Иркутской области на регулярной основе проводятся городские и районные конкурсы, направленные на поддержку и развитие семейного художественного творчества, например, в 2020 г. прошли конкурсы «Талантливы вместе» (Боханский район), «Семья – счастливое созвездие» (Осинский район), «Моя творческая семья» (г. Саянск).

Нельзя не отметить фестивали и конкурсные мероприятия, проводимые для многодетных семей, которые ставят своей целью распространение положительного опыта семейных отношений и формирование положительного имиджа многодетной семьи. В качестве примера можно назвать

мероприятие для многодетных семей под названием «О хороших семьях во весь голос», которое состоялось в 2020 г. в г. Тайшете. По итогам мероприятия экспертным жюри были даны рекомендации и советы для молодых семей, основанные на положительном опыте многодетных семей-участников мероприятия.

Также следует сказать об участии учреждений культуры Иркутской области в общероссийских и региональных проектах, направленных на раскрытие творческого потенциала многодетных семей. Одним из таких проектов является Всероссийский проект «Многодетная семья», который направлен на повышение уровня всеобщей осведомленности о возможностях, талантах, всестороннем развитии многодетных семей.

Содействие в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала многодетной семьи

Работа с многодетной семьей в учреждениях культуры Иркутской области по указанному направлению нацелена на педагогическое воспитание родителей и детей, информационное просвещение, организацию интеллектуального досуга, укрепление семейных традиций, одна из которых – традиция семейного чтения.

Реализация данных задач осуществляется посредством:

- организации интеллектуального досуга семей;
- информирования, просвещения, консультирования родителей.

Большая работа в рамках данного направления проводится библиотеками. В течение 2020 г. специалистами библиотек муниципальных образований были организованы конкурсы для читающих семей, дни семейного чтения, дни семейного интеллектуального отдыха, литературные викторины, конкурсы литературного творчества, например, конкурс «Читающая семья 2020» (г. Тулун), литературное многоборье «Весь мир читает сказки Пушкина. А ты?» (г. Усолье-Сибирское), час диалога «Традиции хранить и умножить» (семьи делились своим опытом организации семейного чтения, представляли книги, которые передавались из поколения в поколение, г. Иркутск). В работе по данному направлению специалисты учреждений культуры используют такие формы мероприятий как: часы общения, беседы, книжные выставки, лекции, викторины, литературные игры и конкурсы, квесты, творческие мастерские и т.п. В библиотеках создаются информационные уголки для родителей, где можно познакомиться не только с литературой педагогического характера, но и подобрать книги для чтения вместе с детьми. Во многих библиотеках действуют программы, направленные на поддержку семейного чтения, воспитание культа книги в семье, помощь родителям в формировании ребенка-читателя. Например, в Зиминском районе действует библиотечная программа «Чтение семейного масштаба», в г. Черемхово – программа «Чтение – дело семейное». Сотрудники библиотек г. Саянска более пяти лет работают по программе семейного чтения «Семью сплотить сумеет мудрость книг», также здесь

прошел городской конкурс «Самая читающая семья». В нем традиционно принимают участие семейные команды, в том числе и команды многодетных семей.

Библиотеки и культурно-досуговые учреждения выступают в качестве организаторов лекций, круглых столов, дискуссий, направленных на повышение образовательного уровня представителей многодетных семей. В первую очередь речь идет о повышении правовой и психолого-педагогической компетентности родителей. Для проведения мероприятий приглашаются специалисты разных профилей – психологи, врачи, юристы, педагоги. Так, например, в 2020 г. в детской библиотеке № 31 «Алые паруса» г. Иркутска специалисты Управления Пенсионного фонда в Ленинском районе провели лекцию «О переходе на электронные трудовые книжки. Изменения в законодательстве относительно повышения пенсионного возраста, досрочных пенсий многодетным матерям». Специалисты подробно рассказали и ответили на вопросы о пенсиях, в том числе осветив особенности выхода на пенсию многодетных матерей.

Мероприятия, проводимые музеями, также играют большую роль в повышении культурно-образовательного уровня семейного досуга. Здесь можно выделить такие мероприятия как экскурсии с матер-классами, экскурсии с народными играми, литературно-музыкальные салоны, интерактивные образовательно-игровые краеведческие программы для детей и взрослых, мастер-классы и семейные квесты.

Организация культурного досуга детей из многодетных семей

Еще одной важной задачей учреждений сферы культуры является организация занятости детей из многодетных семей, развития их творческих способностей.

Реализация данных задач осуществляется посредством:

- занятости детей из многодетных семей в клубных формированиях;
- обучения детей в детских школах искусств;
- участия детей в культурно-досуговых мероприятиях развлекательной, образовательной, профилактической направленности.

Дети из многодетных семей являются активными участниками клубных формирований и кружков, обучаются в учреждениях дополнительного образования детей, посещают культурно-досуговые мероприятия, проводимые учреждениями культуры – культурно-досуговыми учреждениями, библиотеками, музеями, детскими школами искусств. Следует сказать, что воспитательный потенциал учреждений культуры широк и разнообразен по существу, формам и методам. Помимо организации работы клубных формирований самой разной направленности, действующих на постоянной основе, специалисты учреждений культуры организуют деятельность также по следующим направлениям:

- патриотическое воспитание и гражданское становление личности;

- профилактика социально-негативных явлений и пропаганда здорового образа жизни;
- профилактика правонарушений;
- профилактика проявлений экстремизма в молодежной среде;
- формирование условий для творческой реализации детей и подростков.

Социальная поддержка многодетных семей в сфере культуры

Доступность культурно-досуговых услуг для многодетных семей обеспечивается реализацией нормативно-правовых документов разных уровней.

В соответствии с Законом Иркутской области № 63-оз «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей» для многодетных семей Иркутской области предусмотрена мера социальной поддержки в виде бесплатного посещения государственных учреждений культуры, находящихся в ведении министерства культуры и архивов Иркутской области, один раз в месяц.

На уровне муниципальных образований Иркутской области также принимаются нормативно-правовые акты, устанавливающие меры социальной поддержки многодетным семьям. В качестве примера можно привести Постановление администрации г. Братска № 195 (от 15 февраля 2018 г.) «Об утверждении порядка предоставления дополнительных мер социальной поддержки отдельным категориям семей, имеющих несовершеннолетних, получающих услуги по проведению занятий в творческих коллективах и клубных формированиях в муниципальных учреждениях культуры города Братска». В соответствии с постановлением многодетные семьи получают ежемесячную компенсацию в размере 50 % от внесенной платы за оказанные услуги. В 2019-2020 учебном году данную дополнительную меру социальной поддержки получили 88 многодетных семей на обучение 130 несовершеннолетних, в 2020/2021 учебном году – 73 многодетных семьи на 99 несовершеннолетних.

На уровне муниципальных учреждений культуры в Положениях об организации оказания платных услуг также предусмотрено бесплатное или льготное посещение многодетными семьями учреждений культуры – музеев, театров, библиотек, кинозалов. Данная мера предполагает скидки на посещение, льготные абонементы.

Музеи предоставляют возможность бесплатного посещения стационарных экспозиций и временных выставок для многодетных семей в дни, утвержденные внутренним приказом учреждений. Кроме этого, музеи устанавливают дни открытых дверей, когда многодетные семьи могут бесплатно посетить экспозиции и выставки. Такие акции проходят несколько раз в год: в новогодние каникулы, в День защиты детей, ко Дню города, 1 сентября. Также музеи в течение года организуют бесплатные мероприятия для многодетных семей (мастер-классы, конкурсы, игры, интерактивные программы).

Во всех муниципальных учреждениях культуры предусмотрены меры социальной поддержки для детей из многодетных семей, посещающих платные кружки, клубные формирования и культурно-досуговые мероприятия в размере от 50 до 100 %.

Есть муниципальные образования, в которых действует круглогодичная акция «Доступная культура», дающая возможность малообеспеченным категориям населения бесплатно посещать платные мероприятия (Казачинско-Ленский район).

Информация о мероприятиях для многодетных семей и предусмотренных по ним льготах, размещается на официальных сайтах учреждений культуры, в сети Интернет, а также на информационных стендах в учреждениях не менее чем за 10 дней до начала мероприятия.

В рамках социальной поддержки многодетных семей учреждениями культуры проводятся благотворительные мероприятия – это благотворительные акции и марафоны, благотворительные концерты творческих коллективов (в том числе выездные), новогодние и другие праздничные представления для многодетных семей. Учреждения культуры всех муниципальных образований региона в силу своих возможностей оказывают поддержку многодетным семьям. Можно привести несколько примеров. В 2020 г. в Тулунском районе прошел целый ряд благотворительных акций: «Собери ребенка в школу» (оказание адресной помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации в виде канцелярских принадлежностей, школьной формы, рюкзаков; «Из добрых рук с любовью» (сбор средств первой необходимости для малышек из многодетных малообеспеченных семей), «К школе готов!» (коллектив МКУК «КДЦ с. Гуран» при содействии фонда Тимченко приняли участие в благотворительной акции. Спортивную форму и обувь получили для 10 детей из многодетных семей); «Автобус радости» (в преддверии Нового года сотрудники администрации Тулунского района, специалисты учреждений культуры при содействии партии «Единая Россия посетили сельские поселения с поздравительным, театрализованным представлением, вручением сладких новогодних подарков).

В Боханском районе в 2020 г. мероприятия по оказанию социальной поддержки многодетных семей включали в себя помощь в создании видеофильмов «Семейный архив», в пошиве костюмов к различным мероприятиям, были проведены акции оказания помощи многодетным семьям «Рука помощи», «Вместе веселей», «Чудеса под Новый год».

Библиотекой № 20-ИДЦ им. Е. А. Евтушенко МБУК г. Иркутска «ЦБС» совместно с городским советом женщин и комитетом по управлению Свердловским округом прошла акция «Портфель», детям из многодетных семей – читателям библиотеки были вручены канцелярские принадлежности и проведен обзор книжных новинок для детей и их родителей. В акции приняло участие 28 человек (7 многодетных семей). И подобных примеров очень много.

В работе по данному направлению учреждения культуры объединяют свои усилия с администрациями МО, органами управления культуры МО, общественными и благотворительными организациями, партийными организациями.

Следует также отметить, что учреждения культуры принимают участие и в общероссийских и региональных благотворительных проектах, например, в общероссийской акции «Дарите книги с любовью», в областной акции «Твори добро».

Несмотря на ограничительные меры по обслуживанию населения в учреждениях культуры Иркутской области, которые внесли коррективы в работу учреждений (полноценно не работали клубы, кружки, читальные залы и т.д.), учреждения культуры осуществляли работу со всеми социальными группами населения, в том числе с семьями, привлекали все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, создавали условия для формирования и удовлетворения культурных, образовательных и коммуникативных потребностей представителей многодетных семей. Большая часть работы учреждений культуры переместилась в онлайн-среду, одной из новых форм работы стали онлайн-мероприятия. В отчетном году были реализованы новые проекты, использованы новые методы и формы работы, в том числе с использованием информационных технологий.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЛИДАРНОСТИ

УДК 339.93
ББК 65.01

A. V. Zavialov, *Irkutsk*

On the Way to Success: Irish Economy Changes Through the Century

The article examines the development of the Ireland economy in the second half of the twentieth century. The prerequisites and conditions for changing the economy and creating a new infrastructure are analyzed. The socio-economic potential of Ireland allows us to record effective management decisions that can help in the development of other states.

Keywords: Ireland, economy of Ireland, Celtic Tiger, agriculture in Ireland, knowledge economy.

A. В. Завьялов, *Иркутск*

На пути к успеху: изменения в экономике Ирландии в течение столетия

Рассматриваются вопросы развития экономики Ирландии во второй половине XX века. Анализируются предпосылки и условия изменения экономики и создания новой инфраструктуры. Социально-экономический потенциал Ирландии позволяет фиксировать эффективные управленческие решения, которые могут помочь в развитии других государств.

Ключевые слова: Ирландия, экономика Ирландии, кельтский тигр, сельское хозяйство в Ирландии, экономика знаний.

Irish economic history of the last century is unique if to compare with other European countries because Ireland turned from the poorest country in Europe to the so-called “Celtic Tiger”, having one of the highest standards of living now. But it has been underdeveloped for a long period of time.

Since the political independence of 1922 till the 1970s Irish economic history was called by scientists as “the period of economic experimentation”. During the first years of its independence, the young Irish state made deliberately cautious economic policy. The country was poor, and agriculture employed half of the labor force; government made fiscal retrenchment during the first decades of independence, as well as fiscal and monetary prudence, which helped to minimize the input costs faced by farmers who supported low taxation. The Irish economy, so closely linked to the British one, grew sluggishly during the 1920s. Emigration was at a high rate, the living standards almost had not changed. During the Great Depression and after it, the Irish government decided to build an industrial sector through protectionism, and to reorient agriculture towards a

more labor-intensive product mix. In the short run it produced a significant increase in employment in the sheltered industrial sector. During the depression there was no panic and no failures at the banking system [3, pp. 388–389]. The country was relatively closed, but the protectionism affected the economy more than helped it because there were no foreign investors who could make new jobs, which hit the economy with high rates of emigration and a low level of life.

The period after World War II is also characterized with a slow move to industrial economy. Ireland received the Marshall Plan, but its amount was not so high as other countries had. During the 1950s Ireland, together with Spain, Portugal and Greece, was still an outlier, a total underachiever according to all economic indicators. The agricultural crisis at the end of the 1940s hit the economy as well. Much was expected of the 1948 Anglo-Irish trade agreement, which opened up the British market to Irish livestock exports, but the conditions were unfavorable to Ireland during the post-war period. During the 1950s, 400,000 people emigrated from Ireland [2], most of them were skilled labor. It finally became clear that economic nationalism was unsustainable: while other European countries enjoyed fast growth, Ireland suffered economic stagnation. Irish policy-makers were concerned about the lack of investment in the Irish economy, which led to the Irish economic strategy development, published in an official paper in 1958. It advocated free trade, foreign investment, and growth rather than fiscal restraint as the prime objective of economic management [3, pp. 398–404] Ireland started to move from agricultural economy to industrial one, but extremely slowly, if compared to other countries of the region.

In the 1960s, Ireland received first “fruits” while implementing the new strategy. This period is characterized with fast economic development and the standard of living growing. The abovementioned Program was Ireland’s first tentative exercise in indicate planning: it outlined the strengths and weaknesses of the economy, emphasized the importance of farm investment; it was explicit in its commitment to trade liberalization and industry reorientation towards foreign markets. The economy soon picked up, and the Program produced a “euphoria” effect. Then, the First Program was succeeded by the Second and Third ones. Ireland and the UK then created the Free Trade Area. It all helped Ireland to create 25,000 new jobs per year during the decade. The emigration almost stopped at the end of the 1970s. Ireland joined the European Community (EC) in 1973 and the European Monetary System in 1978. The process of liberalization and opening trade borders started to help Ireland to grow up from stagnation. But at that period Ireland was still an underperformer if compared with other European nations. [3, pp. 413–416]

The 1980s were quite contradictory. Despite the fact that this period is called the start of the Golden Age in Irish economy, there were still many problems needed to be solved. With opening economy, there was a crisis in the beginning of the 1980s due to the fact that the country was not quite prepared for new goods from other EC countries. However, the government had done their

best, and from 1987 the Irish economic growth was the fastest in the OECD. Ryanair used Ireland's deregulated aviation market and helped European regulators to see the benefits of competition in transport markets. Intel invested in 1989 and was followed by a number of technology companies, such as Microsoft and Google [2]. Between 1985 and 2002, private sector jobs increased by 59 %. The economy shifted from agricultural to knowledge economy, focusing on services and high-tech industries. Industry, which accounted for 46 % of the GDP and about 80 % of export those years, has replaced agriculture as the country's leading sector. Ireland became a "Celtic Tiger". The period from the middle 1980s till 2000 is called the Irish Golden Age.

Agriculture has always played a significant role in Irish economy since previously a traditional lifestyle dominated the country. The economic system had not changed for decades and centuries before the 1970s. Under different authorities and regimes, Irish economy was mostly devoted to production of agricultural products, but the second half of the 20th century changed the situation dramatically. Now Ireland is known as "The Celtic Tiger": it focuses on IT production and technologies and on the services sector. However, agriculture is still important for Irish economy. Ireland combines its status of the well technologically developed country with deep agricultural traditions.

The land area of Ireland is 6.9 million hectares, 4.5 million hectares of which are used for agriculture (about 64 % of the total land area, which is a very high number). The coast of Ireland is rocky, strongly dissected with bays. The landscapes are mostly flatlands: the central plain is situated in the inner part of the country, stretching to the island coasts on the west and east. On the outskirts of the island, low mountains and plateaus are situated.

In accordance with the classification of the World Wildlife Fund (WWF), Ireland is divided into two ecoregions: Celtic broadleaf forests and North Atlantic mixed forests, although the actual forest takes no more than 12 % of the island. A fraction of the island surface is occupied with grasslands and heath. There are both northern and alpine plants and species.

Sod-podzol soils prevail in the Central lowlands, in the mountains – mountain podzol soils, on a poorly drained plateau and in the lowlands – peat-bog soils. There are humus-calcareous soils on limestone. Ireland is sometimes called an "emerald isle" because of the abundance of vegetation that remains green all year round, thanks to frequent rains.

According to the 2016 Department of Agriculture, Food and the Marine data, the agri-food sector of Ireland contributed a value of 13.6 billion euro to the national economy, generated 7 % of the gross value added and provided 8.5 % of national employment.

At the same time, the value of Irish food and drink exports was around 11.3 billion euro in 2016. This equates to the Republic of Ireland's farmers producing enough food for an estimated 36 million people. There are ambitious plans in place to expand that to 50 million people under the Government led Food Harvest strategy [1].

Today, beef and milk production are the two most important farming sectors in Ireland, accounting for around 61 % of the agricultural output. The scale of the farming output relative to the domestic population of 5 million people means that Ireland exports some 90 % of its net beef output, making Ireland the largest beef exporter in Europe and one of the largest in the world [4].

The country has also a rich tradition of stockmanship and crop husbandry. Animal husbandry and livestock play a leading role in the Irish agriculture: it takes for about 80 % of all agricultural production (70 % of this sector production is exported). Up to 3.6 million hectares (81 % of the agricultural area) are used for pastures, while the total number of livestock is up of 11 million birds, 6.7 million cattle and 3.9 million sheep. To compare, 9 % of the Irish agricultural area is used to rough grazing (0.44 million hectares) and 9 % to crops, fruit and horticulture production (0.35 million hectares).

The main products of the industry are milk and dairy products (about 8,075 million litres in 2017), beef, wool. About one-fourth of all dairy products produced in Ireland are exported (it is about 2. 4 billion euros every year). Business is consolidated around the largest companies: 25 companies take more than 80 % of total exports. [1]

The areas involved in breeding cattle are concentrated in the south and east of the country, as well as near Dublin; pig-farming is concentrated in the western counties. The largest beef producers are united in the BQAS (Beef Quality Assurance Scheme), pork – in the PQAS (Pigmeat Quality Assurance Scheme), chicken eggs – in the EQAS (Egg Quality Assurance Scheme), etc., which represent a system of quality control at both the farm level and processing plants.

Saying about the Gross Agricultural Output (GAO), the beef category accounts for the largest share of 38 %, while milk does for 29 %. Other sectors to have a share in the GAO include pig (8 %), sheep (4 %), cereals (6 %), and others (15 %).

The main crops are wheat, oats, potatoes, barley and sugar beet; they take nearly 240,000-hectare land. According to the Census of Agriculture (2010), Ireland had 139,829 active farm holdings. Livestock is central to Irish farming, and more than 100,000 holdings have animals on their property. The average size of each farm holding was 32.7 hectares or 80 acres in 2014 – that was larger than the EU average of 14.4 hectares in the EU-28. A total of 63 % of Irish holdings are between 10 and 50 hectares. Although it is important to note that many thousands of holdings are too small to justify full time employment.

Saying about the age structure of the Irish farming community, on average it was older than in the EU-28 in 2014. In Ireland, only 6.8 % of farmers were under 35 years old (7.5 % in the EU-28), while 25.3 % were older than 64 (30 % in the EU-28). The process of aging continues.

The main farmlands are located in the southern, central and eastern parts of the country. Some counties specialize in certain varieties for sowing: Cork and Wicklow prefer winter wheat and barley; Carlow cultivates oats with rape, etc.

Country abundantly provides its own needs for barley and oats, but is forced to import wheat (the self-sufficiency rate is more than 90 %).

Ireland is a country of mostly small and medium-sized farms, but a numerically small stratum of large rich farmers (farms of more than 40 hectares) focuses more than 1/3 of all agricultural land, and this category of farms gives basic commodity of agricultural products.

In the coastal waters of Ireland, intensive fishing is conducted with participation of about 1,400 vessels that extract up to 300,000 tons of fish. The main commercial species are herring, anchovies, haddock, cod, and mackerel. The major fishing ports are Dún Laoghaire, Skerries, Dublin and its neighbourhood. The country also actively develops aquaculture. Irish successfully breed trout, mussels, salmon, and lobster. Since the early 2000s, the authorities strictly monitor this sector of the economy. In Ireland, there are 7 regional Committees on Fisheries, which track implementation of laws on environmental protection and fishery regulations. The state license must be obtained for fishing, especially salmon and sea trout, in any part of Ireland. In addition, there is a requirement to label and count each individual caught. The adopted single program of fish farms management is designed to protect the country and reduce the fish loss due to contamination of water resources or activities of poachers, and increase the number of fish and fishing culture.

The agriculture of Ireland is subsidized: from the beginning of the 1990s, government subsidies have increased almost two-fold: from 400 million to 800 million euros, while 2/3 of them were in cattle breeding and herding, and 15 % in cultivation of crops and cereals. Fishing receives for about 120 million euros of subsidies (around 10 %). [1]

Agriculture in the Republic of Ireland continues to play a great role in the national economy system. Ireland feeds for itself almost all necessary agriculture products (with some exceptions). But, despite this fact, the Irish agricultural sector is subsidised from both Irish and European budgets and programs. Anyway, Ireland continues to be one of leading agricultural export countries inside the European Union, and it also actively trades with other countries of the world.

Nowadays, with the population of almost 5 million people (2.5 of which is labor force), Ireland is a modern knowledge economy, focusing on services and high-tech industries, dependent on trade, industry and investment (GDP by sector in 2017: agriculture – 1.2 %, industry – 38.6 %, services – 60.2 %; labor force by occupation in 2015: agriculture – 5 %, industry – 11 %, services – 84 %). Its main industries are pharmaceuticals, chemicals, computer hardware, software, food products, beverages and brewing medical devices.

Ireland is ranked one of the wealthiest countries in the OECD and the EU: in 2020, Ireland ranked the 3rd in the world by the nominal GDP per capita (\$79,669) and the 4th in the world by the GDP PPP (\$89,383) having a +8.3 % GDP growth in 2018 and a +5.5 % GDP growth in 2019. The nominal GDP was \$399 billion, and the GDP PPP – \$447 billion in 2020. [7]

The Irish inflation rate was 0.7 % in 2018, 0.9 % in 2019, -0.2 % (deflation) in 2020. The population below the poverty rate comprised 6.7 % in 2017, the unemployment rate was 7.3 % in November 2020 (74.1 % of the employment rate) [6]. In 2018, an average gross salary was €3,300 / \$3,694 monthly, an average net salary was €2,564 / \$2,870 monthly.

The period of a very high economic growth from 1995 to 2007, with a record of posting the highest growth rates in Europe, made Ireland the “Celtic Tiger”. However, the 2008 financial crisis badly damaged the economy, compounding domestic economic problems related to the collapse of the Irish property bubble. After 24 years of a continuous growth at an annual level during 1984–2007, Ireland experienced a short technical recession but dealt with it fast and continues to grow up [5].

Ireland started its Golden Age Period much later than the rest European countries, in the 1980s. It wanted to keep the old way of the economy after World War II, but the experience of other European countries showed that it was impossible. Economy needed to grow up together with the level of life, investment rates, etc. The political institutions realized that there was no way for the economy except for industrial development, which is why Irish economy is one of the most developed in the world with the economic indicators considered to be among the best in the world. Ireland has swung from extreme protectionism and poverty to openness and wealth. Its development strategy has favored the exploitation of its comparative advantage in agriculture. At the same time, it has been based on import substitution, and most recently has relied on capital inflows and a technology transfer associated with foreign multinationals.

Bibliography

1. Agriculture in Ireland // Teagasc – Agriculture and Food Development Authority. Available at: <https://www.teagasc.ie/rural-economy/rural-economy/agri-food-business/agriculture-in-ireland/>.
2. Dorgan S. How Ireland Became the Celtic Tiger // The Heritage Foundation. Available at <http://www.heritage.org/research/reports/2006/06/how-ireland-became-the-celtic-tiger>.
3. Economic Growth in Europe Since 1945. Ed. by N. Crafts and G. Toniolo. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 628 p.
4. Farming in Ireland. Overview // Ask about Ireland. Available at <http://www.askaboutireland.ie/enfo/sustainable-living/farming-in-ireland-overvi/>.
5. Ireland GDP – Real Growth Rate // Index Mundi. Available at http://www.indexmundi.com/ireland/gdp_real_growth_rate.html.
6. Unemployment by sex and age – monthly data // Eurostat. Available at https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=une_rt_m&lang=en
7. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. Available at https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report?c=178,&s=NGDP_RPCH,NGDPD,PPPGDP,NGDPDPC,PPPPC,PCPIPCH,&sy=2018&ey=2025&ssm=0&scsm=1&scs=0&ssd=1&ssc=0&sic=0&sort=country&ds=.&br=1.

Особенности организации системы социальной безопасности регионального туризма (на примере Иркутской области)

Приводится комплексный анализ территориального развития на основе развития регионального туризма Иркутской области. Выявляются социальные риски, сильные и слабые стороны территориального развития региона через развитие туристического кластера.

Ключевые слова: социальная безопасность, региональный туризм, развитие территории.

Yu. V. Zavarzina, Irkutsk

Features of the organization of the social security system of regional tourism (on the example of the Irkutsk region)

The article provides a comprehensive analysis of territorial development based on the development of regional tourism in the Irkutsk region. Social risks, strengths and weaknesses of the territorial development of the region through the development of the tourism cluster are revealed.

Keywords: social security, regional tourism, territory development

Политика любого современного государства должна быть максимально направлена на всестороннее развитие каждой из сфер жизни общества. Россия – это страна с уникальными природными ландшафтами, историческими и культурными памятниками, интересными традициями, обладающая всеми необходимыми ресурсами для создания интегрированной и многофункциональной системы гостеприимства. Особенно в условиях постпандемического общества, где и сознание отдельных людей и целых социальных сообществ приводят к переосмыслению всех социальных процессов [1–3].

При наличии такого богатого потенциала у нашей страны имеются все шансы развить внутренний туризм до такого уровня, чтобы встать на одну ступень с самыми посещаемыми странами мира. На данном этапе развития всей туриндустрии в целом, можно выделить пять самых популярных направлений среди иностранных туристов: Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Иркутская область, Камчатка и Краснодарский край. За последние пять лет интерес к Иркутской области как к необычному туристическому объекту многократно возрос, об этом свидетельствует статистика роста потока туристов, желающих посетить наш регион. К тому же, была намечена тенденция посещения Байкальского региона одними и теми же туристами несколько раз и в разные периоды времени.

На территории Иркутской области развиваются не только летние направления в туризме, но, а также и зимние. В зимний период есть возможность увидеть уникальный голубой лед Байкала, а также посвятить свой отдых различными спортивным видам туризма. Наблюдается рост коллективных средств размещения, появление новых туристических

маршрутов, объектов показа, рынок туристического бизнеса также показывает только положительную динамику.

Меняется восприятие территории в сознании россиян и жителей региона, об этом более подробно изложено в исследованиях О. А. Полношкевич [15], о роли туризма в региональном развитии представлено в работах Н. В. Москвитиной [12–14], С. В. Малых [11], о ресурсах развития территории представлено в работах Ю. В. Борисовой [4–7], Ю. В. Заварзиной [8–10] и др.

Говоря о социальной безопасности туризма в Иркутской области, следует, прежде всего, рассмотреть сильные и слабые стороны туристического кластера региона, выявить особенности туристско-рекреационного потенциала данной территории. Данный анализ был проведен с помощью SWOT-анализа, приведенного в таблице 1.

Таблица 1

Матрица SWOT-анализа туристско-рекреационного потенциала Иркутской области

<p style="text-align: center;">Сильные стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> ● политическая заинтересованность; ● наличие разнообразных и притягательных рекреационных ресурсов; ● рост интереса к региону; ● осознание населением необходимости здорового образа жизни; ● повышение культуры обслуживания отдыхающих; ● экономический подъем в мире и стране. 	<p style="text-align: center;">Возможности</p> <ul style="list-style-type: none"> ● создание новых туристических маршрутов; ● высококвалифицированная рабочая сила для развития сервиса туристической индустрии; ● улучшение транспортной составляющей туризма; ● продвижение туристического потенциала ИО на международной арене; ● разработка новых государственных программ для дальнейшего развития туризма; ● развитие событийного туризма.
<p style="text-align: center;">Слабые стороны</p> <ul style="list-style-type: none"> ● природно-климатическое условия региона; ● плохо развитая инфраструктура; ● отсутствие бренда Иркутской области; ● наличие административно-бюрократических барьеров; ● непрозрачность туристического бизнеса; ● несовременный международный аэропорт г. Иркутска. 	<p style="text-align: center;">Угрозы</p> <ul style="list-style-type: none"> ● усиление политической нестабильности в мире; ● снижение прибыли компаний туристической и сопутствующих сфер хозяйства; ● потеря имиджа Байкальского региона; ● социально-экономический кризис.

Рассмотрим сильные стороны:

1. Политическая заинтересованность – на данный момент существует государственная программа РФ «Развитие культуры и туризма» на 2013–2020, разработана Минкультурой РФ, утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317. Программа представляет собой систему мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере культуры и туризма. В Иркутской области в целях обеспечения устойчивого экономического развития области по средствам развития туристической индустрии, а также формирование представления об области как о террито-

рии, благоприятной для туризма издан закон Иркутской области от 7 марта 2012 г. № 9-ОЗ «Об областной государственной поддержке туризма и туристической деятельности Иркутской области» с изменениями и дополнениями от 01.10.2014 № 102-ОЗ, от 12.12.2016 № 105-ОЗ.

2. Наличие разнообразных и притягательных рекреационных ресурсов – на территории Иркутской области кроме озера Байкал, существует еще великое множество интересных туристических объектов – это государственные природные заповедники, Прибайкальский национальный парк, лесопарки, минеральные источники, лечебные грязи и памятники природы. Регион обладает значительным культурно-историческим потенциалом: это и первобытные стоянки, и период русского заселения Восточной Сибири, и эпоха декабристов, и советский период ударных строек. В области действует порядка 60 музеев, наиболее известными из которых являются архитектурно-этнографический музей «Тальцы» и инженерно-архитектурный комплекс мирового значения – Кругобайкальская железная дорога. В Иркутской области каждый может найти отдых на свой вкус: ценители первозданной природы и живописных ландшафтов, поклонники историко-культурного наследия, любители экстремального и спортивного отдыха. Интересен регион и для желающих совместить отдых с лечением в санаториях, которые имеют богатый опыт использования местных природных ресурсов в целях оздоровления.

3. Рост интереса к региону – за последние несколько лет туристический поток в Иркутскую область возрос в несколько десятков раз, по сравнению с ситуацией, которая была в регионе в 2010–2014 гг. Это говорит о том, что в глазах туристов наша область стала выглядеть более притягательно для проведения своего отдыха. Проведенный анализ иностранного туристического потока въезжающего на территорию Иркутской области через международный аэропорт «Иркутск» свидетельствует о постоянном его росте. Так, через аэропорт на территорию Иркутской области въехало иностранных туристов в 2015 г. – 30 450 человек, в 2016 г. – 59 426 человек, в 2017 г. – 90 494 человека.

4. Осознание населением необходимости здорового образа жизни – в первую очередь это способствует развитию внутреннего туризма. Происходит переоценка взглядов, вследствие чего появляется осознание здорового образа жизни. Кроме иностранных граждан, поток российских граждан в Иркутскую область также ежегодно растет. В области активно развивается пеший туризм. Проложены пешие туристические маршруты, такие как Большая Байкальская тропа, маршрут на Пик Черского.

5. Повышение культуры обслуживания отдыхающих – с ростом туристического потока, качество услуг также растет. Постепенно, но, верно, растет. Появляется больше критериев отбора персонала в гостиницы, рестораны, музеи и т. д. Растет конкуренция на рынке труда, значит, растет квалификация специалистов в сфере обслуживания. Высокая культура обслуживания помогает персоналу решать проблемы туриста, а значит спо-

способствовать развитию и процветанию индустрии в целом. Следовательно, необходимо постоянно проявлять заботу о туристах, потому что турист – это не тот, кто мешает работе персонала, а он – главная причина, по которой трудится весь персонал.

6. Экономический подъем в мире и стране – туризм как сфера хозяйственной деятельности имеет огромное значение и ряд характерных особенностей. Туризм служит интересам человека, общества в целом и является источником доходов, как на микро, так и на макроэкономическом уровнях. Туризм становится одним из основных факторов создания дополнительных рабочих мест, ускоряет развитие дорожного и гостиничного строительства, стимулирует производство всех видов транспортных средств, способствует сохранению народных промыслов и национальной культуры регионов и стран.

Исследуем слабые стороны:

1. Природно-климатическое условия региона – неблагоприятные естественные природные условия для длительного отдыха и туризма (высокая сейсмичность территории; низкие температуры воздуха в осенний, зимний и весенний периоды года; низкие температуры воды в летний период основных водных ресурсов; короткий период летнего туристского срока).

2. Плохо развитая инфраструктура – невысокий уровень сервисного обслуживания туристов и культуры местного населения в ряде городов и районов; высокие транспортные (авиационные) тарифы на перевозку туристов; большие затраты на круизные путешествия по озеру Байкал и водохранилищам региона; неразвитая система дорог, коммуникаций, отсутствие в ряде случаев минимальных бытовых условий.

3. Отсутствие бренда Иркутской области – отсутствие единого представления о г. Иркутске, что он является «Воротами Байкала»; неудобное зонирование для развития туризма и недостаточно развитая инфраструктура г. Иркутска, т. е. самих «Ворот Байкала». В глазах граждан других стран нет четкого представления того, что же такое Иркутск, и в чем это выражается. Преобладает стереотип территории как мало пригодной для жизнедеятельности человека (суровый климат, плохая криминальная и экологическая обстановка, низкое качество обслуживания).

4. Наличие административно-бюрократических барьеров – длительное оформление документов, отсутствие необходимой для туристов информации, неудобный график работы инфраструктурных и визовых организаций, а также нерешенность организационно-правовых вопросов, в том числе вопросов отвода земель, устаревшая нормативно-правовая база, слабое обеспечение безопасности туристов.

5. Непрозрачность туристского бизнеса – наличие теневых секторов туристического обслуживания в Иркутской области. Уклонение от уплаты налогов недобросовестными предпринимателями, неконтролируемый оборот наличных средств – все это ведет к ослаблению рыночной структуры туристической индустрии.

6. Несовременный международный аэропорт г. Иркутска – статус международного аэропорт «Иркутск» приобрел в 1954 г. на основании постановления Совета министров СССР с началом выполнения международных полетов в КНР в г. Пекин. В настоящее время международный сектор аэропорта расположен в здании аэровокзала, построенного в 1938 г., которое фактически с момента постройки не реконструировалось и в ближайшее время в соответствии с ФЦП «Государственная граница Российской Федерации (2012–2020)» реконструкция не предусматривается. В соответствии с паспортом воздушного пункта пропуска «Иркутск», утвержденного руководителями государственных контрольных органов в 2016 году, пропускная способность пункта пропуска в настоящее время составляет 200 человек/час, что не способствует туристической привлекательности региона.

В рамках данного исследования, выделим возможности:

1. Создание новых туристических маршрутов – руководитель агентства по туризму Иркутской области Екатерина Сливина утверждает, что Иркутская область является перспективным регионом для сельского туризма. Организовать такой вид отдыха намерены предприниматели из Усть-Ордынского Бурятского округа. Ангарское кольцо или так называемый Ангарский треугольник – это посещение Иркутска со сплавом по реке Ангаре до Братска, а из Братска турист может сесть на поезд и доехать до Северобайкальска, откуда водным транспортом можно будет добраться до Иркутска. Сегодня уже разработан маршрут «Путь Святителя Иннокентия» как одно из направлений паломнического туризма.

2. Высококвалифицированная рабочая сила для развития сервиса туристической индустрии. Рабочая сила – это основной инструмент, при помощи которого можно провести и проработать все недостающие процессы для успешного развития туризма Иркутской области. Все люди, задействованные в индустрии туризма, не только должны быть профессионально обучены для выполнения своих функций и задач, но и самое главное – должны быть доброжелательными и приветливыми. Это самое главное качество межличностных отношений.

3. Улучшение транспортной составляющей туризма – на данном этапе социально-экономического развития региона не всегда поставщики транспортных услуг могут гарантировать современный, соответствующий всем требованиям транспорт. Однако регион без особых проблем может подстроиться под рынок за счет его спроса. Предложение всегда должно соответствовать спросу, тогда будет шанс для дальнейшего развития отрасли.

4. Продвижение туристического потенциала Иркутской области на международной арене – система презентации потенциала туристической индустрии вследствие участия туристических фирм Иркутской области в национальных и международных туристических выставках (Китай, Япония, Турция, Франция, Италия и др.), а также широкая сеть рекламно-информационных агентств и их поддержка турбизнеса в городах и районах Иркутской области.

5. Разработка новых государственных программ для дальнейшего развития туризма – финансирование из федерального бюджета различных целевых программ, специально разработанных для региона, будет способствовать безусловному увеличению конкурентоспособности Иркутской области. Вследствие чего регион будет становиться все более и более привлекательным для туристов из разных стран.

6. Развитие событийного туризма – поможет привлечению туристов в регион даже в низкий туристический сезон. Такой опыт у региона уже есть. Ежегодно проходит великое множество различных мероприятий в рамках «Зимниады на Байкале». Проводятся спортивные соревнования, участие в которых принимают иностранные граждане, например, соревнования по буерному спорту.

SWOT-анализ показал угрозы:

1. Усиление политической нестабильности в мире – начиная с 2014 г. мировое сообщество изменило свое отношение к Российской Федерации. Введение санкций против России колоссально сказалось на развитии туристической индустрии. Усиление противостояния России, Европейского союза и США по Украине очень сильно влияют на восприятие жителями тех стран образа России в целом. Все это будет способствовать оттоку туристов.

2. Снижение прибыли компаний туристской и сопутствующих сфер хозяйства – при появлении тенденции туристического оттока, местные компании будут постепенно лишаться работы. Это затронет не только туристические фирмы, а также гостиничные комплексы, рестораны, кафе, хостелы и многие другие объекты. Вследствие этого бюджет лишится налоговых поступлений от осуществления различной хозяйственной деятельности.

3. Потеря имиджа Байкальского региона – при отсутствии туристов на территории Иркутской области и потере интереса и ажиотажа к региону, постепенно о нем будут забывать. Регион потеряет свое лицо и имя на туристическом рынке.

4. Социально-экономический кризис – туризм в современном мире рассматривается как социально-экономическое явление, оказывающее прямое и опосредованное влияние на развитие всей связанной с ним инфраструктуры. Это очень высокодоходная отрасль для экономики государства. Если лишиться этой составляющей, то последуют массовое сокращение рабочих мест на объектах этой индустрии, возрастет безработица, начнет падать уровень жизни населения, что в конечном итоге способствует кризису в регионе.

Таким образом, современное состояние инфраструктуры, наличие и степень подготовленности специалистов для обслуживания разнообразных туристских потоков, нерешенность вопросов с отводом земель для строительства инфраструктуры, непрозрачность туристского бизнеса в целом, несформированный имидж Байкальского региона как территории гостеприимства, – все это свидетельствует о медленном развитии индустрии

туризма Иркутской области и не позволяет одновременно использовать все территории, обладающие туристскими ресурсами, и развивать все формы туризма.

Однако, несмотря на медленный уровень развития туриндустрии региона, в целом можно утверждать, что все туристические продукты Иркутской области, а также процесс приема и размещения российских и иностранных граждан является безопасным. Об этом напрямую говорит постоянно растущий туристический поток (табл. 2). Если бы турист не испытывал чувство безопасности, приобретя туристический продукт, то спрос на туристические предложения в регионе снизился бы. Но так как за последние пять лет в Иркутской области туристическая отрасль начала все активнее развиваться и распространяться на новые территории, следовательно, можно сделать вывод, что эта сфера начала привлекать выпускников учебных заведений для выбора дальнейшей трудовой деятельности. И, как следствие из этого, появится конкуренция на рынке труда. Специалисты сферы туризма стремятся повысить свои профессиональные навыки, тем самым создают еще более благоприятные условия для пребывания туристов на территории региона.

Таблица 2

Основные показатели, характеризующие развитие туристской деятельности в Иркутской области

Наименование показателя	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Динамика 2018 г. /2017 г. (+/-), %
Объем туристского потока в Иркутскую область (тыс. чел.), в том числе:	1525,8	1597,8	1655,8	+3,6
Количество иностранных туристов	156,8	211,0	295,3	+40,0
Объем предоставленных платных услуг в туристско-рекреационной сфере, (млн руб.), из них:	5370,6	5605,5	6238,3	+11,3
туристские услуги	1957,5	2153,6	2601,7	+20,8
санаторно-оздоровительные услуги	1499,0	1363,0	1484,3	+8,9
услуги гостиниц и аналогичных средств размещения	1914,1	2088,9	2152,3	+3,0
Сумма налоговых поступлений от деятельности гостиниц и ресторанов и туристических агентств в консолидированный бюджет Иркутской области (млн руб.)	643,5	759,2	883,6	+16,4

По результатам анализа имеющихся данных прослеживается только положительная динамика основных показателей развития туризма на территории области. Так, за последние три года количество туристских прибытий в регион увеличилось на 8,5 % и составило 1655,8 тыс. человек, в том числе количество иностранных туристов выросло в 1,9 раза и составило 295,3 тыс. человек.

На протяжении ряда лет Китай занимает лидирующую позицию среди иностранных граждан по количеству туристских прибытий в Иркутскую

область. За 2018 г. Иркутскую область посетило 186,2 тыс. китайских туристов, что выше показателей прошлого года на 37,2 % и составляет 63,1 % от общего количества иностранных граждан, посетивших регион. Высокую долю среди иностранных туристов занимают гости из Республики Корея, Германии, Франции, Монголии, США, Японии, Великобритании, Польши, Швейцарии.

Объем платных услуг в туристско-рекреационной сфере за последние три года вырос на 11,3 % и составил 6238,3 млн руб., в том числе доходы от туристских услуг выросли на 20,8 % и составили 2601,7 млн руб. Услуги, оказываемые специализированными организациями (санаторно-курортные организации, организации отдыха, турбазы и т. п.) выросли на 8,9 % и составили 1484,3 млн руб., услуги гостиниц и аналогичных средств размещения выросли на 3,0 % и составили 2152,3 млн руб.

Сумма налоговых поступлений в консолидированный бюджет Иркутской области от деятельности по размещению посетителей, по предоставлению услуг общественного питания, деятельности туристических агентств и туроператоров за три года увеличилась на 37,3 % и составила 883,6 млн руб.

Однако, как и в любом секторе предпринимательской деятельности, в туристической сфере есть теневая деятельность юридических и физических лиц, которые осуществляют прием и размещение гостей Иркутской области. Интерес к возрастающему потоку туристов прикован не только со стороны представителей турбизнеса, но и органов исполнительной власти и силовых структур. Для того чтобы обеспечить безопасность туризма на территории региона, не допустить незаконную предпринимательскую деятельность в сфере туризма, увеличить сумму налоговых поступлений в региональный бюджет, а также с целью пресечения правонарушений при осуществлении деятельности субъектов туристического рынка, в рамках межправительственного соглашения между КНР и РФ от 29 февраля 2000 г. о безвизовых групповых туристических поездках, Постановлением Правительства Иркутской области от 15.09.2016 № 576-пп создана комиссия по вопросам в сфере безопасности туризма на территории Иркутской области.

За три года своего существования, благодаря организации тесного взаимодействия агентства по туризму Иркутской области с различными федеральными органами исполнительной власти, удалось выявить недобросовестных туроператоров, нарушающих законодательство РФ. В ходе оперативно-профилактических мероприятий на территории области неоднократно выявлялись и привлекались к административной ответственности иностранные граждане, занимающиеся нелегальной трудовой деятельностью на территории РФ. Членами комиссии проводились массовые проверки соблюдения миграционного законодательства, в ходе которых все выявленные нарушители привлечены к административной ответственности. Кроме того, УФНС России по Иркутской области по результатам проведенного анализа деятельности туристических организаций установ-

лено наличие ряда зон налоговых рисков, таких как: отражение не в полном объеме доходов по взаимоотношениям с иностранными туркомпаниями; наличие операций с контрагентом, привлеченным без осуществления реальных финансово-хозяйственных отношений; отражение в налоговой отчетности в качестве доходов агентского вознаграждения, а не выручки от реализованного турпродукта; занижение выручки; не начисление НДС и страховых взносов работников. Установлены 3 организации, которые при осуществлении деятельности в рамках реализации Межправительственного соглашения, туристский продукт не формировали, а только осуществляли составление и регистрацию групповых списков и встречи (проводы) в международном аэропорту Иркутск, а остальные услуги оказывали туркомпания-контрагенты. Данные компании отражали в налоговой и бухгалтерской отчетности в составе доходов суммы, полученные за оформление списков и встречу (проводы) туристов в аэропорту, а не выручку от реализации туристского продукта, а туркомпания-контрагенты, фактически оказывающие туристские услуги, также не отражали в полном объеме выручку от реализации туристского продукта.

Вследствие чего возникала необлагаемая налогами разница между денежными средствами, поступившими за реализованный турпродукт на расчетные счета, и суммой доходов, отраженной в налоговой отчетности.

Таким образом, благодаря консолидации федеральных органов исполнительных власти различных уровней в регионе, удалось своевременно выявлять нарушения законодательства Российской Федерации в сфере туризма и пресекать незаконную деятельность субъектов туристической индустрии. Эффективная работа комиссии по вопросам в сфере безопасности туризма способствует раскрытию социально-экономического потенциала области, продвижению туристического бренда региона, как на внутреннем так и внешнем рынке. Организация действенного контроля в туристической сфере позволит направить растущие доходы от налоговых поступлений в бюджет, а здоровая конкуренция официально зарегистрированных туристических агентств и туроператоров на рынке приведет к увеличению рабочих мест. С учетом прогнозируемого роста туристического потока и как следствие роста налоговых поступлений от доходов в сфере туризма инфраструктура региона будет модернизироваться и улучшаться, что будет способствовать повышению привлекательности региона и развитию социально-экономического потенциала Иркутской области.

Итак, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что развитие сферы туризма на территории Иркутской области началось относительно недавно. Постепенно и верно регион начинает раскручиваться на российской и международной аренах, привлекая все большее внимание в глазах иностранных граждан. Туристический поток заметно растет, благодаря чему у области появляется шанс развиваться в разных социальных и экономических направлениях. Раз растет поток, значит турист, пребывая на территории Иркутской области и проходя свой маршрут,

рут, чувствует себя максимально безопасно, пользуется безопасными туристическими услугами. Первое правило при осуществлении туристической деятельности гласит о том, что туристские услуги и условия их предоставления должны быть безопасными для жизни, здоровья и имущества туристов и окружающей среды.

В процессе оказания туристских услуг необходимо обеспечить приемлемый уровень риска для жизни, здоровья и имущества туристов (экскурсантов) при совершении путешествий.

Безопасность туристов (экскурсантов) при совершении путешествия распространяется на:

- жизнь, здоровье, личную неприкосновенность туриста (экскурсанта), включая физическое (телесное) и психическое (моральное) состояние, а также частную жизнь;
- имущество туриста (экскурсанта), в том числе предметы туристского снаряжения и инвентаря, багаж, предметы личного обихода и другие предметы, которые используются и (или) приобретены туристом (экскурсантом) во время путешествия.

Основные факторы, влияющие на безопасность туристов при совершении путешествий, включают в себя:

- географические и природные особенности места пребывания туристов (морская, горная, пустынная местности, климат, наличие специфических животных и насекомых и т. д.);
- культурную, социальную среду временного пребывания, особенности местной пищи, язык, культурные, религиозные и этнические традиции и т. д.;
- особенности видов туристских путешествий (экстремальный туризм, спортивно-оздоровительный туризм и др.);
- уровень качества и безопасности оказываемых услуг;
- соблюдение туристами (экскурсантами) правил личной безопасности, в том числе законов, правил и традиций (культурных, религиозных и др.) страны (места) временного пребывания, санитарно-эпидемиологических норм и правил специальных предписаний, указаний и инструкций органов власти, специализированных служб МЧС, сопровождающих гидов и инструкторов-проводников, а также использование средств индивидуальной защиты.

С уверенностью можно сказать, что на территории Иркутской области при реализации туристических продуктов в полной мере учитываются все факторы, влияющие на безопасность туристов. Основное внимание уделяется уровню качества и безопасности оказываемых услуг, так как этот фактор в наибольшей степени влияет на впечатление от туристической поездки в целом. Одной из целей организации и развития туризма является получение хорошего впечатления и благоприятного образа посещаемого места у туристов. Вся туристическая отрасль региона нацелена на создание

привлекательного имиджа Иркутской области для дальнейшего продвижения туристических продуктов на рынке.

Обеспечение безопасности туристов во время пребывания и отдыха на территории Иркутской области – одно из самых актуальных и приоритетных направлений, возложенных на систему органов обеспечения безопасности туризма, к чьей компетенции это относится.

В большей степени, говоря об обеспечении безопасности туристов, речь идет об индивидуальных туристах, прибывших вне состава туристической группы. Как правило, это несколько человек, которые предпочитают не познавательный, а экстремальный (или приключенческий) туризм. Безусловно, одним из самых перспективных местом для экстремального туризма остается Иркутская область. Здесь можно заниматься почти любыми видами экстремального туризма. Благодаря уникальным природным особенностям можно создать и развивать множество туристических продуктов: горнолыжные трассы, альпинизм, спелеология, маунтинбайкинг. География приключенческих, экстремальных и спортивных туров в Иркутской области может быть очень обширна, а тематика разнообразна. Этому способствуют большие малоосвоенные и даже совсем неосвоенные «дикие» территории и разнообразные экзотические природные объекты. Среди подобных территорий, прежде всего следует назвать озеро Байкал с его огромной акваторией (превышающей площадь Швейцарии) и прилегающими горно-таежными массивами Хамар-Дабана, Восточных Саян и Приморского хребта, степные зоны Приольхонья. Здесь могут развиваться парусный, буерный и байдарочный спорт, дайвинг (погружение с аквалангом), походы в горы, сплав по бурным рекам и т. д. Наиболее благоприятные условия для таких туров имеются в Слюдянском районе. Это самый обжитый и транспортно доступный район. Здесь формируется соответствующая инфраструктура, действует прекрасная горнолыжная база, практикуются пешие и конные маршруты в горы, сплав по рекам.

В регионе множество пещер – по берегам озера Байкала и рек Ангары, Лены и их притокам. Некоторые из пещер древние люди использовали в качестве временного и постоянного жилья. В них сохранились следы присутствия древнего человека: остатки очагов, кострищ, каменные орудия труда, черепки глиняной посуды, фигурки рыб из камня и кости. Наиболее интересные для спелеотуров пещеры расположены в 60 км от Нижнеудинска по р. Уде. Их общая длина – около 500 м. Здесь обнаружены кости вымерших животных – шерстистого носорога, пещерного медведя и др. В пределах Жигалвоского района известна уникальная Ботовская пещера, аналогов которой нет в Сибири (в ней разведано свыше 6 тыс. проходов, а общая длина гrotов достигает 70 км). Есть другие интересные пещеры, в том числе подводные на озере Байкал, одна из которых находится в пади Средней (между пос. Листвянка и пос. Большие коты) на глубине 36 м.

С принятием Федерального закона от 14.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» были определены

принципы государственной политики в области реализации прав граждан на отдых, свободу передвижения, установлен порядок рационального использования туристских ресурсов России.

В целях реализации ст. 15 данного Закона Правительством РФ принято Постановление от 24.01.1998 «О специализированных службах по обеспечению безопасности туристов», под которой в первую очередь подразумеваются поисково-спасательные формирования МЧС России и аналогичные им подразделения, созданные на территории субъектов Российской Федерации органами исполнительной власти субъектов. Во исполнение постановления Правительства Российской Федерации МЧС России разработана инструкция по обеспечению безопасности туристов на территории Российской Федерации. Вопросы развития туристской индустрии, обеспечения безопасности туризма постоянно находятся в центре внимания органов государственной власти и делового туристского сообщества Москвы, Санкт-Петербурга, Республики Карелия, Московской, Ленинградской, Мурманской, Астраханской, Владимирской, Костромской, Тульской, Иркутской областях, Красноярском крае и ряде других субъектов Российской Федерации.

Другими словами, основным подразделением обеспечивающим безопасность туристов на территории Иркутской области является Байкальский поисково-спасательный отряд МЧС России. В состав отряда входят Иркутский и Бурятский поисково-спасательные службы с местами дислокации в н. п. Листвянка, Слюдянка, Сахюрта, Поворот, Северобайкальск, Усть-Баргузин.

В соответствии с протоколом заседания комиссии по аттестации аварийно-спасательных служб, аварийно-спасательных формирований и спасателей Сибирского регионального центра МЧС России № 4 от 24.05.2013 БПСО МЧС России аттестован на проведение 2 видов работ в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера:

- поисково-спасательные работы в зоне чрезвычайных ситуаций;
- аварийно-спасательные работы, связанные с тушением пожаров.

Начальником отряда с 2015 г. назначен Белокуров Семен Алексеевич. Всего с образования БПСО МЧС России проведено более 6 тыс. поисково-спасательных, аварийно-спасательных и других неотложных работ. Спасено около 2 тыс. человек, почти 5 тыс. пострадавшим оказана помощь.

В таблице 3 наглядно приведена статистика туристов, предпочитающих экстремальный туризм. За последние пять лет их количество заметно выросло. При этом прослеживается положительная динамика количества пострадавших туристов.

Проведя анализ представленных в таблице данных, можно сделать вывод положительной результативности работы спасательного отряда.

Статистика БПСО в отношении туристов

Годы	2015	2016	2017	2018	2019 янв-авг	Всего
Всего зарегистрировано групп в БПСО	140	135	152	123	151	701
Численность группы	1862	1716	1676	1032	1239	7525
Общее количество ПСР и АСР, связанных с туристами	70	51	71	64	58	314
Пострадавших, чел.	93	126	155	93	92	559
Спасено, чел.	28	63	80	31	45	247
Из них: детей, чел.	2	13	8	2	4	29
Иностранных туристов, чел.	1	0	0	0	1	2
Погибло, чел.	8	3	7	6	8	32
Из них: детей, чел.	1	1	0	0	0	2
Иностранных туристов, чел.	0	0	0	0	1	1
Пропало без вести, чел.	1	0	1	2	0	4
Из них: детей, чел.	0	0	0	0	0	0
Иностранных туристов, чел.	0	0	0	0	0	0
Оказана помощь, чел.	56	60	67	54	39	276
Из них: детей, чел.	4	4	16	0	15	39
Иностранных туристов, чел.	3	7	3	0	0	13

Штат Байкальского поисково-спасательного отряда МЧС России укомплектован опытными, аттестованными спасателями и специалистами, способных осуществлять широкий спектр работ по назначению. Отряд имеет необходимое оснащение, аттестован как поисково-спасательное формирование и допущен к ведению работ по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на акватории озера Байкал в прибрежной зоне горным обрамлением. Зона ответственности отряда разнообразна по типу рельефа и имеет ряд существенных особенностей. Для нее характерна и горная местность (высота до 3-х тыс. м абс.), горно-таежная местность, степь и лесостепь, болота, горные реки, акватория озера Байкал и рек, водолазные работы на малых и больших глубинах (до 60 м), технические подводные работы на глубинах до 200 м.

Спасателям отряда приходится работать в сложнейших условиях, представляющих опасность для жизни. Именно поэтому особое внимание уделяется постоянному совершенствованию знаний, умений, приобретению новых навыков работы. С этой целью в отряде проводятся учебно-тренировочные занятия, сборы, учения.

В целях предупреждения несчастных случаев на воде, льду, горно-таежной местности, лесу спасателями проводятся профилактические мероприятия. В зоне ответственности отряда в местах массового нахождения рыбаков, отдыха населения на водных объектах, в местах прохождения туристских маршрутов спасателями систематически проводятся рейды и патрулирования. В ходе рейдов ведется профилактическо-разъяснительная работа с отдыхающими на темы: «Соблюдение правил безопасности на водных объектах», «Правила поведения на льду» и другие актуальные темы.

Большое внимание уделяется профилактической работе с учащимися профильных учебных заведений, школ, вузов, с детьми, посещающими в летний период места отдыха. На открытых уроках ОБЖ детей знакомят с профессией спасателя, обучают навыкам оказания первой медицинской помощи пострадавшему, правилами поведения на воде, в лесу. Кроме того, спасатели Байкальского поисково-спасательного отряда осуществляют контроль обеспечения безопасности при проведении спортивных и других массовых мероприятий. Ежегодно спасателями поисково-спасательных подразделений Байкальского поисково-спасательного отряда МЧС России проводится более 280 профилактических мероприятий.

Основными задачами Байкальского поисково-спасательного отряда являются:

- разведка зоны чрезвычайной ситуации (состояние объекта, территории, маршрутов, выдвижение сил и средств, определение границ зоны чрезвычайной ситуации (ЧС);

- поисково-спасательные работы и эвакуация пострадавших, материальных ценностей из зоны чрезвычайной ситуации;

- разведка района возникновения чрезвычайной ситуации, эвакуации судов и плавсредств, терпящих бедствие на акватории, проведение водолазных и подводно-технических работ, спасение людей, попавших в экстремальные ситуации при осуществлении хозяйственной деятельности на акватории;

- проведение поисково-спасательных и других неотложных работ по ликвидации ЧС техногенного и природного характера в прибрежной зоне и на акватории озера Байкал, а также на Иркутском водохранилище;

- предупредительные и аварийно-спасательные работы в зонах схода снежных лавин и селей, а также работы по предупредительному спуску снежных лавин в зоне чрезвычайной ситуации;

- ликвидация ледовых заторов;

- ликвидация чрезвычайных ситуаций на автомобильном транспорте;

- газоспасательные работы (комплекс аварийно-спасательных работ по оказанию помощи пострадавшим при взрывах, пожарах, загазованности) в зоне чрезвычайной ситуации;

- проведение профилактических мероприятий в местах массового отдыха населения;

- контроль безопасности при проведении культурно-массовых мероприятий;

- патрулирование мест массового отдыха населения, дежурство в зонах отдыха, профилактические рейды в районах необорудованных пляжей.

Непосредственную роль в обеспечении безопасности туристов выполняет Агентство по туризму Иркутской области. Основной задачей данного органа исполнительной власти является отслеживание уровня качества и безопасности оказываемых услуг. Основной туристический поток в Иркутскую область представлен из туристов-граждан КНР. В соответствии с

требованиями межправительственного соглашения между РФ и КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29.02.2000, все туроператоры, имеющие право осуществлять туристическую деятельность, обязаны регистрировать все безвизовые туристические списки групп в территориальных органах Ростуризма. Для этого необходимо верно заполнить установленную форму, предоставить наименования коллективных средств размещения, сроки пребывания, страховку на весь период туристического обслуживания туристов на территории РФ в орган координации, которым в Иркутской области является Агентство по туризму. Благодаря установленному регламенту, вовремя удается выявлять недобросовестных туроператоров и ограничить им право на организацию приема туристических групп.

Следующим немаловажным органом, на которого возложены функции по обеспечению безопасности туристов на территории Иркутской области, является представительство МИД России в городе Иркутске. Основными функциями данного государственного органа исполнительной власти являются:

- обеспечение в пределах своей компетенции соблюдения принципа единства внешней политики Российской Федерации и установленного законодательством Российской Федерации общего порядка координации международных связей субъектов Федерации;

- содействие структурным подразделениям МИД России, дипломатическим представительствам и консульским учреждениям Российской Федерации, представительствам Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях в осуществлении мероприятий международного характера на территории субъектов Федерации;

- обеспечение взаимодействия МИД России с органами государственной власти субъекта, информирование их на регулярной основе по основным вопросам международного положения, внешней политики Российской Федерации;

- содействие органам государственной власти субъекта в развитии международных связей, подготовке и осуществлении мероприятий международного характера;

- содействие органам местного самоуправления, общественным объединениям и иным неправительственным организациям при осуществлении ими международных связей;

- участие в решении практических вопросов, связанных с внешней трудовой миграцией граждан Российской Федерации и использованием иностранной рабочей силы в Российской Федерации;

- содействие в установленном порядке функционированию иностранных дипломатических представительств, консульских учреждений, международных организаций и их представительств на территории Российской Федерации.

Представительство в соответствии с возложенными на него задачами:

- взаимодействует с органами государственной власти субъекта Федерации с целью обеспечения соответствия их международной деятельности целям и задачам внешней политики Российской Федерации;

- по запросам полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе представляет информацию о взаимодействии с органами государственной власти субъекта Федерации при осуществлении ими международных связей;

- оказывает содействие органам государственной власти субъекта Федерации в осуществлении международных связей, развитии международного инвестиционного сотрудничества, подготовке и осуществлении служебных зарубежных поездок, а также в работе с прибывающими иностранными делегациями;

- оформляет по заявкам органов государственной власти субъектов Российской Федерации на территории своей деятельности паспорта, удостоверяющие личность граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации, сотрудникам этих органов, направляемым ими за рубеж;

- направляет в Консульский департамент МИД России подготовленные органами государственной власти субъекта Федерации документы для оформления дипломатических и служебных паспортов в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- по ходатайству органов государственной власти субъекта Федерации оказывает содействие в получении виз иностранных государств для сотрудников этих органов, выезжающих за границу со служебными целями;

- выдает, продлевает, аннулирует и восстанавливает дипломатические и служебные визы в соответствии с законодательством Российской Федерации;

- оказывает в установленном порядке содействие функционированию иностранных дипломатических представительств, консульских учреждений, международных организаций и их представительств на территории Российской Федерации [15].

Еще одним органом, обеспечивающим безопасность туристов, является ГУ МВД России по Иркутской области. При организации различного рода мероприятий: культурных, развлекательных, познавательных, в которых задействованы российские и иностранные граждане в роли организаторов или участников, ГУ МВД России по Иркутской области принимает активное участие в обеспечении безопасности их проведения. По периметру оцепленной территории проведения мероприятия, выставляются сотрудники МВД, на входе в места проведения мероприятий, тщательной проверке подвергаются все желающие попасть туда, с целью выявления лиц возможно причастных к деятельности международных экстремистских и террористических организаций.

Управление государственного автодорожного надзора по Иркутской области также принимает активное участие в осуществлении безопасного

пребывания туристов на территории региона. Их основная задача заключается в выдаче лицензий на осуществление пассажирских перевозок. Благодаря их работе удастся предоставлять туристам только проверенный и лицензионный транспорт, который сможет обеспечить безопасную транспортировку туристов по установленному маршруту.

На основании всего изложенного можно сделать вывод о том, что на территории Иркутской области создана четкая система органов обеспечения безопасности туризма. При этом функции и задачи каждого органа четко разделены. Координирующим и надзорным органом в регионе является агентство по туризму Иркутской области. Основа его деятельности заключается в выявлении недобросовестных туроператоров и турагентств оказывающих туристические услуги. При проведении различного рода мероприятий (начиная деловыми и заканчивая культурными), агентство выступает в роли представителя Правительства региона и оказывает всю необходимую помощь и поддержку для их проведения. Взаимодействуя с территориальными органами ФСБ и МВД России и реализуя свои полномочия Агентством, в полной мере гарантированно обеспечивается безопасность жизни и здоровью туристов.

При возникновении несчастных случаев во время пеших маршрутов, или во время проведения марафонов, спортивных соревнований и иных видов экстремального туризма, оперативно и слаженно выполняют стоящие задачи сотрудники Байкальского поисково-спасательного отряда. Благодаря уровню подготовки специалистов и должному техническому оснащению, удастся своевременно оказать необходимую помощь туристам, оказавшимся в трудной ситуации, которая может нанести вред их жизни и здоровью.

Представительство МИД в городе Иркутске оказывает содействие иностранным гражданам по вопросам восстановления виз, организует взаимодействие с представителями иностранных консульских учреждений на территории Российской Федерации по восстановлению утраченных документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина в Российской Федерации, разрешает спорные и конфликтные ситуации с иностранными гражданами. А при возникновении чрезвычайных ситуаций способствует эвакуации иностранных граждан из страны. Исходя из анализа полномочий представительства, можно сделать вывод о том, что МИД входит в систему органов, обеспечивающих безопасность иностранных туристов в регионе.

В целом можно сделать вывод о том, что Иркутская область представляет собой большую территорию для развития туристической сферы, которая обладает в наибольшей степени благоприятными условиями для того, чтобы развивать и поднимать туризм региона на совершенно новый уровень.

Проведенный SWOT-анализ туристско-рекреационного потенциала Иркутской области, позволяет в полной мере увидеть картину сильных и

слабых сторон туриндустрии на данном этапе развития региона. В-первых, самым сильным фактором является богатый и притягательный мир рекреационных ресурсов. Иркутская область – это не только озеро Байкал, это также различные природные заповедники, минеральные источники, уникальные исторические места, памятники архитектуры и деревянного зодчества. Благодаря этому в регионе существует возможность развития не только познавательного или экскурсионного вида туризма, но и экстремального или приключенческого. Он включает в себя все спортивные виды туризма: лыжи, сноубординг, буерный спорт, сплав по рекам, трекинг. Благодаря наличию на территории области большого количества водных ресурсов, есть все шансы в полной мере создать популярное направление данного вида отдыха.

Вторым сильным фактором является повышение культуры обслуживания отдыхающих. Ежегодно из вузов Иркутской области выпускаются тысячи специалистов, окончивших направление подготовки, связанное с туризмом или сферой гостеприимства. Увеличивается количество рабочих мест, растет конкуренция, поэтому каждый профессионал всячески старается увеличить свою компетентность, проходя различные курсы повышения квалификации, или переподготовки, а также изучая иностранные языки. Данные действия со стороны специалистов, задействованных в туриндустрии, способствуют созданию более благоприятных и комфортных условий пребывания туристов на время их туристического маршрута.

Также к сильным факторам относятся нескончаемый рост интереса к региону, за счет его максимального продвижения на российском и международном туристических рынках. Осознание населением необходимости здорового образа жизни и экономический подъем в мире и стране так же в целом позитивно влияют на развитие туристско-рекреационного потенциала Иркутской области. Однако так же региону присущи слабые стороны, вносящие отрицательный эффект, это: природно-климатические условия, плохо развитая инфраструктура, отсутствие бренда, наличие административно-бюрократических барьеров и несовременный международный аэропорт города Иркутска.

Несмотря на наличие отрицательных факторов, система обеспечения безопасности туризма работает довольно эффективно. Говоря о безопасности туризма, следует уделить внимание тому фактору, что в большей степени обеспечение безопасности относится к индивидуальным туристам, которые приезжают в Иркутскую область с целью экстремального туризма. Наличие в регионе различных рельефов местности и многообразие природы позволяет максимально результативно заниматься приключенческим туризмом. Это направление со временем становится все более и более востребованным у европейских туристов. Наибольшим спросом на оказание туристических услуг пользуется летний сезон. Территорию Иркутской области посещают тысячи любителей экстремальных и пеших маршрутов по горной местности, а значит органы исполнительной власти,

в чью компетенцию входит обеспечение безопасности туристов, всегда владеют и отслеживают обстановку на туристических маршрутах, оперативно реагируют на изменение ситуации.

Система органов, обеспечивающая безопасность в туризме Иркутской области, состоит из следующих структур:

- 1) Байкальский поисково-спасательный отряд МЧС России;
- 2) Агентство по туризму Иркутской области;
- 3) Представительство МИД в городе Иркутске;
- 4) ГУ МВД России по Иркутской области;
- 5) Управление государственного автодорожного надзора по Иркутской области.

При возникновении чрезвычайных ситуаций или несчастных случаев, проведении общественно важных мероприятий в регионе органы исполнительной власти региона и территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, в чью компетенцию входит обеспечение безопасности туристов, принимают полный спектр мер по предотвращению гибели и травматизма туристов, обеспечивают их спасение и эвакуацию. Благодаря их скоординированной деятельности туристические продукты Иркутской области считаются безопасными, что, в свою очередь, делает их привлекательными и востребованными среди туристов.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V Междунар. науч.-практ. интернет-конф. : в 2 ч. Вологда, ВолНЦ, 2020. С. 205–209.
2. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 70–74.
3. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
4. Борисова Ю. В., Беляева Е. С. Влияние динамики предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти (на примере Иркутской области) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 45. С. 120–134
5. Борисова Ю. В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян // Социология. 2018. № 2. С. 97–103.
6. Борисова Ю. В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) (научная монография). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 170 с.
7. Борисова Ю. В. Стратегическое развитие территории // Социология. 2018. № 3. С. 87–93.
8. Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 315–318.
9. Заварзина Ю. В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 111–119.

10. Заварзина Ю. В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.

11. Малых С. В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях : сб. науч. материалов Всерос. (заоч.) с междунар. участием науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск : СибГУКИ, 2018. С. 643–646.

12. Москвитина Н. В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019. С. 198–201.

13. Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 158–161.

14. Москвитина Н. В., Кадыш Р. М. Основные перспективы развития и консолидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 399–402.

15. Полошкевич О. А. Территория как символ консолидации Байкальского региона // DIXI-2017: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. ун-т экономики права. Хабаровск : ХГУЭП, 2017. С. 129–135.

УДК 101.34
ББК 60.32

Н. В. Москвитина, *Иркутск*

Социальное моделирование внутреннего туризма после пандемии COVID-19 (на примере Иркутской области)

В статье анализируются особенности формирования внутреннего туризма после пандемии COVID-19. Рассматриваются особенности регионального туризма на примере Иркутской области. Приводятся результаты социологического исследования посвященного приоритетам внутреннего туризма жителей Иркутской области.

Ключевые слова: внутренний туризм, пандемия COVID-19, отдых, общественное мнение.

N. V. Moskvitina, *Irkutsk*

Social modeling of domestic tourism after the COVID-19 pandemic (on the example of the Irkutsk region)

The article analyzes the features of the formation of domestic tourism after the COVID-19 pandemic. The features of regional tourism are considered on the example of the Irkutsk region. The results of a sociological study devoted to the priorities of domestic tourism in the Irkutsk region are presented.

Keywords: domestic tourism, COVID-19 pandemic, recreation, public opinion

Пандемия COVID-19 изменила условия работы и отдых для миллионов людей. Особенно остро на себе ее последствия почувствовали туристические фирмы, так как были введены внешние ограничительные меры со стороны государств (что остановило внешний туризм) и субъективные внутренние переживания граждан РФ, вызванных страхом заражения (что ограничило внутренний туризм).

Но при этом роль туристической отрасли в мире постоянно возрастает, что связано со значительным уровнем ее влияния на социально-экономическое положение отдельной страны. Развитие туристической сферы позволяет современным государствам добиваться подъема национальной экономики. В современных условиях экономического кризиса развитие туристической индустрии, формирование туристической привлекательности территорий является одним из стратегических направлений социально-экономической деятельности современных государств. Индустрия туризма становится одной из ведущих отраслей мирового хозяйства [7]. По данным отчета Всемирного совета по туризму и путешествиям, совокупный вклад туризма в мировой валовой внутренний продукт оценивается на уровне 10,4 %, или около 8,3 трлн долл. США (3,2 % – оценка прямого вклада туризма без учета косвенных и индуцированных эффектов на экономику), при этом 1 из 10 рабочих мест в мире создается в туристском секторе. Прямой вклад туризма в государствах-членах Организации экономического сотрудничества и развития, согласно отчету о трендах и политике в области туризма за 2019 г., в среднем составляет 10,3 % в валовой внутренний продукт, 3,8 % от общей занятости в мире, 21,7 % – в объеме экспорта услуг [2]. Туризм остается одной из крупнейших статей международной торговли в несырьевом секторе. По данным Всемирной туристской организации, экспорт туристского сектора занимает третье место в мировом экспорте после химикатов и топлива, обогнав продукцию автопрома. Для большинства развитых стран туризм – лидирующая статья в экспорте.

Непосредственно в Российской Федерации стратегическое развитие туризма направлено на повышение качества жизни людей путем повышения стандартов безопасности и жизнеобеспечения; развитие технологий и инновационной системы, а также здравоохранения, науки, культуры и целесообразное использование природно-ресурсного потенциала страны. В то же время туристический бизнес развивается на территории страны достаточно неравномерно. На состояние туристической отрасли в отдельных российских регионах оказывает влияние сочетание двух факторов: естественные природно-климатические особенности и исторические преимущества, а также сложившаяся в регионе система управления рекреационной сферой и поддержки развития последней.

Иркутская область обладает достаточно благоприятными естественными условиями для развития на ее территории туристического бизнеса. Уникальным туристическим объектом Иркутской области является Байкал – объект всемирного наследия ЮНЕСКО. Красота и самобытность

самого озера и природы прилегающей к нему территории создает естественный потенциал для развития туристического бизнеса в регионе.

Иркутская область является одним из лидеров среди регионов Сибирского Федерального округа по численности размещенных лиц в коллективных средствах размещения и входит в первую десятку регионов-лидеров по приему туристов в России, что обусловлено наличием на территории региона уникальных природно-рекреационных ресурсов, в первую очередь, озера Байкал, а также значительным культурно-историческим потенциалом и разнообразием этнических культур. К основным территориям, на которых идет развитие туризма, относятся районы (Иркутский, Ольхонский, Слюдянский) прилегающие к озеру Байкал, а также г. Иркутск [6].

Приоритетными направлениями развития являются экологический, этнографический, активный, деловой, событийный, сельский, водный и круизный, детский, социальный, самодельный туризм, также развитие санаторно-курортного комплекса. В 2019 г. Иркутская область сохранила 13-е место в рейтинге туристической привлекательности среди регионов России, входит в топ-10 самых популярных у иностранных туристов городов и регионов России [1].

Итоги Национального туристического рейтинга – 2019 представлены в табл. 1.

Таблица 1

Итоги Национального туристического рейтинга – 2019

Место	Наименование субъекта РФ	Общее количество баллов
1	Город федерального значения Москва	114,7
2	Город федерального значения Санкт-Петербург	113,7
3	Московская область	111,4
4	Краснодарский край	110,2
5	Республика Крым	103,6
6	Алтайский край	102,5
7	Приморский край	101,8
8	Республика Татарстан	101,3
9	Республика Башкортостан	100,8
10	Свердловская область	100,2
11	Нижегородская область	99
12	Ставропольский край	94,3
13	Иркутская область	92,5
14	Челябинская область	89,2
15	Ростовская область	89
16	Новосибирская область	88,5
17	Ленинградская область	88,4

Ме-сто	Наименование субъекта РФ	Общее количество баллов
18	Тверская область	85,3
19	Тюменская область	84,8
20	Самарская область	84,2

Итак, в первую группу рейтинга – «золотую двадцатку» – вошли регионы с 1-го по 20-е место включительно. Основные показатели, характеризующие развитие внутреннего и въездного туризма в Иркутской области, имеют положительную динамику и отражены в табл. 2.

Таблица 2

Основные показатели, характеризующие развитие туристской деятельности в Иркутской области

Показатель	2016	2017	2018	2019	Динамика, %
Объем туристического потока в Иркутскую область, тыс. чел.	1525,8	1597,8	1655,8	1728,3	4,4
Количество иностранных туристов, тыс. чел.	156,8	211	295,3	367,8	24,6
Объем предоставляемых платных услуг в туристско-рекреационной сфере, млн руб. из них	5370,6	5605,5	6238,3	7000,8	8,1
Туристические услуги	1957,5	2153,6	2601,7	2837,9	17,5
Санаторно-оздоровительные услуги	1499	1363	1484,3	1572,9	1,5
Услуги гостиниц и аналогичных средств размещения	1914,1	2153,6	2152,3	2590,0	3
Сумма налоговых поступлений от деятельности гостиниц и ресторанов и туристических агентств в консолидированный бюджет Иркутской области	643,5	759,2	883,6	997,1	14,6

Основой туристско-рекреационного потенциала, безусловно, является озеро Байкал, включенное в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО.

Это не только природный феномен, но и сокровищница материальной и духовной культуры Центральной Азии. Наиболее популярными местами отдыха у жителей и гостей Иркутской области являются территории, прилегающие к озеру Байкал (Иркутский район (пос. Листвянка, пос. Большое Голоустное), Ольхонский район (побережье Малого Моря и о. Ольхон), Слюдянский район (г. Байкальск, г. Слюдянка, пос. Утулик, пос. Култук), территории вдоль береговой линии Братского водохранилища (Осинский, Нукутский, Братский районы), а также г. Иркутск. К приоритетным видам туризма и отдыха в Иркутской области можно отнести: экологический, этнографический, событийный, активный, водный и круизный, деловой

туризм, гастрономический туризм. Также в регионе имеется хорошая база для лечебно-оздоровительного туризма.

По данным управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Иркутской области количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, без учета приехавших с целью работы или учебы увеличилось в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 24,6 % и составило 367,8 тыс. человек [5].

Уже несколько лет Китай лидирует среди иностранных граждан по посещению Байкальского региона. Развитие и рост туристского потока из КНР начался в 2014 г., и этому послужило несколько причин:

1) санкции против Российской Федерации, которые оказали огромное влияние как на внутреннее состояние экономики страны, так и на внешне-экономические связи;

2) девальвация рубля с 30 до 65 руб. за доллар, что положительно сказалось на динамике туристского потока из-за рубежа вообще и из КНР в частности, потому что поездка на Байкал стала гораздо дешевле в долларовом эквиваленте;

3) укрепление взаимных связей между двумя странами; культурно-исторические связи Китая и России.

Что касается Иркутской области, то именно китайские туристы стали чаще ездить на Байкал. Так, по данным агентства по туризму Иркутской области, в 2018 г. область посетило 55 400 китайских туристов, что составляет всего 0,07 % от общего турпотока из КНР, и 8,3 % от турпотока китайских граждан в Россию. У граждан Китая туризм по России занимает 14-ю строчку в рейтинге популярности.

Один из самых популярных сайтов в Китае по туризму, где ищут туры, заказывают гостиницы, экскурсии и т. д., составил рейтинг по запросам просмотров самых популярных направлений в Россию из Китая.

На первом месте по просмотрам оказался Байкал, а затем уже Москва, Санкт-Петербург, Владивосток, Иркутск, Мурманск, Сочи, Новосибирск, Екатеринбург, Казань. Туризм оказывает положительное влияние на развитие экономики и позволяет развивать много смежных отраслей. Развивается гостиничный, ресторанный, строительный, инфраструктурный бизнес и т. д.

Приток китайских туристов влияет на развитие Байкальского региона. С увеличением количества гостей из КНР местные жители стали задумываться о специфике предоставления услуг китайским туристам: больше уделяется внимания экскурсиям на китайском языке, питанию, сувенирам. Специалисты со знанием китайского языка очень востребованы в туристской отрасли и легко могут найти работу в этой сфере. Многие кафе, аптеки и магазины дублируют вывески на китайском языке [6]. Русская культура и природа также являются привлекательным фактором для туристов не только из Китая, но и из других стран и внутренних регионов самой России.

Следовательно, востребованность Байкальского региона у туристов будет возрастать. По оценочным данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области, за 2019 г. объем платных услуг в туристско-рекреационной сфере увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 8,1 %.

Объем платных услуг в туристско-рекреационной сфере составил 7000,8 млн руб., в том числе туристские услуги выросли на 17,5 % и составили 2837,9 млн руб., услуги гостиниц и аналогичных средств размещения выросли на 3,0 % и составили 2590,0 млн руб., услуги специализированных организаций (санаторно-курортные организации, организации отдыха, турбазы и т. п.) выросли на 1,5 % и составили 1572,9 млн руб.

По оценочным данным, сумма налоговых поступлений в консолидированный бюджет Иркутской области от деятельности по размещению посетителей, по предоставлению услуг общественного питания, от деятельности туристических агентств и туроператоров за 2019 г. увеличилась по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 14,6 % и составила 997,1 млн руб. (2018 г. – 869,9 млн руб.).

По оценочным данным, сумма налоговых поступлений от туристско-рекреационной деятельности в консолидированный бюджет Иркутской области, исчисленная согласно приказу Министерства культуры Российской Федерации от 25 марта 2016 г. № 687 «Об утверждении собирательной классификационной группировки видов экономической деятельности «Туризм» (собирательная классификационная группировка объединяет 12 группировок ОКВЭД и используется для целей формирования статистической информации с 1 января 2017 г.), увеличилась по сравнению с прошлым годом на 4,8 % и составила за 2019 г. 9103,1 млн руб. (2018 г. – 8690,3 млн руб.).

В настоящее время на территории Иркутской области осуществляют деятельность 133 туроператора, включенных в Единый федеральный реестр туроператоров, функционируют 538 коллективных и иных средств размещения (далее – КСР), в том числе: 259 гостиниц, 72 хостела, 181 база отдыха и 26 санаториев.

В Иркутской области к началу 2019 г. действовало 374 отеля, гостиницы, пансионаты, кемпинги, базы отдыха, санатории, турбазы, что на 42 больше, чем годом ранее. Об этом 18 июня 2019 г. сообщает Иркутскстат.

Из всех коллективных средств размещения 37 % (140) принадлежат индивидуальным предпринимателям, остальные (234) – юридическим лицам. Больше половины – 53 % – находились на упрощенной системе налогообложения, 26 % – на общей, 20 % использовали единый налог на вмененный доход и лишь 1 % – на патентной системе.

Основная доля гостиниц и других организаций гостиничного типа расположена в Иркутске, Иркутском районе, в Байкальске, Братске, Ангарске и Саянске.

В 2018 г. сертификат на классность получила 21 гостиница, из них 3 звезды – девять, 4 и 2 звезды – по шесть.

Коллективные средства размещения имеют в среднем по 30 номеров (66 мест). В общем номерном фонде доля номеров высшей категории составляет 7,6 %, номеров, приспособленных для проживания людей с ограниченными возможностями, – 0,8 %. Средняя площадь одного номера – 18 кв. м. Имеющиеся места используются не вполне эффективно, уровень заполняемости – в среднем 27 %. Большинство – 84 % – функционировали круглогодично и только 16 % – сезонно, в основном это специализированные средства размещения (базы отдыха, кемпинги).

За год было размещено 933,4 тыс. человек. Амбулаторно-курортное лечение получили 3,2 тыс. человек. В целом обслужено 936,7 тыс. человек, из них пятая часть – в специализированных средствах размещения.

Каждый третий гость прибыл с деловыми (профессиональными) целями, но доминируют личные мотивы (68 %). В общем числе иностранцев, воспользовавшихся услугами гостиниц, турбаз и отелей, 65 % – граждане Китая, 8,7 % – Германии, 5,5 % – Кореи, 2,6 % – Франции, 1,6 % – Монголии, 1,5 % – Японии. Хотя иррациональные мотивы посещения различных мест региона также имеют место быть [3,4].

Доходы от предоставленных услуг и затраты на них в расчете на одно коллективное средство размещения составили 12,4 и 11,3 млн руб. соответственно (на 2,0 % и на 1,7 % меньше, чем в предыдущем году).

Из 538 КСР классифицировано 74, из них: категорию «пять звезд» имеет 1 КСР, категорию «четыре звезды» – 11 КСР, категорию «три звезды» – 20 КСР, категорию «две звезды» – 18 КСР, категорию «1 звезда» – 6 КСР, категорию «без звезд» – 18 КСР [5].

В ноябре 2019 г. два иркутских отеля стали призерами Национальной гостиничной премии – 2019: отель Sayen занял 2-е место в номинации «Лучшая концепция малого отеля», исторический отель «Централь» – 3-е место в этой же категории. Среди лучших современных ресторанов отелей – ресторан авторской кухни «Стрижи» (2-е место).

Современные тенденции на рынке общественного питания и ресторанного дела можно объединить в следующие группы:

1. Научный подход к питанию с позиции сбалансированного обеспечения организма необходимыми веществами. Под воздействием повышения уровня знаний в вопросах питания произошли серьезные изменения в характере питания большой массы населения в развитых странах Запада.

2. Борьба с алкоголизмом и курением. В мире широко ведется борьба против алкоголя и курения, признанными главными врагами здоровья человека. Запреты на курение вводятся повсеместно и до такой степени, что курильщики могут курить только в строго отведенных местах и дома. Максимально ограничено действие рекламы табачных и алкогольных изделий.

3. Увеличение потребления экологически чистых продуктов. Увеличивается употребление экологически чистых продуктов, так как в послед-

нее время продукты, выращиваемые с использованием большого количества синтетических минеральных удобрений, наносят вред здоровью человека. Приготовление экологически чистой пищи происходит с использованием натуральных продуктов. Продается продукция, полученная в экологически чистых районах, приготовленная с использованием экологических технологий. Помимо этого вся потребляемая пищевая продукция должна иметь маркировку, с обозначением всех используемых в ней ингредиентов (особенно в консервированных продуктах).

4. Углубление специализации ресторанного бизнеса. Наряду с традиционными полносервисными ресторанами стали появляться специализированные рестораны с сокращенными набором блюд.

5. Создание необычных ресторанов и настоящий бум.

Для привлечения туристов создаются новые экзотические заведения со специфическим оформлением, музыкальным сопровождением, меню, а также увлекательной легендой. В таком заведении можно проводить презентации, выставки, показы фильмов, концерты и вечеринки.

6. Развитие ресторанов быстрого обслуживания. Предприятия фаст-фуда становятся все более многочисленными и многообразными. Они характеризуются небольшим средним чеком, ограниченными по ассортименту меню, иногда – наличием обслуживания, чаще всего располагаются в деловых или торговых центрах, а также офисных зданиях. Заведение фри-фло (free-flow), в которых подразумевается свободное перемещение по торговому залу. Здесь низкий средний чек, большой выбор готовых или приготовленных перед гостем блюд, высокая пропускная способность. Быстрый и демократичный формат фаст-кэжуал (fast-casual), находящийся между фаст-фудом и демократичным рестораном. В таких предприятиях гораздо вкуснее и разнообразнее меню и сочетается оно с быстрым обслуживанием.

7. Образование международных ресторанных цепей. В начале 80-х годов в развитых странах возникла и стала складываться тенденция, наблюдающаяся и в настоящее время. Она характеризуется созданием объединенных предприятий общественного питания в сети и образованием больших конгломератов.

8. Развитие сети малых предприятий. Развитие малых предприятий ведет к доступности ресторанов для всех слоев населения. Такие заведения обычно располагаются повсеместно, имеют небольшие размеры, предоставляют небольшой ассортимент блюд.

9. Внедрение нового технологического оборудования.

В холодильном оборудовании также произошли значительные изменения: созданы агрегаты для быстрого замораживания продуктов и вакуумной упаковки.

10. Внедрение новых компьютерных технологий в ресторанный бизнес. Внедрение новых компьютерных технологий позволяет вести кон-

троль за управлением, меню, финансами, наймом рабочей силы, производством, обслуживанием, оплатой труда и т. д.

Компьютеры хранят в своей памяти значительные объемы данных и способны предоставлять точную информацию в любой момент, когда требуется. В процессе эволюционного развития рестораны перенесли свое внимание с меню и планирования рационов на планирования прибыльности в целом, что в итоге привело к обращению всех взоров к компьютерам. Автоматизированные системы управления в ресторанном бизнесе быстро становятся частью нашей повседневной жизни [9]. Не менее интересен тренд, в котором краеугольный камень маркетинга и продвижения лежит на личности ресторатора. И, наконец, еще одна тенденция, связанная с современным посетителем ресторана, будь то турист или местный житель. Современный гость находится в постоянном движении, почти не имеет свободного времени, он хорошо информирован и всегда на связи. Эти тенденции показывают, что при организации и развитии ресторанного бизнеса нужно эффективно отслеживать и учитывать изменения внешней среды, эволюции рынка и потребителя [11].

Таким образом, в силу тенденций, обусловленных мировым развитием экономики, а также возрастающей роли туризма в экономике России можно сделать вывод, что перспективы туристского потенциала Иркутской области, безусловно, существуют. В перспективе следует вести продуманную политику продвижения туров за рубеж; в программу шоп-туров, популярных сегодня у туристов, максимально вовлекать туристские объекты региона, формировать новые туристские предложения в сфере экологического, этнического, делового и иных видов туризма.

Характеристика туристических туров в Иркутской области

Основой туристского потенциала Иркутской области является озеро Байкал, природные красоты которого привлекают туристов в этот регион. Согласно рейтингам, составленным аналитическим агентством «ТурСтат»:

– XVI Международный фестиваль зимних игр на Байкале «Зимниада-2019» вошел в топ-5 событий в России начала весны, критериями послужили популярность и уникальность мероприятий;

– Байкал вошел в топ-3 самых желанных мест для отдыха на Новый год 2020.

Это крупнейшее пресноводное озеро земного шара, оно занимает особое место среди богатств Сибири.

Байкал – удивительное творение природы, с чрезвычайно чистой, очень прозрачной водой. Весной, после освобождения ото льда, прозрачность его воды достигает 40 метров вглубь – в десятки раз больше, чем во многих других озерах.

По рейтингам, представленным к сезону активного отдыха 2019 г. российским сервисом бронирования жилья для отдыха Tvil.ru:

– поход по побережью Байкала назван в пятерке самых привлекательных маршрутов для трекинга и активного отдыха по результатам опроса туристов в социальных сетях;

– г. Байкальск вошел в пятерку городов, которые пользуются наибольшей популярностью для отдыха на озерах России этим летом по данным оплаченных заявок (броней) на проживание с 1 июня по 31 августа 2019 г.;

– Байкал вошел в топ-10 лучших мест для отдыха с детьми летом по результатам интернет-опроса ко Дню защиты детей;

– Прибайкальский национальный парк входит в топ-3 природных парков России популярных для экологического туризма по количеству туристских посещений;

– оз. Байкал вошло в десятку самых лучших маршрутов для автопутешествий у туристов по результатам опроса пользователей социальных сетей ко Дню автомобилиста;

– оз. Байкал лидирует (37,18 %) в рейтинге водоемов России, куда стоит отправиться за фотогеничными зимними пейзажами. Тройку самых красивых зимних озер России также составили оз. Рица в Абхазии (28,21 %) и Онежское озеро в Республике Карелия (10,26 %);

– оз. Байкал вошло в десятку самых желанных мест для путешествий в 2020 г. 44,44 % опрошенных хотели бы отправиться в новом году на Байкал, 29,37 % – на розовое озеро Сасык-Сиваш в Крыму, 7,94 % – в горный парк «Рускеала» в Карелии, 4,76 % – в Стекланную бухту во Владивостоке, 3,97 % – в село Териберка в Мурманской области, 3,17 % – в заповедник Утриш в Краснодарском крае [2].

Один из самых популярных видов туризма на Байкале – это экотуризм. Теплые бухты, красивейшие природные ландшафты, живописные тропы – вот чем действительно богата Иркутская область, здесь сосредоточено 7 % российских особо охраняемых природных территорий: Прибайкальский национальный парк, Байкало-Ленский и Витимский заповедники, 16 заказников федерального, регионального и местного значения, ботанический сад, 77 памятников природы. В Байкальске готовится к открытию экотропа «Сказочная», построенная волонтерами. Новый туристический маршрут начинается на горе Соболиная, ведет через густой лес и уходит за перевал, где виднеются горные пики Хамар-Дабана. Пешеходная зона нового маршрута представляет собой земляную тропу, обвитую извилистыми корнями столетних деревьев, с каменистыми ступеньками, папоротниковыми долинами, длинноногими деревьями-великанами, корягами причудливых форм, пнями с густым мхом. Строительство тропы «Сказочная» проходило при поддержке администраций Слюдянского района и города Байкальска. Это первый результат совместной работы по развитию всесезонного туризма в Байкальске и формированию уникального туристического продукта на территории Слюдянского района, акцентированного на экотуризм и активные виды отдыха.

Имеется хорошая база и для лечебно-оздоровительного туризма: на территории Иркутской области расположены 6 озер с ценными запасами лечебной грязи, выявлены 230 скважин и родников, 25 месторождений лечебных минеральных вод.

Познавательный туризм. Одним из самых посещаемых гостями области мест является Кругобайкальская железная дорога, откуда открываются потрясающие виды на озеро и его окрестности. Это удивительное инженерное сооружение является памятником истории XIX в. На действующем сейчас пути находится 38 туннелей общей длиной 9063 м, 15 каменных галерей общей длиной 295 м и 3 железобетонных галереи, 248 мостов и виадуков, 172 памятника архитектуры.

Также популярен среди туристов остров Ольхон – самый крупный на озере Байкал. По бурятским народным преданиям, остров Ольхон – место заповедное и мистическое; по сей день его называют действующим центром шаманизма. В целом Ольхонский район обладает природным потенциалом, наиболее высоко ценимым во всем мире: он отличается чистотой воздуха и тем, что на большей части его территории не нарушены первозданность и самобытность рекреационных ресурсов.

В последнее время значительно возрос интерес к зимнему отдыху на Байкале: это и зимняя подледная рыбалка, фото-видео сафари, буерный спорт, пешие переходы, подводные погружения, мото- и автопробеги, конные маршруты [10].

Хребты Хамар-Дабан, Приморский, Северо-Байкальский, отроги Саян, Олхинское плато – уникальные места не только для альпинизма, но и для занятия горнолыжным спортом. Реки Утулик, Иркут и Снежная открывают широкий простор для спортивных и коммерческих сплавов.

Байкал – это природный уникум, озеро-море, воспетое в легендах и сказаниях древности, место пересечения путей многих народов и один из центров азиатской культуры. «Святое море», «Святое озеро», «Святая вода» – так называли Байкал с незапамятных времен и продолжают называть поныне и местные жители, и путешественники, преклоняясь перед его красотой.

Бренды Иркутской области: Купеческие кварталы в центре Иркутска и мост через Ангару, Кругобайкальская железная дорога, Иркутская слобода (130 квартал), озеро Байкал, остров Ольхон и скала Шаманка – включены в проект «Живое наследие», в котором собрано порядка 1000 наиболее значимых культурных брендов со всех регионов России.

В Иркутской области каждый год проходят национальные праздники и фестивали, многие из них при поддержке регионального правительства. Финансирование программы «Реализация государственной национальной политики в Иркутской области» на 2020 г. составляет 46,1 млн руб., из них 42,6 млн руб. – средства областного бюджета, 3,5 млн руб. – федерального. В том числе правительством региона проводится ряд конкурсов по поддержке социально значимых проектов.

Эти достижения обусловлены наличием на территории региона уникальных природно-рекреационных ресурсов, значительным культурно-историческим потенциалом, разнообразием этнических культур, а также достаточно развитым транспортным сообщением с крупнейшими городами Российской Федерации и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, более чем 50-летним опытом, позволяющим принимать гостей со всего мира.

Также в 2020 г. мы провели социологическое исследование, направленное на изучение мнения Иркутской области о внутреннем туризме. В исследовании приняло участие 830 человек в возрасте от 18 до 70 лет, занимающих разное социально-экономическое и демографическое положение в обществе. Из них 58 % женщин и 42 % мужчин.

После пандемии COVID-19, жители Иркутской области предпочитают внутренний туризм, внешнему (68,4 и 31,6 % соответственно). Объясняют данное распределение большей безопасностью (36,2 %), доступностью (30,1 %), проверенностью (24,7 %) и 9 % указали на какие-то другие причины.

Также, внутренний туризм может быть как организованным (покупка туров, круизов и т. д.) и диким (палатки, походы и т. д.), что позволяет делать сегментацию и дифференциацию по доходу, социальному престижу, транспортной готовности и физической подготовке.

Среди жителей Иркутской области отдыхать организовано предпочитают 43,6 % опрошенных, среди них доминируют люди старшего возраста (74 %). Также больше женщин, чем мужчин (72,2 % и 27,8 % соответственно).

Те же, кто предпочитают не организованные виды досуга:

1) *ходят в походы в горы* (Саяны) – 24,6 % (в основном доминируют представители младшего (62,5 %) и среднего (55,2 %) возраста, при этом больше женщин (64,3 %), чем мужчин (35,7 %));

2) *делают сплавы по рекам* (Китой, Ангара, Иркут, реже Лена) – 22,5 % (в основном представители среднего возраста (72,3 %), младший возраст также присутствует (46,3 %), но в данной группе преобладают мужчины (78,3 %), тогда как женщин всего лишь 21,7 %;

3) *совершают автопробеги* (вокруг Байкала, по тайге) – 16,5 %, представители среднего (47,8 %) и старшего (44,5 %) возраста, в основном мужчины (88,3 %) и женщины (11,7 %);

4) *ездят на охоту в тайгу* – 14,3 %, представители среднего (43,2 %) и старшего (57,1 %) возраста, больше мужчин, чем женщин (63,5 и 28,9 % соответственно).

5) *ездят на рыбалку* – 12,5 %, представители среднего (54,4 %) и старшего возраста (62,3 %), больше мужчин, чем женщин (59,1 и 33,1 % соответственно).

6) *иные путешествия* (конные, пешие ледовые походы по Байкалу) – 9,6 %, в основном распространены среди молодежи (73,3 %), старший и средний возраст представлен значительно меньше (10,1 и 16,6 % соответственно), мужчин и женщин примерно одинаково (51 % мужчин и 49 % женщин).

Опрошенные нами жители Иркутской области предпочитают отдыхать в компании друзей (46,2 %) или семьи (44,1 %) и только 9,7 % опрошенных предпочитают отдых в одиночестве.

Таким образом, Иркутская область имеет огромный туристско-рекреационный потенциал, который имеет важнейшее значение для инвестиционного процесса. Наличие разнообразных туристско-рекреационных активов региона позволяет развивать практически все виды туризма.

Особенности географического расположения, наличие природных или культурно-исторических ресурсов, существующие на территории области «транспортные «хабы», которые по сути являются основными «точками входа» туристов на территорию (г. Иркутск и потенциально г. Братск), уровень развития существующей экономики и ее перспективы, а также ряд других факторов определяют возможности муниципальных образований Иркутской области по созданию конкурентоспособного туристического предложения.

Список литературы

1. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).
2. Всемирный совет по туризму и путешествиям : офиц. сайт. . URL: <https://wiki2.org/ru> (дата обращения: 08.01.2021)
3. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
5. Заварзина Ю. В. Ресурсность территории: социальная сущность кластерного развития регионального туризма // Социология. 2020. № 3. С. 190–198.
6. Заварзина Ю. В. Социальные последствия кластерного развития регионального туризма (на материалах Иркутской области): учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2020. 166 с.
7. Заварзина Ю. В., Батьянова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полощкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 315–318.
8. Заварзина Ю. В. Правовые, социальные и естественные предпосылки формирования территориального развития // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 221–226.
9. Москвитина Н. В. Условия развития агротуризма на территории Байкальского региона // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. Иркутск, 2018. С. 157–160.
10. Москвитина Н. В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конференции. 2019. С. 198–201.
11. Москвитина Н. В., Кадыш Р. М. Основные перспективы развития и консолидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 399–402.

Инновация как фактор развития туристической отрасли Иркутской области

Рассмотрена важность применения инноваций в развитии туристической сферы с учетом определенных условий, влияющих на туризм как в Иркутской области, так и в России в целом. Дано понятие «инновация» и определены основные направления ее разработки в туристической индустрии.

Ключевые слова: инновация, сфера туризма, инновации в туризме, коронавирус, туризм Иркутской области.

R. R. Salimgoreeva, *Irkutsk*

Innovation as a factor in the development of the tourism industry of the Irkutsk Region

This article considers the importance of applying innovations in the development of the tourism sector, taking into account certain conditions that affect tourism both in the Irkutsk region and in Russia as a whole. The concept of “innovation” is given and the main directions of its development in the tourism industry are defined.

Keywords: innovation, tourism, innovations in tourism, coronavirus, tourism of the Irkutsk region.

В современных реалиях все мировое сообщество столкнулось с внезапно опасным вирусом COVID-19, вследствие чего многие социально-экономические сферы жизнедеятельности людей подверглись серьезным изменениям. Вирус распространился по всему миру, что стало причиной локдауна во многих странах. Поэтому одной из первых почувствовала проблемы туристическая отрасль, в таких условиях все участники туристических услуг понесли серьезные убытки. Всем туроператорам пришлось прервать текущие туры и перенести запланированные на неопределенный срок. А для России возвращение всех своих граждан на родину стало причиной первой вспышки вируса, что повлекло за собой двухнедельную самоизоляцию всей страны. Со временем ситуация стала приходиться в норму, точнее были сняты некоторые «ковидные ограничения» установленные государством, поэтому люди смогли вновь вернуться к путешествиям, с соблюдением всех мер эпидемиологической обстановки.

По данным Ростуризма, доля туризма в ВВП РФ не превышает 3,4 %, тогда как в мире такой показатель варьируется до 10 %. Что касается рассматриваемой нами области, то по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области на 2019 г. наиболее распространенным стал выездной туризм, его удельный вес в общем количестве проданных населению турпакетов составил 66 % (100 % – 91 213 турпакетов). На внутренний туризм пришлось 21 %, на въездной – 13 %. Большинство туристов из числа российских граждан (91 %) выезжали за рубеж чаще всего страны Азии. Остальные совершали туры по России, в основном (83 %) не покидая нашей области. [3] Данные показатели, говорят нам о том, что туризм Иркутской области нужно развивать в соответствии с настоящим условиями, в том числе пандемии ко-

ронавируса. Иркутская область одна из немногих у кого огромный потенциал стать востребованным местом отдыха среди туристов, для того чтобы туристический бизнес развивался необходимо применение инноваций в сфере туризма.

Современный туризм считается важной частью социально-экономической деятельности для человека и представляет собой некий комплекс из определенных событий и взаимоотношений. Для его развития важно разрабатывать и внедрять инновации, ведь с их помощью можно возможно полное удовлетворение на спрос высококачественных услуг в сфере туризма. Впервые термин «инновации» бы применен в начале XX в. экономистом Йозефом Шумпетером он говорил, что инновация это ничто иное, как «изменения в целях реализации и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности». [1] На сегодняшний день в научной литературе существует множество определений данного понятия, но как зарубежные, так и отечественные исследователи не смогли прийти к общему мнению понятия данного определения. В нашей работе мы остановимся на определении понятия «инновация» данное в ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О науке и государственной научно-технической политике», а именно «введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях». [4] Говоря об инновациях в туристической сфере, мы предполагаем создание абсолютно нового или изменение уже существующего товара/услуги.

Основываясь на положениях Всемирной торговой организации, инновации в туризме развиваются по таким направлениям: [1]

- 1) инновации, связанные с развитием субъектов туристической сферы;
- 2) маркетинговые инновации, с помощью которых появляется возможность определить целевые аудитории и понять их потребности;
- 3) инновации, направленные на позиционирование продуктов.

Инновации в туристической сфере – это создание или усовершенствование туристических маршрутов; поиск новых способов представлений туристических объектов; модернизация возможности передвижения от одной туристической зоны в другую; развитие компетентности персонала, занятого в туристической сфере; использование современных маркетинговых и PR-технологий, которые станут основой продвижения продукта и т. д. Для Иркутской области такие изменения могут стать большой возможностью по привлечению туристов, конечно, нельзя забывать о природе этой местности, поэтому важно проработать инновации связанный с экологической сохранностью. Отдельно нужно сказать о реализации новых приемов обеспечения безопасности посещение туристических зон, а также безопасности по борьбе с коронавирусной инфекцией, во много это будет связано применением технологически-информационных систем, что поз-

волит минимизировать контакты по приобретению того или иного товара или услуги. Например, бесконтактные технологии, дезинфекция для багажа туриста, система автоматических платежей, социальное дистанцирование в ресторанах и кафе и т. д.

Один из самых популярных видов туризма на Байкале – это экотуризм. Теплые бухты, красивейшие природные ландшафты, живописные тропы – вот чем действительно богата Иркутская область, здесь сосредоточено 7 % российских особо охраняемых природных территорий: Прибайкальский национальный парк, Байкало-Ленский и Витимский заповедники, 16 заказников федерального, регионального и местного значения, ботанический сад, 77 памятников природы. В Байкальске готовится к открытию экотропа «Сказочная», построенная волонтерами. Новый туристический маршрут начинается на горе Соболиная, ведет через густой лес и уходит за перевал, где виднеются горные пики Хамар-Дабана. Пешеходная зона нового маршрута представляет собой земляную тропу, обвитую извилистыми корнями столетних деревьев, с каменными ступеньками, папоротниковыми долинами, длинноногими деревьями-великанами, корягами причудливых форм, пнями с густым мхом. Строительство тропы «Сказочная» проходило при поддержке администраций Слюдянского района и города Байкальска. Это первый результат совместной работы по развитию всесезонного туризма в Байкальске и формированию уникального туристического продукта на территории Слюдянского района, акцентированного на экотуризм и активные виды отдыха. Об этом более подробно изложено в работах Ю. В. Заварзиной [5] и Н. В. Москвитиной [6–8].

Для реализации инновационных разработок необходимо формирование гибкой системы управления, которая будет соответствовать действительным условиям туристического рынка. А также привлечение федеральной и региональной поддержки туристической индустрии или инвестиций для совершения проектов, восстановление объектов туристической инфраструктуры Иркутской области.

Таким образом, в связи с определенными условиями и для улучшения положения отрасли туризма, применение инноваций необходимо.

Список литературы

1. Залялиева К. Р. Особенности инноваций в туризме и индустрии гостеприимства // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-innovatsiy-v-turizme-i-industrii-gostepriimstva> (дата обращения: 26.01.2021)
2. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industriya-turizma-v-usloviyah-pandemii-koronavirusa-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 30.01.2021).
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. Туризм Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/folder/73313/document/96544> (дата обращения: 20.01.2021)
4. О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>

document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/ (дата обращения: 25.01.2021)

5. Заварзина Ю. В. Ресурсность территории: социальная сущность кластерного развития регионального туризма // Социология. 2020. № 3. С. 190–198.

6. Москвитина Н. В. Условия развития агротуризма на территории Байкальского региона // Креативные индустрии в региональном пространстве социальных услуг и бизнеса : материалы Первой регион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Иркутского государственного университета и 20-летию Института социальных наук. Иркутск, 2018. С. 157–160.

7. Москвитина Н. В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй региональной науч.-практ. конф. 2019. С. 198–201.

8. Москвитина Н. В., Кадыш Р. М. Основные перспективы развития и консолидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 399–402.

УДК 124.5
ББК 87.53

С. В. Костылев, *Красноярск*

Миссия, идеология и аксиология организаций культуры и искусства как факторы корпоративной консолидации

Рассмотрена сущность миссии организации, охарактеризованы особенности социально-культурной значимой миссии, приводятся примеры немногочисленных формулировок миссий учреждений культуры и искусства. Определена роль идеологии и ценностей в процессе корпоративной консолидации.

Ключевые слова: миссия организации, идеология, аксиология, ценности, корпоративная консолидация, социально-культурные гипернормы, макронормы, микронормы.

S. V. Kostylev, *Krasnoyarsk*

Mission, ideology and axiology organizational culture paper factors of corporate consolidation

The article considers the essence of the organization's mission, describes the features of a socio-cultural mission of significance, gives examples of the few formulations of the missions of cultural and art institutions. The role of ideology and values in corporate consolidation is defined.

Keywords: mission organization, ideology, axiology, value, corporate consolidation, socio-cultural hypernorms, macroforms, microforms.

Современные организации культуры представляют собой достаточно сложную динамическую систему, основными сегментами которой выступают: цель и задачи, субъект управления и персонал, содержание и формы работы, технологии, средства и методы реализации уставной деятельности, материально-техническая и финансово-экономическая инфраструктура.

Особое значение в корпоративной культуре имеют миссия, идеология и ценности организаций культуры, выступающие факторами консолидации и обеспечивающие мобилизацию кадровых ресурсов, результативное взаимодействие сотрудников и возможности для эффективного функционирования и стратегического развития.

Миссия, идеи и ценности разрабатываются, чтобы являться целевым ориентиром для учреждений культуры, определять стратегию развития, устанавливать преимущество организации перед конкурентами, обеспечивать консолидацию ресурсов для достижения желаемых положительных результатов.

Перед потребителем миссия предстает как философия организации, декларирующая лидерские позиции и желание изменений, способность к генерированию новых идей и инновационное содержание деятельности, приверженность экологическим принципам и требованиям социальной ответственности, совершенствование культурных товаров и услуг, максимальное удовлетворение потребностей и запросов, постоянное улучшение качества выпускаемой продукции и др.

Исследователи по-разному определяют и трактуют миссию организации, подчеркивая ее сложный и многоаспектный характер: философия и предназначение, смысл существования организации [2, с. 271], словесно выраженное основное социально-значимое функциональное назначение (роль) организации в долгосрочном периоде [9, с. 10], обобщающая идея, на которую равняются все структурные составляющие культуры [7, с. 31].

Таким образом, социально-культурную миссию организации (от лат. *missio* – отправление, посылка) можно определить как онтологическую основу корпоративной деятельности, фундаментальный базис для долгосрочного планирования, коммуникативную стратегию взаимодействия с потребителями услуг, ценностно-нормативные принципы функционирования и развития. На основе анализа официальных интернет-сайтов учреждений культуры федерального и регионального уровня представляется возможным привести примеры формулировок миссий (табл. 1).

Анализ представленных формулировок миссий свидетельствует о том, что организации культуры позиционируют себя как лидеры и драйверы территориального развития, обеспечивающие разработку и внедрение социально-культурных инициатив, научно-образовательных инноваций, сохранение традиций и активное использование современных технологий.

Главная функция миссии заключается в том, чтобы установить существенное предназначение и экзистенциальный смысл учреждения культурно-досуговой сферы, выявить актуальные запросы и потребности целевой аудитории, отразить функциональную роль и значение в социуме, определить тенденции и перспективы развития, обеспечить формирование высокого эстетического вкуса у зрителей, повысить качество предоставляемого продукта (табл. 2).

Решить проблему повышения качества организаций культуры можно в условиях совместного взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, представителей бизнес-сообщества, спонсоров, благотворителей, сотрудников учреждений. Принципиальную позицию в данном вопросе имеют пользователи культурного продукта, выдвигающие свои требования и формулирующие запросы к творцам и менеджерам социально-культурной деятельности.

Миссии организаций культуры и искусства

Организация культуры	Миссия
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея»	Исследование, сохранение, представление и популяризация искусства России; формирование российской культурной идентичности, продолжение дела П. М. Третьякова, знакомство жителей страны с отечественным художественным наследием
Краевое государственное автономное учреждение культуры «Красноярский театр кукол»	Театр должен быть «разным»: знать и сохранять накопленное, постоянно искать новое и развивать искусство «оживления» куклы
Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Дом искусств»	Развитие интеллектуальных форм досуговой деятельности, способствующих формированию эстетического вкуса; повышению культурного уровня и накоплению духовного богатства жителей Красноярского края через совершенствование условий для становления профессионального искусства
Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Ростовская государственная филармония»	Популяризация академической, фольклорной и эстрадно-джазовой музыки; просветительская деятельность, направленная на работу с подрастающим поколением; обеспечение преемственности поколений, как среди исполнительских сил филармонии, так и среди ее аудитории; активное развитие концертной деятельности в области классической музыки в Российской Федерации

Таблица 2

Основные функции миссии

Функция	Характеристика
Идентификационная	Целенаправленный процесс отождествления учреждения культуры с идеальной организацией, обеспечивающей соблюдение этических норм, традиций и устремлений, установление благоприятного социально-психологического микроклимата
Консолидирующая	Политика поддержания целостности, сплоченности и единства коллектива на основе разделяемых корпоративных ценностей, приоритетов и установок
Интегративная	Объединение структурных подразделений, членов трудового коллектива, партнеров и клиентов организации через социокультурные идеи, образцы и смыслы для выполнения краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей и задач функционирования и развития
Имиджевая	Формирование положительного образа-представления об организации, ее репутации в сознании потребителя, вызывающий определенные эмоциональные впечатления, переживания и воспоминания
Мотивационная	Комплекс действий, направленный на достижение целей учреждения культуры, формирование лояльности со стороны сотрудников и потребителей, активизацию творческих инициатив и стимулирование инновационной деятельности

Данным стейкхолдерам необходимо осознание и понимание принципиальных позиций учреждения культуры: причины его возникновения, положение и значимость в обществе, цели и основные задачи, реализуемые в социально-культурной практике. Миссия оказывает влияние на бренд, мотивацию работников, лояльность со стороны потребителей, является основой для разработки ценностей корпоративной культуры и принципов социальной ответственности.

Таким образом, отчетливо сформулированная миссия организации культуры позволяет выяснить, какими видами просветительской деятельности занимается учреждение культуры, разработать культурологический посыл клиентам, партнерам, заинтересованным сторонам, информировать потенциальную аудиторию о предоставляемых социокультурных услугах.

Идеология организации (греч. *ιδεολογία*: от греч. *ἰδέα* – идея; и *λογος* – слово, учение) представляет собой систему идеалов и взглядов, отражающих мировоззренческие установки, образцы и потребности сотрудников, способствует формированию целостной картины мира, легализует иерархическую структуру, концентрирует усилия структурных подразделений на достижение определенных целей социально-культурной деятельности.

Идеология определяется ее миссией и учитывает сбалансированность интересов внутренней и внешней среды; обеспечивает нацеленность сотрудников на конечный результат и эффективную реализацию культурного продукта на потребительском рынке; обосновывает необходимость правильной экономической, географической, демографической, социально-культурной сегментации.

С помощью нормативно-ценностной системы организации обеспечивается гармонизация межличностных отношений, достигается устойчивость деятельности организации в условиях активной конкуренции, устанавливается активное взаимодействие производителей и потребителей услуг. Данная аксиологическая система включает в себя социально-культурные гипернормы: ценности личной свободы, физической безопасности, здоровья, права на средства к существованию и др. (уровень глобальных ценностей); макронормы (уровень ценностей локальных сообществ) и микронормы (уровень корпоративных ценностей).

Следовательно, миссия, идеология и аксиология организации культуры являются важными компонентами системы стратегического планирования, мотивации и консолидации сотрудников для достижения целей и задач, повышения эффективности художественно-творческой деятельности, снижения рисков развития, соблюдения баланса интересов, запросов, потребностей учреждения культуры, пользователей и внешней среды.

Список литературы

1. Викторук Е. Н., Яровенко С. А. Мифология и этика трансактного анализа Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. 2015. 284 с.

2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Магистр : ИНФРА М, 2020. 656 с.
3. Гиндина О. В. Миссия библиотеки как социального института: культурологический аспект // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 260–264.
4. Дорошенко Н. Н. Институализация корпоративной социальной ответственности. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. 53 с.
5. Командышко Е. Ф. Арт-менеджмент : учебник. М. : ИНФРА М, 2017. 194 с.
6. Костылев С. В. Этическое пространство как система морально-ценностных отношений // Актуальные проблемы философии и социологии. XVI Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск, 2015. С. 129–134.
7. Митин С. Н. Культура организации: формирование, сохранение и развитие : учеб. пособие по курсу лекций «Организационная культура». Ульяновск : УлГУ, 2017. 106 с.
8. Морозова О. Ф., Ноздренко Е. А., Жуковская Л. Н., Костылев С. В. Теоретико-смысловая модель личности арт-менеджера и принципы алетологии // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 4. С. 544–556.
9. Фадеева Е. А. Стратегический менеджмент: учеб. пособие. ВолгГТУ. Волгоград, 2018. 76 с.

УДК 365+316.4
ББК 38.711+60.8

С. К. Удалых, *Иркутск*

Доступное жилье – влияние на консолидацию и разобщение российского общества

Рассматривается влияние доступности жилья для российских граждан на консолидацию и разобщение общества. Оцениваются объемы жилищного строительства и показатели ввода жилой площади. Исследуются цены на жилье, возможности граждан на приобретение квартир, пути ускорения строительства и снижения стоимости жилья.

Ключевые слова: консолидация, расслоение общества, жилищное строительство, доступность жилья, рынок жилья, цены на жилье, снижение доходов населения, снижение стоимости жилья.

S. K. Udalykh, *Irkutsk*

Affordable housing – impact on the consolidation and disunity of Russian society

The article examines the impact of housing affordability for Russian citizens on the consolidation and division of society. The volume of housing construction and indicators of entering residential space are estimated. The article examines housing prices, opportunities for citizens to purchase apartments, ways to accelerate construction and reduce the cost of housing.

Keywords: consolidation, stratification of society, housing construction, housing affordability, housing market, housing prices, decrease in income of the population, decrease in the cost of housing.

Основой устойчивого социально-экономического развития государства является консолидация общества, т. е. объединение усилий власти, бизнеса и населения на достижение национальных целей и задач. Консолидация общества обеспечивается комплексными мероприятиями и согласованными действиями всех участников и, в первую очередь, государства, которое создает нормативно-законодательную базу и основные правила консолидации общества. Одновременно с этим бизнес формирует экономическую базу истинной консолидации; большая часть граждан страны

своими активными действиями, трудом и поведением вносят ощутимый вклад в общее дело объединения страны. Консолидация общества приводит к его устойчивому развитию и идет на благо государства.

Вместе с тем множество факторов вносят в процесс консолидации серьезный разлад. Особое влияние на расслоение общества имеет уровень благосостояния граждан; и здесь важную роль играет наличие нормального жилья, которое для большинства населения становится все более недоступным. Жилье – это материальная и духовная основа для существования человека. Недоступность жилья разобщает людей, формирует атмосферу недовольства жизнью и недоверия к власти; не доступное жилье создает коммуникационные препятствия, уничтожает веру людей в завтрашний день.

Целью исследования является изучение особенностей доступности жилья как фактора влияния на консолидацию и на разобщение российского общества, определение основных причин низкого уровня такой доступности для многих граждан, выявление направлений снижения стоимости жилья и повышения его реальной массовой доступности.

Жилье является вечной проблемой людей. Государство в разные периоды принимало стратегии, концепции, программы и долгосрочные планы развития жилищного строительства. Последними важными документами в этой сфере являются национальный проект «Жилье и городская среда» [2] и Указ Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» [6]. Как правило, многие директивные документы по развитию жилищного строительства не выполняются, очереди граждан на получение жилья не сокращаются. Сигналом того, что жилищная проблема наконец будет разрешена, является принятие Президентом РФ Указа о системе оценки работы губернаторов, в которую включен показатель «Уровень доступности жилья» [7]. Ожидается, что теперь все уровни менеджмента будут ответственны за выполнение планов возведения жилья и обеспечения им граждан страны.

В ходе исследования нами получены нижеследующие результаты.

1. Приобретение достойного жилья – самая первичная из всех базовых потребностей решена неудовлетворительно почти у каждого десятого жителя России. К этой потребности, кроме того, нужно добавить еще существование аварийного и ветхого жилого фонда и растущая потребность в увеличении жилой площади по мере роста многих семей: все это является источником усиления социального напряжения. Дефицит доступного жилья тормозит экономическое и социальное развитие страны, приводит к снижению производительности труда, спаду активности населения.

2. Для обеспечения населения жильем в России ведется относительно большое жилищное строительство. Так, ввод жилья за последние 20 лет составил: в 2000 г. – 30,3 млн кв. м, 2005 г. – 43,6, 2010 г. – 58,4, 2015 г. – 85,3, 2019 г. – 82,0 и в 2020 г. – почти 80,0 млн кв. м; в результате ввод площади в расчете на 1 тыс. чел. населения увеличился почти в 3 раза. Вместе с тем регионы Байкальской природной территории отстают от об-

шего показателя по стране; особенно отстают Республика Бурятия и Забайкальский край, в которых на 1 тыс. чел. населения вводится в строй жилья, соответственно, в 2,1 и 2,7 раза меньше, чем в среднем по России (см. табл.).

Таблица

Ввод в действие общей жилой площади жилых домов на 1000 чел. населения (в кв. м)

Территория	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	Рост в 2019 г. к 2000 г.
России в целом	207	304	409	583	559	в 2,7 раза
Иркутская область	101	121	258	382	428	в 4,3 раза
Республика Бурятия	170	208	280	423	272	в 1,7 раза
Забайкальский край	63	116	248	217	204	в 3,2 раза

Таблица составлена автором по данным Росстата [4, с. 389].

На перспективный период намечено дальнейшее развитие жилищного строительства: к 2030 г. планируется улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и увеличение объема ввода не менее чем до 120 млн кв. м жилья [6].

3. По официальной государственной методике, используемой в стратегиях, программах и национальных проектах развития жилищного строительства, доступность жилья представляется в виде коэффициента, определяемого как отношение общей стоимости квартиры площадью 54 кв. м к суммарному годовому доходу семьи, состоящей из трех человек. Этот коэффициент обозначает число лет ожидания до приобретения семьей своего жилья. Расчет по такой методике приводит к нереальному результату: срок приобретения квартиры составляет всего лишь от 2,5 до 3,0 лет. Как показывает практика, эти сроки являются глубоко ошибочными (однако они указываются в официальных документах и озвучиваются СМИ). Ошибка состоит в том, что предполагается направление в фонд семейного накопления средств в течение 2,5–3,0 лет полностью всего совокупного дохода семьи без учета различных денежных затрат на необходимые жизненные потребности.

4. Доступность жилья связана со многими факторами, но основными считаются два конечных фактора: рыночная цена (стоимость) 1 кв. метра площади и общий доход семьи.

Первой особенностью рынка жилья является многолетний и постоянный рост цен. Эти средние цены по стране (на конец года; в руб. за 1 кв. метр общей площади) составляли: на первичном рынке в 2000 г. – 8,7; 2005 г. – 25,4; 2010 г. – 48,1; 2015 г. – 53,3 и в 2019 – 65,0 тыс. руб. за 1 кв. метр; на вторичном рынке – в 2000 г. – 6,6; 2005 г. – 22,2; 2010 г. – 51,0; 2015 г. – 53,9 и в 2019 г. – 54,9 тыс. руб. за 1 кв. метр [4, с. 497]. По данным ряда информационных порталов, в 2020 г. цены на жилье в России выросли на 12–20 %; ожидается рост в 2021 г. на 10–15 %. Наблюдаются большие колебания стоимости жилья по городам: например, на 01.01.2021 в Москве цена 1 кв. метра жилья составляла от 90 до 210 тыс. руб., в г. Ир-

кутске – от 40 до 70 тыс. руб. Высокие цены на жилье стали нормой жизни российского общества.

Второй особенностью, напрямую связанной с доступностью жилья, можно считать снижающиеся реальные доходы россиян. Жилье для большинства граждан из-за уменьшения доходов становится все более недоступным. Так, численность населения с доходами ниже прожиточного уровня в 2020 г. выросла по сравнению с 2019 г. и оставила 19,9 млн чел. (т. е. 13,5 % всей численности населения) [3]. За время пандемии доля россиян со среднемесячным доходом ниже 15 тыс. руб. возросла с 38 до 45 %; увеличилась и доля населения, живущего на доход менее 5 тыс. руб. В 2021 г. электроэнергия подорожает на 5 %, газ – на 3 %; тарифы на остальные коммунальные услуги будут расти в пределах инфляции.

5. В России существуют разные пути получения гражданами достойного жилья; например, часть из них становятся собственниками квартир на безвозмездных условиях (дети-сироты, ветераны войн, работники силовых структур власти, переселенцы из аварийного и ветхого жилья, «очередники» из числа рядовых граждан и др.). Другая часть населения (намного большая, чем «льготники») приобретают жилье только за свои «кровные» деньги. Есть также группа людей-специалистов, работающих в отдельных коммерческих компаниях и получающих от этих компаний квартиры на различных льготных условиях. Некоторые семьи и отдельные граждане пользуются арендным жильем. Кроме того, также отдельные семьи и граждане занимаются индивидуальным жилищным строительством (ИЖС). Вместе с тем во всех указанных случаях оба фактора – стоимость единицы площади и доходы (семейные доходы, доходы органов власти, доходы коммерческих компаний) остаются определяющими при расчетах доступности жилья.

6. Важнейшим путем повышения доступности жилья и в результате этого снижения напряженности в обществе является создание относительно дешевого жилья как для частных лиц (семьи и отдельные граждане), так и для государства, представляющего для отдельных лиц льготное жилье. Кроме этого в России развивается еще одно важное и удобное направление получения доступного жилья – это создание некоммерческого социального арендного жилья. По мнению специалистов, такое жилье должно стать альтернативой прямой покупке жилья или приобретения его с привлечением кредитов (в том числе ипотечных) и будет предназначено для граждан с доходами ниже среднего (в том числе которые не могут приобрести недвижимость напрямую или с помощью ипотечного кредита). По данным компании «Дом. РФ», из 24,3 млн российских семей, которые хотят улучшить жилищные условия, 5,6 млн семей готовы арендовать жилье [1].

7. Нами выявлены следующие основные схемы удорожания жилья для населения:

– утверждение высокой стоимости строительства жилого дома с последующим (в ходе строительства) ее изменением по различным причинам в сторону ее увеличения;

– утверждение высокой стоимости инженерных изысканий на участке строительства и разработки нового проекта или «привязки» к местности типового проекта жилого дома;

– увеличение цены земельного участка; например, путем перепродажи участка, на котором возводится жилой дом (получение физическим или юридическим лицом на начальном этапе участка по самой низкой цене, последующая перепродажа 2–3 следующим лицам с переводом земли в другую категорию и с повышением цены участка);

– массовое использование взамен относительно недорогих местных материальных ресурсов дальнепривозных (из регионов России и других стран) дорогих строительных материалов и конструкций, а также зарубежного коммунального оборудования и приборов;

– низкий уровень менеджмента строительных организаций, приводящий к завышению затрат на возведение жилого дома (потери строительных материалов, простой строительной техники и рабочей силы, удлинение сроков возведения объектов и другие потери);

– прочие дополнительные неучтенные в смете затраты, связанные с завершением возведения жилого дома и долговременного ввода его в эксплуатацию.

8. За прошлые годы только в последнее время впервые на самом высоком уровне – на заседании Государственного Совета от 23 декабря 2020 г. был поднят вопрос о росте цен на жилье [5]. До этого в рыночной России практически никогда и ни на каком уровне высокая цена на жилье и необходимость снижения этого показателя не ставились и не обсуждались. Впервые на этом заседании Президентом РФ В. В. Путиным названа повсеместная проблема высоких цен на жилье и вкратце раскрыты некоторые причины его удорожания. На заседании приняты пока общие решения, не затрагивающие существа проблемы снижения стоимости жилья и повышения его доступности. Вместе с тем после официального озвучивания проблемы появилась возможность привлечения внимания всех уровней менеджмента к конкретному анализу длинной «цепочки» формирования цен на жилье.

9. Многие эксперты считают, что решить проблему доступности жилья частично поможет также ускоренная активизация развития ИЖС. Опрос компании «Дом.РФ» (сентябрь 2020 г.) показал: почти 40 % россиян считают, что дома ИЖС являются для них более предпочтительным вариантом проживания. В стране уже наблюдается тенденция развития ИЖС: например, по итогам 2019 г. построенные индивидуальные дома сформировали почти половину введенного жилья (39 млн кв. м из 82 млн кв. м сданной в общей сложности жилой недвижимости).

10. Важным инструментом ускорения сроков строительства и снижения его стоимости при долевом возведении многоквартирных домов должен стать новый порядок внесения денежных средств заказчиками-дольщиками не напрямую строительной организации, а в специально определенный банк на специальный «эскроу-счет» (застройщик из банка получит полный расчет после ввода в строй жилого дома), а также путем предварительного внесения застройщиком взносов в Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства с целью создания страхового компенсационного запаса средств.

Некоторые выводы и рекомендации нашего исследования следующие.

1. Современная ценовая ситуация требует комплексного и профессионального анализа того, по каким причинам такие важные показатели как доступность и стоимость жилья до сих пор почти не замечались, не изучались и далее не принимаются необходимые меры по совершенствованию земельных отношений и самой строительной отрасли, ускоренному созданию местной строительной базы по выпуску стройматериалов, улучшению работы строительного-монтажных организаций.

2. В настоящее время в России имеется самый последний опыт (декабрь 2020 г.) «нерыночного» подхода при решении проблемы удержания роста цен на основные продукты питания: речь идет об официальных ограничениях государства на эти цены. По нашему мнению, подобный подход с ограничением рыночных цен на жилье также необходим для сферы жилищного строительства.

3. Необходимо изучить опыт организации и экономики строительства в советское время (т. е. в СССР), в которое методическими и содержательными вопросами определения стоимости возведения объектов в плотную занимались как органы государственной власти (Совет Министров СССР, областные и краевые советы народных депутатов, министерства и ведомства), так и ряд ведущих научно-исследовательских и проектных институтов (Научно-исследовательский институт экономики строительства, НИИЖелезобетон, НИИСтроительных конструкций, Гражданпроект и др.). Утвержденная сметная стоимость объекта была неизменной и подвергалась уточнению (в сторону увеличения) лишь в крайне редких случаях с соблюдением сложных процедур. Превышение стоимости строительства в 2–3 и более раз, как в настоящее время в России, никогда не допускалось. За текущими затратами строительства, в т. ч. жилья в стране велся жесточайший контроль и надзор.

4. Государственная политика по повышению доступности жилья пока не способствует достижению национальной жилищной цели. В стране происходят разнонаправленные действия и движения: с одной стороны, отмечаются невысокие доходы населения, реальное снижение этих доходов, рост бедности населения, и, с другой стороны, фиксируются весьма высокие цены на жилье, неуклонный рост этих цен. К началу 2020 г. в стране на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях состояли

около 2,2 млн семей (при этом свыше 50 % из них находятся в очереди более 10 лет); количество детей-сирот, имеющих право на получение жилья, но не получивших его, составило 191 тыс. человек (в некоторых регионах время ожидания квартиры доходит до 15–20 лет).

5. Государство, не занимаясь целенаправленно проблемами снижения стоимости жилья, все же пытается, к сожалению, не очень эффективными мерами помочь гражданам, не имеющим полных сумм для покупки квартир и поэтому заимствующих в банках кредиты на приобретение жилья. Речь идет о государственном влиянии на банки с целью развития ими ипотечного кредитования; в результате в стране внедрены различные ипотечные продукты как для большинства обычных граждан, так и для социально-приоритетных категорий людей (в т. ч. военнослужащих, владельцев сертификатов на материнский семейный капитал, молодых учителей и ученых и пр.).

В стране идет дискуссия о полезности и необходимости ипотеки (сворачивать ее или дальше развивать; какие процентные ставки применять). Метод ипотечного кредитования дает некоторое снижение числа лет ожидания получения жилья, однако в любом случае семье (гражданину) в итоге необходимо по частям выплачивать всю полную стоимость квартиры вместе с процентами за кредиты (т. е. никаких скидок на жилье не существует). По нашему мнению, ипотека – это косвенный подход, это полезная, но далеко неполная и вспомогательная мера, на которую государством поставлена вся российская проблема доступности жилья; ипотека закрывает главный путь к снижению цен на жилье.

6. Нами предлагаются некоторые конкретные меры по повышению доступности и снижению стоимости жилья для большей части российского населения:

- разработка и принятие «дорожной карты» повышения доступности и снижения стоимости жилья в регионах страны;

- принятие на государственном уровне временных ограничений на установление предельных рыночных цен на жилье по отдельным регионам;

- проведение технико-экономического анализа динамики и уровня стоимости жилья с выявлением конкретных резервов сокращения сроков возведения домов и сроков получения жилья, кардинального снижения рыночных цен на жилье;

- актуализация в регионах местной базы природных минерально-сырьевых ресурсов (песка, глины, камня, природных красок, гравия и пр.) и различных отходов промышленности для производства эффективных строительных материалов и конструкций;

- создание в регионах комплексной производственной базы по выпуску большинства местных и относительно не дорогих строительных материалов и конструкций (импортозамещение привозных дорогих строительных ресурсов); возведение домостроительных комбинатов – ДСК (такой комбинат производит в заводских условиях сборные конструкции, осу-

ществляет транспорт их стройплощадку, ведет монтаж и отделку дома, вводит его в действие, реализует готовые квартиры по доступным для населения ценам);

– принятие на государственном уровне решения о полной отмене платы за земельные участки под массовое жилищное строительство (государство должно «подарить» населению землю, что позволит на 25–30 % снизить окончательную стоимость строительства жилья);

– принятие комплекса мер по поддержке развития ИЖС, в том числе формирование общедоступного каталога типовых проектов домов, создание комбинатов по выпуску сборных комплектов для деревянного домостроения, определение территорий комплексной малоэтажной застройки, обеспечение территорий необходимой инфраструктурой;

– упрощение процедур подготовки проектов планировки, разработки проектной документации, экспертизы инженерных изысканий и проектной документации, выдачи разрешений на строительство, государственного строительного надзора;

– разработка единой комплексной долгосрочной программы развития жилищно-коммунального хозяйства, в т. ч. строительства нового жилья, переселения граждан из аварийного и ветхого жилья, проведения капитального ремонта жилых домов, сноса аварийного и ветхого жилья.

Жилищная проблема – это общероссийская социальная проблема, требующая коренной модернизации менеджмента строительной отрасли и других сфер, связанных с возведением качественного и одновременно доступного по приемлемым для большинства населения ценам жилья.

Список литературы

1. Государственная инвестиционная компания «Дом.РФ». URL: дом.рф (дата обращения: 09.01.2021).
2. Национальный проект «Жилье и городская среда». URL: base.garant/72192510 (дата обращения: 09.01.2021).
3. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ достижения национальных целей «Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан» и «Снижение в 2 раза уровня бедности» // Счетная палата РФ. URL: ach.gov.ru (дата обращения: 09.01.2021).
4. Россия в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2020. 550 с.
5. Совместное заседание Государственного совета и Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 23.12.2020. URL: www.kremlin.ru/events/state-council/64736 (дата обращения: 09.01.2021).
6. О национальных целях развития России до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/page/ 63728 (дата обращения: 09.01.2021).
7. Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/44185 (дата обращения: 09.01.2021).

Инновационное предпринимательство в Иркутской области: вопросы социального моделирования

Проведен социально-эконометрический анализ данных, позволяющий определить состояние инновационного потенциала Иркутской области, сравнить с другими субъектами РФ и выявить проблемы и перспективы развития инновационного предпринимательства. С помощью системно-структурного анализа проанализированы существующие модели, инструменты государственного регулирования инновационной политикой региона, выявлены слабые места в развитии инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: социальное моделирование, территориальное развитие, инновационное предпринимательство, социально-эконометрический анализ.

Yu. V. Zavarzina, L. N. Batyanova, Irkutsk

Innovative entrepreneurship in the Irkutsk region: issues of social modeling

The work carried out a socio-econometric analysis of data, which made it possible to determine the state of the innovative potential of the Irkutsk region, compare it with other subjects of the Russian Federation, and identify problems and prospects for the development of innovative entrepreneurship. The system-structural analysis made it possible to analyze the existing models, instruments of state regulation of the innovation policy of the region, to identify weaknesses in the development of innovative entrepreneurship.

Keywords: social modeling, territorial development, innovative entrepreneurship, socio-econometric analysis.

Российская общественность, государственные органы и деловой мир осознают важность путь инновационного развития экономики. Признается необходимость государственного регулирования инновационных процессов в экономике, а также разработки конкретных механизмов государственного регулирования инновационной деятельности [4]. При этом не отрицается эволюционный путь развития даже в контексте изменения характера регионального развития, сценариев и концептуальных моделей понимания регионов в контексте экономической глобализации и их подверженности кризисным явлениям. Финансирование инновационных проектов частных компаний во многом зависит от возможности получения заемных средств, что в условиях кризиса и с учетом специфики внутреннего рынка кредитных продуктов вынуждает предпринимателей обращаться в кредитные организации. Мировая практика показывает, что инновационный процесс и внутреннее производство инновационных технологий более эффективно при максимальном вовлечении компаний [15]. Одна из первоочередных задач государства – обеспечить равные возможности для внедрения инновационных технологий, как крупным компаниям, так и небольшим частным компаниям. В связи с этим возникает необходимость совершенствование инструментов государственного регулирования инновационного предпринимательства. Во многом данные процессы опираются на социальные преубеждения и стереотипы [5–9].

Основные положения по развитию и регулированию инновационной экономики, в том числе инновационного предпринимательства в Иркутской области, содержатся в Государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2015–2020 гг. [1–3]. Целью госпрограммы является создание в регионе благоприятного инвестиционного климата, повышающего инновационную активность экономики. Однако существует ряд проблем, сдерживающих рост инновационного развития экономики

Иркутской области, они носят как внешний, так и внутренних характер. К внешним проблемам можно отнести введение санкций, неэффективность проведения политики импортозамещения, условия пандемии и т. д. К внутренним (региональным) проблемам – финансовое состояние региона, наличие инфраструктуры, кадровый потенциал, наличие производства и др.

Таким образом, государственные органы и местное бизнес-сообщество должны более эффективно использовать существующие резервы региона для развития научной, научно-технической и инновационной деятельности [10]. Прежде всего, необходимо принять концепцию или стратегию инновационного развития Иркутской области и в дальнейшем разработать расширенную программу мероприятий по совершенствованию инновационной деятельности предприятий и организаций региона. Позиции регионов за счет более активного, комплексного использования и задействования предпринимательского потенциала.

Иркутская область расположена на озере Байкал. Область, площадь 775 тыс. км² с населением около 2,5 млн человек. Максимальный демографический потенциал расселения сосредоточены на юге области. Остальная территория слабоосвоена. Управленческая и хозяйственная деятельность сосредоточена по долинам крупных рек и по берегу озера Байкал. Ведущие отрасли – промышленность, транспорт и коммуникации, сельское хозяйство и строительство. Базовые – цветная металлургия, машиностроение, лесное хозяйство и химическая промышленность.

Иркутская область имеет сильный потенциал экономического роста, локализованный как в территориях, которые уже вносят значительный вклад в региональный валовой продукт, так и в районах. В соответствии с утвержденной Правительством РФ Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года предлагается выделить четыре зоны опережающего экономического развития, в том числе Иркутскую агломерацию, Байкальскую туристско-рекреационную зону, промзона Братск – Усть-Илимск и Ленско-Ангарское Прибайкалье.

Особая Байкальская экономическая зона – удобная площадка для создания научно-образовательного центра по изучению экосистемы Байкала, разработке технологий биологической очистки воды, разработке и апробации технологий эффективного использования газовых гидратов. В рамках зоны планируется создание международного научно-образовательного

центра «Байкал», который будет ориентирован на ученых, которые проводят научные исследования на Байкале, используют озеро как образовательный объект и внедряют инновационные проекты в области экологически ориентированной экономики.

Основу современной специализации Братско-Усть-Илимского промышленного района составляют обрабатывающие производства, в первую очередь металлургическое производство (Братск и Тайшет), деревообрабатывающий комплекс (Братск, Усть-Илимск и др.), горнодобывающую промышленность, включая железорудную и угольную, никелевую и транспорт железнодорожный и трубопроводный [4].

На основе сплоченного формирования и развития промышленной зоны Братск-Усть-Илимск и промышленной зоны Ленско-Ангарского Прибайкалья планируется формирование Северо-Сибирской промышленной зоны, которая станет связующим звеном для проектов пространственного развития, таких как Нижнее Приангарье (Красноярский край), Южное Приангарье. Территориями становятся Республика Саха (Якутия), Забайкалье (Республика Бурятия и Забайкальский край).

Будущая специализация Северо-Сибирского промышленного района связана с развитием ряда отраслей. К ним относится производство стали и металлических изделий, производство товаров народного потребления, переработка газа и нефти и горнодобывающая промышленность, включая разработку месторождений железной руды, медно-никелевого сплава, золота, лесозаготовки и глубокую обработку древесины. Это требует модернизации инфраструктуры связи и связи, обеспечения производственных мощностей электричеством и газом, а также расширения транспортной инфраструктуры (железные дороги, нефтепровод, дороги, в том числе расширение сети деревянных дорог).

Инфраструктура инновационной деятельности Иркутской области включает 15 элементов регионального значения. Это технопарки, стартап-центры, центры трансфера технологий, центры коллективного пользования научным оборудованием и приборами, консультативные организации и центры переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере инноваций. В настоящее время в Иркутской области создана необходимая правовая база для развития научной, научно-технической и инновационной деятельности. Принят Закон Иркутского края от 5 мая 2004 г. № 21-ФЗ «О государственной поддержке научной, научно-технической и инновационной деятельности». Постановлением Правительства Иркутской области от 9 октября 2009 г. № 285/64-пп утверждено положение о предоставлении субсидий из бюджета на возмещение затрат на инновации [14].

Конкурсы инновационных проектов проводятся в Иркутской области с 2004 года с целью оказания региональной государственной поддержки инновационной тематики в виде субсидий. По запросу органов государственной власти Иркутской области на 2018 год составлен перечень из 50 научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В 2014–2016

годах ожидается увеличение количества заявок. По предварительным оценкам исполнителей проекта ожидаемый эффект от реализации проектов в экономической и социальной сфере Иркутской области в виде дополнительных доходов бюджетов всех уровней и снижения государственных расходов оценивается более чем в 60 млн руб., при этом региональный бюджет 2013 г. 2019 г. тратит 18 млн руб. В свою очередь, реализация инвестиционных проектов придаст импульс росту промышленного производства и валового регионального продукта. К 2022 г. прогнозируется рост реального ВРП на уровне 11 %.

Муниципальная целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Иркутске на 2008–2012 годы», которая решением Иркутской Думы от 31.08.2007 № 004-20-40060 /7 как одно из приоритетных направлений поддержки малого и среднего предпринимательства. Компания одобрена. Средним компаниям предоставляется инновационная деятельность. Поддержка этой программы может привести к мультипликативному эффекту при разработке конкретной целевой программы поддержки инноваций в Иркутске.

Согласно результатам анализа, развитие инновационной деятельности в городе Иркутске возможно на основе реализации трех сценариев:

1. Поддержка существующей инновационной инфраструктуры.
2. Развитие существующей инфраструктуры и целевое обучение инновационной деятельности.
3. Иркутск – центр инновационной экономики.

Количественные параметры этих сценариев рассчитывались по данным собственного исследования Регионального центра развития инновационной деятельности ИрГТУ, проведенного в 2006 г. в рамках проекта по заказу Минобрнауки России «Исследование потенциала инновационного развития Иркутской области».

Сценарий 1: «Поддержка существующей инновационной инфраструктуры».

Это сценарий развития инновационной деятельности в Иркутске на 2008–2020 гг. предполагает, что муниципальная инновационная система не получит дальнейшего развития и что инновационная политика основана только на поддержке существующей инновационной инфраструктуры, которая лишь незначительно отвечает текущим потребностям города. Создаваемые элементы инфраструктуры должны в большей степени удовлетворять текущие потребности города. Поэтому для развития инновационной деятельности в Иркутске данный сценарий является пассивным и не учитывает существующие и будущие потребности города в контексте его комплексного социально-экономического развития.

Ожидается, что при реализации мероприятий в рамках сценария количество малых и средних инновационных компаний увеличится вдвое по сравнению с 2006 г. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в 2020 г. незначительно увеличится, менее чем

вдвое. Количество занятых в малом и среднем инновационном предпринимательстве увеличится на 30 % по сравнению с 2006 г. [11].

Ожидается, что доля доходов населения Иркутска от налоговых отчислений в доходах лиц, занятых на малых и средних инновационных предприятиях, не превысит 10 % от общих доходов от налоговых отчислений на доходы физических лиц в 2020 г.

Реализация данного сценария не позволит в будущем сохранить существующие положительные тенденции в развитии инновационной системы Иркутска. Подразумевается, что администрация Иркутска будет выделять не более 2 млн руб. ежегодно на поддержание инфраструктуры, созданной для инновационной деятельности. Кроме того, предполагаются внебюджетные источники, наличие которых обусловлено существующими затратами организаций, на базе которых создаются функционирующие элементы поддерживающей инфраструктуры. Эти организации (институты ИРЦ СО РАН, университеты и другие организации) ежегодно принимают участие в различных конкурсах и собирают пожертвования для поддержки своей деятельности.

Сценарий 2: «Развитие существующей инфраструктуры и целенаправленная подготовка кадров для инновационной деятельности».

При таком сценарии усилия будут сосредоточены как на поддержке существующих элементов инновационной системы, так и на создании экономических стимулов для формирования новых элементов на базе существующих университетов и институтов ИРЦ СО РАН. Такой подход позволит значительно снизить затраты на создание инновационной инфраструктуры и, соответственно, аккумулировать ресурсы в сферах, наиболее перспективных с точки зрения рентабельности инвестиций.

Инфраструктура будет включать не только существующие региональные и университетские технопарки, стартап-центры, центры трансфера технологий и коучинговые центры, но и исключительно муниципальные элементы. Основное внимание будет уделяться развитию центров трансфера технологий, а также центров инноваций и технологий в городе. При этом для муниципальных инновационных компаний новый инкубатор создаваться не будет. Вместо этого разрабатываются инструменты для оказания дополнительной муниципальной поддержки инновационным компаниям, работающим в Иркутском региональном бизнес-инкубаторе, поскольку 95 % жителей зарегистрированы в г. Иркутске [10].

Появление в вузах города Иркутска новых предметных областей для сокращения дефицита квалифицированных инженерно-управленческих кадров в сфере инноваций определяется исключительно востребованностью рынка труда без специальной поддержки со стороны местных властей города Иркутска.

В рамках данного сценария реализована реализация муниципальной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в городе Иркутске на 2008–2012 годы», утвержденной постановлением Ду-

мы города Иркутска № 004-20-400606 / 7 от 31 августа 2007 г., предполагающая поддержку, в том числе ряда инновационных компаний. Он также обеспечивает поддержку для посещения конференций и семинаров, бесплатные консультации для предпринимателей, учебные курсы для предпринимателей и менеджеров малого бизнеса, а также компенсацию стоимости участия малого бизнеса в выставочных и торговых мероприятиях.

Действия сценария увеличивают количество действующих малых и средних инновационных компаний почти в шесть раз. Доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции увеличится к 2020 г. почти в пять раз по сравнению с 2006 г., а количество занятых в инновационном предпринимательстве увеличится на 60 %.

Ожидается, что доля доходов населения города Иркутска от налоговых отчислений на доходы работников малых и средних инновационных предприятий не превысит 20 % от общего дохода от налоговых отчислений на доходы физических лиц в 2020 г.

Реализация сценария предполагает выделение достаточно значительных средств из бюджета города Иркутска, а также привлечение внебюджетных источников на принципах паритетного финансирования затрат на инфраструктуру и реализацию программ подготовки кадров и переподготовки специалистов в области инноваций.

Внебюджетные источники включают средства институтов ИРЦ СО РАН, университетов, прикладных институтов, а также средства других организаций, претендующих на конкурсное финансирование из городского бюджета.

Слабая сторона этого сценария заключается в том, что он в первую очередь предназначен для поддержки развития малого инновационного предпринимательства и практически не учитывает инновационные потребности организаций, учреждений и компаний Иркутска. Кроме того, город Иркутск относится к историческим городам России, и строительство новых крупных промышленных предприятий на его территории невозможно. Следовательно, инновации должны быть нацелены на развитие зеленых наукоемких производств, чего этот сценарий не подразумевает.

Сценарий 3: «Иркутск – центр инновационной экономики».

Реализация данного сценария предполагает поступательное развитие муниципальной инновационной системы, разработку и реализацию муниципальной инновационной политики, обеспечивающей опережающую скорость развития инновационной деятельности в Иркутске как центре инновационной экономики Сибири и Дальнего Востока.

Основная особенность сценария – сочетание существующего экономического потенциала города, основанного на традиционных отраслях и сферах городского хозяйства, с возможностями опережающего роста за счет широкого внедрения и использования инноваций. Особую роль в этом виде развития инновационной деятельности должен сыграть существующий инновационный потенциал Иркутского научно-образовательного

комплекса в сочетании с поддержкой местных властей города Иркутска и возможностями трансфера технологий [9].

Создание финансовых институтов, инвестирующих в инновационные компании на принципах государственно-частного партнерства, даст необходимый импульс для взрывного роста малых инновационных компаний и позволит довести долю инновационной продукции в общем объеме отгружаемой продукции на высший уровень. Это, в свою очередь, приведет к увеличению налогов в городской бюджет (добавление стоимости городу), увеличению занятости граждан и росту экономики Иркутска в целом.

Стратегические направления реализации сценария:

- создание условий для эффективной работы структур по поддержке малого и среднего наукоемкого предпринимательства, а также для внедрения инноваций в существующие в городе крупные промышленные компании.

- развитие благоприятной бизнес-среды, включающее создание инновационной финансовой системы на базе развитой сети банков, кредитных, страховых организаций и специализированных институтов венчурного капитала и прямых инвестиций;

- создание благоприятной информационной среды для привлечения в город инновационных инвесторов (венчурные фонды, фонды прямых инвестиций и др.);

- разработка и принятие органами местного самоуправления города Иркутска нормативных правовых актов по стимулированию деятельности в инновационной сфере;

- развитие местной инновационной системы, обеспечивающей скорость дальнейшего развития инновационной деятельности;

- развитие коммуникационных платформ, таких как измерение рисков и форумы рисков, которые помогут привлечь инвесторов в город, передать технологии и поделиться лучшими практиками в сфере инновационного предпринимательства;

- выявление потребностей города в обучении профессионалов инновационного предпринимательства и поощрение открытия соответствующих предметных областей в университетах города.

В рамках реализации сценария «Иркутск – центр инновационной экономики» планируется разработать муниципальные целевые программы развития инновационной деятельности, включая реализацию ряда необходимых мероприятий.

При реализации сценария количество действующих малых и средних инновационных компаний увеличится более чем в десять раз по сравнению с 2006 г. Кроме того, доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции увеличится в десять раз, а количество людей, занятых в инновационном предпринимательстве на малых и средних предприятиях, увеличится более чем на 100 % по сравнению с 2006 г., что составляет долю роста налогов в доходной части. Иркутского домохозяйства

увеличит доходы людей, занятых в малых и средних инновационных предприятиях, не менее чем на 50 %.

Реализация данного сценария позволяет Иркутску создать все необходимые условия для эффективного взаимодействия науки, образования, инноваций и властей города. Такое взаимодействие создаст необходимую основу для повышения качества и уровня жизни городского населения за счет динамичного развития инновационной экономики, что позволяет Иркутску стать лидером инновационного развития среди городов Сибири и Дальнего Востока.

На основе анализа трех представленных сценариев развития инновационной активности в Иркутске на 2008–2020 гг. Самый перспективный сценарий – «Иркутск – центр инновационной экономики».

Перспективные направления инновационной деятельности Иркутской области

На протяжении постсоветской истории развития России общественность, государственные органы и экономика заранее осознают важность придания развитию экономики инновационного направления и создания инновационной платформы, на которой технологические, социальные, продуктовые, организационные маркетинговые инновации используются во всех сферах деятельности. Признана необходимость государственного регулирования инновационных процессов в экономике и разработки конкретных механизмов государственного регулирования инновационной деятельности. При этом не отрицается эволюционный путь развития даже в контексте изменения сути регионального развития, сценария и концептуальных моделей понимания регионов в условиях глобализации экономики и их подверженности кризисным явлениям. Эта парадигма показывает адекватность теории сокращения межрегионального неравенства при наличии существующих межрегиональных дисбалансов [14].

В условиях неизбежного сосуществования или уравнивания социальной и глобальной ориентации региональной политики, на наш взгляд, активное взаимодействие и сотрудничество региональных властей с существующей инфраструктурой инновационных элементов, инициирование создания новых элементов, ускоренное саморазвитие и укрепление связей территориальных инновационных институтов, а также определить соответствие конкурентоспособности экономики отдельного субъекта Российской Федерации наиболее инновационным субъектам РФ. С точки зрения уровня его инновационного развития, позиционирования по основным показателям и критериям, например, в Сибирском федеральном округе (СФО) и в России, определения «узких мест» и возможных направлений инновационного развития.

В 2019 г. в Иркутской области инновационной деятельностью были задействованы 59 компаний различных видов деятельности. Это акционерные общества, Ангарская нефтехимическая компания, Иркутский авиационный завод, Иркутскэнерго, Иркутский релейный завод, Иркутский

мясокомбинат, Иркутская электросетевая компания, Рудноремонтный завод, Ангарский завод катализаторов, «Саянскимпласт» и др. Большинство нововведений сделано с целью повышения качества, расширения ассортимента продукции, расширения видов услуг, сохранения и расширения традиционных торговых точек. 20 компаний были задействованы в разработке совместных научно-исследовательских проектов. Вы выполнили 86 совместных проектов.

Стоимость технологических инноваций составила 7448,8 млн руб., из которых 46,8 % было потрачено на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями. Как и в предыдущие годы, затраты в основном были понесены за счет собственных средств.

В Иркутской области сосредоточен один из самых крупных в восточных регионах Российской Федерации научный, научно-образовательный и инновационный потенциал. Включает 9 академических институтов Иркутского научного центра СО РАН, 5 институтов Восточно-Сибирского научного центра СО РАН, научно-исследовательские организации сельскохозяйственный и исследовательский научно-исследовательский институт. Численность работников научных организаций на конец 2012 г. приблизилась к 5 тыс. человек, число докторов и кандидатов наук превышает 1,5 тыс. человек или 30 % всех специалистов. Половина исследователей работала в области естественных наук. В Иркутской области подготовку специалистов с высшим профессиональным образованием осуществляют 37 вузов и филиалов, из них 11 государственных и 5 негосударственных вузов, 21 филиал. Общее количество студентов региона – 112,5 тыс. человек. Примерно половина из них обучается по очной форме. Вместе с тем удельный вес организаций, осуществлявшие технологические, организационные, маркетинговые инновации по последним данным Росстата, состав ниже 6,5, чем в среднем по России. Организации науки и образования участвуют в формировании данного показателя, однако являются далеко не определяющими. Здесь на передний план выходят предприятия, непосредственно осуществляющие инновации, крайне важно их количество, в том числе по видам инновационной деятельности (табл. 1) Из табл. 1 видно, что наибольшее количество предприятий (21 ед. Или 63,6 %) приобретают машины и оборудование и только 3 предприятия (9,1 %) начинают применять новые технологии. Следует отметить, что в приведенную статистику включены и малые предприятия, которые осуществляют технологические инновации и отчитываются перед Иркутскстатом. В деятельности же их количество, вероятно, больше. Готовые технологические инновации за последние 3 года имели 54 предприятие Иркутской области или 10,3 % к общему числу предприятий данной сферы. Общероссийским и стандартным показателем эффективности инновационной деятельности в регионах является удельный вес инновационной продукции в общем ли отгруженной продукции инновационно-активных предприятий.

Один из крупнейших научных, научных, образовательных и инновационных потенциалов восточных регионов Российской Федерации сосредоточен в Иркутской области. В его состав входят 9 академических институтов Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, 5 институтов Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук, сельскохозяйственные научно-исследовательские организации, более 20 прикладных научно-исследовательских и проектных институтов. По итогам 2012 г. количество сотрудников научных организаций приблизилось к 5 тыс. человек, количество докторов и кандидатов наук – более 1,5 тыс. человек, или 30 % от всех специалистов. Половина исследователей работали в естественных науках. В Иркутской области 37 вузов и филиалов готовят специалистов с высшим профессиональным образованием, из них 11 государственных и 5 негосударственных вузов, 21 филиал. Общее количество студентов в области составляет 112,5 тыс. человек. Около половины из них учатся в форме обучения, а доля организаций, которые, по последним данным Федеральной статистической службы, внедрили технологические, организационные и маркетинговые инновации, составила 6,5 %, что ниже среднего показателя по Сибирскому федеральному округу и значительно ниже. Средний показатель по России. Научные и образовательные организации участвуют в формировании этого показателя, но не играют решающей роли. Здесь на первый план выходят компании, которые занимаются инновациями. Их количество чрезвычайно важно, в том числе по типу инновационной деятельности. Следует отметить, что в приведенную статистику также включены малые предприятия, внедряющие технологические инновации и отчитывающиеся перед Иркутскстатом. Ниже приведены данные, характеризующие Иркутскую область по данному показателю, из которых видно, что положение региона по этим показателям сильно отстает. Стоит отметить, что по данным Иркутскстата, этот показатель за 2018 год вырос втрое и составил ровно 3,0 %.

На рисунке приведены данные, характеризующие Иркутскую область по данному показателю, из которых видно, что положение региона по этим показателям сильно отстает. В действительности их, вероятно, будет больше. За последние три года 54 компании Иркутской области внедрили технологические инновации, что составляет 10,3 % от общего количества компаний в этой сфере. Общероссийский и нормативный показатель эффективности инновационной деятельности в регионах. Рассмотрим данные из табл. 3 (данные взяты с Иркутскстата). Следует отметить, что в приведенную статистику также включены малые предприятия, внедряющие технологические инновации и отчитывающиеся перед Иркутскстатом. Стоит отметить, что по данным Иркутскстата, этот показатель за 2018 г. вырос втрое и составил ровно 3,0 %. Ниже в табл. 1 представлены основные показатели научной и инновационной деятельности организаций.

Таблица 1

Основные показатели научной и инновационной деятельности организаций

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Количество предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, ед.	41	31	36	49	43	51	49	54	59
Число предприятий, имевших готовые инновации в течение последних 3 лет, ед.	49	51	54	53	55	59	78	77	113
Объем отгруженной продукции предприятий, млн руб.	424 113,6	502 180,1	525 109,5	768 426,2	692 416,1	785 006,4	877 355,6	939 352,1	1 163 936,1
в т. ч. инновационной, млн руб.	2282,7	4887,7	7787,8	4937,8	11248,2	22968,1	11812,2	7618. 0	9715,6
в % к общему объему	0,5	1,0	1,5	0,6	1,6	2,9	1,3	0,8	0,8
Затраты на технологические инновации, млн руб.	9966	4876,1	7448,8	19 300,8	20 984,9	18 735,6	9977,8	22 703,5	26 776,3
Источники финансирования инновационной деятельности – всего, млн руб.	9966	4876,1	7448,8	19 300,8	20 984,9	18 735,6	9977,8	22 703,5	26 776,3
в том числе:									
собственные средства предприятий, млн руб.	8210,5	4223,8	7048,9	18 720,0	19 965,5	17 984,8	9833,7	22 397,8	26 390,4
федеральный бюджет, млн руб.	165,4	44,7	181	155,9	145,3	206,9	116,9	207,8	221,0
бюджет субъекта Федерации, млн руб.	-	0,2	2,1	0,4	0,1	20,6	16,5	67,6	76,5
внебюджетные фонды, млн руб.	-	-	-	-	-	-	-	-	2,2
прочие, млн руб.	1590,1	607,4	216,8	418,3	869,6	522,2	10,7	30,3	84,6
иностранные инвестиции, млн руб.	-	-	-	6,2	4,4	-	-	-	1,6

Продолжение табл. 1

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Финансирование науки из средств									
федерального бюджета, млн руб.	1798	1964	30,0	143,6	315,5	171,1	91,9	29,2	...
консолидированного бюджета области, млн руб.	34,3	32,7	46,5	33,1	45,9	63,3	27,5	54,7	...
в % к общей сумме расходов областного бюджета	0,04	0,03	0,03	0,02	0,03	0,04	0,02	0,03	...
Инвестиции в науку и научное обслуживание, млн руб.	236,8	315,5	439,6	412,3	185,9	413,2	225,7	212,2	...
в % к общему объему инвестиций в экономику	0,24	0,26	0,3	0,3	0,1	0,3	0,1	0,1	...
Число организаций, выполнявших исследования и разработки, ед.	44	46	49	51	45	52	51	46	46
Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки (без совместителей), чел.	4912	5075	5384	5047	4859	4671	4409	4292	4157
Общий объем работ, млн руб.	5043,7	6525,4	8413,4	8583,3	6952,1	8078,7	8141,7	7055,3	7167,2
исследования и разработки, млн руб.	3707,1	4199,0	5474,7	5025,2	5390,3	4894,3	4189,3	5113,2	4917,7
научно-технические услуги, млн руб.	58,6	47,8	66,2	26,5	80,1	47,4	82,6	69,8	60,9
прочие работы (услуги), млн руб.	1278,0	2278,6	2872,5	3531,6	1481,7	325,5	743,8	401,1	2188,6

Окончание табл. 1

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
В % к итогу									
исследования и разработки, %	73,5	64,4	65,1	58,6	77,5	60,6	51,5	72,5	68,6
научно-технические услуги, %	1,2	0,7	0,8	0,3	1,2	0,6	1,1	1	0,8
прочие работы (услуги), %	25,3	34,9	34,1	41,1	21,3	4,0	9,1	5,7	30,5
Валовые затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	3697	4128	5301,4	5096,1	5375,9	4895,6	4483,1	4409,6	5047,7
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ, млн руб.	3450,4	3741,4	4707,7	4421,3	4549,6	4215,8	3968,2	4055,7	4675,6
фундаментальные исследования, млн руб.	2024,2	2154,4	2532,5	2697,9	2835,6	2539,6	2504,2	2435,2	2710,8
прикладные исследования, млн руб.	568,2	996,6	1110,0	949	996,0	896,7	712	716,5	1138,3
разработки, млн руб.	858	590,3	1065,3	774,4	718,0	779,5	752	904	826,5
Финансирование внутренних затрат на исследования и разработки, млн руб.	3493,9	3785,8	4897,7	4684,0	4659,6	4333,6	4042,9	4210,8	4749,8

*Источник: составлено по [2; 3].

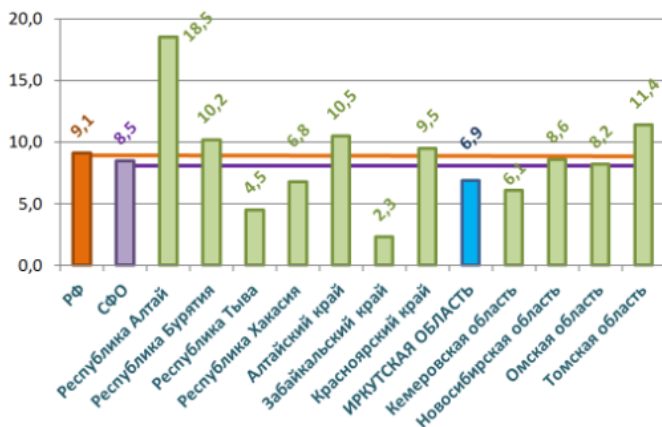

Рис. Уровень инновационной активности организаций СФО в 2018 г. (удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в отчетном году по данным Росстата)

Из них число организаций Иркутской области, осуществлявших технологические инновации, по отдельным видам инновационной деятельности, ед. * (табл. 2).

По другим показателям, показывающим уровень инновационного развития в регионе, Иркутская область, за исключением развития передовых технологий, также отстает от ведущих инновационных единиц Сибирского федерального округа (табл. 3).

Таблица 2

Основные статистические показатели инновационной деятельности Иркутской области

Организации, занимавшиеся технологическими инновациями	2010	2012	2015	2018
Всего	41	36	5	59
Из них по видам инновационной деятельности:				
исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства	12	11	91,7	33,3
приобретение машин и оборудования	15	21	140,0	63,6
приобретение новых технологий	3	3	100	9,1
производственное проектирование, дизайн и другие разработки (не связанные с научными исследованиями и разработками)	9	5	55,6	15,2
приобретение программных средств	11	10	90,9	30,3
обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями	6	4	66,7	12,2
маркетинговые исследования	1	-	-	-
другие виды подготовки производства	3	3	100	9,1

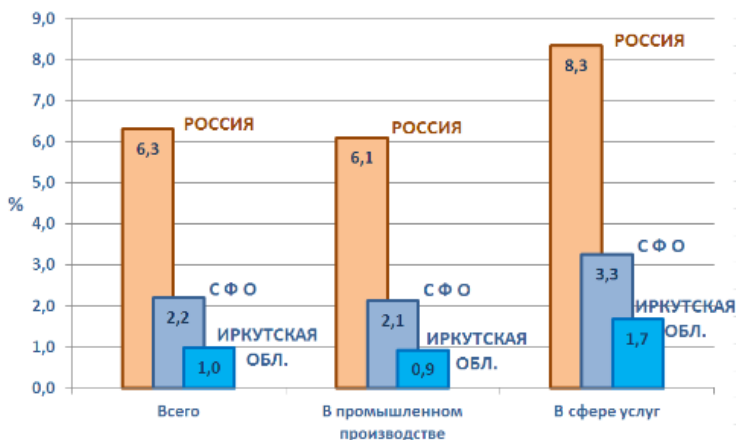

Рис. 5. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в 2019 г.

Таблица 3

Число созданных (разработанных) передовых производственных технологий в СФО, ед.

Субъект Российской Федерации	2012	2019
Сибирский федеральный округ	126	151
Республика Алтай	-	-
Республика Бурятия	-	-
Республика Тыва	1	1
Республика Хакасия	-	-
Алтайский край	4	1
Красноярский край	33	28
Иркутская область	7	43
Кемеровская область	14	8
Новосибирская область	53	25
Омская область	8	17
Томская область	6	9

*Источник: составлено по [7].

На территории Иркутской области в отличие от более успешных в инновационном плане субъектов СФО осуществляют свою деятельность. В этой связи основная доля технологических инноваций приходится на группу компаний в сфере производства нефтепродуктов – 47,1 %, Целом приходится на машины – 16 %, на самолетостроение – 15,9 % и на производство электрооборудования – 0,15 %, это говорит о том, что Иркутский авиационный завод является лидером в Иркутской области по применению технических инноваций. Доля собственных средств составила 94,7 %, доля средств федерального бюджета – 2,4 %, доля прочих средств – 2,9 %. Эта ситуация вряд ли изменится в ближайшее время в связи с темой, что существуют ставки банковских кредитов для предприятий высокого.

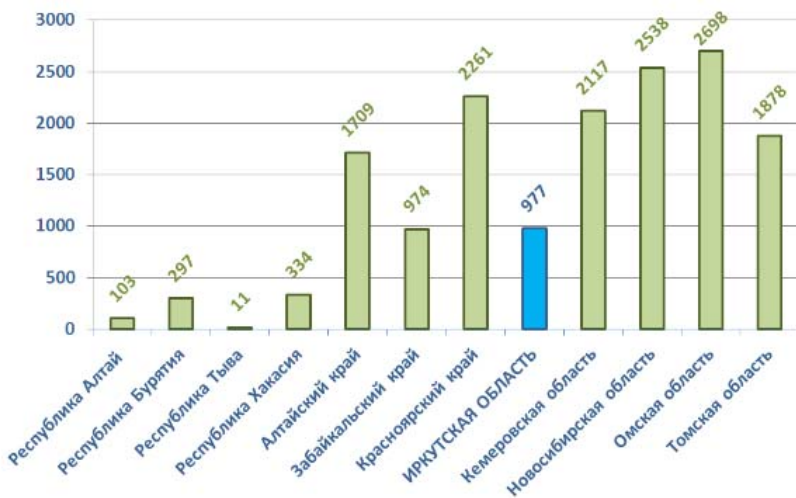

Рис. 6. Число используемых передовых производственных технологий в СФО в 2018 г.

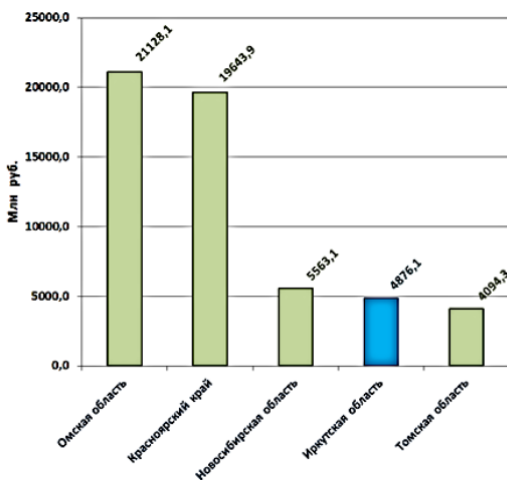

Рис. 7. Затраты в 2018 году на технологические инновации организаций в отдельных субъектах СФО

На территории Иркутской области, в отличие от более инновационных субъектов Сибирского федерального округа, работают всего два предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК), поэтому доля машиностроения – основной площадки для инноваций – в промышленности региона составляет всего 11,03 %. При этом основная доля технологических инноваций в группе компаний приходится на производство нефте-

продуктов – 47,1 %. В целом машиностроение составляет 16,3 %, оборонно-промышленный комплекс – 16,05 %, авиастроение – 15,9 %, производство электрооборудования – 0,15 %. Это говорит о том, что Иркутский авиационный завод является лидером по внедрению технологических инноваций в Иркутской области. Организационное самофинансирование остается основным источником покрытия затрат на технологические инновации. Доля собственных средств составила 94,7 %, доля федерального бюджета – 2,4 %, доля прочих средств – 2,9 %. Маловероятно, что эта ситуация изменится в ближайшем будущем, поскольку существующие процентные ставки по корпоративным банковским кредитам высоки, хотя первоначальная рентабельность инноваций довольно низкая.

Таким образом, существуют различные механизмы реализации инновационного развития г. Иркутска как центра инновационной экономики. Данные механизмы предполагают создание различных условий для эффективной работы структур поддержки малого и среднего наукоемкого предпринимательства, а также внедрения инноваций в действующих крупных промышленных компаниях города.

В работе изучено понятие инновационного процесса, рассмотрена сущность понятия «инновационное предпринимательство», описаны стадии жизненного цикла инновационных предприятий на основе зарубежной и отечественной научной литературы. Определены теоретико-правовые и методологические проблемы, связанные с пониманием природы инноваций, жизненного цикла инноваций и основ инновационной предпринимательской деятельности. Также определены проблемы развития инновационного предпринимательства в субъектах РФ и возможные пути их решения. Определены возможности влияния реформирования территориальной организации местного самоуправления на обеспечение целостного и эффективного решения задач местного самоуправления. Исследовано состояние инновационного предпринимательства в Иркутской области: проанализировано современное состояние развития инновационного предпринимательства и определены перспективные направления инновационной деятельности Иркутской области. Изучены перспективные направления инновационной деятельности, проведен анализ современного состояния на основе статистических данных из сборника «Регионы России» (2019 г.), предложены рекомендации для совершенствования инструментов государственного регулирования инновационного предпринимательства в Иркутской области, которые представлены в виде схемы.

Список литературы

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р.
2. Стратегия социально-экономического развития Сибири на период до 2020 года : утв. Распоряжением Правительства РФ от 05.07.2010 № 1120-р.

3. Данные федеральной службы государственной статистики // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения 09.01.2021).
4. Альмухамедов А. А. Инновационная деятельность в Иркутске // Региональная и отраслевая экономика : сайт. URL: http://www.akvobr.ru/innovacionnaja_dejatelnost_v_irkutске.html (дата обращения: 09.01.2021).
5. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
6. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 245–249.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 328–333.
8. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
9. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. : материалы / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–104.
10. Заварзина Ю. В. Ресурсность территории: социальная сущность кластерного развития регионального туризма // Социология. 2020. № 3. С. 190–198.
11. Заварзина Ю. В. Социальные последствия кластерного развития регионального туризма (на материалах Иркутской области) : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 166 с.
12. Заварзина Ю. В., Батянова Л. Н., Москвитина Н. В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 315–318.
13. Заварзина Ю. В. Правовые, социальные и естественные предпосылки формирования территориального развития // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 221–226.
14. Москвитина Н. В., Иванов Р. В., Заварзина Ю. В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. А. Д. Карнышев, В. А. Решетников. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 158–161.
15. Основы социального моделирования : учеб. пособие / О. А. Полюшкевич, Ю. В. Борисова, Л. Н. Батянова, Р. В. Иванов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 190 с.

Стратегии развития фондов местных сообществ как источников поддержки некоммерческого сектора: анализ мирового опыта

Рассматриваются особенности развития институтов гражданского общества на примере фондов местных сообществ. Анализируется мировой опыт создания и развития фондов местных сообществ и условия его реализации в современной России. Изучаются стратегии расширения функционирования фондов местных сообществ в разных муниципальных образованиях.

Ключевые слова: гражданское общество, местные сообщества, фонды, некоммерческие организации, третий сектор, мировой опыт

Treskin P. A., Nizhny-Novgorod

Development strategies of community foundations as sources of support for the non-profit sector: analysis of world experience

The article examines the features of the development of civil society institutions using the example of local community foundations. The world experience in the creation and development of funds of local communities and the conditions for its implementation in modern Russia are analyzed. Strategies for expanding the functioning of local community funds in different municipalities are being studied.

Keywords: civil society, local communities, foundations, non-profit organizations, third sector, world experience

Условия и возможности для развития фондов местных сообществ в разных странах могут резко отличаться от условий в североамериканских странах. Например, другим странам может быть свойственно гораздо менее стимулирующее налоговое законодательство, меньшее количество обеспеченных людей, культурные последствия коммунистического прошлого. Соответственно другими становятся и задачи, которые решают благотворительные организации. Но практика показала, что фонды местных сообществ могут встраиваться в местный контекст совершенно разных сообществ, сохраняя свои основные характеристики и принципы. Они успешно адаптируются к существующим благотворительным традициям, видам доступных ресурсов и потребностям сообщества, принимая уникальную форму, соответствующую конкретной стране или территории.

Так, например, различаясь в традициях филантропии, США и Европа различны в типах основных источников финансирования. В США сильно развита культура частной благотворительности и пожертвований на решение местных проблем. Филантропия не чужда людям любого достатка, часто ведется открыто и поощряется обществом. Поэтому не удивительно, что частные лица составляют основную часть доноров Фондов. В Европе, филантропия традиционно имела более патерналистскую форму (т. е. практиковалась верхними слоями общества либо осуществлялась через посредников вроде церкви). Более того, в некоторых странах, например в Великобритании, частные лица больше нацелены на национальные и международные проблемы, нежели чем на местные нужды. Поэтому фонды

местных сообществ Великобритании первоначально имели больше вкладов, направляемых местными компаниями, потому что они в большей степени видели ценность развития местного уровня – на этой территории проживали их работники и клиенты.

В Центральной и Восточной Европе традиции филантропии на протяжении многих лет подавлялись коммунистическим режимом, поэтому там фонды местных сообществ первым делом стараются взрастить культуру частных пожертвований и социально ответственного бизнеса.

Фонды также могут использовать совершенно разные принципы в формировании органов управления. Так, в отличие от англо-американской модели, где есть только один орган, одновременно руководящий стратегией и выполняющий исполнительную роль, модель Фонда в Германии, Италии и Польше имеет несколько руководящих органов, объединенных в систему сдержки и противовесов [3,8,9].

Фонд местного сообщества Германии, например, имеет как минимум два Совета – исполнительный, который разрабатывает стратегию и выполняет исполнительную роль, и надзорный, который следит за действиями первого. Та же структура управления в Фондах Польши, где исполнительный совет функционирует отдельно от Надзорного Комитета, задача которого обеспечить открытость и прозрачность всех финансовых операций. В Италии ответственность за все операции лежит на Совете Директоров, который создает исполнительный комитет и Исполнительный Совет для управления повседневными делами. Эти два органа – Совет Директоров и Исполнительный Совет – контролируются Советом Внутренних Аудиторов. Помимо этого, существует также Совет по разрешению конфликтов. Он выступает судьей в спорах как между всеми этими органами, так и между донорами и самим фондом.

Понятие «сообщества» также является задачей для фондов местных сообществ в некоторых странах. В США это понятие означает географическую территорию, к которой люди имеют сильную локальную привязанность и чувство идентификации с этой территорией. Традиции индивидуальной и коллективной самопомощи, вера в то, что каждый человек может внести свой вклад, и ценность того, чтобы сделать мир лучше для будущего поколения по-прежнему является основой национальной психологии.

В Европе идентификация себя и принадлежность к чему-либо имеет другие культурные и, как следствие, лингвистические основы. Причиной тому исторические особенности, свойственные Европейской части мира: от постоянно меняющихся национальных и региональных границ до различных политических режимов, таких как коммунизм, который вообще ликвидировал понятие местной инициативы. Поэтому сложно описать концепцию фондов местных сообществ в некоторых странах, не имея должного понятийного аппарата. Обычно слово, ассоциирующееся с понятием «сообщество» имеет политическое или юридическое значение.

Законодательство и налоговые преференции. Они влияют на тип источника и сумму пожертвований. Так, в США действует налоговый стимул для частных и корпоративных доноров с тем, чтобы давать деньги Фондам, нежели создавать свой частный фонд. Ситуация различна в Европе. Некоторые страны, такие как Великобритания, имеют налоговые поощрения для тех, кто дает деньги на благотворительность, существует среда, ориентированная на новые идеи и подходы к распространению филантропии. Другие страны Европы, особенно те, что в Центральной и Восточной ее части, руководствуются устаревшими, а иногда и не поощряющими законами в регулировании деятельности, связанной с Фондами, обеспечивают недостаточную правовую базу либо вообще ее не обеспечивают для тех, кто дает деньги на благотворительность [1]. Более того, мешают созданию устойчивой инвестиционной практике Фонда ненадежная финансовая система и экономическая нестабильность страны.

Различна роль Фонда в сообществе. Фонд местного сообщества в США обычно акцентируют свою деятельность на грантодающей функции и редко ведут программы. В некоторых Европейских странах, опять же особенно в Центральной и Восточной Европе, где некоммерческий сектор не 83 56 развит, и иногда некому заняться выполнением проектов, фонды местных сообществ часто создают и проводят программы самостоятельно. Также европейские фонды местных сообществ более тесно связаны с государственными органами власти в решении задач сообщества, включают представителей власти в Правление Фонда на партнерских основах. Способность фондов местных сообществ адаптироваться к различным социально-экономическим условиям стала основной движущей силой распространения этой концепции по всему миру. По мере появления все большего количества Фондов, становится заметно, что перенять модель Фонда и сделать ее своей может практически любая страна, регион или сообщество [5; 11].

Создание и развитие фонда местного сообщества на территории определенного сообщества – не простая задача, требующая учета уникальных, свойственных территории экономических, политических, социальных, культурных и других условий. Трудно сохранить баланс между оригинальной идеей функционирования Фонда и той средой (часто далекой от демократических устоев США), в которой предстоит обосноваться Фонду. Поэтому, с целью помочь внедрению фондов местных сообществ, запустить механизм его деятельности и поддержать развитие, по мере появления фондов местных сообществ, стали появляться т. н. поддерживающие организации (support organizations). Их роль становится особенно важной на начальной стадии становления Фонда, когда он не имеет ресурсов, признания, технологий и стандартов работы, не налажены связи с потенциальными партнерами, и экономические, культурные и другие особенности страны в какой-то степени затрудняют внедрение концепции. Определенные роли поддерживающие организации выполняют и в отношении уже активно действующих Фондов, способствуя их дальнейшему развитию.

Таким образом, *поддерживающую организацию* можно определить как некоммерческую организацию (фонд, ассоциацию или другую НКО), которая способствует развитию новых или развивающихся Фондов посредством, например, тренингов, обеспечения информацией, создания партнерских сетей [2,10].

Роль поддерживающих организаций и услуги, которые она предоставляет Фонду, должны быть непосредственно связаны с нуждами этого Фонда, которые различны в разные периоды его функционирования. Так, можно выделить период становления фонда местного сообщества и период его развития. Соответственно следует выделить и определенные потребности каждого периода работы [4,12].

- *Необходимость первоначального финансирования Фонда.* Так как это ключевая потребность фонда местного сообщества – финансирование, то поддерживающая организация может сыграть здесь очень важную роль, спонсируя первые шаги Фонда в сообществе. Но финансирование должно быть заменено советами и ориентированием на самостоятельное формирование своего денежного фонда, как только фонд местного сообщества встанет на ноги.

- *Устранение конкуренто-ориентированного поведения со стороны других НКО.* На ранних этапах становления фонд местного сообщества может столкнуться с тем, что другие НКО будут рассматривать его как конкурента. Поэтому Фонду потребуются помощь в установлении партнерских контактов с местными НКО, и разъяснении им того, что партнерские отношения могут быть выгоднее обеим сторонам.

- *Позволить учиться Фондам на своих ошибках.* Фонды местных сообществ – независимые организации и должны сами учиться эффективной работе. Если постоянно следить за ними, постоянно давать советы и руководства к определенным действиям, они не станут самостоятельными профессиональными организациями. Поэтому необходимо соблюдать баланс поддержки и самостоятельности.

- *Помощь в поиске необходимого консультирования.* Фонды местных сообществ часто стараются найти независимую консультационную поддержку. Поэтому поддерживающие организации могут помочь им в поиске подходящих консультаций, особенно консультаций экспертов, разбирающихся в практике фондов местных сообществ.

Соответственно, можно выделить основные роли поддерживающих организаций.

Таким образом, роли поддерживающей организации будут меняться вместе с ростом масштаба деятельности фонда местного сообщества и по мере того, как Фонд будет становиться «взрослее». Сама поддерживающая организация может меняться структурно и в стиле деятельности, брать на себя новые роли, подстраиваясь под изменившиеся потребности Фонда.

Другой ролью поддерживающей организации, которая не входит в эту таблицу, является разработка и поддержание *стандартов деятельности и*

этических кодексов фондов местных сообществ. Они являются важным инструментом в продвижении бренда фонда местного сообщества, обеспечивая и подтверждая добросовестную практику функционирования Фондов и, таким образом, поддерживая доверие со стороны партнеров, сообщества и других субъектов поля деятельности Фонда.

Вопросом остается: что делать с теми фондами местных сообществ, которые не хотят придерживаться общих стандартов и принципов деятельности? С одной стороны, исключив их из тех, кого можно называть фондом местного сообщества, нельзя запретить им функционировать самим по себе. С другой стороны, называя себя фондом местного сообщества, такая организация ставит под сомнение репутацию традиционных (стандартных) Фондов.

Другой не менее значительной ролью, важной на всех стадиях развития фонда местного сообщества, является *маркетинг*. Фонды местных сообществ занимаются маркетингом на своем местном уровне, но роль поддерживающей организации – маркетинг бренда фонда местного сообщества, маркетинг на более высоком уровне по своей масштабности. Важность заключается в том, чтобы объяснить концепцию Фондов, используя сильные (влиятельные) месседжи (послания), и передать видение сообществу. Сообщество должно само определить и выделить преимущества фонда местного сообщества, должно понимать его значение.

Хорошие истории могут продемонстрировать профессионализм и надежность Фонда. Целевые группы здесь: финансовые институты, компании, частные лица и семьи, сами сообщества, группы сообщества, НКО, власть, другие фонды, потенциальные трасты, политики (в области налогового законодательства) и исследователи. Фонды местных сообществ рассказывают хорошие истории – поддерживающие организации собирают и упаковывают их для определенной целевой группы. Истории предназначены для всех целевых групп. Другими способами привлечения могут быть стандарты и принципы фондов местных сообществ (что «сообщает» об их надежности), статистика, примеры выдачи грантов и большая польза от них.

В США поддерживающие организации, работая над маркетингом Фондов, проводят различные кампании и распространяют PR-материалы. Так, была проведена специальная кампания, разработанная Фондом Форда, Aspen Institute и восемью фондами местных сообществ [6]. Особенно замечательными были цитаты и истории. Местные кампании поощряют людей давать деньги на благотворительность; национальные – содействуют осведомленности и пониманию, осознанию важности проблемы и поощряют доноров участвовать в создании фондов местных сообществ.

Таким образом, маркетинг Фонда как бренда необходим:

- для распространения филантропии и увеличения финансовых источников;
- достижения четкого представления о том, что такое фонд местного сообщества и доверия со стороны прочих субъектов;

- достижения ясных представлений о преимуществах фонда местного сообщества и его выгоды;
- предотвращения использования бренда другими организациями, не являющимися фондами местных сообществ – охраняя брендинг от ложных Фондов.

Несмотря на все перечисленные роли, способствующие развитию фондов местных сообществ, поддерживающие организации часто имеют трудности, пытаясь убедить своих доноров в ценности, которую они несут развитию концепции Фондов. Так же как и фонды местных сообществ поддерживающие организации должны *обеспечить финансирование* своей деятельности.

Плата за определенные услуги, предоставляемые фондам местных сообществ, могут быть частичным выходом. Но надо учитывать, что не все Фонды могут оплачивать подобный сервис на начальных ступенях развития, особенно Фонды развивающихся стран, поэтому при подобной практике поддерживающей организации следует различать контекст и ситуации, когда можно использовать подобные способы фандрайзинга. Лучшим способом (хотя и более времяемким) получения денег является развитие сильной культуры филантропии – так, чтобы доноры узнали и осознали потребности благотворительной инфраструктуры.

Среди поддерживающих организаций можно выделить: международных доноров (Фонд Чарльза Стюарта Мотта, Фонд Форда, Всемирный Банк, USAID, Фонд Сороса), фонды, поддерживающие развитие ФМС на международном уровне (например, Freudenberg Stiftung, Charities Aid Foundation), организации, поддерживающие развитие ФМС на национальном уровне, международные сети (WINGS-CF, TCFN), сети ФМС, созданные для решения программных задач (например, Aspen Institute's Rural Development Philontology Learning Network – занимается развитием филантропии, Youth Advisory Committees and Youth Banks – занимается проблемами молодежи и развитием Молодежных Банков) [7].

Таким образом, понятно, зачем для успешного развития и функционирования фонда местного сообщества необходимы поддерживающие организации. Их роль можно проследить на стадии становления и дальнейшего развития любого Фонда, которому бывает сложно приспособиться к определенным условиям территории (или страны, на которой она находится), преодолеть первоначальные финансовые и другие трудности и повторить концепцию на практике. Отдельно стоящими задачами для поддерживающих организаций являются создание и распространение стандартов и этических кодексов фондов местных сообществ, а также проведение маркетинговых кампаний и развитие идеи Фонда в мировых масштабах.

Поддерживающие организации ускоряют развитие фондов местных сообществ, распространяют идею Фондов и поддерживают создание Фондов по всему миру, делают возможным экономии на масштабах в обслуживании фондов местных сообществ, объединяют отдельные фонды мест-

ных сообществ, способствуя их большему влиянию и, объединяя людей и их практический опыт, новым творческим решениям.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 245–249.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3(44). С. 328–333.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2020. С. 58–65.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 165–169.
5. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–104.
6. Завьялов А. В. Воспроизводство коммуникации: от конструирования образов до их потребления // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. С. 49–55.
7. Иванов Р. В. Гражданская активность в России // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Всерос. научного форума «Наука будущего – наука молодых» : в 2 т. Нижний Новгород : ННГУ, 2017. С. 530–533.
8. Иванов Р. В. Гражданское общество в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XV Межрегион. науч. конф. молодых ученых. 2017. С. 208–209.
9. Скуденков В. А. Лидерство и социальное развитие // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 180–184.
10. Трескин П. А. Вклад НКО в социально-политическое пространство Байкальского региона // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск : ИГУ, 2017. С. 130–139.
11. Трескин П. А. Гражданское общество: мифы протеста или консенсуса? // Политический консенсус в XXI веке: противодействие идеологии терроризма и обеспечение безопасности : сб. науч. тр. Иркутск, 2017. С. 207–210.
12. Трескин П. А. Роль третьего сектора в общественном воспроизводстве // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 19–22.

ВЭД регионов России как фактор нормативного и социально-культурного развития территорий

Рассматриваются условия и перспективы развития регионов Российской Федерации. Анализируются вопросы сбалансированного развития территории. Выделяются особенности развития регионов и универсальные формы моделирования территориального развития.

Ключевые слова: Мировая экономика, внешнеэкономическая деятельность, пространственное развитие, локальная экономика.

O. K. Lashko, *Moscow*

Foreign economic development of territories activity of regions of Russia as a factor of regulatory and socio-cultural development of territories

The article examines the conditions and prospects for the development of the regions of the Russian Federation. The issues of balanced development of the territory are analyzed. The features of the development of regions and universal forms of modeling of territorial development are highlighted.

Keywords: World economy, foreign economic activity, spatial development, local economy.

Пандемией COVID-19 «вергла мировую экономику в самую глубокую рецессию со времен Второй мировой войны. Несмотря на активные меры поддержки экономики в 2020 г. прогнозируется падение глобального ВВП на 5,2 % с последующим восстановлением в размере 4,2 % в 2021 году» [1].

Очень сложно дать оценку социально-экономическому состоянию в России. Выделим основные моменты.

1. Темпы экономического роста в начале 2019 г. составили 2,3 %, многие эксперты полагали, что он будет еще ниже, в пределах 1,6–1,8 %. «С учетом пандемии рост экономики будет составлять –4 % в 2020 г. При положительном сценарии рост экономики постепенно возобновится в 2021 и 2022 гг. к 2,6 и 3,0 % соответственно» [1].

2. По состоянию на 2021 г. пандемия и снижение цен на энергоносители стали основными причинами дефицита бюджета 70 % регионов (58 из 85 субъектов Российской Федерации).

3. В период до пандемии, помимо низких темпов роста падал и уровень благосостояния населения в течение 5 лет. Тем не менее, уровень безработицы снижался, рос и уровень реальной зарплаты. «Прирост кредитов обогнал прирост вкладов. Эти данные могут свидетельствовать как о нехватке собственных средств (потребление за счет кредитов), но так и о стабилизации ситуации, что позволяет людям брать кредиты» [2].

4. Благодаря тому, что сохранялась благоприятная макроэкономическая ситуация: низкий государственный долг, ослабление зависимости бюджета от нефтегазового сектора удалось справиться с кризисом 2020 г. с меньшим ущербом.

Как видим, социально-экономическая ситуация в стране остается крайне сложной и непредсказуемой. И сейчас вопрос долгосрочного устойчивого экономического роста, ведущего к технологической модернизации и повышению уровня жизни населения, является крайне актуальным.

Нужно отметить, что произошла очень важная трансформация. От экономики спроса к экономике предложения. В 2010–2014 гг. модель экономики основывалась на стимулировании спроса, различных социальных выплатах, поднятии зарплат и пенсий. Модель, которая начала образовываться в 2018 г. – это модель экономики предложения. Она ориентирована на развитие транспортной, производственной и социальной инфраструктуры и поддержанием инвестиционной активности для ее развития.

Но социально-экономическая дифференциация, как между регионами, так и внутри самих субъектов остается одной из главных проблем России. Территории, которые расположены за пределами крупных агломераций, все больше теряют свой экономический и социальный потенциал.

Одним из итогов рыночных преобразований в России стало плотное вовлечение страны в мирохозяйственные экономические связи на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ является основным законом, который регулирует внешнеэкономическую деятельность государства. Также в нем обозначены региональные полномочия в области ВЭД. Ведению федерального центра и субъекта РФ подлежат вопросы координации внешней торговли, создания и реализации внешнеэкономических программ, контроль выполнения международных договоров в сфере ВЭД, также вопрос регулирования свободных экономических зон.

Обратимся еще к одному важному документу – Стратегии Пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года и важному термину. Пространственное развитие, как указано в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года означает модернизацию и улучшение системы организации экономики, за счет проведения и создания эффективной как региональной, так и государственной внутренней политики [3]. К сожалению, новая Стратегия пространственного развития не учитывает глобальные тенденции. Не прописаны возможные риски и возможности масштабных инфраструктурных проектов и интеграционных объединений. Также в ней не прописаны возможности внешнеэкономической деятельности для регионов, как инструмент развития территорий. Помимо федеральных законов важную роль в международной экономической деятельности регионов имеют международные соглашения субъектов РФ. Отдельные регионы создали свои зарубежные представительства: Республика Бурятия, Республика Тыва, Забайкальский край, Иркутская область – в Монголии.

Но отметим, что существуют недоработки в законодательной базе, как на федеральном, так и на региональном уровнях. В большей мере они касаются вопросов регулирования грузоперевозок, тарифного регулирования, маркировки товаров.

«Однако выявлено, что практика осуществления международной, внешнеэкономической деятельности субъектами РФ намного опережает развитие законодательства в данной сфере. Поэтому, субъекты РФ принимают свои региональные нормативно-правовые акты. В Сибирском Федеральном Округе региональные законы приняты в 5 из 12 субъектов РФ (Алтайский край – 2005 г., Забайкальский край – 2009 г., Иркутская область – 2007 г., Новосибирская область – 2000 г., Республика Тыва – 2005 г.)» [4].

Так, ВЭД один из основных вопросов для региональных властей, так как экономическая активность служит фактором социально-экономического развития территорий.

Отметим факторы, которые влияют на выработку стратегии внешнеэкономической деятельности:

1. Местоположение региона, ресурсы, инфраструктура, экологическая ситуация. Безусловно, оценка ресурсной базы, как и своего региона, так и соседних субъектов или заинтересованных сторон имеет первостепенную важность. Отметим еще сложную обстановку в приграничных регионах, которые не всегда могут самостоятельно выстроить внешнеторговую политику и нуждаются в помощи государства. Радует, что в 2017 г. был принят Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».

2. Трансграничные транспортные коридоры, интеграционные объединения. Положение России в центре Евразийского континента и ее геополитическая роль в мире накладывают свои особенности, как позитивные, так и негативные. С экономической точки зрения, такое расположение может нести много возможностей. Так страна находится между крупнейшими торговыми партнерами Китаем и ЕС. Создание ЕАЭС – это дополнительные инструмент развития транспортных коридоров. «Глобализация мировых рынков, формирование глобальных цепочек поставок, текущие экономические тенденции позволяют рассчитывать на дальнейший рост объемов мировой торговли. Основным вызов транспортному комплексу ЕАЭС состоит в реализации возможностей по переориентации части перевозимых товаров между крупнейшими мировыми рынками на перевозки по территории ЕАЭС» [5].

Магистраль, транспортные коридоры, газо- и нефтепроводы сегодня играют важную роль в выборе вектора развития внешнеторговой стратегии.

В трансграничных коридорах заинтересованы многие субъекты. Так регионы Сибирского федерального округа высказали свою заинтересованность в транспортных коридорах с Китаем и Монголией.

Дальний Восток – регион с колоссальным транзитным потенциалом, также работает в сторону развития транспортных коридоров. Ведь через регион проходят крупные международные маршруты. Сегодня речь идет о трансграничных международных транспортных коридорах Приморье-1 и Приморье-2. Данный проект долгое время лежал на бумаге, но постепенно начинает воплощаться.

Международное сотрудничество по линии БРИКС, ЕАЭС и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) несет в себе инструменты и методы для достижения задач, обозначенных руководством страны. Данные международные интеграционные объединения и их взаимодействие, безусловно, источники возможностей для развития территорий России. Как думается, в первую очередь это азиатский регион страны, северные области, но также и южные территории России, которые развиваются недостаточно быстро и эффективно как могли бы.

Инфраструктурные проекты могут стать основой развития межгосударственного сотрудничества и развития всего континента Евразии. Для России такие проекты будут являться решением как политических проблем, так и экономических. Но нужно отметить, что в России официальной стратегии по инфраструктурному развитию Евразии нет. Хотя существует китайский проект «Одного пояса – одного пути», государственная программа в Казахстане «Нурлы жол», проект в Монголии «Степной путь»[6]. Нужно отметить, что исследовательский центр «Валдайский клуб» разработал концепцию «Большой Евразии», которая нашла отклик у широких кругов исследователей и начала использоваться в официальном дискурсе, сейчас эта концепция обозначается термином «Большого Евразийского партнерства».

Безусловно, ВЭД регионов РФ должна опираться не только на федеральную помощь, но в большей степени на ресурсы внутри региона.

Во многих странах, таких как США, Великобритания, Канада, большинство государств Западной Европы, Китай, Индия, Пакистан уже в XX веке сложилось представления о неравномерном развитии территорий и необходимости принятия мер по развитию своего пространства. Сформировалось явление – локальной экономики (community development, local development, local economic development и т. д.)[7]. Локальная экономика – это другой метод развития малых территорий, в первую очередь, это развитие за счет местной общины, активности местных жителей. И этого удалось достигнуть многим странам. Например, половину экспорта Индии составляют товары произведенный небольшими промышленными цехами – SSI, small-scale industries – маломасштабными производствами.

Одним из факторов, влияющих на процесс, является миграция, которая также разница от одного региона к другому особенно на фоне пандемии [8].

Отметим, что залогом успешного развития являются несколько факторов: качественная государственная стратегия, сильное общество и качественная коммуникация внутри органами власти и обществом.

Список литературы

1. Доклад Всемирного банка об экономике России (44-й выпуск серии). URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/publication/ger> (дата обращения: 30.01.2021).
2. Мау В. А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13 февр. 2019 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUt08o660RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).
4. Состояние правового регулирования внешнеэкономической деятельности субъектов Российской Федерации и пути его совершенствования. URL: <file:///C:/Users/rst/Downloads/sostoyanie-pravovogo-regulirovaniya-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti-subektov-rossiyskoj-federatsii-i-puti-ego-sovshhenstvovaniya.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).
5. Аналитический доклад «Анализ существующих международных транспортных коридоров, проходящих через территории государств – членов». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinf/transport/Documents/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%205%20%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BC.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).
6. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А. В. Лукина и В. И. Якунина. М. : Весь Мир, 2019. С. 220
7. Турин Г. В. Как поднять глубинку. Локальная экономика в России и мире. Санкт-Петербург : Издат. проект «Живая провинция», 2018. С. 189.
8. Арутюнов А. Г., Скочиков А. К. Миграция как социально-политический фактор влияния и объект трансформации в российском обществе в период пандемии коронавируса и после нее // Общество. Доверие. Риски : материалы Ежегод. междунар. форума / под общ. ред. И. В. Грошева. 2020. С. 12–16.

УДК 316.46
ББК 87.6

А. А. Федосеева, *Архангельск*

Лидер в предпринимательстве: социально-философский анализ

Проведен социально-философский анализ лидера в предпринимательской сфере. Проанализированы личностные качества, цели, стратегии принятия решений, опыт, социальная ответственность успешного лидера. Представлен образ лидера в организационной среде и за ее пределами.

Ключевые слова: лидерство, лидер, предпринимательская сфера, предприниматель, руководитель, стиль управления, организационная среда.

A. A. Fedoseeva, Arkhangelsk

Leader in Entrepreneurship: a socio-philosophical analysis

This article presents a socio-philosophical analysis of the leader in the entrepreneurial sphere. Personal qualities, goals, decision-making strategies, experience, and social responsibility of a successful leader are analyzed. The image of the leader in the organizational environment and beyond is compiled.

Keywords: leadership, leader, business sphere, entrepreneur, manager, management style, organizational environment.

Предпринимательство, производство чего-либо предполагает наличие сильного руководителя, владельца компании. В его руках сосредоточены важнейшие задачи: уметь планировать дальнейшие действия фирмы, организовывать людей, определять функции каждого сотрудника, замотивировать, обучить его, проконтролировать то, как им выполняются все функции. За лидером должны тянуться другие люди, он должен обладать таким качеством как умение увлекать окружающих. Сегодня на рынке большое количество продавцов и покупателей. К одному предпринимателю идет большей число людей, а к другому-меньшее. И дело совсем не в качестве товара, а, скорее, в организации производства, умении зарекомендовать себя на рынке, получить там «громкое» имя. В связи с этим возникает вопрос, каким же должен быть лидер в предпринимательстве? В данной работе нам хотелось бы проанализировать его образ, путь, цель, лидерские характеристики, стиль работы, стратегию, семья, увлечения, оборот, количество рабочих мест, сфера, наличие производственной базы, социальная ответственность.

Образ лидера. Приходит на ум следующий образ – человек, который уверен в себе, имеет большой багаж знаний. Им может быть и женщина, и мужчина. Лидер должен отличаться от начальника, т. е. свое влияние он должен демонстрировать, не только благодаря своей власти, но и особыми качествами: харизмой, мудростью, большим опытом, знаниями. Лидер должен пройти тернистый путь карьеры, чтобы наработать свой опыт. Например, известный предприниматель Джек Уэлч, который родился в семье кондуктора, начинал свою карьеру с должности офицера [1]. Его отличало то, что долго на рабочем месте он не задерживался, если его что-то не устраивало, он старался найти новое место, в особенности его интересовало то, есть ли в компании возможность развития. В итоге он дослужился до генерального директора и увеличил денежный оборот фирмы в несколько миллионов. Удалось ему это благодаря его желанию учиться, достигать все новых и новых высот. Предприниматель утверждал, что центральная идея развития бизнеса возникла у него благодаря тому, что он умел анализировать все происходящее и смог увидеть, меняя место работы, как организуют свою деятельность плохие и хорошие компании. Следовательно, можно сделать вывод, что путь лидера составляется из большого опыта и долгих лет труда, он должен видеть все формы организации деятельности и брать от них лишь лучшее, преследуя определенную цель.

Говоря о целях лидера-предпринимателя, нужно сказать, что определиться с ними достаточно сложно, ведь все зависит от психологических особенностей человека. В связи с этим следует отметить, что некоторые преследуют следующую цель – продвижение вверх по карьерной лестнице, а другие стремятся заработать большой капитал, увеличить денежные

средства фирмы. Мы будем исходить в своих умозаключениях из последнего положения. Лидер-это не тот, кто гонится за капиталом. Безусловно, он стремится его преувеличить и желает сделать это как можно скорее, однако в первую очередь лидер преследует цель определения правильного курса, правильной стратегии для того, чтобы получить наиболее выгодные предложения. Он не думает о том, как обогатиться на лишний рубль сегодня, он проектирует жизнь, в которой завтра получит достаточно больше, чем вчера. Сейчас мы затронули тему стратегии лидера в предпринимательстве. Какая же все-таки у него она должна быть? И должна ли быть вообще?

На поставленный выше вопрос можно ответить однозначное «да». Важно заметить, что стратегия в процессе ведения деятельности может меняться, набирать новые обороты, выглядеть иначе. Если лидер может менять свой путь, свои планы, исходя из появившихся условий, это только его преображает в обществе. Вернемся к стратегии, как правило, она должна быть направлена на проведение ряда мероприятий, который приведут к достижению конкурентных преимуществ за счет низких затрат на отдельные элементы товара или услуг и соответственно более низкой себестоимости по сравнению с конкурентами. Говоря кратко, стратегия состоит из маленьких шагов, которые приведут к поставленной цели. Она должна быть построена таким образом, чтобы привести к снижению затрат на товары и услуги и получению большей экономической выгоды.

Каждый лидер должен отличаться от другого манерами поведения и стилем руководства. Сегодня их можно выделить несколько – авторитарный, демократический и попустительский стили [2]. Первый заключается в деловых, кратких распоряжениях; запретах без снисхождений, возможно, с угрозами. Второй делает акцент на дискуссиях, товарищеском тоне, а третий находится в стороне от группы и лишь изредка ей управляет. На наш взгляд, самым благоприятным стилем лидерства в рассматриваемых нами рамках является демократический. Также считает исследователь, проводящий социальные эксперименты в этом направлении – К. Левин [3]. Сегодня его типология хоть и считается устаревшей, однако на ней базируются многие, вновь созданные современными исследователями, социологами теории.

Вышеупомянутые данные, в полной мере раскрывают сущность лидерства внутри фирмы, о том, какими же качествами и целями он должен обладать, однако этого недостаточно для полного составления картины. Следует обратиться к лидеру, как к человеку вне его организации. Возникает вопрос, чем он может заниматься вне коллектива, вне своего управления? Успешный лидер – это тот человек, который умеет отвлекаться от своей рабочей атмосферы. Умение разгрузиться и освободиться от негативных мыслей настраивает его положительную обстановку. Но при этом он находится в готовности всегда помочь кому-то или решить какой-либо вопрос.

Также стоит отметить важность и роль института семьи для лидера. Совсем ошибочно полагать, что руководитель не может иметь хорошие отношения с семьей, что она тянет его вниз, не дает развиваться, напротив, можно предположить, что семья дает дополнительную мотивацию и стимул идти к намеченным целям. Любимый человек, дети – это то, что может замотивировать совершенствовать себя, свою жизнь, то, что заставляет двигаться вперед и избавляет от желания бросить все и закончить начатое. Семья – это прежде всего ответственность. А хорошим лидером является тот, кто понимает, что это за понятие. Также многие бизнесмены имеют собственные увлечения, среди которых охота, рыбалка, спорт, кинематограф и множество иных хобби. Лидер, не позволяющий себе отдыхать, не сможет долгое время развиваться и тянуть за собой коллектив. Любому человеку нужна разгрузка, и найти он ее может в обществе важных для него и ценных людей и за приятным времяпрепровождением.

В завершение хочется добавить, как лидер в предпринимательской сфере должен организовывать свою рабочую деятельность, о том, сколько рабочих мест должен выделять, каким денежным оборотом может владеть, какую ответственность должен нести. В первую очередь, количество рабочих мест не должно превышать необходимой нормы, помощников не должно быть слишком много, но, в то же время, работодатель не должен один выполнять всю работу. Также не обязательно то, что предприниматель имеет производительную базу, конечно, это идеальный вариант. Тогда от него будет зависеть и качество товара, и его стоимость, и скорость производства, однако есть и такие умельцы, которым это вовсе необязательно. Они способны самостоятельно справляться и держаться на рынке путем успешной покупки товаров и не менее успешной ее продажи. Безусловно, вопрос о бизнесе здесь спорный, однако такие люди держатся на рынке. Любой предприниматель несет ответственность за потребителей товаров, которые они продают, а также за каждое совершенное ими действия.

Таким образом, нами был произведен социально-философский анализ образа лидера в предпринимательстве. Лидером может быть и владелец крупной компании, и индивидуальный предприниматель, поэтому нами был рассмотрен собирательный образ, было описано нечто среднее между ними.

В центре полученной картины является образ сильного, волевого человека, который занимает престижную должность в компании, может увлекать за собой людей благодаря его харизме, умению убеждать. Он должен пройти долгий и тернистый путь для достижения поставленных целей, должен многое увидеть, многое пережить, набраться опыта, чтобы понять, как устроено предпринимательство в той сфере, на которой он специализируется. Не стоит забывать, что лидер – не робот, ему необходима некоторая отдушина, то место, где он может отдохнуть. Таким местом может быть семья, хобби, а также любимое времяпровождения.

Список литературы

1. Апанасик В. 20 великих бизнесменов. Люди, опередившие свое время. М.: Эксмо, 2012. 300 с.
2. Головин Д. В. Стиль управления как фактор организационной лояльности // Вестник ВолГУ. Серия 9, Исследования молодых ученых. 2016. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stil-upravleniya-kak-faktor-organizatsionnoy-loyalnosti> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Типы лидерства. Эксперимент Курта Левина. URL: <https://indsi.ru/2020/05/07/типы-лидерства-эксперимент-курта-лев/> (дата обращения: 20.01.2021).

УДК 30.304.2
ББК С54.С999

А. Е. Ковалевская, Е. С. Запеевалова, *Иркутск*

Страницы в социальных сетях как агенты, участвующие в формировании занятости населения

В статье рассматриваются новые формы развития занятости населения. Одним из механизмов трудоустройства рассматриваются социальные сети. В работе выделяются их сильные стороны, опыт реализации трудоустройства и перспективы развития занятости через данную сферу в будущем.

Ключевые слова: социальные сети, занятость населения, трудоустройство, интернет, рабочие места.

Kovalevskaya A. E., Zapevalova E. S., *Irkutsk*

Pages in social networks as agents involved in the formation of employment of the population

The article discusses new forms of development of employment of the population. Social networks are considered as one of the mechanisms of employment. The work highlights their strengths, experience in the implementation of employment and the prospects for the development of employment through this area in the future.

Keywords: social networks, employment, employment, Internet, jobs.

Одним из составляющих определения рынка труда является его представление, как сфера согласования интересов работодателя и наемного работника. Ключевой составляющей будет выступать понятие канала трудоустройства, или же агента на рынке труда, т. е. распределителя рабочей силы, который обеспечивает связь между работодателем и работником.

На интернет-порталах, которые посвящены поиску работы или рабочих мест, размещают объявления о свободных вакансиях не только предприятия, но и кадровые агентства. Также любой желающий человек может разместить свое резюме, и оно сразу же становится доступным потенциальному работодателю.

Обращение к социальным сетям дает возможность получения дополнительной информации о выбранной вакансии, в том числе и возможность получения рекомендации. Социальные сети, выступающие как посредники на рынке труда, могут оказывать помощь в трудоустройстве по инициативе самого искателя рабочего места или же агенты социальной сети оказывают сами содействие в трудоустройстве.

Сейчас интернет значительно упрощает общение работников с работодателями. К современным каналам связи в процессе предоставления трудоустройства можно отнести: аудио и видео собеседование (Zoom, Skype и др.); электронная почта; социальные сети; сайты, предназначенные для подачи резюме [1]. При этом у интернет-порталов есть важное преимущество перед резюме – нет ограничений, человек может писать все, что он считает нужным. Именно поэтому в социальных сетях можно объективно оценить человека с точки зрения предложения ему рабочего места, – отмечает руководитель службы социальных медиа «HeadHunter» Денис Марков. Но есть и недостатки – у них нет удобных инструментов для HR-специалистов, а значит социальные сети слишком сложны для поиска персонала в крупных масштабах [2].

Рекрутеры часто ищут специалистов с узкой специализацией в сообществах по интересам. К примеру, за IT-специалистами идут на GitHub. «GitHub дает возможность посмотреть профиль IT-специалиста и его опыт в виде реализованных проектов» – рассказывает Ксения Проценко, директор кадрового агентства IBC Human Resources [3].

Существуют и специализированные сообщества по поиску рабочих мест. В самых популярных сообществах публикация резюме может быть платной. Например, в Facebook есть три вида групп по поиску работы: общие, узкопрофессиональные и закрытые. В них легко вступить, но сложно получить хороший результат, так как достаточно много объявлений.

Если же рекрутер ищет специалиста в какой-либо профессии, то вероятнее всего, в первую очередь, он будет искать в закрытой или узкоспециализированной группе. К примеру, вакансии топ-менеджер – в «Резюме директоров и руководителей», за пиарщиком – в PR for all, Hungry PRofessionals, «Работа для пиарщиков». Аудитория таких групп значительно меньше, но эффективнее [3].

LinkedIn – социальная сеть для поиска и установления деловых контактов. В России эту социальную сеть больше используют менеджеры среднего и высшего статуса. «Это соцсеть, где люди регистрируются именно для поиска работы, заведения деловых контактов, общения с бывшими коллегами, – объясняет Петр Марков, директор отдела маркетинга по России и СНГ компании Ividion. Здесь много узких специалистов, с интересными кейсами, достойным профессиональным опытом. По нашему опыту, поиск в LinkedIn всегда приводит к лучшему результату: оттуда к нам пришло уже немало специалистов» [3].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что социальные сети являются доступным и довольно-таки эффективным каналом в поиске работы. Ими пользуются соискатели рабочих мест и кадровые агентства, и индивидуальные рекрутеры. Интернет-ресурсы значительно упрощают и облегчают процесс поиска работы и трудоустройства. Рекрутские сайты помогают работодателям и искателям рабочих мест фильтровать резюме и вакансии, т. е. выбирать и отбирать, чтобы существенно снизить издержки обеих сторон [1].

Список литературы

1. Рошин С., Солнцев С., Васильев Д. Технологии рекрутинга и поиска работы в эпоху интернета // Форсайт. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-rekrutunga-i-poiska-raboty-v-epohu-interneta> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Новостной портал Sibnet. URL: <https://www.sibnet.ru/> (дата обращения: 02.12.2020).
3. Поиск работы в соцсетях: плюсы, минусы и подводные камни. URL: <https://irkutsk.hh.ru/article/301202> (дата обращения: 15.12.2021)

УДК 338.1-2
ББК 74.04

Т. Ю. Фальковская, *Иркутск*

Социальная консолидация: от корпоративной социальной ответственности до экономики Фельбера

В статье прослеживается эволюция социально-экономических идей и социально-экономических практик от моделей КСО до модели новой экономики Кристиана Фельбера.

Ключевые слова: конкуренция, корпоративный эгоизм, корпоративная социальная ответственность, гуманистические ценности, этические ценности, приоритеты.

T. Y. Falkovskaya, Irkutsk

Social Consolidation: From Corporate Social Responsibility to Felber's Economy

The article traces the evolution of socio-economic ideas and socio-economic practices from CSR models to Christian Felber's new economy model.

Keywords: competition, corporate selfishness, corporate social responsibility, humanistic values, ethical values, priorities.

Циничные установки Смитовской модели свободной рыночной экономики, нацеленной на максимизацию прибыли бизнеса и победу в конкурентной борьбе, были четко сформулированы уже в XX в. Милтоном Фридманом в определении ответственности бизнеса: «использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, пока это осуществляется в пределах правил игры». Эта концепция стала называться корпоративным эгоизмом. Постепенно она стала подвергаться сомнениям и критике по мере того, как рыночная экономика обнаруживала свои негативные оборотные стороны: да, рыночная экономика стимулирует прогресс во всех отраслях и сферах, улучшает качество жизни в целом, но имманентно создает проблемы в социальной сфере.

Некомфортная антагонистическая модель социального устройства заставляла общество искать альтернативные модели взаимоотношений через поиск компромисса и баланса различных интересов. Параллельно развивались институты демократии, гражданского общества и социальной ответственности. Модели социальной ответственности сначала появились в теоретических исследованиях, затем стали внедряться на практике как наиболее рациональные и эффективные. Постепенно отработывался терминологический аппарат и совершенствовались деловые практики.

«Быть социально ответственным означает не только оправдывать ожидания общества, но и инвестировать в людские ресурсы, охрану окружающей среды»[2].

«Социальная ответственность бизнеса – это добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума»[2].

«Социальная ответственность означает такое ведение бизнеса, которое соответствует этическим, законодательным нормам и общественным ожиданиям или даже превосходит их» [3]. «Социально ответственный бизнес берет на себя обязательства вести деятельность в соответствии с этическими нормами и вносить вклад в экономическое развитие за счет улучшения качества жизни как собственных работников, так и всего общества в целом» [4].

Деловые круги также постепенно созрели для изменения подходов и ценностей в ведении бизнеса... Так в ходе социологических исследований в компании «Дженерал Моторс» о неудовлетворенности заявили 76 % рабочих и 57 % служащих, что сильно снизило трудовую мотивацию и производительность труда. Американский бизнес оперативно и адекватно среагировал на ситуацию: радикально изменить ситуацию позволило распространение концепции качества трудовой жизни. В центре системы были помещены нематериальные гуманистические ценности: самореализация человека в профессиональном плане и удовлетворение его личных потребностей на определенном предприятии, создание здоровой благоприятной психологической атмосферы, перспективы роста, гарантии занятости, честное адекватное вознаграждение за труд, переход от конкуренции к консолидации внутри предприятия.

У. Э. Деминг, всемирно известный гуру качества, идеолог и теоретик управления качеством, консультант крупнейших мировых корпораций настойчиво рекомендовал отойти от нездоровой конкуренции внутри корпораций и сделать ставку на консолидацию, на сотрудничество на основе общих целей и ценностей.

Ученые и гражданские организации постепенно уточняли роль, место и функции бизнеса, формировали новые требования к нему; бизнес создавал спрос на новые модели микроэкономики и управления ею, в ответ на этот спрос гибкие конъюнктурные рыночные структуры такие как Международная организация по стандартизации (ISO) формировали и предлагали модели КСО в форме стандартов (GRI, ISO 26000, ISO14000, AA1000, SA8000).

В русле обозначенной логики западное общество продвигалось от концепции корпоративного эгоизма к концепции корпоративного альтруизма. Она родилась в то же время, что и концепция Фридмана, ее автором стал Комитет по экономическому развитию США. Корпоративный альтруизм подразумевает обязательное участие предприятий в улучшении каче-

ства жизни общества. В числе широко известных апологетов этой концепции и великих филантропов прошлого века Э. Карнеги, американский сталепромышленник, который пожертвовал на благотворительность и вложил в социальные программы около 4,3 млрд долл.; первый миллиардер в истории человечества Д. Рокфеллер создал первый благотворительный Фонд Рокфеллера. Однако безлимитная корпоративная благотворительность несет высокие риски для экономической стабильности и самого существования корпорации, что и объясняет отсутствие многочисленных прецедентов реализации данной концепции.

Компромиссной и сбалансированной концепцией стала концепция разумного эгоизма. Согласно этой концепции социально ответственный бизнес увеличивает долгосрочные прибыли, тратя деньги на социальные и благотворительные программы. Радикальная смена ценностных ориентиров, целей компаний, активная социальная позиция, широкая социальная ответственность, направленная как на внутреннюю среду, так и на внешнюю, создает благоприятное социальное окружение, является экономически целесообразным и на сегодняшний момент представляет актуальную и эффективную социально-экономическую модель современного устойчивого предприятия.

Таким образом западный корпоративный менеджмент все больше фокусируется на этических моментах и гуманистических ценностях.

Следующим эволюционным этапом должно стать формирование макроэкономической модели в рамках данной концепции. И вершиной, апофеозом эволюции социально-экономических теорий и практик на сегодняшний момент стала теория новой экономики Кристиана Фельбера, представленная в книге «Новые ценности экономики» (2008). Новая модель экономики строится на гуманистических ценностях: дружбе, сотрудничестве, доверии, уважении, искренности, верности в противовес распространённой модели, основанной на войне маркетинга и нечестной конкуренции с целью достижения собственной выгоды, алчности, властности, коррупции, жестокости, эгоизме, предательстве. В развитых обществах эти качества осуждаются; К. Фельбер призывает исключить их из экономических отношений. Фельбер выступает за отказ от стремления к наживе и конкуренции, призывает к консолидации и интеграции. Для реализации этих ценностей и избавления от порочной экономической философии К. Фельбер предлагает стимулировать компании, разделяющие новую экономическую философию с помощью различных экономических стимулов и преференций.

В отличие от природных систем система экономики не есть нечто объективное и непреодолимое, это результат сознательного выбора, вопрос приоритетов и общественной договоренности (вопрос только в том, какие группы участвуют в этом выборе). Выбор общественных приоритетов, в свою очередь, реализуется через качество управленческих решений. Анализ российской управленческой практики на различных уровнях де-

монстрирует наличие традиционных ценностных ориентиров, таких как алчность, властолюбие; однако постепенное распространение практики КСО на микроэкономическом уровне, распространение государственно-частного партнерства показывает, что, несмотря на существенное отставание, мы движемся в общем тренде.

Список литературы

1. Зеленая книга о корпоративной социальной ответственности, 2001 (European Commission Green Paper on Corporate Social Responsibility).
2. Социальная ответственность компании: практическая польза для бизнеса. Ассоциация менеджеров России, 2002.
3. Бизнес за социальную ответственность, США (Business for Social Responsibility).
4. Туркин С. Зачем бизнесу социальная ответственность // Социальные инвестиции. 2006. 17 янв.

СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

УДК 327.7
ББК Ф0

О. В. Бахлова, И. В. Бахлов, *Саранск*

СНГ как международная площадка обсуждения глобальных и региональных проблем: политика и интересы России

Рассмотрены состояние и возможности Содружества Независимых Государств с точки зрения национальных интересов России. Показаны особенности ее статусно-ролевых характеристик в исследуемом пространстве, обобщены трактовки сущности и назначения Содружества в теоретическом дискурсе. Выявлены определенные уязвимости, сопряженные с внутренними и внешними факторами. Акцентированы наиболее актуальные направления многостороннего взаимодействия стран СНГ с учетом современных рисков, вызовов и угроз. Отмечена взаимосвязь поступательного развития интеграционных процессов в регионе и задач общенационального характера.

Ключевые слова: диалог, интеграция, международная и национальная безопасность, международное сотрудничество, Содружество Независимых Государств.

O. V. Bakhlova, I. V. Bakhlov, *Saransk*

The CIS as an international platform for discussing Global and Regional Issues: Russia's Policy and Interests

The article analyzes the state and opportunities of the Commonwealth of Independent States from the point of view of Russia's national interests. The features of its status-role characteristics in the studied space are shown, the interpretations of the essence and purpose of the Commonwealth in the theoretical discourse are generalized. Certain vulnerabilities associated with internal and external factors have been identified. The article focuses on the most relevant areas of multilateral cooperation between the CIS countries, taking into account current risks, challenges and threats. The interrelation of the progressive development of integration processes in the region and national tasks is noted.

Keywords: dialogue, integration, international and national security, international cooperation, Commonwealth of Independent States.

За свое почти 30-летнее существование Содружество Независимых Государств (СНГ) наделялось различными оценками и характеристиками, нередко подчеркивающими его неоднозначность и даже противоречивость. Они проявляются во многих взаимосвязанных аспектах. Во-первых, само создание СНГ имело под собой дезинтеграционную основу: оно означало прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности [14]. Одновременно в его учредительных и иных документах было намечено превалирование инте-

грационных целей и задач, вплоть до сохранения общего военно-стратегического пространства. С другой стороны, несмотря на обилие подписанных в рамках СНГ соглашений, практика продемонстрировала большую сложность их осуществления. В частности, не удалось обеспечить включение всех участников Содружества в военно-политические, экономические и иные договоренности/и/или их имплементацию (Договор о коллективной безопасности (ДКБ), ныне – Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); Договор стран СНГ о создании Экономического союза, Договор о зоне свободной торговли и др.).

Во-вторых, та же логика прослеживается в отношении состава данного объединения: наблюдаются невнятность статуса «участников» и «ассоциированных членов», их дистанцирование от ряда системообразующих соглашений, выход отдельных государств (Грузии в 2009 г.) и «подвешенное состояние» Украины, не завершившей официально процедуру выхода. Кроме того, в Содружестве наблюдается асимметрия влияния и потенциалов, причем достаточно сложной. Явно выделяется Россия, выступающая, в отличие от остальных стран СНГ, в качестве глобального международного актора и продолжателя традиций и ответственности СССР в порядке континуитета (хотя и другие страны СНГ, как и в целом бывшие союзные республики, признаются государствами-преемниками СССР). Вместе с тем Россия в этом смысле нередко воспринимается как претендент на восстановление прошлой империи, своего рода метрополия, а зарубежные страны СНГ – как ее исторические «окраины», периферия традиционного геополитического пространства Российской империи/Советского Союза. Однако постбиполярные и современные реалии скорее превращают их в территории, по которым проходят принципиальные «красные линии»; в подобном контексте выделяются в первую очередь Украина и Республика Беларусь (РБ). Определенные обстоятельства и соображения подталкивают их (или отдельные круги/силы внутри них), при побуждении со стороны внешних игроков (например, Европейского Союза (ЕС), Организации Североатлантического договора (НАТО), Польши и пр.), к тактике позиционирования как условного «фронта», где сталкиваются модель якобы «демократического общественного устройства» и модель якобы «агрессивной неподвижности», «вечного экспансионизма» и т. п. Наиболее наглядно подобное поведение демонстрирует Украина. Также внутри СНГ часто констатируют складывание так называемого «интеграционного ядра» – России, Беларуси и Казахстана либо в целом Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В-третьих, заметна диверсификация интеграционных намерений, ожиданий и предпочтений, воплощающаяся в расхождении между намеренным и достигнутым в общем поле интеграционных мероприятий и внешнеполитических приоритетов, что касается и России. Так, Россия еще в 1995 г., по сути, провозгласила пространство СНГ зоной своих жизненных интересов, а себя – ведущей силой формирования новой системы в

этом регионе и закрепила приоритетность отношений с государствами–участниками СНГ [15]. Сходные положения содержатся в различных редакциях Концепции внешней политики Российской Федерации и других официальных документах. Например, в Концепции 2016 г. намечаются развитие дву– и многостороннего сотрудничества с государствами–участниками СНГ и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием (Союзного государства Беларуси и России, ЕАЭС и др.) [10]. Но в последнее время акценты все более смещаются в сторону евразийской интеграции (где актуализируется фактор Китая), что прослеживается и в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ как документах стратегического планирования федерального уровня в рамках целеполагания. Заявленная приоритетность СНГ не фиксируется в структуре и направленности внешнеторговых потоков России; на первом месте во внешней торговле РФ довольно уверенно закрепился Китай, а Республика Беларусь и Республика Казахстан (РК) – главные партнеры России среди стран СНГ – уступают ряду стран дальнего зарубежья, в том числе проводящим жесткую санкционную антироссийскую политику (Германии, Нидерландам; РК – также Великобритании и Италии). Примечательна, например, статистика внешней торговли РФ за первое полугодие 2020 г. [13]. Данные Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) по текущему этапу свидетельствуют о неравновесной динамике взаимодействия. Так, даже в рамках ЕАЭС объем взаимной торговли товарами за январь – октябрь 2020 г. составил 44,1 млрд долл. США, или 88,4 % к уровню января – октября 2019 г. Однако по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. удельный вес взаимной торговли в общем объеме внешней торговли ЕАЭС несколько увеличился (с 14,2 до 14,8 %) [11; 12]. Здесь сыграли роль разные факторы, в том числе детерминированные текущей ситуацией. Понятно, что экономический вес в целом названных стран дальнего зарубежья, их значение как инвесторов превышают для РФ возможности зарубежных стран СНГ, в то время как сама Россия пока продолжает оставаться внутри СНГ лидером в данном ракурсе для своих партнеров, но ее позиции постепенно расшатываются активностью и проектами других игроков, как, впрочем, в целом и материальный фундамент интеграции в СНГ.

Наконец, СНГ интерпретируется в разнообразных ипостасях. Так, с точки зрения правовой формы, Содружество в самом начале своего пути уже оптимистично трактовалось как конфедеративное сообщество государств [16, с. 35]. Определялось оно и как переходная форма межгосударственного объединения [8, с. 118] или как региональная организация «зонтичного типа», выполняющая консультационно-координационные функции [3, с. 81], что представляется гораздо более близким к истине. В политической плоскости встречались и встречаются и умеренно позитивные, и негативные суждения насчет СНГ. Так, исполнительным секретарем СНГ Ю. Ф. Яровым еще в начале 2000-х гг. Содружество было названо одним

из центров международной стабильности, устойчивого политического, экономического, социального и научно-технического развития [1, с. 5]. С другой стороны, в теоретическом дискурсе СНГ скорее воспринималось/воспринимается скептически или осторожно, с упором на его «историческую миссию» по дезинтеграции постсоветского пространства [5, с. 11] либо «цивилизованного развода» республик бывшего Советского Союза, «демонтажа бывшего советского пространства» [9, с. 7]. Подчеркивается особая роль межэлитных коммуникаций внутри Содружества как модели взаимной страховки статуса политического руководства новых независимых государств [17, с. 92–94, 96], упоминается об иждивенчестве элит зарубежных стран СНГ в постсоветский период, направленном в первую очередь на Россию [6, с. 26]. В рассматриваемом ракурсе интересна оценка СНГ как организации общеполитического толка, «площадки» для обсуждения широкого круга проблем, в том числе глобального характера [2, с. 164], включая диалог «лидеров нового поколения, не связанного советским прошлым» [18, с. 151]. Вместе с тем разделяем мнение, что страны СНГ «в погоне за национальным суверенитетом не определили для себя границы, где следует поступиться своими принципами во благо собственного развития, а где стоит действовать сообща и наладить интеграционный процесс совместно с соседними государствами» [4, с. 331].

Полагаем, что по политико-правовой форме СНГ ближе всего к международной организации, хотя сохраняется проблематичность легитимации его полной международной правосубъектности, объема компетенции, некоторых полномочий (например, в сфере проведения миротворческих операций). Если сравнивать Содружество с другими (региональными) организациями, можно провести параллели с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Их сходство обнаруживается в «незавершенности» правосубъектности, громоздкости структурной организации, ограниченности функциональных возможностей (оперативный потенциал, направления деятельности и др.). В то же время ОБСЕ – это, разумеется, намного более широкая по составу организация, притом изначально предназначенная для поддержания диалога между враждебными системами/союзами, а СНГ объединяет формально дружественные страны, входившие в единое государство, – СССР. Вместе с тем внутри него конфликтный потенциал также более чем очевиден, неутешительным примером чему на современном этапе служат прежде всего отношения Армении и Азербайджана. Таким образом, еще более возрастает потребность в существовании общей для стран СНГ кооперационной площадки, каковой по праву может и должно стать Содружество.

Множественность и разноуровневость рисков, вызовов и угроз безопасности практически для всех стран мира, включая государства СНГ, побуждают к обсуждению совместных инициатив и мер, хотя препятствия объективного и субъективного плана для этого, несомненно, есть. Подтверждением как минимум вектора на поддержание разнонаправленного

сотрудничества выступает, в частности, прошедшее 18 декабря 2020 г. заседание Совета глав государств СНГ. Среди его результатов – утверждение Концепции дальнейшего развития СНГ, Плана основных мероприятий по ее реализации, Решения о развитии и укреплении межпарламентского сотрудничества стран СНГ. Были одобрены документы, затрагивающие военную и культурно-гуманитарную области, сферы информационной безопасности и укрепления пограничной безопасности на внешних границах Содружества. Страны СНГ поддержали и необходимость углубления взаимодействия между интеграционными форматами в регионе, прежде всего СНГ и ЕАЭС [7], что будет способствовать сопряжению ориентиров интеграционного строительства. Вместе с тем СНГ не проявило себя эффективным переговорщиком в ходе недавнего обострения нагорно-карабахского конфликта и в других непростых ситуациях.

Подытоживая, считаем, что на ближайшую перспективу, особенно ввиду сложной международной, экономической, эпидемиологической обстановки, имеется нераскрытый пока в должной мере потенциал совершенствования диалога внутри СНГ. Он будет максимально прагматичным, но выстраиваться преимущественно в рамках дискурсивных практик официальных властей стран–участниц и не охватывать всего спектра актуальных проблем. Одной из наиболее чувствительных остается внешнеполитическая сфера, где, скорее всего, стороны ограничатся некими общими декларациями. Не стоит ожидать демонстрации полной лояльности и солидарности по чувствительным аспектам национальной безопасности, связанным с внутривнутриполитической ситуацией либо обострением взаимных отношений. Это касается крымского, абхазского, карабахского и других подобных вопросов. Россия продолжает восприниматься своеобразным арбитром в регионе, но настораживает вынужденное разделение этой роли с другими акторами (например, Турцией). Наиболее вероятными и востребованными представляются поиски совместных решений по предупреждению пандемий, международного терроризма и экстремизма, борьбе с ними, а также пресечению негативных последствий незаконной миграции и развитию сотрудничества в области высоких технологий, возможно, туризма. Интересам России отвечают также наращивание гуманитарных связей, сохранение и укрепление общего пространства русского языка, единых культурного и научно-образовательного пространств, расширение молодежного сотрудничества и регионов стран СНГ. В целом стабильность и сплоченность стран региона Содружества – несомненно, важный фактор достижения целей и задач общенационального развития.

Список литературы

1. Айрапетова Н. Юрий Яров: «Мы только в начале пути» // Независимая газета. 2001. 30 нояб. С. 5.
2. Валовая Т. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 2. С. 158–171.

3. Вардомский Л. Б. Между глобализмом и регионализмом: проблемы и тенденции регионализации постсоветского пространства // *Полития*. 2002. № 1. С. 65–83.
4. Галкин А. Г., Коновалова А. В. Роль Российской Федерации в интеграционных процессах в рамках СНГ // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки*. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 328–333.
5. Годин Ю. Надежд на реинтеграцию становится все меньше // *Содружество НГ*. 2000. № 10. С. 3, 11.
6. Делягин М. Г. 75-летие Великой Победы и ключевые задачи России в отношении стран СНГ // *Свободная мысль*. 2020. № 2 (1680). С. 25–38.
7. Итоги заседания Совета глав государств СНГ (18 декабря 2020 года). URL: https://cis.minsk.by/news/17413/itogi_zasedanija_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2818_dekabrja_2020_goda_%29 (дата обращения: 08.01.2021).
8. Киреева С. А. Интеграционная политика СНГ // *Право и политика*. 2004. № 1. С. 107–118.
9. Косолапов Н. Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 7. С. 3–14.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения: 06.01.2021).
11. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_I_202010.pdf (дата обращения: 06.01.2021).
12. О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_E_202010.pdf (дата обращения: 06.01.2021).
13. О внешней торговле в I полугодии 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/155.htm (дата обращения: 06.01.2021).
14. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (Минск, 08.12.1991). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30726/1c5d2b9ecc270669c071bd598fa7a97d0f662999/ (дата обращения: 06.01.2021).
15. Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7780/9dadc78a384a8349e6002ba8d22ec2a90d62afab/ (дата обращения: 06.01.2021).
16. Ржевский В. А. О юридической природе форм нового Содружества Независимых Государств // *Государство и право*. 1992. № 6. С. 27–37.
17. Фельдман Д. М. Политическое взаимодействие элит стран СНГ // *Политические исследования*. 2005. № 4. С. 89–98.
18. Чернявский С. И. Содружество независимых государств как организация региональной безопасности // *Проблемы постсоветского пространства*. 2020. Т. 7, № 2. С. 142–153.

Нормативный плюрализм и проблема выбора в современном обществе

В статье поднимается проблема соотношения различных нормативных систем в современном обществе в условиях светского законодательства. Обычные, религиозные, корпоративные и правовые нормы рассматриваются в контексте индивидуальных предпочтений. В зависимости от особенностей социализации и получаемых выгод, человек может делать выбор в пользу тех или иных норм и правил, создавая собственную модель поведения. Данная модель может отличаться от поведения, приписываемого этнической или религиозной группе, к которой относит себя индивид. На базе теорий правового плюрализма, социальных систем Т. Парсонса, социальных полей П. Бурдьё и концепции самоидентичности Э. Гидденса предлагается модель взаимоотношений между различными нормативными системами с точки зрения предпочтений личности (ситуативный выбор), а также приводятся примеры ситуаций, в которых акторы используют нормы различного порядка в качестве инструментов для достижения своих целей.

Ключевые слова: нормативный плюрализм, право, обычай, религиозные нормы, корпоративные нормы, ситуативный выбор.

I. A. Mukhametzaripov, *Kazan*

Normative pluralism and the problem of choice in modern society

The article raises the problem of the correlation of various regulatory systems in modern society in the context of secular legislation. Customary, religious, corporate and legal norms are considered in the context of individual preferences. Depending on the characteristics of socialization and the benefits received, a person can make a choice in favor of certain norms and rules, creating his own model of behavior. This pattern may differ from the behavior attributed to the ethnic or religious group to which the individual belongs. On the basis of the theories of legal pluralism, T. Parsons' social systems, P. Bourdieu's social fields and A. Giddens' conception of self-identity the author proposes a model of relationships between different normative systems in terms of personality preferences (situational choice), and also provides examples of situations in which actors use norms of different orders as tools to achieve their goals.

Keywords: normative pluralism, law, custom, religious norms, corporate norms, situational choice.

Начиная с 1970-х гг. среди исследователей права приобрела популярность концепция правового плюрализма, ставшая основой современной юридической антропологии. Суть теории заключается в широком понимании права и признании существования на территории одного государства иных правовых систем, наряду с государственным правом (Дж. Гриффитс, С. Э. Мерри) [1; 2]. Данные правовые системы рассматриваются в качестве «полуавтономных социальных полей», оказывающих воздействие друг на друга, а поведение человека определяется более чем одним правовым порядком (С. Ф. Мур) [3]. Концепция хорошо подошла для анализа общественных отношений в колониальную и постколониальную эпохи, когда речь шла о взаимодействии европейского права с традициями народов Африки, Азии, Америки.

Применительно к светскому государству «европейского» типа мы следуем данной концепции лишь частично, не придерживаясь широкого подхода к праву. В современном постиндустриальном обществе можно выделить четыре основные нормативные системы разного уровня:

1) обычаи – нормы и правила поведения, существующие в устной форме, общеобязательные и применяемые неоднократно, передающиеся из поколения в поколение, регулирующие отношения в этнических, субкультурных, профессиональных и других социальных группах;

2) религиозные нормы – нормы и правила поведения, основывающиеся на религиозном вероучении и обязательные к применению в сообществах верующих (этнические обычаи и религиозные нормы часто тесно связаны, подкрепляют друг друга и могут именоваться «этнорелигиозные нормы»);

3) корпоративные нормы – нормы и правила поведения, принятые в организациях (юридических лицах), созданных для достижения определенных коммерческих или некоммерческих целей (торговые, производственные, религиозные, образовательные, благотворительные и др.);

4) государственное право – формально определенные общеобязательные нормы и правила поведения, принимаемые или санкционируемые государством и обеспечиваемые силой государственного принуждения.

Государственное право занимает высшую ступень иерархии и остальные три системы могут действовать только в пределах, формально предусмотренных законом, и, что не менее важно, допускаемых фактическим правопорядком (т. е. практикой применения субъектами общественных отношений норм права). Из представленных систем социальных регуляторов мы исключили мораль, поскольку она не образует сложного комплекса норм и правил, существует только в виде разделяемых социальными группами ценностей самого общего характера в виде категорий добра и зла, хорошего и плохого. Мораль может существенно различаться в рамках одного общества («мораль богатых» и «мораль бедных», «мораль верующих» и «мораль атеистов» и т. д.), изменчива со временем («коммунистическая мораль», «буржуазная мораль», «феодалная мораль» и др.) и находится под влиянием обычаев, религиозных норм и государственных законов. Присутствие и взаимодействие в обществе и государстве вышеуказанных систем создает ситуацию нормативного плюрализма (или «нормативной плюральности», если пользоваться термином Б. Дюпре [4, р. 32]).

В теоретическом плане для описания взаимодействия между перечисленными нормативными системами в контексте проблемы выбора мы опираемся на три концепции: 1) теорию социальных систем Т. Парсонса; 2) теорию социальных полей П. Бурдьё; 3) теорию самоидентичности Э. Гидденса. Т. Парсонс выделял четыре типа подсистем: организм (конкретная сущность), социальная система (результат взаимодействия людей), культурная система (представления и идеи), личность как «актор» (человек как результат воздействия социальной и культурной подсистем). В социуме подсистема социетального сообщества (интегрирует людей на основе норм) взаимодействует с подсистемами культуры (поддерживает паттерны поведения), политики (сфера достижения целей и мобилизации ресурсов), экономики (приспособление к окружающему миру). В плюралистическом обществе одновременно с общей легитимированной солидарностью могут

существовать вторичные солидарности, более или менее интегрированные в базисную нормативную структуру, выбор между которыми возникает при действительных или потенциальных дилеммах. Личность обладает автономией и участвует в нескольких социальных системах в различных комбинациях ролей. Современное дифференцированное общество скорее позитивно благоприятствует индивидуальности, чем подавляет ее в пользу конформизма [5, р. 177–203].

Социальные поля П. Бурдьё представляют собой системы взаимодействующих между собой социальных пространств, формируемых социальными агентами – людьми или их объединениями, обладающими различными видами капитала (экономическим, юридическим, технологическим, культурным, социальным, символическим и др.). Соответственно структура поля задается объемом и содержанием капитала агентов. Чем большим капиталом располагает агент, тем больше у него возможностей для реализации своих целей. Капитал может зависеть от особенностей секторов (субполей) поля. Отношения внутри поля и его границы могут изменяться, в том числе из-за влияния внешнего окружения, в частности, в результате действий государства [6, р. 193–216].

Э. Гидденс пишет, что фундаментальной частью повседневной деятельности человека современной эпохи стал выбор. Люди обладают широким набором возможных поведенческих паттернов, сформировавшихся традиций и привычек, что выражается в «стилях жизни» (понятие, неприменимое к традиционным культурам, поскольку оно предполагает выбор из многих вариантов). Социальная жизнь стала разнообразной и сегментированной, а публичная сфера отделилась от частной. Абсолютных истин и авторитетов не осталось. В мире выбора альтернативных жизненных стилей особую роль играет неизбежный спутник посттрадиционных социальных форм – «планирование жизни». Стиль жизни и планирование жизни приобрели более или менее универсальное влияние, независимо от того, как конкретные социальные ситуации могут ограничивать индивидов или группы [7, р. 80–87].

Между обычаями, религиозными и корпоративными нормами, государственным правом возможны различные варианты соотношений:

1) позитивное взаимодействие, когда нормы совпадают и подкрепляют друг друга (например, запрет на убийство, насилие, воровство, мошенничество и т. д.);

2) дополнение нормами друг друга (к примеру, религия и обычай требуют совершения действий, о которых в законе прямо не упоминается, но их осуществление благотворно сказывается на правопорядке: укрепление связей с родителями, родственниками, соседями; опека над детьми, благотворительная деятельность и т. д.);

3) нейтральное взаимодействие, при котором нормы различных систем не пересекаются и сосуществуют бесконфликтно (например, исполнение традиционных религиозных обрядов, не нарушающих требования

законодательства и внутренние регламенты организации, в которой работает верующий);

4) конфликт, когда нормы и правила одной системы противоречат другой (вступление в брак с несовершеннолетней, когда закон запрещает, а обычай и религия могут допускать подобное сожителство; привлечение работодателем работника к дисциплинарной ответственности за исполнение каких-либо обрядов в рабочее время и др.) [8–10].

Соотношение обычных, религиозных, корпоративных и правовых норм в контексте личного выбора может быть представлено в виде схемы (рис.).

Рис. Ситуативный выбор в условиях нормативного плюрализма

Как видно на рисунке, все нормативные системы взаимно пересекаются, и находящаяся в центре этих систем личность (Ego) может действовать сразу в нескольких из них, исходя не только из усвоенных в ходе социализации норм и правил поведения, но и выбирая, какую нормативную систему или какое сочетание норм из нескольких систем использовать в той или иной ситуации. В поступках индивида проявляются личные интересы и приобретенные коллективные ценности и установки.

Приведем несколько примеров, связанных с этнорелигиозными и корпоративными нормами в светском государстве. Верующий, занимающийся бизнесом, с одной стороны, соблюдает религиозную обрядность (регулярно читает обязательные молитвы, соблюдает иные ритуалы), но при этом пользуется услугами банков, размещая денежные вклады под процент, хотя это противоречит запрету на ростовщичество, существующему в исповедуемой им религии. Законы государства разрешают вклады под про-

цент, обычаи делового оборота и корпоративные нормы их не осуждают. Более того, такое поведение с точки зрения экономики целесообразно: деньги подвержены инфляции, поэтому процент несколько компенсирует снижение их реальной стоимости. Если этнорелигиозная группа, к которой себя относит предприниматель, осуждает такое поведение, и связи с ней для него представляют ценность, он может воздержаться от такого поведения. Однако он может и скрыть свои действия от группы, оставаясь в ее лице верующим, соблюдающим нормы религии. Все будет определяться личными убеждениями человека, его интересами и возможностями.

Другим примером является брак между верующими, перед вступлением в который жених заключает с невестой контракт, по которому обязуется, со ссылкой на религиозные предписания, предоставить супруге в случае развода по своей инициативе брачный дар в виде крупной денежной суммы. Когда через некоторое время мужчина решается расторгнуть союз, то женщина и ее родственники начинают требовать обещанный дар, а мужчина, исходя из невыгодности для него контрактных обязательств, отказывается и ссылается на светское законодательство, не предусматривающее апелляции к нормам религии. В итоге все зависит от отношения светского суда к данному обязательству: это сугубо религиозная сфера, не касающаяся права, или договорное обязательство, имеющее юридическое значение? Ситуация осложнится, если договоренность между сторонами была устной.

Третий пример – религиозная организация, работники которой оперируют сразу в четырех сферах: светское законодательство (корпоративное, трудовое и налоговое право), корпоративные нормы (внутренние регламенты, отношения между руководителями и подчиненными), религиозные нормы и обычаи (например, этнические или иной социальной группы). В зависимости от региона обязательность соблюдения религиозной обрядности, дресс-кода и принципа разделения мужчин и женщин в рабочем пространстве может различаться: в более традиционных патриархальных местностях с монокультурной средой следить за этим будут более строго, а в урбанизированной поликультурной среде руководство, вероятнее всего, окажется более либеральным. Подходы руководства зависят от особенностей социальной среды, способов выстраивания коммуникации и снижения конфликтности.

Четвертый пример касается раздела наследства. Если по религиозным или обычным нормам сестра или младший брат не получают или получают меньшую долю в наследстве в сравнении с братом/старшим братом, а по светскому закону они имеют право на равные доли, то поведение сторон может зависеть от: 1) степени усвоения этнорелигиозных норм в качестве внутренней системы ценностей личности; 2) значимости родственных связей для получающих меньшую долю; 3) наличия какого-либо давления со стороны родственников или иного коллектива; 4) уровня имущественного

благополучия наследников к моменту открытия наследства; 5) стоимости и ценности наследственного имущества для наследников.

Пятый пример связан с использованием правовой и религиозной нормативных систем для воздействия на единоверца-должника и достижения победы в судебном процессе. Для совершения обряда религиозного жертвоприношения религиозная организация¹ заключает с предпринимателем-единоверцем договор поставки жертвенных животных. Договор не выполняется в срок, религиозная организация обращается в арбитражный суд, требуя вернуть уплаченные по договору денежные средства и взыскать с ответчика дополнительную сумму в виде процента за пользование чужими денежными средствами. Предприниматель в ходе судебного процесса признает свою вину и соглашается вернуть уплаченные истцом денежные средства, а истец отказывается от взыскания процента, объясняя это тем, что его взыскание нарушает религиозные предписания. Действия истца хорошо продуманы: вначале он использует светский закон и увеличивает взыскиваемую сумму за счет процента, стараясь устроить должника итоговой суммой претензии, а после того, как должник соглашается с основной суммой долга, истец добровольно отказывается от процента, подчеркивая свою приверженность религиозным нормам и не разрывая окончательно связь с единоверцем.

Приведенные примеры показывают, что модели поведения человека могут быть обусловлены: 1) социальной группой; 2) внешним по отношению к группе социумом; 3) конкретной ситуацией. Все это формирует подчас уникальное поведение индивида, которое сторонний наблюдатель не может объяснить или предсказать, базируясь только на одной или нескольких нормативных системах, без учета конкретных обстоятельств. По аналогии с политической сферой деяния личности можно назвать «искусством возможного». В действиях представителей современного постиндустриального общества все больше преобладает именно индивидуальный волевой компонент при выборе норм и правил поведения (при формальном нахождении в рамках единого правового пространства), что связано с ослаблением традиционных форм контроля за поведением членов локального социума при распаде соседских и кровнородственных общин. Таким образом, нормативные системы в контексте личности выступают, с одной стороны, в качестве приобретенных в процессе социализации ценностей, норм и правил поведения, а с другой – в качестве инструментов достижения человеком своих целей (получение статуса, прав и имущества, укрепление связей и др.). Выбор тех или иных норм будет зависеть от уровня их усвоения и получаемой материальной или нематериальной выгоды.

¹ В данном случае в роли «коллективного» Его выступают руководитель религиозной организации и иные работники, принимающие решение об обращении в суд и определяющие содержание искового заявления.

Список литературы

1. Griffiths J. What is Legal Pluralism? // The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law. 1986. Vol. 18, N 24. P. 1–55.
2. Merry S. E. Legal Pluralism // Law and Society Review. 1988. Vol. 22, N 5 (1988). P. 869–896.
3. Moore S. F. Law and Social Change: The Semi-Autonomous Social Field as an Appropriate Subject of Study // Law and Society Review. 1973. Vol. 7, N 4. P. 719–746.
4. Dupret B. Abjudication in Action. An Ethnomethodology of Law, Morality and Justice. London: Routledge, 2011. 365 p.
5. Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. New York : Free Press, 1977. 429 p.
6. Bourdieu P. The Social Structures of the Economy. Cambridge : Polity Press, 2005. 263 p.
7. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
8. Мухаметзарипов И. А. Шариат в Европе и Северной Америке: проблема сосуществования религиозных норм и светского законодательства // Государство и право. 2016. № 2. С. 99–102.
9. Мухаметзарипов И. А. Религиозные и правовые нормы в Российской Федерации: примеры взаимодействия и конкуренции // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 18–28.
10. Мухаметзарипов И. А. Человек на перекрестке культур: право и справедливость в мультикультурном обществе // Государство и право. 2018. № 3. С. 43–52.

УДК 323:94
ББК 67я73

М. Г. Тирских, *Иркутск*

Протрузия права как фактор деконсолидации государства и общества

В статье анализируются процессы деструкции правового регулирования, вызванного принятием правовых решений в рамках нормотворческого, правоприменительного или правотолковательного процесса, некогерентных гармоничному правовому регулированию. Рассматриваются противоречивые условия возникновения протрузии права, а также последствия в общественном сознании, выраженные в отторжение правовых идеалов и негативном восприятии правовой реальности. Делается вывод о разобщении между властью, принимающей правовые решения и обществом, вынужденным им подчиняться.

Ключевые слова: правовое регулирование, протрузия права, правоприменение, толкование права, деконсолидация, государство, общество

M. G. Tirskikh, *Irkutsk*

Protrusion of law as a factor in the deconsolidation of the state and society

В статье анализируются процессы деструкции правового регулирования, вызванного принятием правовых решений в рамках нормотворческого, правоприменительного или правотолковательного процесса, некогерентных гармоничному правовому регулированию. Рассматриваются противоречивые условия возникновения протрузии права. Рассматриваются последствия в общественном сознании, выраженные в отторжение правовых идеалов и негативном восприятии правовой реальности. Также делается вывод о разобщении между властью, принимающей правовые решения и обществом, вынужденным им подчиняться.

Keywords: legal regulation, protrusion of law, law enforcement, interpretation of law, deconsolidation, state, society.

Право как система регулирования общественных отношений стремится к гармонии. Гармония является одновременно и свойством права, описываемым на категорию упорядоченности, и принципом права [2], определяющим правовое регулирование общественных отношений.

В первом случае речь идет о том, что отдельные элементы права должны прибывать в рамках правовой системы в состоянии гармоничной упорядоченности, не противоречить друг другу, не создавать ситуации существования внутренних противоречий, коллизий. При этом, как отмечал С. С. Алексеев «при помощи норм, нормативных начал достигается общая упорядоченность данной группы общественных отношений, участка социальной жизни» [1, с. 90], что также можно интерпретировать как проявление свойства гармонии права.

Во втором случае, гармония выступает в качестве базовой ценности, определяющей деятельность законодателя, который, создавая норму права стремится к тому, чтобы данная норма была когерентна регулируемому общественному отношению, а сами нормы создавались как конструкции, не противоречащие уже действующим правовым нормам.

Очевидно, что в процессе функционирования общества могут возникать ситуации, при которых гармония права (и как свойство и как принцип) нарушается. В таком случае, гипотетически возможно два варианта развития ситуации.

Первый, связан с комплексным нарушением гармонии права и приводит к разбалансировке правового регулирования, требующей быстрых и комплексных решений. В частности, такая ситуация возникает тогда, когда нормы права, закрепленные в формальных источниках, перестают соответствовать реальному содержанию общественных отношений. В таком случае эти нормы должны прекратить свое действие, либо посредством их отмены в рамках нормотворческого процесса, либо посредством неприменения при регулировании изменившихся общественных отношений.

Второй вариант связан с ситуациями, когда возникающая дисгармония в праве не приводит к невозможности функционирования нормы, однако, при этом вызывает негативную реакцию общества. Фактически субъекты правоотношений не могут в полной мере реализовать собственные права и обязанности, не испытывая при том негативных аспектов такой дисгармонии.

В юридической науке нет термина, который бы в полной мере описывал такое состояние, в том числе и потому, что оно является многогранным и связано с одновременным проявлением нескольких неблагоприятных последствий нарушения гармонии права. В частности, к таким последствиям можно отнести: появление норм, не сопряженных с ранее существовавшими нормами, что существенно затрудняет правореализацию и правоприменение, вызывает негативное состояние правосознания граждан (от разочарованности в логичности и благоприятности правового регулирования, до формирования устойчивого правового нигилизма), формирует

дисбалансы в конкретных общественных отношениях. Это, разумеется, не влечет утрату возможности реализовать свои права и обязанности в рамках конкретных общественных отношений, но оценивается обществом весьма неблагоприятно. Возникающие реакции на нарушение гармонии приводит ко все расширяющейся негативной оценке права и явлений с ним связанных.

Такое явление, на наш взгляд, целесообразно назвать «протрузия права» по аналогии с известным медицинским термином, обозначающим состояние позвоночника, характеризующееся развитием неестественного выпячивания межпозвоночного диска с сохранением его целостности. Аналогичным образом протрузия возникает вследствие регулирования, которое не образует пробелов в праве, равно как и не приводит к появлению коллизий, которые очевидно препятствуют осуществлению регулятивной функции правовых норм. В отношении норм, вызывающих протрузию права, мы не можем говорить, что они каким-либо образом противоречат уже действующим нормам, а равно не можем говорить о состоянии отсутствия урегулирования данных общественных отношений. Напротив, такие нормы могут достаточно полно и комплексно регулировать общественные отношения. Они могут иметь высокую степень соответствия принятым правилам юридической техники и, разумеется, не будут выходить за пределы нормотворческих полномочий принимающих их органов и должностных лиц. В этой части такие протрузионные нормы не могут быть названы противоречащими каким-либо правилам, связанным с нормотворческой деятельностью, порядком придания нормам юридической силы и так далее.

Между тем действие норм, вызывающих протрузию права, сопряжено с негативными последствиями, связанными с возникновением в обществе, профессиональном сообществе юристов, в среде лиц, осуществляющих правоприменительную практику «болезненного» и восприятия, чувства утраты гармонии и сущностного наполнения права. Прекрасно эту ситуацию описал В. И. Ленин. Рассуждая о ситуации с бюрократизмом в органах государственной власти, он писал «Но у нас дело всерьез не берут. А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство? Ведь вы же коммунисты, почему же вы не организуете ловушки этим господам бюрократам и потом не потащите их в народный суд и в тюрьму за эту волокиту?» [3]. Такие правильные по форме и издевательские по содержанию нормы вызывают вполне естественную социальную реакцию, выражающуюся в целом комплексе различных последствий. Среди них можно назвать такие последствия дисгармонии в праве, как:

во-первых, невозможность осуществить полномасштабное надлежащее регулирование иных, смежных общественных отношений, а в некоторых случаях и фактическое приостановление, замораживание регулирования таких общественных отношений, что формирует в обществе состояние

правовой неурегулированности, и, все последствия, возникающие вследствие нее;

во-вторых, формирование в обществе состояния правового нигилизма, в связи с тем, что норма поведения, по мнению граждан «смещается» в результате произвольного ее установления органами государственной власти и должностными лицами, участвующими в нормотворческом процессе, а, следовательно, воспринимаются обществом как не отвечающие принципам и назначению права;

в-третьих, формирование специфического подхода органов государственной власти и должностных лиц к нормотворческой деятельности, в функционировании которых укрепляется принцип, связанный с допустимостью отступления от ранее принятых норм в угоду конъюнктурной целесообразности при условии, что эти нормы формально не противоречат иным правовым нормам;

в-четвертых, возникновение в обществе состояние социальной неудовлетворенности и недоверия к решениям органов государственной власти и должностных лиц, связанной с невозможностью определить базис правильного (логически обоснованного и подтвержденного практикой правоприменения) поведения на фоне возникающих особых порядков регулирования, на которые не распространяются некоторые общераспространенные ограничения, или предоставляются какие-либо правовые льготы.

В таком случае, очевидно, что протрузионные нормы приводят к комплексному поражению всей системы общественных отношений, деградации назначения и социальной ценности права. При этом самостоятельный выход из этой ситуации для общества практически невозможен, поскольку формирует в создании поразительный комплекс «двоемыслия», когда человек, привыкший к определенным правовым принципам сталкивается с легальным и не противоречащие де-юре другим нормам, однако, очевидно несоотносимые с уже сложившемся и устоявшимся правовым порядком.

Как правило, такие протрузионные нормы возникают в связи с особым целеполаганием органов государственной власти и должностных лиц в необходимости правового регулирования общественных отношений, который существенно отличается от ранее существовавшей традиции правового регулирования. Примером такого рода протрузионной нормы, можно, например, считать меру административной ответственности, санкция которой, существенно превосходит санкции иных мер административной ответственности, без учета степени общественной опасности такого деяния. Введение указанного правила поведения в таком случае не может не вызвать у субъектов, участвующих в общественном отношении первоначально реакции когнитивного диссонанса, а затем и отторжения такого правила поведения. В таком случае участники общественных отношений воспринимают такие нормы как не соответствующие их представлениям о справедливости, а, следовательно, будут порождать как правовой ниги-

лизм, так и негативную реакцию по отношению к государству, допустившую принятие такой правовой нормы.

Важно отметить, что протрузия права может возникать не только в связи с принятием нормы, вызывающей дисгармонию в праве, хотя такой вид протрузий, который можно условно назвать «нормативной протрузией» и является самым распространенным. Помимо него могут существовать еще два вида протрузий, связанных не с возникновением новой нормы, а, фактически, с приданием уже существующей норме нового содержания через ее интерпретацию, или формирование новой, устойчивой позиции (модели поведения) в рамках правоприменительной практики.

При возникновении «протрузии правоприменения», когда поведение субъектов в рамках общественных отношений хотя и урегулировано должным образом нормами права (традиционными, устойчивыми, когерентными сложившейся правовой с традицией), однако, не может в полной мере быть реализовано из-за формирования правоприменительными органами правовых позиций, которые не в полной мере соотносятся с прежним применением данных норм.

В таком случае правоприменительная практика оказывается некогерентной правовым нормам, однако в силу особой позиции правоприменительных органов, воспринимается ими как оправданная и обоснованная. При этом, зачастую, в обществе возникает фон негативного отношения к такой правоприменительной практике, появляется восприятие суда, не как органа, в котором можно разрешить возникшие между субъектами правоотношений противоречия и добиться справедливого решения по делу, а как к органу государственного произвола.

Третьим видом протрузий являются «протрузии интерпретации», когда официальное, или аутентичное толкование права (либо специализированным органом толкования, либо органом, принявшим такую норму) придает норме иное звучание, нежели чем то, которое изначально воспринималось обществом. Такие протрузии возникают тогда, когда орган государственной власти, уполномоченный давать официальное толкование нормам права, принимает акт толкования права, в котором содержится положение, очевидно искажающее смысл правовой нормы, ранее укоренившийся в юридической практике. В таком случае, длительное действие такого разъяснения и формирование на основании него правоприменительной практики может вызвать негативную реакцию общества, послужить основанием для формирования в обществе отторжения права и его ценностей.

Все указанные типы протрузий фактически характеризуются тем, что регулирование, осуществляемое «протрузионной нормой» не соотносится с устоявшимся в данном государстве правовым порядком. Таким образом, зачастую демонстрируется стремление государства в рамках нормотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности использовать правовые средства для реализации целей далеких собственно от целей правового регулирования в интересах общества. Создание таких

норм осуществляется для удовлетворения потребности в формировании такого механизма властвования, который позволит удержать власть в государстве и обеспечит ее реализацию наиболее приемлемым для правящей группы способом. Чаще всего это происходит в периоды трансформации политического режима, постольку, поскольку в эти периоды новая власть не может положиться на традиционные механизмы управления, вынуждена формировать новые, атипичные механизмы управления, обеспечивать их функционирование правовыми нормами, приводящими к возникновению протрузий в праве.

Таким образом, явление протрузии можно рассматривать как производное от реализуемых властеотношений, которые, в силу неустойчивости политического режима, не могут реализоваться иначе, опираясь на устоявшиеся нормы права, не вызывающие в обществе негативного восприятия.

При этом указанное негативное восприятие обществом таких норм, вызывающих явление протрузии права приводит к росту правового нигилизма, стремление удовлетворения собственных потребностей даже в обход закона с моральным убеждением себя, в том, что раз государство прибегает к «хитрости», используя правовые средства, то и гражданам допустимо использовать нормативные правовые возможности в собственных целях, даже при условии негативных последствий для общества и государства. В таком случае в обществе может возникнуть ситуации возникновения случаев злоупотребления правом, использования правовых шикан, произвольного толкования в рамках правореализации правовых пробелов в свою пользу.

В конечном итоге это приводит к возникновению глубокого раскола между интересами государства и общества в рамках которого даже в случае, если государство пытается предпринять меры полезные для всего общества, однако неблагоприятные для конкретного индивидуума, у данного индивидуума может возникнуть в рамках индивидуального правосознания стремление противодействовать данным действиям государства.

Так, например, это наглядным образом проявилось в период пандемии коронавируса (COVID-19). Так, введение жестких карантинных мер в различных странах мира (вплоть до локдауна), вполне приемлемых по своему характеру и степени угрозы для общества вызвали крайне негативную реакцию в обществе, а в отдельных государствах, например, Нидерландах, к возникновению очагов напряжения и прямому конфликту между государством (в лице его агентов) и обществом (в лице протестующих граждан). Хотя главным образом в средствах массовой информации в качестве причин возникновения беспорядков называют недостаточную сознательность граждан и убежденность в завышении властями степени угроз, которые несет данный вирус основной проблемой, на наш взгляд является не это, а возникающие протрузии права.

Граждане видят, что степень строгости карантинных мер в отношении граждан существенно выше, чем в отношении органов государственной

власти, местного самоуправления, международных организаций, государственных корпораций и т. д.

Человек сравнивающий меры карантинной безопасности во время встреч и мероприятий правительственных чиновников и те требования, которые предъявляют к членам общества видит существенное различие между данными требованиями. Возникающий когнитивный диссонанс между правилами, принятыми для государственных агентов и рядовых граждан (при условии общераспространенного в обществе представления о том, что жизнь и здоровье правительственных агентов (государственных служащих) являются для них особой ценностью и рисковать этими ценностями они не станут) вызывает явное отторжение требований, предъявляемых к гражданам и организациям и негативную реакцию на любые действия государства.

Разумеется, такая реакция общества фиксируется. Анализируется и учитывается в определенной мере правительствами различных государств. Появляющаяся информация о политической и юридической ответственности чиновников за пребывание в общественных местах (кафе, ресторанах) за пределами периода срока их положенного функционирования (например, в ночное время), пребывание их без масок и иных средств индивидуальной защиты в общественных местах хотя и служит цели снижения уровня негативного отношения общества к таким протрузиям, все равно не в силах сдерживать негативное отношение общества к мерам эпидемиологической безопасности, зачастую вполне справедливым и оправданным. Это лишь один из частных случаев, примеров возникновения протрузий. По большому счету в рамках нормотворческой деятельности государство обязано учитывать фактор протрузий. Возникнут ли они, будут ли они носить критический характер, могут ли они быть нейтрализованы теми или иными средствами? Данные вопросы становятся достаточно актуальными для того, чтобы ставить вопрос о развитии технологии правотворчества. Толкования права и правоприменения.

В условиях, когда вследствие протрузий возникает устойчивое противление общества государственной власти по тем или иным вопросам можно говорить о процессе деконсолидации государства и общества. Данная деконсолидация носит временный характер и устраняется либо сменой правительственных агентов и правовыми реформами, либо обоснованными правовыми реформами с периодом послереформенной правореализации, необходимым для того, чтобы общество поверило в то, что протрузия ликвидирована. В случае же длительных, или постоянных протрузий, возникающая деконсолидация государства и общества, практически лишает государство и общество шанса на возвращение к последующей консолидации, формирует основания политических конфликтов и как следствие рано или поздно приводит к смене политического режима.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория государства и права. М. : БЕК, 1995. 320 с.
2. Martin G. T. Revolutionary Holism: The Principle of Harmony and the Rule of Law in Human Affairs. URL: <https://www.radford.edu/gmartin/Harmony%20and%20the%20Rule%20of%20Law>. June14. pdf (датаобращения: 12.12.2020)
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 43. М., 1970. С. 328.

УДК 339.1
ББК 65

С. Р. Эбасан, *Симферополь*

Дискуссия о сохранении патерналистской роли государства в условиях глобализационных процессов

Исследуются спорные вопросы сохранения патерналистской роли государства в условиях глобализации. Раскрывается сущность патернализма как социально-политического явления. Рассматриваются разные типы проявлений патернализма, особое внимание уделяется государственному патернализму. Отдельное внимание уделяется финансовым кризисам, а также основным проблемам государственного патернализма в разных странах.

Ключевые слова: патернализм, государственный патернализм, государство, финансовый кризис, распределительная функция государства.

S. R. Ebasan, *Simferopol*

Discussion on the preservation of the paternalistic role of the state in the context of globalization processes

The article examines the controversial issues of preserving the paternalistic role of the state in the context of globalization. The author reveals the essence of paternalism as a socio-political phenomenon. The article examines different types of manifestations of paternalism, special attention is paid to state paternalism. Special attention is paid to financial crises. The author also examines the main problems of state paternalism in different countries.

Keywords: paternalism, state paternalism, state, financial crisis, distributive function of the state.

Дискуссия о вопросе сохранения или отмены патерналистской роли государства в современном мире касается не только социально-экономических проблем, но и моральных, и этических проблем: к примеру, должно ли государство ограничивать курение граждан или это личный выбор для всех, в какой степени может ограничивать личную инициативу и т. д. Полемика о необходимости государственного патернализма в различных отраслях жизни, включая экономику.

Одно авторы считают, что патернализм представляет собой своего рода принцип государственной опеки над населением, тип взаимоотношений правителей и граждан, предусматривающий «отцовскую заботу» властей и «благодарность сыновей» людей за улучшение жизнедеятельности [2].

Патернализм является конкретным видом управленческой деятельности представителей государственной «власти», подобный «взаимоотношениям отца и детей», а также форма восприятия институтов государственной власти как структур, которые отвечают за все «дела» в стране, – так считают другие авторы [1].

Основные проблемы государственного патернализма заключаются в участии страны в защите населения от социальных рисков, предоставлении услуг в социальной сфере, их финансовых механизмов.

В конце 90-х гг. прошлого столетия основные утверждения оппонентов сохранения хорошего уровня государственных общественных гарантий в условиях глобализации, сводятся к такой точке зрения, что высокие социальные гарантии обеспечивает основную систему социального страхования (модель Бисмарка), обеспечивающая высокий уровень начислений на заработную плату, так что затраты на рабочую силу увеличиваются, а страна становится неинтересной и невыгодной для вложений сравнительно с иными государствами, где рабочая сила по низкой цене.

Но в то же время, анализ данных о государственных и муниципальных социальных расходах отрицает данное утверждение. К примеру, Швеция, Норвегия, Швейцария и Австрия имеют более высокую инвестиционную привлекательность при высоких социальных выплатах (пособиях).

Сохранение перераспределительной (дистрибутивной) функции является одной из самых обсуждаемых тем сейчас, которая постоянно рассматривается на проводимых собраниях Международного института государственных финансов (неправительственная организация ученых-экономистов, которые являются специалистами в сфере государственных финансов).

В настоящее время не существует всеобщей точки зрения. Некоторые ученые-экономисты, в частности Владимир Мау, придерживаются такой позиции, что кризис индустриального социального государства является одной из первопричин нынешнего глобального кризиса, который вызван значительным перераспределением финансовых ресурсов через бюджетные системы стран на нужды образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения [3].

Тем не менее, в немалом количестве работ (например, Гжежог В. Колодко), касающихся мирового финансово-экономического кризиса по праву упоминается, что кризис начался как раз в том государстве (США), в котором право на личную инициативу получает наибольшую поддержку, а социальным выплатам принадлежит не самая большая доля.

В выводах восьмой европейской региональной встречи Международной организации труда «Преодоление кризиса: стратегии достижения достойного труда в Европе и Центральной Азии» заключается, что «европейские страны с развитой системой социального обеспечения могут лучше обеспечить восстановление экономики и защиту, пострадавших в результате глобального кризиса. Системы социального обеспечения, которые существуют в настоящее время являются важной частью так называемых автоматических стабилизаторов, противодействующих возникновению спада экономики.

Следует отметить, что мировой финансово-экономический кризис не внес принципиальных изменений в модель регулирующего государства как таковую, а лишь помог смягчить ортодоксальность рынка, в некоторых случаях возникший пробел из-за чрезвычайных ситуаций, от классических методов монетаристского подхода к регулированию экономики. Возможно, поэтому нет уверенности в том, что крупнейшие страны мира и мировая экономика в целом, полностью вышли из кризиса, что нынешняя модель регулирующего государства может установить такие ориентиры, не просто гарантирующие реализацию эффективной и грамотной антикризисной политики, но и позволяют определять цели и приоритеты развития контексте наблюдаемого изменения моделей международного экономического-политического порядка, геополитического образа мира, балансов сил и интересов [4].

Необходимо, также упомянуть китайский опыт, который в условиях мирового финансово-экономического кризиса не только сохранил темпы роста производства, а еще вырвался в мировые лидеры, за счет повышения социальных выплат и увеличения внутреннего потребления.

На основании анализа проведенных исследований и мониторинга международных экономических процессов, можно сделать вывод, что, несмотря на дискуссии, государственные и муниципальные доходы и расходы в ближайшем будущем будут использоваться в качестве экономических инструментов для регулирования социальных пропорций и выполнения перераспределительной (дистрибутивной) функции государства.

Список литературы

1. Гончаров И. В., Прудников А. С. Государственный патернализм и права человека в современной России // Наука без границ. 2018. № 3 (43). С. 57–61.
2. Мамаев А. И., Сулейманов Ш. С. Патернализм // Наука без границ. 2017. № 11 (16). С. 38–43.
3. Мау В. Структурные сдвиги и перспективы глобального кризиса. URL: https://vlad.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=185013 (дата обращения: 19.01.2021).
4. Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. № 4. С. 38–57.

Абстрактный патриотизм как результат отсутствия четкой активистской основы современной российской национальной идеи

Рассматриваются особенности возникновения и развития абстрактного патриотизма. Выявляются предпосылки абстрактного патриотизма, выраженные в отсутствии национальной идеи, и рассматриваются социальные и политические последствия от его длительного существования в обществе.

Ключевые слова: идея, национальный, общество, страна, Россия, патриотизм, активизм.

K. A. Bovykin, Yaroslavl

Abstract Patriotism as a result of the lack of a clear activist basis for the modern Russian national idea

The article examines the features of the emergence and development of abstract patriotism. The prerequisites for abstract patriotism, expressed in the absence of a national idea, are identified and the social and political consequences of its long existence in society are considered.

Keywords: idea, national, society, country, Russia, patriotism, activism.

Тема национальной идеи в последние годы является достаточно актуальной для российского и, если брать шире, постсоветского пространства. Во многом это обусловлено состоянием “экзистенциального вакуума”, вызванного крахом Советского Союза и резкой переориентацией на либеральные ценности, которые, несмотря на всю свою привлекательность, не всегда находят применения в российской обстановке и, соответственно, не получают в российской среде должного развития. В результате возникает состояние некоего “двойного шока”, когда старая система ценностей оказывается неуместной и отжившей, а пришедшая к ней на смену новая – недоработанной, не всегда применимой, искаженной старыми паттернами поведения и оттого теряющей былую привлекательность. После такого сильного коллапса возникает достаточно естественное желание народа найти себе ту цель и то объяснение окружающей его действительности, которые позволят ему противостоять чувству беспомощности и неосведомленности. Во многом такой позыв можно считать еще и проявлением “инстинкта самосохранения” нации, ведь бесцельные народы, не имеющие ответов на фундаментальные вопросы своего бытия, теряют свою внутреннюю суть и становятся более подвержены распаду или поглощению другими цивилизациями [9]. Имеет место и такая точка зрения, что великие идеи обладают настолько большой ценностью, что в своей основе должны оставаться подлинно неизменными, позволяя модернизации затрагивать лишь внешнюю их сторону и вопросы хозяйствования, экономического производства [12].

И результаты поиска общенациональных ценностей мы видим повсеместно. Кто-то пытается поспособствовать реинкарнации коммунистиче-

ской идеологии, кто-то ищет себя в православии, кто то увлекается интегральным традиционализмом или иными специфическими учениями, а кто то продолжает настаивать на необходимости России следовать либеральным путем. Впрочем, представители либерального лагеря тоже не представляют из себя некоего единого сообщества, объединенного общей целью. Порой они разделяют взгляды друг друга не больше, чем представителей более традиционных, авторитарных течений. Между условными анархо-феминистками и правыми либертарианцами может быть подчас меньше сходства, чем между последними и православными консерваторами.

На взгляд автора, между национальной идеей и идеологией можно видеть некое условное родство. Они взаимосвязаны, потому что идеология как таковая является неким системным выражением тех или иных взглядов, потребностей и интересов разного рода обществ. То есть, можно сказать, что взгляды, потребности и интересы общества являются его идеей. Эта мысль находит подтверждение и в Википедии: “Идеология (греч. *ιδεολογία*; от *ιδέα* «прообраз, идея» + *λογος* «слово, разум, учение») – система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики – классов, наций, общества, политических партий, общественных движений – и выступает формой санкционирования существующего в обществе господства и власти (консервативные идеологии) или радикального их преобразования (идеологии «левых» и «правых» движений);” [3]. Или, как вариант, государственная идеология – это система взглядов, представлений, идей, выражающих интересы того или иного общества или социальной общности [5].

Если проанализировать генезис практически всех более-менее известных форм идеологического самосознания, то можно прийти к выводу, что они базируются на определенных социально-культурных основах, которые уже существовали в обществе.

Например, либерализм как оформленная система взглядов сложился лишь после того, как в определенного рода странах сформировался менталитет буржуазного, индустриального социума. Такому социуму было свойственно желание освободиться, отмежеваться от своего традиционалистского прошлого, заменив религию наукой, подданничеством гражданством и власть государства свободным рыночным самоопределением.

То же можно сказать и про российский консерватизм, опирающийся на православие, самодержавие и народность. Во многом он обладал огромной устойчивостью лишь благодаря тому, что покоился на той практической основе, на том образе жизни, который был разделяем подавляющим большинством членов российского государства на протяжении веков. Даже те, казалось бы, исключения, которые были представлены мусульманами, буддистами, и прочими иноверцами, на самом деле не несли сильной угрозы подобному мировосприятию, поскольку характер переплетения религиозного и политического во многих традиционных обществах был во многом схож между собой и, если какое-либо общество не имело

особых амбиций по обращению в свою веру всех народностей, до которых сможет дотянуться, то разные взгляды на нуминозное могли достаточно спокойно сосуществовать. В качестве примера можно привести взаимоотношения между Золотой Ордой и Древней Русью. Несмотря на очевидно напряженные отношения некоей формы вассалитета, в религиозном плане татаро-монголы, поклоняющиеся Тэнгри, богу Неба, не ощущали серьезной враждебности к верующим в Яхве-Саваофа. Во многом это было неудивительно, поскольку обе эти веры несли в себе некий патриархальный компонент диурнической веры во что-то небесное, мудрое, мужественное и ясное, который структурировал как их мирскую, так и нуминозную жизнь. Похожая ситуация сохранилась и когда в Золотой Орде ислам стал принят как государственная религия. Более того, это восточное влияние органично вплелось в развитие российской государственности, став ее неотъемлемой частью [2]. Надо сказать, что сила православия как национальной идеи настолько велика, что, даже пройдя через коммунистическое отрицание религии, мы можем наблюдать рост роли церкви в российском обществе и декларируемой религиозной принадлежности, правда, с низким уровнем личной религиозности россиян [8].

Похожая ситуация обстояла и с коммунизмом. Его популярность и сила были во многом обусловлены не просто теоретической проработанностью, но и обстоятельствами жизни тех стран, которые приняли эту идеологию в качестве руководящей. При этом следует отметить, что для подобного принятия этой системы концепций ее пришлось, порой весьма заметно, адаптировать под окружающую действительность. Коммунизм прижился в тех же России и Китае во многом потому, что соответствовал одновременно двум вещам: антибуржуазному, общинному историческому укладу этих обществ, и их тяге к развитию, величию и чувству собственной правильности. То есть, мы можем прийти к выводу, что идеологии базировались на конкретных вещах, воспроизводимых формах деятельности, общих основах жизни, общих чаяниях, целях и проблемах. Здесь можно вспомнить философию активизма, утверждающую, что истина может быть раскрыта только в делах, а не в абстрактном теоретизировании [1]. Во многом, такая философия, особенно хорошо нашедшая свое применение в экзистенциализме, подходит и для объяснения жизненной силы идеологий и, соответственно, национальных идей. Для того чтобы та или иная идеология смогла утвердиться в обществе, иметь какое-то влияние на него, оказывать функции поддержки и мобилизации и т. д., и т. п., она должна опираться на нечто общее и воспроизводимое, что, так или иначе, осуществляется на деле. Либерализм покоился на развивающемся предпринимательстве и индустриальном производстве, замешанном на буржуазный тип обмена ресурсами. Российский консерватизм основывался на столетиях общинной жизни крестьян, деятельности аристократов и воспроизводимых религиозных действиях. Коммунизм же, сначала стоящий лишь на чувстве обездоленности и желании более справедливого распре-

деления ресурсов, потом обрел себе поддержку в совместном движении к “светлому будущему”, в пятилетках, в ускоренном развитии и, как бы это ни звучало, в военном столкновении с фашистской Германией. Что характерно, левые учения до сих пор любят выискивать признаки фашизма в окружающем их буржуазном обществе, чтобы им себя противопоставить. На взгляд автора данной статьи, подобный подход продиктован во многом именно желанием “повторить” подвиг Советского Союза и, хотя бы частями, воспроизвести и заимствовать идеологическую силу коммунизма в период его расцвета. Притом стоит отметить, что как только прошли тяжелые сталинские времена, как только исчезли пятилетки, неизбежные войны и движение к совместному будущему, свою силу стала терять и коммунистическая идеология. Поначалу она держалась за счет административного ресурса, воспроизводимых праздников, маршей, памяти о предках и их достижениях, но со временем все больше становилась лишь риторикой правящего класса номенклатуры. То есть, можно утверждать, что, лишившись своей активистской основы, которая открывала “истину” коммунизма в совместном движении к нему и реально осуществляемых военных, трудовых, и научных подвигах, идеология стала лишь отвлеченным разговором, который воспроизводился как популистские речи или, в лучшем случае, как предмет теоретического изучения философов и историков. То есть, можно сказать, что с упадком деятельностной базы коммунизма, исчезла и вся его жизненная сила, привлекательность и правда. Если вспомнить идеи австрийского психиатра Виктора Франкла, то можно попытаться представить национальную идею, а вместе с ней и господствующую идеологию, как некий совокупный смысл деятельности и восприятия. Этот специалист высказывал мысли о том, что вражда между членами микро- и макро-групп может быть вызвана отсутствием значимых для коллектива целей. То есть, социальная разобщенность и атомизация связей вполне могут иметь корень своих проблем именно в экзистенциальной неустроенности. Он приводил в пример работу с детьми в разного рода лагерях. Если дети предоставлены себе, либо же если их делят на группы и эти группы не связаны общей деятельностью, то между ними достаточно быстро появляются вражда и соперничество. И, для того чтобы эту вражду погасить, нужно найти некую общую цель, которая позволит видеть в окружающих не конкурентов, но союзников. По мнению этого мыслителя, внесшего большой вклад в развитие логотерапии и подробно исследовавшего вопрос смысла жизни и ноогенного уровня личности, такая логика вполне может подвергаться экстраполяции и на глобальный уровень. Иными словами, найденная общая цель и общий смысл могут сплотить воедино не только отдельных людей, но и целые народы, страны, а может, и весь мир [10].

Если переносить подобные рассуждения на государственный уровень, то можно прийти к выводу, что общество, не обладающее некоей общей базой, на которой выстраиваются взаимоотношения, будь то религиозная

практика, проект далекого будущего, либо почитаемый большинством членов образ жизни, не могут иметь какую-либо общую национальную идею.

Исходя из представленных выше рассуждений, можно сделать вывод, что ориентация на патриотизм, присутствующая в российской политической повестке, несмотря на всю позитивность своей посылки, лишена возможности конкретного выражения. Например, на встрече с Клубом лидеров в Ново-Огарево Президент РФ 3 февраля 2017 г утвердил патриотизм как национальную идею. :«Сейчас стране нужна общая, объединяющая идея, – заявил Владимир Путин в ходе выступления, – и она уже есть». «У нас нет никакой и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма, – считает Путин. Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо». Нужно стремиться к тому, чтобы и бизнес, и чиновники, и вообще все граждане работали для того, чтобы страна становилась сильнее, считает Владимир Путин. «Потому что, если так будет, каждый гражданин будет жить лучше. И недостаток будет больше, и комфортнее будет и т. д. Это и есть национальная идея», – подчеркнул он.

Несмотря на то что ориентация на труд во благо Родины является достаточно неплохим путем для реализации волевых потенций населения, все-таки стоит отметить, что она лишена некоторой конкретики. Люди всегда работали и будут работать. Во многом, им это нужно для личного блага, и косвенно это может приносить благо обществу, что, в принципе, не является обязательным. То есть можно утверждать, что идея патриотизма имеет некоторую абстракцию. Поскольку у нас сейчас не проводится масштабных работ по созданию благ общего пользования, как то было в СССР или, хотя бы, в Древнем Риме, то можно прийти к выводу, что нынешняя идея патриотизма предполагает труд ради личного блага и называет его трудом ради блага страны. С одной стороны, подобный подход весьма актуален для классического либерализма, утверждающего, что благо общества может выстраиваться только на основе блага каждого индивидуума. Но, в то же самое время, это идеология разумного эгоизма и, как бы это ни звучало, утилитарного гедонизма.

В результате получается, что национальная идея, основанная работе во благо личной жизни, не является в строгом смысле патриотизмом. Если вспомнить Википедию, то мы увидим там, что патриотизм – это “нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь, привязанность к Родине, преданность ей и готовность к жертвам и подвигам ради нее” [6]. Но, исходя из определения, данного нам Президентом и окружающей нас социальной действительностью (которая является “живой плотью” национальной идеи и предпосылкой для появления идеологии), мы видим, что национальная идея современной России не является альтруистическим патриотизмом.

Здесь ясно прослеживается деление общества на отдельных индивидов, каждый из которых должен позаботиться о себе сам и только в таком случае наша страна станет счастливой. Впрочем, о счастье целой страны

здесь говорить не приходится, потому что в первую очередь здесь идет речь о счастье отдельных людей, не связанных ничем общим, кроме места жительства и жажды благополучия. С одной стороны, такой подход имеет некоторое рациональное звено и выражает некоторое согласие с существующим положением вещей. Но, с другой стороны, он по-прежнему не отвечает на вопрос, чем именно отличается Россия от других стран. Если у народа нет никаких общих целей и ориентаций, кроме желания личного счастья и приверженности к труду, то, получается, у него и не может быть единства большего, чем единство отдельных корпораций, фирм, коллективов и трудовых сообществ. А, если учесть, что страна – это не просто территория, но еще и история, политика и культура, то, выходит, что национальная идея российского социума должна быть гораздо масштабнее, чем просто ориентацией на деловые отношения.

Если считать Россию подлинной цивилизацией, то, как минимум, у нее, помимо территории, должны быть ценностное ядро и сложная социокультурная организация [11]. Правда, проблема во многом заключается еще и в том, что, с учетом противоречивости социально-исторического опыта нашей страны на протяжении последних двух неполных веков достаточно сложно выделить какую-то однозначную идею, имеющую активистскую представленность в практике россиян. Поэтому, исходя из представленных рассуждений, можно прийти к выводу, что нынешняя апелляция власти к труду и повышению благосостояния является не окончательным и исчерпывающим ответом на вопрос о национальной идее, но скорее некоей вынужденной мерой, которая далеко не всех устраивает. Чтобы это подтвердить, достаточно вспомнить экономическое и социальное неравенство в России, отсутствие достаточного количества социальных лифтов, проблемы с малым бизнесом [4; 7]. Наличие этих сложностей наглядно показывает, что в настоящее время идея повышения благосостояния не может быть общенациональной, ввиду отсутствия почвы для этого.

Если ранее в России национальная идея построения коммунизма была сильна потому, что осуществлялось некое развитие общества в направлении строительства идеального строя, и это было ощутимо, видно, вдохновляло людей на новые свершения, то сейчас энтузиазма от предвкушения повышения личного благополучия россияне не ощущают. Аналогичная ситуация и с прежней, православной-державной национальной идеей. Она и вправду была общенародной, когда православие исповедовалось большинством россиян, а образ царя как батюшки-защитника не вызывал сомнений на протяжении многих веков. Нынешние же утверждения о том, что основы российской национальной идеи – труд и благополучие, не имеют под собой такой основы. Как минимум, об этом еще рано говорить.

С учетом всех сложившихся проблем, отношения России и труда с личным процветанием напоминают Древнюю Русь на переходе от язычества к христианству. Мы в лучшем случае несмело движемся к этим ценностям, временами впадая в стагнацию, спотыкаясь, совершая ошибки, а

порой и вовсе откатываясь назад. Поэтому можно сказать, что подлинно объединяющей национальной идеи в России по-прежнему нет, и ее только предстоит сформировать. Ввиду отсутствия государственной поддержки, неэффективности социальной инфраструктуры и общей идеи, стремление россиян к благополучию является скорее движением к личному благу, основанным на идее выживания и борьбы за существование людей, которые считают себя брошенными на произвол судьбы. Современное видение ситуации представляется именно таким, а не коллективным стремлением к всеобщему, устойчивому процветанию в рамках общих ценностей и единой цивилизации.

Список литературы

1. Активизм (Подопригора, 2013). URL: <http://ponjatija.ru/node/2166> (дата обращения: 31.01.2021).
2. Вольтер Ольга Владимировна Православие и ислам в контексте государственности России // Вестник ЗабГУ. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavie-i-islam-v-kontekste-gosudarstvennosti-rossii> (дата обращения: 29.01.2021).
3. Идеология. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 29.01.2021).
4. Как россияне воспринимают социальное неравенство. URL: <https://polit.ru/article/2020/07/29/inequality/> (дата обращения: 29.01.2021).
5. Мартюшов Л. Н. Государственная идеология Российской Федерации: какой ей быть? // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2017. № 4 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ideologiya-rossiyskoy-federatsii-kakoy-ey-byt> (дата обращения: 29.01.2021).
6. Патриотизм. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 29.01.2021).
7. Проблемы малого бизнеса в России в 2020 году. URL: <https://rkoff.ru/problemny-malogo-biznesa-rossii-2020/> (дата обращения: 29.01.2021).
8. Пронина Т. С. Религия и идентичность: Homo post-Sovieticus в поисках себя // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiya-i-identichnost-homo-post-sovieticus-v-poiskah-sebya> (дата обращения: 29.01.2021).
9. Трифонов С. С. Роль идеологий в пространственной экспансии цивилизаций: история, современность и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ideologii-v-prostranstvennoy-ekspansii-tsivilizatsiy-istoriya-sovremennost-i-perspektivy> (дата обращения: 29.01.2021).
10. Франкл, В. Э. Теория и терапия неврозов. Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ // Центр психологической помощи Mask : [сайт]. URL: <https://sptcentre.ru/wp-content/uploads/%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%BB-%D0%92-%D0%A2%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B8-%D0%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 29.01.2021).
11. Харин А. Н. К вопросу о формировании цивилизационного пространства России // Власть. 2011. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-tsivilizatsionnogo-prostranstva-rossii> (дата обращения: 29.01.2021).
12. Юдина Т. Н., Ян Ц. Влияние культуры и идеологии (мягкой силы) на социально-экономическое развитие России и Китая // Теоретическая экономика. 2015. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kultury-i-ideologii-myagkoy-sily-na-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 29.01.2021).

Тенденции оптимизации государственного управления в Иркутской области

В статье рассмотрен современный этап решения одной из основных задач административной реформы – сокращение численности государственных гражданских служащих и размера затрат на функционирование государства. Отмечены преобразования, которые затронут федеральные и региональные органы власти в ближайшем будущем, обозначены основные причины изменения предельной штатной численности гражданских служащих. Проведен анализ численности чиновников, расходов на общегосударственные вопросы и затраты на содержание органов власти России и Иркутской области, в частности, с использованием официальной статистики и бюджетной росписи.

Ключевые слова: государство, административная реформа, гражданский служащий, штатная численность, оплата труда.

O. A. Abdrashitova, *Irkutsk*

Optimization trends of public administration in the Irkutsk region

The article examines the current stage of solving one of the main tasks of the administrative reform – reducing the number of civil servants and the amount of costs for the functioning of the state. The author notes the transformations that will affect the federal and regional authorities in the near future, identifies the main reasons for the change in the maximum staffing of civil servants. The analysis of the number of officials, expenditures on national issues and the costs of maintaining the authorities of Russia and the Irkutsk region, in particular using official statistics and budget list.

Keywords: polity, administrative reform, civil servant, staffing, wages.

Перед любым государством, как основным политическим институтом, постоянно возникает множество проблем, постепенно ведущим к дезинтеграции общества. В настоящее время «очагом дезинтеграции» являются нарастающие противоречия между представителями органов власти России и простыми гражданами. Последние годы все чаще проходят серии массовых митингов и акций протеста, связанных с требованиями пресечения коррупции в органах власти, бóльшая часть граждан высказывает недовольство работой чиновников и дороговизной их содержания. По данным Левада-Центра, за 2019 г. половина жителей России (52 %) не верит властям, еще более 60 % уверены, что уровень жизни чиновников не соответствует заявленным в декларации доходам. Вообще гражданам нашей страны характерен низкий уровень институционального доверия, между тем власти не раз делали попытки повышения уровня доверия к госслужащим, оптимизации административно управленческих процессов и к снижению издержек взаимодействия с органами власти. Опыт многих стран, проводивших административную реформу, показывает, что это длительный, сложный и ресурсозатратный процесс, требующий усилий не только государства, но и всего общества, поскольку его успех напрямую зависит от понимания и поддержки гражданами целей реформы и заинтересованности общества в ее результатах.

При проведении административной реформы считается важным повышение результативности деятельности органов государственной власти при решении стратегических задач, обоснованное установление предельной численности государственных гражданских служащих и более рациональное использование фонда оплаты труда. Несмотря на постоянное реформирование системы государственной службы в Российской Федерации, остается нерешенной основная задача – сокращение численности государственных гражданских служащих и размера затрат на их содержание. В России ежегодно тратятся миллиарды рублей на общегосударственные вопросы – обеспечение бесперебойной работы государственных органов составляет 6–9 % расходов бюджета, из них только на функционирование Президента РФ в 2019 г. было затрачено более 25 млрд руб. Последние четыре года (с 2016 по 2019 г.) наблюдается рост как общей суммы расходов – на 24,4 %, так и по отдельным статьям: функционирование Президента – 56,2 %, функционирование законодательных (представительных) органов – 17,7 %, функционирование Правительства РФ, высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, местных администраций – 30,7 % [3]. Расходы сектора государственного управления в 2019 г. составили 38 763,9 млрд руб. (115 % от 2018 г. – 33 726,8 млрд руб.), из них на оплату труда работников 10 230,7 млрд руб. (108 % от 2018 г. – 9461,2 млрд руб.), отчисления на социальные нужды 8358,4 млрд руб. (94 % от 2018 г. – 8912,8 млрд руб.).

Для контроля над количеством работников государственных органов власти Федеральная служба государственной статистики постоянно ведет статистическое наблюдение за численностью и фондом заработной платы государственных должностей, государственных гражданских служащих и должностей, не являющихся должностями государственной гражданской службы, государственных органов Российской Федерации по установленным формам отчета. По состоянию на конец 2018 г. численность работников государственных органов власти составила 5944,9 тыс. чел., с 2014 по 2018 г. она увеличивалась и сокращалась в среднем на 1,3 %, это связано в первую очередь с организационно-штатными мероприятиями, изменениями в структуре федеральных органов власти и с передачей полномочий. Новшествами 2020 г. стали появление должности десятого Заместителя Председателя Правительства РФ – А. В. Новак, упразднение Министерства РФ по делам Северного Кавказа, и передача его функций Министерству экономического развития РФ, Федеральное агентство по туризму стало самостоятельным, а не подведомственным Министерству экономического развития РФ и получило новые полномочия, например, по осуществлению государственного надзора за деятельностью туроператоров, Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения наоборот перешла в ведение Министерства здравоохранения РФ. В начале ноября в Госдуме был поднят вопрос об упразднении Роспечати и Россвязи в целях оптимизации полномочий федеральных органов исполнительной власти и численности

госслужащих, полномочия агентств планировали передать в Минцифры РФ. 20 ноября В. В. Путин подписал Указ № 719, согласно которому Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Федеральное агентство связи перестали существовать, большая часть сотрудников продолжит исполнение своих полномочий и функций в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, под сокращение попали около 10 % вакансий и должностей. Интересен период до 2013 г, он связан в первую очередь с реформой МВД, проходившей с целью повышения эффективности работы правоохранительных органов в том числе за счет сокращения численности сотрудников на 20 %. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г № 3-ФЗ «О полиции» установил предельную штатную численность личного состава органов внутренних дел, финансируемую за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, в количестве 894 869 единиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в количестве 746 859 человек, федеральных государственных гражданских служащих – 17 197 человек, работников – 130 813 человек, таким образом, штатная численность органов внутренних дел к 2019 г. сократилась на 1 205 312 (в 2012 г. – 2 995 050 чел.) [1].

В 2021 г. в связи с появлением новых конституционных норм в структуру федеральных органов исполнительной власти будут внесены очередные изменения – в ноябре 2020 г. председатель Правительства Михаил Мишустин объявил о необходимости оптимизации структуры и численности органов правительственного блока с целью повышения эффективности работы госаппарата за счет формирования в каждом органе власти штата компетентных специалистов с четко обозначенной сферой ответственности. На сегодняшний день в центральных аппаратах до 20 % ставок вакантны, их штат должен быть сокращен на 5 % (около 1200 должностей), в территориальных органах ведомств около 18 % вакансий, их предельную штатную численность планируется сократить на 10 % (более 33,5 тыс. должностей), под сокращение попадут и 45 заместителей руководителей федеральных ведомств, при этом фонд оплаты труда федеральных органов сохранится в том же размере. Суть реформы заключается не только в сокращении предельной штатной численности органов, но и в приведении в соответствие структуры исполнительного органа – теперь допустимое число начальников и помощников необходимо рассчитывать исходя из количества подчиненных, а штат обеспечивающих подразделений должен быть менее 30 %. Изменения в первую очередь затронут министерства и ведомства, постоянно оказывающие услуги населению, их реорганизация должна поспособствовать более оперативному и качественному обслуживанию граждан; в отношении территориальных органов под сокращение попадут самые многочисленные ФОИВ: федеральная налоговая служба (142 093 ГГС), федеральная служба судебных приставов (69 739 ГГС), федеральное казначейство (33 413 ГГС), федеральная таможенная служба (30 915 ГГС) и Росреестр (28 838 ГГС). Министерство финансов также пред-

лагает оптимизировать численность силовых ведомств, но Минобороны и МВД считают эту меру неприемлемой, однако региональным отделением Следственного комитета уже поручено подготовить предложения по сокращению 10 % сотрудников обеспечивающих подразделений. Хотелось бы отметить, что по состоянию на 2019 г. всего в центральных аппаратах федеральных органов исполнительной власти работают 29 387 государственных гражданских служащих, а в их территориальных органах фактически трудоустроено 394 002 служащих, а это в сумме почти полмиллиона человек.

Стоит упомянуть еще одно важное изменение, которое затронуло судебную ветвь власти: 8 декабря 2020 г. Президентом РФ были подписаны ФКЗ № 7, исключаящий из судебной системы России конституционные (уставные) суды, и ФЗ № 426, исключаящий понятие «судья конституционного (уставного) суда субъекта РФ» из всех федеральных нормативных правовых актов. Вопрос об упразднении вышеупомянутых судов назрел давно, поскольку в большинстве субъектов Российской Федерации их попросту нет, действующие же 15 судов в последние годы не приносят никакого эффекта, при этом «средняя себестоимость» одного судебного решения может превышать 3 млн руб. Например, за 27 лет существования в Дагестане местный конституционный суд принял всего 33 постановления. Дополнительным стимулом к упразднению данных судов послужили поправки в Конституцию и закон о Конституционном суде, согласно которым КС полномочен рассматривать законодательные акты, принимаемые в субъектах, в том числе и законопроекты. Ликвидация судов должна завершиться до 1 января 2023 г., под сокращение попадут не только 61 судья, но и региональные гражданские служащие, обеспечивающие деятельность судов (кадры, правовое управление, секретариат, финансовый отдел).

В Иркутской области на общегосударственные вопросы в среднем выделяется 2,92 % от суммы всех ежегодных расходов, в 2019 г. эта статья затрат составила 4 987,9 млн руб. – 2,56 %, за пять лет расходы хоть и выросли на 32 %, или на 1610,1 млн руб. (в 2015 г. – 3 377,8), в процентном соотношении к расходам бюджета сократились на 0,31 % (в 2015 г. – 3,23 %). Обеспечение функционирования губернатора Иркутской области (0,36 млн руб.) в процентном соотношении к общегосударственным вопросам обходится для областного бюджета дешевле, чем обеспечение деятельности Президента (25,8 млрд руб.) для бюджета страны – 0,36 % против 1,89 %, но на деятельность законодательных (представительных) органов (8,91 % – в ИО и 1,14 % – в РФ) и исполнительных органов (8,45 % – в ИО и 0,58 % – в РФ) Приангарье выделяет в несколько раз больше средств.

По причине сложной экономической ситуации в регионе, сложившейся из-за введения ограничительных мер в связи с угрозой возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, бюджет на 2021 г. принят с большим дефицитом, чем в 2020 г.: в 2019 г. запланирован дефицит об-

ластного бюджета в сумме 9 825 985 тыс. руб. (6,6 % от общего годового объема), прогнозируемый размер дефицита в 2021 г. составит 13 988 552 тыс. руб. (10 % от объема). Еще до возникновения угрозы пандемии предполагалось, что верхний предел государственного долга Иркутской области к 2022 г. составит 28 104 968 тыс. руб., но к концу 2020 г. стало понятно, что размер заимствований возрастет более чем в 1,5 раза и составит 46 567 123 тыс. руб. Это не могло не отразиться на сокращении расходов, в том числе на общегосударственные вопросы – для точности сравнения исключим статью расходов на выборы, поскольку в сентябре 2020 г. жители Приангарья избрали нового губернатора: функционирование органов власти обойдется бюджету региона на 14,6 % дешевле (7 885 143,2 тыс. руб. – 2020 г.; 6 739 298,8 тыс. руб. – 2021 г.), например, на обеспечение деятельности высшего должностного лица субъекта запланировано на 2382,8 тыс. руб. меньше, чем в предыдущем году. Экономии бюджетных средств планируется добиться в том числе за счет изменения структуры исполнительных органов государственной власти Иркутской области, которая включает в себя проведение организационно-штатных мероприятий в министерствах, службах и агентствах (объединение органов власти, изменение их статуса или упразднение, передача функций и сокращение штатной численности). Так, 3 декабря 2020 г. уже вышел Указ губернатора Иркутской области № 340-уг, согласно которому функции и штатная численность службы по контролю и надзору в сфере образования Иркутской области (48 шт. ед.) начиная с 15 февраля 2021 г. будут переданы в министерство образования Иркутской области (133 шт. ед.), при этом появится возможность сократить 6 должностей: руководителя службы, его заместителя, советника руководителя службы, мобилизационного работника и двух кадровиков; годовая экономия бюджета составит около 4,6 млн руб. [2]. В целях экономии в планах у правительства Иркутской области намечено исключение управления делами губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области из структуры исполнительных органов власти, функции по материально-техническому обеспечению деятельности будут переданы в областное государственное казенное учреждение, учредителем которого выступит министерство имущественных отношений. Нормативные правовые акты в отношении указанного исполнительного органа должны вступить в силу с 01.01.2021. Также в планах создать министерство цифрового развития, для его функционирования будут переданы штатные единицы из аппарата губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области, министерства строительства, дорожного хозяйства и министерства жилищной политики, энергетики и транспорта.

Таким образом, динамика численности государственных гражданских служащих и расходов, затрачиваемых на их содержание, напрямую зависят от изменений, происходящих в стране, и от потребностей населения – появление новых услуг, оказываемых гражданам, предполагает возникновение у государственного аппарата дополнительных функций, поэтому у

органах власти постоянно ведется деятельность по совершенствованию государственного управления (административная, бюджетная, муниципальная реформы, создание электронного правительства и т. д.). Для поддержания мирного сосуществования работников органов власти и граждан, представителям власти необходимо дополнительно развивать открытость и доступность информации о деятельности государственных органов, пояснять необходимость и важность проведения тех или иных реформ. Повышение доверия граждан напрямую зависит от четкого понимания ими, что основная цель административной реформы – сделать государство социально более сплоченным и приблизить его к населению.

Список литературы

1. О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 01.03.2011 № 252 (ред. от 19.09.2011) // КонсультантПлюс.
2. О внесении изменения в пункт 5 структуры исполнительных органов государственной власти Иркутской области : указ губернатора Иркутской области от 3 дек. 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации сайт. URL: <http://www.ogirk.ru/pravo/archives/law/319484> (дата обращения: 23.01.2021).
3. Расходы бюджета по отраслям. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: http://budget.gov.ru/epbs/faces/p/Бюджет/Расходы/Расходы%20по%20отраслям?_adf.ctrl-state=5tmkdbfjf_111®ionId=45 (дата обращения: 25.01.2021).
4. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления по ветвям власти и уровням управления. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191> (дата обращения: 24.01.2021).

УДК 331.103.32
ББК 65.241

В. Ю. Рангин, *Иркутск*

Повышение уровня доверия к власти как основной показатель эффективности

В статье рассматриваются проблемы существования и развития уровня доверия граждан к власти. Анализируются возможные стратегии, технологии и формы его повышения, а также ключевые показатели доверия, проведения мониторинга и качественного анализа полученных данных.

Ключевые слова: эффективность, власть, государственное управление, показатели эффективности, уровень доверия.

V. Y. Rangin, *Irkutsk*

Increasing confidence in power as a basic indicator of efficiency

The article examines the problems of the existence and development of the level of citizens' trust in the authorities. Possible strategies, technologies and forms of its enhancement are analyzed, as well as key indicators of trust, monitoring and qualitative analysis of the data obtained.

Keywords: Efficiency, power, public administration, efficiency indicators, level of trust.

Актуальность данной темы заключается прежде всего в том, что на сегодняшний день уровень доверия власти является необходимой частью развития самого государства, его экономических и социальных институ-

тов. Сегодняшние социологические исследования не дают нам уверенности в том, что исследование является достоверным. Поскольку, чаще всего социологические исследования проводят государственные структуры, тем самым не всегда показывая ту ситуацию, которая происходит в стране. Также стоит отметить, что без повышения уровня доверия власти невозможно оценить ее эффективность. А повышение эффективности деятельности государственной власти, в свою очередь, является одной из важнейших задач государства, которая включает в себя совершенствования всех механизмов реализации его функций и полномочий. Целью исследования является выявление механизмов повышения уровня доверия к власти как основной показатель эффективности.

Прежде чем мы начнем говорить о доверии к власти как об основном показателе эффективности, необходимо разобраться, что такое доверие в политическом аспекте.

Вся сложность феномена доверия заключается в том, что, как и другие подходы он имеет свою специфику, связанную прежде всего со сложностью и комплексностью политической сферы, с особенностями взаимодействия гражданского общества и власти. Доверие в политическом аспекте, важнейший элемент развития как самого общества в целом, так и государственных органов.

В нашей статье мы выделил несколько ключевых показателей доверия:

- 1) Социально-экономический показатель,
- 2) Социологические исследования
- 3) Участие в политической жизни

Одним из основных факторов определения уровня доверия населения является характер и активность участия людей как в политических, так и в социально-экономических процессах в обществе, что и является решающим для развития и благополучия всей страны.

На сегодняшний день многие социологические опросы показывают нам, что гражданское общество в Российской Федерации развито слабо, а точнее сказать, не развито совсем! У граждан отсутствует интерес к политическим процессам, которые происходят в стране. Например, выборы, люди думают, что за них все решено и поэтому не идут на них, тем самым уменьшая явку на выборах, но мало кто понимает, что властям это выгодно, поскольку, чем меньше людей пришло, тем больше вероятность того, что у власти останутся те же лица.

Несмотря на то что у людей пропадает интерес к политическим процессам, происходящих на территории государства, органы власти стремятся повысить уровень доверия. Так, в 2014 г. был принят Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Благодаря данному Закону некоммерческие организации, наблюдательные комиссии, общественные инспекции могут более оперативно подключаться к контролю и экспертизе, к реагированию на запросы и обращения граждан. Важно отметить, что сегодня основными формами взаимодей-

ствия между властью и гражданским обществом в России являются организация различных площадок, таких как форумы Общероссийского народного фронта, Общественной палаты РФ, различные форумы при участии представителей органов власти различного уровня.

На наш взгляд, сегодняшняя политика властей направлена на то, чтобы стать более открытой перед гражданами своего государства. Так, например, мы наблюдаем на официальных сайтах министерств, ведомств, агентств и всех государственных структур открытую информацию о управлении данной организации. Еще 6 лет назад для граждан РФ вся информация о том, сколько доходов у чиновника и его семьи была конфиденциальна. Но с появлением нового распоряжения Правительства РФ от 30 января 2014 г. № 93-р, государство стало более открытым. В политике появилось новое словосочетание «Открытое Правительство», по своей сути оно обозначает систему принципов и механизмов, которые обеспечивают взаимодействие власти и гражданского общества. Мы можем посмотреть, какую тот или иной чиновник получает заработную плату в год, какое у него имущество и др. информацию, которую ранее мы не могли отследить в открытом доступе. Хотя это и малая часть к доверительным отношениям между обществом и властью, но мы видим, что власть стремится к доверию народа.

Рассматривая бюджет Российской Федерации или бюджет любого субъекта Федерации, мы можем увидеть, что большая часть расходов в данном бюджете заложены в социальную сферу. А это значит, что государство действительно думает о том, что необходимо гражданам. Для того чтобы люди верили государству необходимо не только открытость данных о каждом чиновнике и о его деятельности, государству так же необходимо показывать результат своей работы. И здесь речь идет не только о том, чтобы показать отчет о проделанной работе за определенный год, так как не всегда такие отчеты носят практический характер в действительности, но и показать результат проделанной работы. Так, например: сколько построено школ, детских садов, больниц, детских площадок, сколько будет построено. Сегодня людям не так важны финансовые показатели страны или региона, как важны показатели социальной сферы.

26 апреля 2019 г. Владимир Владимирович Путин подписал Указ «Об оценке эффективности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», где было выделено 15 показателей для оценки эффективности, самым первым и важным показателем, как отметил Владимир Путин, является уровень доверия к власти, поскольку сегодняшняя политика государства выстроена на благополучие народа. Только при тесном взаимодействии общества и власти, государство начнет путь к развитию во всех сферах деятельности.

На наш взгляд для повышения уровня доверия необходимо:

1. Повышение качества и информативность интернет-ресурсов органов государственной власти и органов местного самоуправления;
2. Законодательство в социальных и экономических сферах должны быть стабильны;
3. Широкое применение государственных гарантий в процессе инвестиций;
4. Необходимо значительное увеличение потребительской корзины.
5. Повышение открытости избирательных кампаний кандидатов, а также открытость самих выборов.

На сегодняшний день предложено множество технологий, которые используются для измерения эффективности деятельности органов государственной власти в странах мира. Перенять зарубежный опыт без адаптации проблематично для Российской Федерации, так как система государственного управления в России имеет свою специфику, сформировавшуюся за многовековую историю. Поэтому на наш взгляд уровень доверия власти является важным критерием к оценке эффективности государственных органов.

В заключении хотелось бы отметить, что происходящее на сегодня в мире: революция в Белорусии, Киргизская революция, все это прежде всего связано с недоверием к власти, данные страны утратили легитимность к своему народу. Именно поэтому сегодня Россия должна строиться не из интересов политических элит, а из интересов граждан, сегодня очень важно добиться консенсуса между гражданским обществом и государством.

Список литературы

1. Киселева В. С. К вопросу об оценке эффективности органов исполнительной власти субъекта РФ // Актуальные вопросы права, экономики и управления : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. Пенза, 2018. С. 405–409.
2. Кожевников С. А. Повышение эффективности государственного управления– ключевая задача для современной России // Экономика сегодня: проблемы и пути решения. 2014. Т. 5. С. 37–41.
3. Колисниченко Е. А., Рудакова О. В., Плахов А. В. Эффективность государственного управления: Россия на фоне мировых тенденций // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 2. С. 161–175
4. Коротченков С. Ю. Проблема оценки эффективности системы органов исполнительной власти // Вестник Новосибирского университета. 2016. № 3–4. С. 51.

Взаимодействие корпоративно-нормативной и правовой системы на примере деятельности государственных корпораций¹

Проводится анализ взаимодействия и взаимовлияния корпоративно-нормативной и правовой системы на примере деятельности государственных корпораций. Анализируется двойственная природа государственных корпораций. Указывается, что корпоративные начала в государственных корпорациях проявляются в основном в системе корпоративного управления. Описывается опыт внедрения в систему управления государственной корпорации принципов корпоративного управления. Делается вывод, что заимствование государственной корпорацией в систему управления принципов корпоративного управления следует рассматривать как механизм влияния корпоративно-нормативной системы на правовую систему.

Ключевые слова: корпоративно-нормативная система, корпоративное регулирование, корпоративно управление, государственная корпорация, принципы корпоративного управления, рецепция, правовая системы.

G. V. Druzhinin, *Irkutsk*

Interaction of the corporate regulatory and legal system on the example of the activities of state corporations

The article analyzes the interaction and mutual influence of the corporate-regulatory and legal system on the example of the activities of state corporations. The dual nature of state corporations is analyzed. It is indicated that corporate principles in state corporations are manifested mainly in the corporate governance system. The experience of introducing corporate governance principles into the management system of a state corporation is described. It is concluded that the borrowing by a state corporation into the management system of the principles of corporate governance should be considered as a mechanism for the influence of the corporate regulatory system on the legal system.

Keywords: corporate regulatory system, corporate regulation, corporate governance, state corporation, principles of corporate governance, reception, legal system.

В каждом государстве существует социально-нормативная система регулирования, элементами которой выступают корпоративно-нормативная, нормативно-правовая, традиционно-нормативная, религиозно-традиционная, нравственно-нормативная подсистемы. Изменения, происходящие в каждом отдельном структурном элементе социально-нормативной системе регулирования, оказывают влияние как на систему в целом, так и на отдельные его элементы.

Малоисследованной является область знаний о корпоративно-нормативной подсистеме, которая напрямую связана со многими сторонами жизни общества. Корпоративно-нормативная система оказывает влияние на общественно-экономическое развития и преобразования социума, что, вызывает научный интерес к исследованию происходящих процессов в рамках этой подсистемы.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Иркутского государственного университета для молодых ученых № 091-20-322 «Трансформация нормативно-правовой системы общества в процессе эволюции корпоративно-нормативной системы».

За последние десятилетия в корпоративном секторе произошли трансформации, которые изменили его до неузнаваемости. К таким изменениям, нами могут быть отнесены социально-правовые изменения: банкротство компаний, приватизация государственных предприятий, корпоративные споры в корпорациях и др.

Несмотря на стремительное сокращение большого числа юридических лиц, организованных в корпоративной форме, следует указать на положительные тенденции, связанные с появлением новых организационно-правовых форм в Гражданском кодексе РФ.

Наблюдается также увеличение удельного веса роли государства в корпоративном секторе посредством участия в статусе учредителя в корпорации. Обусловлено это тем, что в современных условиях корпорациям [2] отведена первостепенная роль в развитии экономики и обеспечении экономического роста. Крупные корпорации, как это часто бывает, контролируют целые отрасли экономики.

Государство ищет адекватные и эффективные модели управления отраслями экономики, отвечающие на современные вызовы. Одной из таких моделей является создание государственной корпорации, осуществляющей управление отраслью экономики.

В данном случае, необходимо сделать пояснение, что в России государственные корпорации следует подразделять на два вида: собственно государственные корпорации и государственные корпорации, которые наделены государственно-властными функциями [1]. Ко второму типу государственных корпораций относятся: Росатом, Ростех, Роскосмос. Указанные организации образуются в организационно-правовой форме государственных корпораций, которая закреплена в действующем законодательстве.

Целью создания государственных корпораций является повышение уровня конкурентоспособности, скачок в инновационном развитии отраслей промышленности, имеющих стратегическое значение для экономики государства. Кроме этого, интерес государства в создании указанных организаций является повышение и обеспечения национальной безопасности экономики, а также увеличение эффективности и гибкости в системе управлении государственным имуществом.

Рассматривая деятельность и сущность государственной корпорации можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, волевым актом создания государственной корпорации выступает федеральный закон. Так государственная корпорация Росатом учреждена и действует на основании Федерального закона «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» от 01.12.2007 № 317-ФЗ [6]; Государственная корпорация Роскосмос учреждена и действует на основании Федерального закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» [7]; Ростех учрежден и действует на основании Федерального закона «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству

и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» от 23.11.2007 № 270-ФЗ [8].

Во-вторых, контроль за собственностью государственной корпорации осуществляет Счетная палата РФ. Если рассматривать корпоративную форму, то в ней контроль за собственностью осуществляют учредители корпорации и лица, занимающие органы корпоративного управления.

В-третьих, формирование и контроль за органами корпоративного управления осуществляют Президент РФ и Правительство РФ. Другие органы государственной власти и органы местного самоуправления не вправе вмешиваться в деятельность государственных корпораций.

В-четвертых, отсутствуют корпоративные отношения членства, которые свойственны другим корпоративным юридическим лицам. Гражданский кодекс РФ в соответствии с подпунктом 14 пункта 3 статьи 50 и абзац 2 пункта 1 статьи 65. 1 определяет государственные корпорации как некоммерческие и унитарные юридические лица, следовательно, рассматривать государственную корпорацию в прямом смысле как организацию с корпоративной природой не представляется возможным, поскольку такой вид организационно-правовой формы юридического лица исключает возможность членства уже на законодательном уровне.

В-пятых, на государственные корпорации не распространяются положения федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», согласно статье 65 указанного закона государственная корпорация может быть признана несостоятельной только тогда, когда это допускается федеральным законом, предусматривающим ее учреждение.

Данные специфические признаки, которые присуще государственным корпорациям, можно расценивать как довод в пользу того, что, в сущности, государственной корпорации преобладают публичные начала.

В то же время, анализируя деятельность государственной корпорации, следует обратить внимание на проявление корпоративных начал в ее деятельности. Корпоративные начала в большой степени ограничены публичными началами, поэтому проявляются в структуре органов управления и принципах корпоративного управления.

Однако органы управления, например Росатома, являются корпоративными только по форме (наблюдательный совет корпорации, генеральный директор корпорации и правление корпорации). Исследуя порядок назначения органов управления государственной корпорации Росатом, следует отметить, что воля на их формирования исходит от органов государственной власти, кроме того, в состав наблюдательного совета Росатома входят также представители органов государственной власти.

Несмотря на то что структура органов управления государственной корпорации очень схожа со структурой органов корпоративной организации, такое сходство носит только формальный характер, поскольку по своему содержанию в государственной корпорации преобладают публичные начала.

Представляется интересным опыт государственных корпораций при взаимодействии с подконтрольными компаниями и предприятиями, такое взаимодействие формирует сложную корпоративную структуру, управление которой строится на корпоративных началах (началах, в основе которых лежат корпоративные принципы управления).

Как следует из подраздела 8.1.2. «Совершенствование системы корпоративного управления» Публичного годового отчета «Итоги деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2019 г., госкорпорацией «Росатом» признает, что руководствуется в своей деятельности принципами корпоративного управления [5]. Принципы корпоративного управления применяются при взаимодействии государственной корпорации и акционерными обществами атомной отрасли, которые находятся под управлением Росатома [3].

Принципы корпоративного управления, которые внедрены в механизм взаимодействия государственной корпорации и подконтрольных ей юридических лиц, предусмотрены действующим законодательством РФ и Кодексом корпоративного управления (среди таких принципов выделяются: принцип соблюдения прав акционеров, принцип определение порядка, формата и объема раскрытия информации и др.).

Обратим внимание, что принципы корпоративного управления выступают элементом корпоративно-нормативной системы, данные принципы формируются, во-первых, в течение длительного или продолжительного периода времени, во-вторых, в процессе их формирования участвует непосредственно корпорация и органы корпоративного управления.

Использование механизмов корпоративного управления в деятельности государственных структур, нами рассматривается как рецепция. Пример Росатома указанный выше иллюстрирует, как государственная структура заимствовала и приспособила в своей деятельности принципы корпоративного управления. Использование принципов корпоративного управления в деятельности Росатома есть ничто иное, как рецепция механизма.

В качестве способов санкционирования обычая можно выделить следующие: 1) посредством соблюдения в деятельности органов и учреждений; 2) законодательное (письменным указанием в актах государства); 3) «молчаливое» непротивление при соблюдении в действиях народа.

Полагаем, что схожая классификация имеется в таком механизме влияния корпоративно-нормативной системы на правовую систему как рецепция. Соответственно, в качестве способов рецепции элементов корпоративно-нормативной системы можно выделить: заимствование и приспособление в деятельности государственных органов и учреждений; заимствование и приспособление, связанное с законодательным закреплением рецепированных элементов; рецепирование посредством судебной практики (указание в судебном прецеденте).

В случае с Росатомом, можно констатировать, что способом рецепции, т. е. заимствования и приспособления явилось соблюдение и применение в деятельности Росатома принципов корпоративного управления.

Таким образом, применение принципов корпоративного управления в структурной организации, которая обладает государственной природой, (т. е. в государственной корпорации Росатом), свидетельствует о рецепции элементов корпоративно-нормативной системы в правовую систему. Полагая, что такой механизм влияния корпоративно-нормативной системы на правовую систему как рецепция имеет свои формы и разновидности проявления, поэтому представляет интерес для дальнейшего научного исследования.

Список литературы

1. Долгополов П. С. Государственные компании и корпорации. Особенности правового регулирования // СПС КонсультантПлюс. 2021.
2. Дружинин Г. В. Консолидационные модели корпоративных организаций: союз лиц, союз капиталов и союз общины // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2020. С. 211–215.
3. Корпоративное управление. URL: <https://rosatom.ru/about/governance/> (дата обращения: 21.01.2021).
4. Малова О. В. Формы и способы санкционирования обычаев в истории русского государства // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2 (57). С. 15–19.
5. Публичный годовой отчет «Итоги деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2019 год. URL: <https://www.rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost/> (дата обращения 27.01.2021).
6. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: федер. закон от 01.12. 2007 № 317-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.
7. О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»: федер. закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29, ч. 1. Ст. 4341.
8. О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»: Федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 48, ч. 2. Ст. 5814.

Электоральная активность регионального социума как ресурс социокультурной консолидации граждан

Исследуются основные факторы электоральной активности населения в этнической республике, его повышенной лояльности в отношении «партии власти» и/или ее кандидатов в избирательных кампаниях 2003, 2007, 2011 и 2016 гг., а также Общероссийском голосовании по вопросу одобрения поправок в Конституцию России (2020 г.). На основе идейно-политических, электоральных, партийных предпочтений и трансформаций, влияющих на избирательное поведение, в том числе молодежного электората анализируется специфика организации выборов в этом российском субъекте. Выявляются причины (выгоды, предпочтения), по которым представители титульной национальности голосуют за власть, степень представленности мордовского языка в СМИ, школе и в жизни, поддержки властями мордовского языка и культуры. Выдвигается гипотеза об «этнических сетях» как важном ресурсе социокультурной консолидации граждан, факторе социально-экономической устойчивости региона и эффективной работы политической машины его высшего руководства.

Ключевые слова: электоральная активность, сверхбольшинство, этническая республика, избирательный процесс, выборы.

I. G. Kildyushkina, *Saransk*

Electoral activity of the regional society as a resource for the socio-cultural consolidation of citizens

The article examines the main factors of electoral activity of the population in an ethnic republic, his increased loyalty to the "party of power" and/or its candidates in the election campaigns of 2003, 2007, 2011 and 2016, as well as the All-Russian vote on the approval of amendments to the Constitution of Russia (2020). On the basis of ideological, political, electoral, party preferences and transformations that affect electoral behavior, including the youth electorate, the specifics of the organization of elections in this Russian subject were analyzed. Revealed the reasons (benefits, preferences) for which representatives of the titular nationality vote for power, the degree of representation of the Mordovian language in the media, school and in life, support by the authorities of the Mordovian language and culture. A hypothesis is put forward about «ethnic networks» as an important resource for the socio-cultural consolidation of citizens, a factor of the socio-economic stability of the region and the effective work of the political machine of its top leadership.

Keywords: electoral activity, over the majority, ethnic republic, electoral process, elections.

Исследователи российской субнациональной политики на этапе становления постсоветской и транзитивной России (И. В. Бахлов, О. В. Бахлова, Д. В. Лашин, М. В. Масловская и др.) подтвердили факт специфичности общественных процессов в этнических субъектах РФ. Одной из задач было понять механизм политического выбора граждан в Республике Мордовия, влияния титульной этничности региона на явку и голосование на федеральных выборах. Для этого следовало объяснить столь высокие по сравнению с «обычными регионами» показатели общественной активности и электоральной поддержки власти на федеральных выборах, сформулировать специфику избирательного процесса в этническом субъекте РФ, выявить причины, попытаться определить выгоды или имеющиеся предпочтения по сравнению с другими нациями, живущими в национальной республике, по которым представители титульной национальности голосуют за власть, оценить степень поддержки мордовского языка и культуры в СМИ, школе и в жизни.

Действительно, как считает П. В. Панов, этнические республики по сравнению с «обычными регионами» выделяются в особую категорию субъектов РФ, которые демонстрируют весьма высокие показатели электоральной активности и поддержки власти на федеральных выборах [11]. Высокий удельный вес на территории в общей численности населения представителей этнической группы может рассматриваться высшим истэблшментом в качестве инструмента электоральной мобилизации «этнических сетей» в формате их пространственной локализации. При таком обособлении возрастают шансы на возникновение плотных, этнически идентичных социальных связей, перспективно предопределяя их электоральную сплоченность.

Повышенная лояльность на выборах к «партии власти» и/или ее кандидатам в этнических республиках объяснялась не только сохранением/предоставлением преференций (партикуляристское распределение всевозможных материальных благ в обмен на «правильное» голосование) [5], но и оформлением в этнически гомогенных субъектах РФ компромиссных субнациональных политических режимов для контроля за электоратом со стороны правящих групп.

При сопоставлении эмпирических итогов выборов Госдумы (2003, 2007, 2011, 2016) появилась возможность оценить факторы наличия у правящих элит и мотивов, и потенциала для обеспечения «Единой России» и ее кандидатам экстраординарных итогов избирательных кампаний. Т. е. не статус «национальной республики», «титульной этничности» влияет на явку и голосование на федеральных выборах, а факторы эффективности политического механизма, электоральной мобилизации регионального социума – на «дивиденды» этнической республики.

Для политической активности общества и результативности каузальных механизмов формирования электорального сверхбольшинства в стране необходимы плотные социальные сети с императивом контроля за процессом голосования и поведением избирателей. Политические механизмы достижения компромисса могут перспективно действовать на «рабочем месте», где они зримее, традиционнее, тяжелее обеспечить анонимность и, напротив, легче внушить и/или проконтролировать процесс. Значительный удельный вес титульной этнической группы в структуре населения способствует этому лишь в случае их локализации на определенной территории. Гипотеза о высокой социокультурной сплоченности граждан, факторе эффективности политических машин подтверждается и в сельской местности, где ресурс успешной деятельности «этнических сетей» консолидирован национально гомогенным населением.

Наши выводы доказываются на примере этнической по конституированию Республики Мордовия (на данный критерий указывают, в частности, политологи Э. Ю. Минаева и П. В. Панов) [7]. Несмотря на влияние общенациональных мейнстримов, в региональном функционале института выборов наблюдались характерные тенденции политического и электо-

рального поведения, определяемые синтезом исторических, географических и социокультурных составляющих [1].

Так, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории республики проживают представители 119 национальностей. Численность представителей «титульной национальности» (мордвы) в составе ее населения составляет 39,9 % (333 112 чел.) [4]. На начало 2020 г. доля сельских жителей – 36,15 %.

Триумфальность итогов выборной кампании 2003 г. для действующей власти заметна по показателям активизации населения (82,65 %), по которым Мордовия заняла 3-ю позицию (противопоставляя результаты явки с 1999 г., они повысились на 8,1 %), по голосованию за федеральный список «Единой России» (76,05 %) – 2-ю строку в рейтинге [5].

По материалам ВЦИК, на выборах в Госдуму (2007) 93,41 % жителей республики проголосовали за партию власти (при явке избирателей 94,5 %). О «стереотипной» управленности сельского электората свидетельствует голосование в сельской местности, почти повсюду превышающее 90 %. Городской житель участвовал в процессе менее охотно – в 2003 г. на избирательные участки столицы пришло на 12 %, в 2007 г. на 5 % меньше народа, чем в целом по Мордовии [8]. Бюрократический арсенал в регионе по выборам 2007 г. был задействован всецело, на что указывают большое число открепительных удостоверений, представление протоколов наблюдателям только после согласования их с Центризбиркомом, специальные карточки в деканаты для голосовавших студентов вузов, и др. [11].

Избирательные кампании в Государственную Думу (2011, 2016) в Республике Мордовия дали «Единой России» 49,32 и 83,7 % избирателей соответственно, при явке 60,21 и 82,61 % соответственно. По данным РИА Новости, представленным по результатам выборной кампании (2011), 7-процентный барьер прошли четыре партии – «Единая Россия», сохранившая парламентское большинство, но потерявшая конституционное, а также КПРФ, «Справедливая Россия» и ЛДПР [12]. В выборах 18 сентября 2016 г. Мордовия стала регионом-рекордсменом, давшим наибольшее число голосов «Единой России» (83,7 %). На втором месте закрепились КПРФ (6,2), третьем – ЛДПР (5,85), на четвертой позиции – «Справедливая Россия» (2,97 %). Кстати, по единственному одномандатному округу Мордовии в Госдуму прошел «единоросс» Виталий Ефимов, получивший 82,5 % голосов избирателей [3].

По итогам Общероссийского голосования по вопросу одобрения поправок в Конституцию России в Мордовии (2020) «за» проголосовали 85,6 % избирателей (408 380 чел.), против – 13,86, явка – 79,6 % [9] (эти показатели опередили общероссийские, где процент проголосовавших за поправки в Конституцию РФ – 77,9 % (при явке – 65 %)). Согласитесь, на фоне эпидемиологической ситуации, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), – это является беспрецедентным фактом.

О. В. Скрябина и Ахантьева Н. В., продиагностировав планки удовлетворенности работой органов власти молодежного электората в современном политикуме, его общее отношение к выборам, электоральные опыт и культуру, и основные организационные моменты, сказывающихся на избирательном поведении различных групп населения Мордовии, исследовали проблемы политической активности и формы политического участия молодежи в данном процессе [13]. Институт выборов, как оказалось, для юношей и девушек – более действенный инструмент защиты их интересов по уподоблению с массовыми акциями протеста, референдумом, членством в общественно-политических организациях и партиях. Некоторые предложения по оптимизации молодежных практик в избирательном процессе, сформулированные ими (стимулирование избирательной активности и привлечение молодых людей к выборам; электорально-правовое просвещение; вовлечение молодежных организаций в политическую жизнь, представляющих интересы молодежи; и др.), найдут свое отражение в действиях органов власти и парламентского сообщества.

Безусловно, создание партии «Единая Россия» (2003) консолидировало федеральный и региональный политический корпус. Не удивительно, но наибольшую поддержку Центру оказывали экономически слабые регионы. Политическая элита дотационной Мордовии с середины 1990-х гг. сделала ставку на лояльность власти, позиции которой закрепились с изменением законодательства. По мнению Д. В. Лашина, основное подрывное воздействие на политику реформаторов-демократов оказали постепенное повышение социально-экономического уровня развития РФ, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура и цены на энергоресурсы [5].

Утвердившееся на рубеже 2000-х гг. явление «утилитарного», «солидарного» голосования можно обозначить одной фразой «*Правильно голосуем – правильно живем, раз лучше живем, то правильно голосуем*», особенностями характера, присущего мордовскому народу (прямота и стойкая позиция). Представители титульной национальности голосуют за власть, как правило, по двум основным причинам – в кого искренне верят и за того, кого пропагандирует руководство. За годы реализации в Мордовии курса под девизом «*Согласие. Порядок. Созидание*» его высшему политикumu, в ущерб демократическим принципам, удалось улучшить социально-экономическое положение и поднять рейтинг инвестиционной привлекательности региона. Модификацию института выборов в своеобразную машину обеспечения политической стабильности мотивировал и высокий уровень экономической заинтересованности периферии от федеральных трансфертов. Так, Государственным собранием Мордовии принят закон о бюджете республики на 2020 г. и плановый период 2021–2022 гг. с профицитом в 2,092 млрд руб., или 4,9 % от дохода. В 2020 г. республика ожидала поступление 2,16 млрд руб. на поддержку мер, ориентированных на сбалансированность бюджета. Гипотетически зависимость от федерального финансирования пропорциональна более лояльному голосованию, что

также объясняет готовность руководства региона применить политические технологии для обеспечения явки избирателей.

Рассматривая фактор представленности мордовского языка и культуры в СМИ, школе и в целом в жизни следует отметить, что соответствующая поддержка региональными властями мордовского языка и культуры осуществляется на информационном уровне (оповещение в СМИ, программы на радио и телевидении, содействие периодическим изданиям на мордовских языках), в виде республиканских конкурсов, грантов на издание книг и научно-популярной литературы на мордовских языках. Этнокультурному развитию способствует проведение взвешенной и целенаправленной языковой политики, национального образования и науки в Республике Мордовия [2]. На это указывали практически все участники Финно-угорского научно-общественного форума «Все мы – Россия», проходившего в г. Саранске 8–9 октября 2020 г. [2].

Региональные средства массовой информации (СМИ) (радио, телевидение, печать) применяют государственные языки с учетом потребностей проживающих на территории республики других национальностей. Так, органами исполнительной власти обеспечиваются производство и выпуск печатных и электронных СМИ на русском и мордовском (мокшанском, эрзянском) языке, издается учебная, методическая и художественная литература на мордовском (мокшанском, эрзянском) языке. Важным показателем в этом является перевод на родные языки энциклопедии «Республика Мордовия» в 2 томах, выпуск справочно-энциклопедического издания «Мордва», мордовского эпоса «Масторава». Свидетельством расширения функционирования языков является выпуск инструкций и методических пособий на мордовском языке. Так, в течение последних лет Управление МЧС России по Республике Мордовия совместно с профильным ведомством выпускают пособия по помощи попавшим в бедствие и т. д. Подавляющая часть действующих в регионе средств коммуникации лояльна республиканской власти, в том числе в вопросах этнокультурного строительства; оппозиционная и независимая периодика (и независимые информресурсы) не получили значительного развития, но нашли отражение в политических ориентациях и предпочтениях местного населения. И, тем не менее, оппозиционная пресса в Мордовии обладает внушительным опытом информационного воздействия на настроения населения и ее отдельных этнических групп. Официальные СМИ более конкурентоспособны в освещении проблем этнополитики, нежели оппозиционные издания, что связано со спецификой общественно-политической и этнокультурной жизни.

Трансформация сформировавшихся во второй половине 1990-х гг. начале 2000-х гг. этнокультурных и этнополитических движений мордовского (мокша и эрзя) этнического сообщества выразилась в сотрудничестве с руководством Мордовии, предопределенная поддержкой Национально-культурных автономий.

В целом однозначную оценку электоральной поддержки в регионе партии власти дать не представляется возможным, поскольку высокие позиции и проценты получаемых в ходе выборов голосов коррелируются с идентичными показателями пассивности и абсентизма избирателей. «Этнические сети», выступая важным ресурсом их социокультурной консолидации и экономической устойчивости национальной республики, имеют большую значимость для успеха работы политических систем, нежели «сельские». Этим и объясняются такие (по сравнению с «обычными регионами») результаты на федеральных выборах в Республике Мордовия на протяжении четырех последних электоральных циклов, а также на Общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию РФ (2020). Каузальные механизмы формирования электорального сверхбольшинства здесь работают результативнее и от того, что смена высшего истеблишмента, прошедшая в формате «преемника» (2012), не породила напряжения в региональной элите. И это было вызвано отнюдь не «республиканским статусом» Региона-13, а этнической структурой его населения.

Список литературы

1. Бахлов И. В., Бахлова О. В. Основы идеологии нацистроительства в современной России: подходы политических партий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 354–362.
2. Владимир Волков принял участие в работе Финно-угорского научно-общественного форума «Все мы – Россия!». URL: <http://ruzgazeta.ru/2020/10/09/владимир-волков-принял-участие-в-рабо-5> (дата обращения: 05.01.2021).
3. Выборы в Государственную Думу (2016). URL: https://ria.ru/event_Vybory_v_Gosudarstvennuju_dumu_2016 (дата обращения: 29.01.2021).
4. Государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014 – 2020 годы (с изм. на 03.04.2020). URL: <http://docs2.cntd.ru/document/424029654> (дата обращения: 25.01.2021).
5. Лашин Д. В. Выборы в процессах и механизмах легитимизации региональной власти (на примере Республики Мордовия). URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1349591 (дата обращения: 11.01.2021).
6. Масловская М. В. Эволюция избирательного законодательства Республики Мордовия // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 89–93.
7. Минаева Э. Ю., Панов П. В. Этнические региональные автономии: вариативность соотношения этнических и политико-административных границ // Политическая наука. 2017. № 4. С. 178–205.
8. Мордовия «немножко перестаралась»: «Единой России» насчитали 109 % голосов, но потом занизили до – 93,41 %. URL: <https://www.newsru.com/russia/05dec2007/maxinatiry.html> (дата обращения: 25.01.2021).
9. Наше решение: в Мордовии «за» поправки в Конституцию РФ проголосовали 85,6 % избирателей. URL: <https://izvmor.ru/novosti/politika/nashe-reshenie-v-mordovii-zapopravki-v-konstitutsiyu-rf-progolosovali-85-6-izbiratelej> (дата обращения: 25.01.2021).
10. Панов П. В. Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник ПФИЦ. 2019. № 2. С. 53–62.
11. Радио «Свобода»: на участках в Мордовии за «Единую Россию» было больше 100 % голосов. URL: <https://kprf.ru/vibory2007/chronicle/53561.html> (дата обращения: 28.01.2021).
12. Результаты выборов в Госдуму по регионам России. URL: <https://ria.ru/20111206/508314920.html> (дата обращения: 28.01.2021).
13. Скрыбина О. В., Ахантьева Н. В. Формирование электоральных ценностей и партийные ориентации современной молодежи // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. 2020. № 3. С. 76–84.

Проявление консолидационных начал в антикризисном управлении в процедурах несостоятельности (банкротства)

Рассматриваются вопросы проявления консолидационных начал в антикризисном управлении. Даются определения понятиям «консолидация» и «антикризисное управление». Указываются признаки общего собрания кредиторов как социальной группы, обладающей консолидационной сущностью.

Ключевые слова: антикризисное управление, несостоятельность, банкротство, собрание кредиторов, консолидация, интеграция.

I. M. Siliveev, Irkutsk

The manifestation of the consolidation principle in anti-crisis management in the insolvency (bankruptcy) procedure

The article examines the issues of manifestation of consolidation principles in anti-crisis management. The definitions of the conceptual apparatus are given: consolidation, anti-crisis management. Describes the signs of a general meeting of creditors as a social group with a consolidation essence.

Keywords: anti-crisis management, insolvency, bankruptcy, meeting of creditors, consolidation, integration.

Значение слова кризис (от гр. *krisis* – решение, поворотный пункт, исход) трактуется словарями как резкий, крутой перелом, тяжелое переходное состояние, в этой связи полагаем, что под кризисом допустимо понимать крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе, угрожающее ее жизнеспособности [6].

Юридические лица, ведущих предпринимательскую деятельность, могут столкнуться с различного рода кризисными явлениями, финансовыми, экономическими, кадровыми, политическими, социальными. Наступление кризисного периода может быть обусловлено как внешними факторами, так и внутренними факторами. Одним из внутренних факторов наступления кризиса может выступить система управления, которая была внедрена. Принятие поспешных управленческих решений, отсутствие учета и анализа событий и явлений, возникающих на рынке товаров и услуг, в экономике государства, являются причиной неплатежеспособности и в дальнейшем банкротства юридических лиц. Следует резюмировать, что от системы управления, т. е. совокупности методов, способов и средств управления, которая была выбрана и внедрена в деятельность юридического лица, зависит эффективность деятельности и существования самого юридического лица.

Обратим внимание, что от действий лиц, входящих в состав органов корпоративного управления, зависит финансовый успех коммерческого юридического лица. Именно поэтому в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11] появился институт субсидиарной ответственности руководителя должника и иных лиц в деле

о банкротстве. Правовые нормы, которые были включены в настоящий институт, устанавливают ответственность за неправомерные действия или бездействия контролирующего лица, которые повлекли банкротство юридического лица.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 № «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» дает более детальное описание какие действия можно рассматривать в качестве неправомерных и повлекших банкротство. Среди таких действий могут быть принятие ключевых деловых решений, нарушающих принципы добросовестности и разумности (например, одобрение и заключение сделок на заведомо невыгодных условиях, заключение сделок с лицом неспособным исполнить обязательства (к примеру, «фирма-однодневка»)). Также к таким действиям в Постановлении Пленума Верховного суда указано назначение на руководящие должности лиц, не обладающих профессиональной компетенцией, создание и поддержание системы управления, целью которой является систематическое извлечение выгоды в пользу третьего лица, наносящее, вред, как самому предприятию, так и его кредиторам.

Привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [Румак В.], ввиду чего судебная практика складывается таким образом, что судебный орган учитывает многие фактические обстоятельства: сущность конструкции юридического лица, наличие у учредителей или участников корпорации, входящих в органы управления, полномочий по согласованию и принятию управленческих решений.

В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 описывает ситуация, которая подтверждает, что неэффективный менеджмент может привести к банкротству. Судебный случай был напрямую связан с системным воспроизведением одного и того же результата хозяйственной деятельности, при которой происходило последовательная смена юридических лиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы. Такая смена юридических лиц была обусловлена накоплением долговой нагрузки перед третьими лицами (кредиторами), а результатом смены неизменно становилась процедура банкротства для списания существующих долгов и созданием после процедуры банкротства новой, не обремененной долгами структурной единицы в корпоративной группе. Судебный орган пришел к выводу, что указанная ситуация свидетельствует о цикличности бизнес-процессов в корпоративной группе, при которых происходило заведомое разделение предпринимательских рисков и создание прибыльных юридических лиц и «убыточно-го» юридического лица.

Такую деятельность суд признал недобросовестной, поскольку она причиняет вред третьим лицам (независимым кредиторам) и создает для

корпоративной группы необоснованные преимущества, о которых не могли знать и не знал ни один участник соответствующего сектора рынка. Для настоящего исследования указанный судебный кейс иллюстрирует, как неэффективный менеджмент в форме недобросовестного и неразумного поведения может привести к кризисной ситуации и необходимости введения антикризисного управления.

Институт несостоятельности (банкротства) выступает одним из основных регуляторов экономических процессов в обществе, обеспечивая стабильность хозяйственного оборота. Являясь стимулирующей энергией для продуктивной работы коммерческих структур, институт несостоятельности (банкротства) одновременно с этим создает систему экономических гарантий интересов, как кредиторов должника, так и государства как общего регулятора общественных отношений.

Государственное регулирование данной сферы направлено в первую очередь на нейтрализацию «негативных явлений в рыночной экономике», социальную защиту отдельных социальных групп и слоев населения, укрепление технологической безопасности.

Институт несостоятельности (банкротства) является динамично развивающимся институтом, о чем свидетельствует информация на сайте <https://fedresurs.ru>, где указана статистика обращений арбитражных управляющих в Федресурсе о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина. К примеру, количество сообщений арбитражных управляющих в Федресурсе о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина возросло в геометрической прогрессии: в 2015 г. было 870 обращений, в 2016 г. – 19 574, в 2017 г. – 29 827, в 2018 г. – 43 984, в 2019 г. – 46 734 обращений [1].

Антикризисное управление в процедуре банкротства предполагает от антикризисного управляющего достаточно широкий спектр умений и навыков, которые позволят проявить эффективность управленческого таланта в кризисный период.

Антикризисный управляющий в силу специфики своей деятельности обязан знать основные положения гражданского, налогового, трудового и уголовного законодательства, знать общие положения обязательственного и договорного права, уметь организовать и проводить бухгалтерский и финансовый учет в антикризисном управлении, проводить оценку и инвентаризацию недвижимости, уметь проводить собрание и деловые переговоры. Вместе с этим полагаем, что деятельность антикризисного управляющего по своей сути обладает консолидационным характером.

В гуманитарных науках под «консолидацией» (от лат. *con* – вместе, *solido* – укрепляю) понимается упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели [2., с. 621].

Консолидационные процессы выступают объектом исследования в политологии, где указанные процессы связываются с взаимодействием

государственных институтов [3] и институтов гражданского общества [4]. По мнению В. В. Кривопусков под «консолидацией» можно понимать обозначение разновидности объединительных процессов в обществе [5, с. 24].

Обратим внимание, что наряду с термином «консолидация» существует также термин «интеграция», который близок по содержанию, но в то же время отличается. В целом «интеграция» (от лат. *integratio* – «восстановление», «восполнение», «соединение») представляет собой процесс, ведущий к состоянию связанности отдельных частей и функций системы в целом [2, с. 495].

Важно указать, что консолидация в большей степени акцентирована на единении в целях достижения общих для консолидационной группы целей и задач при условии сохранения уникальности и автономности субъектов, включенных в консолидационную группу. Полагаем, что одной из таких консолидационных групп можно считать собрание кредиторов. Участие кредиторов в процедурах банкротства осуществляется в статусе единоличных лиц, либо коллективного субъекта, которым является собрание кредиторов.

В дореволюционный период Г. Ф. Шершеневич пришел к выводу: «Кроме тех прав, которые принадлежат каждому кредитору в отдельности, в конкурсном процессе не создается вовсе новых прав...и кредиторы остаются разобщенными, как и до объявления несостоятельности их должника».

Вместе с этим собрание кредиторов выступает консолидированной группой. Во-первых, данный субъект в антикризисном управлении выступает одним из обязательных участников, поскольку деятельность кризисного управляющего направлена, в том числе на удовлетворение интересов кредиторов должника. Необходимо это для того, чтобы снизить и в дальнейшем устранить возможность социального напряжения, который, перерастая в открытый конфликт, может стать социальным взрывом. Например, ввиду того, что кредитором должника-предприятия, являются работники коллектива этого предприятия, наличие задолженности по заработной плате может повлечь социальный взрыв, выраженный в форме неадекватной реакции работников предприятия.

Во-вторых, общей целью для такой консолидированной группы как собрание кредиторов выступает удовлетворение сугубо личных интересов, т. е. любой из кредиторов стремиться в первую очередь удовлетворить свои требования и не будет участвовать в удовлетворении интересов иных кредиторов. Соответственно главной целью каждого из кредиторов остается удовлетворение своих личных интересов.

В-третьих, участники консолидированной группы – общего собрания кредиторов сохраняют свою уникальность и автономность. Включение требований физического или юридического лица в реестр требований кредиторов, предоставление ему прав участия в общем собрании кредиторов не лишает лица иных прав или свобод. Кредитор полностью сохраняет

свою независимость в определении своих целей и деятельности, которую осуществляет. Включение его в реестр требований и предоставление права, не лишает кредитора возможности участвовать в иных объединениях и социальных группах. Общее собрание кредиторов созывается не ежедневно, не требует постоянного присутствия или внимания кредитора.

Таким образом, проявление консолидационных начал в действующем банкротстве связано в первую очередь с деятельностью общего собрания кредиторов должника. Общее собрание кредиторов является консолидированной социальной группой, участники которой сохраняют свою уникальность и автономность. Понимание консолидационной сущности общего собрания кредиторов позволит управляющим в антикризисном управлении более эффективно осуществлять свою деятельность.

Список литературы

1. Банкротства граждан – статистика за 9 мес. 2019 года . URL: <https://fedresurs-demo.interfax.ru/news/8f252102-75dd-464f-898e-26d27c7d5bf0> (дата обращения: 11.01.2021);
2. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 863 с.
3. Васильева Т. А. Взаимодействие государственных органов власти негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в России: дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2009. 428 с.
4. Галкина Е. В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Краснодар, 2010. 55 с.
5. Кривоусков В. В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация : автореф. дис. ... д-ра соц. наук : 22.00.04). Ростов-на-Дону, 2013. 51 с.
6. Мурашов С. Б. Кризисы системы управления: социогенные причины развития и превентивные подходы // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9. . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisy-sistemy-upravleniya-sotsiogennye-prichiny-razvitiya-i-preventivnye-podhody> (дата обращения: 11.01.2021).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
8. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2018. № 3.
9. Об утверждении Типовой программы подготовки специалистов по антикризисному управлению : распоряжение ФСФО РФ от 19.11.2001 № 355-р // Вестник ФСФО РФ. 2001. № 12.
10. Румак В. Пленум четко сказал, что субсидиарная ответственность применяется в исключительных случаях [Интервью с Р. Т. Мифтахутдиновым] // Закон. 2018. № 7. С. 6 – 18.
11. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. № ст. 4190.

Институт штрафных формирований в военной истории России

Исследуется история возникновения штрафных и дисциплинарных формирований и частей в военной истории России. Анализируются особенности его формирования, этапы возникновения, а также внутренняя структура подразделений. Рассматриваются основания направления в штрафные части и последующее освобождение его членов. Освещается специфика исследований этого исторического периода, а также раскрываются основные понятия данной области.

Ключевые слова: Вторая мировая война, штрафные и дисциплинарные формирования, историческая реабилитация, военно-пенитенциарный, армия, штрафной рядовой

K. A. Golovchun, A. Y. Podzhidaeva, *Irkutsk*

Institute for Penal and Disciplinary Formations in the military history of Russia

This article examines the history of the emergence of penal and disciplinary formations and units in the military history of Russia. The features of its formation, stages of its emergence, as well as the internal structure of subdivisions are analyzed. The grounds for referral to penal units and the subsequent release of its members are considered. The specificity of studies of this historical period is highlighted, and the basic concepts of this area are revealed.

Keywords: World War II, penal and disciplinary formations, historical rehabilitation, military penitentiary, army, penalty private

Война – это черная полоса в истории каждого государства, которая оставляет глубокий отпечаток в жизни каждого человека, живущего в этот непростой период. И Великая Отечественная война не стала исключением, поскольку она является крупнейшим событием XX в. и вместе с тем одна из самых страшных войн, которая унесла жизни миллионов людей.

Несмотря на то что прошло более 75 лет с даты окончания войны, многие факты все еще замалчиваются, скрываются под грифом «Совершенно секретно» или остаются всеми забытыми. Само существование фальсифицированных фактов или источников говорит о том, что многое упускается из поля зрения исследователей.

Поскольку отсутствие точных фактов ведет к множеству интерпретаций, для их дальнейшего предвосхищения в 2009 г. была утверждена Комиссия при Президенте Российской Федерации литературы, где постепенно обнаруживаются исторические источники, доказывающие подлинность тех или иных фактов, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на международный престиж РФ. Главным образом особое внимание Комиссия уделяет той информации, которая касается малоизученных вопросов не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны.

Для дальнейшего понимания специфики штрафных и дисциплинарных формирований необходимо отметить ключевые понятия:

«Историческая реабилитация» – восстановление людей, попавших под «военно-пенитенциарный молот» и таких людей называли «штрафной ря-

дой» [4]. Однако необходимо заметить, что данное понятие неточное и не отражает реальную действительность, поскольку доподлинно неизвестна мера наказания, отразилась ли она положительно на данной категории людей и т. д. Так, например, вклад известного советского военачальника Власова А. А. в освобождение оккупированных территорий и создание Русской освободительной армии (РОА) не был одобрен, вследствие чего его приговорили к смертной казни в 1946 г. [5]. Стоит отметить, что до настоящего момента его не реабилитировали как жертву политических репрессий.

Понятие «военно-пенитенциарный» вводится для того, чтобы опираться на базовое определение «пенитенциарный» – порядок отбывания наказания в виде лишения свободы по приговору суда. Штрафные батальоны и роты ВОВ имеют исторические корни в дореволюционной и довоенной истории России. Они предполагали развитие «пенитенциарных заведений», что в свою очередь предполагало отбывание наказания законом военного штрафного времени в местах «мобильного» заключения. Вопросы, касающиеся степени виновности и мест распределений отбывания наказаний – все это рассматривалось юрисдикцией военно-судебных органов на уровне судов и военных трибуналов.

В 1942 г., когда идет ожесточенная борьба Германии и Советского союза, красноармейские штрафные части оправдали свое боевое предназначение, пройдя в составе РККА тяжелый путь от Сталинграда до Берлина. «Штрафные рядовые» получили возможность на реабилитацию путем платы кровью за защиту Отечества.

Институт штрафных батальонов и рот – неотъемлемая часть в общей истории ВОВ, которая сыграла важную роль, выполняя поставленные цели и задачи. Следствием этого является сам факт учреждения приказа Народного комиссара обороны И. В. Сталина № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или «Ни шагу назад!» от 28 июля 1942 г.

Также следует отметить специфику формирования штрафных подразделений германского вермахта в ВОВ, которые создавались по схожему с СССР принципу. Однако есть и существенные отличия: в Германии большую часть таких подразделений составляли тюремные заключенные и политические преступники, личные мотивы которых были полезны Вермахту. Подобные формирования или «спецформирования», чаще всего направлялись в концлагеря, где играли свою важную роль. Таким образом, И. В. Сталин ссылался на штрафные подразделения Германии в своем приказе № 227, поскольку те доказали свою эффективность и готовность достигать любых целей.

В истории штрафных и дисциплинарных формирований в период ВОВ можно выделить несколько этапов. Первый этап – начался в середине 1950-х и продолжался до 1960-х. В разборе вопросов, касающихся реабилитации заключенных, этот период оказался переломным. Так, маршал

Г. К. Жуков отметил, что проблема реабилитации военных, не вызывает должного интереса, поскольку никто не разбирался в обстоятельствах данных правонарушений и почему офицеры, ответственно защищавшие свою Родину, лишались своих званий, отправляясь в штрафные батальоны наряду с преступниками. В литературе первого этапа, соответственно, тема штрафных подразделений и не поднималась, однако исключением стал 6-томный обобщающий труд начала 1960-х «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945».

Второй этап длился со второй половины 1960-х до середины 1980-х. В данный период в свет вышла 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.». В нем также упоминался приказ № 227, но тут свою роль сыграл очень интересный факт. При создании приказа «Ни шагу назад!» ЦК ВКП(б) и Верховное Главнокомандование руководствовались прямыми наставлениями В. И. Ленина, который утверждал, что в определенных обстоятельствах партия должна быть готова принимать чрезвычайные решения. Несмотря на то что в последующие годы вопрос о штрафных формированиях всегда пытались обойти, проблема просачивалась в мемуарную литературу, что послужило толчком всевозрастающему интересу к данной теме. Свое мнение высказывали известные маршалы К. К. Рокоссовский и А. М. Василевский, что повлияло на рассмотрение закрытой страницы в истории ВОВ, поскольку их мемуарно-авторские ремарки нарушали молчание в столь скрытной информации.

Третий этап – вторая половина 1980-х – первая половина 1990-х. Данный этап считается «прорывным». Первым ярким событием стала публикация текста приказа № 227, которая появилась в 8-м номере «Военно-исторического журнала» в 1988 г. Именно после этой публикации разворачивается дискуссия, которая выявила необходимость изучения данной темы. Так, А. М. Самсонов, В. Я. Громов, Д. И. Ортенберг и др. целью своих исследований обозначили приказ № 227.

Четвертый этап – вторая половина 1990-х. Этап начинается с публикаций, в которых проявляются попытки авторов выйти на позицию «выравнивания крайностей». М. П. Иванов в своих очерках исследует роль штрафных формирований на фронтах и укрепления дисциплины, опираясь главным образом на приказ № 227. В. Е. Эминов и И. М. Мацкевич в своей монографии рассматривают штрафные батальоны и роты, как наказания военнослужащих. На данном этапе огромную роль сыграла публицистика, благодаря которой штрафные формирования не стерлись со страниц истории, а стали предметом детального изучения исследователей.

Говоря о структуре штрафных и дисциплинарных подразделений, необходимо отметить, что она состояла из постоянного и временного состава и подразделялись на управление взводами и непосредственно самих взводов. К постоянному составу относились люди, проходившие службу по контракту, к временному – штрафники, направленные на реабилитацию и «искупление вины кровью». В управление формирований входили: ко-

мандир, «майорь», начальники взводов, интендант, сержанты, рядовые, оперуполномоченный отдела «СМЕРШ» (с 1943 г.), ответственные за связь, командиры рот и пр. [3].

Несмотря на состав штрафного подразделения, внутригрупповые взаимодействия были основаны на повиновении общевоинскому уставу без упоминания понятия «штрафной рядовой». Это подтверждает и Е. А. Гольбрайх: «к штрафникам старались относиться как к обычным солдатам, с уважением говорили с каждым» [2].

Состав переменной группы был разнороден: помимо осужденных за уголовное преступление и бывших военнослужащих, в штрафных подразделениях присутствовали также и политические заключенные, и «спецконтингент» из мест заключения и содержания. Люди оказывались в штрафных формированиях как по собственной воле, так и вследствие «вербовки» управляющим составом.

Необходимо отметить, что численность «штрафных рядовых», согласно исследованию М. В. Филимошина, была отмечена резкими скачками в 1942–1945 гг. от 24 до 177 тыс. чел. [6]. Таким образом, за 1943–1945 в общей сложности было сформировано 45 штрафных батальона, 846 штрафных рот, а также 7 штрафных рот и 6 штрафных взводов военноморских сил. В совокупности, за весь период военных действий количество штрафников составляло около 430 тыс. чел.

Несмотря на большое количество лиц, пребывающих в штрафных формированиях, еще большое количество информации засекречено или утеряно. Более подробное исследование данной проблемы даст возможность, помимо научного интереса, воздать дань памяти людям, многие из которых не смогли дожить до окончания войны, так как именно штрафные батальоны как места для отбывания наказания отправляли на передовую. А те, кто выжили, были вынуждены пройти множество испытаний, в том числе и подаренные им Отчеством.

Список литературы

1. Бугров И. С. К вопросу о фальсификации событий в Великой Отечественной войне // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2010. № 1 (1). С. 75–80.
2. Гольбрайх Е. А. Я знал, что нужен. URL: <https://military.wikireading.ru/41458> (дата обращения: 31.01.2021)
3. Кузьмичев И. В. Штрафники // Сержант. 2000. № 1 (14). С. 25–34.
4. Сапожникова Н. В. Институт штрафных и дисциплинарных формирований и частей в военной истории России и Германии. URL: <http://nvsu.ru/ru/Intellekt/2016/Sapozhnikova%20N.V.,%20СНарурina%20V.A.%20-%20Maloizuchennie%20stranitsi%20-%20Mon%20-%202017.pdf> (дата обращения: 31.01.2021)
5. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до наших дней : учебник. М. : Проспект, 2018. 864 с.
6. Филимошин М. В. Штрафные батальоны РККА в Великой Отечественной войне. Правда и вымысел // Цена Победы : сб. ст. М., 2000. С. 86.

Карьера женщины на государственной службе

В статье анализируются особенности личной и профессиональной самореализации женщин на государственной службе. Приводятся результаты исследования реализации женщин – государственных служащих Иркутской области. Дается оценка гендерной политики органов государственного управления.

Ключевые слова: карьера, профессиональная самореализация, гендерная политика, женщины, государственные служащие, органы власти

L. N. Batyanova, *Irkutsk*

Woman's career in public service

The article analyzes the features of personal and professional self-realization of women in public service. The results of a study of the implementation of women civil servants of the Irkutsk region are presented. An assessment of the gender policy of government bodies is given.

Keywords: career, professional self-realization, gender policy, women, civil servants, authorities

XX и XXI века во многом изменили положение женщины, ее социальный статус, самооценку, политические и экономические возможности, участие в общественном производстве. Особую роль сыграло вовлечение женщины во властные структуры. Женщина начала претендовать на положение равного с мужчиной социального партнера в профессиональной среде. Подвергается трансформации нормативно-ценностная структура общественного сознания: формируются новые гендерные модели поведения мужчин и женщин в обществе, новые гендерные идеалы, происходит интенсивное разрушение устаревших гендерных стереотипов. Тем не менее, несмотря на гендерные изменения в профессиональной стратификации общества, наиболее закрытыми, труднодостижимыми для женщин остаются институты власти.

С одной стороны, идет процесс феминизации института государственной службы. С другой стороны, более серьезный анализ показывает, что женщины сохраняют свои традиционно вторые роли во властных структурах, занимая вторые и третьи позиции – начальников отделов, ведущих специалистов и т. п. Их должности больше функционально связаны с кропотливой работой, требующей терпения, усидчивости, аккуратности и, в гораздо меньшей степени, – творчества, инициативы и решительности. Дискриминация женщин на государственной службе проявляется в скрытой, латентной форме.

Необходимо принимать во внимание то, что в течение длительного времени проблема барьеров на этапе выдвижения женщин на руководящую работу вообще не ставилась, так как считалось, что она затрагивает лишь интересы небольшой группы женщин. До сих пор недооценивается тот факт, что доля представительства женщин на ключевых уровнях принятия решения является отражением низких реальных возможностей всех женщин в сфере профессиональной самореализации.

При этом необходимо обратить внимание на то, что социальные установки и гендерные стереотипы, касающиеся роли женщины и мужчины, отражают ментальные характеристики общественного сознания, зачастую опирающиеся на иррациональные убеждения (Ардашев Р. Г. [1–5]). Эти ценностные представления формируются в регионах Российской Федерации особым образом. В Иркутской области целесообразно проследить представленность женщин в органах государственного управления, и их положение на государственной службе, прежде всего, с точки зрения занятия определенных должностей, отличается от других регионов.

Методологические аспекты данного исследования основываются на достижениях современной зарубежной и отечественной социологии, психологии и социальной психологии, политологии, основах менеджмента, научных работах по истории и этнографии. Основные концепции и подходы, касающиеся соотношения публичной и приватной сферы в жизни женщины, ее самореализации в области государственного управления складывались на протяжении всей истории философской, а начиная с XIX в. – и социологической науки.

Категория «гендер», в качестве социально детерминированной характеристики пола, и гендерные отношения были обоснованы научно только во второй половине XX в. Гендер, в отличие от биологического, стал определяться современной психологией и социологией как социальный пол – комплекс социокультурных характеристик, обеспечивающий личный, социальный, экономический, политический и правовой статус мужчины и женщины. Он проявляется, утверждают социологи, в ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках мужчин и женщин.

Активно употребляется термин «гендер» в 80-е гг. XX в. в связи с развитием социально-конструктивистского подхода к изучению общественных явлений в среде феминистских исследователей. Разграничение понятий «гендер» и «пол» как биологическая категория было дано в работах Г. Рабин «Обмен женщинами» и Р. Унгер «О дефинициях понятий “пол” и “гендер”».

На понимание предмета и объекта гендерных исследований в настоящий момент влияют методологические позиции ученых, которые в современной социологии не являются однозначными. В западной науке гендерные исследования сосредотачиваются на конструировании гендерных отношений в контексте определенной культуры народа и его исторического развития. Таким образом, представители этого подхода считают, что гендерные отношения как отношения власти и доминирования во взаимодействии мужчин и женщин созданы культурой и идеологией.

В российской социологии можно выделить два направления в гендерных исследованиях. Во-первых, исследования, основанные на социально-конструктивистском подходе и феминистской идеологии. Во-вторых, изучение гендерных отношений с опорой на полоролевой подход структурного функционализма.

Представители первого направления в качестве объекта исследования выделяют статус и соответствующие ему отношения. Под гендерным подходом здесь понимается анализ отношений власти, организованных на основании культурно-символического пола. Признавая биологические различия между мужчинами и женщинами, социологи-конструктивисты делают акцент на то, что биологические особенности не являются основанием для иерархии.

Суть профессиональной самореализации служащего заключается в том, чтобы его профессиональный рост сопровождался пропорциональным должностным ростом. Хотя на практике иногда происходит так, что настоящий профессионал может не сделать служебно-должностной карьеры, а человек, достигший высокого должностного уровня, может не быть профессионалом. Данное положение вещей можно также рассмотреть с помощью деления А. И. Турчиновым должностной карьеры по возможности осуществления на потенциальную и реальную.

Потенциальная карьера – это лично выстраиваемый человеком трудовой и жизненный путь на основе его планов, потребностей, способностей, целей. Она может быть реализована полностью, частично или вовсе не реализована.

Реальная карьера – это то, что человеку удалось реализовать на протяжении определенного времени, в определенном виде деятельности, в конкретной ситуации. Исследования показали, что даже к пенсионному возрасту, к завершению и должностной, и профессиональной карьеры, лишь каждый пятый государственный служащий считает, что он достиг своей цели в должностном росте.

Карьера в их понимании предстает как непрерывный процесс профессионального продвижения, становления работника, реализации его профессионально – личностного потенциала. Это процесс сознательного осуществления профессионального и должностного продвижения, в результате которого появляется достигнутый статус в социопрофессиональной среде, гарантирующий определенный уровень и качество жизни.

При анализе карьеры на личностном уровне рассматривается степень профессионального самочувствия и удовлетворенности своей профессиональной деятельностью. В данном аспекте дается определение профессиональной самореализации работника. Это поиск «себя в профессии», собственной профессиональной роли, образа «Я», профессионального имиджа, индивидуального стиля профессиональной деятельности, определение для себя профессиональных перспектив, достижение их, установление новым профессиональных целей, стремление к гармоничному раскрытию и утверждению своего природного творческого потенциала.

При этом на осуществление профессиональной карьеры и профессиональное самочувствие работника могут воздействовать в той или иной степени, но как сам индивид, так и предприятие, регион, государство.

Профессиональная самореализация отражает интересы госслужащих и интерпретируется как успешная или неудавшаяся как самим человеком, так и окружающей его социальной средой.

Успешность профессиональной деятельности Д. Сьюпер определяет сочетанием объективных и субъективных критериев. К объективным критериям в данном случае относятся: стабильность работы, достигнутый статус в социопрофессиональной среде, доход, который приносит имеющаяся должность (определенное качество жизни). В число субъективных критериев входит удовлетворенность жизненной ситуацией и субъективная оценка своих достижений.

Профессиональная самореализация с точки зрения Д. Сьюпер складывается из профессионального и карьерного успеха. Профессиональный успех – это самооценка, достигнувшая профессионального уровня, индивидуальное восприятие человеком того, насколько полно используются его способности и насколько широки возможности для самовыражения, предоставляемые конкретной профессиональной деятельностью. Карьерный успех отражает вертикальную мобильность работника в профессиональной сфере. При этом человек оценивает не только уровень, но и темп, скорость, время должностного продвижения. Общая оценка успешной профессиональной самореализации складывается из соотношения объективной и субъективной оценки достижений, как в профессиональном, так и в служебном плане.

Объективно оценивалось успешность профессиональной карьеры государственного служащего в зависимости от времени, за которое он достигает должности, предельной для его уровня компетентности. Взяв за основу этот критерий, авторы подразделяют должностную карьеру на нормальную, десантную, скоростную и медленную [6,9,11].

Нормальная карьера состоит в постепенном должностном продвижении в соответствии с постоянно развивающимся профессиональным опытом служащего. Предел этого должностного развития ограничен уровнем его профессиональной компетентности. Продолжительность этой карьеры равна продолжительности активной трудовой деятельности человека. За это время работник может последовательно пройти по служебной лестнице от 8 до 12 должностных позиций, если для этого существуют организационно-структурные предпосылки.

Скоростная карьера выражается в достаточно быстром, но при этом последовательном должностном перемещении человека по вертикали организационной структуры. По сравнению с нормальной карьерой, где средняя продолжительность пребывания в должности составляет от 3 до 5 лет, скоростная карьера уменьшает этот срок до 1–3 лет. Применительно к государственной службе подобная карьера может встречаться у выдающихся организаторов, управленцев, творчески мыслящих людей.

Десантная карьера встречается в основном как спонтанное замещение руководящих должностей организации в связи с определенными, часто

временно возникшими сложностями. Для медленной карьеры характерно длительное пребывание на одной должности, в 1,5–2 раза дольше, чем при нормальной карьере. Чаще всего причины более медленного карьерного продвижения связаны с профессиональными или личностными характеристиками государственного служащего, его взаимоотношениями с другими сотрудниками и руководством.

Кроме того, предлагается рассматривать карьеру с точки зрения характера ее осуществления. В этом случае индивидуальные карьерные стратегии можно свести к следующим формам [7,8]:

- типичная – достижение вершин профессионализма, признание достижений в профессиональном окружении, занятие высокого должностного статуса, самореализация при этом в какой-то одной определенной профессиональной области;
- устойчивая – относительное постоянство в профессиональной деятельности и должностном продвижении, допускающее определенные отклонения от одного вида профессиональной деятельности. Здесь возможна на определенном этапе жизни человека либо частичная, временная, либо полная смена содержания профессиональной деятельности, занятие должности, специализация которой не соответствует профилю полученного образования;
- прерывная – неустойчивое профессиональное и должностное продвижение с частой сменой форм деятельности, места работы и замещение должностей, которые не соответствуют приобретенному опыту.

Для государственной службы должны быть характерны, считают специалисты, первая и вторая формы карьерной стратегии.

Но, в случае профессиональной карьеры женщины в органах государственного управления следует учитывать определенные моменты, объективно нарушающие ритм карьерного роста. На нормальный ход профессиональной самореализации оказывают влияние гендерные особенности женщин. Наиболее «деликатной» проблемой для стабильного развития карьеры и выдвижения женщин на руководящие должности является период активного материнства. Он фактически, совпадает с этапом активного служебного роста женщин.

Исследователи, в связи с этим условно выделяют четыре модели типичной женской карьеры [10]:

1. Безпиковая карьера. Женщина не бросает работу – в период рождения ребенка и ухода за ним, сочетая выполнения семейных и профессиональных обязанностей;
2. Позднепиковая карьера. Женщина начинает активно заниматься профессиональной деятельностью после окончания ухода за детьми.
3. Раннепиковая карьера. После рождения ребенка женщина оставляет работу.

4. Двухпиковая карьера. Женщина работает до рождения ребенка, затем оставляет профессиональную деятельность и возвращается к ней по окончании ухода за детьми.

Для женщин, работающих в органах государственной власти, наиболее характерен последний тип карьеры, который, хотя и дает ей больше возможностей для профессиональной самореализации по сравнению со 2-й и 3-й моделями карьеры, все же не может не сказаться на последовательности и стабильности развития ее на должностном плане.

Поэтому, основная проблема состоит в обеспечении соответствия периода служебного роста с подфазами семейной жизни женщин. Необходимо, отмечает она, оказать содействие способным и инициативным молодым женщинам во включении их в кадровый резерв и сохранении трудовых обязательств этих женщин на период вынужденного перерыва. В этом случае предлагает использовать для них нетрадиционные модели трудового найма на государственной службе через выполнение экспертно-аналитических программ, научных исследований, а также систему повышения квалификации или постдипломовского образования [12]. Такая продолжающаяся связь с государственной службой, считает она, позволит женщинам не терять профессиональную квалификацию, сочетая свои материнские обязанности с должностными. А главное, – создаст уверенность у самих женщин в возможности сочетать планирование семьи и планирование карьеры, позволит обеспечить женщинам на государственной службе осуществление типичной и устойчивой формы индивидуальной карьерной стратегии.

Государственная служба является особым карьерным пространством, в котором реализуется личностно-профессиональный потенциал государственных служащих. Успешность личностно-профессионального развития связана с возможностью самореализации в профессиональной сфере. Но для этого необходимо создание конкретных условий [13]. К таким условиям относятся:

- осознание ценности профессионального опыта человека как ценного капитала любой организации. В настоящий момент провозглашается гуманистический подход в кадровой политике государственной службы, который рассматривает человека как важнейшую ценность общества, организации. Этот подход ориентирован на профессионализм, интеллектуальный и культурный уровень человека;
- высокий статус кадровых служб в государственных и муниципальных органах. В настоящий момент возможности кадровых служб в государственных органах власти ограничены, и они слабо влияют на качественный состав государственных служащих и фактически не влияют на рациональное использование профессиональных возможностей персонала;

- создание системы общественного контроля за использованием профессионального опыта государственных служащих, механизма защиты общества от непрофессионализма в государственном управлении;
- создание оптимального карьерного пространства. Карьерное пространство трактуется специалистами как относительно обособленная совокупность должностей, задающих необходимые условия для реализации профессионального опыта государственного служащего. В число основных требований к карьерному пространству входят: стабильность должностной структуры, возможность простора для творческого, профессионального и должностного роста служащих.

Несмотря на определенные сложности для обеспечения всех указанных условий при осуществлении профессиональной самореализации государственных служащих, в последнее время наметился ряд изменений в сфере государственного управления. Исследователи отмечают, что, прежде всего эти перемены коснулись профессионального самочувствия самих госслужащих. Социологические опросы, проведенные в 2004 и 2016 гг., свидетельствуют о том, что за прошедший период существенно укрепилась социально-профессиональная ориентированность чиновничества на работу в органах власти, 82,3 % опрошенных ответили, что в основном удовлетворены своей работой; 79,1 % отметили установку па работу в органах государственной власти как единственную или главную профессию для них; 75,4 % оценили степень своей социальной защищенности на государственной службе выше в сравнении с работниками внебюджетной сферы.

Отмечено, что в коллективном сознании государственных служащих получило заметное развитие чувство их особой социально-статусной значимости в сложившейся системе общественных отношений. Доля высоких оценок престижности работы в системе государственной службы за пять лет увеличилась почти в 2 раза.

Все эти показатели во многом совпадают с субъективными индикаторами, определяющими статусно-ролевые позиции женщин в органах государственного и муниципального управления. Они отражают те характеристики государственной службы, которые являются наиболее привлекательными для женщин с точки зрения профессиональной самореализации: престижность сферы деятельности; удовлетворенность занимаемой должностью, материальным обеспечением, степенью социальной и правовой защищенности; профессиональная востребованность женщин – служащих в органах управления; уровень профессионализма; компетенция принятия управленческих решений; карьерный рост. Наметившиеся перемены в профессиональном самовосприятии госслужащих, таким образом, отражают ценностные установки женщин на работу в органах государственной власти и управления, как на благоприятную карьерную среду для самореализации.

Таким образом, карьера представляет собой сложное и многозначное понятие.

1. Мы рассматриваем карьерную самореализацию женщин в широком смысле; и как процесс профессионализации путем овладения профессиональными навыками, достижения профессиональной компетентности, мастерства, и как должностное продвижение через последовательное занятие определенных статусных позиций в профессиональной иерархии должностей.

2. Важной особенностью гендерных исследований карьерного роста женщин на государственной службе является, по нашему мнению, выявление потенциальной и реальной карьеры (в трактовке А. И. Турчинова), что, в свою очередь, связано с карьерными амбициями и профессиональной самоактуализацией работника того или иного пола.

3. Профессиональная самоактуализация работника связана с сознательным планированием и осуществлением им своего профессионального и должностного продвижения. Она зависит от профессионального самочувствия работника и удовлетворенности им своей профессиональной деятельностью.

4. При этом на осуществление профессиональной карьеры и профессиональное самочувствие работника могут влиять в определенной степени, как сам индивид (особенности его социализации), так и та профессиональная сфера, где он осуществляет свою карьерную самореализацию, а также регион с его культурными особенностями и традициями и государство в целом. Это положение мы считаем важным для нашего выпускного квалификационного исследования. Оно будет изучено во второй главе данной работы на примере такого региона, как Иркутская область.

5. Успешность профессиональной карьеры определяется сочетанием объективных и субъективных критериев. К субъективной оценке относится индивидуальное восприятие человеком своей профессиональной деятельности с точки зрения реализации им своих способностей, а также оценки возможностей и перспектив самовыражения в данном карьерном пространстве. К объективным критериям относятся такие параметры, как стабильность работы, доход, а также темп, скорость, время должностного продвижения.

6. Для оценки успешности профессиональной карьеры в зависимости от времени, затраченного на достижение определенных статусно-должностных позиций в нашем исследовании будет использоваться классификация должностной карьеры с подразделением ее на нормальную, скоростную, десантную и медленную. С точки зрения характера осуществления карьеры выделяются такие формы карьерных стратегий, как типичная, устойчивая и прерывная.

7. При изучении профессиональной карьеры женщины необходимо учитывать объективные особенности, связанные с репродуктивными функциями женщин, а также с существованием такого явления, как «двойная занятость».

Долгое время положение женщин в структурах государственного управления не рассматривалось как отдельное направление. Основная

часть научных исследований велась по проблемам распределения социально-экономических и семейных ролей, профессиональной занятости женщин, их трудовой активности, а также политического статуса женщин с правовых позиций (участие в выборах, наличие политических прав и т. д.). Вопросы карьерного роста, достижение высокого статуса и профессиональной самореализации женщин на государственной службе стали затрагиваться только в последние годы.

Исследователи этой проблемы считают, что именно сейчас, с развитием государственной службы РФ важно не упустить благоприятный период в отношении продвижения женщины на государственной службе. Подготовка, отбор женщин на высшие государственные должности в соответствии с утвержденным реестром государственных должностей и реализация концепции государственной семейной политики позволит по-иному взглянуть на институт равновесия социума.

Задачей ученых, работающих в русле гендерных исследований, является необходимость помочь государству увидеть в лице существующего интеллектуально-профессионального потенциала женщин его не использованный кадровый резерв. Кроме того, важно вселить уверенность в самих женщин в то, что они вправе на основе здоровой конкуренции и профессиональной состоятельности занимать высокостатусные позиции (должности) во всех ветвях государственной власти.

В настоящее время исследователи, разрабатывающие темы, касающиеся государственной службы, сталкиваются с рядом проблем. Профессиональная ориентация на службу в органах государственного управления и осуществление карьерной самореализации в этой сфере осложнены рядом факторов:

- слабость государства на фоне мирового финансового кризиса, из которого оно еще не вышло, хотя обнадеживающие тенденции уже явно проявляются;
- бессистемной непрекращающейся реорганизацией государственного аппарата;
- слабостью органов местного самоуправления, их недостаточным финансированием, материальным и кадровым обеспечением;
- все еще слабое государственное внимание к развитию социальной сферы, особенно образования, науки, цивилизованной инфраструктуры рынка труда.

На этом фоне отмечено отсутствие системной работы с государственными служащими и стихийный характер решения кадровых проблем «в той сфере занятости, которая должна давать образцы подлинно государственного подхода к эффективному использованию кадрового потенциала общества.

Среди задач повышения эффективности государственной службы указываются следующие:

- применение эффективных методов подбора квалифицированных кадров для государственной службы, оценки результатов служебной деятельности государственных служащих, а также создание условий для их должностного (служебного) роста;
- реализация программ подготовки кадров для государственной службы и профессионального развития государственных служащих;
- внедрение новых методов планирования, финансирования, стимулирования и оценки деятельности государственных служащих;
- осуществление управления развитием профессиональных качеств государственных служащих;
- формирование на конкурсной основе кадрового резерва государственных служащих и обеспечение его эффективное использования.

Таким образом, гендерные проблемы профессиональной самореализации госслужащих должны решаться в русле общей программы по усовершенствованию работы с кадровым составом органов государственного управления. Разработка комплекса мер по решению данной большой проблемы должна учитывать потенциальные профессиональные возможности и профессиональный опыт государственных служащих в гендерном аспекте уже на этой стадии.

В ходе нашего исследования, проведенного путем полуструктурированного интервью, были выявлены особенности работы и карьеры женщин-руководителей в системе государственного управления Иркутской области.

Исследование показало, что для женщин – руководителей в системе государственной службы характерна высокая степень образованности: для большинства – наличие двух разнопрофильных образований и ученая степень. В основном стаж работы в руководстве составляет у них 8–10 лет при преобладающей возрастной категории – от 40 до 50 лет.

На процесс гендерной социализации и профессиональное самоопределение респондентов по их признанию, определяющее влияние оказала семья (в которой несомненным авторитетом считался отец, часто занимавший также руководящий пост), а также друзья и коллеги по работе.

Карьерное продвижение опрошенных женщин-руководителей отличается достаточным разнообразием и в основном отражает этапы становления гендерно-направленной политики руководства Иркутской области в системе государственной службы по отношению к женщинам – от медленной поэтапной карьеры к карьере скоростной.

При этом карьерная направленность и собственная мотивация к должностному продвижению нехарактерна для опрошенных женщин-руководителей. Большинство из них объясняют достижение ими руководящих должностей внешними обстоятельствами, по отношению к которым они играли роль «ведомых» и не сразу соглашались на занятие предложенных постов.

Все женщины-руководители признали, что государственная служба в первую очередь дала им возможность профессиональной самореализации, развития и совершенствования их деловых способностей и навыков, открыла им новые возможности и перспективы.

Слабовыраженная нацеленность на карьеру объясняется наличием определенных барьеров и спецификой государственной службы. В качестве барьеров были названы гендерные стереотипы и патриархальное восприятие женщины-руководителя общественным мнением. Причем, было выявлено, что данным стереотипам подвержены, прежде всего, сами респондентки. Причиной этого являются, с одной стороны, устоявшиеся взгляды на положение женщины в обществе, небольшие хронологические рамки существования женского менеджмента, особенно в высших эшелонах власти, а с другой стороны, объективные трудности, связанные с «двойной занятостью» женщин-руководителей.

Несмотря на то что вес женщины-руководителя нашли оптимальную стратегию совмещения профессиональной и семейной занятости через модель разделенной ответственности, многие из них испытывают чувство вины, вызванное, прежде всего, завышенными стандартами к собственным возможностям.

Среди особенностей работы в системе государственной службы опрошенные женщины-руководители выделили публичность, высокую ответственность, жесткую систему подчинения и близость к властным структурам.

При этом наличие власти и нахождение на вершине иерархии не являются для респонденток значимой ценностью. Власть в их оценке предъявляет к руководителю, прежде всего, высокие требования ответственности и обязательности.

В связи с этим для большинства опрошенных женщин наиболее приемлемым оказался партнерский стиль общения с подчиненными и коллегиальность в работе.

Все женщины сделали акцент на необходимости придерживаться собственных стратегий и стиля руководства, избегать агрессивных и конфликтных подходов. Женщины-руководители указали, что при этом, в силу специфики своей профессиональной деятельности, ситуативно они способны прибегать и к жестким методам управления, комбинируя различные модели руководства, стараясь избегать их крайних проявлений.

Таким образом, главным препятствием на пути карьерной самореализации женщин в органах государственного управления являются гендерные стереотипы, которые разделяются и поддерживаются, прежде всего, самими женщинами. Определение ими своей идентичности в профессиональном пространстве складывается под влиянием двух факторов. С одной стороны, для них характерно осознание собственной нетипичности, своего высокого особого положения, гордость за достигнутый статус. С другой стороны, конструирование ими своей дальнейшей карьеры, создание свое-

го имиджа руководителя исходит из сложившихся в современном обществе правил и стереотипов.

Свои профессиональные стратегии они строят, учитывая требования и особенности своей профессионально-должностной среды, находя оптимальные компромиссные модели реализации своего лидерского потенциала и, ориентируясь на макросоциальные факторы. В целом по итогам нашего исследования женского руководства можно сказать, что успешные модели менеджмента осуществляют те из руководителей, которые независимо от своего пола имеют социальный репертуар типов поведения, характерных и для мужчин, и для женщин. Это означает, что мужчины и женщины имеют практически равные психологические возможности и социальные навыки для управления людьми.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Сорокинские чтения. Материалы международной конференции. М. : Аспект-Пресс, 2020. С. 13–15.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–116.
4. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2020. С. 100–104.
5. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
6. Иванов Р. В. Влияние организационной культуры на служебную репутацию государственных служащих // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения : материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 47–50.
7. Литвинов Д. В., Иванов Р. В. Социальная мобильность среднего звена государственных служащих: история без перспективы или перспективы истории? // Вестник Иркутского университета. 2020. № 23. С. 68–69.
8. Максимов А. М., Иванов Р. В. Мобильность и преемственность государственной службы в Российской Федерации // Вестник Иркутского университета. 2020. № 23. С. 73–74.
9. Полошкевич О. А. Имидж государственных служащих в региональных и федеральных СМИ (2000–2017 гг.) // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения : материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 94–98.
10. Полошкевич О. А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 169–172.
11. Полошкевич О. А., Журавлева И. А., Дружинин Г. В. Этические основы противодействия коррупции : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 192 с.
12. Пружинин А. Н. Этические нормы муниципальных служащих // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения : материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 232–243.
13. Трескин П. А. Управление карьерой государственных служащих как основа и стратегия развития государственной службы // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения : материалы. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 51–54.

Имидж муниципальных служащих в СМИ (на примере Ангарского городского округа)

Приводятся результаты исследования формирования имиджа муниципальных служащих на примере Ангарского городского округа. Рассматриваются положительные и отрицательные публикации о муниципальных служащих в СМИ и прослеживается их воздействие на общественное сознание в области восприятия власти.

Ключевые слова: имидж, муниципальные служащие, общественное сознание, СМИ, представления.

R. G. Ardashev, *Moscow*

Image of municipal employees in the media (on the example of the Angarsk city district)

The article analyzes the results of the study of the formation of the image of municipal employees on the example of the Angarsk urban district. The article considers positive and negative publications about municipal employees in the media and traces their impact on public consciousness in the field of perception of power.

Keywords: image, municipal employees, public conscience, mass media, performances.

Ангарское городское муниципальное образование Законом Иркутской области от 10.12.2014 № 149-ОЗ «О преобразовании муниципальных образований Ангарского района Иркутской области» наделено статусом городского округа [1]. Данный округ находится в южной части Иркутской области России. Административным центром округа является г. Ангарск [2].

В состав территории Ангарского городского округа входит непосредственно г. Ангарск, поселки Звездочка, Звереве, Ключевая, Стеклянка и некоторые другие населенные пункты. Площадь территории округа составляет 1150 кв. км. Численность населения на 01.01.2020 составила 236 912 чел. [3], что предполагает значительную концентрацию городского и сельского населения и, соответственно, СМИ.

Структуру органов местного самоуправления Ангарского городского округа составляют дума, мэр, администрация и контрольно-счетная палата Ангарского городского округа. Местная администрация является исполнительно-распорядительным органом местного самоуправления, руководство которой осуществляет мэр Ангарского городского округа. Поскольку в данной работе рассматривается формирование имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа, рассмотрена структура администрации, в состав которой входят данные служащие.

Рассматриваемую администрацию возглавляет мэр Ангарского городского округа, полномочия которого определены законодательством РФ, Иркутской области и уставом муниципального образования. Данное должностное лицо осуществляет текущее руководство деятельностью администрации, поэтому формирование его имиджа имеет первостепенное значение в создании благоприятного имиджа муниципальных служащих.

Базовым элементом формирования имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа является официальный сайт администрации данного округа. Это обусловлено следующими факторами:

- данный сайт является официальным, т. е. его сведения выступают реальными данными органов местного самоуправления;
- на данном сайте приводится информация о нормативно-правовых актах муниципального образования, содержится правовая база данных актов, имеющих юридическую силу;
- на официальном сайте приводится информация о муниципальных служащих администрации, в частности, их основные данные (фамилия, имя, отчество, дата рождения) биография, полномочия и др.;
- содержится информация о результатах работы администрации, т. е. сведения достигнутых результатах работы муниципальных служащих.

Исходя из указанных факторов, информация официального сайта является базовым источником для формирования имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа. Перечень сведений данного сайта включает в себя ряд сведений о служащих, приведенных на рис. 1, которые определяют их имидж в представлении общественности.

Рис. 1. Элементы формирования имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа через сайт администрации

В первую очередь следует отметить, что в структуре администрации приводятся ссылки на отдельных муниципальных служащих. По данным работникам предоставляется информация об их биографии (руководители структурных подразделений администрации) и полномочия. Факт наличия биографии о руководителях администрации является положительным аспектом формирования имиджа о муниципальных служащих, поскольку указывается дата их рождения, возраст работников характеризуется зрелостью, что позитивно отражается на имидже, как и наличие высшего образования у большинства работников в сфере государственного и муниципального образования. Муниципальные служащие являются опытными и квалифицированными работниками.

Особый интерес для формирования имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа представляет информация отчетов о социально-экономическом положении округа и отчетом Мэра. Это вызвано тем, что эти отчеты содержат результаты работы муниципальных служащих, на основе которых можно в определенной мере оценить результативность и эффективность их деятельности. С учетом того, что данные отчеты расположены в свободном доступе, то их информация также может оказать существенное влияние на имидж муниципальных служащих МО Ангарского городского округа.

Кроме того, на сайте администрации размещена информация о результатах рассмотрения обращений граждан ежегодно за период 2016–2019 гг. В этих отчетах обобщены сведения о количестве устных и письменных обращений, а также результатах их рассмотрения: числе отказов, разъяснений и удовлетворении требований граждан. Это оказывает положительное влияние на имидж муниципальных служащих, поскольку отражает наличие определенной обратной связи между органами власти и населением.

Рассмотренные факторы взаимодействия муниципальных служащих МО Ангарского городского округа оказывают благоприятное влияние на их имидж, поскольку позволяют предоставить для общества в открытом доступе информацию о служащих, создать обратную связь граждан с данными служащими и представить сведения о положительных достигнутых результатах муниципального управления.

Несмотря на это, огромное влияние на формирование имиджа муниципальных служащих оказывают СМИ. Поэтому проведено исследование числа упоминаний в некоторых СМИ о муниципальных служащих МО Ангарского городского округа. Результаты данного исследования приведены в табл. 1 за период с 2017 г. по декабрь 2020 г.

Таблица 1

**Динамика числа упоминаний в некоторых СМИ о муниципальных служащих
МО Ангарского городского округа**

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Изменение 2020 г. от 2017 г.
Общее число упоминаний о муниципальных служащих, в т. ч. :	170	198	255	174	4
– положительного характера	68	79	86	72	4
– нейтрального характера	92	104	148	86	-6
– негативного характера	10	15	21	16	6

В динамике общего числа упоминаний о муниципальных служащих рассматриваемого органа власти следует отметить увеличение их общего числа со 170 ед. в 2017 г. до 174 ед. по состоянию на декабрь 2020 г. При этом приемлемой тенденцией является увеличение числа упоминаний положительного характера на 4 ед. Однако наряду с ростом этого количества увеличилось число негативных упоминаний на 6 ед.

Во внутригодовой динамике следует также отметить увеличение числа упоминаний в 2018 и 2019 гг. по сравнению с предыдущими годами и снижение этого числа в 2020 г. Это вызвано главным образом распространением коронавируса в 2020 г., что привело к росту числа новостей по этой тематике в СМИ федерального, регионального и местного уровня. Поэтому число упоминаний о муниципальных служащих сократилось в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом.

Информацию о поведении и соответствующей деятельности муниципальных служащих МО Ангарского городского округа указывают различные источники (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика числа упоминаний по некоторым СМИ о муниципальных служащих
МО Ангарского городского округа**

СМИ	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Изменение 2020 г. от 2017 г.
«Ангарские Ведомости»	16	18	20	12	-4
«Живой Ангарск»	49	55	61	48	-1
Ангарская газета «Время»	81	91	115	86	5
«Мой Ангарск»	8	12	31	14	6
«Альтаир»	4	8	12	5	1
«Свеча»	2	2	0	1	-1
«Знак»	10	12	16	8	-2
Итого	170	198	255	174	4

Из общего числа упоминаний следует отметить существенное количество в таких СМИ, как «Ангарские Ведомости», «Живой Ангарск», Ангарская газета «Время» и «Мой Ангарск». По последним двум рассматриваемое количество увеличилось в 2020 г.

В структуре рассматриваемого числа следует отметить преобладание новостей нейтрального характера, который носят больше информационный характер, в целом, не оказывая значительного влияния на имидж муниципальных служащих (рис. 2).

Рис. 2. Структура числа видов упоминаний в некоторых СМИ о муниципальных служащих МО Ангарского городского округа

В общем числе упоминаний преобладают сообщения нейтрального характера, их доля составила в 2017 г. 54 % и сократилась в 2020 г. до 49 %. Ее рост был вызван главным образом увеличением числа негативных упоминаний, которые привели к росту их удельного веса за данный период с 6 до 9 %. Число упоминаний положительного характера в целом изменилось несущественно по своему удельному весу, составив в 2017 г. 40 % и 41 % в 2020 г.

В качестве положительных упоминаний в данном случае подразумеваются информационные сообщения о поведении и действиях муниципальных служащих, которые способствуют формированию их благоприятного имиджа среди населения. В качестве примеров таких сообщений можно привести следующие.

По данным информационного сайта Иркутской области «Ирк.ру» от 25.10.2020, Администрация МО Ангарского городского округа обратилась в прокуратуру из-за повышения цен на проезд в автобусах. С 19.10.2020 в связи с сокращением пассажиропотока в городе, один перевозчик общественного транспорта повысил тариф до 30 руб., с 23.10.2020 его примеру последовали и другие перевозчики. Мэр Ангарского городского округа поручил специалистам администрации проверить пассажиропоток и обоснованность повышения тарифа по утвержденной методике. Мэрия обратилась в прокуратуру, которая направила заявление в Федеральную антимо-

нопольную службу РФ [4]. Положительным данное упоминание является, поскольку в нем приводятся сведения о действиях муниципальных служащих, которые принимают меры по защите интересов населения в области обеспечения доступных цен на проезд в общественном транспорте.

В качестве еще одного положительного упоминания следует отметить новость в газете «Ангарские Ведомости» от 25.11.2020. Она заключается в начавшемся переселении жителей 7 дома 49 квартала микрорайона Шеститысячник г. Ангарска в новое жилье в рамках переселения из аварийного и ветхого жилья. В этой новости приводится комментарий председателя Комитета по управлению муниципальным имуществом администрации МО Ангарского городского округа, который указывает о том, что заключено соглашение с министерством строительства, дорожного хозяйства Иркутской области с утверждением лимитов на переселение на 2020–2021 гг. [5]. Данное упоминание положительно характеризует имидж работников указанного комитета администрации как лиц, заинтересованных в обеспечении комфортных условий проживания жителей города.

Как отмечает Медиахолдинг PrimaMedia от 31.10.2019, мэр Ангарска отметил большие успехи по благоустройству города в 2019 г. Строительство и реконструкция более 20 км дорог, благоустройство 16 дворов и открытие новой набережной стали одними из ряда важных событий в жизни Ангарска в 2019 г. Мэр Ангарского городского округа рассказал о том, какие работы по облагораживанию города провели власти округа. Появился обновленный фасад здания музея часов, расположенного по улице Карла Маркса. В текущем году на ремонт дорог было выделено 440 млн руб., большая часть из которых была освоена в рамках программы «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Особой гордостью для властей стало открытие набережной, общая протяженность которой составила 7 км. Особой гордостью для горожан города нефтехимиков стала новая набережная. Этот объект стал не только элементом берегоукрепления реки Китой, но и любимым местом досуга жителей Ангарска [4].

Положительные упоминания, в целом, благоприятно влияют на имидж муниципальных служащих МО Ангарского городского округа. Однако в условиях информационного поля в интернете следует отметить и наличие значительного числа негативных упоминаний о представителях органов власти. В отношении рассматриваемых муниципальных служащих, можно привести следующие примеры таких упоминаний.

В новости от 05.10.2018 популярного в Ангарске портала «Живой Ангарск» сообщается, что чиновники мэрии Ангарска стали фигурантами уголовного дела. Об этом сообщили в управлении СУ СКР по Иркутской области 05.10.2018. По данным ведомства, уголовное дело возбуждено по ч. 1 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий». Речь идет о деятельности сотрудников управления по капитальному строительству, жилищно-коммунальному хозяйству, транспорту и связи (УКС) администрации Ангарского городского округа. В СУ СКР по Иркутской области

рассказали, что летом 2017 г. УКС Ангарска заключила муниципальный контракт с фирмой на снос аварийных домов. Этой сделкой заинтересовалась прокуратура. В октябре 2017 г. на основании подписанного должностным лицом структурного подразделения администрации акта выполненных работ подрядчику была произведена оплата из бюджета Ангарского городского округа, в размере 1 492 500 руб., за фактически невыполненные подрядчиком работы, по которым был заключен контракт. Следовательно уже провели обыски в администрации, квартирах сотрудников администрации и в квартире подрядчика [5].

В декабре 2018 г. состоялось заседание комиссии по противодействию коррупции в регионе. На нем рассмотрели результаты проверки сведений о доходах мэра Ангарска С. А. Петрова. Были установлены факты предоставления главой округа недостоверных и неполных сведений, также выявлен конфликт интересов. В этой связи, губернатор Иркутской области направил заявление в думу Ангарского городского округа об отставке мэра. Причиной стали нарушения со стороны руководителя территории коррупционного законодательства.

Как отмечает заместитель начальника управления по профилактике коррупционных и иных правонарушений аппарата губернатора и правительства Иркутской области, мэр счел важным озвучить только один факт самого незначительного нарушения, который касался данных полученной прибыли от банковских счетов своей супруги. Однако мэр не сообщил журналистам об имеющихся у него земельном участке площадью 600 кв. м, жилым зданием, которые он не отразил в документах. Вместе с тем в своем пояснении во время проверки мэр признал эти факты. Кроме того, указанный заместитель обратил внимание на то обстоятельство, что глава муниципалитета не посчитал нужным сообщить прессе о конфликте интересов [5].

Было установлено, что администрация Ангарского городского округа заключила несколько муниципальных контрактов с фирмами, фактически подконтрольными мэру. Указанный мэр является владельцем 60 % акций ЗАО «Стройкомплекс» и других организаций, переданных в доверительное управление его сыну. Выступая со стороны администрации, мэр был стороной конфликта интересов. В ведомстве подчеркивают, что мэр должен был уведомить местную думу о ситуации, как того требует федеральное законодательство. Вдобавок мэр не проинформировал СМИ о другом грубом нарушении: он – соучредитель некоммерческой организации – фонда содействия развитию лыжного спорта. Эта информация также должна была быть отражена в сведениях о доходах и имуществе [4].

Согласно еще одной новости от 02.12.2020, главного архитектора Ангарска оштрафовали за разглашение государственной тайны. Решение Иркутского областного суда от 18.11.2020 по уголовному делу по ч. 1 ст. 283 УК РФ – разглашение государственной тайны – в отношении начальника управления архитектуры и градостроительства администрации Ангарского

городского округа вступило в законную силу. Незаконное деяние выявлено, пресечено и расследовано сотрудниками регионального УФСБ. Установлено, что указанный начальник в период с 16.11.2019 по 29.05.2019 передал подчиненному ему сотруднику, не допущенному к государственной тайне, электронные топографические сведения об одном из режимных объектов Иркутской области. Эти сведения имеют гриф секретности «Секретно». Своими действиями начальник, являясь лицом, которому секретная информация была доверена по службе, совершил разглашение сведений, составляющих государственную тайну. Вместе с тем указанное деяние тяжких последствий не повлекло. Назначено наказание в виде штрафа [4].

В заключение данного пункта следует отметить, что формирование имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа осуществляется под влиянием информации об их поведении, биографии и деятельности через официальный сайт администрации и в СМИ. На сайте администрации следует отметить предоставление достаточно большого объема сведений о биографии и уровне квалификации муниципальных служащих. Кроме того, на нем обобщаются сведения о социально-экономическом положении округа и публикуются отчеты мэра о проделанной работе и достигнутых результатах. Эти сведения оказывают значительное положительное влияние на имидж служащих. В СМИ следует отметить увеличение числа упоминаний о данных работниках администрации. В своем большинстве, эти упоминания носят нейтральный информационный характер, связанные с констатацией каких-либо фактов. Положительные упоминания касаются защиты прав и интересов населения города, поэтому позитивно отражаются на имидже муниципальных служащих.

Большинство негативных упоминаний касаются действий работников в рамках законодательства РФ. В наибольшей мере негативные упоминания и новости связаны с обвинениями муниципальных служащих в коррупции и нарушениях некоторых других норм законодательства, негативно отражаясь на их имидже. Это может объясняться через различные конспирологические теории [7], субъективные представления о праве [8] и о чиновниках [9], но в целом – данная информация способствует формированию негативного образа муниципального служащего.

Формирование имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа осуществляется под влиянием информации об их поведении, биографии и деятельности через официальный сайт администрации и в СМИ. На сайте администрации следует отметить предоставление достаточно большого объема сведений о биографии и уровне квалификации муниципальных служащих. Кроме того, на нем обобщаются сведения о социально-экономическом положении округа и публикуются отчеты мэра о проделанной работе и достигнутых результатах. Эти сведения оказывают значительное положительное влияние на имидж служащих. В СМИ следует отметить увеличение числа упоминаний о данных работниках администрации. В своем большинстве эти упоминания носят нейтральный инфор-

мационный характер, связанные с констатацией каких-либо фактов. Положительные упоминания касаются защиты прав и интересов населения города, поэтому позитивно отражаются на имидже муниципальных служащих.

Большинство негативных упоминаний касаются действий работников в рамках законодательства РФ. В наибольшей мере негативные упоминания и новости связаны с обвинениями муниципальных служащих в коррупции и нарушениях некоторых других норм законодательства, негативно отражаясь на их имидже.

Имеются определенные негативные тенденции в формировании благоприятного имиджа муниципальных служащих МО Ангарского городского округа. Это обусловлено наличием таких проблем, как наличие в СМИ регулярных новостей о коррупции муниципальных служащих, недостаточно освещаются вопросы результатов их работы, увеличение числа негативных упоминаний о муниципальных служащих в СМИ, существование множества фактов негативного характера о работниках администрации, наличие мнения опрошенных лиц о равнодушии и неумении общаться муниципальных служащих, отсутствие доверия и уважения к органам власти у большинства респондентов, негативная оценка жителями таких качеств служащих, как надежность, ответственность, исполнительность и стремление к нововведениям, низкая информированность населения о деятельности местных органов власти, отсутствие положений о порядке поведения муниципальных служащих в сети интернет и др.

Существование всех этих проблем приводит к снижению уровня доверия населения к представителям местной власти, негативно влияет на имидж муниципальных служащих МО Ангарского городского округа, ухудшению системы муниципального управления, а искажение информации приводит к недостоверной оценке, которая негативно отражается на общественном мнении в целом.

Список литературы

1. О преобразовании муниципальных образований Ангарского района Иркутской области : закон Иркутской области от 10.12.2014 № 149-ОЗ (ред. от 07.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ангарский городской округ : офиц. сайт. URL: <https://angarsk-adm.ru/administratsiya/> (дата обращения: 21.10.2020).
3. Иркутскстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. URL: <https://irkutskstat.gks.ru> (дата обращения: 30.10.2020).
4. Мэр Ангарска Сергей Петров отметил большие успехи по благоустройству города в 2019 году // Медиахолдинг PrimaMedia. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/872293/> (дата обращения: 30.10.2020).
5. Новости «Ангарск» // Альтернативное информационное агентство Иркутской области «Альтаир»: сайт. URL: <https://altairk.ru/search?text=%C0%ED%E3%E0%F0%F1%EA> (дата обращения: 05.12.2020).
6. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 245–249.
8. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 328–333.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ ФОРМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И СОЛИДАРНОСТИ ПОСЛЕ COVID-19

УДК 159.99
ББК 88.9

А. Д. Карнышев, О. А. Карнышева, *Иркутск*

Психологическое здоровье и его проблемы в современном обществе

Рассматривается проблема психологического здоровья человека, затронутого болезнью. Исследуются изменения в оценках нравственного здоровья и социальном, медицинском неравенстве индивидов и групп.

Ключевые слова: психологическое здоровье, аюрведа, эмоциональное благополучие, пандемия и ее последствия, «больное общество».

A. D. Karnyshev, O. A. Karnysheva, *Irkutsk*

Psychological health and its problems in modern society

The article deals with the problem of the psychological health of a person affected by the disease. Changes in assessments of moral health and social, medical inequality of individuals and groups are considered.

Keywords: Psychological health, Ayurveda, emotional well-being, the pandemic and its consequences, “sick society”.

Психологическое здоровье по большому счету может быть объяснено как ощущение единства и гармонии человека с природным миром, самим собой и окружающими людьми. Главное внимание, конечно, следует уделить природе: для здоровья важна созвучность между внешней средой и внутренними психофизиологическими состояниями человека. В обыденном сознании психологическое здоровье ассоциируется с экономическим и социальным благополучием, со способностью быть активным и деятельным, а также с отсутствием болезни. Но порою встает вопрос: «Можно ли говорить о психологическом здоровье человека, затронутого болезнью», и ответ на него может быть только однозначным. Если взять оптимистически настроенного больного с хроническим заболеванием или инвалида, участвующего в различных соревнованиях, вплоть до параолимпиад, то говорить о психологическом нездоровье таких людей вряд ли возможно и корректно.

Проблема психологического здоровья широка и многогранна, и в ее сути важно разбираться любому человеку [см. 1–3]. По большому счету психологическое здоровье может и должно рассматриваться как субъек-

тивное свойство (состояние), способствующее решению всех задач, стоящих перед личностью. К близким психологическому здоровью понятиям, часто употребляемым в жизненных ситуациях, можно отнести «эмоциональное благополучие», «душевное равновесие», «душевный комфорт», «личностный комфорт» и т. п. Л. Толстой в своем изложении китайского учения отмечал, что «внутреннее равновесие есть тот корень, из которого вытекают все человеческие деяния; согласие же есть всемирный закон всех человеческих деяний. Только бы состояния равновесия и согласия существовали в людях, и счастливый порядок тогда царствовал бы в мире и все существа процветали бы. И потому мудрый человек внимателен к себе тогда, когда он один, и всегда держится равновесия и согласия [см. 4].

Обратившись к психологии здоровья как, с одной стороны, личностной установке, а – с другой, – как к учебной и научной дисциплине, нельзя не вспомнить об ее давних истоках. Более пяти тысяч лет назад в Индии возникла «Аюрведа» – наука о здоровье. Современный ее интерпретатор Э. Кришнамачарья – показывает многовековую суть этой дисциплины: «*Цель аюрведы – здоровая жизнь без всякой надобности в лечении болезни*» [5, с. 51]. Умение обеспечивать постоянность своего здоровья по аюрведе – сложное искусство. Но в его истоках лежат психологические единицы, рождаемые в повседневном поведении: «...Ту природу, которая создает привычки, можно положительно использовать для профилактики всех болезней. Когда это делается научно, это и есть то, что мы называем аюрведой» [Там же].

Надо признать, что давние традиции в обществе, особенно строящемся на западном менталитете, были утеряны. Всего один нюанс: авторы американской психологической энциклопедии вынуждены были признать в начале XXI в., что приведенной в порядок научной теории о здоровой личности не существует. Авторы приводят одну из главных причин этого: **общество не требовало от исследователей пристального внимания к здоровью; люди, которые функционируют конструктивно и продуктивно**, в отличие от преступников, лиц с эмоциональными нарушениями, страдающих умственными дефектами, или беспомощных инвалидов, **не угрожают существованию цивилизации** [6, с. 218; выделено нами. – А. К., О. К.].

Пандемия в 2020 г. побудила людей чаще обращаться к проблематике здоровья в целом и психологического здоровья в частности. В качестве примера можно привести результаты двух исследований, проведенных в Байкальском регионе в 2015 г. и осенью 2020 г. в начале второй волны пандемии. Ответ «психологическое здоровье – это реалья, которая помогает жить в гармонии с природой, сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т. д. » в 2020 г. подчеркнули 84 % опрошенных, причем цифры близки по многим категориям: мужчины, женщины, русские, буряты, представители других национальностей и т. д. Ответ «психологическое здоровье – это понятие, в которое можно верить и не верить» выде-

лили 9 % респондентов, а ответ «психологическое здоровье – это ничего не значащее, абстрактное понятие» выбрали чуть более 3 % респондентов. В 2015 г. количество ответов по первому варианту было заметно ниже – около 50 %, а по 2-му и 3-му вариантам – соответственно выше. Скорее всего, именно пандемия изменила, в сравнении с 2015 г., многие медицинские установки в пользу самого человека и природы, хотя нельзя не признать, что особенности психологического поведения в период экстремальных ситуаций остаются в чем-то загадкой.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных стало более позитивно оценивать сущность психологического здоровья. При изменении ценностей невозможно исключить позитивных метаморфоз и оценок в содержании ряда современных реалий. Некоторые возможные позитивные тенденции в период пандемии, как показывают исследования, касаются:

- роста значения уникальных мест родной природы (малой родины), где можно провести свой отдых;

- повышения интереса к историческим событиям, проходившим на территории родного края;

- компенсация позитивными чувствами к малой родине впечатлений и ощущений от своей психологической неудовлетворенности сложившейся ситуацией;

- усиление тенденций по защите природы родного края и стимулов экологической активности и т. д.

Вместе с тем нельзя отрицать, что негативные тенденции в данный период не могут не превалировать. Изменения, которые происходят в обществе в связи с взаимоувязанными факторами пандемии и экономического кризиса, имеют следующие проявления.

Утрата ощущений собственной безопасности в здоровье, экономическом и социальном благополучии обусловленные рисками заболеть, потерять работу и основной источник дохода, сократить масштабы бизнеса и т. д., стимулируемые пандемией;

Сокращение реальных контактов с родственниками, друзьями, знакомыми, коллегами, вызванное соответствующими запретами; ощущение дефицита общения; (пандемия «загнала» многих в узкое домашнее пространство (особенно старшее поколение);

Ухудшение материального благосостояния у значительной части населения в силу следующих причин:

- падение заработной платы и доходов;

- вынужденное закрытие предприятий малого бизнеса – сервис, общепит, туризм, сфера гостеприимства;

- увеличение доли «кризисно-потребительских» затрат: платные визиты к врачам, лекарства, БАДы, маски и т. п.;

- рост цен на продукты питания и товары личного потребления.

Появление тенденций эйджизма – социальной дискриминации людей по возрасту, вызванных не всегда адекватными мерами запрета передви-

жений и социальных контактов для пожилых людей (65+), что вызывает особое неприятие у интеллектуалов общества – артистов, ученых, известных политиков и менеджеров и т. п. В России стоит подчеркнуть тот факт, что у многих народов, особенно аборигенов Севера, Сибири, Кавказа, Дальнего Востока и т. д. уважение к старшим, их почитание является одной из важнейших ценностей человека и этноса, и сложившаяся ситуация не может не вызывать негативное отношение у немалого числа россиян.

Ученые и практики отмечают особую негативную роль ограничения социальных контактов в группе 65+ лет. В некоторых регионах обязательную самоизоляцию для граждан старше 65 лет считают способом не вводить на территориях более жесткие ограничения. Причем порой запреты для пожилых вводятся поспешно и спонтанно, иногда даже жестко: не совершать выходов из дома, не посещать социальные учреждения и многие другие «нельзя». Такого рода «жесткости» в данном возрасте могут привести не только к гиподинамии, но и атрофии мышц и разрушению здоровья в целом. «Заключение» в четырех стенах и неожиданно свалившееся одиночество весьма негативно сказывается на душевном равновесии пожилых людей. В некоторых семьях стали проявляться случаи домашнего насилия в отношении старших членов семьи. Все эти проявления включает в себя научный термин «эйджизм» – дискриминация по возрасту. Сами «объекты» дискриминации отмечают: «Когда-то боролись за активное долголетие, а теперь нас просто превратили в изгоев». Нередко избыточные меры такого рода весьма негативно сказываются на физическом состоянии и психологическом здоровье пожилых людей. В отношении молодежи и лиц среднего возраста, позволяющих себе позиции и действия эйджизма, можно вспомнить известную истину: «если ты выстрелишь в прошлое из пушкета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

В условиях заметной изоляции в период пандемии от социальной среды – сообществ и контактов в них – актуальным является вопрос о непосредственной связи отношения человека к природе с его психологическим здоровьем. Чтобы показать варианты таких возможных связей, стоит пригласить читателя проанализировать результаты нашего социально-психологического исследования. Междисциплинарной лабораторией ИСН ПЭККИ осенью 2020 г. был проведен опрос молодежи Байкальского региона. Математически была сделана «перекрестная» обработка полученных данных. В таблице (табл. 1) три установки по психологическому здоровью представлены цифрами: 1) психологическое здоровье – это реалья, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т. д.; 2) психологическое здоровье – это понятие, в которое можно верить и не верить; 3) психологическое здоровье – это ничего не значащее, абстрактное понятие.

Таблица 1

Особенности отношения к природе в связи с позициями по психологическому здоровью

Вариант ответа	Всего, %	В зависимости от позиций по психологическому здоровью, %		
		1	2	3
Природа над человеком: по своей сути человек – часть природы и во многом зависит от нее	42,6	48,2**	32,1	20,0* *
Человек в единстве с природой: больше распространено равнозначное партнерство, гармония в отношениях	44,4	45,2	43,1	46,7
Человек над природой: предназначение человека – изменять природу, совершенствовать ее	8,9	5,2*	21,1	22,2*
Затрудняюсь ответить	4,1	1,5	3,7	11,1

Примечание: $p < 0,05^*$, $p < 0,01^{**}$.

Как показывает табл. 1, психологическая взаимосвязь двух отношений, на наш взгляд, проиллюстрирована достаточно убедительно. Вместе с тем во взаимосвязях и взаимозависимостях есть определенные, в том числе дискуссионные, детали, которые целесообразно обсудить отдельно.

В современном обществе нельзя не обратить внимания на нравственные аспекты психологического здоровья. Связь психологического здоровья с нравственным развитием человека проявляется, прежде всего, тогда, когда человек становится самым высшим судьей своих любых, особенно, неоднозначно оцениваемых в окружающем мире поступков, и эта оценка является одной из важнейших основ по-настоящему полноценной жизни. Противоположностью является ситуация, о которой Н. Макиавелли говорил: «можно прикрываться добродетелями, им не следуя». Соответствующее отношение не может не касаться оценок человеком «правды» собственной жизни, когда сама «природа людей» не терпит рассогласований во внутреннем мире, когда они стремятся «не сыпать соль на рану» и возвращать равновесие в себе. В качестве примера можно привести театральный эпизод, когда в шекспировской пьесе «Гамлет» в реплике после одного из монологов сына, мать сказала Гамлету: «Больше ни слова: ты обратил мои глаза на мою душу, и я вижу там черные пятна». По-своему развивает данную мысль Л. Толстой, который в упомянутом изложении китайского учения отметил одну из главных особенностей благополучного существования людей: «Забота добродетельного человека одна: рассматривать свое сердце, чтобы там не было ничего дурного» [4, с. 213].

Пример, перекликающийся с последним высказыванием, касается произведения японского поэта И. Такубоку, у которого есть следующая танка о человеке, внутренне хорошо знающем о своих «изъянах»:

*Другим ты можешь сказать,
Что все это происки
И наговоры...
Но что ты скажешь,
Если спросит сердце?*

Одним из первых психологов Запада, кто попытался проанализировать сущность здорового общества, был Э. Фромм. Он не только выпустил одноименную книгу, но и в ряде публикаций дополнил анализ данного термина и его альтернатив. Например, в работу «Из плена иллюзий» он включил раздел: «Больной индивид и больное общество». Характеризуя *здоровое общество*, Фромм приводит значительное количество *его позитивных характеристик, при которых все общественные институты подчинены принципу самоактуализации возможностей человека*. Это общество, которое благоприятствует человеческой солидарности и не только позволяет своим членам с любовью относиться друг к другу, но содействует такому отношению; здоровое общество способствует производительной деятельности каждого в его работе, стимулирует развитие разума и позволяет человеку выразить свои внутренние потребности в коллективном творчестве и обрядовых действиях [8]. Последние слова в приведенной фразе показывают значение в здоровом обществе форм, связанных с групповой деятельностью человека. Это указывает на то, что при анализе взаимозависимых вопросов здоровья человека и социума важно рассматривать не столько проблему связи личности с обществом в целом, сколько взаимодействие личности с конкретными группами этого общества.

В психологическом здоровье и здоровой психологии, как считают многие, нуждаются все люди, и представители самых-самых «продвинутых» западных культур не могут быть исключением. Автор книги «Психотерапия. Восток и Запад» А. Уоттс отмечал, что для психотерапевтов становится все более очевидным, что состояние сознания в нашей культуре является контекстом и почвой для психического заболевания. Общества, накопившие материальные богатства и стремящиеся к взаимному уничтожению, могут быть чем угодно, но только не условием социального здоровья. Современные общества «больны» в первую очередь потому, что они воспроизводят и социальное и медицинское неравенство индивидов и групп.

Здесь целесообразно вновь обратиться к результатам социально-психологического опроса, которые помогут увидеть некоторые взаимосвязи феномена патриотизма/не патриотизма с другими позициями и ощущениями личности, в частности, с ее психологическим здоровьем. Содержание последнего касается в первую очередь духовных основ жизни человека. В приведенном исследовании мы поставили задачу рассмотреть корреляцию двух категорий. В содержании анкеты вопросы о психологическом здоровье и патриотизме включали закрытые варианты ответов, близкие по смыслу. Их формулировки по здоровью читатель увидит в табл. 2. Варианты ответов по патриотизму отражали следующие позиции:

I – чувство, которое отражает любовь к родине, стремление быть ей максимально полезным;

II – чувство, содержание которого трудно раскрыть и тем более оценить;

III – живу по принципу: «где хорошо, там и родина».

Материалы исследования были обработаны таким образом, чтобы увидеть взаимосвязь рассматриваемых позиций патриотизма с позициями по духовному здоровью (табл. 2).

Таблица 2

Позиции по психологическому здоровью у студентов с разным отношением к патриотизму, %

Позиции по психологическому здоровью	В целом	Позиции по патриотизму		
		I	II	III
Психологическое здоровье – реалья, которая помогает сохранять спокойствие, самообладание, уверенность в себе и т. д.	50,1	60,7 **	41,1	21,2 **
Психологическое здоровье – понятие, в которое можно верить и не верить	30,4	25,5	41,1	24,2
Психологическое здоровье – ничего не значащее, абстрактное понятие	13,0	8,7* *	12,5	45,5 **
Другое	2,3	1,5	3,6	0,0

(Примечание: $p < 0,05^*$, $p < 0,01^{**}$)

В глаза бросается, казалось бы, декларируемый рост уровня психологического здоровья у патриотов и явный скептицизм по отношению к данной категории у не патриотов. На самом деле здесь прослеживается четкая детерминация. В ярком отличии первых от вторых сказывается, по нашему мнению, не только стабильный оптимизм, позитивный взгляд в будущее, характерные для людей с искренней любовью к родине. По современным меркам ни в коем случае нельзя исключать влияние энергетической подпитки со стороны «своей» территории, ее флоры и фауны, сакральных мест на физическое и психическое состояние людей.

Список литературы

1. Карнышев А. Д. Природа психологического здоровья. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 295 с.
2. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 480 с.
3. Карнышева О. А. Дачное хозяйствование как способ решения экономических проблем и детерминанта психологического здоровья // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы Тринадцатой междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Репроцентр А1, 2012. С. 155–160.
4. Конфуций. Я верю в древность. М. : Республика, 1995. 384 с.
5. Кришнамачарья Э. Аюрведа. Наука о здоровье. М. : Амрита, 2011. 160 с.
6. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 1096 с.
7. Уоттс А. Психотерапия. Восток и Запад. Львов : Инициатива, 1997. 174 с.
8. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М. : Юрист, 1995. С. 273–611.

Цифровая солидарность в современном обществе: пример использования хэштегов для воспроизводства «женской» темы в цифровой коммуникации

Рассматривается понятие цифровой солидарности, возникшее в эпоху развития цифровой культуры и технологий. Обозначается, что как форма социальной поддержки и одобрения в цифровом пространстве такой вид солидарности набирает популярность за счет возможности использования универсальных кодов, хэштегов, и доступности онлайн-коммуникации. На примере цифровой солидарности в «женской теме», исследуемой по хэштегам в социальных сетях, раскрывается новая форма социального взаимодействия, которая способствует социальной интеграции и совместному выражению идей.

Ключевые слова: цифровая солидарность, цифровизация, гендерное неравенство, права женщин, женское тело, хэштег.

M. O. Skivko, Samara

Digital solidarity in modern society: the case of using hashtags to reproduce the “feminine” theme in digital communication

The article examines the concept of digital solidarity that evolves in the era of digital culture and technological progress. As a form of social support and approval in the digital space, this type of solidarity is gaining popularity due to the possibility of using universal codes, hashtags, and the availability of online communication. Using the example of digital solidarity in the “feminine theme” explored by hashtags on social networks, the article reveals a new form of social interaction that promotes social integration and the joint expression of ideas.

Keywords: digital solidarity, digitization, gender equality, women rights, women body, hashtag.

Проблема социальной разобщенности и усиления позиций цифровой коммуникации

В современном мире глобализация, высокие технологии и цифровизация способствуют ускорению развития различных социальных, культурных и экономических процессов. В цифровом пространстве можно относительно быстро и легко найти нужные данные, совершить покупки онлайн или даже пройти обучающий курс. Популярность социальных сетей и мессенджеров кардинально изменила стиль и способы общения современной молодежи. Пандемия коронавируса, заставившая весь мир самоизолироваться дома, также способствовала развитию цифровых услуг и усилению цифрового общения в противовес обычному. Однако увеличение объемов и доступа к информации повышает степень социальной разобщенности. Обычная офлайн-коммуникация становится скорее чем-то исключительным, особенно молодое поколение, поколение Z, выросшее с мобильным устройством в руке, уже не представляет себе мир без цифровой культуры.

Тем не менее, параллельно с все возрастающей разобщенностью по всему миру набирают обороты способы поддержки друг друга в цифровом формате. Такой вид поддержки можно назвать цифровой солидарностью, обозначающей возможность разделить общие ценности, установки и представления на глобальном уровне с помощью цифровых технологий и построения новых кодов цифровой культуры.

В данной статье ставится задача исследовать некоторые возможности цифровой солидарности, в частности использование хэштегов в социальных сетях для выражения конкретной позиции или объединения некоторого опыта. В фокус рассмотрения попадают, в первую очередь, хэштеги, отражающие специфический женский опыт (взаимоотношения с телом, бодипозитив, насилие над женским телом). С помощью использования общего культурного кода, выраженного конкретным хэштегом, отдельные личности присоединяются к определенному цифровому сообществу, разделяющему некий конкретный опыт и ценности.

Понятие цифровой солидарности

Для начала нужно обозначить исходное понятие солидарности в обществе. Под социальной солидарностью можно понимать определенную установку массового сознания, включающую общие намерения или единое понимание конкретной ситуации, готовность откликнуться на некий призыв или отреагировать, а также готовность нести ответственность за выражение своих убеждений и позиции [2; 11]. Социальная солидарность тесно связана с понятием социальная интеграция, которое определяет некую общность как единое целое с помощью установления оптимальных связей между социальными объектами [9]. Такими связями могут выступать близкое социальное положение, род занятий, возраст, интересы, политические, культурные, религиозные убеждения или ценности и др.

Другими словами, социальная солидарность и социальная интеграция определяют структуру общественных отношений. В период глобальных трансформаций в обществе его члены склонны выбирать либо коллективные, либо индивидуальные ценности, тем самым провоцируя либо социальное сплочение, либо социальную разобщенность. Например, солидарность в потребительском дискурсе может выражаться как традиционными социально-экономическими формами (выражаемыми в практиках перепотребления), так и новыми формами, основанными на идее этичного или осознанного потребления [12].

Цифровизация, развитие средств массовой коммуникации и технический прогресс расширили возможности учиться, работать и развлекаться в онлайн-формате. С помощью цифровых технологий и цифровой культуры расширились возможности передавать, воспринимать и обрабатывать информацию. Виртуальное общение сегодня все чаще заменяет личное общение. Навыки социальной коммуникации в традиционном офлайн-формате постепенно уступили место коммуникации цифровой с такими ее особенностями, как использование эмоджи и хэштегов для выражения эмоций или привлечения внимания к теме, диалог через аудиосообщения вместо звонка, выражение одобрения или неодобрения через кнопку «мне нравится» в социальных сетях [13]. К тому же в виртуальной реальности коммуникация приобретает особую структуру и специфику взаимодействия, где язык превращается в инструмент саморепрезентации и конструирования идентичности [6].

Соответственно в виртуальном пространстве возможно формирование групповой идентичности, социальной интеграции или социального разобщения, а также развитие понятия социальной солидарности в цифровом формате, основанной на общности идей, интересов или убеждений. Так, например, Зубанова и Зыховская исследуют феномен сетевых флешмобов как пример транзитной солидарности: практики ситуативной коллективной вовлеченности в общую идею с помощью использования тематических хэштегов нацелены на некое временное взаимодействие пользователей в виртуальном пространстве [5]. Транзитность в данном случае указывает на спонтанный и стихийный характер распространения, а также кратковременность практик вовлечения. Виртуальное пространство в данном случае предоставляет все возможности для организации подобной стихийной групповой мобильности и массового распространения общего стимула с помощью инструментов цифровой коммуникации. Кроме этого, цифровые коммуникации в данном контексте представляются более устойчивыми из-за возможности поддержания частых контактов в виртуальном пространстве (в отличие от физического пространства).

Хэштег как инструмент для цифровой солидарности

Хэштег, начинающийся с символа «решетка» (#) с последующим текстом и понимаемый как цифровая метка, используется в цифровом пространстве как ключевое слово для навигации и поиска в социальных сетях. Такие метки используются обычно для объединения и категоризации тематических кластеров, привлечения внимания к определенной теме или символический маркер целого сообщения. В связи с расширением функционала и растущей популярностью сегодня хэштеги используют в журналистике, рекламе, политической коммуникации, а также в качестве обязательного атрибута акций, флешмобов, конкурсов, розыгрышей и других действий в онлайн-пространстве [4]. Хэштег преобразовался из второстепенного описательного элемента (для структурирования информации) в новый вид медиадискурса, отличающийся максимальной краткостью и информативностью [7]. Более того, как самостоятельная медиаструктура хэштег может выражать определенные эмоции и настроения авторов текста; помимо тематического структурирования хэштеги отвечают за эмоциональную окраску сообщения, оценку описываемых событий, приписывание конкретных свойств объектам сообщения [8].

Некоторые исследователи делают акцент на возможности хэштегов стать инструментом политического активизма [1; 3; 14; 15]. С помощью цифровых меток сегодня возможно заявлять о проблемах гендерного неравенства (#WomensMarch, #HeForShe, #YesAllWomen, #MasculinitySoFragile), дискриминации (#thisis2016, #OscarsSoWhite, #BlackLivesMatter), глобальной экологической ситуации (#FridaysForFuture, #EarthDay, #ClimateChangelsReal) и многом другом. Именно хэштег может выступать сегодня способом объединения социально разобщенных групп, способом поддержки на глобальном уровне тех

ценностей и установок, которые участники сообщества разделяют, создавая эффект активного сетевого взаимодействия. К тому же, некоторые хэштеги становятся всемирно признанными и известными, что способствует преодолению различных культурных, экономических и географических барьеров.

Хэштеги для «женской темы»

Данная статья уделяет особое внимание воспроизводству «женской темы» в цифровом пространстве и, в частности, с помощью тех цифровых меток, которые отражают отношения женщины и ее тела в правовом, физическом и физиологическом аспектах. Сегодня в цифровом пространстве можно выделить несколько значимых «женских» тем: права женщин и гендерное равенство, тема насилия над женским телом, тема идеального тела и следования стандартам красоты. Цифровая солидарность как выражение поддержки определенной идее, позиции, событию в данном контексте способствует привлечению внимания к «женской теме» в цифровой коммуникации и помогает женщинам не только выражать свое мнение, но и активно делиться им в цифровом пространстве.

Первая тема, в политическом контексте, проблема сексизма, дискриминации и гендерного неравенства выражается такими цифровыми метками, как, например, #WomenShould («Женщины должны»), #EverydaySexism («Сексизм каждый день»), #GenerationEquality («Равенство поколений»). Женские протесты в 2020 г. в Беларуси против правящего режима пропагандировали ненасилие (одетые в белые одежды девушки и женщины всех возрастов с цветами в руках на улицах Минска) и были поддержаны в сети цифровой меткой #she4belarus.

В 2020 г. всеобщее внимание также привлекли женские протесты в Польше против запрета абортов. Протесты широко поддерживались в цифровом пространстве хэштегами #PiekloKobiet («Ад женщин»), #AborcjaBezGranic («Аборты без границ»), and #WyrokNaKobiety («Приговор женщинам»). Женщины хотели отстоять на политическом уровне право самостоятельно принимать решения относительно своего тела. Это движение было поддержано многими женщинами по всему миру, которые выражали свою солидарность в цифровом формате с помощью указанных хэштегов.

Проблема физического насилия стала особенно острой для обсуждения в цифровом пространстве после появления хэштега #MeToo («я тоже») в 2017 г. [10]. Этот хэштег, созданный женщиной для женщин для того, чтобы поделиться своей историей об опыте харассмента, сексуального насилия, спровоцировал реакцию и истории откровений по всему миру. Такой пример цифровой солидарности также привлек большое внимание к защите прав женщин, особенно в странах третьего мира, к проблеме насилия (как дома, так и на работе) в тех регионах, странах и культурах, где об этом не принято или даже запрещено говорить.

Помимо этого в разных странах стали возникать новые хэштеги, отражающие локальный контекст проблемы домашнего насилия и харассмента: #TimesUp (США), #NiUnaMenos (Латинская Америка), #OrangeTheWorld (глобально), #BringBackOurGirls (Нигерия), #IwillGoOut (Индия), #WhyIStayed (глобально).

Наконец, тема идеального женского тела и стандартов красоты не нова и вызывает дискуссии на протяжении многих десятилетий. В цифровом пространстве, особенно в социальных сетях, большое внимание уделяется именно воспроизведению идеального женского тела; визуальный контент, популяризируемый, например, социальной сетью Instagram, создает образы женского тела, чаще всего далекие от реальности, но активно транслируемые пользователями. Визуальный контент часто подвергается определенным модификациям приукрашивания (с помощью правильно выставленного света, профессиональной камеры, позирования, применения программ обработки фотографий и фильтров), что создает мало достижимый образ женщины с идеальными пропорциями, кожей, волосами, весом.

В противовес таким идеальным визуальным образам в сети набирает обороты тот тип контента, который представляет женщину и женское тело таким, какое оно есть (с несовершенствами кожи, с лишним весом, с растяжками, целлюлитом и др.). Такую идею постепенно поддерживают как блогеры, так и, например, модные бренды. Данная идея выражается, например, хэштегами #bodypositive («бодипозитив», движение по принятию женского тела таким, какое оно есть), #bodyimperfections («телесные несовершенства»), #empowerwomen («расширять возможности женщин»), #selfworth («самооценка»), #bodyconfidence («уверенность в теле»), #loveyourself («любить себя»).

Тема идеального женского тела и способов этого добиться на протяжении многих лет усиленно тиражировалась, в первую очередь, глянцевыми журналами и рекламой, потому обсуждение тела неидеального становится такой волнующей, зачастую провокационной и интригующей для многих. Для блогеров использование такого контента с хэштегами позволяет не только привлечь внимание к теме, но и расширить аудиторию подписчиков, добавить обсуждения и обмен мнениями на странице блога.

Для модных брендов такой контент также становится информационным поводом и частью рекламной кампании, привлекающей покупателей разных форматов, разного возраста, размера и пропорций. Что интересно, пользователи социальных сетей чаще реагируют крайне позитивно на тенденцию отходить от приукрашивания тела и представлять его со всеми недостатками, несовершенствами и неровностями.

Выводы

Данная статья ставила целью раскрыть понятие цифровой солидарности через использование хэштегов в цифровой коммуникации. Как инструмент поддержки и выражения общей идеи хэштег сегодня позволяет не только структурировать и категоризировать информацию в цифровом

пространстве, но и формулировать определенное мнение, позицию на глобальном уровне. Примеры использования хэштегов для раскрытия «женской темы» в цифровом формате, выражения женской позиции относительно гендерного неравенства, насилия и стандартов красоты отражают формирование и распространение феномена цифровой солидарности. Хэштеги как цифровые метки становятся универсальным инструментом для политических протестов, глобальных акций, выражения несогласия или определения своей позиции в цифровом пространстве.

Список литературы

1. Агурова А., Тихонова А. В. Хэштег как символ века цифровых технологий в политике // *Возможности и угрозы цифрового общества : сборник научных статей ; под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой.* Ярославль. 2019. С. 3–7.
2. Бабинцев В. П. Проблемы консолидации местных сообществ // *Вестник Института социологии.* 2016. № 2 (17). С. 46–65.
3. Баранов Н. А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* 2020. № 3 (64). С. 66–72.
4. Будник Е. А. Хэштег #оставайтсьдома как инструмент политической коммуникации // *Материалы конференции «Mediaобразование: медиа как тотальная повседневность».* Челябинск, 24–25 ноября 2020 года. С. 35–39.
5. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // *Социологические исследования.* 2019. № 5. С. 119–128.
6. Ильина И. А. Хэштег как лингвистический феномен // *Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики.* 2016. № 3 (55). С. 41–44.
7. Кайгородова М. Е. Хэштег как новый тип медиадискурса // *Материалы конференции «Жанры и типа текста в научном и медийном дискурсе».* Орел, 1 апреля 2015 года. С. 111–117.
8. Канарская Л. Г., Зорин А. В. Хэштег как новая форма языкового взаимодействия // *Материалы конференции «Экологическая педагогика: проблемы и перспективы в свете развития технологий индустрии 4. 0».* Мичуринск, 26 октября 2017 года. С. 265–269.
9. Кармадонов О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // *Социологические исследования.* 2015. № 2. С. 3–12.
10. Погостина П. С. Волонтерское движение #MeToo как символ эпохи и его отражение в политическом медиадискурсе США : материалы международной научной конференции «XXII Царскосельские чтения». Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2018 г. С. 172–175.
11. Полошкевич О. А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // *Социология власти.* 2011. № 4. С. 59–66.
12. Шабанова М. А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // *Социологические исследования.* 2017. № 8. С. 31–44.
13. Щурина Ю. В. Хэштег как составляющая дискурсивной практики в сети интернет // *Материалы конференции «Язык в различных сферах коммуникации».* Чита, 29–30 сентября 2016 года. С. 149–154.
14. Berents H. Hashtagging girlhood: #IAmMalala, #BringBackOurGirls and gendering representations of global politics // *International Feminist Journal of Politics.* 2016. № 18(4). P. 513–527.
15. Ofori-Parku S. S., Moscato D. Hashtag Activism as a Form of Political Action: A Qualitative Analysis of the #BringBackOurGirls Campaign in Nigerian, UK, and US Press // *International Journal of Communication.* 2018. № 12 (23). P. 2480–2502.

«Забудьте про плюшевых акул, у нас новый герой»: виртуальное мифотворчество как поле консолидации пользователей (на примере популярных интернет-мемов)

Статья посвящена рассмотрению виртуального мифотворчества на примере создания популярных мемов. Показано, что мемы как своеобразные знаки могут быть фактором консолидации пользователей, объединенных какой-либо идеей, и создавать специфические идентичностные проекты.

Ключевые слова: мемы, виртуальное пространство, идентичность, социальная консолидация, знаки.

A. V. Darkina, Voronezh

“Forget about the plushy shark, we have a new hero”: virtual mythmaking as a field of users’ consolidation (on the example of popular internet memes)

The paper is devoted to the consideration of virtual mythmaking using the example of creating popular memes. It is shown that memes as peculiar signs could be a factor of the consolidation of users united by any idea and create specific identity projects.

Keywords: memes, virtual space, identity, social consolidation, signs.

Практики тоталитарной стандартизации общественных процессов и отношений остались в прошлом, в транзитном российском обществе с распространением виртуальных практик (через социальные сети, приложения и гаджеты) принципиально изменились подходы к определению Другого и самой сути Друговости как онтологического статуса. Статусная система в онлайн-среде претерпевает онтологическую и событийную неопределенность, что связано со свойствами интернет-среды. Наблюдается уход молодежи от примордиальных семьи и учебного коллектива с целью обретения новых проектов идентичности через посредство виртуальных сред и их сегментов. Виртуальное освобождение достигается разными способами, в то же время на основании какого-либо концепта может происходить формирование не только новых идентичностей, но и социальной консолидации. Новые групповые солидарности в виртуальной среде формируют идеи Друговости, Другими выступают здесь конкретные мемы как синхронные по отношению друг к другу системы. Интернет как суперсистема генерирует примордиальные проекты мемов, трансляция и ретрансляция идет через самих пользователей и используемые ими средства. Феноменальная конкретизация [10] – следующий шаг по направлению тиражирования мемов-идей.

В качестве объектов исследования нами были выбраны визуальные мемы (мемы-картинки): Ждун, Авокадо, Аленка (скульптура образа 2020 г.). Через вертикальное и горизонтальное распространение интернет-мемов: социальные сети, блоги, форумы, чаты и иные формы интернет-общения – создается эффект реальности в виртуальных полях. Появляются

новые Другие через триаду «исходный образ – мем – воплощение мема оффлайн» (имеющую отношение к авокадо) либо диаду «исходный образ – мем» (в ситуации с Аленькой). В случае со скульптурой отсутствие воплощения мема оффлайн означает, что оффлайн-практика была примордиальной, изначальной, что не потребовало дальнейшего тиражирования Аленьки как предмета повседневного пользования, в отличие от авокадо, представленного в разнообразии утилитарных вариантов.

На официальной странице Ждуна представлены вариации данного мема, определяющие ситуации, в которых Ждун появляется то в очеловеченном качестве в разных контекстах, то в облике животного или популярного инопланетного персонажа: «Приходите завтра, а то вы всегда сегодня приходите», «В выходные я занимаюсь недвижимостью – сижу и не двигаюсь!», «Быстрее выходных заканчиваются только деньги»; Ждун на почте, Ждун на уроке, Ждун-Мона Лиза, Ждун среди африканских животных, Ждун в парке, Ждун на телепередаче, Ждун-президент Украины [9, с. 107; 11]; Ждун-аватар, так и производные, имеющие отношение к практикам словотворчества: «Ждунышка», «Полный Ждец!», «Ждурачок мой» [5]. Мем-авокадо, подобно проекту Ждуна, представлен в разных дискурсивных «ипостасях»: делающим гимнастику, в образе шоумена Г. Солнцева, примечательны окружающие мем надписи: «Позовите моего авокадо!» (вместо «адвоката»), авокадо на лавочке («Жду»), «Я подам на вас в суп» (вместо «в суд»), авокадо с сердцем вместо косточки и т. п.

Кто генерирует мемы? Первоначально локальные вирусные мемы становятся глобальными, а затем мутируют от своего первозданного вида, меняя объектность на субъектность. Сковывающие рамки примордиальных групп (первичные структуры семьи / учебной группы) способствуют выработке молодежью конструктивистских построений, неизвестных прежде. Имманентные социальные группы не оказывают такого влияния на молодежь, как культура и среда виртуального пространства. Неодушевленные (и несуществующие) предметы наделяются новыми смыслами, становясь мемами наоборот и уводя зрителя далеко от карнавализации в сферу обыденного (эксплицируясь на предметы быта и пр.). Особые внутригрупповые и межгрупповые связи здесь формируются благодаря некоей идее высмеивания примордиальной ситуации, в которой задействован пока еще не мем, но готовый стать им повседневный сюжет. Примордиальность ситуаций представляется пользователям обыденной, и конструктивизм интернет-пространства «исправляет» ситуацию в сторону карнавализации через практики деконструкции исходного «материала».

Социальная инфантилизация как результат создания и многократного копирования мемов-картинок, становящихся аттракторами для все более широкой публики, – главный фактор для социальной деконсолидации. Виртуальное пространство не дифференцировано ни гендерно, ни как-либо иначе, несмотря на это ему предписывается некий дискурс, позволяющий судить о логике происходящего: «Наличие мемов внутри социаль-

ной группы говорит о том, что в ней прошла стадия интеграции ее членов, и обуславливает успешные коммуникативные связи индивидов. Сами мемы легки для передачи внутри группы. При верном расшифровывании и воспроизводстве мема человек подтверждает принадлежность к социальной группе. Если мыслить по аналогии, то индивид, вошедший в группу недавно или только желающий вступить в нее, должен раскодировать, понять локальные мемы и интегрироваться в новое общество» [14, с. 80].

Иными словами, выявляется новая потребность в познании многомерной реальности без ухода (или с минимальным уходом) из онтологически заданного здесь и сейчас; именно мемы, как новые вирусы, продуцируют «игровой (масочный) характер сетевого общения» [12], что тем не менее имеет отличия в ситуации до эпидемии коронавируса и эпохи пост-ковид. Мем становится своеобразной маской, за которой можно спрятаться в виртуальном смеховом поле, оставив в стороне оффлайн-реальность. Это своего рода социально-психологическая защита от оффлайн-действительности.

Мемы в процессе непрерывной трансформации и (де)фрагментации напоминают становление социальных систем, однако они подобны метастазам, которые заполняют здоровый организм избыточными клетками нездорового содержания – мемы по сути не несут никакой структурированной логически обоснованной информации, засоряя собою пространство, что в целом дезинтегрирует сообщество пользователей: одни изобретают одни виртуальные традиции, другие – иные и т. п. Пространство типизируется и архетипизируется – мемы типичны (как метастатические клетки), создаваемые образы архетипичны благодаря «доработке» пользователей. В отличие от неопределенного роста нездоровых клеток мемы помещаются в самый центр, связывая «тело» интернет-пользователей в единый социальный организм.

Общие версии возникновения и распространения мемов способствуют консолидации интернет-пространства, а уход мемов оффлайн только подтверждает этот тезис. Снятие примордиальных статусов (то, что было первоначально) с мемов, переконструирование исходных моделей-концептов на постмодерный манер – главное, что одновременно гуманизирует и де-гуманизирует мем. Постмодерная мистификация напоминает зазеркалье, где легко потеряться в потоке абсурдных образов, сменяющих друг друга также непредсказуемо, как настроение рядового пользователя сети Интернет. Диада «транслирующее / транслируемое» зависима от событийного ряда вне виртуального пространства. Мем как генератор случайных связей в виртуальной реальности способствует тем не менее социальной консолидации через архетепизацию образов. Выживание и воспроизводство информации, заложенной в мемах [15], позволяет спроецировать постмодерные ценности (или их отсутствие?) на виртуальное пространство: «... шаблонная форма интернет-мемов отражает их принадлежность к массовой культуре, которая предлагает однотипные, стереотипизированные,

духовно обедненные культурные продукты. Шаблонность интернет-мемов говорит и об определенном примитивизме этих единиц» [7, с. 111]

Учитывая то, что «Интернет-мемы обычно сфокусированы на той или иной социальной группе, т. е. комический эффект мема рассчитан, как правило, на определенную аудиторию, однако наиболее “успешные” из мемов становятся известны далеко за пределами интернет-пространства...» [17, с. 152], консолидация интернет-пользователей, действительно, не ограничивается только лишь пределами виртуальной среды. Так, после распространения указанных «персонажей» в Сети для широкого потребления стала выпускаться продукция с изображением Ждуна и Авокадо, рассчитанная прежде всего на людей молодого возраста.

Мем является значимым Другим, в то же время на более глубинном уровне – экзистенциальное разочарование в офлайн-практиках, ведущее к карнавализации сетевого пространства через создание новых статусов и связей. Консолидация отдельных социальных групп внутри Сети представлена достаточно отчетливо; напротив, рассматривая фактор связи поколений, прослеживается тенденция дезинтеграции. Мем из социально воспроизводимого объекта превращается в постмодерную идею карнавала, знак развлечения. Мем становится новым инструментом власти пользователей социальных медиа, владеющих новейшими технологиями и готовых транслировать все новые. Власть мемов как новая социальная (консолидирующая) реальность распространяется на всю совокупность пространства интернета; отдельные мемы наделены микровластью подобно идеи или концепту, занимающему сознание некоторый промежуток времени: «...фантазийное существо является таковым и сохраняет приписанные ему смыслы до тех пор, пока оно живет в фантазийном времени и пространстве» [16]. Одновременно создавая и потребляя мемы, пользователи на время консолидируются вокруг самого знака мема, выращивая новых гомункулов «на час» (первоначальное «имя» Ждуна – *Homunculus loxodontus*).

Е. Н. Шапинская разграничивает аспекты монструозности в современной массовой культуре; в этом отношении обозначенные мемы-образы классифицируются нами в соответствии с приведенной автором методологией. Современных сетевых монстров можно классифицировать на основании используемых автором данных. Так, под определение: «“химеризация” – создание фантазийного образа путем комбинации черт различных реальных существ, с появлением нового смысла, отличного от суммы смыслов составляющих элементов» – попадают Ждун и Авокадо по причинам указанного смещения черт разных живых существ в первом случае и переосмыслением авокадо как фрукта, во втором; «“горгонизация” – превращения героя или божества в уродливый, отвратительный и злоедающий образ» присуще Аленке в силу осознанных действий авторов скульптуры; «киборгизация – изобретение фантазийного существа в процессе исследовательской работы и применения технологических разработок» затрагивает, по нашему мнению, все три образа, имеющих общие черты

случайности, узнаваемости и массовости распространения [16]. Тем не менее мемы могут быть гибридными образованиями, заключая в себе все указанные характеристики. Главной задачей современного пользователя интернета и социальных сетей, на наш взгляд, становится постулат «увидеть Никого – создать Никого» безотносительно к вышеназванным характеристикам.

Образ Никого как Другого является первостепенным в деле создания все новых мемов, «Никтойность» ставится в центр смеховой виртуальной (как и оффлайн) культуры, а «смеховая атака» [13] равной по силе значимым для более старшего поколения «серьезным» информационным сообщениям. Ждун здесь чаще выступает как самостоятельная единица (главное действующее лицо мемов-картинок); Авокадо может быть и самостоятельным субъектом, и объектом (предметы одежды и быта и символом фрукта); Аленка может доставлять удовлетворение тем, кто склонен оценить искаженную феминность как проект. Друговость внушает страх, затем недоумение и далее привыкание; цикл «ужасное – уродливое – популярное» напоминает биологический процесс превращения бабочки из куколки. Мемы так же мобильны и недолговечны, как указанные природные процессы. Репликация мемов – условие их воспроизводства на пространствах Сети, что происходит наподобие ризомы: так же непредсказуемо и неопределенно. Кроме того, разными являются социальные «статусы» мемов: одни созданы для развлечения и перемещаются в оффлайн-пространство исключительно ради забавы (мягкая игрушка-Ждун [О появлении мема Ждун см. напр.: 7, с. 110]), другие могут приобретать утилитарное значение (косметика с экстрактом авокадо, предметы быта и т. п.), третьи являются фантастическими Другими как носителями хайпа [2]. Культура хайпа (быстрой прибыли) типична для постмодерна, а в какой форме и мере проект(ы) будет (будут) реализованы, зависит от свойств изначального «материала». Так или иначе, вербальная и невербальная информация, поступающая от мемов, разрушает старые связи и выстраивает взамен этого мейнстримовые сюжеты онлайн-практик пользователей интернета.

Несмотря на то что «культура мемов имеет много общего с культурой анекдотов, афоризмов и поговорок, но синтезирует их в один комплекс» [18, с. 144], мемы могут покидать игровые поля и становиться не только частью игровой культуры, но и повседневности через приобщение к бытовым нуждам населения. Люди таким образом пытаются утилизировать (а иногда и увековечить) мем, превратив его из воображаемого символа-знака в осязаемый объект. Представляется, что целью подобного рода действий является попытка установить некие отношения власти в сетевых пространствах: «Социально выработанная и индивидуально воспринятая система значений может, при условии скоординированности, руководить сознанием и поведением членов сообществ» [6, с. 196]. Склонность экрана к изображению монстров создает «защитные механизмы, направленные против деструктивного воздействия социокультурных стереотипов и за-

претов» [3, с. 89], и мем как единица «протеста» актуальна вследствие своей значимой фетишизации ради «головокружения участников» [1, с. 269].

Экспансия мемов [Напр., 15] не обязательно приходит из-за границы (как в случаях со Ждуном или Авокадо) – примером может послужить популярный мем 2020 г. Аленка. Мем-Аленка не однороден, мутабелен: ранее он имел отношение к визуализации феминно-детского [17, с. 149], в 2020 г. – к феминно-монументальному. Аленка стала гомункулом, проводником в виртуально-историческое зазеркалье. В Сети нет территориальных границ, и мем Аленки подтвердил это снова: первоначально скульптура явилась историческим олицетворением населенного пункта; после тиражирования в Сети Аленка [Не следует путать мем скульптуры Аленки образца 2020 г. с более ранними версиями Аленки-шоколада. Об этом см. напр. : 17, там же] приобрела статус полугомункула-полусимвола новой сетевой феминности, что, однако, отпугнуло пользователей только в самом начале, по мере «привыкания» тренд все более стал дискутироваться. Аленка объективируется; сам ее предмет приближается к границе своего собственного исчезновения.

Формируются новые социальные объекты / сущности – возникнет ли новый гомункул? Едва ли, по причине неструктурированности интернет-пространства и хаотичности действий его участников, кроме того, пользователи работают с мемами как с идеями, а онтологические статусы последних тенденциозны, следовательно, недолговечны, поэтому и сами мемы меняются так же непредсказуемо, как идеи, не позволяя «увековечить» идею Друговости: «...принципиальная «свернутость» мема, в которой сам знак довлеет над информацией. И лишь в процессе «разворачивания» и распремечивания приоткрывается часть смыслов, что, в свою очередь, является стимулом для смыслотворчества. Таким образом, мемы идеально вписаны в современную постмодернистскую культуру, они являются той почвой, на которой формируется игра со смыслами, пониманиями и отсылками к предыдущему опыту» [15, с. 45].

Мемы утрачивают статус объекта; деобъективируясь, они одновременно занимают присущие людям / одушевленным социальным системам статусы и роли, причем «ролевой набор» расширяется до масштабов неконтролируемых событий: «Главные особенности интернет-мема: его способность использовать людей не только в качестве «разносчиков», но и «ячеек памяти»; видоизменяться от носителя к носителю; а главное – оказывать влияние не только на человека, но и на социум в целом» [4, с. 52].

Кроме собственно развлекательной функции мем может выполнять социально значимые задачи; так, мем в качестве социального лифта производит новую социальную иерархию, однако без классической вершины и основания. Данная иерархия и не требуется для сообщества, поскольку имеет отношение к примордиальной системе оффлайн-общения; в онлайн-коммуникации все выглядит иначе, и понятие рабочей силы полностью утрачивает смыслы. Разделения труда здесь не существует, может быть,

это именно то, что консолидирует: «Мемы ... породили совершенно новую профессию в сфере СМИ – пикчер, который одновременно выполняет задачи редактора и иллюстратора и должен уловить настроение аудитории: придумать шутку в считанные минуты. Его работа заключается в том, чтобы сопроводить новость подходящей картинкой, отражающей ее суть и одновременно содержащей аллюзии на популярные мемы» [4, с. 52]. Появление мемов – это актуальный показатель социальной мобильности в масштабах онлайн-деятельности. Формирующиеся интернет-традиции создания мемов определяют также направленность социальных взаимодействий всех участников общения.

Сетевая «минимизация социальных привязанностей» [8, с. 17] останется в дискурсивных практиках пользователей социальных сетей, где активность конструирования мемов проявится в дальнейшем через новые символы и знаки. Мем как символ сопротивления примордиальности и онтологической заданности, по-видимому, будет тиражироваться, реконструироваться и воспроизводиться и впоследствии. Социальные идентичности преодолеют стадию фейковости, колонизируя сетевые пространства по постмодерному образцу, а удобные формы социальности найдут отражение в новых идентичностных проектах.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства; [пер. с франц. А. Качалова]. М.: Группа компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019.
2. В продаже появилась нововоронежская Аленка из сои. URL: <https://vestivrn.ru/news/2021/01/29/v-prodazhe-poyavilas-novovoronezhskaya-alenka-iz-soi/> (дата обращения: 31.01.2021).
3. Горбачева И. М., Гришанова Е. В. Роль смеховой коммуникации в социокультурном развитии общества в кризисные периоды // ЭСГИ. 2018. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-smehovoy-kommunikatsii-v-sotsiokulturnom-razviti-i-obschestva-v-krizisnye-periody> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Гузаерова Р. Р. Интернет-мем как знак современного медиaproстранства // Вестник ТГТУ. 2017. № 2 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-znak-sovremennogo-mediaprostranstva> (дата обращения: 06.01.2021).
5. Ждун. URL: <https://vk.com/zhdun> (дата обращения: 09.01.2021).
6. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // ВЭПС. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-memov-na-internet-polzovateley-tipologiya-internet-memov> (дата обращения: 07.01.2021).
7. Канашина С. В. Интернет-мем как медиатекст // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-mediatekst> (дата обращения: 06.01.2021).
8. Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Karmadonov,Kovrigina.pdf (дата обращения: 06.01.2021).
9. Моисеенко Л. В. Интернет-мем как единица социально-культурного контента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 27 (738). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-edinita-sotsialno-kulturnogo-kontenta> (дата обращения: 06.01.2021).

10. Пилюгина Е. В. Феноменология ризомы. Ризоморфные среды // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 3101–3105. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53626.htm>

11. Порошенко превратили в мем «Безвизовый почекун» Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/scitech/35928916/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 09.01.2021).

12. Пьяных Е. П. Карнавальный дискурс сетевой субкультуры // Вестник ЧелГУ. 2019. № 8 (430). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karnavalnyy-diskurs-setevoj-subkultury> (дата обращения: 08.01.2021).

13. Семенова Е. А. От балагана до хайпа (проблемы современной интернет-коммуникации) // Наука телевидения. 2019. № 15. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-balagana-do-haupa-problemy-sovremennoy-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 08.01.2021).

14. Смородина А. А. Интернет-мемы как способ коммуникации человека в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-sposob-kommunikatsii-cheloveka-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 06.01.2021).

15. Соколова Е. В. Виртуальное пространство: новые феномены коммуникации // Антропологические измерения философских исследований. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/virtualnoe-prostranstvo-novye-fenomeny-kommunikatsii> (дата обращения: 07.01.2021).

16. Шапинская Е. Н. Монстр как культурный герой: репрезентация монструозности в массовой культуре (начало) // Культура культуры. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monstr-kak-kulturnyy-geroy-reprezentatsiya-monstruoznosti-v-massovoy-kulture-nachalo> (дата обращения: 08.01.2021).

17. Щурина Ю. В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-v-strukture-komicheskikh-rechevyh-zhanrov-1> (дата обращения: 07.01.2021).

18. Ягодкина М. В. Мемы в интернет-коммуникации // ART LOGOS. 2019. № 2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/memy-v-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 07.01.2021).

УДК 323.2(470+571)(063).

ББК 66.0+66.3(2Рос)3я43

А. В. Олефир, *Иркутск*

Креативная солидарность: мемы в самоизоляции

Исследуются метаморфозы социального воспроизводства смеховой культуры в условиях самоизоляции, вызванной COVID-19. На примере мемов из сети интернет рассматриваются условия изменения юмора и смешного в социокультурном пространстве российского общества. Выявляются общие закономерности и возможные перспективы социального моделирования в аспекте смешного.

Ключевые слова: креативная солидарность, юмор, мемы, самоизоляция, смех, смеховая культура.

A. V. Olefir, *Irkutsk*

Creative solidarity: memes in self-isolation

The article examines the metamorphosis of the social reproduction of the culture of laughter in the conditions of self-isolation caused by COVID-19. On the example of memes from the Internet, the conditions for changing humor and the funny in the socio-cultural space of Russian society are considered. General patterns and possible prospects of social modeling in the aspect of the funny are revealed.

Keywords: creative solidarity, humor, memes, self-isolation, laughter, laughter culture.

Пандемия коронавируса для многих стала причиной тяжелого стресса. Глобальный вызов, с которым столкнулось человечество, вызывает тревогу, страх, дефицит доверия, подавленность, гнев. В сложившейся критической ситуации общество было вынуждено думать и действовать по-новому. В этот период возникли новые социальные практики, самоорганизовавшись, люди стали помогать друг другу в преодолении кризиса, в том числе, с помощью «креативной солидарности». Юмор стал механизмом, который помогает справиться со стрессом и преодолеть страх.

Комическое с древнейших времен занимало значительное место в жизни как отдельно взятого человека, так и социальных общностей. У римлян существовало изречение *Satira ridendo castigat mores* – «сатира, смеясь, исправляет нравы». «Смех есть аффект от превращения напряженного ожидания в ничто» – эта формулировка Канта положила начало рассмотрению юмора как психического механизма, результатом которого является смех. Социальные философы, психологи, социологи, филологи, культурологи обсуждают содержательно-смысловые и формально-структурные особенности функционирования юмористической информации.

Идеи о необходимости диалектического понимания единства субъективной и объективной сторон юмора появляются у Шеллинга и Гегеля. Трактовка юмора как результата взаимоотношений субъекта и объекта, субъективного восприятия объективного мира (А. Н. Лук, В. Я. Пропп, М. С. Каган, А. В. Дмитриев, И. В. Карасев) становится преобладающей в настоящее время.

Фрейд считал юмор одним из наиболее здоровых защитных механизмов. На роль смеха в разрядке психического напряжения указывал Г. Спенсер, а подробно этот механизм был описан в рамках школы психоанализа (А. Адлер, Е. Bergler, М. Grotjahn).

Пандемия показала всплеск интереса к практическому использованию юмора. Позитив, юмористическое отношение к пандемии, локдауну, самоизоляции проявляется в спонтанном народном творчестве, которое распространяется, закрепляется в массовом сознании в виде смешных мемов, реплик, анекдотов о новом смертельном вирусе, в переделках популярных песен, обычных слов и словосочетаний, лозунгов и т. д. (АнтиКептик, covidiot, covidарность). Данные вопросы рассмотрены в работах Р. Г. Ардашева [1–6] и О. А. Полюшкевич [17].

Среди отечественных ученых имеется достаточно большое количество исследований, которые посвящены изучению юмора и смеха в современном обществе и где интернет-мемам уделяется особое значение.

Например, юмор как форма изучения политического (политической иронии, политического развития и формы коммуникации) отражается в работах таких авторов как М. В. Грачевой и Е. В. Держивицким [10], Е. В. Гришановой [11], Е. А. Жигалиной [13], А. Г. Саниной [20], Е. В. Серединой [21], Н. В. Тищенко [22] и проч.

Юмор как форма нарушения социального, морального, должного прослеживается в работах Т. В. Артемьевой и Я. Г. Гараниной [7], Л. Ф. Гайнуллиной и А. М. Сафиной [9] и т. д.

Специфика изучения мема как части современного виртуального, дистанционного мира находит отражение в исследованиях Ю. А. Белкиной и Е. В. Куценко [8], Р. Р. Гузаеровой, А. И. Лаврентьева [12], Н. Г. Марченко [15], Ю. Л. Проект [18], М. Б. Ротановой и М. В. Федоровой [19], С. А. Шомовой [23] и др.

Площадкой для общения и коллективного творчества в период самоизоляции стал Интернет. Юмор в социальных сетях, блогах и СМИ выступает в роли средства примирения, урегулирования, сохранения социальных ценностей, а позитивные эмоции – доминирующими стратегиями общения. Пользователи социальных сетей используют юмор для выражения своих ключевых потребностей, где юмористические сообщения становятся ключами-подсказками для понимания их личности другими пользователями. Юмор становится инструментом пользователя социальной сети, демонстрирующим его состояние.

О том, что смех обрисовывает форму потрясений, которые переживает общество, пишет А. Бергсон в своей работе «Смех»: «Природа пользуется злом ради блага. Общество, по мере того как оно совершенствуется, все больше и больше развивает в своих членах гибкость, приспособляемость, чтобы установить все более устойчивое равновесие, что оно все решительнее вытесняет на поверхность элементы беспорядка, неизбежные в таком огромном деле, и что смех выполняет полезную роль, подчеркивая форму всех этих неровностей».

Более точно определил сущность смеха венгерский мыслитель Артур Кестлер. По его мнению, смех принимает участие в нашей борьбе за выживание и в борьбе с нашими невзгодами: «...это уникальный (роскошный!) рефлекс, не имеющий определенной биологической цели. Этот рефлекс играет большую роль в нашем умственном и физическом здоровье». Смех, по Кестлеру, созидает, освобождает, обновляет и «избавляет от страха, сковывающего нашу свободу». Юмор, конечно, не спасает от заражения, но точно помогает бороться с тревогой, абстрагироваться от насущных проблем и взглянуть на них под другим углом.

Посмотрим, на какие темы народ шутил во время первой и второй волны коронавируса. С первой волной пандемии связана тема дефицита в магазинах гречневой крупы и туалетной бумаги. Затем народ начал шутить над карантином и социальной изоляцией, после – над режимом удаленной работы, отменой массовых мероприятий...

Наибольшую популярность в начале пандемии в социальных сетях (Instagram, Facebook, «Одноклассники», «ВКонтакте») и мессенджерах (Telegram, WhatsApp, Viber) приобрели мемы.

Мемы – это забавная картинка в интернете, инструмент для развлечения, общения и творчества. Их пересылают друзьям, чтобы посмеяться,

обсуждают в комментариях, вносят в них свои коррективы. Но становится мемом та картинка, которая утрачивает какой-либо контекст и начинает использоваться в различных ситуациях.

В своей работе «Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества» Н. Г. Марченко пишет, что «интернет-мем в современной социальной сети в целом можно определить как сложное ментальное образование, представляющее собой единицу информации, передаваемую посредством сети, содержащую вербальную часть (текст) и паралингвистическую (картинка) и совместно продуцирующую какую-либо идею онлайн сообщества. Интернет-мем является обязательно результатом творческого взаимодействия пользователей социальных сетей, соответственно интернет-мем не предполагает закрепленного создателя. Цель создания интернет-мема – не появление одной законченной креолизованной записи (текст+картинка), а многократное и тиражируемое воспроизведение серии вариантов обыгрывания одной и той же социальной идеи. По сути, идея интернет-мема представляет собой текстовые кинораскадровки, что отражает монтажный принцип его построения. Особенностью интернет-мема является его строгая ориентированность на краткое и динамичное высказывание, призванное заставить реципиента продолжить идею, дать свое завершение открытого финала. Нами выделены следующие признаки интернет-мема: несоответствие, чрезмерность, преднамеренное искажение, абсурдная модель языковой картины, установка на языковую игру при выборе лингвистических средств, отражение социокультурной общности пресуппозиций коммуникантов. Все интернет-мемы в сети можно условно разделить на две группы: креолизованные мемы (картинка+текст) и собственно текстовые мемы».

На 30 января 2021 г. по статистике google.com слова в сочетании «мем», «COVID-19», «самоизоляция» и т. д. каждый день набирают более 10 тыс. человек, в месяц это примерно 300 тыс. запросов и просмотров по России. Это показывает актуальность данной тематики. К наиболее популярным примерам иронии в сети Интернет можно отнести мемы, которые уже стали «классикой».

1. Наташа и Котики

Серия мемов про Наташу и ее котиков возникла в сообществе «Котизм» в декабре 2019-го. Смешная картинка про спящую хозяйку Наташу и ее четырех пушистых питомцев стала одним из самых главных мемов в начале пандемии. Котики заглядывали в камеру, на фото каждый котик сообщал хозяйке новость: «Наташ, вставай, мы все уронили!». Картинка просто взорвала интернет. Пользователи сети начали привязывать забавное фото ко всем актуальным событиям – начиная от цен на нефть и гречку и заканчивая карантином и печенегам. Красноярская музыкальная группа Stupid Squirrel записала песню, посвященная мему. «Наташ, вставай!» – сейчас одной этой фразы достаточно, чтобы представить, как коты смотрят сверху в камеру, будят свою хозяйку, сообщая ей свои требования

и последние новости. Мем с Наташей и ее котами актуален в любой ситуации – люди стали использовать его ко всем актуальным событиям и новостям.

2. Тема социального дистанцирования

Дистанцирование – способ замедлить распространение коронавируса. Эффективной мерой в борьбе с распространением COVID-19 является физическое дистанцирование, или как принято говорить «социальное дистанцирование». Термин означает сохранение физического расстояния друг от друга в общественных местах и самоизоляцию. Конечно, это стало темой шуток и анекдотов.

3. Мем про печенегов

«Наша страна не раз проходила через серьезные испытания: и печенеги ее терзали, и половцы – со всем справилась Россия. Победим и эту заразу коронавирусную. Вместе мы все преодолеем», – с таким обращением к народу в связи с пандемией коронавируса выступил Владимир Владимирович Путин. Президент РФ хотел ободрить россиян, вселить в них надежду, поэтому в завершении своего выступления напомнил о том, что Россия сталкивалась со многими бедами и смогла все преодолеть, упомянул печенегов и половцев. Однако интернет не понял, к чему президент РФ вспомнил про печенегов. Пользователи стали активно шутить и превратили выступление Путина в мем.

4. Мемы про работу на удаленке

В «мирное время» многие мечтали работать не в офисе, а когда во многих городах России в связи с пандемией коронавируса работодатели начали переводить свои предприятия и офисы на удаленную работу, флер притягательности фриланса и удаленной работы резко пошел на спад. В сети появилась волна шуток и мемов об «удаленке». Сюжеты развивались в зависимости от пугающих пользователей перспектив – провести время с детьми, которые из-за карантина тоже не ходят в школы и детские сады, перессориться с супругом, а кто-то вообще опасался «потерять человеческий облик».

5. Классика на новый лад

Когда был озвучен запрет принимать посетителей музеев, концертным площадкам и театрам, художественный музей Гетти (Калифорния) предложил подписчикам в «Твиттере» показать в реальности свои любимые картины. Главное условие – сделать это с помощью подручных предметов. Пользователи соцсети живо откликнулись на твит и принялись постить свои косплеи. Многие участники флешмоба старались как можно более точно передать изображение на холсте – обстановку, героев полотна. Идея нашла признание и среди русскоязычных пользователей твиттера. Одним из первых ее запустил парень из Чебоксар с ником KSHR. Он, который, как и западные участники флешмоба, решил добавить задумке немного веселья. «Вместе с Леной @hitsuqi в условиях изоляции мы плещем бурными фантазиями и идеями. Вот сегодня внезапно решили, что нужно помочь всем, кто, сидя дома, скучает по выставкам и музеям. Так что дер-

жите “Музей идет к вам”. Не спрашивайте, где оригинал. Андреа Мантенья – “Святой Себастьян”», – написал пользователь в своем твитте.

Твит запустил целую волну мем-коплеев картин среди людей с постсоветского пространства. В домашних условиях, с помощью подручных средств граждане воссоздавали композиции из классических произведений живописи: «Девочка с персиками», «Сикстинская Мадонна», «Любительница абсента» и т. д. В социальной сети «Фейсбук» создана группа «Изоляция». Количество ее участников – полмиллиона.

6. Произведения художников

В художественном осмыслении бытия в условиях самоизоляции художница Женевьева Блейс предложила новую трактовку шедевров мировой живописи. Она предложила свою версию картин, как если бы они были написаны в 2020 г. И если поначалу предметом внимания были картины известных авторов, затем в ход пошли малоизвестные произведения искусства. Пользователи сети проявили недюжинную смекалку и полет творчества в условиях отсутствия реквизита. Так, например, изображая бороду, использовали картофельные очистки. Следующим шагом в творчестве стали кадры из фильмов и культовые фотографии прошлого века...

7. Девушки и карантин

Многие девушки во время самоизоляции, когда закрылись салоны красоты, начали шутить над отросшими ногтями с нанесенным гель-лаком, который в домашних условиях очень сложно удалить. Шутки, конечно, касались «натуральной красоты», как девушки собственноручно выщипывают брови, делают маникюр, наращивают ресницы. Еще одно направление – ЗОЖ и правильное питание. Когда строят планы сбросить лишний вес, а в итоге день и ночь проводят у холодильника, проверяя, что бы еще такого съесть.

8. Отпуск и карантин

Власти рассматривали открытие границ 15 июля, но 30 июня Евросоюз не включил Россию в список стран, чьим гражданам можно въезжать на территорию своих государств-членов. И жители нашей страны начали поднимать себе настроение мемами о долгожданном отдыхе.

9. Годовщина ковида

18 ноября 2020 г., в годовщину появления коронавируса, без юмора на мрачную тему не обошлось. Многие пользователи соцсетей интересуются подробности того, как началась пандемия, а само понятие – «день рождения коронавируса». Творчески осмыслить этот день пользователи решили с помощью кулинарных шедевров и создания поздравительных открыток.

Смех – единственное из наших душевных движений, которое во многом противоречит причине, его породившей. А это означает, что смех, будучи чувством несомненно положительным, оказывается ответом на событие, в котором наш взгляд или ухо, помимо всего прочего, обнаружили и нечто, подлежащее отрицанию или осуждению.

Смеховая культура поменяла акценты и смыслы смешного. А это один из показателей изменения социального воспроизводства общества. Юмор, как и всегда в истории показывал на проблемные зоны и способы их смягчения через засмеивание. COVID-19 и самоизоляция стали теми образами, что изменили повседневную реальность миллионов людей по всему миру, а это означает, что изменятся рамки приличного, смешного, нормального, тем самым поменяется наше сознание. Истина, по которой мы живем будет конструироваться иначе, чем мы привыкли [16]. После самоизоляции мы будем жить иначе, мыслить иначе, смеяться иначе и смешить иначе. Мир меняется на глазах и первым сигналом к этому являются поводы для смеха в обычной жизни граждан.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке : материалы 11-ой Всероссийской с международным участием очно-заочной науч.-практ. конф. Чита : ЗабГУ, 2020. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 56–63.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V международной науч.-практ. интернет-конференции, г. Вологда, ФГБУН ВолНЦ РАН, 23–27 марта 2020 г. Вологда : ВолНЦ РАН, 2020. С. 205–210.
4. Ардашев Р. Г. Философия и социология эпидемии: иррациональные основы // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 68–76.
5. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: консенсусные стратегические взаимодействия и новые прорывы : материалы всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. : науч. ред. Т. И. Грабельных (г. Иркутск, 10–11 декабря 2020 г.) Иркутск : ИГУ, 2020. С. 308–311.
6. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России : Всероссийская научная конференция с международным участие : сборник материалов / под общ. ред. Ю. П. Аверина. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 140–142
7. Артемьева Т. В., Гаранина Я. Г. Юмор и нарушение социальных норм у студентов // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 30. № 2. С. 173–180.
8. Белкина Ю. А., Куценко Е. В. Мем как часть интернет-дискурса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4 (9). С. 77–79.
9. Гайнуллина Л. Ф., Сафина А. М. Троллинг как форма проявления иронии в интернет-пространстве: философский и культурно-антропологический аспекты // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 2 (188). С. 153–163.
10. Грачева М. В., Держивичий Е. В. Юмор в пространстве политического: к постановке проблемы // Studia Culturae. 2017. № 33. С. 9–14.

11. Гришанова Е. В. Юмор как социокультурный и мировоззренческий фактор в политическом бытии общества // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 37–42.
12. Гузаерова Р. Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 50–54.
13. Жигалина Е. А. Ирония как средство оценки в политическом дискурсе // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2016. № 30. С. 77–81.
14. Лаврентьев А. И. Юмор в цифровую эпоху // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 1 (26). С. 25.
15. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.
16. Полошкевич О. А. Истина конструируется // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 10.
17. Полошкевич О. А. Социально-психологические последствия пандемии // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сборник тезисов : III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 1 декабря 2020 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, социологический факультет / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 169–171.
18. Проект Ю. Л. Юмор как инструмент взаимодействия пользователей сети интернет // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 190–201.
19. Роганова М. Б., Федорова М. В. Интернет-мем и киберсмеховая культура в современном обществе // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2019. № 1. С. 248–253.
20. Санина А. Г. Визуальная политическая ирония в рунете: кейс сообщества «Potsreotizm» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 9. С. 79–98.
21. Середина Е. В. Ирония в политической карикатуре // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–6. С. 66–70.
22. Тищенкова Н. В. Политический юмор в контексте современной интернет-коммуникации // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 11. С. 433–440.
23. Шомова С. А. Политический интернет-мем: сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28–41.

УДК 327.64
ББК 63.65

В. А. Хлудова, Е. А. Макаренко, *Санкт-Петербург*

Риски исторической в памяти как фактор цифровизации общества в эпоху постмодерна

Статья посвящена анализу глобальных социальных рисков, связанных с расширением информационных технологий, массовой цифровизацией, доступностью источников любой информации. Показана возможность возникновения рисковенных ситуаций в различных направлениях функционирования общества в условиях постмодерна.

Ключевые слова: виртуальное пространство, информационные технологии, коллективная память, постмодернизм, социальные риски.

V. A. Khludova, E. A. Makarenko, *Saint-Petersburg*

The risks of memory studies as a factor in the digitalization of society in the postmodern era

The article is devoted to the analysis of global social risks associated with the expansion of information technologies, mass digitalization, and the availability of sources of any information. The authors have shown the possibility of risky situations in various directions of the functioning of society in postmodern conditions.

Keywords: virtual space, information technology, memory studies, postmodernism, social risks

В данной работе мы хотим остановиться на рисках, которые возникли на фоне расширения информационных технологий, массовой цифровизации, доступности к источникам любой информации. В связи с этим знания о прошлом становятся пластичными, и каждый человек может сформировать свою картину развития событий, отличную от официальной пропаганды или навязанных политических конструкций. Речь идет о рисках искажения исторической и коллективной памяти.

Коллективная память представляет собой социальное явление, лежащее в основе преемственности и воспроизводстве смыслов и ценностей потока событий в исторической перспективе, а также передаче опыта от поколения к поколению. Основы научного изучения коллективной памяти были заложены французским социологом М. Хальбваксом, который обратился к этой теме в 1925 г. в своей работе «Социальные рамки памяти». Он исследовал инструменты коллективной памяти отдельных индивидов, а также и механизмы ее формирования в коллективах и социальных институтах. Однако наибольшее внимание к этому явлению привлекло ученых только в последние десятилетия. Вместо понятий «коллективная память», «историческая память» и «культурная память» ученые стали использовать общее понятие «социальная память». В настоящее время под социальной памятью понимается «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению» [12].

Следует указать, что субъектом социальной памяти является социальная группа, в которой она приобретает свойство эмерджентности, т. е. новое качество, которое не сводится к совокупности качеств памяти отдельных индивидов, входящих в эту группу [4].

К основным источникам социальной памяти можно отнести индивидуальную память участников исторических событий, письменную информацию и вещественные объекты. Французский ученый Пьер Нора называет их «места памяти» [9].

Развитие социальной памяти, являясь продуктом исторического развития общества, последовательно прошло несколько этапов. В дописьменном периоде развития общества коллективная память складывалась стихийно, характеризовалась общей для рода или общины информацией, передаваемой устно. На данном этапе общество не ставило перед собой цели ретрансляции информации будущим поколениям. Второй этап связан с возникновением письменности. Информация приобрела знаковую систему, была осознанно направлена на хранение для будущих поколений. Происходит селекция информации в соответствии с воззрением на нее правящей элиты. Возникают библиотеки и архивы. Третий этап связан с бурным развитием информационных технологий и возникновением различных виртуальных носителей информации. Хранение информации имеет системный характер [5].

В настоящее время социальная память переживает четвертый этап своего развития, связанный с вступлением общества в эпоху постмодерна.

Анализ сущности постмодернизма представляет собой одну из центральных проблем исследований в современных науках о развитии современной культуры и общества.

В настоящее время не существует общепринятого определения «постмодерна». Как правило, оно используется для характеристики специфических проявлений в культуре и искусстве, социологии и политике, и даже в архитектуре, возникших в конце XX – начале XXI в. Постмодернизмом представляет собой не строгое научное теоретическое направление в социальных науках, а лишь совокупность неких идей, при помощи которых ученые пытаются анализировать и обосновывать возникновение новых процессов и явлений.

Постмодернизм, возникновение которого вызвано массовым распространением информационных и интернет-технологий, привел к глобальным изменениям в структуре ценностей современного общества, не только к смещению жанров художественного творчества и словесности, но даже к переоценке многих исторических событий. Известный историк-египтолог Ян Ассман называет наше время эпохой третьей культурной революции, основным достижением которой является изобретение виртуальных средств хранения информации. При этом автор указывает на две другие масштабные революции – это изобретение письменности и книгопечатание.

В связи с этим масштабным явлением формируется новая парадигма наук о культуре, в соответствии с которой различные феномены и области «искусства и литературы, политики и общества, религии и права предстают в новом контексте» [3].

Прошлая картина мира становится пластичной, а порой даже изменчивой и противоречивой. Здесь можно упомянуть юридические претензии на право использования оригинального наименования «водка» со стороны ряда американских и польских производителей, возникшие в 1977 г. Проблема приобрела государственное значение и требовала достоверного убедительного исторического свидетельства о первенстве использования этой торговой марки со стороны СССР. Научная монография В. Похлебкина подтвердила первенство и юридическое право нашей страны на использование этой торговой марки [10].

Эта история убедительно доказывает, что далекие исторические факты могут являться основанием для формирования целого комплекса рисков. Во-первых, риска возникновения ситуации глобального перераспределения экономических ресурсов, во-вторых, риск потери источника легитимности экономического ресурса, в-третьих, риск потери репутации.

Одним из последствий массового использования виртуальных форм коммуникации стала деструкция традиционных механизмов передачи социального опыта и памяти, к трансформации воззрения на историю. Под этим подразумевается мощное движение освобождения и эмансипации

народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти социальных групп, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности.

В этой связи важным следствием потребления и усвоения информации стало возможность каждого человека по-своему интерпретировать различные события, исходя из своих знаний, воззрений и опыта. В связи с этим происходит процесс возникновения «разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности».

Эти процессы связаны с производством идентификационных рисков, которые характеризуются возможностью возникновения конфликтных ситуаций между различными социальными группами при интерпретации событий прошлого.

«Демократизация» истории преобразовалась в отрасль научного познания и обеспечила доступность разнообразных источников информации, а следовательно, привела к возможности обнаружения и распространения неизвестных или засекреченных ранее событий и фактов. Процессы деполитизации исторического знания привели к критическому отношению общества к мифологизации многих фактов истории и исторических персон. Эти тенденции были усилены, подобно триггеру, процессами глобализации [6]. Замкнутость прошлых политических субъектов позволяла сохранять преемственность исторической памяти.

Однако до сих пор, несмотря на усилия постмодернистов по деидеологизации истории, мифологизация истории сохраняется. Таким образом, возникают риски искажения исторических фактов в пользу какой-либо социальной группы. Прошлое может использоваться правящими структурами как средство манипуляции общественным сознанием, когда некоторые прошлые события подаются с определенной точки зрения, а другие искажаются или замалчиваются. Таким образом, образы прошлого могут коммерциализироваться и приобрести качество полезности подобно любому товару. В связи с этим историческая наука приспособливается к запросам рынка и даже может выполнять функцию развлечения [1].

Таким образом, можно утверждать, что подобное формирование социальной памяти в различных системах ценностных координат приводит к целому спектру социальных рисков. Во-первых, к конфликтности при взаимодействии национальных общностей, а во-вторых, к невозможности объективной оценки исторических событий, в-третьих, к кризису идентичности национальных общностей. В связи с этим выработка общей модели прошлого и консолидация российского общества становится ключевой задачей социальных и политических институтов современной России [14].

Массовое использование виртуальных средств коммуникаций приводит к еще одному риску, который связан с познавательной функцией человека. Речь идет о риске когнитивных искажений. Когнитивные искажения

нарушают процесс объективной оценки информации и самих себя. За большой вклад в изучении этих процессов основоположник поведенческой психологии Д. Канеман получил нобелевскую премию в 2002 г. Его работа объясняет особенности работы мозга при принятии решений и причины возникновения ошибок при этом [2].

В научный оборот вошли понятия «клиповая культура» и «клиповое мышление». Информационные средства коммуникаций «нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами разного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишенными смысла «клипами», мгновенными кадрами. По сути дела, мы живем в «клип-культуре» [13].

Сеть Интернет и другие технические средства коммуникаций изменили когнитивные формы восприятия информации, которая становится дробной и как бы «клиповой». На эту особенность одним из первых обратил внимание французский социолог Абраам Моль, который провел глубокий анализ эволюции формирования понятийных представлений человека о культуре в последние десятилетия и ввел в научный оборот понятие «мозаичная культура». Ученый утверждает, что в прошлом знания формировались в основном институтами образования. В современном мире наши знания представляют собой совокупность «ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений. Мы усваиваем их через средства массовой коммуникации – печать, кино, радио, телевидение, просматривая технические журналы, беседуя с окружающими, – через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей». В итоге современная культура становится «мозаичной», так как представляет множество случайных, не соприкасающихся между собой фрагментов, у которых «нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)» [8].

Можно отметить, что механизмы формирования коллективной памяти активно используются сегодня на самом высоком политическом уровне:

– внешняя политика и дипломатия – обсуждение неоднозначного прошлого как условие для функционирования политических систем и их способности проводить международную политику. Образ внешнего врага или претензии на некие территории (например, Японии на Курильскую гряду) позволяет сплачивать нацию и отвлекать население от более приземленных проблем;

– международная юстиция – определение статуса жертв и преступников, в том числе в рамках международных соглашений (например, принятие рядом стран факта геноцида Турцией армянского народа в 1915 г.);

– раскол существующих обществ – разделение Сирии на зоны влияния, этнические чистки на Балканах, народы бывшего СССР, занятые поисками идентичности, а также остальные меньшинства нашей планеты [11];

– политическая культура – моделирование политических нарративов, формулирующих отношения между обществом и историей (здесь это наглядно могут демонстрировать российские новые праздники 90-х гг., например, День народного единства или День России, когда в первом случае попытались придумать альтернативу Дню Великой Октябрьской социалистической революции, а во втором – некий аналог американского Дня независимости. Однако никаких островов коллективной памяти с данными датами нет и какой-либо культуры празднования тоже, а значит и ценности для населения они не несут, просто еще один выходной день).

Все эти и многие другие воспоминания – разрозненные или системные, имеющие какую-либо политическую или экономическую окраску создают масштабное поле для исследования. Именно изучение механизма формирования и отделение «безвредных» воспоминаний от манипулятивных, созданных для формирования раскола обществ, и является одной из задач *memory studies* [7].

Безусловно, речь не идет о создании Министерства Правды подобно вымыслу в романе Джорджа Оруэлла «1984», но, тем не менее, в России должна присутствовать системная работа в политике памяти – это деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования.

В то же время можно обратить внимание, как, например, в Польше или Украине системно ведется историческая политика среди молодого поколения. Как утверждал Миллер, «историческая политика» – это набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие. Все это может выражаться через следующие методы:

- создание специальных институтов для насаждения определенной трактовки;
- политическое вмешательство в деятельность СМИ;
- манипуляции архивами;
- разработка мер контроля за деятельностью историков, использование финансовых и статусных рычагов;
- вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории;
- принятие мемориальных законов.

Безусловно, задачей современного общества стоит не тотальный контроль за коллективной памятью и индивидами (хотя мировая ситуация с пандемией наводит на другие мысли [15], а принятие данного факта с целью формирования культуры критического мышления среди как взрослого населения, так и молодежи. Фактчекинг и критическое мышление должны стать теми навыками, которыми должны владеть в той или иной степени все пользователи сети. Это может стать лучшей прививкой для информационного общества от различного рода манипуляций и лженауки (а не со-

здание комиссий по борьбе с лженаукой при Президиуме российской академии наук). Как ни парадоксально, пандемия коронавируса ситуативно играет на руку смене развлекательной и информационной повестки – изменение уклада жизни отодвинуло на второй план новости мира «звезд» и сместило акцент на науку, исследования, статистику, в конце концов. При наличии политической воли эту ситуацию можно обратить на пользу государства и общества, уводя интерес аудитории от фактов личной/интимной жизни и идеалов общества потребления на вопросы, повышающие уровень личностного развития.

В настоящее время ученые не пришли к единому мнению, является ли новая парадигма образовательного процесса, основанная на массовом использовании сети Интернет, положительной в отношении изменения когнитивных способностей. Есть мнение, что клиповое сознание приводит к культурной деградации молодежи. При этом у молодых людей наблюдается отход от логического построения картины мира, снижается рефлексия и критическая оценка событий. Однако, с другой стороны, огромный информационный поток, который необходимо перерабатывать пользователям, приводит к постепенной адаптации мыслительных процессов и «клиповое» сознание позволяет ориентироваться в информационном мире, быстро решать несколько поставленных проблем.

Список литературы

1. Бойцов М. А. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 94.
2. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. 2003. Т. 24, № 4. С. 35.
3. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 124–125.
4. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984. С. 356–358.
5. Макаренко Е. А. Использование информационных технологий в деятельности финансовых групп // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2006. № 5–2 (47). С. 152–153.
6. Макаренко Е. А. Развитие инновационных форм влияния на поведение социума при продвижении новых продуктов // *Управление социальными инновациями* : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. А. Ильина. Чебоксары : ЧГУУ, 2019. С. 198–199.
7. Модернизация бизнеса и образования в условиях инновационного реформирования : монография. СПб. : Изд-во СПбГУЭСЭ. 2010. С. 193–194.
8. Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 325–326.
9. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб. : Питер, 1999. С. 26.
10. Похлебкин В. В. История водки. М. : Центрполиграф. 2005. С. 25.
11. Рывкин А. Штатная ситуация // *Эсквайр*. 2020. № 9. С. 102
12. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2014. С. 326–327.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2004. С. 152.
14. Устьянцев В. Б., Аникин Д. А. Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации. // *Философия и общество*. 2011. № 4. С. 59–60.
15. Makarenko E. The management of innovative personal insurance types in the pandemic period // *ICEST 2020 International Conference on Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society*, 2020. P. 342–343. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.39>

Специфика переживания социальной травмы в условиях пандемии COVID-19

Рассмотрено влияние трансформации социальной реальности на возникновение и развитие социальной травмы. Показаны конструктивные и деструктивные стратегии совладания, ресурсы на уровне индивида и группы. Раскрыта роль внешних и внутренних факторов в формировании адаптивных копинг-стратегий.

Ключевые слова: социальная травма, адаптация, копинг-стратегии, идентичность.

V. V. Popova, *Irkutsk*

The specifics of experiencing social trauma in the context of the COVID-19 pandemic

The article reviews the influence of the transformation of social reality on the emergence and development of social trauma. Explained constructive and destructive coping strategies, resources at the level of the individual and the group in this article. The role of external and internal factors in the formation of adaptive coping strategies is revealed.

Keywords: social trauma, adaptation, coping strategies, identity.

Специфика переживания социальной травмы в современных условиях связана, прежде всего, с масштабностью пандемии, затронувшей все человечество, с полным изменением привычного образа жизни миллиардов людей. В научной и публицистической литературе мы можем наблюдать сравнение пандемии COVID-19 и ее последствий со знаменитой «испанкой» столетней давности, но есть специфические особенности, приобретенные обществом за этот период, способные оказать существенное влияние на степень социальной травматизации.

К позитивным факторам настоящего времени следует отнести: наличие развитой системы коммуникации научного сообщества, возможность мгновенно обмениваться результатами исследований специалистов разных стран; наличие международных организаций, способных координировать оказание помощи, вести методическую и информационную работу в мировом масштабе (ООН); цифровизацию отраслей экономики и государственных услуг, развитие компьютерных технологий, позволяющих осуществлять рабочие, образовательные процессы и коммуникацию без непосредственных личных контактов, опасных для здоровья людей; возможность вести масштабную профилактическую работу и просвещение населения с использованием средств массовой информации, обеспечивающих максимальный охват населения.

К негативным факторам следует отнести: урбанизацию, проживание большей части населения в городах, что способствует распространяемости вируса за счет частоты контактов, скученности населения, нарушения социальной дистанции (проезд в общественном транспорте, лифте, нахождение в местах общего пользования, проживание в высотных многоквартирных домах, работы в тесных помещениях); наличие развитой транспортной

инфраструктуры, обеспечивающей быструю «доставку» с высокой скоростью вирусносителя практически в любой населенный пункт земного шара; высокую мобильность современных людей (проживая в одном населенном пункте, можно работать в другом, отдыхать за пределами региона или своей страны, даже континента); развитие индивидуализма, проявляющееся в игнорировании предписаний и рекомендаций по соблюдению мер индивидуальной защиты, отнесение себя к группе «абсолютно здоровых людей», убежденность в том, что вирус поражает только пожилых и хронически больных; рентные установки населения, проявляющиеся в пассивной жизненной позиции, ожидании помощи извне, отсутствии ответственности за собственную жизнь и здоровье, критика действий правительства на фоне несоблюдения личной гигиены и самоизоляции в условиях пандемии; повышение активности в сети Интернет, на фоне сниженной критичности мышления и неадекватной оценки последствий своих действий, приводящее к распространению фейков, панических настроений, недостоверной информации, влияющей на социальное самочувствие населения.

П. Штомпка выделяет четыре характеристики социальных изменений, связанных с травматическими событиями: временная характеристика, содержание и размах, экзогенные истоки, определенный мыслительный контекст [1]. Пандемия COVID-19 как травматическое событие обладает всеми перечисленными характеристиками, а именно: она началась неожиданно и быстро, повлияла на все сферы жизни общества (от экономики до личных прав и свобод граждан, затронула физическое и психологическое здоровье, профессиональные группы, досуг, коммуникацию), пришла извне (была воспринята как природная или техногенная катастрофа, чрезвычайная ситуация, с которой отдельно взятый человек, семья, социальная группа, государственные структуры не в силах справиться самостоятельно), обладала характеристиками, неизвестными до этого даже ученым (контагиозность, вирулентность и т. д. вируса, последствия перенесенного заболевания для организма, возможности реабилитации).

Следует подчеркнуть, что травматические события обладают объективностью и субъективностью, именно с этим могут быть связаны и столь разные реакции отдельных людей и социальных групп на происходящие события и вводимые ограничения в виде самоизоляции, невозможности проводить досуг привычными способами (вследствие закрытия либо ограничения работы кафе, ресторанов, клубов, музеев, театров, запрета на зарубежные поездки и т. д.), перевода на удаленный режим работы, введения дистанционного обучения и пр.

Можно выделить проявление травмы на биологическом, социальном, культурном уровне в контексте пандемии как травмирующего события, которое вызывается внезапным, быстрым, фундаментальным изменением основ существования людей.

Рассмотрим симптомы травмы на биологическом уровне как нарушение базовых основ безопасного существования. Угрозу своему физическо-

му существованию люди ощутили, прежде всего, на бытовом уровне. Риск заразиться в общественном транспорте, магазине, на работе, необходимость постоянно находиться в средствах индивидуальной защиты, страх заразить пожилых или хронически больных родственников, стать причиной их тяжелого состояния или даже смертельного исхода, спровоцировали ограничение социальных контактов, добровольное аутсайдерство, повышенную тревожность, психосоматические расстройства. Эти симптомы проявились вследствие отсутствия противовирусных лекарственных средств в аптечных сетях, снижения доступности медицинской помощи для плановых больных и экстренных пациентов, тревожных новостей в средствах массовой информации и т. д.

Кроме того, в результате пандемии многие профессии, считавшиеся «безопасными» перешли в разряд профессий повышенного риска. В эту категорию попали не только работники медицинских учреждений, но и работники сфер образования, социальной защиты, культуры, общественного питания, торговли и пр., которые в силу своей профессиональной деятельности вынуждены ежедневно контактировать с большим количеством клиентов. В целях профилактики многие организации ввели специальный посменный режим работы, карантинные мероприятия, включающие двухнедельную изоляцию сотрудников, в том числе от их семей, что не могло не сказаться на самочувствии специалистов. Для многих представителей отдельных профессиональных групп это стало настоящим стрессом.

Рассмотрим воздействие травмы на социальную структуру, влияние пандемии на деятельность организаций сферы образования, социальной защиты населения, работу предприятий, государственных учреждений и т. д. Резкий переход в марте 2020 г. на дистанционное обучение школьников и студентов вскрыл проблемы, существовавшие и до пандемии. К ним можно отнести низкую техническую оснащенность и обеспеченность специальными компьютерными программами образовательных учреждений, необходимость перевода источников информации (учебников, учебных пособий, дневников, рабочих тетрадей и т. д.) в цифровой формат, высокую потребность в повышении компьютерной грамотности учителей и преподавателей, а также низкое качество или отсутствие интернета в отдельных муниципальных образованиях (преимущественно, в сельских населенных пунктах). Переход на оказание онлайн-услуг учреждениями социальной защиты населения, призванный повысить доступность социальных услуг, выявил еще одну серьезную проблему – отсутствие у клиентов доступа к цифровой среде, компьютерной грамотности, возможности получить услугу «не выходя из дома» в силу отсутствия подключения к сети Интернет и соответствующих гаджетов. Люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, являющиеся клиентами социальной защиты населения, такие, как пенсионеры, малоимущие, неблагополучные семьи, лица без определенного места жительства и т. д. подверглись еще большей стигматизации в силу своей уязвимости.

Рассмотрим воздействие травмы, вызванной пандемией, на культуру. Пандемия вызвала изменение форм досуговой активности, в связи с введением режима самоизоляции и запрета или ограничения на проведение массовых мероприятий, посещение музеев, театров, концертов и пр. Для большинства людей это стало серьезным испытанием, так как современное общество признает досуг ценностью, а характер и уровень его проведения может служить основой социальной стратификации и коллективной идентичности. Особенно эта проблема затронула населенные пункты с развитой инфраструктурой, организованными сообществами по интересам.

Изменились привычные ритуалы общения, исчезли рукопожатие, объятия при встрече, возникла дистанция. Появились новые правила взаимодействия клиентов и службы доставки, когда представитель службы звонит в дверь и оставляет продукты, лекарства, товары у входа, не вступая в контакт с клиентом. Появились альтернативные жесты, призванные заменить улыбку, не видную под маской, рукопожатие (как пример, соприкосновение локтями на встрече лидеров стран).

Возникла новая культура проведения праздников внешнего и внутрисемейного календаря. Особенно это отразилось на встрече Нового года (рекомендовалось провести этот праздник в ограниченном семейном кругу, был введен запрет на массовые гуляния и новогодние мероприятия, проведение новогодних корпоративных вечеринок, банкетов) и свадьбах (перевод свадебной церемонии и торжества в цифровое пространство, ограничение числа гостей на церемонии брачующимися и свидетелями), а также ограничения на посещение родственников пожилого возраста и включение их в состав участников мероприятий.

Произошло изменение делового взаимодействия: был осуществлен переход на онлайн формы проведения родительских собраний, переговоров, консультаций, собеседований и т. д. Ряд специалистов отмечает, что такое взаимодействие имеет ряд преимуществ. В частности, есть возможность ведения видеозаписи с последующей возможностью просмотра, отсутствуют ограничения, связанные с транспортной доступностью офиса, погодными условиями, свободным временем, так как отсутствуют временные и финансовые затраты на дорогу, нет территориальных ограничений. С другой стороны, это ограничивает возможности невербального общения, создания особой «атмосферы», микроклимата, раппорта.

Таким образом, мы можем утверждать, что пандемия оказала огромное влияние на биологические, социальные, культурные аспекты существования как отдельного человека, так и всего общества. Последствия травмы коррелируют с применяемыми стратегиями совладающего поведения, связанными с адаптационными механизмами.

Р. Мертон выделяет пять типов адаптации: инновация, конформизм, мятеж, ритуализм, ретритизм. Применительно к обсуждаемой ситуации, мы можем привести ряд примеров. С одной стороны, в период пандемии получили развитие дистанционные услуги (спрос на образовательные про-

граммы дистанционного обучения резко повысилась), получили ускорение развития целые отрасли (к примеру, доставка, почтовые сервисы, интернет-магазины), активизировались гражданские инициативы (волонтерские движения не только на уровне студенчества, но и на уровне «взрослых» групп населения). С другой стороны, общество столкнулось с явлением ретритизма, проявившегося среди представителей разных социальных, демографических и профессиональных групп в виде игнорирования новых санитарных правил и норм, «ковид-диссидентства», участия в «коронавирусных вечеринках» и т. д.

Любая травма, инициируя сильнейший стресс организма, вызывает три стандартные реакции – нападение, замирание либо бегство. Это связано с оценкой значимости травмирующего события, ресурсами совладания и успешным опытом преодоления травмирующего события. Мы можем выделить некоторые группы, обладающие ресурсами совладания, социальным и культурным капиталом, помогающим осознать и определять травмы и активно противодействовать им. Но есть группы, не готовые или готовые в меньшей степени. Такие группы нуждаются в дополнительном социальном сопровождении, психологическом просвещении, патронаже, особом внимании со стороны органов социальной защиты населения, волонтерских организаций и других субъектов социальной помощи.

Копинг-стратегии, используемые во время пандемии как способ избежания последствий травмы или самой травмы, можно разделить на конструктивные и деструктивные. Конструктивные выражаются в оказании помощи другим, повышении уровня квалификации в рамках получения формального или неформального образования, организации бытового и рабочего пространства в соответствии с изменившимися условиями, в поддержании ресурсов организма путем ведения здорового образа жизни. Деструктивные проявляются в различных видах аддиктивного поведения, прокрастинации, катастрофизации события, агрессивной реакции, конфликтов с окружающими.

К основным видам копингового поведения относят проблемно-ориентированное, заключающееся в устранении источника стресса, и эмоционально-ориентированное, направленное на снижение эмоционального возбуждения, травмирующего психику. К конструктивному проблемно-ориентированному поведению можно отнести соблюдение мер индивидуальной защиты (ношение маски и перчаток в общественном месте), поддержание физической формы (путем организации посильных кардио-, мышечных нагрузок в домашних условиях) и т. д. К конструктивному эмоционально-ориентированному поведению можно отнести развитие навыков саморегуляции, стрессоустойчивости (путем организации творческого, интеллектуального досуга с помощью арт-технологий, повышения психологической компетентности) и т. д.

Специалистами отмечается, что использование неконструктивных копинг-стратегий ведет к развитию и усугублению патологических процес-

сов, углублению стрессового состояния. Применение стратегии зависит от личностных и средовых факторов.

К факторам, помогающим снизить травматичность события и повысить шансы на выработку конструктивной копинг-стратегии, мы можем отнести: образованность, работу в организации с возможностью удаленного режима функционирования, владение навыками активного пользователя техническими средствами, стрессоустойчивость, стабильность материального положения и дохода, благоприятный микроклимат в семье и т. д. Наличие этих факторов не является гарантией отсутствия травматизации как таковой, но позволяет сохранить прежний социальный статус, не требует существенной альтернативы как механизма ресоциализации личности в процессе изменения объективной и субъективной реальности, препятствует кризису индивидуальной и коллективной идентичности, трансформации смыслов.

К факторам, повышающим риск нанесения травмы и препятствующих выработке конструктивной копинг-стратегии мы можем отнести: низкий культурный уровень, конфликты в семье, внешний локус контроля, работу в отраслях, наиболее пострадавших от пандемии вследствие введения ограничений (туризм, ресторанный и гостиничный бизнес, сфера развлечений и досуга), низкую информированность, ригидность, иждивенческие установки и т. д.

Последствия социальной травмы, нанесенной пандемией, будут ощущаться не одно десятилетие, влияние на экономику, образование, культуру, демографическую ситуацию, общество в целом предстоит изучать в ходе междисциплинарных исследований, научное сообщество имеет возможность быть наблюдателем и участником великого явления. Современные методы исследования позволяют осуществлять не только диагностику, но и моделирование данной ситуации с выработкой рекомендаций по преодолению социальной травмы, которые могут включать в себя, в том числе, развитие реабилитационных центров для лиц, пострадавших от коронавирусной инфекции.

Список литературы

1. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс, 2001. № 1. С. 6–16

Проявление социальной солидарности в период пандемии

Рассматриваются вопросы социальной солидарности международного и российского обществ во время пандемии COVID-19. Затрагивается отношение к оценке эффективности мер, принимаемых ВОЗ в рамках борьбы с пандемией. Дается определение социальной солидарности в рамках различных подходов. Указываются перспективные направления активного взаимодействия общества и государства. Выделяются признаки следования стратегии солидарности.

Ключевые слова: социальная солидарность, социальное сотрудничество, пандемия, коронавирус COVID-19, социальное здоровье.

Kh. V. Taysumova, P. Kh. Nazaeva, *Groznyy*

Manifestation of social solidarity during pandemic period

The article discusses the issues of social solidarity between international and Russian societies during the COVID-19 pandemic. The attitude to the assessment of the effectiveness of measures taken by WHO in the fight against the pandemic is discussed. The definition of social solidarity is given within the framework of various approaches. The perspective directions of active interaction between society and the state are considered. The authors highlight the signs of following the strategy of solidarity.

Keywords: social solidarity, social cooperation, pandemic, coronavirus COVID-19, social health.

11 марта 2020 г. на пресс-брифинге Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения было объявлено о начале новой мировой пандемии – коронавируса COVID-19. В выступлении Генерального директора ВОЗ отмечалось, что пандемия затронула 114 стран из около 200, входящих в разной форме в систему ВОЗ. При этом на начало марта 2020 г. в обоснование принятого ВОЗ решения приводились следующие цифры: «свыше 90 процентов от 118 тыс. случаев, зарегистрированных в 114 странах мира, приходится на долю всего четырех стран, две из которых – Китай и Республика Корея – наблюдают существенно уменьшающиеся эпидемии. В 81 стране не зарегистрировано ни одного случая заболевания, а в 57 странах зарегистрировано не более чем по 10 случаев» [2]. В этом обращении ВОЗ также подчеркивалась необходимость консолидации усилий мирового сообщества в деле сохранения общественного здоровья и координации мер по противодействию новой коронавирусной инфекции.

Известно, что правительства государств несут ответственность за здоровье своих народов, и эта ответственность требует принятия соответствующих мероприятий социального характера в области охраны здоровья населения. Пандемия научила людей и общество в целом больше ценить жизнь и собственное здоровье, обнаружила новые связи социального здоровья и безопасности, взаимодействия человека и общества, научила критериям принятия человеком социальных норм и ценностей в период мировой эпидемии. В то же время пандемия коронавируса COVID-19 стала вызовом не только для врачей, но и для населения всей планеты. Она превратилась в социальное бедствие глобального масштаба, не только с меди-

цинскими, но также экономическими, юридическими и социальными последствиями.

За месяцы, прошедшие после объявления ВОЗ пандемии коронавируса, большинством стран были приняты решения и обозначены конкретные меры в пределах обозначенной компетенции ВОЗ и направленные на решение выдвинутых ею четырех основных задач:

- во-первых, принятия мер по обеспечению готовности;
- во-вторых, выявления больных, оказание им помощи и лечения;
- в-третьих, предупреждение дальнейшего распространения инфекции;
- в-четвертых, поиск инновационных решений и изучение опыта [3].

Принятие таких мер продемонстрировало максимальную солидарность ряда стран и их присоединение к принимаемым ВОЗ решениям, особенно – на начальном этапе пандемии. Позднее, по мере распространения пандемии на другие страны и, прежде всего США, стала формироваться иная стратегия взаимодействия с ВОЗ – стратегия противостояния и недоверия.

Таким образом, несмотря на неоднозначное отношение к оценке эффективности мер, принимаемых ВОЗ в рамках борьбы с пандемией в целом, в общественном мнении стал наблюдаться тренд двуполярной направленности – поддержки и координации мер по борьбе с пандемией с одной стороны, и критики в отношении мер ВОЗ – с другой.

По мнению исследователей, солидарность как одну из стратегий поведения больших социальных групп можно рассматривать в рамках различных подходов [5]. В широком смысле солидарность – это «особое состояние группового, корпоративного, коллективного сознания – ощущения взаимосвязи, чувство «мы», основанное на реальном положении данного сообщества во взаимодействии с другими сообществами» [6]. Под солидарностью также понимают «состояние готовности данной группы (социального слоя, этнической или иной общности) к совместным акциям для утверждения собственных интересов» [6].

Проблема социальной солидарности, обеспечивающей стабильное состояние общества в разные периоды его развития и, особенно, в кризисные периоды, легла в основу особого учения в социологии – учения, основанного на согласии (консенсусе). «Социальный консенсус, как правило, достигается на основе согласования и взаимных уступок субъектов (групп, общностей, институтов, государств)» [4]. Та или иная степень согласия в понимании целей обществ, развития и средств их достижения, как и согласованность в реальных достижениях, считалась необходимым условием успешного социального взаимодействия, сотрудничества и консолидации [4].

В частности, основоположник понимающей социологии М. Вебер отмечал, что «действия, ориентированные на ожидание определенного поведения других, которые имеют вследствие этого эмпирически значимый шанс на то, что ожидания оправдаются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо до-

говоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям как к «значимым» по своему смыслу для их поведения. Мотивы, исходя из которых можно ждать подобного поведения других, в концептуальном аспекте безразличны». Действия общества, ориентированные на шансы подобного «согласия», он называл действиями, основанными на согласии [1].

На фоне мер, предпринимаемых правительствами стран по борьбе с пандемией коронавируса, можно отметить значительное число поведенческих действий различных социальных групп и, в целом общества, которые можно отнести к паттерну согласия и солидарности.

Так, следует согласиться с испанскими учеными Мартином-Фумадо, С. Гомесом-Дуран, Э. Л. Бенетом-Траве, Дж. Барберией-Маркалейн и Э. Аримани-Мансо, что «многие заинтересованные стороны, похоже, не полностью поняли, что означает глобальный пандемический кризис и какие усилия предпринимаются для сдерживания этой чрезвычайной ситуации. Наши общества и системы здравоохранения не были готовы к пандемии COVID-19, и это подняло этические и медико-правовые проблемы. Ученые поясняют, что в Испании был очевидный конфликт между обязанностью врачей заботиться о пациентах и их правами защищать свое здоровье, свои семьи и близких. Тем не менее, заражение медицинских работников является неотъемлемым профессиональным риском для медицинских работников, и наш Уголовный кодекс наказывает специалистов, связанных с охраной здоровья населения, которые «не в состоянии оказать помощь» нуждающемуся лицу, но в то же время и для этих работников должны быть созданы надежные гарантии для того, чтобы они могли защитить себя» [7].

В целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией в большинстве стран были приняты ограничительные и запретительные меры, которые формально не отвечали признакам чрезвычайной ситуации, но содержали предписания, характерные для них.

Например, официально в Российской Федерации и ряде других стран были приняты меры, которые характеризуются как режим повышенной готовности, а также иные ограничительные меры санитарно-эпидемиологического характера. Такие меры не соответствовали режиму чрезвычайной ситуации, который не был введен, но ориентировали государственные органы и население на поведение. Эти меры не содержали прямого запрета или ограничения прав и свобод, содержащихся в законе «О чрезвычайной ситуации», но накладывали ряд ограничений на права населения и налагают на него дополнительные обязанности. При этом одновременно был введен ряд дополнительных полномочий организационно-распорядительного и запретительного характера для органов власти.

Ограничения, связанные с пандемией, прежде всего, закрытие промышленных предприятий и торговых организаций, «перестроили» нынешнюю мировую финансово-экономическую модель, привели к экономическим неурядицам, а в отдельных странах к обострению социального неравенства, к протестам и митингам по поводу ограничительных мер, введе-

ния карантина для сдерживания эпидемии коронавируса. Всемирная пандемия обнажила основные социальные и правовые изъяны в разных странах, что уже повлекло, и повлечет в ближайшем будущем далеко идущие неблагоприятные последствия для жизни мирового сообщества.

Подводя итог анализа выявленных в период распространения пандемии коронавируса стратегий взаимодействия власти и общества можно отметить, что ведущими стратегиями вступают модифицированные чрезвычайными обстоятельствами меры, предпринимаемые органами власти и отражающиеся в массовом поведении различных социальных групп в стратегиях солидарности и противоборства.

В целом описанным в социологической науке стратегиям конфликтного и солидарного взаимодействия в период пандемии коронавируса наряду с общими свойственны и специфические признаки.

Так, признаками следования стратегии солидарности выступают:

- массовая поддержка населением практически всех стран запретительных и ограничительных мер в период информационной неопределенности и COVID-бури на начальных этапах пандемии;

- высокий уровень самоизоляции населения даже при не обозначенных ранее мерах наказания и отсутствии прецедентов разрешения споров по принимаемым запретительным и штрафным мерам к нарушителям запретов;

- бурный рост волонтерских и иных общественных инициатив по поддержке нуждающихся, продвижению государственных мер, информационной позитивной окраске усилий системы здравоохранения по борьбе с коронавирусом;

- мощная, зачастую проактивная роль СМИ в освещении событий на фоне борьбы с пандемией;

- интеграция усилий правительств и профессиональных врачебных сообществ в принимаемых мерах, в оценке их эффективности и одобрении законодательных и правоприменительных мер чрезвычайного характера или повышенной готовности.

Список литературы

1. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесловие Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 495–499.

2. Вступительное слово генерального директора ВОЗ на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года / Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19-11-march-2020> (дата обращения: 20.12.2020).

3. Глава V Устава ВОЗ «Всемирная ассамблея здравоохранения» / Гарант. URL: <https://base.garant.ru/2540328/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe> (дата обращения: 20.12.2020).

4. Иванов В. Н. Консенсус социальный // Социологический словарь ; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М. : Норма-Инфра-М, 2010. С. 190.

5. Ядов В. А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 90–93.

6. Ядов В. А. Солидарность / Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 439.

7. Martín-Fumadó C., Gómez-Durán E. L., Benet-Travé J., Barbería-Marcalain E., Arimany-Manso J. Liability claims in Spain post-COVID-19: A predictable scenario // *Legal Medicine*. 2020. Вып. 47. 101745. <https://doi.org/10.1016/j.legalmed.2020.101745>.

УДК 314.64/316.53
ББК 60.56

В. А. Скуденков, *Иркутск*

COVID-19 в чреде эпидемий: мигранты в оценках общественности

Рассматривается оценка общественного мнения в восприятии мигрантов как переносчиков заболеваний. Особое внимание уделяется пандемии COVID-19 как одной из последних эпидемий, изменивших отношение к мигрантам в худшую сторону. Приводятся результаты экспресс-опроса населения, направленного на предмет отношения к мигрантам в период пандемии, которые подтвердили наличие социальных стереотипов и убеждений в отношении данной группы населения, не всегда имеющих фактическое подтверждение.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, система здравоохранения, мигранты, беженцы.

V. A. Skudencov, *Irkutsk*

COVID-19 among epidemics: migrants in public assessments

The article examines the assessment of public opinion in the perception of migrants as carriers of diseases. Particular attention is paid to the COVID-19 pandemic as one of the latest epidemics that changed attitudes towards migrants for the worse. The article presents the results of a rapid survey of the population aimed at attitudes towards migrants during a pandemic, which confirmed the existence of social stereotypes and beliefs in relation to this population group, which are not always factually confirmed.

Keywords: COVID-19, pandemic, healthcare system, migrants, refugees.

COVID-19 стал точкой пересмотра отношения к мигрантам и беженцам по всему миру. Данные категории стали стигматизируемыми по определению, что ухудшило их социальное положение еще более сильно (уровень жизни понизился, доступ к еде и воде ограничился), при этом, вероятность заражения в разы выше, чем у основного населения любой страны. Адаптация мигрантов происходит достаточно разнообразно (А. В. Завьялов [10–15]), но при этом требует, во-первых, готовности государства на реализацию миграционной политики, особенно в условиях пандемии, во-вторых, трансформации общественного мнения в сторону большей лояльности и толерантности в их адрес. Формирующиеся предрассудки в адрес мигрантов могут усиливать существующие практики стигматизации и социального дистанцирования (О. А. Полюшкевич) [18], и усложнять процессы социальной адаптации и социально-психологического поведения в условиях пандемического общества (В. А. Скуденков) [19–20] и разнообразных социальных стратегий объяснения происходящих процессов: от конспирологических теорий до иррациональных страхов личного и социального происхождения (Р. Г. Ардашев) [2–9].

Опыт других пандемий должен и может быть уроком для современных властей – к чему следует готовиться, а чего можно избежать, выполняя минимальную работу по профилактике и взаимодействию с данными категориями граждан. Достаточно аксиомичным является тот факт, что непрямые условия воздействия на здоровье приводят к более высокой смертности. В результате пандемии прекращение медицинских поставок, закрытие медицинских учреждений или ограниченный доступ к ним перегружают систему здравоохранения, в особенности в гуманитарном отношении [16; 17]. Эти ограничения еще больше обостряют уже существующее неравенство в распределении ресурсов между городской и сельской местностью, а также в неофициальных местах проживания беженцев и мигрантов. Люди, уже имеющие тяжелые хронические заболевания и нуждающиеся в постоянном лечении, находятся в зоне риска – гибели или осложнения заболеваний, они также подвержены тяжелой форме или фатальному протеканию COVID-19.

В 2014–2016 гг. из-за ограниченного доступа к лечению малярии, СПИДа, туберкулеза в Гвинее, Либерии, Сьерра-Леоне умерло 10 600 человек [1]. Исследования показывают, что даже при условии доступа к медицинским ресурсам во время вспышки свиного гриппа в 2009 г. из-за перегрузки здравоохранения было зафиксировано большее, чем обычно, количество смертей от инфарктов, инсультов и сердечной недостаточности [1].

Реагируя на пандемию COVID-19, важно продумывать все возможности медицинского обеспечения и альтернативные методы терапии таких заболеваний, как СПИД, туберкулез, а также неинфекционных заболеваний. Необходимо защищать работников здравоохранения, гарантируя их безопасность. Важно предоставить беженцам и медицинским работникам, контактирующим с ними, доступ к проведению тестов и лечению.

Одна из проблем состоит в том, что беженцы, находясь в стесненных пространственных условиях жизни, не могут позволить себе соблюдать социальное дистанцирование. Ответом на данную гуманитарную ситуацию должно стать стратегическое планирование управления большими скоплениями людей, а также усиление мониторинга и тестирования, чтобы обнаруживать заболевание как можно раньше.

Мы провели экспресс опрос россиян, на предмет отношения к мигрантам в период пандемии. В исследовании приняло участие 1250 человек из всех субъектов РФ, 65 % женщин и 35 % мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, имеющих разный социально-профессиональный статус.

Респонденты указывали на то, что мигранты являются первыми переносчиками инфекции, так у них ограничены ресурсы по профилактике и базовому лечению любых заболеваний – 76 %. И только четверть опрошенных (24 %) говорила о том, что и мигранты и в той же мере – другие участники любого сообщества могут стать носителями и распространителями инфекций.

С мигрантами приходит: упадок (24 %), болезни (31 %), увеличение преступности (22 %), неуверенность в будущем (10 %) и только 13 % отметили позитивные перемены: занимается низкооплачиваемая физическая работа, что позволяет остальному населению искать более высокооплачиваемый труд (хотя, при не нахождении последнего – этот же аргумент становится поводом для упрека мигрантам). Картина для основного населения существенно отличается: по отрицательным тенденциям в два раза, и по положительному увеличена в два раза: упадок (10 %), болезни (21 %), увеличение преступности (8 %), неуверенность в будущем (13 %) и 48 % отметили позитивные перемены.

Для 64 % женщин и 46 % мужчин – мигранты несут увеличение рисков по заражению COVID-19. Остальные респонденты признают угрозу, но не ставят ее во главу угла.

На рисунке представлено сравнение рисков заболевания COVID-19 при контактах с мигрантами и при их отсутствии.

Рис. Сравнение рисков заболевания COVID-19 при контактах с мигрантами и при их отсутствии

Особое внимание следует уделять подгруппам, наиболее уязвимым к заболеванию COVID-19, а именно людям старше 50 лет, тем, у кого ослаблен иммунитет, а также страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями, респираторными заболеваниями и диабетом. Опыт борьбы с лихорадкой Эбола и острым респираторным синдромом (SARS) показывает, что прозрачность, доверие и общественное партнерство являются ключом к контролю над COVID-19. Опыт эпидемии SARS продемонстрировал, насколько важными являются ранняя диагностика, уменьшение риска контакта с уязвимыми группами, а также международные коллаборации.

Эффективная коммуникация и доверие общественности – решающие факторы успеха мер, предпринимаемых публичным здравоохранением, так как они опираются на кооперацию между заболевшими и сообществами, в которых они находятся. Не менее значимы доверие и коммуникация с беженцами, которые, как показывает практика, испытывают недоверие к представителям государства, взаимодействующим с ними.

Ограничение свободы и передвижения не следует применять по отношению к беженцам дискриминационно. Запрет на перемещение вместе с популистской риторикой, возлагающей ответственность за распространение вируса на «чужаков», стигматизирует мигрантские сообщества и подрывает цели публичного здравоохранения. Беженцам следует тщательно объяснять роль и необходимость карантина.

Перемещенное население, в том числе мигранты и беженцы, как правило, первыми встречают удар стигматизации и несправедливых обвинений в распространении болезни, при этом они больше других уязвимы во время пандемии как в отношении самого вируса, так и в отношении мер, направленных на борьбу с ним. COVID-19 делает уже уязвимых людей еще более уязвимыми по экспоненте, и она еще не достигнута. Реагируя на эпидемию COVID-19, следует помнить уроки прошлого и обеспечивать перемещенное население тестами, лечением так же, как и остальное население. Пренебрежение и невнимание к беженцам и мигрантам ведут к сокрытию симптомов и необращению за помощью. Защита наиболее уязвимых групп – это не только моральный императив, но и необходимая цель публичного здравоохранения: здоровье одного – здоровье всех.

Список литературы

1. COVID-19 in humanitarian settings and lessons learned from past epidemics / Lau L. S., Samari G., Moresky R. T., Casey S. E., Kachur S. P., Roberts L. F., Zard M. // *Nature medicine*. 2020. 8 April. URL: <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0851-2>
2. Ардашев Р. Г. COVID-19: влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России // Всероссийская научная конференция с международным участием : сборник материалов. / под общ. ред. Ю. П. Аверина. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 140–142
3. Ардашев Р. Г. Иррациональные стратегии восприятия здоровья и болезни // *Инновационные технологии в фармации*. Вып. 7 : сб. науч. тр. / под ред. Е. Г. Приваловой. Иркутск : ИГМУ, 2020. С. 328–332.
4. Ардашев Р. Г. Философия и социология эпидемии: иррациональные основы // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 68–76.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции, г. Вологда, ФГБУН ВолНЦ РАН, 23–27 марта 2020 г. Вологда : ВолНЦ РАН, 2020. С. 205–210.
6. Ардашев Р. Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: консенсусные стратегические взаимодействия и новые прорывы : материалы всероссийской с международным

участием науч.-практ. конф. / науч. ред. Т. И. Грабельных. (г. Иркутск, 10–11 декабря 2020 г.) Иркутск : ИГУ, 2020. С. 308–311.

7. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.

8. Ардашев Р. Г. Самосохранительное поведение и нетрадиционные методы лечения в период пандемии COVID-19: анализ социальных практик // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : сборник тезисов: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 1 декабря 2020 г., Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, социологический факультет / под общ. ред. А. И. Антонова. Москва : МАКС Пресс, 2020. С. 105–107

9. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 56–63.

10. Завьялов А. В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1–11.

11. Завьялов А. В. Актуальные вопросы государственного регулирования социальной адаптации мигрантов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. С. 143–164.

12. Завьялов А. В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2018. № 2. С. 104–107.

13. Завьялов А. В. Миграция в социокультурном контексте общественных трансформаций // DIXI – 2018: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сб. науч. тр. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2018. С. 117–127.

14. Завьялов А. В. Проблемы управления процессами социальной адаптации мигрантов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы I Всероссийской науч.-практ. конф. 2019. С. 308–318.

15. Завьялов А. В. Ресурсы и условия социальной адаптации мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 8–19.

16. Коронованная пандемия и зачарованный мир : монография / под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой ; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2020. 408 с.

17. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М. : ИПК Парето-Принт. 2020. 44 с.

18. Полошкевич О. А. Современные реалии социальной исключенности // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 31–38.

19. Скуденков В. А. Переживание неопределенности при пандемии // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во 2020. С. 426–429.

20. Скуденков В. А. Психология (не)болезней // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 273–278.

Е. В. Решетникова, Т. В. Семейкина, Е. В. Мадойкина,
Иркутск

Специфика консолидации работы учреждений социального обслуживания населения в период COVID-19: региональный аспект

Рассматривается специфика функционирования учреждений социальной защиты населения в Иркутской области. Освещаются основные вопросы, проблемы с которыми пришлось работать специалистам учреждений социальной защиты населения и получателям социальных услуг. Приводятся результаты социологического исследования, проведенного в рамках написания выпускной квалификационной работы на кафедре социальной работы ИСН ИГУ. Используются такие эмпирические методы, как анкетирование, экспертный опрос, анализ нормативных правовых документов и анализ статистических данных.

Ключевые слова: социальная защита, социальная работа, формы и методы социальной работы, социальное обслуживание.

E. V. Reshetnikova, T. V. Semeikina, E. V. Madoikina, Irkutsk

The specificity of consolidation of the work of social service institution of population in COVID-19 period: regional aspect

This article is devoted the specificity of functional of institutional of social services of the population in the Irkutsk region. It also hidhldigts the main issues, problems with which specialists of social protection institution and recipients of social services had to work. The article presents of the results sociological research, conducted as part of the writing of the scientific work at the chair of social work of the institute of social sciences of Irkutsk state university. The scientists used such empirical methods as questionnaires, expert survey, analysis of regulatory documents and analysis of statistic data.

Keywords: social protection, social work, form and methods of social work, social service.

Человечество в своем историческом развитии находится в процессе изменения и преобразования общества, политики, экономики, самого человека. В цивилизованных государствах одним из признаков качества жизни является возможность граждан пользоваться системой разнообразных услуг: информационных, правовых, транспортных, культурных, образовательных, медицинских, социальных и других. Все указанные признаки сохраняют свою актуальность и сегодня, однако их содержание и характер во многом меняются на фоне охватившей мировое сообщество пандемии COVID-19.

Одним из важнейших условий деятельности учреждений социального обслуживания является эффективное оказание социальных услуг, в рамках которого содержатся данные о клиентах социального обслуживания и предоставленных им услугах, а также результаты их предоставления. Для получения общей информации необходима система критериев и показателей оказания социальных услуг. Каждый критерий является объективным, отличительным признаком, отражающим качественно и количественную информацию о деятельности учреждения, а также его структурных подразделений.

В период пандемии коронавирусной инфекции, наряду с диагностикой и лечением заболевших COVID-19, социальная помощь населению становится главным элементом государственной социальной политики. Общество, в котором главенствует социальная сплоченность и солидарность, никогда не оставляет без внимания людей в тех ситуациях, где они не могут помочь себе сами. К таким относятся граждане пожилого возраста и инвалиды, в том числе дети-инвалиды, малоимущие граждане, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица без определенного места жительства и иные категории граждан, признанные нуждающимися в социальном обслуживании. Которые являются получателями социальных услуг в учреждениях социального обслуживания. На территории Иркутской области функционируют 87 таких учреждений.

В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции Указом губернатора Иркутской области от 18 марта 2020 г. № 59-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», а также Указом губернатора Иркутской области от 14 мая 2020 г. № 146-уг «О внесении изменений в Указ губернатора Иркутской области от № 59-уг» учреждения социального обслуживания перешли на дистанционные формы работы, посредством телефонной связи и интернет – ресурсов. При необходимости специалисты выезжали на дом к гражданам для оказания помощи, оформления документов с соблюдением необходимых мер безопасности.

Благодаря развитию стационарозамещающей технологии, которая направлена на улучшение условий жизнедеятельности, при сохранении их пребывания в привычной среде, месте их проживания, оказывались услуги социальными работниками-сиделками, которые был предоставлен полным комплексом услуг по уходу за гражданами, утратившими способность самостоятельно себя обслуживать.

В десяти учреждениях продолжили работу Службы ранней помощи, для своевременного выявления и оказания помощи детям с ограниченными возможностями здоровья, детям-инвалидам и семьям, их воспитывающих. Которые представляют собой группу специалистов различных специальностей, оказывающих помощь конкретному ребенку и членам его семьи, а также детям, имеющим риск возникновения таких нарушений в более старшем возрасте и их семьям.

Дистанционно работали службы «Родительская приемная» базе трех КЦСОН индивидуальную консультацию психолога, юрисконсульта, специалиста по реабилитации. Их целью является обучения родителей детей-инвалидов методам реабилитации и развития ребенка, предоставления различных видов социальных услуг.

Благотворительный фонд «Оберег» продолжил свою деятельность по предоставлению социальных услуг в стационарной форме лицам БОМЖ и лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в рамках реализации

Комплекса мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 гг. в соответствии с соглашением о предоставлении из областного бюджета субсидии юридическому лицу на возмещение затрат в связи с предоставлением гражданину услуг, предусмотренных индивидуальной программой и заключенным между министерством и Благотворительным фондом.

Социальные услуги несовершеннолетним и семьям в Иркутской области продолжили предоставлять двадцать восемь учреждений, такие как: пятнадцать центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, семь социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних и шесть центров социальной помощи семье и детям.

Не прекратили свою работу отделения социальной реабилитации несовершеннолетних с круглосуточным пребыванием и сопровождение замещающих семей, находящиеся в пятнадцати комплексных центрах социального обслуживания населения и центрах помощи семье и детям.

В связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией, введенный режим самоизоляции не нарушил работу службы сопровождения замещающих семей. В онлайн формате оказывались индивидуальная консультативная помощь замещающим родителям семей, состоящих на сопровождении и членам их семей, а также кандидатам в приемные родители.

В период самоизоляции Школа приемных родителей проводилась в очно-заочной форме. В муниципальных образованиях Иркутской области продолжили работу 40 Школ приемных родителей. Специалисты отделений непрерывно продолжали проводить работу по подготовке кандидатов в приемные родители. В связи с тем, что на данном этапе не было возможности использовать традиционные методы работы, были подобраны удобные и безопасные формы работы с кандидатами в дистанционном формате. Для этого дополнительно были подобраны консультации, видео материалы, которые служили помощью для кандидатов в освоении материала. Вместе с тем активно использовались социальные сети и мессенджеры (с использованием программ Skype, WhatsApp, Viber), с помощью которых была возможность общения, не выходя из дома. Происходило активное включение кандидатов со специалистами в дистанционное взаимодействие. Данный вид взаимодействия позволяет ознакомить с новым материалом, проконсультировать, ответить на интересующие их вопросы, прислать задания для самостоятельной работы, провести анализ готовности и возможности кандидатов для принятия ребенка в семью.

Несмотря на все трудности, возникшие в связи с самоизоляцией учреждений, не прекращали работу отделения социальной службы экстренного реагирования. Основной целью отделений является – оказание экстренной социальной и правовой помощи несовершеннолетним, оказавшимся в социально опасном положении, профилактика семейного неблаго-

гополучия, насилия, детской безнадзорности и правонарушений. Осуществлялись выезды в семьи, проводились и составлялись актов обследования в целях защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе и межведомственные выезды с привлечением органов опеки не более двух человек, с использованием средства индивидуальной защиты органов дыхания и средства для дезинфекции рук. В рамках межведомственного взаимодействия осуществлялось организованное взаимодействие всех субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В период самоизоляции по коронавирусу обращения в службу экстренной психологической помощи по телефону «Всероссийский детский телефон доверия 88002000122» от детей, подростков и их родителей в целом проходили по тем же самым вопросам, которые были и до карантина. Это отношения со сверстниками, детско-родительские отношения, жесткое обращение в семье и вне семьи, суицидальные звонки, экзистенциальные. В связи с ограничением передвижения, дистанционным обучением в общеобразовательных учреждениях увеличились звонки с тревожными состояниями, паническими атаками, нервно-психическим напряжением, а также увеличилось количество справочных звонков по вопросам медицинских и социальных услуг.

В рамках исследования экспертам по данной теме был задан ряд вопросов. Развернутые ответы, полученные в ходе проведения экспертных интервью, показали высокую заинтересованность участников опроса в тематике опроса.

В первом вопросе интервью мы попросили экспертов выразить свое мнение о наиболее востребованные технологии социального обслуживания в условиях самоизоляции. Несмотря на то что эксперты работают с различными категориями граждан, их мнения являются довольно схожими. Наиболее востребованными оказались цифровые технологии, такие как дистанционное обучение, виртуальный туризм, досуговая деятельность, межведомственное взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления, различными организациями и учреждениями, электронный документооборота. Результатом применения данных технологий явилось повышение качества жизни в период изоляции, сохранение позитивного отношения к жизни и социальной активности, межличностное общение, обогащение эмоциональной жизни, расширение культурно-познавательного кругозора. Оказание консультативной и экстренной психологической помощи, посредством телефонной связи и сети интернет. Оказание социально-бытовых услуг, таких как доставка продуктов и медикаментов на дом, оплата коммунальных платежей, выписка рецептов.

В ответах на второй вопрос мы попросили определить наиболее эффективные технологии социального обслуживания в условиях самоизоляции. Практически все участники опроса отметили предоставление дистанционных социально – психологические услуги, которые включают в себя

оказание бесплатной консультативной и экстренной психологической помощи по телефону, для всех категорий граждан.

Перспективы развития технологий социального обслуживания после окончания режима самоизоляции в Иркутской области эксперты видят в развитии интернет-пространства для организации более значимых и больших мероприятий онлайн-мероприятий, участие в дистанционных конкурсах, создание сети социальных контактов для онлайн общения с получателями социальных услуг, при возникновении трудностей и нахождения путей выхода из сложившейся ситуации, оказание социальных услуг дистанционно.

Несмотря на все плюсы цифровых и дистанционных технологий, эксперты отмечают большую важность личного общения и возвращения к привычным социальным проектам.

В ответах на вопрос: «С какими организациями, по Вашему мнению, возможно сотрудничество в рамках социального партнерства и межведомственного взаимодействия при применении перспективных технологий социального обслуживания в Иркутской области?» эксперты сошлись во мнении, что такими являются: общественные организации, различных форм собственности; благотворительные фонды; учреждения системы профилактики; НКО; волонтерские организации; учреждения здравоохранения и культуры; здравоохранительные и образовательные организации; компании сотовой связи.

В результате экспертного интервьюирования, нами было выявлено, что не все востребованные услуги социальные технологии оказались также эффективными. Отсутствие личного общения сказалось на эффективности социального обслуживания.

К перспективам развития, по мнению большинства экспертов, можно отнести развитие цифровых технологий и интернет пространства. Для организации дистанционного обучения, взаимодействия со всеми участниками реабилитационного процесса, а также развития технологий социокультурной реабилитации получателей социальных услуг, Участие в различных онлайн-мероприятиях как на территории Иркутской области, так и всероссийских, международных уровнях, позволит своевременно получать сведения о новых инновационных проектах, технологиях, улучшающих качество социального обслуживания. Основной проблемой здесь является техническая оснащенность как учреждений, так и получателей социальных услуг.

Таким образом, деятельность учреждений социального обслуживания Иркутской области в условиях самоизоляции характеризуется разнообразием форм и технологий социального обслуживания, с их уровнем организации труда и квалификации персонала, обеспечило то или иное качество работы и ее эффективность. Следует отметить, что, согласно экспертному опросу, развитие цифровых технологий и интернет-пространства положительно скажется на развитии интернет-пространства для организации бо-

лее знаковых и большие мероприятия онлайн-мероприятий, участие в дистанционных конкурсах, создание сети социальных контактов для онлайн общения с получателями социальных услуг, при возникновении трудностей и нахождения путей выхода из сложившейся ситуации, оказание социальных услуг дистанционно. Однако несмотря на все плюсы цифровых и дистанционных технологий, отсутствие личного общения существенно скажется на эффективности социального обслуживания.

Для определения проблемных аспектов в условиях самоизоляции получателей социальных услуг использовался метод социологического исследования – анкетирование получателей социальных услуг.

В опросе приняли участие 50 чел. (100 %), которые являются сотрудниками учреждений социального обслуживания. При составлении социально-демографического портрета респондентов использовались вопросы паспорттики. Такие как: пол, возраст образование, семейное положение и наличие детей респондентов.

По результатам данного исследования видно, что большинство опрошенных респондентов (62,0 %) считают, что деятельность учреждения в условиях самоизоляции была эффективна. «Скорее да, чем нет» считают 26,0 % респондентов, «скорее нет, чем да» 26,0 %, «совсем нет» 2,0 %.

По вопросу «Какие проблемы, на Ваш взгляд, в условиях самоизоляции проявляются наиболее остро?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «ограничение передвижения» – 33,3 % ответов. На втором – «недоступность медицинских и образовательных услуг» – 15,4 % ответов. Варианту «нехватка времени на отдых» отдано 13,8 % ответов респондентов, «нехватка времени на себя» ощутили 8,1 %, «трудности в организации досуга получателей социальных услуг» ощутили 7,3 % опрошенных, «трудности во взаимоотношениях с получателями социальных услуг» возникли у 5,7 %. 4,9 % ответов свидетельствуют о том, что у респондентов возникли проблемы во взаимоотношениях с коллегами, «материальные трудности» ощутили 4,9 %, проблемы со здоровьем 3,2 %, конфликты с близкими людьми возникли у 1,6 %, «негативное отношение со стороны общества и руководителей» и «затрудняюсь ответить» по 0,9 %. За 100 % принято количество полученных ответов – 123 .

По результатам данного исследования видно, что большинству опрошенных респондентов (84,0 %) удалось оперативно решить проблемные вопросы в условиях самоизоляции, «нет» ответили 8,0 % опрошенных, «затруднились ответить» 8,0 %.

По вопросу «Как бы Вы охарактеризовали Ваше психологическое состояние во время деятельности в условиях самоизоляции?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «усталость» – 34,4 % ответов. На втором – «спокойствие» – 29,5 % ответов. «Энергичность» ощутили 18,1 % респондентов, «задерганность» 9,8 %, «депрессию» 4,9 % опрошенных, «страх» возник у 3,3 %. При ответе «другое» 3,3 % респондентов

ответили напряженность. За 100 % принято количество полученных ответов – 61.

По вопросу «Чем оно вызвано?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «ограниченным пространством в связи с самоизоляцией» – 33,3 % ответов. На втором – «профессиональной деятельностью» – 30,0 % ответов. общим положением дел в учреждении 16,6 %, «недостаток общения с привычным кругом людей» ощутили 10,0 % респондентов, по 5 % «семейными делами» и «состоянием здоровья». За 100 % принято количество полученных ответов – 60.

На вопрос «Какие новые навыки Вы приобрели, работая в условиях самоизоляции?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «новые навыки коммуникации с людьми» – 38,2 % ответов. На втором – «дистанционные формы работы» – 34,5 % ответов. «Психологические навыки» приобрели 23,6 % и «компьютерные технологии» освоили 3,7 % респондентов. За 100 % принято количество полученных ответов – 55.

По вопросу «Что бы Вы предложили по улучшению деятельности учреждения в условиях самоизоляции» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «улучшение материально – технической базы» – 50,0 % ответов. На втором 21,3 % ответов – «работа сменами», «дистанционное сотрудничество» 14,3 %. «организация досуга» и «все устраивает» по 7,2 %. За 100 % принято количество полученных ответов – 14.

Распределение ответов сотрудников учреждений позволяет сделать вывод, что деятельность учреждения в условиях самоизоляции была эффективна. Главными проблемами респонденты считают ограничение передвижения недоступность медицинских и образовательных услуг. По результатам данного исследования видно, что большинству опрошенных респондентов (84,0 %) удалось оперативно решить проблемные вопросы в условиях самоизоляции. По вопросу «Как бы Вы охарактеризовали Ваше психологическое состояние во время деятельности в условиях самоизоляции?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «усталость» – 34,4 % ответов, втором – «спокойствие» – 29,5 % ответов, «энергичность» ощутили 18,1 % респондентов, «Чем оно вызвано?» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «ограниченным пространством в связи с самоизоляцией», на втором – «профессиональной деятельностью», также общим положением дел в учреждении. По вопросу «Какие новые навыки Вы приобрели, работая в условиях самоизоляции?» на первом месте большинство респондентов указали варианты ответов «новые навыки коммуникации с людьми», «дистанционные формы работы», «психологические навыки». По вопросу «Что бы Вы предложили по улучшению деятельности учреждения в условиях самоизоляции» на первом месте респондентами был указан вариант ответа «улучшение материально – технической базы» – 50,0 % ответов. На втором 21,3 % ответов – «работа сменами», «дистанционное сотрудничество» 14,3 %.

Распределение ответов сотрудников учреждений позволяет сделать вывод, что деятельность учреждения в условиях самоизоляции была эффективна. Главными проблемами респонденты считают ограничение передвижения и недоступность медицинских и образовательных услуг.

Таким образом, необходимо отметить, что деятельность учреждений социального обслуживания в Иркутской области, в условиях самоизоляции, была эффективна, что подтверждают не только эксперты в области социального обслуживания, но и сотрудников и получателей социальных услуг учреждений, принявшие участие в анкетировании. Несмотря на увеличившийся объем функциональных обязанностей и иную нагрузку специалисты максимально старались эффективно выстроить систему работы в новых, сложившихся условиях в связи с пандемией.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И РАЗОБЩЕННОСТЬ

УДК 159.9+316+342.7
ББК 60.9+88.52

Г. Р. Асадуллина, *Уфа*
С. И. Ивентьев, *Казань*
О. В. Шкурин, *Луганск*

Духовно-нравственный смысл деятельности как фактор консолидации молодежи и общества

Исследуется концепт «духовно-нравственный смысл», который увязывается с деятельностью души и духа человека. Приводится авторская классификация понятия «смысл», а также освещается духовно-нравственная сторона концепта «смысл». Актуальность исследования обусловлена тем, что рассматриваются пути формирования ценностно-смысловой сферы молодежи, в частности духовно-нравственного смысла человеческой деятельности.

Ключевые слова: Бог, человек, дух человека, душа человека, права человека, смысл, духовно-нравственный смысл, молодежь, общество, классификация.

G. R. Asadullina, *Ufa*
S. I. Iventev, *Kazan*
O. V. Shkuran, *Luhansk*

Spiritual and moral meaning of activity as a factor of consolidation of youth and society

The authors consider the concept of “spiritual and moral meaning”, which is linked to the activity of the human soul and spirit. The article presents the author's classification of the concept of “meaning”, and also highlights the spiritual and moral side of the concept of “meaning”. The relevance of this work is due to the fact that it examines the ways of forming the value-semantic sphere of young people, in particular, the spiritual and moral meaning of human activity.

Keywords: God, man, human spirit, human soul, human rights, meaning, spiritual and moral meaning, youth, society, classification.

Понятие «смысл» является главным предметом исследования так называемой смысложизненной проблематики и онтологии смысла, которые в наше время находятся вне научного осмысления духовной сущности человека, его души и духа [3, с. 21–29]. В связи с чем, в научной литературе существует ограниченное количество исследований, посвященных концепту «духовно-нравственный смысл». Например, к современному исследованию можно отнести наиболее свежую статью О. А. Самыловой «Духовно-нравственный смысл жизни юношеского периода», в которой автор в психологию вводит понятие «духовно-нравственный смысл» в качестве психологической категории, раскрывающей сущность профессионального

и личностного самоопределения человека юношеского возраста [16, с. 307–309]. При этом само исследуемое понятие подробно не было проработано и раскрыто.

Концепт «духовно-нравственный смысл» преобладает в религиозно-философской и религиозной литературе, в которой он выходит на понятие «Божественный смысл».

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, «смысл м. способность понимания, постижение, разум; способность правильно судить, делать заключения» [9, с. 240]. При этом в лингвистике под смыслом понимается значение [15, с. 127].

В литературе отмечается, что «смысл предстает как суть (квинтэссенция) какого-либо текста (рисунка, события и пр.), его глубинная составляющая (подтекст), как цель (как направление развития, действия), как логос Универсума, эйдоса, как значимость и ценность чего-либо» [8, с. 210]. Понятие «смысл» этимологически восходит к слову «мысль», которые связаны с образной сферой человека, их порождающей [21, с. 22]. Отмечается, что смысл является значением мысли [10, с. 40]. Родственным перечисленным этим словам является слово «промысл», которое в религиозной традиции напрямую увязывается с Богом.

Кроме того, некоторые авторы отмечают, что понятие «смысл» является составляющей информации («Смысл – внутри Формы. Или материальные Формы – носители информации, Смысл которой скрыт внутри Формы»), представляя собой суть материальной формы, поддерживаемая ее создателем [14, с. 64]. При этом понятие «смысл» представляет собой невидимый невооруженным глазом духовный замысел материальной формы или явления.

Под человеческим смыслом всегда следует подразумевать интерпретацию (лат. *interpretatio* – разъяснение, истолкование) человеком первоначального замысла творения.

Именно единое смысловое поле у людей консолидирует и объединяет семью, трудовые коллективы и общество, и, наконец, страну.

Смысл может иметь как религиозный, так и светский характер. Существует много классификаций понятия «смысл» по различным основаниям (аксиологический, по субъекту-носителю, форме представления, мировоззрению и т. д.) [15, с. 130]. Наиболее известной классификацией смыслов является классификация культурологических смыслов в теории социальной коммуникации, которая изображена на рисунке [15, с. 130]. Приведенная классификация смыслов, как и прочие, оставляют вне осмысления духовную сущность человека, его душу и дух.

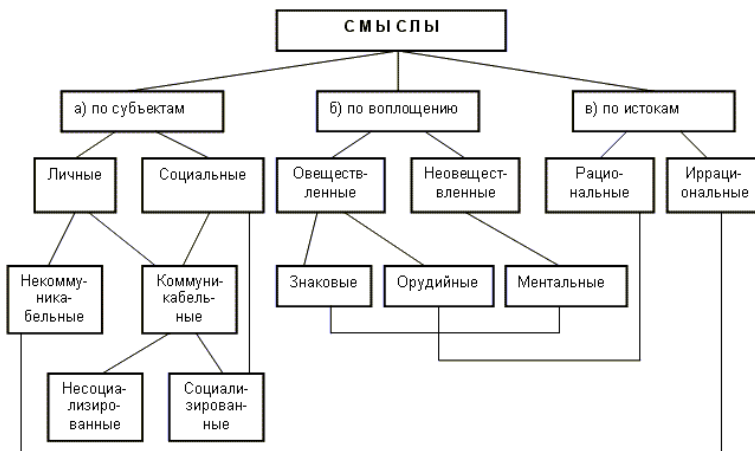

Рис. Классификация культурологических смыслов [15, с. 130]

В результате объединения разрозненных и неполных классификаций видов понятия «смысл», условно концепт «смысл» можно подразделить на следующие группы (виды): 1) божественный смысл (изначальный замысел Бога; часто именуют сакральным замыслом); 2) духовно-нравственный смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений духовной сущностью человека: душой и духом); 3) религиозный смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений религией, жрецами и шаманами); 4) философский смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений философами и философской наукой); 5) научный смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений наукой и ее отраслями); 6) социальный смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений социумом или обществом, а также социологией); 7) политический смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений политиков, государственных и общественных деятелей); 8) экономический смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений государством и топ-менеджерами, экономической наукой); 9) культурологический смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений деятелями культуры; смыслы культуры); 10) оккультный (мистический) смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений мистиками, оккультистами, теософами и пр.); 11) магический смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений магами, экстрасенсами, гадалками, цыганами и пр.); 12) астрологический смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений астрологами); 13) правовой смысл (интерпретация замысла или сути права и законов; «дух закона»); 14) криминальный смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений криминалом); 15) смысл определенных субкультур (интерпретация замысла или сути вещей и явлений представителями субкультур); 16) корпоративный

смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений государствами, корпорациями, организациями, тайными обществами, военными образованиями, сектами и прочими коллективными образованиям); 17) бытовой (обыденный) смысл (интерпретация замысла или сути вещей и явлений обычными людьми) и т. д.

Развитие ценностно-смысловой сферы людей начинает уже формироваться в подростковом и юношеском возрасте. И это, как справедливо отмечают Р. П. Маслевская и В. Н. Клепиков, происходит благодаря актуализации общемирового культурного наследия, сконцентрированного в общечеловеческих ценностях, под которыми понимаются «ценности, содержащие объединяющие смыслы и позволяющие носителям разных мировоззрений, культур и идеологий взаимодействовать, понимать друг друга и выстраивать гуманные отношения» [13, с. 36]. В связи с этим важно в детском, подростковом и юношеском возрасте подрастающего поколения правильно формировать мировоззрение, ценностно-смысловую сферу личности через воспитание и образование, что важно для общества и государства.

Следует обратить внимание на то, что именно мировоззренческая устойчивость человека формирует и обеспечивает безопасность личности [12, с. 181].

Духовно-нравственный смысл связан с духовно-нравственной сферой человека, а социальный смысл – с социумом и социальной сферой людей.

Традиционно понятие «духовность» рассматривается в двух аспектах: 1. Относится к внутренней, психической жизни человека, связанная с нею; с общностью идей, взглядов, стремлений и т. п. ; 2. Относится к церкви, религии, принадлежит ей, связанный с нею; церковный [7].

В таких монотеистических (авраамических) религиях, как иудаизм, христианство и ислам, духовность напрямую увязывают с верой в Бога и миром Святого духа [22, с. 186–190]. Например, в лексикографическом издании Второго отделения Императорской академии наук 1847 г. имеется лексема «духовный» со следующими значениями: 1) бестелесый, бесплотный; 2) исполненный Святого Духа; 3) относящийся к духу или душе; 4) относящийся к духовенству; 5) состоящий из лица духовного звания [18, с. 379], что подтверждает трансцендентальное, божественное понимание данной языковой единицы.

Авторы отмечают, что понятие «духовность» невозможно мыслить без Бога [1, с. 283–294].

Некоторые авторы духовность (переживание и оценка священного внутри или за пределами материального мира) неверно отделяют от религии (лат. *religare* – связывать, соединять) как «структурированной системы убеждений, включающей эмоции, мораль и чувство идентичности и общности», в связи с различными структурой, практиками поиска и подходами к истине [6, с. 40–41], придавая секулярный смысл понятию, ибо духовность всегда связана с Богом (Духом), в том числе с душой и духом человека.

Понятие «духовность» не только увязывается с духом, религией и духовной культурой определенного народа, но и с душой и духом человека [3, с. 21–29]. Так, в «Словаре живого великорусского языка», 1861 г., В. И. Даль иллюстрирует семнадцать дефиниций понятия «дух» (включая душу человека), почти все с положительной коннотацией, акцентируя внимание на особенностях русской культуры. Под духом человека подразумевается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога, а под душой человека – Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, бессмертное Творение Бога [3, с. 21–29]. При этом многими исследователями под последними мыслится сознание и подсознание человека.

В «Словаре древнерусского языка» 1899 г. лексема «дух» представлена 13-тью дефинициями, среди которых появляются новые: 1) третье Лицо Святой Троицы; 2) благодать, вдохновение, дар Божий; 3) сила души, доблесть; 4) ум, мысль; 5) бес, дьявол, демон; 6) душевное свойство человека; 7) совесть; 8) способность приводить в движение, занимать или руководить другими; 9) чувство; 10) разум. Кроме этого, выделяется омонимичная пара со значениями: 1) дух мира сего; 2) нечистый; 3) злой, лукавый [19, с. 189–190].

В «Словообразовательном словаре русского языка» представлена словообразовательная цепочка дух – духов – духовный – духовно – духовность – духовник – духовенство [11, с. 37], что свидетельствует о религиозной семантике (от др.-греч. *σημαντικός* – обозначающий) и происхождении данных дериватов, среди которых употребляется аффиктив «духовный». В важном источнике восточнославянской лексикологии XVII в., построенного на принципах толкового, этимологического, энциклопедического словарей, П. Берында в «Лексиконе Славеноросском» 1627 г. иллюстрирует дефиниции языковой единицы с сакральной семантикой «дух»: 1) знак небесный; 2) дух истины, премудрости, совести, разума, крепости, бдения, благочестия, страха Божьего; 3) ангел ветра, борьбы; 4) жизнь, дыхание; 5) блудный [4, с. 13].

Под духовно-нравственной сферой человека понимается «духовное и нравственное пространство, формируемое человеком, его душой и духом, в котором проявляются и реализуются морально-нравственные наклонности и качества человека, духовные ценности и потребности, его мировоззрение, уровень духовного и нравственного сознания» [1, с. 283–294].

Концепт «духовно-нравственные ценности» включает в себя три таких понятия, как духовность, нравственность и ценность («то, что имеет для человека важное значение, особую значимость») [20, с. 9–12]. Как указывает З. А. Айзатуллин, «духовность – это стремление человека переделать себя, приблизить свою жизнь к высшим ценностям, идеалу. Она проявляется в стремлении человека строить свои отношения с окружающим миром на основе добра, истины, красоты, строить свою жизнь на основе гармонии с окружающим миром. Одним из сильнейших источников духовности является совесть, а проявлением духовности – любовь. Нрав-

ственность – это способность человека действовать, думать и чувствовать в соответствии со своим духовным началом, это способы и приемы передачи вовне своего внутреннего духовного мира. Духовно-нравственные ценности – это установки личности, указывающие на их культурное, социальное, человеческое значение, регулирующие сознательную деятельность и поведение, придающие им нравственный характер и ориентирующие ее на достижение высших идеалов» [2, с. 9–12].

Понятия «духовность» и «нравственный» имеют сакральную семантику, которая частично была утрачена в результате либо семантической профанации, либо десакрализации, что способствует выявлению ложных сакрализаторов в сознании русского человека и в современной национальной культуре [23, с. 336–353].

Исследуя лексикографические труды разных столетий, можно определенно сказать, что адъектив «нравственный» стабильно на протяжении нескольких столетий сохраняет устойчивую семантику, которая отражает внешнее и внутреннее состояние общества [17; 18, с. 468]. При правильном понимании лексем дух, духовный, духовность зависит семантическое проектирование на лексему нравственный.

К большому сожалению, в советское и в настоящее время реализуется идеологическое понимание концепта «духовный», выводя на первый план секуляризированное понимание, а затем божественное.

Так называемый Малый академический словарь определяет взаимосвязь нравственного и духовного дефиницией «связанный с внутренним, нравственным миром человека», что связывает адъектив «духовно-нравственный» в одно ценностное понятие [17].

В соответствии с четвертым и пятым поколениями прав человека (или права души и духа человека), душа человека относится к главной духовно-нравственной ценности человека, которая наделяется определенными правами и свободами [5, с. 62–65].

Концепт «духовно-нравственный смысл» связан с деятельностью души и духа человека. Человек, раскрывая, с помощью своих души и духа, духовно-нравственный смысл тех или иных вещей, приближается к пониманию Божественного замысла, т. е. человеческая интерпретация смысла превращается в истинное понимание первоначального Божественного замысла творения.

Духовно-нравственный смысл человека заключается в осознании им того, что он, прежде всего, является духовной личностью (сущностью), имеющего дух и душу, что, в свою очередь, позволит ему осознать и понять истинный смысл жизни в нашем мире.

Мы считаем, что обществу необходимо целенаправленно приобщать молодых людей к духовно-нравственным ценностям и существующим нормам нравственности и поведения [1, с. 283–294], что позволит правильно формировать единую ценностно-смысловую сферу подростков и молодежи, т. е. консолидировать их в духовно-нравственном и социальном плане, а значит, объединить наше общество.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект экстремизма // Поколение Z в онлайн-пространстве: социальное поведение, ориентации, идентичность : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Уфа, 24–26 ноября 2020 г.) / отв. ред. Р. Б. Шайхисламов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 283–294.
2. Айзатуллин З. А. Роль духовно-нравственных ценностей Ислама в поликультурном обществе. URL: <http://islam.ru/content/obshchestvo/44258> (дата обращения: 25.01.2021).
3. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Уфа, 21 мая 2020 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.
4. Беринда П. Лексикон Славеноросский и именъ тлъкованіе. Відп. ред. К. К. Цілуйко. К. : Вид-во АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні, 1961. 272 с.
5. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Человеческая душа как главная духовно-нравственная ценность человека // Философия человека : материалы Второго науч. симп., 11–12 окт. 2019 г., Таганрог / отв. ред. В. П. Рыжов. Таганрог : Тип. Ступина С. А., 2019. С. 62–65.
6. Бабаева Э. А. Духовность и религия. Тожество и различие // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе : сб. ст. / под общ. ред. Н. А. Саркаровой. Махачкала : АЛЕФ, 2020. С. 40–45.
7. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 544 с.
8. Гарипова Н. М. О смыслах «смысла» и его ипостасях // Социология. 2020. № 1. С. 210–220.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV: P-V. СПб. : ТОО «Диамант», 1996. 241 с.
10. Купарашвили М. Д. Логика мысли и смысла // Вестник Омского университета. 2005. № 1. С. 38–41.
11. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. М. : Русский язык. 1986. 1136 с.
12. Литвиненко М. П., Суроедова Е. А. К проблеме обеспечения мировоззренческой безопасности студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 181–182.
13. Маслевская Р. П., Клепиков В. Н. Развитие ценностно-смысловой сферы учащихся в современной школе // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 2. С. 36–42.
14. Мельников В. Е. Человек на земле: Опережая неизбежное. М. : КнигИздат, 2020. 172 с.
15. Соколов А. В. Введение и теорию социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб. : СПбГУП, 1996. 320 с.
16. Самылова О. А. Духовно-нравственный смысл жизни юношеского периода // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 307–309.
17. Словарь русского языка: В 4-х т. АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. Т. I. А – Й. М. : Русский язык, 1985. 696 с.
18. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847.
19. Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию ; под ред. Ф. Миклошичу, Ф. Х. Востокову, Я. И. Бередникову и И. С. Кочетову. СПб., 1899. 950 с.
20. Утяшев М. М. Права и свободы человека и общечеловеческие ценности // История государства и права. 2010. № 7. С. 9–12.
21. Харитонов Е. М., Хоружая С. В. Образность смысла и смысл образа в культуре // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 21–24.
22. Штумпф С. П. Генезис духовности в контексте религиозно-философского дискурса // Ярославский Педагогический Вестник. 2014. № 1. Т. I (Гуманитарные науки). С. 186–190.
23. Шкуран О. В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 336–353.

Жизненный мир поколений: анализ коллективных эмоций и практик просоциального поведения

Рассматриваются особенности и условия формирования жизненного мира современного человека, выявляются основные черты и ключевые векторы развития. В эмпирической части исследования анализируются особенности конструирования жизненного мира представителей различных поколений, рассматриваются ключевые закономерности и социальные антиномии.

Ключевые слова: жизненный мир, поколения, жизненный сценарий, социальная динамика, условия жизни

N. F. Khairulina, Tyumen

The Life World of Generations: Analysis of Collective Emotions and Practices of Prosocial Behavior

The article examines the features and conditions for the formation of the life world of a modern person, identifies the main features and key vectors of development. In the empirical part of the study, the features of the construction of the life world of representatives of different generations are analyzed, key regularities and social antinomies are considered.

Keywords: life world, generations, life scenario, social dynamics, living conditions

Жизненный мир – категория многогранная. Он строится на субъективных основаниях образа мира, которые К. Г. Юнг называл бессознательными и вечными [19], и на объективных условиях картины мира, которая сознательна и сиюминутна и формируется под влиянием личного опыта в социальной реальности.

Проблема изучения жизненного мира человека волновала многих ученых (М. Шелер, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Гуссерль, А. Шюц, Т. Луман, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс и пр.). Э. Гуссерль одним из первых обратился к методологическому изучению проблемы жизненного мира человека. Он полагал, что «жизненный мир – это действительность, в которой изначально живет человек, его неотчужденная реальность» [20].

Основой социальной реальности, по мнению А. Шюца, является также «жизненный мир», т. е. та среда, где мы воспринимаем влияние культуры и общества и продуцируем новое знание о них же. Своеобразный круговорот влияния. Для А. Шюца жизненный мир был «обыденным» и «допустимым», в рамках которого развивалась личность человека. «Интерпретативные схемы», используемые человеком для обозначения социальной реальности, являются символами повседневной деятельности – без них невозможно представить жизнь человека. А. Шюц и Т. Лукман полагали, что «естественное понятие», которое содержится в повседневных понятиях о действительности, и предполагает «не только “природный” опыт..., но также социальный мир» [18]. Хотя, как показал А. Шюц, человек определяет свой мир, исходя из своей собственной перспективы и биографической ситуации; его мир «изначально является интерсубъективным миром»,

т. е. миром, который он разделяет с другими людьми. Преодолеть различия индивидуальных перспектив и ответить на вопрос, как возможно знание других людей, А. Шюцу помогают две основные идеализации: взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности, вместе образующих общий тезис взаимности перспектив [7; 13; 14].

По Гарфинкелю, субъекты творят социальную действительность по принятым правилам (стандартам, образцам), однако сами эти правила суть социальные «произведения». Таким образом, социальная действительность рождается из субъективного переживания самой себя как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Сикурель изучал не просто природу социального знания, но и особенности его хранения, активизации, а также организации. По Сикурелю, существуют три этапа конструирования людьми (субъектами) социальной действительности. Первый этап – это субъективная организация и классификация «эмпирики» (опыта) в простых (элементарных) актах «говoreния», второй этап – проявление «теоретических понятий», третий этап связан с субъективным анализом разговора или текста. Значительное место в учении Сикуреля занимает анализ «процедур интерпретации». Смысл этих процедур заключается в субъективном «толковании» речи (текста).

П. Бергер и Т. Лукман пытаются разобраться в «смысловом порядке». По мнению названных авторов, «структура социальной реальности конституируется субъективными значениями» [5]. Другими словами, ведущую роль в упорядочении мира играет язык: знаки, знаковые системы с присущими им значениями (смыслом). Более того, в процессе обозначения (сигнификации) и происходит «объективация бытия». Для субъектов же знание повседневной жизни организовано в понятиях релевантностей. Основные же релевантные структуры, относящиеся к повседневной жизни, даны уже готовыми в самом социальном запасе знаний.

Итак, мы полагаем, что на сегодняшний день жизненный мир человека формируется через жизненный опыт. Жизненный опыт человека более ранних эпох (вплоть до первой половины XX в.) характеризовался определенной статичностью, формирующейся под влиянием стабильной принадлежности к социальной группе или классу, роду деятельности или мировоззренческих установок. Современное общество предлагает гораздо больше способов построения своего жизненного мира. Во главу угла ставятся интересы личности, желающей самостоятельно строить свое пространство в социальной реальности. Сегодня человек воспринимает окружающий мир не через реальные формы и факты, а через представления об этих формах и фактах, которые преподносятся ему через информацию. Информатизация имеет широкое социальное звучание, она оказывает воздействие на самые различные сферы жизнедеятельности людей и на функционирование общества в целом.

Жизненный мир – это совокупность значений, позволяющая наделять действия и поступки людей общезначимым смыслом, что не только созда-

ет для участников социального взаимодействия возможность понимать друг друга, но и обеспечивает их доступ к различным подсистемам общества. Любые изменения в социальных системах должны опираться на адекватные изменения в жизненном мире, в противном случае трансформационные процессы становятся невозможны, либо находят такие новые формы, переход к которым угрожает социальной деструкцией [10; 11].

Человеческая жизнь разнообразна в плане проживаемого опыта: от дряхлых, необычных и однократных событий (личностное становление, выбор жизненного пути, первая любовь, рождение первенца и пр.) до повторяющихся и привычных, от лишь приблизительно интересного до приоритетно значимого, от «близкого» и знакомого до «далекого» и малоизвестного. При этом личный опыт человека всегда формируется в определенной социальной реальности, состоящей из разрешений и предписаний, прав и обязанностей, которые и дают ключ к пониманию масштабности социальных конвенций, глубины социального контроля, личного выбора каждого из нас и пр. В повседневном опыте нами руководят как раз категории прав и обязанностей, устанавливающих диапазон приличий, уместности и долженствования различных социальных реакций [12]. Эти правила управляют нашими способностями и желаниями, тем самым определяя нашу повседневную деятельность.

Субъективная реальность жизненного мира отдельного человека, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, всегда зависит от вероятностных структур, от специфического социального базиса и требуемых для ее поддержания социальных процессов. Интерпретация личного опыта и внешних условий окружающего мира выражается в особенностях реализации жизненного мира отдельного человека, который формируется на стыке внешних и внутренних впечатлений.

Содержание исследований В. Н. Украинца, Л. В. Сохань, Е. И. Головахи, А. А. Кроник, Л. Е. Шкляра касается «жизненной программы личности», «жизненной перспективы», «субъективной картины жизненного пути», приобретает в этом свете совершенно новые, неоднозначные интерпретации. Данные ученые полагают, что субъективные переживания событий, явлений и процессов формируют ткань жизни (жизнь как взаимосвязь событий). Судьбу личности или поколения определяет способ переживания событий жизни и жизненный мир человека. Жизненный путь рассматривается как разнонаправленный и непрерывный, как связь субъективного прошлого и будущего, включающий различные уровни качества жизни и общих ориентаций жизненного мира людей.

Современные изменения в жизненном мире человека определены изменениями социальной реальности, в рамках которой он живет. При исследовании трансформаций, происходящих с социальной реальностью в современной России, можно обозначить следующие ключевые моменты: усложнение социальных процессов, мобильность структуры общества, размывание границ взаимодействия и т. д.

Анализируя данные явления, различные авторы говорят о том, что мир меняется: мы живем в «ускользающем мире» (Э. Гидденс), в эпоху «новой неопределенности» (Ю. Хабермас), в «конце знакомого мира» (И. Валлерстайн), в «мире текучей современности» (З. Бауман). Помимо этого, ряд авторов (Г. Зиммель, П. Блау, С. А. Кравченко и др.) говорят о эмерджентности современных социальных процессов. К примеру, Г. Зиммель говорит о возникновении принципиально новых социальных и культурных явлений, которые возможны при переходе общества от более низкого к более высокому, или же П. Блау рассматривает социальную структуру как тождественную эмерджентным свойствам комплекса составляющих ее элементов; С. А. Кравченко указывает на игральную социализацию основных социальных институтов современности [7]. Мы исходим из того, что если меняются социальные процессы общества, то меняются возможности и способы жизнедеятельности индивидов. Таким образом, их жизненный путь подчинен нелинейному, многовариантному развитию, который является следствием и, одновременно, причиной данных изменений.

Причиной нелинейного развития современности является информатизация общества. В информационном обществе процесс социальной адаптации людей к меняющимся условиям непостоянен и плюралистичен, так как адаптация сопряжена с характером и механизмом социокультурной динамики. И как результат – трансформируется система и структура жизненного мира не только отдельной личности, но и целых социальных групп, изменяя формы, приоритеты и способы развития общества. Разные ученые констатируют данные процессы с различных сторон: П. Сорокин обозначает их как «перманентные флуктации», Т. Парсонс – как «динамичную неравновесность», Р. Мертон – как «функциональную амбивалентность систем», Ж. Деррида – как «открытость и игру структур», З. Бауман – как «текучесть и изменчивость социальных структур и систем», С. А. Кравченко как «игральную социализацию социальных структур» и пр. Социокультурные изменения мира привели к переоценке своего места в жизни целых поколений. Поэтому становится необходимым понимание того, как изменения в социальной реальности повлияли на жизненный мир и значимые качества жизни людей.

Общество создается благодаря деятельности индивидов, обладающих знанием в виде субъективных значений или коллективных представлений формирующихся в рамках неравновесности, амбивалентности, текучести, игре или игральности. В любом случае данные условия непостоянны, не имеют четкой и последовательной логики, они сиюминутны и изменчивы. Поэтому жизненный мир людей информационного общества «тернет» устойчивость и приоритеты, четкие представления о дальнейшем развитии, правильности или ложности выбранного пути, решений и правильности мышления. Субъективная реальность может трансформироваться, изменяя субъективнее и объективные приоритеты и показатели качества жизни и самоидентичности населения, соответствующие новым реалиям и образцам, тем самым постоянно трансформируя жизненный мир современных людей.

Если раньше человек понимался как творец и одновременно «жертва» созданного когда-то знания и был вынужден играть навязанные ему роли, то современный человек самостоятельно выбирает роли, идентичности и образы, соответствующие его потребностям здесь и сейчас. Это связано прежде всего с изменением производства, распространения, самой специфики различных форм знания, так как современные общества, в отличие от традиционных, конструируют социальную реальность, предрасположенную к смене идентичностей, обеспечивая тем самым создание новых «стандартов» качества жизни. Различные институты образования являются одними из наиболее плюралистичных способов получения, интерпретации и использования знания в жизни.

Получаемая человеком информация преобразует его реальность, его принципы и установки, нормы поведения и образ мысли. Иными словами, преобразуется весь его жизненный мир. Информатизация привела к изменениям в информационной картине мира, в показателях качества жизни эти изменения строятся на субъективных оценках, порождая объективные условия и потребности людей. Формируется новый образ реальности, конструируя фрагментарную культуру и жизненный мир современного человека. Данные изменения являются причиной создания сверхнасыщенного информационного поля жизненного пространства современного человека. Это пространство меняет установки, определяющие качество жизни в разных социальных группах, слоях и стратах.

Жизненный мир – это то, что в сознании человека предстает с очевидностью, но противостоит попытке его теоретического описания в категориях систем и терминах универсальных законов. Именно это очевидное служит основанием повседневной жизни, регулирует действия и поступки [11].

Жизненный мир формируется через интерпретацию внешних социальных условий жизни и внутренних процессов личности или поколения, осмысливающих это все в едином потоке. Человеку важно понимать тот мир значений, в котором он живет, так же как и поколению важно осознавать то, что его объединяет и противопоставляет другим поколениям (какие смыслы, события, явления, процессы и события становятся доминирующими).

Существует пять типов схем, формирующих жизненный мир (табл. 1).

Таблица 1

Схемы элементов, формирующих жизненный мир

Схемы	Содержание схем
Личностные	Знания о личностных чертах и связи между ними
Рольевые	Предписания и ожидания по поводу поведения
Схемы самости	Знания о себе
Событийные	Последовательность действий и событий
Схемы, свободные от содержания	Каузальная атрибуция, когнитивный диссонанс, сбалансированные отношения

Жизненный мир формируется под влиянием этих элементов.

Рассмотрим изменение жизненного мира представителей разных поколений на примере изменения такой категории, как «успех». В ролевых схемах меняются ожидания людей относительно ролевых функций, например принятие конкуренции между сотрудниками. При этом меняются схемы самости, в процессе мотивирования себя на большие достижения в идеальном Я. Событийные схемы также изменяются. Появляется множество социальных страхов, социальная незащищенность – это уже готовый сценарий для многих людей. Ранее события для большинства граждан России основывались на гарантированности со стороны государства, а теперь часто человек должен заботиться о себе сам. Происходит ли смена основной каузальной атрибуции? Известно, что, объясняя поступки людей, представители индивидуалистических культур склонны опираться на личностные качества человека, а в коллективистских культурах – на ситуацию. Вопрос остается открытым.

Жизненный мир может меняться все время так же, как все время может меняться наше мнение о нас самих. В структуре жизненного мира выделяется активная (ценностно-смысловая структура ситуации, явления, действия) и потенциально активная область, которая состоит из двух частей: первая ее часть формируется под влиянием внешних обстоятельств вторая часть включает в себя область действительности, смыслы и ценности которой еще не определены человеком, но составляют ту потенциальную реальность (область возможных смыслов), которая переходит в действительность при включении ценностно-смысловой структуры в структуру внешнего влияния [10].

Трансформация жизненного мира касается возможности применения уже существующих установок, ценностей и норм личности или группы в новых изменяющихся условиях. В рамках этого процесса происходят переосмысление и переоценка ситуации, ведущие к построению сначала образа жизненного мира, затем реальных конфигураций жизненного мира.

Жизненный мир – это когнитивное, аффективное и деятельностное восприятие взаимовлияния внешнего и внутреннего мира человека (табл. 2).

Схема функционирования образа жизни происходит как схема переработки когнитивных знаний, аффективных переживаний в деятельностные стратегии (представления, оценки, значения, смыслы). Жизненный мир является продуктом сознания, воспринимающим внешний и внутренний мир, перерабатывающим когнитивные и аффективные образы сознания в значения и смыслы деятельности.

Структурирование жизненного мира

Типы восприятия	Уровни функционирования
Когнитивное	Рациональное, осознаваемое
Аффективное	Эмоциональное, субъективное
Деятельностное	Мотивационное, ситуационное
Аксиологическое	Ценностное, базовое

Также образ жизни можно представить как продукт деятельности человека, как результат освоения окружающей среды, ее восприятия, понимания и осмысливания. Основной единицей образа жизни является внутренняя и внешняя ситуация, в которой находится человек или в которых он находился в прошлом. В основе ситуации лежат когнитивные и аффективные схемы как структуры ее познания. Каждый человек имеет свой индивидуальный образ жизни, но который вписан в общий образ жизни поколения или присущей его социальной общности.

В современном российском обществе уменьшается значимость глобальных социальных категорий (гражданских, идеологических и др.) и увеличивается значимость конкретных, реальных категорий (пол, возраст, профессия, уровень доходов и др.). Среди основных процессов, трансформирующих российское общество и оказывающих влияние на социальную реальность и жизненный мир, следует выделить модернизацию, архаизацию, маргинализацию и адаптацию. Первоначально разнонаправленный характер изменений постепенно рождает эффекты когеренции, которые расчищают путь к действенному и модернизированному социальному порядку. Все перечисленные процессы выступают как средства и типы трансформаций. Модернизация – это движение вперед, шаги в правильном направлении, а архаизация – это крайне нежелательное и опасное явление. Адаптация и маргинализация связываются с неизбежными издержками перехода, что в равной мере делает их как нежелательными, так и неизбежными.

Опираясь на данные нашего исследования, можно составить карту показателей жизненного мира представителей различных поколений (табл. 3).

В табл. 3 показатель «ценностные ориентации» имеет два полюса: коллективизм и индивидуализм. Поскольку представители условно старшего поколения являются представителями традиционного менталитета, то им присущ коллективизм, а представителям условно младшего поколения, отторгающему некоторые традиции коллективизма, – индивидуализм. Показатель «конкретность – абстрактность образа мира» является отражением приоритетности восприятия мира поколениями как некой абстракции или конкретики. Абстрактность восприятия предполагает некоторую приблизительность и неясность перспектив мира. Динамика образа мира может служить индикатором восприятия мира как изменяемого или неизме-

няемого. Показатель представленности в образе мира своего Я говорит о личных вкладах в мир. По последним данным, в ходе общения наблюдается деперсонализация Я, особенно среди молодежи. Также в образе мира будет отражаться высокая рационализация мышления, которая наблюдается в современном мире как общая тенденция. Тематика отображения, очевидно, – наиболее ситуативный показатель среди других, но все-таки предполагаем более нормативные образы у представителей условно старшего поколения и ненормативные, нестандартные – у представителей условно младшего поколения. По параметру «сложность» можно предположить, что у представителей условно старшего поколения менее дифференцирован образ мира, ограниченный нормативными рамками, а у представителей условно младшего поколения он менее дифференцирован в силу молодости. Представители условно среднего поколения занимают в основном средние позиции, так как являются переходным звеном в поколенческой преемственности.

Таблица 3

Сравнение показателей образа мира у различных поколений

Показатели	Образ мира условно старшего поколения (традиционный)	Образ мира условно среднего поколения (переходный)	Образ мира условно младшего поколения (инновационный)
Направленность ценностных ориентаций	Коллективизм	Коллективизм с элементами индивидуализма (в разных сферах)	Индивидуализм
Особенности абстрагирования	Абстракция	Переменные способы	Конкретика
Динамика образов	Статика	Статичные образы, но с вариантами изменчивости (зачастую при внешнем воздействии)	Динамика
Персонализация образа Я	Представленность своего Я сильная	Представленность своего Я варьируется в разных ситуациях	Представленность своего Я слабая
Степень рационализации мышления	Малая рациональность	Средняя рациональность	Высокая рациональность
Тематика изображения	Изображение ближайшего окружения, нормативная	Изображение нормативное, с элементами нестандартного описания	Нормативная, нестандартная
Уровень сложности	Менее сложная	Более сложная	Менее сложная

Ядром преемственности поколений и солидарности общества является жизненный мир, значения и представления, которые закреплены нормативно в определенной группе. Жизненный мир человека имеет иерархиче-

скую структуру. Центр жизненного мира выполняет статичную, стабилизирующую и конституирующую функции. Периферия всегда подвижна, изменяема. Диалектика противоречий периферии и центра жизненного мира задает динамику процессов трансформации преемственности поколений и солидарности общества. Социальное пространство выступает полем феноменологии изменчивости жизненного мира поколений. Оно воздействует на жизненный мир человека или целого поколения, в котором происходит движение новых явлений, событий, процессов от периферии к центру и обратно. Это позволяет их анализировать и интегрировать или отторгать [14]. Трансформация значений, продуцируемых социальным пространством, происходит посредством влияния аффективных процессов. Эмоциональные состояния, эмоциональная оценка способны трансформировать информацию, поступающую извне, увеличивая субъективный вес тех или иных параметров, изменяя смыслы и значения поступков, действий и слов.

Образование личностных свойств человека связано с современным для данного общества и народа укладом жизни, с историей общественного, особенно культурного, политического и правового развития, определившего становление современного образа жизни. Как соучастник исторических событий, личность характеризуется определенной глубиной осознания и переживания исторического процесса, чувством истории.

В силу того что жизненный мир – это система и структура типичных для данного общества видов жизнедеятельности, пространственно-временные условия жизни одного человека пересекаются с особенностями социального пространства, так же как и условия жизни целого поколения включены в пространственно-временной континуум.

Жизненный мир, с одной стороны, связан с ценностно-смысловым аспектом личности или поколений, а с другой стороны, с избирательностью сознания (как индивидуального, так и коллективного). Изменение жизненного мира рассматривается не как эффект процесса адаптации, понимаемой как проявление приспособительного поведения, а прежде всего как аспект функционирования человека в качестве открытой системы – открытость человека внешнему миру предполагает изменение внутреннего жизненного мира как следствие этой открытости.

В качестве системообразующей индивидуальной и поколенческой характеристики человека или группы как открытой системы рассматривается континуум «ригидность – гибкость». Психическая ригидность определяется как трудность коррекции программы поведения в целом или ее отдельных элементов в связи с объективной необходимостью и разной степенью осознания и принятия этой необходимости. Психическая ригидность проявляется в фиксированных формах поведения. Ригидность – центральное звено в структуре готовности к изменению жизненного мира. Континуум («ригидность – гибкость») интерпретируется нами как общесистемный конструкт – будучи самым глубоким и основополагаю-

щим (по отношению к другим психологическим феноменам), он оказывается и самой общей характеристикой меры открытости системы, показателем ее самоорганизации, проявлением которой, как мы настаиваем, и является самореализация.

Человек, опираясь на свой жизненный мир, может его менять ежедневно, но это требует от него постоянной осознанности и рефлексивности, что означает приложение колоссальных усилий, энергии и активности. И далеко не все готовы на это пойти. Значительно проще жить «как все», чтобы кто-то (неважно кто) определял за тебя твою жизнь.

Для представителей условно старшего поколения – это партия, идеология, в целом власть или государство. Для представителей условно среднего поколения – в основном это придуманная жизнь или совместная жизнь с героями сериалов, для представителей условно младшего поколения – это культовые герои массовой культуры (музыкальные звезды, ведущие ток-шоу и т. д.). Каждый из них уводит представителей рассматриваемых поколений от реальной жизни, в мир придуманных иллюзий и мнимых страстей (табл. 4).

Таблица 4

**Объекты формирования иллюзий жизненного мира
у представителей различных поколений**

Поколение	Высказывания
Условно младшее	«У меня есть идеал мужчины – Дмитрий Нагиев. Он богатый, известный, веселый человек. Я хочу такого мужа». «Многие музыканты меня вдохновляют. Я хочу так же, как и они, покорять миллионы сердец, стать знаменитым на весь мир и зарабатывать много денег».
Условно среднее	«Смотрю телевизор – мне надо как-то переключиться от работы». «В сериалах и фильмах я получаю то, что никогда не получу в реальной жизни. Так хорошо, когда можно погрузиться в другую реальность».
Условно старшее	«Партия сказала: “Надо!”», комсомол ответил: “Есть!”» «Жить как все. Чтобы не осуждали». «Я смотрю сериалы. Некоторые из них стали моей семьей. Очень переживаю за персонажей».

Именно ригидность сознания человека или поколения не позволяет критично смотреть на себя и на любую ситуацию. Она оберегает человека или целое поколение от культурных травм. Например, восприятие Второй мировой войны немцами из ГДР и ФРГ отличалось и до сих пор отличается.

Наиболее сложным для человека эпохи социальных перемен является решение задачи планирования своей деятельности в социальной сфере..., ибо сегодня оно требует учета направления и темпов изменения социальной реальности, а также высокой личной толерантности к неопределенности.

Возрастные кризисные периоды легко выявляют различные формы отклонений в психическом развитии и в здоровье, что может рассматриваться как следствие невозможности перестройки личности в новых об-

стоятельствах; неспособности к самокоррекции поведения, направленной на использование образовавшихся психических и физических возможностей в качестве ресурсов, позволяющих справляться с новыми возрастными задачами, вписывать это новое в сложившиеся поведенческие структуры, что и обуславливает трансформацию всего образа жизни.

Жизненный мир человека складывается в определенных исторических условиях на основе материального производства и включает в себя деятельность людей по преобразованию этих условий. Благодаря жизненному миру целых поколений общество влияет на формирование психического склада людей. Субъективная сторона изменений в среде, т. е. изменений в их значении для развития личности, фиксируется в понятии «социальная ситуация развития». Структура, основные моменты жизненного пути изменяются от поколения к поколению, что влечет за собой различия в психологическом облике разных поколений. Полагаем, что индивидуальное развитие человека зависит от принадлежности к поколению. События среды вносят различные изменения в ход жизни человека, но только отношение человека к событию определяет степень его значимости.

Можно предположить наличие следующей последовательности изменений в жизни человека: события-впечатления изменяют скачкообразно сферу ценностей, которая ведет к поступкам человека, изменяющим объективное течение событий жизни. Последствиями событий для человека являются психические состояния, которые влияют на взаимодействие человека с новыми обстоятельствами.

Тот же процесс происходит и на уровне поколений.

В советский период, особенно к середине 80-х гг. образ жизни и жизненный мир человека выводился из способа деятельности (Г. Л. Смирнов, Г. В. Папаян). На этом основании были выведены типы личности, преобладающие в различных поколениях, характерные для определенного исторического периода. Были выявлены социальные типы личности, характерные для эпохи социализма. Первый тип был ориентирован на идеалы: труда, многодетной семьи и умеренного потребления материальных благ. Другой тип, который был распространен в наиболее молодых группах, – это тип, который сочетал в себе ориентацию на карьеру, индивидуализм и потребление. Очевидно, выборы людей эпохи социализма колебались между поведенческими стереотипами этих двух типов личности и предпочтения отдавались первому типу. Современная ситуация открыла пространство для второго типа личности.

Конфигурации идентичностей связаны с ориентацией на определенные адаптационные стратегии, которые, в свою очередь, у различных социальных групп выражены в разной мере. Именно жизненные стратегии дифференцируют российское население: выживание или стремление к достижениям. В этой плоскости происходит формирование новых социальных идентичностей через соотнесение с «проигравшими» или «выигравшими» в ходе реформ. Первая тенденция прослеживается у тех, кто испы-

тывает трудности самоопределения и адаптации к новым условиям и обращается за поддержкой к советскому прошлому. В их мы-концепцию неизменно входит категория «советские люди». Другая стратегия характерна для тех, кто вполне адаптировался к переменам, проявляет активность и стремление к успеху, живет настоящим.

Один из основных элементов нормативной базы недавнего советского общества заключался в соблюдении принципа похожести, который был освящен государственной программой «построения общества социальной однородности. Метафорой бытия советского человека многие исследователи считают его универсальную «простоту». Это и ориентация на массовое усреднение, и отвержение элитарности, и привычка довольствоваться малыми радостями. Феномен «простого» советского человека рассматривали Ю. А. Левада и соавторы [8]. Результаты исследования, когда почти 2 тыс. респондентов попросили ответить на вопрос «Кто я?», показали, что люди отвечали: *«Я – обычный человек, средний человек, скромная, обыкновенная, как все, стараюсь не выделяться, средних способностей, я – добрый, средний во всех отношениях».*

Жизненный мир человека позволяет ему реализовать свою активность через участие в делах своего поколения, согласно имеющимся у него способам жизнедеятельности.

Основными социальными институтами формирования жизненного мира являются: 1) семья, профессиональная среда и ближайшее окружение человека, 2) СМИ и интернет. Мы также можем утверждать, что они и являются основными источниками изменений жизненного мира личности и поколения. Поскольку человек отождествляет себя с данными группами, они имеют на него максимальное влияние. Солидарность поколений возникает тогда, когда воздействие группы нацелено не на одного человека, а на все сообщество.

Целое поколение меняет свои установки при трансформации социальных институтов. Рассмотрим более подробно эти процессы.

В профессиональной сфере от людей требуется больше личной отдачи, высокий профессионализм, быстрота адаптации в новых рабочих условиях, высокая обучаемость, высокая коммуникабельность. Также работодатель требует от работника мобильности, активности, дисциплинированности, затраты больших эмоциональных и физических сил. Если сотрудник не справляется, ему находят замену. Все эти требования прямо противоположны той ситуации, что еще господствовала у нас в стране 50 лет назад, когда даже не самых профессиональных и компетентных сотрудников держали на работе и они спокойно уходили на пенсию. Раньше частая смена работ была негативным фактором в профессиональной биографии, сегодня, наоборот, это показатель коммуникабельности и опыта в разных сферах и коллективах. Раньше целью трудовой деятельности было повышение благосостояния всего государства, теперь приоритет частных целей. Если ранее в интересы начальника производства была включена заинтере-

сованность в работнике, интерес к его частной жизни, то теперь современный руководитель в большей мере использует персонал, манипулирует им.

В семейной сфере в настоящее время семья не должна быть обязательной в жизни людей, а если она и есть, то отношения дистанцированы между супругами, каждый озабочен своим личностным ростом, дети не являются обязательными, а если и есть, то зачастую это один и в очень немногих семьях – два ребенка. Занятость родителей максимальна, заботы по уходу за детьми переключаются на гувернанток, школу, институт. Сегодня мотивом создания семьи может быть продвижение по службе или самоутверждение. Если и отдается дань традиции – заключается брак потому, что «так принято», то это, скорее, формальный атрибут (дань традиции) семьи, приоритет интимности, доверительности в общении практически отсутствует. Уходят семейные праздники и традиции. Растет количество детей, рожденных вне брака. Возникают виртуальные семьи. Об этом говорят данные О. В. Устиновой [16], Ю. П. Савицкой [15], Л. Л. Мехришвили [9], Н. Г. Хайрулиной [17] и других.

Дружественные связи также претерпели трансформацию. Они теперь больше похожи на дружбу, основанную на деловой полезности, чем личной симпатии. Психологические факторы выбора «значимых людей» больше не основываются на духовной близости. Как известно, российская культура опирается на значимость межличностных контактов. Сократилось количество друзей, время встреч. Отношения – более дистанцированные (виртуальные, телефонные).

СМИ (печать, радио, телевидение, интернет) также является важным институтом изменений психологии современного человека. Как показывают исследования, каналы активного, самостоятельного освоения информации вытесняются пассивными, интерпретационными. 80 % подростков предпочитают смотреть телевизор, чем общаться со сверстниками, около 60 % информации подростки черпают из СМИ. Интернет открыл новые возможности для человека: увеличился объем информации, скорость ее нахождения и доступности, а также открылись новые возможности для персонализации.

Изменения эти произошли очень быстро, лавинообразно. Энергетика изменений очень сильная. Р. Г. Ардашевым установлено четыре стиля поведения современного человека: авантюрный, творческий, конформный, обывательский [1–4]. Не думаем, что они присущи только россиянам, скорее, это внеисторические типы, они были всегда. В переходную эпоху социум призывает к авантурным и творческим стратегиям, именно они помогают выжить, об этом еще писал Л. Н. Гумилев.

Представим изменения в жизненном мире россиян и соотнесем их с представлениями о жизненном мире (табл. 5).

Соотнесение параметров образа, картины мира и образа жизни пенсионеров и молодежи

Жизненный мир	Представления о жизненном мире
<i>Представители условно старшего поколения</i>	
Пассивность, малые изменения	Следование традициям
Малая компетентность	Интуитивизм
Идеализм	Отношения Я и Другие
Осторожность, адаптивность	Стабильная среда
<i>Представители условно среднего поколения</i>	
Адаптивность, множество изменений	Формирование норм и правил
Желание быть компетентным	Профессионализм
Рационализм	Прагматизм
Построение карьеры	Выживание
<i>Представители условно младшего поколения</i>	
Активность, множество изменений	Нарушение традиций
Высокая компетентность	Рационализм
Прагматизм	Отношения Я и Другие
Рисковость, самореализация	Экстремальная среда

Как видно из таблицы, жизненный мир представителей условно старшего поколения отличается от жизненного мира представителей условно среднего и младшего поколений. Люди старшего возраста следуют традициям, нацелены на адаптацию, а не на изменения среды. В их образе, картине мира преобладает восприятие среды как стабильной. Отсюда они придерживаются более теплых отношений, идеализируя их. Для них существует устоявшаяся точка зрения на отдельные аспекты жизни. В группе более молодых людей преобладает восприятие окружающей среды как нестабильной, поэтому они готовы меняться, быть активными и мобильными. В отношениях они более прагматичны, цели их более рациональны. Социальная среда им предъявляет требования большей компетентности. Представители среднего поколения занимают среднюю позицию.

Современному человеку необходимо выработать новый способ построения жизненного мира. Виртуализация, глобализация, массовизация общества изменили условия социализации и жизни всех поколений.

Жизненный мир является источником развития человека. Конструкт «ригидность – гибкость» является параметром готовности к изменчивости образа жизни человека, его саморазвития. Изменения в жизненном мире проявляются в трех сферах: семья, дружественные связи, работа. Субъектами образа жизни являются поколения людей.

Одной из целей нашего исследования было выделение общей биографии поколения на основе его жизненного мира. Она позволяет показать системное и структурное содержание жизненного мира каждого поколения и формы его трансформации.

Люди придают смысл своему жизненному опыту. Наша задача – понять и объяснить, что объединяет каждое из поколений. Критерии выделения жизненного мира поколения – повторяющиеся метафоры, сравнения, характеристики, запомнившиеся события, касающиеся жизни страны, локальной территории (область, город, район), отдельного человека; степень отождествления себя с этими событиями; социальное самочувствие в разные социально-исторические периоды.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 25–27.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 56–63.
4. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 40–48.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
6. Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: игрализационный подход: монография / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии. М.: МГИМО-Университет, 2006.
7. Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10 000 слов. М.: Астель-АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 500.
8. Левада Ю. А. Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблема методологии анализа // Экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 14–18.
9. Мехришвили Л. Л. Социальный капитал поколений через призму эмоциональной включенности и солидарности социальных практик // В поисках социальной истины: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 168–182.
10. Полошкевич О. А. Критерии взаимодействия жизненного мира и качества жизни // Социология. 2008. № 4. С. 208–221.
11. Полошкевич О. А. Жизненный сценарий поколений // Социология. 2020. № 3. С. 28–45.
12. Полошкевич О. А. Преемственность и разобщенность поколений в трансляции масс-медиа в современной России // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях: сборник научных материалов Всероссийской (заочной) с международным участием научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. 2018. С. 665–669.
13. Полошкевич О. А. Солидарность поколений в современной России // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XV Межрегион. науч. конф. молодых ученых. 2017. С. 157–159.
14. Полошкевич О. А. Социальное и личное пространство поколений // Социология. 2020. № 4. С. 132–148.
15. Савицкая Ю. П. Легитимизация незарегистрированных браков как предмет общественной дискуссии // В поисках социальной истины: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 222–228.
16. Устинова О. В. Традиционные и новые ценности института семьи и брака – где истина? // В поисках социальной истины: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск,

30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 228–232.

17. Хайруллина Н. Г. Общественные трансформации: эмоциональная солидарность и воспроизводство представителей различных поколений // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 182–189.

18. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 132.

19. Юнг К. Проблемы души нашего времени. М. : Прогресс, Универс, 1994. С. 204.

20. Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie / E. Husserl / Husserliana, Bd. VI. The Hague, 1962. p. 54.

УДК 364.35

ББК 65.32

Л. Л. Мехришвили, Тюмень

Сценарий успеха у представителей разных поколений

В статье рассмотрены различные стратегии успеха, актуальные для представителей различных поколений. Выявлены закономерности социальных эмоций и просоциальных практик поведения, способствующих социальной солидарности поколений. Обозначены основные тенденции развития перспектив успеха как социальной категории и социальной практики.

Ключевые слова: успех, сценарии успеха, поколения, преемственность, противоречия

L. L. Mekhrishvili, Tyumen

Scenario of “success” among representatives of different generations

The article discusses various strategies for success that are relevant to representatives of different generations. The patterns of social emotions and prosocial behavioral practices that contribute to the social solidarity of generations are revealed. The main trends in the development of prospects for success as a social category and social practice are outlined.

Keywords: success, success scenarios, generations, continuity, contradictions.

Сегодня модно быть успешным, добиться успеха, иметь успех и пользоваться успехом. Когда говорят о людях старшего возраста, обычно используют выражение «*быть успешным*», а про молодое поколение чаще говорят: «*он/она пользуется успехом*» или «*имеет успех*». Иными словами для современного человека успех выступает желанной характеристикой, причем каждый, кто стремится к успеху, вкладывает в понимание этого слова собственное значение.

В обыденном смысле под успехом понимают удачу в достижении чего-либо или общественное признание, а успешность того или иного человека, как правило, выступает в качестве критерия оценки и самооценки эффективности его жизни и деятельности. Успех невозможен без двух составляющих: активной, деятельной позиции человека и определенного рода мотивации, установки на достижение поставленной цели. Сложно не согласиться с утверждением о том, что жизненный успех любого человека детерминирован, с одной стороны, социальной средой, а с другой – индивидуальными особенностями его личности.

Успешный человек – это субъективный набор внешних и внутренних характеристик, меняющихся от эпохи к эпохе. Внешние характеристики в большей степени отражают ценности того или иного общества, внутренние зависят от меняющихся обстоятельств и условий жизни людей в конкретном обществе.

Установка на успех, чувство удовлетворенности от достижения поставленной цели, приобретение престижа и статуса являются значимыми элементами эмоциональной саморегуляции и самоотношения человека, которые непосредственно влияют на его психологическое состояние, способствуют профессиональной самореализации, служат стимулами для совершенствования личности.

В современной социологии существует множество концепций, так или иначе рассматривающих феномен успеха. Обычно при описании жизненного успеха исследователи выделяют различные объективные и субъективные факторы: материальное благосостояние, достижение профессиональных высот или высокого социального статуса, общественное признание, максимальное раскрытие творческих талантов, хорошие адаптивные способности, так называемую личностную эффективность и пр. На рубеже веков особую популярность приобрела теория рисков нелинейных социумов (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман), в основе которой лежит идея о трансформации современного индустриального общества в общество риска.

С одной стороны, успех – индикатор переживания индивидом результата собственных действий и усилий, с другой – показатель своеобразия его положения среди других людей и, следовательно, специфики его социальных связей и отношений (А. Адлер, С. Бандура, Э. Берн, Б. Бессонова, М. Вебер, В. Зомбарт, К. Левин, А. Маслоу, К. Мангейм, И. Шумпетер, А. С. Кравченко, Ф. Филиппов, В. Ядов).

На представления об успехе у представителей разных поколений влияют как рациональные, так и иррациональные стратегии восприятия реальности, что подробно представлено в работах Р. Г. Ардашева [1–5] и имеют различные варианты развития в виде оценок формирования оптимистов и пессимистов в обществе (О. А. Полюшкевич) [6–8], категорий счастья и успеха в целом (А. Н. Пружинин) [9].

В связи с этим представляется ключевым вопрос о рисках и угрозах нового социального порядка и способах их преодоления. Это позволяет говорить о новом понимании успеха в современном мире: главный признак успешности сегодня – открытость новациям, способность адаптироваться к изменениям и минимизировать встречающиеся на жизненном пути риски.

Мы исходили из гипотезы о том, что каждое поколение имеет свои представления об успехе и успешном человеке. В понятии «успех» фиксируются, скорее, объективные достижения в конкретной деятельности и в жизни в целом, а понятие «успешность» отражает субъективное переживание и условия достижения успеха. В исследовании приняли участие 1350

человек в возрасте от 18 до 75 лет, где респонденты были распределены на три группы (условно младшее поколение (18–34 года), условно среднее поколение (35–55 лет), условно старшее поколение (56 лет и старше). В исследовании приняли участие жители всей России, 56 % женщин и 44 % мужчин, занимающих разное социально-профессиональное положение.

Методами исследования выступал онлайн опрос и такие методы анализа полученного массива данных как транс-символический анализ и контент-анализ.

Транссимволический анализ социальных представлений об «успешном человеке» показал следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Транссимволический анализ представлений об «успешном человеке» среди различных поколений (в %)

Поколения	Когнитивный символ	Аффективный символ	Деятельностный символ
Условно младшее	Решительность (65) Смелость (54)	Энергичный (62) Харизматичный (54)	Получает (60) Добивается (53)
Условно среднее	Работа (64) Семья (61)	Заботливый (60) Отзывчивый (58)	Обеспечивает (59) Гарантирует (56)
Условно старшее	Дети (63) Семья (55)	Жизнерадостный (66) Любящий (64)	Заботится (63) Укрепляет (62)

Как видно из таблицы, «успешный человек» на всех уровнях для условно младшего поколения выражается в качествах (когнитивный уровень – решительность, смелость; аффективный – энергичный, харизматичный; деятельностный – получает, добивается). О какой бы области жизни мы не говорили, важны качества, а не состояния.

Чем старше становится человек, а вместе с ним и его поколение, тем большее находят выражение другие процессы. Для условно среднего и старшего поколения – это состояния. На когнитивном уровне – семья, дети, работа. Это можно объяснить нацеленностью молодого поколения на будущее, в котором называемые качества могут помочь, а для более старших поколений успех заключается в том, что есть или должно быть. В России все еще доминирующими являются ценности семьи и родственных связей. Работа в данном случае – это гарант «подтверждения» успеха. Это находит подтверждение в аффективных и деятельностных символах у среднего и старшего поколения. Причем для условно среднего поколения аффективные символы выражаются в прикладных рациональных аспектах (заботливый, отзывчивый), для старшего поколения – более субъективных и эмоционально-комфортных (жизнерадостный, любящий). Деятельностные символы у старших поколений совпадают по смыслу и содержанию (обеспечивает, гарантирует, заботится, укрепляет).

Также мы просили назвать людей, «добившихся успеха». Зная эти примеры, человек идентифицирует себя с ним, изменяя тем самым базовые установки своего поведения. Обычно выбирают некоторые черты успешного человека и инкорпорируются в личность.

Все ответы мы смогли разбить на несколько групп (табл. 2).

Таблица 2

Успешные люди в представлениях трех поколений

Типы успешных людей	Условно старшее поколение	Условно среднее поколение	Условно младшее поколение
Временная принадлежность (герои прошлого и настоящего)	Кутузов М. Суворов А. Сталин И. Петр I. Екатерина II	Жуков Г., Николай II, Путин В.	Путин В. Лавров С.
Родственники, знакомые, друзья	Мой сосед – Герой СССР. Воины, погибшие на войнах.	Мой дед. Моя бабушка. Моя мама	Мои родители
Профессиональная принадлежность	Каграманов К. Г. Солженицын А. Плесецкая М. Есенин С.	Эйнштейн А. Коперник Н. Пушкин А. Лермонтов М. Кобзон И. Гагарин Ю. Колумб Х. Пугачева А.	Джобс С. Гейтс Б. Цукерберг М. Дуров П. Дисней У. Волков А. Чудов М. Исинбаева Е. Липницкая Ю. Маккартни П. Синатра Ф. Миноуг К. Боуи Д. Джон Э. Джексон М. Мадонна Престли Э.
Выдуманные персонажи	Муромец И. Попович А. Тихомирова Е.	-	Бэтмен Человек-паук Стрела

Как видно из табл. 2, временную перспективу успешных людей условно старшее и среднее поколения обозначают историческими фигурами далекого прошлого, условно младшее поколение оперирует настоящим.

Говоря об успешных фигурах среди близкого круга, старшее поколение называет героев (живых или погибших) на полях сражений войн, т.е. людей, пожертвовавших собой во имя других («Мой брат погиб, защищая своих однополчан, давая им отступить на безопасную высоту», «Моя сестра спасала раненых солдат, вытаскивая их с поля боя, и сама однажды попала на мину и погибла»). Тогда как условно среднее и младшее поколения называют родственников, людей, добившихся чего-то для себя («Мои родители достигли всего сами и гордятся этим, я также хочу», «Мне есть на кого равняться – мой дядя смог заставить уважать себя по делам и поступкам весь город, и теперь у него власть, почет и уважение, он – настоящий герой»).

Говоря о профессионально успешных людях, старшее поколение называло фамилии ученых и деятелей культуры, ставших целой эпохой для многих (Солженицын, Плесецкая). Для условно среднего поколения это ученые (Эйнштейн, Коперник), деятели искусства (Кобзон, Пушкин, Лермонтов) и первооткрыватели (Гагарин, Колумб). Для условно младшего поколения это люди, добившиеся успеха в бизнесе (заработавшие много денег – Дуров П., Цукерберг М., Джобс С.), в спорте (ставшие всемирно известными победителями Исинбаева Е., Липницкая Ю., Чудов М.), в музыке (Маккартни П., Синатра Ф., Миноуг К., Боуи Д., Джон Э., Джексон М., Мадонна, Престли Э.).

Представители условно старшего поколения называют успешными выдуманные образы – персонажей сказок (Илья Муромец, Алеша Попович) или женщин, ставших руководителями крупных компаний (например, Екатерина Тихомирова из фильма «Москва слезам не верит»), тогда как более младшие поколения – называют персонажей комиксов (Бэтмен, Человек-паук, Стрела).

Это все позволяет говорить о ценностях каждого поколения, их уникальном портрете, который проявляется в критериях успешности разных людей. В ответах респондентов доминируют два фактора, характеризующих успешного человека и успех. Прагматичность – в него вошли такие термины, как «целеустремленный», «смелый», «энергичный», «настойчивый», «волевой», «решительный». Экзистенциональность – в него вошли такие термины, как «веселый», «добрый», «обаятельный», «отзывчивый», «любящий», «жизнерадостный».

У представителей условно младшего поколения на первом месте был фактор прагматичности, на втором – экзистенциональности. У представителей условно среднего и старшего поколений, наоборот, на первом экзистенциональность, на втором – прагматичность.

Иными словами, экзистенциональные контексты более важны для старших поколений, нежели чем для условно младшего. Ориентация молодого поколения на прагматизм вызвана общими социокультурными сдвигами, выразившимися в большей рационализации и прагматизации жизни, настойчивости, смелости, напористости в достижении поставленных задач. Средства массовой информации активно продвигают образ успешного делового человека, который обладает властью, уверен в себе, четко знает, что хочет и настойчиво стремится к своей цели. Старшее поколение все еще хранит в своем сознании экзистенциональные ценности, представления скорее об эмоциональных, нежели рациональных чертах, сопутствующих успеху, которые предполагают наличие таких качеств, как обаятельность, красота, честность, доброта, любовь и т. д.

Причем такие характеристики успешности, как «богатство» и «известность», для условно младшего поколения также более важны, нежели чем для старших поколений. Богатство и слава – одни из важных составляющих имиджа человека, достигшего успеха в жизни, в соответствии с

трактовкой современных отечественных СМИ. В подтверждение этого можно частично привести результаты частотного анализа персонажей, обладающих успехом, по мнению респондентов, первые места занимают В. Путин, А. Пугачева, Б. Гейтс, П. Дуров – люди известные и обладающие высоким уровнем материального обеспечения.

Оценивая успех, нельзя не коснуться вопроса удовлетворенности жизнью, которая формирует так называемую модель успеха.

В ходе исследования было выявлено, что все поколения связывают понятие «успех» с «достижением определенных целей», «преодолением каких-либо препятствий» (95 %). Но при этом условно молодое поколение успех также связывало с «везением», «удачей», «случаем» (64 %). Также условно молодое поколение говорило о внутренних характеристиках успеха «гармония с собой», «уверенность в себе», «гордость за себя».

Среди молодежи больше тех, кто ценит успех-процесс: *«Успех – это когда тебя уважают люди за то, что ты умеешь делать»*, *«Успех – это то, что приносит тебе радость от того, что ты делаешь, и деньги, потому что это делаешь ты»*, *«Успех – это когда я могу выразить себя на все 100 %»*, *«Успех – это когда тебе повезло получить деньги за то, что ты можешь делать и без денег»*.

Главный ресурс для достижения успеха у условно младшего поколения – личная активность и инициатива, возможность и желание прислушиваться к себе, непоследовательное и спонтанное развитие и незапланированное изменение жизни.

Для представителей условно среднего поколения успех связан со *«стабильным материальным положением»*, *«благополучным семейным положением»*, *с «хорошей работой»* (74 %).

Среди условно среднего поколения больше тех, кто ценит успех-результат: *«Для меня жизненный успех – это семья, дом, достаток»*, *«Успех – это когда у тебя есть семья, любимая работа, хорошая зарплата»*, *«Успех – это семья, карьера, работа»*, *«Успех – это когда твой доход 100 тыс. руб. в месяц»*.

Главный ресурс для достижения успеха у условно среднего поколения – опора на близкий круг, неготовность рисковать всем, стабильное и постепенное развитие, принимаются только плановые перемены.

Представители условно старшего поколения говорили как о внутренних характеристиках успеха – *«гордость за семью»*, *«радость за успехи детей»*, так и о внешних характеристиках *«материальное положение»*, *«финансовая безопасность»* (62 %).

Среди условно старшего поколения также доминировали ответы успеха-процесса: *«Успех – это уважение начальства и признание коллег»*, *«Успех – это когда ты кому-то нужен»*, *«Если тебе не стыдно за то, что ты делаешь – ты успешен»*, *«Жизненный успех – это когда останется что-то после тебя»*, но также были ответы и успеха-результата:

«Успех – это крепкая, большая, дружная семья», «Успех – это когда посадил дерево, построил дом и вырастил сына».

Главный ресурс для достижения успеха у условно старшего поколения – это опора на семью, непринятие резких перемен, стабильность развития.

Таким образом, успех – категория многозначная. При этом каждое поколение его интерпретирует в рамках собственного опыта, социализации и конкретного применения к своей жизни. Мы можем говорить о том, что имеется индивидуальный диалог между личным мировосприятием и социальным контекстом развития социальной реальности.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Астрология в жизни россиян: особенности сознания // Социология. 2020. № 4. С. 95–105.
2. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. редактор О. Б. Истомина. 2020. С. 243–247.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–44.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.
5. Ардашев Р. Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.
6. Полошкевич О. А. «Нормальный человек» в представлениях различных поколений // Трансгрессия социокультурного пространства : материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 71–77.
7. Полошкевич О. А. Оптимисты и пессимисты в современном мире // Социология. 2020. № 1. С. 328–340.
8. Полошкевич О. А. Солидарность поколений. Монография. Иркутск : ИГУ, 2014. 144 с.
9. Пружинин А. Н. Трансформация представлений о счастье // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях : материалы VII международной социологической Грушинской конференции / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : ВЦИОМ, 2017. С. 501–506.

Удовлетворенность жизнью: субъективные страхи различных поколений

В статье анализируются условия и формы удовлетворенности жизнью и социальные страхи представителей различных поколений. Выявляются общие черты, характерные для всех поколений и уникальные характеристики, свойственные каждому поколению в отдельности. Приводятся результаты эмпирического исследования уровня удовлетворенности и наличия социальных страхов у представителей разных поколений.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, социальные страхи, поколения, жизненные события, жизненные сценарии

R. G. Ardashev, *Moscow*

Life satisfaction: subjective fears of different generations

The article analyzes the conditions and forms of life satisfaction and social fears of representatives of different generations. Revealed common features characteristic of all generations and unique characteristics inherent in each generation separately. The results of an empirical study of the level of satisfaction and the presence of social fears among representatives of different generations are presented.

Keywords: life satisfaction, social fears, generations, life events, life scenarios

Удовлетворенность жизнью – сложный показатель, который является частью субъективного благополучия, которое, в свою очередь, определяется как «широкая категория феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей, их удовлетворенности отдельными сферами жизни, а также в их суждениях о качестве жизни в целом» [5]. Удовлетворенность жизнью обычно считается когнитивной стороной субъективного благополучия, которую дополняет аффективная сторона – положительные и отрицательные эмоции, которые человек испытывает в какой-то отрезок времени.

Удовлетворенность жизнью состоит из:

- 1) оценки социальной стороны жизни (семейное положение, социальные связи, друзья);
- 2) оценки профессиональной стороны жизни (образование, профессия, карьера);
- 3) оценки экономической стороны жизни (материальное положение, финансовая безопасность);
- 4) оценки личностной реализации (самореализация, развитие, духовный рост);
- 5) оценки социальной безопасности (войны, кризисы, возможности роста и развития) [4].

Иными словами, показатель удовлетворенности жизнью является прямым отражением социетального благополучия общества. Социальные страхи – это обратный показатель низкой удовлетворенности жизнью.

В исследовании Н. В. Андреевской проведен сравнительный анализ факторов удовлетворенности жизнью представителей разных стран [1]. В России уровень удовлетворенности жизнью на сегодняшний день один из

самых низких в Европе. Нейтральную середину выбрали 24 % опрошенных, ниже середины находятся 33 % россиян, а выше – 43 %. Ниже только в Болгарии и на Украине. Наиболее удовлетворены жизнью жители Скандинавских стран – Дании, Финляндии, Нидерландов, Швеции.

Ниже представлено распределение критериев уровня важности удовлетворенности жизнью у представителей трех условных поколений, также выделены средние показатели каждого составляющего элемента общего критерия удовлетворенности¹ (табл. 1).

Таблица 1

Важность критериев удовлетворенности жизнью у представителей трех условных поколений (в %)

(оценивалось по 10-балльной шкале, где 0 – неважно, 10 – максимально важно)

Критерии удовлетворенности		Условно старшее поколение	Условно среднее поколение	Условно младшее поколение	Средний показатель всех поколений	
Социальная сторона жизни	Семейное положение	8,1	6,4	4,2	6,2	5,5
	Социальные связи	4,2	5,1	8,1	5,8	
	Друзья	4,1	3,5	6,3	4,6	
	<i>Итого</i>	<i>16,4</i>	<i>15,0</i>	<i>18,6</i>		
Профессиональная сторона жизни	Образование	6,1	4,4	7,2	5,9	6,5
	Профессия	7,2	6,8	4,9	6,3	
	Карьера	6,4	7,6	8,1	7,3	
	<i>Итого</i>	<i>19,7</i>	<i>18,8</i>	<i>20,2</i>		
Экономическая сторона жизни	Материальное положение	7,3	7,1	9,6	8,0	7,7
	Финансовая безопасность	6,4	8,1	7,8	7,4	
	<i>Итого</i>	<i>13,7</i>	<i>15,2</i>	<i>17,4</i>		
Личностная реализация	Самореализация	6,2	5,3	7,7	6,4	5,0
	Развитие	5,1	5,6	7,2	5,9	
	Духовный рост	4,2	2,4	2,2	2,9	
	<i>Итого</i>	<i>15,5</i>	<i>13,3</i>	<i>17,1</i>		
Социальная безопасность	Война	4,7	4,5	4,2	4,4	5,4
	Кризисы	7,6	8,1	9,1	8,2	
	Возможности роста и развития	2,1	2,5	6,2	3,6	
	<i>Итого</i>	<i>14,4</i>	<i>15,1</i>	<i>19,5</i>		

Как видно из таблицы, наиболее значимым критерием в области удовлетворенности жизнью стала вполне понятная экономическая сторона жизни (7,7 %), на втором месте профессиональная реализация (6,5 %), что вполне объяснимо тем, что успешная экономическая реализация невозможна без профессиональной реализации (хотя профессиональная вовсе не является залогом экономической). Третье место занимает социальная сто-

¹ Исследование состояло из опроса (640 анкет) и полуструктурированного нарративного интервью (78 человек) и анкетирования (640 анкет). При обработке данных использовался контент- и дискурс-анализ.

рона жизни (5,5 %), хотя и зависит от возраста, четвертая – социальная безопасность общества (5,4 %) и замыкает группу критериев личностная реализация (5,0 %).

Средний показатель удовлетворенности экономической жизнью – 7,7 %. Это ключевой показатель для всех поколений. Статус индивида или группы людей в современном мире формируется благодаря экономическому положению. И соответственно, невозможность его удовлетворить или риски, связанные с его реализацией, формируют социальные страхи. Они наиболее важны для условно младшего поколения (17,4 %), для условно среднего (15,2 %), для условно старшего (13,7 %).

Средний показатель удовлетворенности профессиональной стороной жизни – 6,5 %. Он связан с экономическим показателем, так как является его производным. Одинаково важен для всех возрастов, так как пока профессиональная деятельность, профессиональное признание является условием получения материальных и социальных благ, источником удовлетворенности жизнью. Наиболее важен для условно младшего поколения (20,2 %), для условно среднего (18,8 %), для условно старшего (19,7 %).

Средний показатель удовлетворенности социальной стороной жизни – 5,5 %. Большие баллы удовлетворенности семейной жизнью и меньшие – дружескими отношениями. Хотя если рассматривать внутривозрастные ответы, картина меняется. Для более молодого поколения важны социальные связи и друзья, для более старшего – семья, что вполне соответствует традиционному укладу. Наиболее важен для условно младшего поколения (18,6 %), для условно среднего (15,0 %), для условно старшего (16,4 %).

Средний показатель удовлетворенности социальной безопасностью – 5,4 %. Наиболее важен для условно младшего поколения (19,5 %), для условно среднего (15,1 %), для условно старшего (14,4 %). Перспективы построения своего жизненного мира, цели и задачи, приоритеты и условия развития задаются внешними условиями, поэтому неудивительно, что социальная безопасность актуальна для всех поколений. Молодежь более активно интересуется данным вопросом из-за того, что этот фактор будет дольше, чем у других поколений, влиять и определять их жизнь.

Средний показатель удовлетворенности личностной реализацией 5,0 %. Для представителей всех поколений этот критерий является важным, но неосновным. Реализуется классическая иерархия потребностей – сначала материальные, потом духовные. Наиболее важен для условно младшего поколения (17,1 %), для условно среднего (13,3 %), для условно старшего (15,5 %).

В целом мы можем наблюдать сходство в критериях жизненной удовлетворенности у условно младшего и условно старшего поколений. Это говорит о преемственности ценностей и установок, несмотря на социальные потрясения. При этом имеются иррациональные условия конструирования социальных представлений [2; 3; 4]. Но все же есть и различия в оценке удовлетворенности жизнью различных поколений.

Для условно младшего поколения на первом месте профессиональная сторона жизни (20,2 %), на втором – социальная (18,6 %), на третьем – социальная безопасность (19,5 %), на четвертом – экономическая безопасность (17,4 %), на пятом – личностный рост (17,1 %).

«Удовлетворенность жизнью – это когда у тебя есть работа, где тебя ценят, и есть друзья, которые тебя уважают, и семья, где тебя любят», «Удовлетворенность жизнью – это когда у тебя есть любимое дело, на улице безопасно, есть друзья и любимые», «Удовлетворенность жизнью – когда ты уверен в работе и друзьях, знаешь, что хватит денег до конца месяца на жизнь».

Для условно среднего поколения на первом месте – профессиональная сторона (18,8 %), на втором – экономическая безопасность (15,2 %), на третьем – социальная безопасность (15,1 %), на четвертом – социальная сторона жизни (15,0), на пятом – личностная реализация (13,3).

«Удовлетворенность жизнью – это работа, приносящая финансовую независимость и профессиональное признание», «Удовлетворенность жизнью – это хорошая работа со стабильной зарплатой», «Удовлетворенность жизнью – это достаточное количество денег, социальная безопасность и уверенность в завтрашнем дне», «Удовлетворенность жизнью – это когда тебе хватает денег на жизнь и ты можешь позволить что-то большее, чем обычно».

Для условно старшего поколения, как и у молодежи, на первом месте – профессиональная сторона жизни (19,7 %), на втором – социальная (16,4 %), на третьем – личностная реализация (15,5 %), на четвертом – социальная безопасность (14,4 %), на пятом месте – экономическая сторона (13,7 %).

«Удовлетворенность жизнью – это когда тебя ценят и уважают на работе, у тебя есть друзья и семья», «Удовлетворенность жизнью – это когда в обществе порядок, на работе – полно заказов, в кошельке – есть деньги, а в семье радость», «Удовлетворенность жизнью – это полный кошелек, полная семья, много друзей и уверенность в завтрашнем дне».

После того как мы выявили наиболее важные критерии удовлетворенности, мы попросили оценить, насколько полно они реализуются в жизни респондентов, чтобы проследить сферы социальных страхов и напряженности. Картина получилась достаточно предсказуемая, но оттого не более радостная (табл. 2).

Как видно из табл. 2, наиболее удовлетворены в своей жизни социальной стороной (5,5 %) – семья, друзья, социальные связи в различном качестве и контексте присутствуют в жизни респондентов вне зависимости от их уровня заработка, карьеры, личностного развития или общей социальной безопасности в стране. Все аспекты социальной стороны жизни наиболее важны для условно младшего (17,4 %) и условно старшего поколений (17,4 %), так как именно эти группы могут больше времени уделить общению со сверстниками, установлению новых связей и т. д. Для условно среднего поколения это также важно, но значительно меньше (14,9 %), что вызвано другими приоритетами в жизни.

**Уровень реализации критериев удовлетворенности жизнью
у представителей трех условных поколений (в %)**

(оценивался по 10-балльной шкале, где 0 – не удовлетворен, 10 – максимально удовлетворен)

Оценка реализации критериев удовлетворенности		Условно старшее поколение	Условно среднее поколение	Условно младшее поколение	Средний показатель всех поколений	
Социальная сторона жизни	Семейное положение	6,1	5,2	3,3	4,8	5,4
	Социальные связи	6,2	5,5	6,2	5,9	
	Друзья	5,1	4,2	7,9	5,7	
	<i>Итого</i>	<i>17,4</i>	<i>14,9</i>	<i>17,4</i>		
Профессиональная сторона жизни	Образование	5,2	3,2	4,5	4,3	4,8
	Профессия	6,1	4,3	4,5	4,9	
	Карьера	5,5	4,2	6,6	5,4	
	<i>Итого</i>	<i>16,8</i>	<i>11,8</i>	<i>15,6</i>		
Экономическая сторона жизни	Материальное положение	3,1	3,3	2,1	2,8	3,1
	Финансовая безопасность	3,2	4,2	3,1	3,5	
	<i>Итого</i>	<i>6,3</i>	<i>7,5</i>	<i>5,2</i>		
Личностная реализация	Самореализация	4,5	4,4	6,5	5,1	4,6
	Развитие	5,5	4,6	5,9	5,3	
	Духовный рост	4,2	3,1	3,1	3,4	
	<i>Итого</i>	<i>14,2</i>	<i>12,1</i>	<i>15,5</i>		
Социальная безопасность	Война	3,3	3,1	5,1	3,8	4,8
	Кризисы	5,4	7,7	7,3	6,8	
	Возможности роста и развития	3,2	3,2	5,4	3,9	
	<i>Итого</i>	<i>11,9</i>	<i>14,0</i>	<i>17,8</i>		

Третье место делят профессиональная сторона и социальная безопасность (4,8 %).

Для условно старшего поколения профессиональная сторона наиболее важна (16,8 %), для условно среднего (11,8 %), для условно младшего (15,6 %). Причем для старшего поколения важен аспект профессии (6,1 %), так же как и для условно среднего поколения, хотя и в два раза меньше (3,1 %). А для младшего поколения – более важна карьера (6,6 %). Сам факт образования также более важен для старшего поколения (5,2 %).

Важность социальной безопасности снижается с возрастом. Для условно младшего поколения (17,8 %), для условно среднего (14,0 %), для условно старшего (11,9). Это можно объяснить тем, что нет гарантий, особенно для молодого поколения, что при их жизни не случится каких-то социальных бедствий, которые не изменят все представления и уклад жизни. Неизвестность пугает.

«Я боюсь того, что если будет кризис, не смогу обеспечить себя и своих близких», «Мне страшно, если начнется война, я не хочу идти в армию», «Неясно, что ждать от будущего, в котором нет гарантий того, что ты сможешь преуспеть».

Второе место по отсутствию удовлетворенности занимает критерий личностного развития (4,6 %). Наиболее неудовлетворенны представители

условно молодого поколения (15,5 %), среднее поколение (12,1 %), старшее (14,2 %). По мнению респондентов, причиной этого является нехватка времени либо средств для реализации проектов, способствующих личностному развитию. Хотя, по нашему мнению, это всего лишь способ оправдать собственное бездействие.

«Я не удовлетворен тем, чего я достиг в личном развитии, был моложе – мечтал о большем, а сейчас... бытовые проблемы забирают много времени», «Я недовольна своим развитием, потому что мне не хватает времени на себя, много работаю».

Замыкает ряд (первое место) низкий уровень удовлетворенности экономическим положением (3,1 %). Этот показатель объединяет все поколения.

«Я считаю, что удовлетворенность жизнью могут дать только деньги – у меня их нет в том количестве, что мне хотелось бы, стало быть, я недоволен и это вызывает во мне страх», «Ограниченное количество денег меня пугает», «Меня пугает то, что я живу от зарплаты до зарплаты, а еще и три кредита. Денег не вижу».

Иными словами, то, чего больше всего хотят изменить, то и вызывает большее напряжение как внутри отдельных поколений, так и всех вместе. Для наглядности мы составили график наиболее важных критериев уровня удовлетворенности жизнью и реального их удовлетворения в жизни респондентов, который показывает серьезный социальный и личный диссонанс, провоцирующий социальные страхи и неуверенность в завтрашнем дне (рис. 1). Это вполне согласуется с данными исследований Левада-центра [9] об отсутствии уверенности в своем завтрашнем экономическом благополучии у многих россиян.

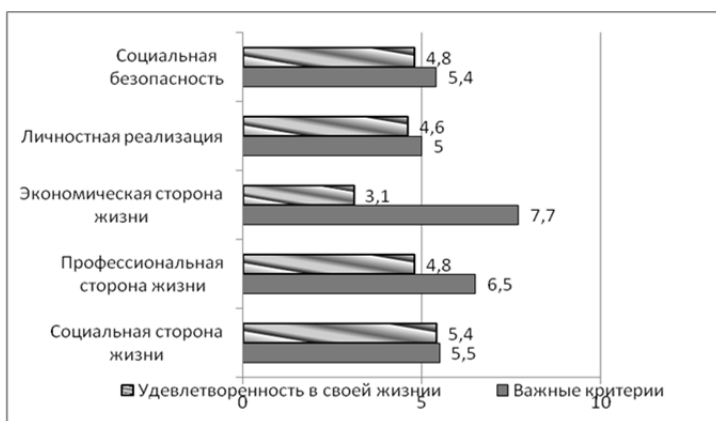

Рис. 1. Сравнение критериев уровня удовлетворенности жизнью и реального их удовлетворения в жизни респондентов

Интересным является тот факт, что важность и реальное положение дел в профессиональной и экономической сферах достигают разрыва чуть ли не в два раза, тогда как в других категориях этот разрыв значительно меньше. Это объясняется либо нежеланием решать свои проблемы, либо чрезмерным давлением внешних институтов и реальной невозможностью что-либо изменить.

Мы попросили участников исследования дать 10 определений для представителей своего поколения, а также по 10 определений для представителей двух других условных поколений. В результате получены интересные данные.

Только 25 % участников исследования смогли дать по 9–10 определений; 43 % – по 5–7 определений и 33 % – менее 4 определений для каждого поколения. Всего получилось 1 850 определений.

Осуществляя контент-анализ ассоциаций с понятием «поколение», мы выявили следующие закономерности. Все ответы мы распределили на четыре группы: аффективные, когнитивные, деятельностные и аксиологические (табл. 3).

Таблица 3

Распределение характеристик поколений, %

Характеристики поколения	Условно старшее поколение	Условно среднее поколение	Условно младшее поколение
Аффективные	10	21	38
Когнитивные	26	27	14
Деятельностные	35	30	27
Аксиологические	29	23	21

Как видно из таблицы, у условно старшего поколения доминируют деятельностные (35 %) и аксиологические (29 %) характеристики в оценке своего и других поколений, что объясняется ценностями, которые они хотели бы передать своим детям и внукам, и реальной помощью, которую могут оказать своим родственникам. Для условно среднего поколения также важны деятельностные (30 %) характеристики, но на втором месте выступают когнитивные (27 %) характеристики. Первые важны, потому что это поколение активно взаимодействует как с младшим (своими детьми), так и со старшим (своими родителями) на деятельностном уровне (воспитывая одних и помогая другим). Для представителей условно младшего поколения важны аффективные (38 %) характеристики и также деятельностные (27 %). Первые – потому что позволяют оценивать другие поколения (их действия или отсутствие таковых, их внимание или его отсутствие и т. д.). Деятельностная оценка этого поколения нацелена на себя, т. е. они воспринимают деятельностную оценку старших поколений в отношении себя, тогда как другие поколения деятельностную характеристику в большинстве случаев воспринимают как собственное воздействие на представителей других поколений (табл. 4).

Таблица 4

Анализ семантических пространств в оценке поколений

Характеристики поколения	Условно старшее поколение			Условно среднее поколение			Условно младшее поколение		
	Оценка своего поколения	Оценка условно среднего поколения	Оценка условно младшего поколения	Оценка своего поколения	Оценка условно старшего поколения	Оценка условно младшего поколения	Оценка своего поколения	Оценка условно среднего поколения	Оценка условно старшего поколения
<i>Аффективные</i>									
Традиционные	Хранители	Преемники	Продолжатели	Реформаторы	Хранители	Бунтари	Новаторы	Опекуны	Ворчуны
Возрастные	Много пережившее	Догоняющее	Маленькое	Старое	Опытное	Подрастающее	Молодые	Старые	Древние
<i>Когнитивные</i>									
Семья	Родственники	Поддержка	Опека	Заботы	Проблемы	Воспитание	Претензии	Требования	Маразм
Дети и родители	Поддержка	Внимание	Конфликт	Поддержка	Закостенелость	Конфликт	Поддержка	Закостенелость	Конфликт
<i>Деятельностные</i>									
Воспитание	Передача опыта	Передача знаний	Контроль	Адаптация	Личный пример	Контроль	Послушание	Тотальный контроль	Ограничение
Поддержка	Внимание	Передача опыта	Участие в делах	Одобрение	Одобрение	Контроль	Поддержка в самовыражении	Формирование зоны дозволенного	Опека
<i>Аксиологические</i>									
Мораль	Долг	Правила	Нормы	Нормы	Долг	Запреты	Требования	Ограничения	Запреты
Идеалы	Единства	Поддержки	Внимания	Солидарность	Радость	Вера	Вера	Объединение	Надежда

Результаты исследования показывают, что оценка своего поколения более позитивная, нежели чем оценка других поколений, вне зависимости от того, какое поколение мы рассматриваем. Это вполне объяснимо с позиции социально-психологической защиты своего собственного положения и положения тех, кого можно отнести к одному поколению. Себя и тех, кто нам близок (по разным критериям), мы оцениваем более позитивно, нежели чем других. Что вполне согласуется с данными других исследователей в оценке «своих» и «чужих» (это исследования С. Г. Климовой [5], А. П. Романовой и С. Н. Якушенкова [6], А. В. Шипилова [7]).

Нами выделялось по две доминирующие характеристики (набравшие максимальное количество ответов (более 40 %) и встречающиеся среди ответов представителей каждого поколения).

Среди аффективных характеристик нами выделены такие категории, как «традиционные» и «возрастные». *Традиционные* указывают на оценку внутреннего содержания межпоколенческих и внутрипоколенческих отношений («хранители», «реформаторы», «бунтари», «преемники», «новаторы»). Интересен тот факт, что условно старшее поколение также оценивает себя самого, как и их оценивают представители условно среднего поколения («хранители»), – это показывает высокую согласованность в роли формирования преемственности. *Возрастные* отсылают нас к эмоциональному критерию выделения того или иного поколения («древние», «старые», «молодые»).

Среди когнитивных символов, идущих из реального опыта и практического знания, значительно больше негативных оценок и совпадающих ответов между представителями разных поколений. Например, «конфликт» в категории «дети и родители» является постоянной характеристикой молодого поколения, бунтующего против всех устоев. Также молодое поколение характеризует категорию «семья» как «маразм» и «претензии». «Поддержка» встречается у представителей условно среднего и старшего поколений.

Среди деятельностных символов у молодого поколения более негативная оценка воспитания и поддержки, выраженная в «ограничении», «контроле», «опеке»; для условно более старшего поколения характеристики более позитивны – «передача опыта», «адаптация», «поддержка». Иными словами, видна конфликтность в оценке.

Среди аксиологических символов наблюдается прямо противоположная картина. Все поколения одинаково оценивают мораль и идеалы, давая свои интерпретации, но внутреннее содержание весьма схоже – «единство», «поддержка», «внимание».

Процентный (количественный) анализ характеристик показывает одну картину (см. табл. 4), а семантический (качественный) анализ говорит о том, что больше всего совпадений по аксиологическим характеристикам, т. е. долевое их соотношение неодинаково, но смыслы, которыми они

наполнены, едины для всех поколений. На втором месте когнитивные, те сферы знания о поколениях, которые закладываются культурой и обществом, системой социализации, определяют данные приоритеты. На третьем месте – деятельностные характеристики – люди живут из повседневных потребностей, а поддержка родственников – одно из условий комфортной жизни, хотя это может сопровождаться ссорами, конфликтами и непониманием друг друга. И замыкают цепочку аффективные характеристики, которые строятся на субъективном переживании формирования преемственности поколений.

Неодинаковая оценка отношений внутри и между поколениями все же позволяет говорить о важности межпоколенческих отношений.

Список литературы

1. Андреевкова Н. В. Сравнительный анализ факторов удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения 2010. № 5 (99). С. 189–215.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик / В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–116.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
5. Климова С. Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13–22.
6. Мехришвили Л. Л. Социальный капитал поколений через призму эмоциональной включенности и солидарности социальных практик // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 168–182.
7. Романова А. П., Якушенков С. Н. Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях и размышлениях // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 49–55.
8. Хайруллина Н. Г. Общественные трансформации: эмоциональная солидарность и воспроизводство представителей различных поколений // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 182–189.
9. Шипилов А. В. «Свой», «чужие» и другие. От Античности до современности // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 103–112.
10. Экономическое положение // Левада-центр URL: <http://www.levada.ru/category/tegi/ekonomicheskoe-polozhenie>; Материальное положение россиян // Левада-центр URL: <http://www.levada.ru/19-12-2013/materialnoe-polozhenie-rossiyan>.
11. Diener E., Suh E. M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress // *Pshychological bulletin*. 1999. Vol. 125, N 2. P. 276–302.

Факторная обусловленность представлений о семейно-брачных отношениях современной студенческой молодежи

В статье актуализируется необходимость изучения мотивации вступления в брак современных молодых людей. Показывается представление молодежи о браке и семье. Отмечается положительное отношение молодых людей, как к гражданскому браку, так и к официально зарегистрированным отношениям. Выявляется, что неудовлетворительные экономические условия и такой фактор как возраст оказывают сдерживающее влияние на мотивацию создания семьи. Делается вывод, что обусловливают мотивацию вступления в брак современной студенческой молодежи психологические, социальные и физиологические факторы.

Ключевые слова: мотив, брак, семья, ценности, установки, молодежь, социальный возраст.

E. Y. Chernyakevich, *Saint Petersburg*

Factor conditionality of concepts of family and marriage relations of modern students

The article actualizes the need to study the motivation for marriage of modern young people. Compiled the idea of youth about marriage and family. There is a positive attitude of young people, both to civil marriage and to officially registered relations. It was revealed that unsatisfactory economic conditions and such a factor as age have a deterrent effect on the motivation for creating a family. Psychological, social and physiological factors determine the motivation for marriage of modern student youth.

Keywords: motive, marriage, family, values, attitudes, youth, social age.

В современном мире наблюдается активная трансформация семейных ценностей. Все больше различий появляется между моделями семейных отношений настоящего времени и теми, которые были ранее. Заметно, что отношение к браку среди молодежи претерпевает существенное изменение: оно становится более поверхностным. Большинство молодых людей не желают официально регистрировать брак и создавать семью. В последнее время гражданский брак стал самой популярной формой супружеских отношений. При этом вступая даже в такой вид брака, молодые люди не всегда серьезно задумываются над принятым ими решением. Зачастую в гражданских отношениях отсутствует цель рождения и воспитания детей. В первую очередь молодых людей волнуют вопросы материального успеха и выгоды. Первое место в иерархии их жизненных ценностей занимает работа, затем карьера и образование. В таких случаях гражданский брак выступает пробной версией брака, позволяет избежать трудностей, связанных с разводом. Нередко происходит откладывание создания семьи на более поздний период жизни, что приводит к всеобщему увеличению брачного возраста. С каждым годом мотивация вступать в брак у молодых людей продолжает снижаться, брачный союз прекращает быть пожизненным и легитимным: идет постоянное увеличение количества разводов, неполных семей, матерей-одиночек. В 99,9 % случаев союзы среди молодежи до 20-летнего возраста заканчиваются разводами [7]. Кроме этого, популярность гражданского брака способствует зарождению проблем, усиливающих кризис института семьи.

По мнению авторов семья является более сложной системой взаимоотношений, чем брак. Основная ее цель, как социального института, заключается в передаче норм морали от поколения к поколению [5]. Семья объединяет не только супругов и детей, но и других родственников, близких друзей и др. Создаваемая в браке семья сама укрепляет институт брака [2; 4]. Именно в семье в первую очередь закладываются основы межличностного взаимодействия, формируются установки, мотивация, жизненные ориентиры молодежи от которых будет зависеть полноценная жизнедеятельность всего общества [6]. Важное значение психологи придают рождению детей, так как только после появления детей брак перерастает в семью. Брак и семья подчиняются законам развития: они могут изменяться, перестраиваться, разделяться, давать начало другой семье [1]. Л. Б. Шнейдер отмечает такие мотивы вступления в брак, как «брак ради брака», когда возникает необходимость в образовании семьи, «престижность брака» и желание быть с любимым человеком [3].

Можно отметить, что из-за снижения роли семьи возрастает актуальность изучения представлений молодых людей о семье, мотивов вступления в супружеские отношения, которые оказывают активное влияние на устойчивость семейных отношений, на удовлетворенность браком. Выраженный индивидуализм молодежи, проявляющийся в потребительской позиции, приводит к тому, что в брак вступают не зрелые в личностном отношении молодые люди [1]. В проведенном нами ранее исследовании, было обнаружено, что представления молодежи обоих полов о будущем супруге носят идеалистический характер. И девушки, и юноши предъявляют высокие требования к будущему мужу или жене [8].

Несмотря на то что проблема готовности молодежи к браку изучается давно, вопросы семьи и добрачного воспитания актуальны и на сегодняшний день. Цель данной работы состоит в изучении мотивов вступления в супружеские отношения (брак) молодежи, представлений молодых людей о семье и браке. В исследовании приняли участие 50 студентов, обучающихся в вузе (25 девушек и 25 юношей). Средний возраст составил 18 лет. Анализируя социально-биографические данные, мы увидели, что большинство респондентов выросли в полной семье (84 %). Чаще всего в семьях двое детей (56 %), у 34 % респондентов участник исследования – единственный ребенок в семье, также есть семьи с тремя детьми (8 %), более трех детей имеют 2 % семей. У 34 % респондентов родители находятся в разводе. При этом развод произошел до совершеннолетия ребенка, у 2 % респондентов родители состоят в гражданском браке. 92 % молодых людей отмечают невозможность вступления в брак без любви, 8 % все же рассматривают такой вариант. В целом отмечается положительное отношение молодых людей к гражданскому браку (78 %), однако 10 % не одобряют данный вид брака, 12 % воздержались от ответа. По отношению к официально зарегистрированному браку часть молодых людей считают,

что регистрация брака не влияет на отношения (44 %), наряду с этим 32 % считают, что регистрация укрепляет брачный союз, однако 18 % называют его формальностью. Есть и те, кто считают, что официальный брак – это единственная возможная форма брака (6 %).

Анализируя ответы респондентов на незаконченные предложения «Я бы создал семью в настоящее время, если бы...» мы обнаружили, что респонденты одновременно называют разные мотивы. Например, самыми популярными мотивами являются психологические (58 %) – это любовь, совместимость с партнером, эмоциональная привязанность к человеку. Кроме того, 52 % молодых людей обращают внимание и на экономические мотивы – они готовы к созданию семьи при наличии материальной базы, стабильного дохода, собственного жилья и т. п. 44 % указывают на социальные мотивы (возраст, статус, престиж, давление родителей и т. п.) Некоторые респонденты указывают и на физиологические мотивы как важный фактор вступления в брак (16 %).

На основе проведенного кластерного анализа результатов, полученных с помощью незаконченных предложений «Брак – это...» и «Семья – это...» нами были получены кластерные структуры. Рассмотрим ассоциации респондентов, связанные с браком, объединенные в 4 кластера. Первый кластер был нами условно назван «Времяпровождение» в него вошли такие слова как «тепло», «сожительство», «время», «секс», «дом», «путешествия». С нашей точки зрения отсутствие в данном кластере слов, свидетельствующих о любви, привязанности, отражают в большей степени общее времяпровождение, удовлетворение потребностей. Второй кластер представляет собой ассоциации, связанные с рядом сложностей и проблем, которые могут возникнуть в браке. В него вошли «предательство», «насилие», «ипотека», что позволило нам назвать кластер «Проблемы брака». Отдельно выделяется третий кластер, названный нами «Социальный статус», так как молодые люди говорят о статусе, приобретаемом ими социумом в результате брака. Четвертый кластер отражает чувства, благодаря которым семья становится крепкой – это «любовь», «дети», «поддержка», «взаимопонимание», «ответственность». Кластер был нами назван «Семейные ценности». Таким образом, мы видим, что у молодых людей сложилось амбивалентное представление о браке. С одной стороны, в браке они видят такие положительные моменты как сердечную привязанность, семейные ценности, социальный статус. С другой стороны, брак может быть формальным и нести в себе неприятности, проблемы и неурядицы.

Рассмотрим ассоциации респондентов, связанные с семьей. Нами были выделены 3 кластерные структуры. В первый кластер попали ассоциации описывающие, с нашей точки зрения, общие характеристики семьи («друзья», «развитие», «забота», «ссоры», «союз», «взаимопонимание», «благополучие»). Этот кластер мы назвали «Мир семьи». Заслуживает внимание второй кластер, названный нами «Доверие и верность». Можно

сказать, что характеристика семьи, данная респондентами отличается от характеристики брака: брак ассоциировался с негативными проявлениями (предательством, насилием). В свою очередь третий кластер схож с кластером, полученным при ответах на вопрос «Брак – это...» и был назван нами «Семейные ценности», в который молодые люди добавляют наличие родственников.

Мы предположили, что «социальный возраст» может являться фактором, влияющим на отношение к браку. Нами было обнаружено, что в выборке преобладают молодые люди социального возраста «родитель» (рис.). Респонденты понимают важность общественных интересов, способны идти навстречу обществу, анализировать ситуации, способны посмотреть на конфликт со стороны, проявлять альтруистические поступки, сопереживать и понимать другого. Можно сказать, что их личные и общественные интересы проходят этап гармонизации.

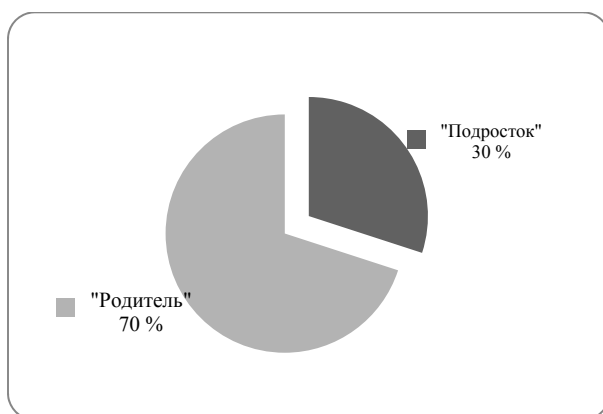

Рис. Показатели теста Е. П. Ильина «Ваш социальный возраст»

При этом 30 % респондентов понимают, что есть социальные нормы, но все-таки ими пренебрегут, если они будут противоречить личным интересам. Сопереживание, ощущение чужих страданий несколько ослаблено, выражено желание все ситуации разрешать в свою пользу. Пока еще присутствует конфликт между личными и общественными интересами, характерна неуверенность в себе, максимализм, комплексы. У данных респондентов доминирует социальный возраст – «подросток».

Корреляционный анализ, позволяет нам сказать, что те респонденты, для которых брак – это «времяпровождение», создание своей семьи связывают в большей степени с удовлетворением определенных потребностей (подошел возраст, приобретение статуса, престижа и т. п.) (0,33, $p \leq 0,05$). В то же время они в большей степени ценят в семье наличие «верности» и «доверия» (0,34, $p \leq 0,05$).

Показатель «социальный возраст» взаимосвязан с кластером «Семейные ценности» ($-0,33, p \leq 0,05$) и экономическими условиями, обуславливающими создание семьи ($0,37, p \leq 0,05$). Можно сказать, что молодые люди, находящиеся в социальном возрасте «родитель» более самостоятельны, готовы покинуть родительскую семью, ценности которой для них уже не настолько важны. В свою очередь создание собственной семьи связано с наличием высокого материального достатка. И наоборот, респонденты с социальным возрастом «подросток» в большей степени привязаны к семье, ценят ее. Биологический возраст также взаимосвязан с представлениями о браке. Чем старше становится молодой человек, тем в большей степени у него брак ассоциируется с социальным статусом ($0,35, p \leq 0,05$). Наряду с этим он желает создать семью на основе любви, эмоциональной привязанности, взаимопонимания ($0,35, p \leq 0,05$).

Таким образом, мы видим, что современная молодежь основополагающим мотивом вступления в брак называет любовь. В большинстве своем молодые люди поддерживают гражданский брак. В отношении официально зарегистрированного брака, мнения расходятся: часть респондентов отмечает отсутствие влияния регистрации на взаимоотношения, часть считает, что регистрация отношений укрепляет брак. Брак для современной молодежи – это совместное времяпровождение, семейные ценности, социальный статус и наличие определенных разногласий, проблем. Семья в большей степени ассоциируется с союзом любящих друг друга людей, с наличием родственников, семейных ценностей. В семье совместно проживаются трудности и радости, должно быть обязательное присутствие доверия и верности. Барьерами для создания семьи в настоящее время для молодых людей являются неудовлетворительные экономические условия и молодой возраст. Мотивацией вступления в брак служат психологические факторы, социальные и физиологические. Биологический и социальный возраст также обуславливают мотивацию вступлению в брак.

Счастливая семейная жизнь – это важное супружеское достижение, основанное на выборе и работе над отношениями. От сегодняшнего отношения молодежи к браку и семье, от того, какие мотивы преобладают при решении вступить в брак или отказаться от него, зависит судьба семьи в будущем как социального института. У каждого человека есть свое субъективное понимание того, как сохранить отношения и брак. Перспективами дальнейших исследований может являться исследование непосредственно этих вопросов.

Список литературы

1. Андреева Т. В. Семейная психология : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2004. 244 с.
2. Дмитрийчук А. Ю. К вопросу о трансформации семьи в современном российском обществе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2018. № 2. С. 332–339.
3. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб. : Питер. 2012. 544 с.

4. Кубицкая Л. В. Я и моя будущая семья // Социально-педагогическая работа, 2010. № 6. С. 22 – 24.

5. Матушкина М. В. Представления современной молодежи о браке и семье // Развитие общественных наук российскими студентами, 2017. № 4. С. 49–52.

6. Проскурин В. Н. Семья основа социализации личности // Ярославский педагогический вестник, 1995. № 2(3). С. 42–50.

7. Сафина Н. Х. Особенности супружеских отношений на различных этапах становления молодой семьи : автореф. дис. канд. психол. наук : 19.00.13. Казань, 2004. 27 с.

8. Чернякевич Е. Ю., Селезнева А. П. Образ будущего супруга в представлениях молодых людей // Вестник современных исследований. 2019. № 3. 16 (30). С. 131–133.

УДК 316.75:173

ББК 60.55

А. А. Шахбазова, *Иркутск*

Роль семьи в межпоколенческой преемственности в социокультурном единстве социума

В статье анализируются причины ослабления межпоколенческой преемственности в современном обществе. Предлагаются способы выхода из сложившейся ситуации, угрожающей стабильности общества, путем взаимодействия семьи и учреждений духовной сферы общества.

Ключевые слова: поколение, лидеры, община, духовно-нравственные ценности

A. A. Shakhbazova, *Irkutsk*

The role of family in intergenerational continuity in the socio – cultural unity of society

The article analyzes the reasons for the weakening of intergenerational continuity in modern society. The ways of getting out of the current situation threatening the stability of society by means of interaction between the family and institutions of the spiritual sphere of society are proposed.

Keywords: generation, leaders, community, spiritual and moral values

Межпоколенческая преемственность и социокультурное единство социума – неразрывно связанные и важнейшие условия для формирования стабильного общества.

Сохранение традиций, духовно-нравственных ценностей, культуры всегда были залогом единства общества.

Немецкий социолог Карл Мангейм (1893–1947 г.) первым создал развернутую концепцию поколений. В статье «Проблема поколений»(1928 г.) он описал процессы передачи опыта от одного поколения другому, процесс устаревания и частичного разрушения прошлого, как условия прогресса [3].

Он выделил основные положения этой концепции:

На набор духовных ценностей, разделяемых поколением, влияют социально-экономические и исторические факты, пережитые обществом совместно».

«Одно поколение не едино, оно состоит из групп (селекций поколений), взаимодействующих и борющихся между собой; у каждой группы свои социальные, статусные, ценностные характеристики, но, тем не ме-

нее, их объединяют возраст, базовые ценности, социальный опыт и историческая память».

«Молодому поколению не под силу трансформировать базовые ценности. Эти изменения возможны только под контролем и в сотрудничестве, при идейном вдохновении старшего поколения» [1].

Также Мангейм разработал положение о том, что поколение вырабатывает новые коллективные идеи. Однако этот процесс зависит от динамичности перемен в обществе, чем их больше, тем больше вероятности, что эти идеи будут выработаны. А также, далеко не все представители поколения способны на выработку нового опыта. Только лидеры – активные, деятельные, способные к риску и ответственности.

Таким образом, «поколение» следует рассматривать с точки зрения социально – культурного взаимодействия разновозрастных групп общества, но не нужно забывать и о внутр поколенческом взаимодействии, как и о межпоколенческом.

Рассмотрим, как и почему межпоколенческая преемственность стала ослабевать в нашем российском государстве.

Преемственность поколений ярче всего проявляется в семьях. В традиционном обществе преобладание расширенных семей способствовало единению общества, так как все, кто жил в большой семье формировали в себе навык общности, сотрудничества с людьми разных возрастов. Житейская мудрость, духовные ценности передавались от старших к младшим. Жизнь и работа в большой семье на практике демонстрировали большую эффективность совместного труда, нежели одиночного. Следующий уровень преемственности можно отследить на уровне общины, которую в крестьянской среде называли миром. Община совместно решала все важные вопросы, помогала в трудных ситуациях тем, кто нуждался в помощи и обеспечивала единство общества. Народные пословицы подтверждают это: «Один в поле не воин», «С миру по нитке – голому рубаха», «Мир за себя постоит. Мира не перетянешь».

С распадом традиционного общества неизбежно видоизменяются и некоторые элементы, составляющие его структуру. Ломка традиций приводит и к деформации межпоколенческой преемственности. Прогрессивные реформы требовали разрушения общины для формирования прослойки собственников, для расширения в деревне товарно-денежных отношений. Революция 1917 г. трансформировала духовно-нравственные ценности общества, но ее идеологи, оценив силу общественного движения, важность коллектива, создавали условия для единения масс. Всесоюзные съезды, колхозы, совхозы, ударные стройки, национальный подъем во время Великой Отечественной войны – примеры использования символических ресурсов для объединения общества. Однако ослабление межпоколенческой преемственности в это время демонстрируют факты гражданской войны, когда рушились связи между поколениями и внутри поколений, легендарный факт доноса на отца Павликом Морозовым.

Причиной морально-нравственного и культурного упадка общества и разрыва межпоколенческой преемственности в нашей стране стала историко-культурная трагедия, случившаяся при распаде СССР. Гибель мощной идеологии, образа мысли и супер-коллективистской культуры серьезно ударило по целостности общества и повлекло ответную реакцию, а также повлияло на способность дальнейшего развития и социального изменения [4; 5].

До распада государство участвовало в объединении граждан, в воспитании, создавало действительно единое социокультурное общество. В дальнейшем оно перестало в той же мере это выполнять и людям нужно было самим для себя устанавливать нормы и правила поведения, новые ценности.

Следует отметить, что «перестройка» произошла и в жизни семей. Нормой стали нуклеарные семьи, молодые стремятся жить отдельно и независимо от старших родственников. Старшее поколение больше не может в прежней мере передавать опыт и обучать детей тем базовым ценностям и культуре, что были актуальны раньше. Развитие науки и техники формирует общество потребителей, что усиливает и ускоряет разрыв между поколениями. У молодого поколения все больше стремлений к индивидуализму, демонстрации своих отличий от остальных, что приводит к разъединению общества.

Сейчас же осознается необходимость ценностного совершенствования государства от либерального образца к идее устойчивого развития общества на основе базовых духовно-нравственных ценностей и культуры, выработанных людьми на протяжении многих веков.

Базовые ценности – «это конечные, целевые ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих) ценностей, направляющих его жизнедеятельность». Базовые ценности формируют «ядро сознания общества», которое в дальнейшем «управляет» над поведением как одного человека, так и над социумом в целом. К базовым мы относим такие ценности, как любовь, добро, семья и другое. Они передаются из поколения в поколение, и основа закладывается еще в детстве, юности человека, в процессе его первичной социализации через воспитание и подражание с усвоением опыта и культуры [2].

Важнейшими социальными институтами воспитания и межпоколенческой преемственности являются семья, система образования и сфера культуры. Семья передает традиционные ценности и культуру, все проходит в доверительной, уютной атмосфере через совместный труд, досуг, в соответствии с правилами, выработанными самой семьей, где важную роль играет генетическая память. В современном мире мы часто наблюдаем проблему неравенства семей не только в материальном смысле, но и в воспитательном потенциале. Благополучие семьи следовало бы измерять в психологической устойчивости для достоверной оценки качества будущей адекватной социализации детей.

Также в связи с нынешним устройством жизни важную роль играет институт образования, но он не может в полной мере обеспечить воспитание и социализацию (ФГОСы второго поколения), поэтому необходима совместная работа семьи и школы с приоритетом в воспитании семье.

Однако усилия школы не дадут должного эффекта, если массовая культура будет в своих творческих проектах и продуктах противоречить тем базовым ценностям, которые внедряются в сознание детей в школе и в семье. Бесконтрольность в использовании детьми интернета с массой «недуховного» контента тоже накладывает свой негативный отпечаток на формирование поколения и ставит под вопрос его целостность и стабильное развитие.

Безусловно, важно понимать, что только через совместную работу семьи и образовательных организаций, учреждений культуры, можно обеспечить преемственность и усвоение молодыми поколениями нравственных и культурных ценностей, создать условия для стабильного социокультурного развития общества.

Список литературы

1. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности россиян и других европейцев // Вопросы экономики. 2008. № 12. 311с.
2. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2. С. 7–47.
3. Вагин Д. Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskaya-preemstvennost-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-rossiyskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 27.01.2021).
4. Полюшкевич О. А. Семейная история и идентичность // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 221–228.
5. Полюшкевич О. А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.

ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

УДК 316
ББК 60.5

О. А. Кармадонов, Г. Д. Ковригина, *Иркутск*

Гражданский активизм в конъюнктивном аспекте

Рассматриваются ресурсы развития гражданского активизма через призму социальной солидарности. Выявляются инструменты конструирования конъюнктивного потенциала сообществ, активизирующих ресурсы активистов. Указываются последствия развития социальной консолидации в результате разнообразных гражданских инициатив.

Ключевые слова: гражданская активность, консолидация, социальная конъюнкция.

O. A. Karmadonov, G. D. Kovrigina, *Irkutsk*

Conjunctive civic activism

The article examines the resources for the development of civic activism through the prism of social solidarity. The tools for constructing the conjunctive potential of communities that activate the resources of activists are identified. The consequences of the development of social consolidation as a result of various civic initiatives are considered.

Keywords: civic engagement, consolidation, and social conjunction.

Гражданская активность является сегодня одним из самых актуальных объектов исследования в социальных науках. Тема эта поднимается в связи с проблемами усиления участия граждан в политической жизни страны, формирования гражданской ответственности, воспроизводства демократических институтов, образования и воспитания, и пр. В мировой науке создан довольно значительный корпус подходов и литературы, посвященной этим вопросам. Мы коснемся здесь только нескольких, получивших наибольший резонанс в международном и отечественном обществоведческом дискурсе.

Прежде всего необходимо подчеркнуть важность именно гражданской солидарности для формирования солидарного общества как такового. Без согласия по поводу основных моментов гражданственности, т. е. ответственности, активности, поддержки, и пр., весьма трудно достичь социального согласия. По словам Ю. Хабермаса: «Национальное сознание наделяет конституированное в формах современного права территориальное государство культурным субстратом для *гражданской солидарности*. Тем самым связи, сформировавшиеся между членами того или иного кон-

кретного сообщества, т. е. на основе личного знакомства, преобразуются в новую, более абстрактную форму солидарности. Хотя представители одной и той же “нации” являются и остаются друг другу чужими, они ощущают столь высокую ответственность друг за друга, что готовы на “жертвы” – например, нести воинскую повинность или налоговое бремя, образовавшееся в результате разделения труда» [8, с. 277–278].

Гражданская пассивность и распад социальных связей – едва ли не центральная проблема, которая волнует исследователей, что вполне логично, учитывая, что жизнеспособный социальный организм по определению должен характеризоваться высоким уровнем динамики процессов консолидации и воспроизводства, как конечной цели всякой здоровой социальной активности. Выражая это словами американского исследователя Квентина Кидда: «Участие в гражданской и политической жизни сообщества неразрывно связано с проблемой здоровья демократического общества» [10, р. 1603].

Тон обеспокоенности «здоровьем» демократии задал в свое время Роберт Патнэм, который в своей знаменитой работе «Боулинг в одиночку» высказал тревогу, что снижающееся гражданское участие является симптомом более широких проблем демократических обществ. Исследование Патнэма указывало на то, что связи, скреплявшие американское общество, за последние полвека ослабли настолько, что гражданское участие не просто резко уменьшилось, а уже угрожает самой ткани американской демократии. По словам Патнэма, – «наш коллективный интерес требует действий, вступающих в противоречие с нашим сиюминутным эгоистичным интересом. В современном обществе полно возможностей для свободного существования, необремененного обязательствами, и оппортунизма. Демократия не требует, чтобы граждане были самоотверженными праведниками, но в более скромных своих претензиях она все-таки предполагает, что большинство из нас большую часть своего времени искренне поддерживают ее» [15, р. 349].

Вместе с тем в работе, опубликованной спустя десятилетие, которое вместило в себя террористическую атаку в Нью-Йорке, и войну с «международным терроризмом», Патнэм уже считает, что дезинтеграция американского общества все-таки, не столь безнадежна, и американцы продемонстрировали способность к консолидации в драматичные моменты истории, хотя этнические и расовые границы по-прежнему остаются самым серьезным препятствием на пути к социальной гармонии [см.: 16].

В коллективном труде «Демократия под угрозой» Стивен Мачедо с коллегами также связывают гражданскую активность со «здоровьем» демократического общественного устройства. Как указывают авторы, – «Граждане участвуют в общественных делах реже, менее компетентно, с меньшим энтузиазмом, на меньших площадках, и менее равномерно, чем требуется для здорового и динамичного демократического устройства.

Американцы могут и должны гордиться историческими достижениями своей конституционной демократии. Но наша демократия не в том состоянии, в каком могла бы быть. Хотя некоторые аспекты гражданской жизни остаются прочными, и некоторая часть граждан все еще проявляют активное участие, американцы должны быть обеспокоены текущим состоянием дел. Под угрозой не наше выживание как нации, а здоровье и легитимность разделяемого нами политического порядка» [11, p. 1].

Продолжается эта тема в сборнике трудов «Нелояльные демократии», вышедшем под редакцией Роберта Патнэма и Сьюзен Фарр, где разные авторы приходят к заключению, что граждане богатых западных стран не удовлетворены ни правлением, ни политикой, в целом. Это недовольство является причиной снижения гражданского участия, веры в правительство, и в демократическую политическую систему, как таковую [см.: 14]. Один из авторов данного сборника, известный теоретик Ральф Дарендорф, в частности, пишет: «Общественная апатия, очевидная неготовность многих граждан к реализации своих прав, представляет новую и странную угрозу для демократии. Последняя всегда есть процесс проб и ошибок, в ходе которого шансы прогресса в человеческой жизни становятся возможными, если не определенными. Но это срабатывает только тогда, когда граждане готовы к пробам, и к признанию своих ошибок, т. е. необходимы активные граждане... Сегодня многие из них просто устали от того, что воспринимается ими как демократические игры» 14, p. 313].

Гарвардский философ Пиппа Норрис в своей работе «Демократический Феникс» также исходит из общей посылки о слабеющем гражданском участии. Основываясь на данных из целого ряда стран, Норрис доказывает, что традиционным видам гражданской активности приходят на смену новые формы гражданской вовлеченности, т. е. политическое участие скорее эволюционирует, нежели исчезает. Как бы то ни было, нигде в мире гражданский активизм не снизился, по ее мнению, так резко даже в своих традиционных формах (например, голосование), как в США. По мнению исследователя, вторящей здесь подходу Патнэма, изменить ситуацию можно только за счет расширения и развития двух основных компонентов социального капитала – социального доверия и «организационного активизма» (*associational activism*) [см.: 13].

Значительное внимание посвящается зарубежными исследователями тому, как формировать «настоящего гражданина». Большинство сходится на том, что в этом процессе чрезвычайно важна роль образования и воспитания, и общей гражданской информированности людей. Так, Дэвид Риччи в работе «Хорошее гражданство в Америке» исследует отношения между все более широко предоставляемым в США гражданством, и связанными с этим вызовами, с которыми сталкиваются как гражданская и политическая системы, так и сами граждане. Речь, по мнению Риччи, идет, прежде всего, о потребительской экономике, которая, помимо прочего, выталкивает на

периферию гражданский идеал, исторически находившийся в самом сердце республиканского представления о том, что такое быть хорошим гражданином. Потребительская экономика не обеспечивает граждан и информацией, необходимой для принятия решений, и способствует гражданскому равнодушию, поощряя граждан рассматривать общественный дебаты сквозь линзы потребительского маркетинга, нормой в котором является здоровый скептицизм [см.: 17].

Генри Милнер в работе «Гражданская грамотность» доказывает, что в дебатах по поводу социального капитала и гражданского участия часто упускается вопрос о том, что необходимо сделать для осуществления ответственного гражданства. Для достижения такового должна возрасти гражданская грамотность – знания и возможности граждан придать смысл их политическому миру. Милнер настаивает, что только страны, где большинство граждан способны понимать сложные управленческие решения, станут процветающими в глобализирующемся мире. По его мнению, экономическая глобализация придает элемент чрезвычайности выбору, перед которым стоят демократические общества. «Только общества ‘высокой гражданской грамотности’ подготовлены институционально к тому, что значимое большинство их граждан будут снабжены осмысленными картами, руководствуясь которыми, они смогут пройти через сложность решений с которыми столкнутся их сообщества» [12, р. 189]. Только такие сообщества, по мнению Милнера, могут надеяться на справедливое распределение цены глобализации и новых информационных технологий, при котором смогут рассчитывать и на все блага и преимущества, связанные с этими процессами.

Крэйг Риммерман в работе «Новое Гражданство» развивает одноименное политико-философское направление, складывающееся на Западе в течение нескольких последних лет. «Новое гражданство» во многом является продолжением идей партисипативной демократии, возникших в 60-х гг. прошлого столетия. Многие базовые ценности, провозглашаемые «новым гражданством», являются центральными и для партисипативной демократии, включая гражданское участие, политическое равенство, солидарность, доверие, терпимость к различным взглядам и людям, и особое значение, придаваемое гражданским организациям и ассоциациям. По словам Риммермана, – «Любой конфликт между гражданами происходит в широком контексте разделяемых ими базовых ценностей, каждая из которых указывает на наличие больших интересов сообщества. ...Цель *нового гражданства* – вновь соединить политическую теорию и политическую практику. Переосмысленное понятие гражданства – это активные, вовлеченные, и информированные граждане, т. е. демонстрирующие все то, что охватывается позитивным понятием свободы» [18, р. 30].

Тому, как «создавать» гражданина, посвящен сборник трудов «Сообщество имеет значение» под редакцией Верны Геринг. В сборнике иссле-

дуются самые разные аспекты гражданского участия и жизни сообщества, от гражданского образования до дебатов по проблемам мультикультурализма. Анализируется также воздействие обязательной воинской повинности на степень гражданской вовлеченности, что, напомним, традиционно было сквозным мотивом воинской обязанности в Советском Союзе⁴. Главный исследовательский фокус сборника – на том, как создать гражданина, как граждане находят (или не находят) согласие, и как связаны между собой гражданство и участие в служении обществу [см.: 9].

Строго говоря, «служение обществу» – это то, что объединяет все приведенные (и не приведенные) исследовательские подходы. Причем акцент делается на служении, прежде всего, сообществу, т. е. непосредственной социальной среде индивида, в которой он живет, социализируется, трудится, растит детей. По словам К. Кидда, «гражданское участие – это не более чем повседневное вовлечение индивидов и их собраний в решение вопросов и проблем их сообществ» [10, р. 1606]. Тем самым, основным мотивом и предельной целью гражданского активизма у вышеуказанных зарубежных авторов выступают, опять же, консолидация сообщества и его социальное воспроизводство. Последнее, реализованное на местном уровне, делает возможным и социальное воспроизводства общества в целом.

В отечественной науке представления о гражданской активности, ее интенсивности, направленности, и составе претерпели известную эволюцию. Еще 10–15 лет назад среди отечественных авторов доминировали представления об «исторической апатичности» россиян, их малой способности к социальной консолидации и коллективному отстаиванию своих прав. Теоретико-методологически эта аналитическая линия многим была обязана концепции «монологизации» российской культуры А. С. Ахиезера, который полагал, что гражданское равнодушие является традиционным для российского общества, и сформировалось еще в период пришествия варягов. «Правители ставили своей целью прежде всего монологическое укрепление административной власти князей, соответствующего аппарата. говорит Ахиезер. Это давление “сверху” очевидно близко соответствовало уровню развития рядового человека “снизу”, не ощущавшего потребность брать на себя ответственность за целое» [1, с. 27]. В этом же «квиеитистском» ключе рассуждают и ряд других исследователей. Так, Л. Б. Гудков говорил о том, что подчинение российской власти имело своим следствием «общую апатию, безучастность, пассивность граждан, инфантилизм населения. ...Подобный режим двоемыслия ...порождает человека достаточно эластичного, чтобы выносить внешнее давление и контроль (“русское терпение”), и вместе с тем не способного к коллективной солидарности или систематической рационализации собственного действия, готового при-

⁴ Конституция СССР. Статья 63. «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР – почетная обязанность советских граждан».

способиться к любым переменам в своем положении ценой снижения запросов и качества жизни» [2, с. 27].

Отказывала российским гражданам в какой-то вменяемой активности и способности к консолидации и В. Г. Федотова, доказывавшая, что «Буржуазный автономный индивид в корне отличается от этого загнанного в угол одиночки. Западный индивид *автономен, независим*, инструментально *рационален* и *персонально интегрирован*. <Российский> Анархический, негативно-свободный индивид не может быть автономным, является зависимым, ограничен в своей инструментальной рациональности, поскольку действует в море хаоса и персонально дезинтегрирован. Особенно напряженно складываются отношения самопомогающего себе негативно свободного индивида с другими» [7, с. 13].

О традиционной гражданской пассивности россиян говорят также А. П. Заостровцев, полагающий, что для нашего общества характерны отношения обмена «личных прав на государственные гарантии», в ходе которого возникает своеобразный общественный договор, предполагающий пассивность граждан [см.: 3], В. И. Пантин и В. В. Лапкин, считающие, что всякое согласие в российском обществе возникает исключительно в результате давления власти, не предполагающего активную роль граждан [см.: 5], Н. Е. Тихонова, усматривающая в отечественном социуме некий «негласный полусознательный договор», предусматривающий «взаимное ненасилие» со стороны власти и общества, в котором последнему отводится тем самым крайне пассивная роль [см.: 6] и др.

Представление о россиянах, как традиционно пассивных в гражданском отношении достаточно спорно, и подвергалось уже критике в общественности. Так, по мнению О. А. Кармадонова и М. К. Зверева, попытки усмотреть корни гражданского равнодушия в культурно-исторических основаниях и ментальных структурах российского народа представляют собой, своего рода, «инверсию категорий, традиционно приписываемых русской ментальности, при которой ее недостатки превращаются в продолжение ее достоинств. Так, терпеливость и невзыскательность русского человека трансформируются в неспособность к рационализации и повышению жизненных запросов, а его равнодушие к сфере политических отношений – в неспособность к политической консолидации. При всем дефиците правосознания (Э. Соловьев), свойственного русскому мировосприятию, мы все-таки полагаем, что полный отказ русскому человеку в способности к коллективным действиям не находит подтверждения в реальности, в том числе – исторической. Чем, интересно знать, было массовое гражданское движение в “смутное время” (XVII в.)? Или столь же массовое движение на раннем “политизированном” этапе перестройки?» [4, с. 130–131].

Отметим, что в последнее время в отечественной социальной науке начинает преобладать именно такой – более взвешенный, конструктивный

подход к состоянию гражданского активизма в российском обществе. Не в последнюю очередь этот аналитический разворот обусловлен социальной практикой – конкретной эмпирической реальностью, в которой от исследователя требуются все большие усилия для того, чтобы продолжать «верить» в гражданское равнодушие россиян, и не замечать противоположных явлений.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Монололизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 24–34.
2. Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 16–30.
3. Заостровцев А. П. Конституционная экономика, общественный договор и российское общество // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 56–68.
4. Кармадонов О. А., Зверев М. К. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 223 с.
5. Пантин В. И., Лапкин В. В. Политическое самоопределение российского общества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 4. С. 78–87.
6. Тихонова Н. Е. Личность, общность, власть в российской социокультурной модели // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 30–40.
7. Федотова В. Г. Апатия на Западе и в России // *Вопросы философии*. 2005. № 3. С. 3–19.
8. Хабермас Ю. Политические работы. М. : Праксис, 2005. 368 с.
9. Community Matters: Challenges to Civic Engagement in the 21st Century / ed. Gehring V. V. Rowman & Littlefield, 2005. 112 p.
10. Kidd Q. Civic Engagement: A Topic as Old as Jefferson and As New as Today // *Choice*. 2010. Vol. 47, N 9. P. 1603–1615.
11. Democracy at Risk: How Political Choices Undermine Citizen Participation, and What We Can Do about It / ed. Macedo S. Washington, DC : Brookings Institution Press, 2005. 188 p.
12. Milner H. Civic Literacy: How Informed Citizens Make Democracy Work. University Press of New England, 2002. 256 p.
13. Norris P. Democratic Phoenix: Reinventing Political Activism. New York : Cambridge University Press, 2002. 308 p.
14. Disaffected Democracies: What's Troubling the Trilateral Countries? / eds.: Pharr S. J., Putnam R. D. Princeton : Princeton University Press, 2000. 360 p.
15. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon & Schuster, 2000. 544 p.
16. Putnam R. D., Sander T. H. Still Bowling Alone? The Post-9/11 Split // *Journal of Democracy*. 2010. Vol. 21, N 1. P. 9–16.
17. Ricci D. M. Good Citizenship in America. Cambridge, 2004. 313 p.
18. Rimmerman C. A. The New Citizenship: Unconventional Politics, Activism, and Service (Dilemmas in American Politics). Westview Press, 2010. 240 p.

Социальная активность горожан (на примере Иркутска)

В статье анализируются особенности развития социальной активности горожан, рассматривается влияние публичного пространства на условия, механизмы и формы социальной активности. На примере Иркутска показывается специфика развития гражданской и социальной активности в публичных пространствах города.

Ключевые слова: городская идентичность, публичное пространство, гражданская активность, повседневное пространство

O. A. Polyushkevich, *Irkutsk*

Social activity of townspeople (on the example of Irkutsk)

The article analyzes the peculiarities of the development of social activity of citizens, examines the influence of public space on the conditions, mechanisms and forms of social activity. On the example of Irkutsk, the specifics of the development of civic and social activity in public spaces of the city are shown.

Keywords: urban identity, public space, civic engagement, everyday space.

Публичное пространство является важным элементом городской среды. Оно ее определяет, задает рамки и нормы, является критерием и одновременно условием существования гражданского общества. На протяжении своего существования оно выполняло разные функции: от торговой, зрелищной до религиозной и политической. Сегодня публичное пространство – это место соединения интересов власти, бизнеса, общественности и прочих социальных институтов.

Сегодня собрание незнакомцев в рамках публичного пространства происходит зачастую по принципу интересов или профессиональной необходимости, консолидируя отдельные сообщества и группы. Этот аспект вызывает особый интерес у психологов, социологов, урбанистов, политологов, маркетологов и прочих специалистов, изучающих принципы функционирования и развития данного пространства как такового и его участников, в частности. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» регламентирует порядок и формы организации мероприятий в публичных пространствах города [1].

Представителям социологии города в 20-х гг. XX в. в рамках Чикагской школы были проведены классические исследования о динамике групп внутри городов, об уровне солидарности и отчужденности, идентичности и воздействии на эти процессы концентрических кругов пространства города (Р. Парк, Э. Берджесс). Уже во второй половине XX в. в Анри Лефевром были окончательно сформулированы принципы, нормы и механизмы воздействия городского пространства на психологию человека и целых социальных групп. Его ученики и последователи П. Бурдьё, Э. Сейи, Д. Харви развили и внесли ряд уточнений и проработанных меха-

низмов работы в этот подход. Их идеи объединяла мысль, что пространство конструируется социумом под влиянием социокультурных и исторических изменений, и именно пространство влияет на мысли и чувства, эмоции и убеждения горожан. В то же время новые социальные практики могут также влиять на город и, по словам Лефевра, это звучит как «написание пространственного кода» (способ жизни в пространстве, способ его понимания и развития на индивидуальном и социальном уровнях). Сойи делает акцент на неравномерном развитии пространства города, которое приводит к еще большей дифференциации и стратификации. Д. Харви смещает акцент с пространства города на места в городе, которые определяют контекст и вектор развития города. В этом смысле публичное пространство – это место, которое позволяет быть видимым. Это место, в рамках которого реализуются культурные, интеллектуальные, гражданские и иные проекты, позволяющие гражданам проявлять свой интерес, позицию. Где реализуется их право на город, через протестные практики, практики культурного производства, через практики повседневности и досуга и т. д.

В современных социологических теориях доминируют две трактовки публичного пространства. Первая – публичное пространство, где вырабатываются важные решения, не связанные с локальными интересами отдельных лиц или групп лиц (Х. Арендт, З. Бауман, Ю. Хабермас). Оно чаще упоминается в контексте борьбы за город в политическом или экономическом аспектах, а также при решении общественно актуальных вопросов. Вторая – публичное пространство, где протекает публичная жизнь, протекает социальное взаимодействие (И. Гоффман, Д. Джекобс, Л. Лофланд). Оно чаще применяется в контексте социального взаимодействия и воспроизводства, позволяющего создавать условия для контактов незнакомых людей, получающих либо удовольствие, либо знание, либо какой-либо опыт от совместного времяпрепровождения, где каждый может быть собой и показать это другим или же попробовать *быть другим*, установить новые *правила игры*.

Публичное пространство обеспечивает неформальное взаимодействие для всех, кто заинтересован в нем. Тут реализуются события, конструирующие пространство города, это площадка для важных в локальном городском пространстве событий, определяющих этот город [9; 12]. При этом возникают достаточно разнообразные иррациональные стратегии объяснения происходящих событий [2–7].

Благодаря публичным местам города повышается качество жизни человека. Чем больше публичных пространств в городе – тем больше возможностей для реализации и развития видит в себе индивид [10; 11]. Публичные пространства могут быть ориентированы на внешний вид улиц, скверов и площадей (скамейки, кафе, набережные), так и внутреннюю наполненность и разнообразность событий (музыканты играют музыкальные произведения, художники выставляют свои работы, ученые читают

публичные лекции, специалисты их разных областей проводят публичные лекции и прочее).

Одним из критериев публичного пространства выступает помимо удобства, еще доступность, безопасность, возможность наблюдать или стать участником действия. Интересным моментом выступает тот факт, что улицы наполненные автомобильными пробками или пустынные официальные площади не вызывают желания там задержаться, хотя формально выступают публичными местами [13–16]. Так же как и однотипные застройки, многоэтажными домами целых районов приводят к психологическому подавлению человека, который из пространства города переносит свою социальную активность в новые сферы жизни – в виртуальное пространство, где есть те же условия для переключения и досуга (коммуникация, реализация, признание), но нет ограничивающих рамок внешних (здания, улицы) и внутренних (интересные персоны, новый опыт) рамок. Поэтому сегодня публичное пространство выступает местом трансформации индивидуальных и коллективных практик социального взаимодействия.

В нашей работе мы прослеживали, как городские публичные пространства Иркутска справляются со своими функциями публичного места. Для этого в 2019 г. мы провели опрос 2400 жителей Иркутска в возрасте от 18 до 65 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин.

Только четверть опрошенных (25 %) проводит свой досуг дома, остальные вне его стен. И чем моложе респонденты, тем чаще они бывают в публичных местах города. При более высоком социально-экономическом статусе их самих или их семьи, тем чаще они бывают в кофейнях, клубах и прочих заведениях предусматривающих плату, чем меньше доход и иные социально-экономические возможности, тем чаще они бывают на открытых публичных площадках (улицах, парках, набережных).

Более половины из опрошенных 54 % имеют *свои городские места*, еще 26 % ищут *свое место*, осваивая новые городские пространства.

Я знаю старинные дома и улицы Иркутска, люблю по ним блуждать. Стараюсь не пропускать «Прогулки по старому Иркутску», которые проводит Алексей Петров по вторникам (М. Н., переводчик, 32 года).

В Иркутске есть «мои места», где всплывают какие-то воспоминания и ассоциации. Но я бываю и в новых пространствах, мне интересно кто туда приходит, о чем говорит, как смотрит на жизнь (А. Ш., член общественной платы, 58 лет).

Мы с друзьями всегда встречаться в новых местах, это новые ощущения и пространства, которые помогают получать что-то непривычное, необычное, что может украсить повседневную рутину (Д. А., врач, 29 лет).

Отдельно респонденты указывали на знаковые места для Иркутска, которые выступают местами фиксации коллективной памяти – 75 % (Церкви, Храмы, городские парки и скверы) и домашние территории – 25 % (жилые двory и улицы, особенно в старой части города).

Встреча у Сашки (памятника Александру III) на набережной – это наше место для сбора всей компании. И мои родители в юности там же встречались, сейчас конечно реже, но тоже бывает... Место определяет формат встречи – песни под гитару, вино, романтическое настроение ... (С. А., студент, 19 лет).

У Храма Святой Рюкочи в Иркутске удобно встречаться или чуть дальше у Иркутских ворот. Эти места все знают. Там много народа, всегда есть куда пойти (М. Ю., юрист, 27 лет).

Сквер на площади Графа Сперанского или по-старому Сквер Кирова – является местом встречи влюбленных, различных групп по интересам. Придите туда в разное время и всегда вы увидите несколько компаний, несколько парочек, пара тройка одиноких интересующихся граждан. А если еще там какие-то выставки организуют в летнее время (художники, те, кто делают своими руками украшения, вяжут одежду или свечи выливают – словом хенд-мейд), то народу в пять раз больше будет (С. В., преподаватель, 34 года).

У дома Шубиных я всегда встречаюсь со своей девушкой. У дома Волконских – встречаюсь с друзьями. Как-то так повелось. Всем удобно добираться из разных концов города (С. А., программист, 23 года).

Эти места объединяет так называемое повседневное пространство – там можно побывать несколько раз в неделю, без особой цели, оно становится обыденным и только какие-то новые персоны, мероприятия организованные там могут вызвать интерес и особо запомниться, тем что там проводят больше времени чем обычно или совсем иначе как обычно.

Также существуют пространства привычного досуга, там, где респонденты регулярно проводят свое свободное время. Это становятся торговые комплексы с развлекательной зоной (61 %), кафе или пиццерия (21 %), кинотеатр (18 %). Для большей части респондентов важна компания, а не место встречи. При этом группу объединяет ориентация на внешние стимулы (покупки, еда, просмотр фильмов).

Не всякая кафешка или пиццерия подойдет нашей большой компании. Поэтому важна возможность перестановки столов, гуманный ценник, сытные блюда (С. Ю., студент, 20 лет).

Мы с подругами встречаемся в «нашем» рок-кафе. Это место, с которым есть свои воспоминания у всех нас. И приятно вспомнить и хорошо отдыхается (А. П., экономист, 41 год).

Сегодня торговые комплексы предлагают все, что может быть интересно современным женщинам – шопинг, встречу с подругами там же, возможность посетить кинотеатр (Е. Н., блогер, 29 лет).

С друзьями мы встречаемся в кинотеатре, а потом уже идем дальше – можем в кафе, можем на набережную – все зависит от настроения и погоды (В. В., психолог, 21 год).

Третьим блоком выступают незнакомые места или редко посещаемые места в городе (квест-комнаты (13 %), боулинг, караоке и другие клубы (18 %), библиотеки или музеи с неформальными мероприятиями (ночь в библиотеке, вечер стихов) – 21 %, что-где-когда? (23 %) и коворкинг-центры и открытые лектории 25 %. Эту группу объединяет ориентация на взаимодействие с другими участниками.

Я стараюсь раз в неделю ходить на публичные лекции. Обычно бываю в «Точке кипения» по понедельникам. Если есть возможность, то посещаю лекции и мастер-классы в другие дни (С. Н., предприниматель, 49 лет).

Сегодня становится можно проводить выставки, лекции или мастер-классы в музеях или библиотеках. Вот всей семьей на прошлой неделе были на мероприятии «Ночь в библиотеке», там и стихи читали нам и песни пели и в кафе чай пили. Всем понравилось. А посещение уже традиционного мероприятия «Ночь в музее» вообще завораживает и детей и бабушек. Туда ходим регулярно (В. В., домохозяйка, 52 года).

Я состою в клубе «Что? Где? Когда?» и не пропускаю ни одну внутреннюю встречу и тем более, когда у нас соревнования (С. О., системный администратор, 26 лет).

Я люблю петь и регулярно хожу в караоке-клуб, где совершенно с незнакомыми людьми поем песни, и так хорошо и радостно после этого! (Л. Л., финансовый консультант, 32 года).

Именно представленность третьей группы определяет развитость публичного пространства в городской среде, так как предполагает взаимодействие с незнакомыми людьми в полной мере.

Критерием развития коммуникативной функции публичного пространства выступает социальность (ресурс формирования сообщества), когда незнакомые люди формируют связи, позволяющие решать совместные задачи. В исследовании мы выявили две позиции: первая – при посещении публичных мест респонденты не устанавливают новых контактов, общаясь преимущественно с теми, кто с ними пришел (свои друзья) – 39 %, т. е. социальность выражена недостаточно ясно в тех публичных местах, где бывает данная группа респондентов. И 45 % отметили то, что публичное пространство создает условия для социального взаимодействия незнакомых людей, и они этим пользуются.

Интересным моментом выступает то, что только 29 % хотели бы завести полезные знакомства в публичных пространствах; 18 % уже завели интересные знакомства, остальные 53 % не рассчитывают на данные моменты. Иными словами, коммуникативная функция в публичных пространствах Иркутска развита не достаточно хорошо.

Я прихожу в Точку кипения или InLermontov для того чтобы найти контакты, которые помогут мне реализоваться, быть лучше, чем есть сейчас (А. Г., маркетолог, 27 лет).

Я нашел работу через человека, с которым встретился в Караоке клубе, так что никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь (Т. Т., финансовый аналитик, 44 года).

Везде одна тусовка, и если ты ее частью не являешься, то навряд ли когда-либо станешь (А. Н., хореограф, 27 лет).

Еще одна функция публичного пространства как уменьшение социальной инклюзии отдельных социальных групп (субкультуры, инвалиды, пенсионеры и проч.). Вхождение различных маргинальных сообществ в публичные пространства позволяет им вписываться в рамки места и города в целом, не быть в полной мере чужаками, увеличивая эмпатию и сопричастность с остальными горожанами. В исследовании мы выявили достаточно слабо проявленную данную функцию. Только 18 % отметили что в тех публичных местах, где они бывают что могут быть люди не похожие на них (по возрасту, религии, национальности, профессии и т. д.). То есть большинство публичных пространств Иркутска достаточно однородны. Хотя по мнению классиков урбанизма (Р. Сеннет, Л. Лофланд, Дж. Джекобс, Р. Ольденбург и др.), ценность публичного пространства как раз в разнообразии, в возможности вести диалог с теми, с кем ранее не могли пересекаться в одном пространстве.

Я вижу вокруг людей примерно таких же как и я. Конечно, пол, возраст, деньги у всех разные, но в целом – мы похожи (С. В., переводчик, 25 лет).

В публичных местах я вижу все время одних и тех же людей. Это своя тусовка. Так что сегодня навряд ли чужаки так вот просто могут влиться в него, только если это не эксперт в какой-либо области, который может чему-то научить (А. В., юрист, 33 года).

Организационная функция публичного пространства организует вовлечение горожан в общественную жизнь и формирование социальной ответственности за свою улицу, свой город, свою страну. Она позволяет создавать социальные действия, которые приводят к принятию коллективных решений по развитию городской территории.

В исследовании мы выяснили, что 16 % не знает, как они могут повлиять на управленческие решения и внутреннюю политику; 25 % указали, что у них есть возможность влиять на остальных, преобразовывать (изменять, украшать, благоустраивать); готовность обсуждать важные вопросы для какой либо группы в публичных местах отметили 12 % участников опроса; наличие лидеров в их окружении, которые могли бы собрать людей вокруг себя смогли назвать лишь 10 % респондентов; 37 % затруднились ответить на данный вопрос.

Мы мало что можем, тем более влиять на какие-то важные решения и вопросы. Только пыль в глаза пустить, так для этого вовсе и не надо собираться в публичных местах, для этого есть и социальные сети... (Т. Ю., учитель музыки начальных классов, 27 лет).

Если клич бросают те, кто организуют какие-то мероприятия, организуют приезд каких-то интересных людей – путешественников, фотохудожников – я стараюсь всегда приходить. Мне рассылка в вконтакте приходит (Г. А., журналист, 36 лет).

Самостоятельно организовывать какие-либо мероприятия, в которых могут принимать участие и другие люди, готовы лишь 26 % опрошенных. Это потенциал заполнения публичного пространства Иркутска на сегодняшний день. Большая часть из этой группы – это молодые люди до 35 лет. И 42 % готовы посещать локальные районные мероприятия, но не заниматься их организацией. 33 % респондентов отказались принимать участие в городских мероприятиях в их районе.

Я всегда хотела найти нишу для реализации и если получается, то я обязательно участвую в организации каких-либо мероприятий в нашем дворе или районе. Я бы хотела большего масштаба (Н. Е., бухгалтер, 32 года).

Организовывать мероприятия я точно не хочу, но прийти всей семьей недалеко от своего дома куда-либо и провести приятно время – почему бы и нет (С. С., строитель, 29 лет).

Отвечая на вопрос о том, какие эмоции и чувства вы испытываете, посещая публичные пространства города, респонденты говорили о радости (32 %), интересе (24 %), увлеченности (21 %), счастье (13 %), вдохновении (10 %). Плохое настроение у них бывает очень редко. Те, кто указывал, что не посещают публичных мест города отмечали в три раза чаще наличие плохого настроения и такие эмоции и чувства как уныние (22 %), раздражительность (18 %), угнетенность (16 %), безразличие (44 %).

Для тех, кто посещает публичные места – это возможность получить новые эмоции и состояния (77 %). Происходит реализация или компенсация развлекательного компонента в жизни. Городские события, которые позволяют расслабиться и повеселиться более привлекательны для респондентов (фестивали, концерты, пикники).

Возможность повеселиться, посещая клубы или кафе, где проходит какой-либо фестиваль, является для меня приоритетной, так как в суете офисной жизни слишком много безликого и чужого в обстановке (М. П., технический специалист, 33 года).

С друзьями мы всегда отрываемся по полной на концертах, так что потом еще неделю вспоминаем – как это было. Это просто незабываемые ощущения (Г. Т., архитектор, 28 лет).

Участие в тех же мероприятиях, но с мотивом причастности к важным городским событиям, позволяющим себя чувствовать частью этого города, формирующих территориальную идентичность актуально лишь для 33 % респондентов.

Таким образом, гедонистическая функция публичного пространства, направленная на досуг, развлечения, получение новых эмоций выступает

более важной, чем функция территориальной принадлежности и сопричастности с городской средой, ее прошлым, настоящим и будущим [6; 7]. Социальное (связующее) начало в городском публичном пространстве пока слабо развито. Если не работать над изменением данной ситуации, то усилится потребительское восприятие публичного пространства. Из пространства социального взаимодействия большая часть городских публичных мест станет пространством потребления тех или иных услуг или благ. Если нет взаимодействия в городском пространстве, то и города как такого уже нет. Это является серьезным поводом для изменения политики органами власти, которые регламентируются введением новых нормативно-правовых актов, регулирующих безопасность, комфортность, доступность и так далее в публичных пространствах Иркутска.

Когда горожанин выступает только потребителем, а не производителем городского публичного пространства, он увеличивает отчужденность, социальную атомизацию, социальную изоляцию, равнодушие к тем, кто его окружает. Поэтому, поиск рычагов изменения и управления городским публичным пространством выступает ключевым вектором социального воспроизводства.

На правовом уровне необходимо более детально и продуманно развивать формы регулирования социального публичного пространства, для поддержания институтов гражданского общества, а не для ограничения их деятельности. Правовая легитимация публичного пространства требует постоянного мониторинга и социального моделирования общественного развития.

Список литературы

1. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003. (ред. 01.05.2019) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 28.05.2019).
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик / В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 112–116.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 25–29
5. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2020. С. 100–104.
6. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 1 (42). С. 145–154.
7. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
8. Вахштайн В. С. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью // Новое литературное обозрение. 2013. № 3(121). С. 93–110.

9. Иванов Р. В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.

10. Лебедева Е. В. Публичное пространство постсоветского города: возможности для развития социальности и «кризис публичности» // Журнал социологии и социальной антропологии 2017. Т. XX. № 1 (89). С. 74–92

11. Лебедева Е. В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов. Социология, 2016. № 4. С. 107–115.

12. Лефевр А. Производство пространства. М. : StrelkaPress, 2015. 432 с.

13. Полошкевич О. А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона : материалы Второй регион. науч.-практ. конф. Иркутск : Репроцентр А1, 2019. С. 154–161.

14. Полошкевич О. А. Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2019. № 4. С. 143–150.

15. Полошкевич О. А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан // Социология. 2020. № 2. С. 299–305.

16. Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // Журнал социологии и социальной антропологии, 2011. № 14(5). С. 182–191.

УДК 304.2
ББК С54.С953

Е. К. Гудаева, Л. А. Гуринович, *Иркутск*

Повышение социальной активности школьников за счет участия в проектах волонтерской деятельности

Представлен практический опыт повышения социальной активности путем вовлечения школьников в волонтерскую деятельность. Показано влияние добровольчества на развитие личностных качеств школьников.

Ключевые слова: социальная активность, волонтерство (добровольчество), волонтерский проект.

E. K. Gudaeva, L. A. Gurinovich, *Irkutsk*

Increasing the social activity of pupils by participation in volunteer projects

The practical experience of increasing social activity by involving schoolchildren in volunteer activities is presented. The influence of volunteerism on the development of personal qualities of schoolchildren is shown.

Keywords: social activity, volunteering (volunteering), volunteer project.

Ускорение развития цивилизации требует внимания к формам и методам формирования новых качеств личности, а также социокультурной среде, являющейся одним из важнейших элементов, участвующих в этом процессе. Социальная активность выступает в качестве одного из системообразующих факторов формирования личности. Необходимо отметить, что в XXI в. такие агенты социализации, как семья и школа, серьезно теряют свои приоритеты среди таких факторов, что делает поиск новых форм взаимодействия, делает особенно актуальным. Развитие социальной активности у школьников является одной из важнейших задач общества.

Под социальной активностью понимается деятельность индивида, которая направлена на изменение окружающих социальных условий, способствующая более полному достижению интересов и удовлетворению потребностей [7]. В словаре [4, с. 7] представлено наиболее полное, по нашему мнению, определение социальной активности: «...сознательная, целенаправленная деятельность человека, социальной группы, общности, ориентированная на преобразование объективных социальных условий, формирование социальных качеств личности (группы) <...> характеристика деятельности, отражающая степень реализации и развития социальных возможностей людей (способностей, знаний, навыков, стремлений, целей, задач)...».

Социальная активность предусматривает повышение участие в социальных мероприятиях, проектах, которые направлены на общественное благо. Сущность социальной активности школьников заключается в формировании у них ответственности, самостоятельности и потребности в активной деятельности. Нам видится, что важна именно работа со школьниками, которые находятся в состоянии, когда происходят как биологические изменения, так и закладывание социальных основ, которые отражаются на гражданских и личностных качествах, проявляющихся в дальнейшем в любых формах социальных отношений.

К наиболее распространенным формам социальной активности школьников относится волонтерская деятельность, которая основана на добровольчестве. Она особенно актуальна именно для школьников, так как дает возможность им попробовать себя в различных сферах жизни общества и определиться с выбором жизненного пути.

Волонтеры – это индивиды, которые готовы на добровольной основе потратить свое время и силы на пользу обществу [1]. Волонтерская деятельность является одним из эффективных средств формирования и развития социальной активности. Школьники, занимаясь волонтерской деятельностью, приобретают новые социальные связи; учатся участвовать в общественной жизни; приносят пользу обществу; формируют социальную ответственность; активно саморазвиваются и самосовершенствуются [4].

Волонтерская деятельность, помогает школьникам проявить себя в различных сферах жизни общества, тем самым способствуя их профессиональному самоопределению. Она позволяет школьникам получить свой первый опыт работы, опыт общения и взаимодействия с различными людьми.

Разработка и внедрение волонтерских проектов, формирует у школьников умения и навыки развития будущих профессиональных и личностных компетенций. С этой точки зрения, именно волонтерство становится один из инструментов повышения социальной активности школьников.

В Иркутской области существует довольно большое число общественных организаций и объединений. Министерством по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области ежегодно

формируется банк данных о молодежных и детских объединениях. В нем имеются сведения о деятельности 1516 общественных организаций, в том числе без статуса юридического лица (в 2015 г. – 907, в 2017 г. – 1357 организаций), общая численность их членов составляет 128 411 чел. (в 2017 г. – 120 926). Из 35 организаций, вошедших в Реестр на 2018 г., 16 – областные, 19 – муниципальные молодежные и детские общественные объединения. Это объединения научной, творческой, спортивной, туристической направленности, детские и молодежные союзы, объединения, ведущие экологическое, культурное и патриотическое воспитание детей и молодежи, объединения, осуществляющие работу со студенческими отрядами Иркутской области. Общее число членов молодежных и детских общественных объединений, входящих в Реестр на 2018 г., составляет 12 182 чел. [2].

В 2019 г. был создан региональный проект «Социальная активность». Целью регионального проекта является воспитание гармонично-развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций, развитие волонтерства, развитие талантов. Проектом предусмотрены мероприятия по созданию условий наставничества, поддержке общественных проектов, в том числе в сфере волонтерства. Результатами реализации данного проекта является популяризация волонтерства, проведение информационной и рекламной кампании. Данный проект направлен на повышение социальной активности общества, через участие в различных проектах, в том числе волонтерства.

Также в Иркутской области стартовал совместный проект Ассоциации волонтерских центров и Российского движения школьников: «Лига школьных волонтерских отрядов». В проект вошли 10 школ, в том числе Иркутская школа № 69. Проект включает в себя создание по всей стране команд юных добровольцев в школах. Проект позволяет развивать добровольческую деятельность и вовлекать школьников в реализацию данного проекта. Школьники в процессе реализации данного проекта получают опыт участия в различных акциях, семинарах, выступлениях и самое главное опыт в волонтерской деятельности.

Участие школьников в различных волонтерских движениях, проектах, конкурсах и тренингах способствуют развитию у них таких качеств как: активная жизненная позиция; инициативность; конкурентоспособность; мобильность; умение принимать решение в разных ситуациях; коммуникабельность.

Волонтерская деятельность создает все необходимые условия для повышения социальной активности и развития личности школьника, помогая ему проявить свою индивидуальность, обрести устойчивость к социальным воздействиям.

Нам видится, что сегодня необходимо совмещать общеобразовательное обучение, получение дополнительных навыков как в проектной деятельности, так и в уже общеизвестных социальных движениях и социальных практиках, каковыми являются добровольчество, развитие творчества и формирование позитивных коммуникаций в реальной и виртуальной среде. Для многих школьников важным является получение дополнительных навыков, что осуществляется в различных формах дополнительного образования и включено в воспитательный процесс в виде кружковой деятельности. Так, кружковая деятельность способствует профилактике девиаций, например, пищевых зависимостей у школьников [3]. При этом те педагоги и наставники из числа молодежи, кто осуществляет формирование таковой, мало строят социальных связей с представителями других объединений с целью не просто копирования моделей из социальной практики, а именно для обучения этим видам дополнительной занятости молодежи, зачастую не имея возможности получить знания иначе, как самостоятельно, несмотря на то, что участники молодежной политики проводят семинары, летние школы и прочие виды обучения, из них часто выпадают либо педагоги, либо обучающиеся. Современные процессы интеграции требуют пересмотра этих практик. Совместное обучение и деятельность помогают подросткам расширить аудиторию референтных групп и акторов для совместной деятельности.

Профилактика возникновения и развития отклонений пищевого поведения у школьников, в учреждениях общего среднего образования, представляет собой систему целенаправленного педагогического воздействия и взаимодействия и психолого-педагогической поддержки, ориентированную на предупреждение возникновения препятствий развития полноценной личности. Если эти формы встраивать в школьные мероприятия, например, конкурсы, деловые игры, квесты, то они приобретут уникальность, а на мероприятиях городского уровня помогут расширить аудиторию тех, кто в качестве волонтеров сможет участвовать в совместной деятельности [3].

Таким образом, в процессе подготовки и реализации добровольческой деятельности школьники обретают уверенность в собственных силах и способностях, выстраивают новые социальные связи, получают новые навыки, которые позволяют индивиду вести насыщенную и продуктивную жизнь. Расширение спектра совместных социальных практик повлечет за собой формирование новых видов межпоколенческих взаимодействий. Результатом взаимодействия с внешними агентами социализации у школьников происходит нравственное, социальное, психологическое и деятельное развитие личности и повышение социальной активности.

Список литературы

1. Арсеньева Т., Загладина Х., Кондракова Э. Служить другим, чтобы найти себя (волонтерство и поступление в вуз) // Образовательная политика. 2015. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sluzhit-drugim-chtoby-nayti-sebya-volonterstvo-i-postuplenie-v-vuz/viewer> (дата обращения: 05.12.2020).

2. Государственный доклад «Молодежь Иркутской области». 2018 г. URL: <http://mmp38.ru/auth/%D0%93%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%202018.pdf> (дата обращения: 17.12.2020).

3. Гуринович Л. А., Мадойкина Е. В. Современная кружковая деятельность как форма социальной работы с обучающимися в образовательных организациях // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 30 ноября 2020 г. Иркутск, 2020. С. 340–344.

4. Ковалева Е. К. Формирование социальной компетенции подростков посредством волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnoy-kompetentsii-podrostkov-posredstvom-volonterskoj-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 05.12.2020).

5. Краткий словарь по социологии / авт.-сост. П. Д. Павленок. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 2011. 255 с.

6. Региональный проект «Социальная активность» // Иркутская область: официальный портал. URL: <https://irkobl.ru/region/priority/education/folder5/> (дата обращения: 01.12.2020).

7. Ситаров В. А., Маралов В. Г. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // Знание. Понимание. Умение. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-lichnosti-urovni-kriterii-tipy-i-puti-ee-razvitiya/viewer> (дата обращения: 04.12.2020).

УДК 316.346.053.

ББК 60.542.15:60.524.

В. А. Хандагурова, *Иркутск*

Влияние традиций на самосовершенствование человека и развитие добровольчества

В статье рассмотрена проблема отторжения у подрастающего поколения общественно-исторического опыта поколений, традиций, обычаев и устоев. Представлены результаты исследования влияния традиций на самосовершенствование человека и развитие добровольчества. Выявлены традиции, которые могут влиять на трансформацию человека и области, в которой он задействован. Также подчеркнуто, что передача традиций в современных условиях затруднена и требует решения данной проблемы.

Ключевые слова: традиции, этнос, самосовершенствование, добровольчество, межпоколенческое взаимодействие, развитие, источники традиций.

V. A. Khandagurova, *Irkutsk*

The influence of traditions on human self-improvement and the development of volunteering

The article deals with the problem of rejection of the younger generation from the social and historical experience of generations, traditions, customs and foundations. The results of the study of the influence of traditions on human self-improvement and the development of volunteering are presented. As a result of the research, traditions have been identified that can really influence the transformation of a person and the area in which he is involved. It is also emphasized that the transfer of traditions in modern conditions is difficult and requires a solution to this problem.

Keywords: traditions, ethnos, self-improvement, volunteering, intergenerational interaction, development, sources of traditions.

На сегодняшний день происходит активный процесс общественного развития, человечество переживает структурные и функциональные изменения, которые охватили такие сферы человеческой жизни, как экономика, политика, социальные отношения, культура. Поскольку в новом веке еще не сделано множества великих открытий, начиная очередную страницу в истории человечества, современному поколению дано узнать большее. Но с текущими инновациями, в условиях глобализации, ведущей к унификации, и универсализации, в бесконечном процессе прерывности и непрерывности, смены поколений, формаций и цивилизаций, затруднена передача накопленных ценностей материальной и духовной культуры, что поднимает проблему саморазвития человека. Сохранению и преумножению данных ценностей служат традиции, исследование которых позволяет формулировать и решать принципиально важные проблемы строения и функционирования общества и проводить содержательный анализ различных сфер общественной деятельности, а также прогнозировать дальнейшие социальные отношения. Так как духовные основания у каждой из сфер различны и данная ситуация обуславливает возрастание роли духовно-нравственных традиций, как реальной альтернативы вызову глобализации.

Фактически традиции, обычаи, обряды и ритуалы составляют фундаментальную роль в жизненном процессе и, непосредственно, в человеческом развитии, с точки зрения достижений в общественной и личной жизни, именно они стабилизируют отношения, закрепляя то, что было изучено на протяжении веков и поколений предками.

Прежде всего, люди – это биосоциальные существа, которые имеют место быть в обществе только естественным образом. В процессе социализации, в условиях воспитательной, образовательной деятельности, человек воссоединяется с обществом, становится частью коллектива и проникается духовным наследием культуры. Развивается индивидуальная личность, жизнь которой связана с культурными традициями, а история – с духовными устоями людей.

В современном обществе кардинально изменились процессы формирования личности, ориентации и смысла. Тип взаимодействия через информационные и коммуникационные системы влияет на межличностное общение. Человек отделяет себя от познания мира, игнорирует возможности науки, искусства и религии, игнорирует значение вещей и событий, что приводит к изменению уровня социальной открытости и близости человека и ограничивает возможные варианты взаимодействия, а также социальное поведение по-прежнему остается неизвестной основной частью. «Духовное и нравственное творчество с мировоззрением в принципе происходит в обществе, которое не меняется в течение жизни человека. Оно представляет собой сущность индивида, которая определяет его личность и судьбу» [1]. Таким образом, в социуме выстраивается борьба между «старыми» и «новыми» устоями, отношения между традиционными и ин-

новационными культурными образцами приобретают характер жесткой конкуренции, приводящей к вытеснению первых вторыми.

Влияние традиций на личностное совершенствование человека существенно, потому что народные традиции представлены образом, отражающим совершенные черты личности, нравственные нормы; также приведены примеры исторически установленных норм и взглядов, идеалов и символов. Интервью с экспертом Р. С. Ивановой подтверждает, что традиции – это уникальность, которая не будет представлена ни в одной инструкции или литературе (См. прил. 2). Основным источником будет человек, только в таком случае влияние будет истинным. Традиции – важная часть этнического взаимопонимания. Стоит помнить также, что процесс идентификации человека с культурными ценностями и духовным значением бесконечен.

Нельзя не отметить и влияние традиций на развитие добровольчества. Казалось бы, как традиции могут влиять на развитие какой-либо сферы, возможно косвенно, но при этом вносить свою значимость в продвижение той или иной области. Процесс социальной сплоченности, который имеет место в культурном контексте, может оказывать положительное влияние на личностный рост в различных направлениях, в частности, в области добровольчества.

Деятельность человека всегда антропологична, она направлена на достижение не только личных целей, но и всего человечества [3].

В ходе неструктурированного интервью с экспертом Р. С. Ивановой была обозначена проблема развития добровольчества без использования традиционных методов, поскольку каждый человек, желающий творить добро и участвовать в роли волонтера, воспитан по определенным канонам народных, семейных, культурных, религиозных традиций. Поэтому стоит заметить, что понятие «традиции», как фактор социализации, в процессе становления личности могут играть важную роль в развитии добровольчества.

А как развивалась бы эта область без данного фактора?

«А добровольчество может и будет развиваться без традиций, но будет ли оно полноценным?»

Ведь все идет из детства, из семьи» – Р. С. Иванова. (См. прил. 2)

Фактически, современное подрастающее поколение находится в сложной ситуации, когда родители теряют свою роль в распространении традиционной культуры нации из-за собственного переутомления. Школьные учебные планы зачастую не учитывают возрастные и психологические особенности детей и не всегда направлены на всестороннее развитие подрастающего поколения. В дошкольных программах рекомендуется проводить подготовительную работу, чтобы подготовить детей к духовному развитию. Духовное богатство народа очень тесно связано с народной педагогикой, нравственными проповедями [2].

«У народа были и есть известные представления, взгляды на жизнь, на воспитание и обучение появляющихся поколений, цели и задачи воспи-

тания и обучения их, известные средства и пути воздействия на юные поколения...совокупность и взаимозависимость их и дают то, что следует назвать народной педагогикой» [2].

Сегодня явно нарушается баланс между традициями и инновациями. Новаторский пласт культуры самоусиливается, углубляя противоречия между социокультурными институтами. Происходит смена ритма культурогенеза и внезапно меняются привычные для общества формы социокультурного взаимодействия.

Таким образом, влияние традиций как на развитие человеческой личности, так и на добровольчество велико и разнообразно. В процессе исследования выяснилось, что духовно-нравственная традиция составляет важнейшую часть духовной культуры народа. Возникает критическая ситуация, свидетельствующая о разрыве коммуникаций между современным и грядущим поколениями, тем самым лишая последних ценнейшего наследия народной художественной культуры. Это нарушает современную духовную связь с культурными традициями и творческим опытом предыдущих поколений.

Итак, традиции играют очень важную роль в жизни человека. Они стабилизируют общество, выражают его отчетливый характер и образуют общество более однородным слоем населения, соответственно влияют и на этническое самосознание и совершенствование личности.

Список литературы

1. Валицкая А. П. Образ России в контексте национального самосознания URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22787887&pf=1/> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Виноградов Г. С. Народная педагогика. Иркутск: Вост.-Сибирск. отд. Русск. географич. о-ва, 1926. 358с.
3. Данчай-оол А. А. Личность как основа сохранения культурно-исторической традиции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-kak-osnova-sohraneniya-kulturno-istoricheskoy-traditsii/> (дата обращения: 07.12.2020).
4. Несмачная Е. Н. Традиции культуры в духовно-нравственном воспитании личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-kultury-v-duhovnonravstvennom-vospitanii-lichnosti/> (дата обращения: 09.12.2020).
5. Николаева Е. М. Ценность традиций в социальном становлении личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-traditsiy-v-sotsialnom-stanovlenii-lichnosti/> (дата обращения: 07.12.2020).

Приложение 1

БЛАНКИ НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ

В данном приложении представлены бланки неструктурированного интервью, которые были использованы для выявления мнения эксперта по вопросам влияния традиций на совершенствование человека и развитие добровольчества. К экспертной оценке существующих вопросов о традициях и этническом самосознании была приглашена эксперт из сферы здравоохранения. Данные эксперты были выбраны не только по принципу существующей профессиональной должности, но также по принципу наличия опыта работы с людьми пожилого возраста, с которыми знание и понимание традиций необходимо. Протокол проведенного интервью представлен в приложении 2.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Иркутский государственный университет
Институт социальных наук
Кафедра социальной работы
Тел. (3952) 243–372
НЕСТРУКТУРИРОВАННОЕ ИНТЕРВЬЮ

Уважаемая Регина Савельевна!

Приглашаю Вас принять участие в экспертном опросе по исследовательскому проекту, которое проводится с целью выявления того, как традиции могут повлиять на самосовершенствование человека и развитие добровольчества. Предоставленные Вами данные, Ваши ответы на интересующие нас вопросы и Ваше экспертное мнение будет использовано в обобщенном виде в заключительной работе данного исследования.

Заранее благодарю за сотрудничество!

Время начала интервью: __ч. __мин.

Здравствуйте, Регина Савельевна! В первую очередь хотела бы поблагодарить вас за положительный ответ на запрос о проведении интервью, а также за помощь в исследовании! Наша с вами беседа будет для меня большим опытом!

1. Регина Савельевна, для начала расскажите, пожалуйста, о вашей профессии, в чем заключается ваша деятельность, и с какими группами населения вы работаете?

2. А существуют ли в ваших трудовых буднях традиции, привитые семьей с детства, переданные старшим поколением, которые вы используете в процессе трудовой деятельности?

3. Регина Савельевна, можно уточнить, какие именно традиции?

4. Считаете ли вы, что в вашей работе есть доля добровольчества, к которому привели те самые традиции и семейные устои?

5. Как вы думаете, традиции все-таки могут влиять на самосовершенствование, в вашем случае профессиональное, человека? И может ли добровольчество развиваться без традиций?

Анкета эксперта

Укажите, пожалуйста, некоторые сведения о себе

1. Ф. И. О. _____
2. Дата рождения _____
3. Занимаемая должность _____
4. Название организации _____
7. Специализация (по диплому) _____
8. Телефон для контакта _____
9. E-mail _____

Согласны ли Вы на использование Ваших персональных данных и результатов исследования в учебно-научных целях: да /нет

Благодарю за помощь в исследовании!

Время завершения интервью: __ч. __мин.

ПРОТОКОЛ НЕСТРУКТУРИРОВАННОГО ИНТЕРВЬЮ С ЭКСПЕРТОМ
Р. С. ИВАНОВОЙ

Интервьюер: Здравствуйте, Регина Савельевна! В первую очередь хотела бы поблагодарить вас за положительный ответ на запрос о проведении интервью, а также за помощь в исследовании! Наша с вами беседа будет для меня большим опытом!

Регина Савельевна: Здравствуйте, Валентина! Буду рада вам помочь, насколько это будет возможно в моих силах!

И: Регина Савельевна, для начала расскажите, пожалуйста, о вашей профессии, в чем заключается ваша деятельность, и с какими группами населения вы работаете?

Р. С. : Я работаю медсестрой отделения диализа, с людьми, страдающими хронической почечной недостаточностью и острой почечной недостаточностью. Вообще деятельность весьма многообразна, заключается непосредственно в проведении самой процедуры, а также в подготовке пациента к постановке диализного доступа, ухода за ним и обучении пациента правилам жизни с ним, разъяснении постпроцедурных рекомендаций, контроле за состоянием пациента, как перед началом процедуры диализа, так и во время и после ее проведения.

И: Спасибо! Работа ваша нелегка. А существуют ли в ваших трудовых буднях традиции, привитые семьей с детства, переданные старшим поколением и многие другие, которые вы используете в процессе трудовой деятельности?

Р. С. : Безусловно! Знание и понимание традиций не может быть лишним, поскольку в нашем отделении преобладает количество пожилых пациентов с ограниченными возможностями, нуждающихся не только в лечении, но и в социально-психологической помощи и моральной поддержке. Как минимум в том, что нужно каждого пациента выслушать, опросить о самочувствии, питании, а иногда и подбодрить, настроить на процедуру.

И: Регина Савельевна, можно уточнить, какие именно традиции?

Р. С. : То, чему нас учили с детства, относиться к старшим с уважением, уметь слушать и не перебивать, быть равнодушным и уметь сострадать, элементарно поздравить пациентов с каким-либо праздником! Бывают случаи, когда пациентам необходима помощь в медицинском обследовании у других специалистов, сопровождении, поиске нужных лекарств или выписке рецептов для льготного обслуживания – в таких ситуациях мы также востребованы.

И: Я впечатлена, вы человек с большим сердцем! Отсюда формируется следующий вопрос: считаете ли вы, что в вашей работе есть доля добровольчества, к которому привели те самые традиции и семейные устои?

Р. С. : Думаю, скорее да, чем нет. Потому что ни в одной должностной инструкции не будет указано, как относиться к пациентам, о чем их расспрашивать и т. д. Я считаю, что именно мое воспитание в традиционных условиях, образование и окружение привели к тому, кем я сейчас предстою.

И. : Как же здорово, когда человек настолько ответственно относится к своей работе! Как вы думаете, традиции все-таки могут влиять на самосовершенствование, в вашем случае профессиональное, человека? И может ли добровольчество развиваться без традиций?

Р. С. : Да, могут. Традиции – это все-таки то, что бережно передается поколениями из уст в уста; то, что наживалось годами, а то и веками, это бесценный жизненный опыт, влияние которого на человека значительно, особенно в современных условиях. Думаю, что такая проблема будет актуальна среди молодежи, когда передача традиций затруднена, во времена прогресса и технологий. А добровольчество может и будет развиваться без традиций, но будет ли оно полноценным? Ведь все идет из детства, из семьи.

И. : Это действительно так! Регина Савельевна, благодарю Вас за продуктивную беседу и помощь в моем исследовании и напоследок попрошу заполнить анкету эксперта.

Анкета эксперта

Укажите, пожалуйста, некоторые сведения о себе

1. Ф. И. О. Иванова Регина Савельевна
2. Дата рождения 09.05.1980
3. Занимаемая должность Медсестра отделения диализа
4. Название организации ООО «НЕФРОПРОТЕК», п. Усть-Ордынский, Ирк. обл.
7. Специализация (по диплому) Сестринское дело
8. Телефон для контакта +7-(950)-082-69-55
9. E-mail regina_ivanova18@mail.ru

Согласны ли Вы на использование Ваших персональных данных и результатов исследования в учебно-научных целях: да /нет

Благодарим за помощь в исследовании!

И: Спасибо за вашу отзывчивость и открытость! Желаю удачи, терпения и сил в вашей нелегкой работе!

Р. С. И вам, Валентина! Успехов в исследовании и всего доброго!

УДК 364-4
ББК 65.9(2)27

Е. В. Распутина, *Иркутск*

Волонтерство как способ вовлечения в общественную деятельность студенческую молодежь

Рассматриваются особенности вовлечения молодежи в общественную деятельность. Особенно анализируются ресурсы волонтерства как формы социальной активности. Выявляются механизмы и инструменты его функционирования и технологии привлечения молодых людей к волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтер, волонтерская деятельность, общественная деятельность, студенческая молодежь.

E. V. Rasputina, *Irkutsk*

Volunteering as a way to involve student youth in social activities

The article examines the features of involving young people in social activities. The resources of volunteering as a form of social activity are especially analyzed. The mechanisms and tools of its functioning and technologies of attracting young people to volunteer activities are identified.

Keywords: volunteer, volunteer activities, social activities, student youth.

Участие студентов в общественной деятельности сегодня рассматривается как одна из важнейших технологий воспитания активного гражданина. Потребность в высоком уровне активности и вовлеченности в общественную жизнь общества студенческой молодежи очень высока. Одним из инструментов вовлечения в общественную деятельность студенческой молодежи, является волонтерство.

По данным исследовательского фонда «Общественное мнение» на ноябрь 2018 г. в организованном добровольчестве участвуют 14 % россиян, из них 35 % составляет молодежь и лишь 11 % студенты. Важность вовлечения студенческую молодежь в общественно полезную деятельность отмечена в национальном проекте «Образование», согласно которому пока-

затель «численность обучающихся, вовлеченность в деятельность общественных объединений, в том числе волонтерских и добровольческих» к 2024 г. должен составить 8,8 млн чел. [6].

В период активного становления гражданского общества, организация волонтерской деятельности среди такой категории как студенческая молодежь, рассматривается как одна из наиболее эффективных форм создания пространства для самовыражения и включения ее в активную общественную деятельность [4]. Студенческая молодежь в современном мире демонстрирует приоритет ценностей личностного развития, что и дает им общественная деятельность: навыки коммуникации, полезные связи.

Волонтерство как общественная практика реализуется в виде добровольной, сознательной, неоплачиваемой деятельности на благо других [4]. Она выполняет функцию нравственного воспитания, возрождая в молодежной студенческой среде такие ценности как, милосердие, гуманность, отзывчивость, гражданственность. Волонтеры регулярно участвуют в общественных делах, тем самым помогая более эффективно решать проблемы и задачи общества [5]. Для студентов, волонтерство является важным ресурсом, так как помогает реализовать свои профессиональные интересы и получить опыт в желаемой его сфере, ведь волонтерская деятельность существует во всех сферах жизнедеятельности общества.

Вовлечение в общественную деятельность студенческую молодежь с помощью волонтерства – активный процесс, который является актуальным в настоящее время. Участвуя волонтером, в общественной деятельности, студенты, в первую очередь, повышают уровень своей компетенции, реализуют свои способности и чувствуют свою значимость в обществе. Деятельность волонтерства очень часто совпадает с основным вектором обучения студентов, и поэтому будущие педагоги, врачи и социальные работники бескорыстно могут применять получения теоретические знания на практике.

Одним из факторов, выступающих в становлении волонтерства, выступают общественные объединения, для которых реализация их целей, является источником вовлечения в свою деятельность добровольцев.

Одна из крупнейших волонтерских организаций в России – «Ассоциация волонтерских центров», создает все условия для участия граждан в полезной общественной деятельности. Данный центр реализует различные проекты и программы, которые обеспечивают системное развитие волонтерских центров в регионах; укрепляет партнерство между всеми участниками волонтерской деятельности и формирует востребованный образ волонтерства. Одна из программ центра «Свои» – это программа развития волонтерства в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования. «Свои» – это комплекс мероприятий, направленных на вовлечение студентов в общественную деятельность,

через создание волонтерских центров в образовательных учреждениях и повышение эффективности их деятельности [6].

Среди студенческой молодежи развиваются волонтерские отряды, организации и движения. Молодежь в силу своих возрастных и психологических особенностей очень часто тяготеет к разнообразию видов деятельности и мобильны к новым профессиям. Привлечение студенческой молодежи с помощью волонтерства в общественную деятельность, развивает высокие нравственные качества путем пропаганды добровольного труда на благо общества и привлечению их к решению различных социальных проблем общества, через участие в волонтерских программах и проектах [3].

Волонтерство – это хороший способ вовлечения в общественную деятельность студенческую молодежь. Работая волонтерами, студенты, активно взаимодействуют друг с другом, учатся контактировать с вышестоящими организациями, партнерами, и реализовывать программы. Студенческая молодежь, вовлекаясь в общественную жизнь общества, с помощью добровольчества развивает новые практические навыки и умения, коммуникативные навыки и позволяет вести социально-активный образ жизни.

Список литературы

1. Андросова А. А., Макарова Е. В. Волонтерство как социально-культурный феномен российского общества // Вестника государственного и муниципального управления. 2014. С. 58–62. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterstvo-k-ak-sotsialno-kulturnyy-fenomen-rossiyskogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 19.12.2020).
2. Волонтеры – герои нашего времени // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 19.12.2020).
3. Коршунова Н. Е., Алабян Е. А. Волонтерская деятельность студенческой молодежи // Успехи в химии и химической технологии. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-studencheskoy-molodezhi/viewer> (дата обращения: 19.12.2020).
4. Курагина Г. С., Сундукова Э. И. Организация добровольческой деятельности в студенческой среде // Социальная педагогика. 2017. С. 119–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-dobrovolcheskoy-deyatelnosti-v-studencheskoy-srede/viewer> (дата обращения: 19.12.2020).
5. Питенко О. И. Вовлечение молодежи в добровольческую деятельность // Социальная педагогика. 2013. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/633021> (дата обращения: 19.12.2020).
6. Положение о программе развития волонтерства в образовательных организациях высшего и среднего профессионального образования «СВОИ» (студенческие волонтерские организации). URL: https://221324.selcdn.ru/avc-prod-media/backend/programfiles/e6d05fab0ead416faae59a170475553/положение_свои.pdf (дата обращения: 20.12.2020).

Цели и смыслы общественной деятельности в XXI в.

Рассматриваются развитие добровольчества и волонтерского движения, продвижение общественных инициатив и их реализация, дальнейшее формирование общественной экспертизы и ее прочное закрепление в аудите федеральных и региональных программ развития. Также подчеркивается важность открытости и доступности общественного пространства для включения большего числа граждан в общественную деятельность.

Ключевые слова: общественная деятельность, гражданское общество, демократическое государство, демократия, пандемия, общественно-государственное партнерство.

S. A. Safonov, A. A. Anokhina, *Irkutsk*

Goals and meanings of public activity in the XXI century

This article discusses some of the priority goals and objectives for the development of public activity in the XXI century. Among them: the development of volunteerism and the volunteer movement, the promotion of public initiatives and their implementation, the further formation of public expertise and its strong consolidation in the audit of federal and regional development programs. It also emphasizes the importance of openness and accessibility of public space for the inclusion of more citizens in public activities.

Keywords: social work, civil society, and democratic state, democracy, a pandemic of public-public partnership.

Общественная деятельность является одним из ключевых факторов развития демократического государства. Она может служить индикатором вовлеченности граждан в государственное управление, степени развития гражданского общества и его самостоятельности, а также общей социальной стабильности. Любой человек выступает в качестве участника многих социальных взаимодействий, и находится, выражаясь языком П. Бурдьё в разных «полях».

Как показывает исследование ВЦИОМ, проведенное в период ноября – декабря 2017 г., с 2014 г. доля россиян, имеющих опыт участия в деятельности общественных организаций, выросла с 16 до 25 % опрошенных [1]. Как мы можем увидеть, несмотря на ценностные, политические и социальные трансформации тенденция к активному вовлечению граждан в общественную деятельность сохраняется. Как отмечает А. И. Скалабан: «В современном обществе участие в общественной, социально значимой деятельности, будучи проявлением способности индивидов взаимодействовать с другими в широком социальном и гражданском контекстах, является важным элементом социальной жизни и признаком социального благополучия» [2, с. 44]. На сегодняшний день, в эпоху постсоветских трансформаций, необходимо определить новые цели и смыслы общественной деятельности характерных для российского общества.

Определив важность общественной деятельности в структуре общественного устройства, необходимо перейти к характеристике сегодняшних целей и ключевых задач. На современном этапе общество столкнулось с таким глобальным социальным бедствием как пандемия COVID-19. Боль-

шой риск заражения и повышенная смертность людей пожилого возраста, подталкивает к консолидации общественных сил для снижения негативных последствий пандемии. Таким образом, мы можем отметить, перспективную цель общественной деятельности, выраженной в развитии волонтерского движения и добровольчества. Однако при существовании такого социального заказа в России на сегодняшний момент не существует единой системы подготовки волонтеров. Добровольческая деятельность имеет несистемный характер и зачастую ведется на базе каких-либо государственных учреждений. Также ограничением развития добровольчества является и малая информированность населения о деятельности общественных организаций и их возможностях. Отсюда возникает и низкий процент вовлеченности населения в волонтерскую деятельность. Для эволюции волонтерского движения и его становления в мощный гражданский ресурс необходимо провести комплекс экономических, политических и социальных мер. Создавая почетный портрет волонтерской деятельности, осуществляя материальную поддержку в развитии и поощрении таких движений, государство вовлечет большее количество людей в данные процессы.

Следующей ключевой целью общественной деятельности должно стать развитие общественной экспертизы и транспарентных отношений между государством и обществом. По результатам проведенного социологического исследования нами уже было отмечено, что: «...главную инициативу по развитию общественно-государственного партнерства должны вносить именно органы федеральной и местной власти» [2, с. 463]. Здесь мы можем подчеркнуть, приоритет государственных мер по обеспечению «прозрачных» отношений между государством и обществом. Такое положение возможно при активном участии общественных организаций и объединений в публичных слушаниях, экспертных и общественных советах при органах государственной власти. Участие граждан в экспертном сопровождении государственных программ, национальных проектов, планов по развитию отдельной местности должны стать неотъемлемым атрибутом общественной деятельности. Такой механизм позволит более сбалансировано реализовывать государственную и региональную политику, в том числе учитывать общественные инициативы. На сегодняшний день мы можем отметить, что общественные экспертизы и гражданские слушания находятся на этапе становления. Данные тенденции в дальнейшем положительно повлияют на общественную деятельность и взаимоотношения гражданского общества с государством.

Важной составляющей взаимодействия государства и общества должно стать открытость общественного пространства для новых гражданских инициатив. Термин «общественное пространство» подразумевает под собой комплекс информационных, коммуникационных и других средств взаимодействия внутри общества. Идеальная модель доступного общественного пространства включает сразу три аспекта общественной жизни:

социальный, культурный и политический. Основными критериями, определяющие доступность общественных пространств являются свобода использования данных средств коммуникации разными общественными группами, преследующими всевозможные законные интересы. На сегодняшний день в российском обществе наблюдаются положительные тенденции по обеспечению доступности общественного пространства. Однако зачастую сами граждане отказываются пользоваться возможностью общественного участия по ряду причин.

Таким образом нами были рассмотрены текущие приоритетные цели для развития отношений между государством и гражданским обществом. Данные возможные пути развития диалога между государством и обществом носит демократический вектор и несут важное значение для развития российского гражданского общества. Вышеперечисленные цели и пути их реализации также усилят демократическую составляющую в существующих отношениях между государством и обществом, давая им более транспарентный и прозрачный характер.

Список литературы:

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/>
2. Сафонов С. А. Общественно-государственное партнерство как способ достижения социального консенсуса // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке : сб. науч. тр. / науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1882-7>. 2020. 1–537. С. 459–466.
3. Скалабан И. А. Участие и общественное участие как социологические категории // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 44–59.

УДК 343.235.1
ББК 67.409.02

П. В. Кирпиченко, *Иркутск*

Ключевые проблемы ресоциализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, и пути их решения

В статье поднимаются проблемы, с которыми сталкиваются лица, отбывшие наказание в местах лишения свободы, нерешенность которых является одним из факторов рецидивной преступности. Раскрываются и анализируются основные пути социального сопровождения бывших заключенных. Рассматриваются существующие направления и формы участия региональных структур государственной власти и общественных организаций в оказании помощи бывших осужденных. Описывается значение социального сопровождения лиц, отбывших наказание, для общества.

Ключевые слова: постпенитенциарная система, социальное сопровождение, ресоциализация осужденных, проблемы адаптации бывших заключенных.

Key problems of resocialization of persons who have served their sentences in places of deprivation of liberty and ways to solve them

The article raises the problems faced by persons who have served their sentences in places of deprivation of liberty, the unresolved nature of which is one of the factors of recidivism. The main ways of social support of former prisoners are revealed and analyzed. The existing directions and forms of participation of regional structures of state power and public organizations in assisting former convicts are considered. And it describes the importance of social support for persons who have served their sentences for society.

Keywords: post-penitentiary system, social support, resocialization of convicts, problems of adaptation of former prisoners.

Наша страна является социальным государством, которое обязано заботиться о своих гражданах. Право на помощь имеют несовершеннолетние, престарелые, инвалиды и другие категории граждан, нуждающиеся в помощи, в частности и лица, отбывшие наказание.

После выхода на свободу из тюрьмы человека встречают значительные трудности. Одна из таких трудностей – наличие стереотипов у общества. Люди не хотят принимать в круг своего общения бывшего преступника. Парой даже для родственников такие люди становятся изгоями, они боятся жить вместе, не желают помочь. И самостоятельно справиться с такими трудными жизненными ситуациями бывшие заключенные не могут.

По данным на 1 января 2021 г., в учреждениях уголовно-исправительной системы Федеральной службы исполнения наказаний России под заключением находится 482 888 человек [3]. Каждый год из-под стражи освобождаются десятки сотен человек (в течение 2019 г. из исправительных учреждений для взрослых освобождены 209,1 тыс. чел., в 2018 г. – 221,7 тыс. чел., в 2017 г. – 217,5 тыс. чел.) [5].

Человек, отбывающий наказание, находится в трудной ситуации. Каждый день на протяжении длительного времени он изолирован, живет по правилам учреждения, во всем полагается на «предусмотрительность» администрации, и к добавку к этому, если не проводилась пенитенциарная работа с осужденным, то после отбывания наказания он становится заложником обстоятельств. У него отсутствует желание самостоятельно решать свои проблемы. И подчас склонен следовать минимальному пути сопротивления совершению повторных преступлений.

Из лиц, подвергшихся к заключению под стражу в 2019 г., 75 117 человек были осуждены во второй раз, а в третий и более раз – 152 898 человек [5]. Стоит отметить, что практически у каждого пятого существуют серьезные проблемы социальной адаптации. Эти данные еще раз подтверждают важность постпенитенциарного сопровождения.

Проанализировав данные полученные М. А. Шапарь в ходе криминалистического исследования 2018 г., проведенное среди лиц, которые уже отбыли наказание [7], мы выделили основные проблемы, которые являются барьером ресоциализации осужденных.

К одной из основных проблем относится решение жилищного вопроса. Многие разорвали все семейные отношения, распался брак. Кто-то

имел временные отношения, которые после с обвинительного приговора перестали существовать. Встречаются случаи, когда человек, находясь в тюрьме, не может защитить свои права на жилую площадь. Так происходит принудительная выписка из жилья при участии родственников, супругов и детей. Следовательно, возвращаться им некуда, и они становятся бездомными. По мнению психологов, если лицо, отбывшее наказание, не имеет постоянного места жительства или часто его меняет, то это свидетельствует о том, что процесс социальной адаптации протекает неудовлетворительно. Тот факт, что человек вернется домой, является предпосылкой для снижения рецидивной преступности.

Проблема трудоустройства также относится к основным. Занятость является одним из ключевых составляющих социальной адаптации. Помимо материального дохода, труд способствует расширению общественно полезных связей.

Несмотря на то что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, имеют такие же права при трудоустройстве, не все работодатели готовы взять на работу их. Нежелание работодателя трудоустроить таких людей, вынуждает последних пользоваться неофициальными заработками либо вовсе идти на новое преступление.

Вопреки всем мероприятиям, цель которых трудоустроить лиц, отбывших наказание, остается очень много проблем, тормозящих данный процесс. К таким проблемам можно отнести: отсутствие профессионального образования, опыта работы, психологических барьеров. Немало важным фактором является и низкая мотивация к трудоустройству. Большинство лиц надеются на пособие по безработице.

Зачастую у осужденных после освобождения нет документов, удостоверяющих личность. Ведь не всегда сотрудники ФСИН РФ добросовестно выполняют свои обязанности и не занимаются восстановлением документов осужденного. При освобождении выдается только справка, по которой можно купить билет на поезд, и все дальнейшие действия по восстановлению документов ложатся на плечи бывшего заключенного, который не способен самостоятельно решить эту проблему. Не имея документов, лица, отбывшие наказание, вновь нарушают закон, так как проживают без регистрации, без документов невозможно официально устроиться на работу, нет возможности получать социальные выплаты и обращаться в медучреждения.

Не стоит забывать и о таких проблемах, как наличие инвалидности, социально опасных заболеваний после освобождения, материальные проблемы и т. д.

Стоит отметить что, социальная адаптация заключенных, готовившихся к освобождению, начинается еще внутри исправительного учреждения. Но это лишь начало большой работы по адаптации, которая обязательно должна продолжаться после освобождения. Тут на помощь могут прийти специальные службы, цель которых помочь человеку выйти из

трудной жизненной ситуации. В нашей стране эта работа возлагается на центры социальной адаптации.

Согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний на территории Российской Федерации функционируют 175 центров социальной адаптации в 69 регионах [4]. Но лишь 9 из них специализируются на социальном сопровождении и оказании помощи именно лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Изучив реестр центров социальной адаптации граждан в субъектах Российской Федерации, несложно понять, что в основном работа возлагается на центры, специализирующиеся на определенных проблемах граждан (центры для лиц без определенного места жительства, дома-интернаты для престарелых и инвалидов, социальные приюты при храмах, социальные гостиницы) или комплексные центры социального обслуживания, где лица, отбывшие наказание, могут получить только срочную социальную помощь, следовательно полный процесс ресоциализации они не проходят. Поэтому стоит обратить внимание на опыт действующих и малочисленных центров социальной адаптации для лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы.

В этой связи заслуживает внимание деятельность Краевого государственного бюджетного учреждения социального обслуживания «Красноярский центр адаптации». Учредителем данного центра является Министерство социальной политики Красноярского края. Деятельность центра основана на оказании помощи конкретной категории лиц, а именно лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Специалисты центра помогут в восстановлении потерянных документов, постараются решить проблемы с жилой площадью и трудоустройством. Организована справочно-консультативная служба, в которую также при необходимости может обратиться любой желающий. Работу центра можно считать положительной для общества, поскольку критерием оценки эффективности работы по социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы является уровень повторных преступлений. Согласно данным ГУФСИН России по Красноярскому краю за последние десять лет уровень рецидивной преступности снизился в 5 раз: в 2009 г. он составлял 23,5 %, в конце 2019 г. – 4,7 % [6].

В некоторых субъектах, где нет подобных центров, разрабатываются и внедряются различные программы, включающие в свой предмет обеспечение социальной реабилитации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы.

Рассмотрим пример Тюменской области. Департаментом социального развития Тюменской области был разработан программный комплекс «Единый банк данных лиц, освободившихся из учреждений УФСИН России по Тюменской области». Программный комплекс основан на межведомственном взаимодействии, цель которого своевременно оказать про-

фессиональную помощь гражданам данной категории по выходу из трудной жизненной ситуации с учетом их добровольного согласия [2]. Вся полученная информация направляется в территориальные органы внутренних дел, центры социального обслуживания населения, центры занятости по месту пребывания граждан, освободившихся из учреждений УФСИН России по Тюменской области. Данными органами для каждого индивидуально разрабатывается программа социальной помощи.

В некоторых субъектах принимаются региональные законы, самостоятельные государственные программы социальной адаптации осужденных. Но печален и тот факт, что в большинстве регионах вклад в решение задач, связанных с социальной адаптацией освободившихся лиц, носит бессистемный и эпизодический характер. И единой системы на территории всей страны нет. Следовательно, такая форма социальной помощи, как постпенитенциарное сопровождение, в полной мере не реализуется.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство к числу основных средств исправления, осужденных относит, в том числе, и общественное воздействие. К общественности относятся легитимные общественные и религиозные объединения, трудовые коллективы и отдельные граждане. Общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказание, принимают участие в исправлении осужденных в форме и порядке, которые установлены законодательством Российской Федерации. Таким образом, в процессе постпенитенциарной ресоциализации значительную роль играют и негосударственные организации. Без вмешательств негосударственных некоммерческих организаций многие регионы России будут игнорировать такие важные социальные вопросы, как интеграция лиц, отбывших наказание, в общественную жизнь.

На данный момент времени Федеральная служба исполнений наказания тесно сотрудничает более чем с 700 некоммерческими организациями, оказывающие помощь бывшим заключенным [8]. Благодаря этим организациям основано более 90 центров социальной адаптации для лиц, отбывших наказание. В центрах предоставляется временное жилье, оказывается помощь в трудоустройстве и иная помощь.

Относительно новой общественной организацией, оказывающая помощь лица, отбывшим наказание в местах лишения свободы, является благотворительный общественный фонд Иркутской области «Оберег». С 2017 г. благотворительный «Оберег» открыл Ангарский филиал фонда, в котором находятся на социальном обслуживании бездомные граждане, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, люди с ограниченными возможностями здоровья [1]. Проживать в фонде человек может до периода пока не решаться его проблемы. Для него предусмотрено трехразовое полноценное питание. При поступлении в благотворительный фонд, специалисты выявляют личностные особенности и проблемы, строят совместные планы работы по выходу из сложившейся ситуации. Направляют

ся запросы в разные инстанции – центр занятости, управление пенсионного фонда, государственные учреждения здравоохранения, органы внутренних дел. Оказывают помощь в восстановлении документов и пособий.

Таким образом, деятельность НКО оказывает огромное значение на ресоциализацию осужденных. Необходимо помогать таким организациям развиваться, в рамках различных программ поддерживать меры по созданию постоянной системы обмена опытом регионов в социальной работе, с целью успешной ресоциализации лиц, отбывших наказание.

Резюмируя выше сказанное, можно сделать вывод, что трудность ресоциализации людей, отбывших наказания в местах лишения свободы, в обществе, очевидна, и именно на этот этап следует обратить особое внимание, поскольку он является границей между законной жизнью и жизнью асоциальной. Освобожденный словно стоит на перепутье, а мысли его еще не тверды и ведомы. Особое значение в постпенитенциарной системе принадлежит специалистам, государственным учреждениям и общественным организациям, осуществляющим помощь в ресоциализации таких граждан.

Именно постпенитенциарное сопровождение способно предотвратить или рецидивировать преступление со стороны бывшего заключенного. Ведь общественная безопасность наступит только в том случае, если каждый член общества будет являться его полезной частью и, соответственно, ощущать себя нужным.

Список литературы

1. Благотворительный фонд «Оберег». Сайт. URL: <https://obereg38.ru/> (дата обращения: 02.12.2020).
2. Информационно-справочный материал об опыте работы органов исполнительной власти субъектов РФ по социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, их трудоустройства, обеспечения жилой площадью, оказания социальной, медицинской и иной помощи. URL: https://мвд.пф/upload/site1/document_text/temp/_1432562743_110/ISM_po_polozhitelnomu_opytu_sotsialnoy_adaptatsii_lits_ranee_sudimykhn_GUOOP_MVD_Rossii.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya_%20har-ka_%20UIS/ (дата обращения: 04.11.2020).
4. Реестр центров социальной адаптации граждан в субъектах российской федерации. URL: <https://54.fsin.gov.ru/reestr-tsentrov-sotsialnoy-adaptatsii-grazhdan/> (дата обращения: 21.11.2020).
5. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 04.11.2020).
6. Чигринец Е. А. К вопросу оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в виде лишения свободы // Вестник российской правовой академии. 2019. № 3. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41352715> (дата обращения: 15.11.2020).
7. Шапарь М. А. Постпенитенциарная адаптация: основные проблемы и способы решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postpenitentsiamaya-adaptatsiya-osnovnye-problemy-i-sposoby-ih-resheniya> (дата обращения: 11.10.2020).
8. Шумаров А. П. Некоторые особенности и формы сотрудничества ФСИН России с институтами гражданского общества // Повышение эффективности использования мобильных энергетических средств в различных режимах движения. 2016. С. 348–358.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОФЕССИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА

УДК 379.871
ББК 71.02

Дж. Д. Диггид, *США, Балтимор*
А. М. Пустобаева, *Украина, Харьков*

Социология науки и научная грамотность

Проводится анализ литературы, посвященной интеллектуальному наследию основоположников социологии науки Р. Мертона и Дж. Бен-Дэвида, а также развитию этого направления за последние 40 лет.

Ключевые слова: Р. К. Мертон; Дж. Бен-Дэвид; социология науки; научная грамотность; научное разнообразие; социальные контексты.

J. D. Digguid, *USA, Baltimore*
A. M. Pustobaeva, *Ukraine, Kharkov*

Sociology of Science and Scientific Literacy

The article analyzes the literature on the intellectual heritage of the founders of the sociology of science R. Merton and J. Ben-David, as well as the development of this direction over the past 40 years.

Keywords: R. K. Merton; J. Ben-David; sociology of science; scientific literacy; scientific diversity; social contexts.

Интеллектуальное наследие Роберта Мертона оказало фундаментальное влияние на социологию науки. Наряду с Дж. Бен-Дэвидом Р. Мертон является пионером изучения влияния научных достижений на социальные системы и социальные факторы развития общества в целом. Признавая классическое наследие Р. Мертона и Дж. Бен-Дэвида, автор статьи тем не менее пытается ответить на вопросы, которые не нашли ответа у классиков. Действительно, важно понять, почему научная грамотность и социология науки в целом приобрели огромное, непредвиденное ранее значение в XXI в. Будучи пионерами социологии науки, Р. Мертон и Дж. Бен-Дэвид понимали социологические последствия научных достижений. Они опирались на два классических примера. Так, в 1905 г., более 100 лет назад, А. Эйнштейн произвел революцию в космологических представлениях, выдвинув ряд новаторских идей, кульминацией которых стала его теория относительности [4].

В 1859 г. Ч. Дарвин постулировал революционные идеи, составившие теорию биологической эволюции. Можно с уверенностью сказать, что по-

сле этих двух эпических прорывов в естественных науках общественное понимание мироустройства безвозвратно изменилось. Наследие Роберта Мертона в социологии науки. Современные представления в области социологии науки предполагают признание двух основных вкладов Р. Мертона. Первый вклад связан с открытием эффекта Матфея в науке [3].

Эффект Матфея показывает, что те субъекты исследований, которые производят наиболее революционные идеи и открытия, приобретают центральное значение и высокий статус в основных социальных сетях, за которыми следует еще более значительный экспоненциальный рост репутационных ресурсов. Обладатели этого статуса имеют стратегическое превосходство над другими учеными и вне научной сферы, в других социальных сферах. Эффект Матфея, возможно, включает алгоритм последовательного роста научной продуктивности и соответствующего признания, но подробности алгоритма не раскрыты до сегодняшнего дня. Второй вклад Р. Мертона состоит в выявлении роли религии (особенно протестантских религиозных идей и сетей) в создании Британского Королевского общества – вероятно, самой важной научной организации в истории науки. Эпоха индустриализации, которая была катализатором технологических инноваций, впоследствии изменивших мир, началась с усилий протестантских ученых на территории нынешнего Соединенного Королевства. И действительно, Королевское общество стремительно перенесло Британию с периферии в центр тогдашней цивилизации. Автор статьи фокусируется на эффекте Матфея и задается вопросами: почему наблюдается этот эффект; при каких условиях; для каких социальных акторов эффект является действенным? Эти, пока не нашедшие ответа, вопросы указывают на то, что существует большой фронт работы для социологов науки.

Кроме того, отмечает автор, в предыдущие десятилетия выявились и некоторые пробелы в работе Р. Мертона. Проблема в том, что научная деятельность сталкивается со все большим социальным разнообразием, в связи с этим возникла острая необходимость очертить теоретические контуры эффекта Матфея. В дополнение к ранее сформулированным вопросам следует уточнить, что имеют место исключения (например, в силу различия социальных систем), когда эффект не срабатывает.

Мы ставим вопрос о межличностных, структурных и даже экологических обстоятельствах, либо способствующих проявлению эффекта Матфея, либо тормозящих его. Сегодня исследования проявления эффекта в социальных и этнических группах (этническая принадлежность, класс, пол и т. д.) представляют передовые рубежи социологии науки. Наследие Дж. Бен-Дэвида в социологии науки. Еще одним ключевым примером являются работы Дж. Бен-Дэвида, показавшего, как именно наука воздействует на различные сообщества, чему способствуют академические системы или сети внутри высших учебных заведений или на межвузовском уровне.

В работе «Роль ученого в обществе» он продемонстрировал, каким образом наука оказывает решающее влияние на общество и системы высшего образования. Признавая, что научные инновации в основных профессиональных обществах и академических институтах постепенно выходят за границы науки и распространяются на другие области, Дж. Бен-Дэвид призвал к системному изучению роли ученых в обществе. Его исследования основывались на исторической методологии. Результаты его сравнительных исследований научного развития в межнациональном историческом и межстрановом аспектах показали, сколь важна роль научного развития, включающего научную грамотность и научные инновации, а также роль ученых в обществе. основополагающая работа Дж. Бен-Дэвида была направлена на выявление условий, при которых научная система либо успешно развивается, либо деградирует. Новые рубежи. Признавая идеи классиков социологии науки в качестве парадигм, исследователи отмечают, что XXI в. поставил [2] социологию науки перед множеством новых вызовов. Но нельзя не заметить и новые возможности, которые открылись перед этой наукой.

Действительно, за прошедшие со времени их открытий годы обнаружилось нерешенные вопросы. Особенно важно выделить проблемы возросшего социального разнообразия, которое нужно учитывать при выявлении взаимовлияния науки и общества. Например, не ясны вопросы формирования научной грамотности или развития научных инноваций в различных этнических группах и географических регионах. Важно также определить, какие социальные факторы играют наиболее значимую роль для развития научной грамотности.

В реферируемой статье рассматриваются эти проблемы и возможности с позиций современной социологии науки. К предметам социологии науки относятся:

- 1) источники научных инноваций;
- 2) предшествующие научным прорывам исследования, а также влияние инноваций на общество;
- 3) роль ученых и организация науки;
- 4) идеология и ценности научных дисциплин;
- 5) структура и содержание науки;
- 6) социальные последствия науки.

Наука является противоречивым объектом, дифференцирующим условия развития обществ, организаций, групп и индивидов. Неудивительно, что последние исследования в области социологии науки представляют собой хаотичный массив и с трудом поддаются систематизации. Социология науки является полем дискуссий среди постмодернистов, деятелей массовой культуры, религиозных фундаменталистов и ученых-гуманитариев. В этих дискуссиях часто высказываются идеи, отрицающие привилегированный статус науки в обществе. Однако лишь немногие из этих критиков могли бы похвастаться научными открытиями, соизмеримыми с масштабом их критики.

Научная грамотность. Сегодня во главу угла встала проблема научной грамотности. В 2016 г. Национальные академии наук США (НАН) опубликовали важный доклад о состоянии научной грамотности в Соединенных Штатах. Было показано, что научная грамотность – это не просто индивидуальный актив, а скорее жизненно важный общественный ресурс во все более усложняющемся обществе. Научная грамотность в докладе рассматривается как социальный процесс, содержание которого формируется контекстуальными факторами, важными для сообществ. Научная грамотность включает: 1) высокую оценку роли науки; 2) общее понимание ее масштабов и перспектив; 3) доверие к ее усилиям; реалистичное знание ее влияния в рамках социальных организаций или ассоциаций.

В 2017 г. НАН опубликовали второй важный отчет, посвященный поискам методов более эффективного взаимодействия между наукой и обществом. Например, исследователей призывают знакомить общественность с научными открытиями и вовлекать различные сообщества в научную сферу. В очередной раз наряду со сложностями изучения науки в целом и интерпретации ее результатов были подчеркнуты социальные факторы. Все вышеперечисленные факторы, несомненно, влияют на формирование, исполнение и реализацию социальной политики. Во многих социальных областях, в которых не ставили препятствия развитию науки и институционализации исследовательских усилий, научный поиск служил преобразованием общества. Таким образом, наука имеет серьезное трансформирующее значение как для населения, так и для национальной инфраструктуры, независимо от того, насколько разумно или неразумно ее используют политические или деловые элиты. Но национальные структуры не только извлекают пользу из научной системы, к сожалению, они также способны последовательно разрушать ее из поколения в поколение.

Наука может быть «делегитимизирована» или вообще разрушена недальновидными действиями неолиберализма, системным пренебрежением, а также хищническим популизмом. С учетом сложившегося многогранного фона автор статьи обосновывает актуальность последних исследований, связанных с социологией науки. Он ссылается на доклад о глобальных аспектах научного развития, который опубликовало в 2010 г. Королевское общество. Основные темы доклада включали механизмы влияния науки на общество, в частности публикации в ведущих журналах; межнациональные сравнения; влияние глобальной конкуренции и инвестиций в науку на судьбы народов; показатели воздействия научного прогресса на отдельного человека; значение глобальных научных сетей или невидимых колледжей.

Каждая тема порождает новые направления открытий в социологии науки, в частности показатели научной продуктивности на душу населения, которые могут быть использованы в разных странах и легко адаптируются для изучения субпопуляций или этнических групп. Автор также обращает внимание на недавние исследования Королевского общества,

посвященные влиянию глобальных социальных сетей и невидимых колледжей на проявление эффекта Матфея в науке в Великобритании и других странах.

Перспективы социологии науки. Сегодня социология науки актуальна, как никогда. Появляются новые ресурсы, например доклады ЮНЕСКО 2010, 2016 гг., касающиеся глобальных сравнений развития науки. Фонд Pew Research Center в 2015 г. 1,2 опубликовал два доклада, в которых рассматриваются различия общественного отношения к науке среди социальных подгрупп; международные сравнения; острые диспропорции в образовании; недостатки стратегии развития научной грамотности. В массив новых достижений социологии науки также следует включить последние достижения научных систем Канады, Израиля, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Нидерландов и Швейцарии. Следует отметить и доклады ОЭСР 2018 г.

Подводя итог, автор формулирует задачи исследования следующих социологических объектов: 1) уточненная природа научной грамотности, а также ее проявление в различных субпопуляциях или социальных группах; 2) влияние научной грамотности на научные инновации. Научная грамотность подвержена «атакам» социальных вирусов нарциссического капитализма и политико-идеологической софистики, поэтому он ставит задачу масштабного исследования научной грамотности по различным штатам, провинциям, округам, городам, экологическим структурам и социальным системам. Называя себя социологом и гражданином мира, автор статьи замечает, что большинство (если не все) либеральных демократий страдают от глубокого социального и коллективного психоза, коренящегося в снижении научной грамотности в эпоху усложняющихся реалий.

Именно сегодня наука необходима для создания лучшего будущего для всех наций мира. Автор обнаруживает «бредовую» риторику и загадочные подходы в научно-технической политике США, где софистика заменила максимально тщательное препарирование материальных доказательств [5; 6]. В эпоху изменения климата, политических и социальных потрясений, а также глобальных экологических катастроф преимущества научного мышления были проигнорированы, уступив место суевериям.

В статье отмечается, что, подобно человеческим существам, наука несовершенна, особенно тогда, когда ее внедряют наивные или неумелые лидеры. Она может иметь опасные и печальные последствия там, где ответственность приносится в жертву и игнорируется. В то время как сциентизм является ошибочным или неуместным поклонением науке, научная грамотность все же остается мощным эвристическим инструментарием, действующим во благо всего человечества. Именно это понимание науки передали Р. Мертон, Дж. Бен-Дэвид и другие выдающиеся ученые [1].

В настоящее время процессы распространения научной грамотности между обществами, сетями, институтами и их подгруппами хорошо опи-

связываются эпидемиологическими моделями, но в будущем понадобятся робастные вычислительные модели сложных адаптивных систем. Никакая «теория всего» невозможна, но новые поколения должны смело исследовать глубокие научные вопросы, которые концептуализируют новые границы в социологии. Ждут изучения и решения большое количество новых вопросов, связанных с ролью или влиянием различных наук в обществе, изменением климата, неравенством в области здравоохранения, кибербезопасностью, преодолением гендерного неравенства и поддержанием этнического разнообразия.

Список литературы

1. Allen H. L. Scientific literacy and the sociology of science: New frontiers for the 21st century // *Sociology of science and technology*. 2019. Vol. 10, N 4. P. 409–427. DOI: 10.24411/2079–0910-2019-14002.
2. Ben-David J. *The scientist's role in society*. Chicago: University of Chicago press, 1984.
3. Merton R. *The Matthew effect in science* // *Science*. 1968. Vol. 159, N 3810. P. 56–63.
4. Merton R. *The sociology of science*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1973.
5. Pew Research Center. Anderson M. *The race gap in science knowledge*. 2015. September 15. Mode of access: <http://www.PewResearch.org> 2020. 04. 010 53
6. Pew Research Center. Funk C., Goo S. K. *A look at what the public knows and does not know about science*. 2015. September 10. Mode of access: <http://www.PewResearch.org> 2020.04. 010 87

УДК 174.4
ББК 88.5

А. Г. Терещенко, Н. Г. Васильев, *Иркутск*

Развитие образовательных ресурсов с позиций системно-синергетического подхода

Рассматриваются вопросы развития образовательных ресурсов, организации образовательной деятельности, которая опирается на парадигму самоорганизации, подчеркивается необходимость внесения существенных изменений в структуру высшего образования. Указывается на необходимость решения проблемы построения такой модели учебно-образовательного процесса, которая оптимальным образом учитывала бы особенности и закономерности развития образовательных ресурсов.

Ключевые слова: синергетика, парадигма самоорганизации, бифуркация, гуманизация образования, самообразование.

A. G. Tereshchenko, N. G. Vasiliev, *Irkutsk*

Development of educational resources from the standpoint of a system-synergetic approach

The article discusses the development of educational resources, the organization of educational activities, which is based on the paradigm of self-organization, emphasizes the need for significant changes in the structure of higher education. The article points out the need to solve the problem of building such a model of the educational process, which would take into account the features and patterns of development of educational resources in the best way.

Keywords: synergetics, self-organization paradigm, bifurcation, humanization of education, self-education.

Современная действительность ставит задачу повышения образовательных ресурсов консолидации общества. Организация современного учебно-воспитательного процесса вуза, доступ студентов к международным сетям непрерывного образования, их конкурентоспособность на рынке труда ставят задачу развития принципиально новых подходов к формированию содержания образования.

Методология синергетики дает возможность по-иному взглянуть на образовательные ресурсы консолидации современного общества, на изменения в процессе обучения и воспитания.

В современном обществе в настоящее время отмечается рост социальной напряженности, кризис социальных ценностей и идеалов, изменение мотивации поведения людей. Сложившаяся ситуация заставляет обратить особое внимание на образовательные ресурсы системы обучения, попытаться разработать синергетическую стратегию их развития.

Системно-синергетический подход позволяет по-новому взглянуть на общие процессы обучения студентов [1]. Если образовательный процесс рассматривать с точки зрения синергетики, то можно выделить следующие его характеристики: взаимодействие, открытость, динамичность, саморегуляцию и самоорганизацию. При синергетическом подходе ключевое значение отводится «открытости».

Обучающийся является сложной, открытой, обладающей уникальными внутренними возможностями для саморазвития и раскрытия творческого потенциала личности синергетической системой [1; 2; 4].

Синергетика позволяет по-особому раскрыть суть обучения и воспитания, структуру построения новых учебных курсов. Исследования в этом направлении проводят В. И. Андреев (педагогика творческого саморазвития), Н. М. Таланчук (системно-синергетическая концепция учебно-воспитательного процесса), С. С. Шевелева (синергетическая модель образования), А. Д. Суханов и В. Г. Буданов (модели междисциплинарного синтеза естественнонаучных и гуманитарных компонент) и др. Стратегия развития образовательных ресурсов консолидации общества должна создавать предпосылки для создания таких форм и методов обучения, которые бы способствовали модернизации образования, стали бы стимулом синергетического инновационного потенциала субъекта [3].

В настоящее время в педагогической практике зачастую формы программированного, блочного, модульного обучения усиливают однозначность педагогических требований, закрепляют формальную сторону процесса обучения. При этом утрачиваются поисковые, творческие компоненты, содержание образования становится абстрагированным и методологически обедненным. С точки зрения синергетики образование состоит в самоорганизации сложных систем, пребывающих в неравновесном состоянии. Нелинейность, множественность форм, способов обучения предполагают активную роль человека в этом процессе. Следует отметить, что взаимодействие субъектов в процессе образовательной деятельности является детерминирующим фактором самоорганизации.

Синергетика позволяет вооружиться методологией развития образовательных ресурсов, показать, как эффективно управлять педагогическим процессом, как воздействовать на креативную составляющую образовательной среды. Сегодня в системе образования должно найтись место для сближения гуманитарного и естественнонаучного образа мировоззрения, изменения структуры научного познания, слияния воедино теоретической и практической деятельности, что позволит реагировать на изменения реальности изменением действия. Например, с точки зрения синергетики, на определенных уровнях развития воспитание переходит в самовоспитание, обучение в самообучение, образование в самообразование.

Процесс обретения человеком «самости» является моментом становления и перехода индивидуума в личность, после чего человек становится саморазвивающейся системой в широкой системе социальных отношений. Механизм развития, творческого поведения начинает работать лишь в том случае, когда собственная деятельность перестает удовлетворять личность, соответствовать существующим социальным нормам. При этом может наступить кризис компетентности, проявляющийся в некотором жизненном хаосе. Случайное событие вынуждает личность, с точки зрения синергетики, выбрать новое направление развития. Одновременно данная ситуация заставляет все подсистемы личности выступить в целостности и позволяет проявиться ее самым ярким чертам, переосмыслить насущные ценности и интересы, провести перестройку и совершенствование системы личности. В этот момент личность переживает глубокий внутриличностный конфликт, поднимается на новый уровень организации.

Сам процесс становления человека, превращения его в личность подобен рождению порядка из беспорядка. Осознание этого может явиться одной из основ понимания природы человеческой деятельности. Для обучения недостаточно рамок причинно-следственных связей – необходимо формирование вероятностного мышления, применение законов синергетики. Что касается педагогической системы, то отношения «педагог-студент» носят нелинейный характер. Педагог, генерируя информацию, выступает для ученика определенным катализатором развития, при этом включаются индивидуальные информативные качества преподавателя, например, стиль преподавания. Студент же, чтобы сделать шаг к своей «самости», осуществляя обратную связь с педагогом, должен постоянно совершенствовать свои личностные качества. В свою очередь и система «деятельность педагога», предполагающая постоянное взаимодействие со студентом, также выходит на новые уровни своего саморазвития.

Согласно синергетическому подходу, процесс взаимодействия двух систем преподавания и учения, воспитания и самовоспитания, приводит к новообразованиям, повышению и творческого потенциала, обеспечивает переход от развития к саморазвитию. Педагогическая система, являясь частью других систем человека, реализует лишь определенную степень

свободы человека, т. е. направляет его на определенный тип деятельности, востребованный в данный момент. В свою очередь специализирующаяся личность обязательно выходит на мировоззренческий уровень, стремясь понять себя, чтобы продуктивнее реализовать имеющиеся у нее творческие возможности.

Синергетика как наука о системах интегрирует такие основные философско-педагогические принципы как аксиологический, гуманистический, антропологический. Если, например, не учитывать аксиологический метапринцип, то любая система, в том числе и педагогическая, может оказаться при реформации общества в кризисной ситуации, связанной с кажущимся отсутствием альтернативы своего пребывания в рамках старой системы. Однако законы синергетики содержат в своей основе существование нелинейности в самодвижении развивающихся систем. Так, в бифуркационный период, поведение системы за этой точкой предсказать невозможно, и в педагогической системе вырабатывается новая стратегия перехода в новое, востребованное новыми социальными отношениями, качество, причем с учетом права на существование альтернативных педагогических систем и форм обучения.

Анализ современной системы образования позволяет сделать вывод о том, что образование должно пониматься как основополагающая система, создающая у обучаемых образ окружающего мира, его научную картину мира. Данная система может строиться на основах синергетики, предлагающей методологию изучения моделей самоорганизующихся систем, которая с успехом может быть использована в учебно-воспитательном процессе. Понимание этих моделей даст возможность обучаемому овладеть способами поведения в информационном обществе на протяжении жизни. Главный принцип заключается в открытости системы, предполагающий перенос акцентов с усвоения знаний на его производство и генерирование. В этом случае говорят о новом способе теоретического мышления – нелинейном мышлении.

Синергетика позволяет выделить составляющие проектирования процессов обучения и воспитания с позиций саморазвития целостно-мотивационной сферы и структуры личностного знания. Среди них наиболее значимы: поиск противоречий, накопленных в системе; выделение актуальных точек и условий разрешения сложившихся противоречий; создание эффективной модели совершенствования учебной деятельности; реализация перспективных направлений дальнейшей деятельности в конструировании образовательных процессов.

Что касается области инновационных процессов в фундаментальных и исследованиях, то здесь необходимо переосмысление традиционных объектов и процессов педагогической теории и практики, обращение к индивидуализации личности студентов, на использовании личностно-ориентированного подхода к пониманию места современного студента в

цифровой виртуализированной образовательной среде. Основной упор сегодня делается на творческое развитие личности учащегося, на формирование стремления к инновациям, развитию творческого рационального мышления [5]. Целью обучения становится саморазвитие и самосовершенствование личности обучаемого. В обучении преобладают ориентации на структуру материала, на логическое осмысление конкретных ситуаций, на открытие новых знаний и способов продуктивной деятельности, на решение конкретных проблем, стоящих перед обществом. Сегодня каждое учебное заведение уникально, кардинально обновляются технологии и методы обучения.

Смысл современного образования состоит в возможности самовыражения личности. Учение в вузе для студента должно быть лично значимо, управляться им изнутри, опираться на такие ценности как сотрудничество, доверительность, взаимозависимость, профессионализм. Задачей вуза должно стать создание условий для возможности свободного развития индивидуальности студента, его способностей и своеобразия его личностных свойств и качеств.

Психологическими факторами, влияющими на обучение студентов, являются: общее интеллектуальное развитие, социальный интеллект, специальные способности, учебная мотивация, волевые качества, уровень самооценки, владение навыками самоорганизации, собственная активность, целеполагание, самооценка, рефлексия. Следует обратить внимание на сложность формирования внутреннего интереса обучающихся к учебному процессу. Традиционно это достигалось обращением к внешней профессиональной среде.

Современный вуз находится в более сложных условиях, вызванных динамикой изменения профессиональной среды. Формирование внутреннего интереса студентов к образовательному процессу требует включения экзистенциальной мотивации, соревновательности, игровых технологий и т. п. При этом необходимо сохранять устойчивость положения обучающихся в образовательном процессе. Решение проблем создания современных образовательных технологий требует комплексного подхода, усиления междисциплинарных взаимодействий, опоры на такие философско-педагогические принципы как аксиологический, гуманистический, антропологический, герменевтический.

Характеристиками современной педагогической системы стали открытость, саморегуляция, динамичность. Современный студент – это сложная, открытая, обладающая уникальными внутренними возможностями для саморазвития и раскрытия творческого потенциала личности система [2].

В условиях развития современной общественной системы и ценностных ориентаций процессы развития, обучения и воспитания определяются культурным прошлым России. Поэтому благодаря дискретному поведению людей в этой связи теория самоорганизации и ее методологические идеи являются для современной системы образования особенно актуальными [3].

Опираясь на идеи и закономерности синергетики, в процессе организации педагогической деятельности следует руководствоваться следующими принципами: принципом периодической децентрализации; принципом открытости педагогических систем; принципом самоопределения педагогических приоритетов, основанном на закономерности повышения эффективности самоуправления и саморазвития педагогических систем; принципом социально-психолого-педагогического резонанса (взаимоусиления, взаимодополнения, взаимосопадения); принципом диверсификации (изменения, разнообразия, расширения поля деятельности) и интеграции [2; 4; 5].

Реализация сложного комплекса педагогических принципов формирует принципиально новую модель образовательной системы, иные образы и смыслы процесса обучения. В условиях интенсивного внедрения цифровых образовательных технологий меняется представление о самой цели вузовского обучения, так как акцент переносится на развитие и совершенствование личности. Современная педагогика высшей школы делает упор на гармонию обучения и воспитания. При этом современный дискурс в понимании обучения – это уход от самоценности процесса передачи знаний и акцентирование внимания на процессе организации и управления деятельностью студентов по усвоению этих знаний.

Организация и управление учебной деятельностью студентов предполагает вовлеченность российской высшей школы в контекст общемировых тенденций гуманизации, интегративности, проективности и компьютеризации образования, где гуманизация определяется как ведущая системообразующая тенденция, направленная на формирование профессионального самосознания и предметно-личностной рефлексии будущего специалиста. Гуманизация образования предполагает актуальное, действенное уважение прав студентов на получение таких знаний, которые обеспечивают им в дальнейшем профессиональный, социальный и личностный комфорт в жизни; означает принятие студента как личности. Проблемы гуманизации образования высшей школы должны рассматриваться с позиции личностно-деятельностного подхода, согласно которому в центре обучения находится обучаемый. Формирование личности студента осуществляется средствами данного конкретного учебного предмета, что достигается нарративностью учебного процесса. При этом учебный процесс рассматривается как организация и управление учебной деятельностью обучаемого в педагогическом общении с преподавателем, таким образом, можно говорить об обогащении арсенала педагогических технологий.

Современная гуманизированная педагогическая психология, с необходимостью учитывает значительное внимание, изучению психологических механизмов управления процессом образования, что предполагает учет индивидуально-психологических факторов, влияющих на продуктивность этого процесса. Наиболее важным структурным компонентом учеб-

ного процесса является внутренняя мотивация личности. Она побуждает студента к включению в учебные технологии, формирует принятие всего комплекса образовательной среды. Это, в свою очередь, мотивирует весь преподавательский корпус вуза, ставит перед ним сложнейшую задачу определения не только доминирующего мотива учебной деятельности, но и использования всей структуры мотивационной сферы студента.

Сущность обучения и воспитания как синергетических процессов составляет взаимодействие элементов педагогической системы, направленных на формирование у субъектов готовности к самосовершенствованию, самостоятельности, самореализации на базе автономных, самоуправляющихся механизмов личности.

Главная цель внедрения синергетики в теорию развития образовательных ресурсов состоит в изучении комплексного получения педагогических знаний, в возможности изменения ключевых свойств личностно-потребностной сферы обучающегося с целью развития его инновационного потенциала, предоставление ему возможности активно, целенаправленно и свободно использовать информацию, добиваться актуализации собственных сил и мотивов, развивать творческие способности, влиять на свое собственное развитие. Таким образом, обращение к индивидуальности личности, личностно-ориентированный подход к ее развитию и саморазвитию при воспитании и обучении, обращение к синергетической модели обучения дает возможность внедрять дополнительные образовательные ресурсы в практику обучения и воспитания.

Поиск и конкретизация обоснованной технологии обучения, способствующей развитию образовательных ресурсов с целью консолидации общества, создающей условия для развития творческой личности студента, раскрытие ее потенциальных способностей, рационального, рефлексивного мышления и восприимчивости к инновациям приводит к необходимости реализации системно-синергетического подхода к образовательному процессу.

Список литературы

1. Ельчанинов М. С. Методологические проблемы социосинергетики / Деп. Рукопись. Тольятти, 2000. 21 с.
2. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика – психология-прогнозирование). М. : Мир, 2004. 366 с.
3. Резник Г. А., Слепов П. Ю. Роль неформальных коммуникаций в обеспечении конкурентоспособности вуза // Трансформация социально-экономических отношений в современных экономических условиях : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Пензенский гос. ун-т архитектуры и строительства, 2006. С. 17.
4. Терещенко А. Г. К вопросу о методологии изучения социальной адаптации личности в кризисном обществе/ Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 95–112
5. Терещенко А. Г., Васильев Н. Г. Креативное мышление как фактор личностного и интеллектуального развития студента юридического вуза // Профессиональное образование: современная теория и инновационная практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной педагогическому наследию академика РАО Мухаметзяновой Г. В. 10 октября 2018 года. В 2-х т. Т. 1 (Ф-К). Казань, 2018. С. 116–122.
6. Шалаев В. П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. Йошкар-Ола : МГТУ, 1999. 269 с.

Проблемы развития дополнительного образования в Иркутской области

В статье анализируются особенности дополнительного образования в Иркутской области, выявляются основные проблемы развития дополнительного образования, а также формируются основные приоритеты развития дополнительного образования в регионе.

Ключевые слова: дополнительное образование, проблемы развития, регион, система образования

I. A. Zhuravleva, *Irkutsk*

Problems of the development of additional education in the Irkutsk region

The article analyzes the features of additional education in the Irkutsk region, identifies the main problems of the development of additional education, and also forms the main priorities for the development of additional education in the region.

Keywords: additional education, development problems, region, education system

Развитие системы дополнительного образования на федеральном и региональном уровнях является важной стратегической задачей правительства Российской Федерации. Необходимо вовлечение данной системы в общественную жизнь населения, признание ценностного статуса дополнительного образования, что увеличит, в том числе, темпы реализации мер государственной политики в этой области. Важной является задача наращивания нормативно-правовой базы в сфере дополнительного образования, не обеспечивающей общедоступности для всего населения страны ввиду отсутствия конституционных гарантий, в отличие от системы общего образования.

В работах современных авторов, прослеживаются разные механизмы конструирования условий для развития дополнительного образования: от иррациональных стратегий индивидуальной социализации в новых социальных условиях (Р. Г. Ардашев [1–3]), до рациональных стратегий восприятия образования как стратегического ресурса развития личности и общества (И. А. Журавлева [4–6], Р. В. Иванов [7]) или развития социальной ответственности университетов (С. В. Малых [8]).

Согласно «муниципальным дорожным картам» показатель охвата дополнительным образованием в Иркутской области выше, чем в среднем по России (среднероссийский – 68 %) за счет тех муниципалитетов, которые в своих дорожных картах фиксируют этот показатель на уровне 80–90 %, и это не только города Иркутск, Саянск, Черемхово, Свирск, но и некоторые сельские территории (Жигаловский район – 92 %, Куйтунский, Усольский, Катангский и Шелеховский районы – 82–83 %). Но в целом ряде муниципальных образований срочно требуется принятие мер по развитию услуг дополнительного образования детей с тем, чтобы достигнуть показателей, предусмотренных – Указом Президента Российской Федерации от 7 мая

2012 г. № 599 в части увеличения к 2020 г. числа детей в возрасте от 5 до 18 лет, обучающихся по дополнительным образовательным программам, в общей численности детей этого возраста до 70–75 %.

На сегодняшний день есть муниципалитеты с охватом; дополнительным образованием детей 20–35 % (г. Тулун, Балаганский р-н). Тревогу вызывают и те муниципальные образования, в которых на сегодняшний день показатели охвата дополнительным образованием детей возраста от 5 до 18 лет ниже 50 % (Осинский р-н, Тайшетский р-н, Зиминский р-н, Усть-Кутский р-н, Нижне-Илимский р-н). О данной проблеме Министерство образования проинформировало мэров муниципальных образований Иркутской области, думаем, что своевременное принятие комплексных мер позволит преодолеть данную негативную тенденцию. На сегодняшний день в дополнительном образовании выделяются общеразвивающие и предпрофессиональные программы.

Также следует отметить ряд тенденций, характеризующих перспективы развития дополнительного образования. С 2016 г. осуществляется переход деятельности спортивных секций на программы спортивной подготовки. Ранее организации, осуществляющие спортивную подготовку, реализовывали общеразвивающие и предпрофессиональные программы. Данный переход позволит готовить спортивный резерв для спортивных сборных команд Иркутской области и Российской Федерации в соответствии с федеральными стандартами спортивной подготовки, в том числе из числа учащихся с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов.

В 2017 г. все учреждения, подведомственные министерству спорта Иркутской области, переходят на программы спортивной подготовки и более 20 муниципальных физкультурно-спортивных организаций полностью или частично планируют перейти на программы спортивной подготовки. Однако важно учесть, чтобы при введении этого новшества не снизилось число детей, желающих заниматься спортом, но не имеющих данных для спорта высоких достижений.

Несмотря на отсутствие в дополнительном образовании рамок и стандартов, в регионе складывается система оценки качества дополнительного образования: оценка по результатам участия в конкурсах и соревнованиях, с одной стороны, и опросы родителей и обучающихся на предмет их удовлетворенность оказанием образовательной услуги, с другой.

Остается актуальным вопрос информирования родителей о наличии на территории муниципалитетов бесплатных объединений дополнительного образования, следует продумать алгоритм оповещения всех заинтересованных лиц о наличии и направлениях деятельности дополнительного образования в каждом муниципальном образовании. Для решения этой проблемы в том числе была введена система персонифицированного финансирования, представляющая свой сайт как агрегатор имеющихся услуг дополнительного образования. В прошлом году в рамках деятельности по

обеспечению доступности дополнительного образования Правительством региона начата проработка вопроса по привлечению негосударственного сектора, в котором пока услуги дополнительного образования оказываются на платной основе. Поставлена задача сформировать механизм оказания государственной поддержки для социально ориентированных некоммерческих организаций в этой сфере, по аналогии с частными школами и детскими садами, однако отсутствие стандартов, о которых говорилось ранее, усложняет эту задачу [4]

Задача обеспечения доступности дополнительного образования для детей и подростков решается за счет сетевого взаимодействия учреждений дополнительного образования детей, школа, с музеями, домами культуры, вузами. Возможности учреждений высшего образования здесь очень велики и пока используются не в полной мере, развивать это направление взаимодействия необходимо. Современная ситуация развития дополнительного образования детей в Иркутской области сопровождается решением серьезных проблем в кадровом потенциале данной системы.

Региональная система образования испытывает явный дефицит педагогов, профессионально подготовленных к работе с увлеченными, одаренными и талантливыми детьми. Одна из проблем данной сферы – старение кадров. Доля молодых педагогов гораздо ниже доли людей пенсионного возраста среди педагогов. Остро стоит проблема в сфере культуры в преподавании музыкально-теоретических дисциплин. Музыкальные школы, школы искусств нуждаются в кадрах целому ряду, востребованных детьми и родителями специальностей.

Учитывая приведенные выше факты, одной из приоритетных задач развития системы дополнительного образования детей Иркутской области, должна стать подготовка и переподготовка кадров. В этом вопросе необходимо налаживать более тесное сотрудничество с высшими и средними образовательными организациями педагогической направленности, и организациями, реализующими программы повышения квалификации работников образования. Зарплата педагогов дополнительного образования растет, хотя и не так явно, как у учителей школ. Однако практически везде она достигла заданных показателей. Целевые параметры повышения заработной платы уточнены, мы ориентируемся на сохранение уже достигнутых целевых значений. Рекомендации по развитию систем оплаты труда педагогов нами формируются совместно с отраслевым профсоюзом.

По данным Росстата, за 2015 г. средняя заработная плата данной категории работников составила 25 276,5 руб., за 9 месяцев 2016 г. – 27 504 руб., на 2019 г. этот показатель составляет 30 134 руб. Существенной чертой деятельности системы дополнительного образования детей является ее бесплатность и общедоступность, хотя именно с этой сферой дополнительного образования связано расхожее представление о том, что все дополнительное образование у нас платное.

Действительно, на сегодняшний день все частные организации дополнительного образования содержатся только за счет средств родителей, но таких организаций, получивших лицензию на право ведения образовательной деятельности, в Иркутской области всего 35, в них платно занимаются 10 846 человек. Гораздо больше в регионе различных спортивных секций, танцевальных студий, школ раннего развития и обучения иностранным языкам, которые не лицензировали свою образовательную деятельность, однако востребованы среди родителей и детей. В государственных и муниципальных организациях дополнительного образования платные услуги также реализуются, но их доля в общем количестве образовательных услуг не превышает 4 % (7298 человек) от общего количества, получающих услуги дополнительного образования в учреждениях дополнительного образования детей.

В творческих объединениях информационных технологий, спортивных секциях, художественного творчества, школах раннего развития детей степень платности выше, в военно-патриотических кружках, объединениях туристов, краеведов, экологов плата родителей минимальна или отсутствует. Следует учесть, что при существующем достаточно низком уровне финансирования учебных расходов в муниципальных организациях дополнительного образования детей при помощи родителей шьются костюмы, приобретается обувь, спортивная форма и экипировка, расходные материалы для творчества. Поездки на конкурсы и соревнования также финансируются в большей мере за счет родительских средств.

Частично это собирались решить системой подушевого финансирования. Так, начиная с 2020 г. в системе дополнительного образования детей Иркутской области в учреждениях дополнительного образования детей муниципальных образований, имеющих статус муниципальных опорных центров, также идет процесс исполнения мероприятий по внедрению персонифицированного финансирования. Контроль исполнения мероприятий осуществляется на портале поддержки внедрения персонифицированного финансирования.

Нормативную базу в Иркутской области составляют три основных документа:

- распоряжение министерства образования Иркутской области № 155-мр от 27 февраля 2020 г. «О методических рекомендациях по применению Правил персонифицированного финансирования дополнительного образования детей в Иркутской области» [3];

- положение о внедрении модели персонифицированного финансирования дополнительного образования детей в Иркутской области от 2 апреля 2020 г. [4];

- распоряжение правительства Иркутской области № 532-рп от 10 июня 2020 г. «О целевой модели развития региональной системы дополни-

тельного образования детей и системе персонифицированного финансирования дополнительного образования детей в Иркутской области» [6].

В данных документах расписаны основные принципы внедрения данной модели финансирования, а также понятийный аппарат. Кроме того, существует поэтапный план мероприятий по реализации программы который показан в Приложении № 1.

Список этапов достаточно большой и на середину июля должны быть приняты практически все, но в реальности ситуация иная. В частности, в связи с проблемами финансирования (нехватки средств в муниципальных образованиях), а также в связи с пандемией коронавируса ни в одной из 42 административных единиц Иркутской области не выполнены все этапы по переводу на персонифицированное финансирование организаций дополнительного образования [7].

Лучший результат зафиксирован в Боханском муниципальном районе, где из 20 этапов рассмотрены и принято решение по 14 из них, в то же время в городах Иркутск и Ангарск, а также в Черемховском и Тулунском районах работа по сути даже не начиналась. А пункт «Закрепление в местном бюджете средств на финансовое обеспечение персонифицированного финансирования» не выполнен нигде, у местных бюджетов нет средств для внесения изменений в бюджет. И хотя в распоряжении правительства Иркутской области № 532-рп от 10 июня 2020 г. сроки и количество этапов были несколько скорректированы (в частности их стало 14, а крайний срок последнего был продлен до 31 августа 2020 г.) это кардинально ситуацию не изменило, на начало октября данное решение так и не выработано ни в одном из муниципалитетов.

К сожалению, при введении системы персонифицированного финансирования в Иркутской области остается острой проблема освоения новых знаний. Ряд районов Иркутской области все еще остается не охвачен стабильным и доступным интернетом, что является необходимостью для работы с системой дополнительного образования детей. Кроме того, среди детей в трудной жизненной ситуации рядовой остается проблема отсутствия доступа к компьютерным технологиям, как-то наличие компьютера или телефона с доступ к сети Интернет. Мешает работе и нежелание родителей учащихся разбираться в тонкостях системы, таких как получение сертификата ПФДОД или изучение сопутствующей документации – для успешного прохождения регистрации, получения сертификата и начала тренировок родителям/опекунам и/или учащимся необходимо подписать: заявление родителя (законного представителя) на включение в систему персонифицированного финансирования дополнительного образования, заявление об определении номинала сертификата персонифицированного финансирования, заявление о зачислении ребенка на дополнительную общеразвивающую программу, реализуемую в рамках системы персонифицированного финансирования, согласие на обработку персональных дан-

ных в связи с включением ребенка в систему персонифицированного финансирования и договор об образовании на обучение по дополнительным общеобразовательным программам в рамках персонифицированного финансирования дополнительного образования детей. Большое количество бюрократии приводит к ситуациям, где родителям проще отказаться от услуг дополнительного образования или найти организации, не перешедшие на систему персонифицированного финансирования.

Для совершенствования управления развитием системы дополнительного образования в Иркутской области необходимо сделать следующее:

1. Организовать полный переход на систему персонифицированного финансирования при учете региональных особенностей путем организации курсов дополнительной подготовки для работников организаций дополнительного образования, введения новых ставок методистов в организации дополнительного образования и активного пиара данной системы среди всех слоев населения. В целом данный пункт уже реализуется на территории Иркутской области, однако зачастую более старшее поколение работников сферы дополнительного образования сталкивается с неприятием новой системы ввиду отсутствия навыков работы с компьютером и сетью Интернет, тогда как приток молодых специалистов остается довольно слабым. Кроме того, сама система сталкивается с проблемой недостаточной освещенности, когда большая часть родителей не имеет представления о ее существовании. Так же неизменным остается факт общей недоработанности системы. Помимо высокого уровня бюрократии, сам по себе профиль работы с системой со стороны работника не отражает все моменты работы – так, например, в журнале электронной посещаемости нет никаких показателей, кроме посещения/непосещения, полностью исключая ситуации болезни или выезда на соревнования. К сожалению, данный аспект нерешаем в пределах компетенции муниципалитета или даже Иркутской области, так как региональные навигаторы работают по общему для всей страны шаблону.

2. Частичный перевод организаций дополнительного образования от муниципальных бюджетов в частный сектор либо передача их частным организациям. Разумеется, такой рискованный шаг не может предприниматься без соответствующей подготовки, однако вкпе с подходом системы персонифицированного финансирования, когда местный бюджет освобождается от зарплатной ведомости и финансирование на заработные платы работников перекладывается на региональный бюджет, данный подход может сработать. Это одновременно позволит снять часть обязательств с органов местного самоуправления, освободив их от необходимости управления организациями дополнительного образования, но и, в том числе, «развяжет руки» самим организациям, которые, выйдя из подчинения администрациям муниципальных образований, смогут реализовывать, например, именно те перспективные направления дополнительного обра-

зования, которые пользуются популярностью у конечного потребителя этой услуги, а конкретно у детей и их родителей, без возможного давления со стороны администрации, которые в Иркутской области, например, имеют специфику поддержки национальных видов спорта. При такой схеме поддержкой национальных видов спорта займутся узкоспециализированные организации, занимающиеся конкретно этим направлением, без необходимости поддерживать навязываемые сверху дополнительные виды спорта, реализация которых отойдет, в свою очередь, другим организациям дополнительного образования. Кроме того, первый и второй пункты органично дополняют друг друга, так как одним из главных преимуществ системы персонифицированного финансирования является возможность получения бесплатного или частично оплачиваемого государством обучения в организациях дополнительного образования детей, в том числе частных.

3. Необходима разработка соответствующей нормативно-правовой базы. К сожалению, в данном вопросе узким местом является ограниченность нормативной базы законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», однако все еще остается возможность реализации подзаконных актов на территории Иркутской области. Без соответствующего исследования тяжело спрогнозировать, какие конкретные последствия это за собой повлечет, однако усиление позиций дополнительного образования во всех его видах необходимо.

По итогам вышесказанного видно, что решение большей части проблем, касающихся текущего состояния системы дополнительного образования в Иркутской области, сталкивается с проблемами федерального уровня. Выработка подхода, способного улучшить способы развития системы, должно быть тщательно продумано и распланировано. На разработку подзаконных актов, не конфликтующих с Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», но способных расширить компетенции в первую очередь муниципальных организаций дополнительного образования, потребуется время; кроме того, перед разработкой таковых положений должна быть представлена «дорожная карта», четко обозначающая даты разработки и введения положений и при этом обосновывающая каждое из них – какие шаги и для чего предпринимаются, каким образом это улучшит работу системы дополнительного образования, вопрос ликвидации рисков конфликта интересов в общей сфере образования. Однако очевидно, что реформы системы дополнительного образования в настоящий момент находятся лишь на начальном уровне и в дальнейшем последуют изменения на федеральном уровне, что сможет расширить компетенции региональной власти для внесения изменений в систему развития управлением системой дополнительного образования.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы,

проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 40–48.

2. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 25–27.

3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.

4. Журавлева И. А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, НГУ НЦ, 2019. С. 136–139.

5. Журавлева И. А. Роль дополнительного образования в современном мире // В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 312–323.

6. Журавлева И. А. Социозащитная функция высшего образования в публичном пространстве гражданского общества // Новые тенденции в деятельности социозащитных институтов : материалы Всероссийской конф. Иркутск : БГУ. 2019. С. 166–171.

7. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. Научно-методические материалы. Иркутск : ИГУ, 2016. С. 107–109.

8. Малых С. В. Социальные условия развития социальной ответственности университетов // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 29–37.

УДК 374(470)
ББК 74.5(2Р)

Н. А. Фейткевич, *Иркутск*

Система дополнительного образования как потенциальный ресурс консолидации российского общества

Приводится анализ системы дополнительного образования Российской Федерации, которая рассматривается в качестве потенциального ресурса консолидации российского общества. Характеризуются сложность и многоуровневость системы дополнительного образования, а также конфронтация государственного и частного секторов системы. Утверждается, что данные характеристики системы являются причинами неэффективности системы дополнительного образования в стране в аспекте выполнения ею консолидирующей функции.

Ключевые слова: дополнительное образование, образование, организация, консолидация, российское общество.

N. A. Feytkevich, *Irkutsk*

The system of additional education as a potential resource for the consolidation of Russian society

The article analyzes the system of additional education in the Russian Federation. This system is viewed as a potential resource for the consolidation of Russian society. The author of the work characterizes the complexity and multilevel nature of the system of additional education, as well as the confrontation between the public and private sectors of the system. These characteristics of the system are considered by the author as the reasons for the ineffectiveness of the system of additional education in the country in terms of its performance of the consolidating function.

Keywords: additional education, education, organization, consolidation, Russian society.

Важность дополнительного образования для формирования человеческого капитала гражданина и развития общества в целом уже давно проанализирована и доказана. Высокие оценки его потенциала представлены в международных докладах и отечественных исследованиях. К тому же в настоящее время эту важность понимают не только исследователи данного вопроса, но и сами граждане. Так, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в России доля желающих получить дополнительное образование в ближайшие пять лет, составила 51,0 % [1].

При существующей важности дополнительного образования для человека и общества в целом актуализируется вопрос эффективности данной системы в нашем обществе. Также интересным видится вопрос влияния системы дополнительного образования на консолидацию российского общества, ведь теоретически каждый социальный институт общества должен выступать в качестве фактора и ресурса такой консолидации. В этом отношении, прежде чем приступать к анализу системы дополнительного образования России, мы выдвинем гипотезу о том, что система дополнительного образования в Российской Федерации за счет своей сложности и многоуровневости на сегодняшний день не выполняет консолидирующую функцию в полной степени.

При изучении системы дополнительного образования Российской Федерации, которая окончательно в сегодняшнем виде сформировалась с принятием закона «Об образовании» 1992 г., напрашивается совершенно очевидный вывод: система дополнительного образования нашей страны – это сложная многосоставная и многоуровневая система. Данный вывод следует из того, что организации, которые реализуют программы дополнительного образования в нашей стране, отличаются по своей ведомственной принадлежности, по организационно правовой форме, по формам и практикам реализации своих программ и, конечно же, по форме собственности организации.

Для начала следует отметить, что правом на реализацию программ дополнительного образования обладают не только организации дополнительного образования и организации дополнительного профессионального образования, но и организации дошкольного образования, общеобразовательные организации, профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования. Данный факт указывает на то, что ведомственная принадлежность организаций дополнительного образования имеет абсолютно разный характер.

По данным Росстата с 2015 по 2017 г. количество организаций, реализующих программы дополнительного образования, увеличилось на 75,0 % – с 32 до 56 тыс. организаций по всей России [2, с. 27–28]. Это указывает на то, что наблюдается очень быстрый темп роста таких организаций, но ведь чисто математически потребность, если ее измерять в количестве людей, не растет пропорционально. Население страны не растет, а

соответственно количество потенциальных благополучателей системы дополнительного образования также не увеличивается. Таким образом, возникает вопрос оправданности такого роста, приводящего к увеличению конкурентности в данной сфере.

Разобравшись с организациями – представителями системы дополнительного образования Российской Федерации, следует понять в какой пропорции эти организации представлены в структуре сети организаций дополнительного образования. Это необходимо для того, чтобы адекватно оценивать то, какой вклад вносит каждый из видов организаций в общую систему дополнительного образования в нашей стране. Мы обратимся к данным все того же Росстата и будем анализировать не только количество организаций разного рода, но и удельный вес реализуемых ими услуг в общем объеме (рис.).

Из рисунка видно, что дошкольные общеобразовательные учреждения составляют практически четверть от общего числа организаций дополнительного образования, но удельный вес, оказываемых ими услуг равен всего лишь 10,0 % от общего количества. В это же время организации дополнительного образования, т. е. специализированные первично именно на дополнительном образовании при практически таком же количестве имеют удельный вес, предоставляемых услуг в сфере сразу в четыре раза больше, что составляет 41,1 % от общего числа услуг всей системы. Общеобразовательные учреждения по своему количеству практически приближены к половине от общего объема организаций (45,3 % от общего количества), но при этом удельный вес, оказываемых ими услуг чуть меньше, чем у организаций дополнительного образования и равен 40,9 % от общего объема. Также из рисунка видим, что СПО и высшие учебные заведения совершенно не существенны по своему количеству и удельному весу от общего объема предоставляемых услуг на фоне остальных видов организаций, реализующих программы дополнительного образования.

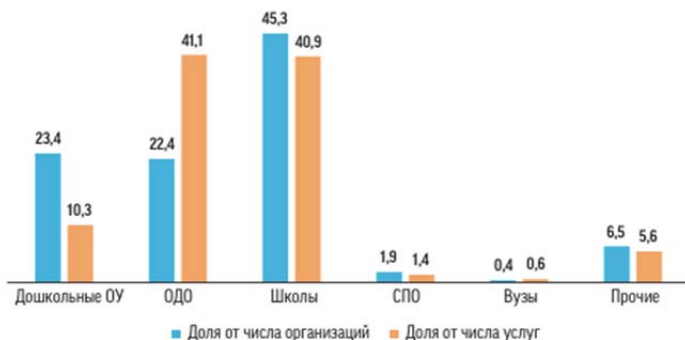

Рис. Распределение удельного веса каждого вида организаций, реализующих программы дополнительного образования, и удельного веса, оказываемых ими услуг в общей системе дополнительного образования, в %

Таким образом, представленные данные говорят о том, что каждый вид организаций имеет совершенно разную ценность в общей системе дополнительного образования России. Здесь напрашивается вопрос, а оправдано ли вообще такое распыление организаций, реализующих программы дополнительного образования. Мы предполагаем, что такое многообразие видов организаций препятствует целостному развитию системы, так все организации имеют разную форму устройства, собственности и принадлежат к различным ведомствам, а это в свою очередь мешает комплексному регулированию.

Также в качестве недостатка системы дополнительного образования России и в качестве характеристики этой системы следует отметить существующий дуализм, или даже в некоторой степени, конфронтацию государственного и частного сектора дополнительного образования. Современная система дополнительного образования России характеризуется активным ростом негосударственного сектора. Спектр предложений постоянно расширяется, выискивая свободные ниши или альтернативные варианты форм дополнительного образования относительно государственного сектора.

На первый взгляд, проблема не просматривается, но ссылаясь на результаты исследования, проведенное в рамках исследований Института образования НИУ ВШЭ по данной проблематике, напрашивается вывод, что проблема действительно актуальна. Вместо мирного сосуществования государственный и частного сектора системы дополнительного образования, оно носит несколько конфронтационный характер. Наблюдается открытая конкуренция за потребителей своих услуг. Представители одного сектора скептически относятся к представителям другого, что препятствует обмену опытом, знаниями и продуктивного взаимодействия между ними. Также интересным представляются мотивы вхождения в бизнес многих руководителей частных структур дополнительного образования, которые зачастую носят несколько революционный характер и обусловлены желанием трансформации архаичной системы образования [2, с. 49–51].

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что, рассмотрев систему дополнительного образования, сформировавшуюся в нашей стране в настоящее время, можно выделить две ключевые проблемы, которые препятствуют развитию данной системы и выполнения ею консолидирующей функции в том качестве, на которое система дополнительного образования потенциально возможна. Во-первых, это сложное и неподдающееся грамотному управлению устройство системы дополнительного образования. Во-вторых, конкурентная основа существования и взаимодействия двух секторов системы дополнительного образования России – государственно-го и частного.

Список литературы

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения «ВЦИОМ» . URL: https://bd.wcm.ru/trzh/prinp?s_id=86&q_id=14da (дата обращения: 16.01.2020).
2. Дополнительное образование детей в России: единое и многообразное / под ред. С. Г. Косарецкого, И. Д. Фрумина. М. : Издательский дом Высшая школа экономики, 2019. С. 275.
3. Кузьминов Я. И., Фрумин И. Д. Российское образование: достижение, вызовы, перспективы // Серия коллективных монографий, 2018. С. 54–56, 104.

УДК 371
ББК 74.2

Е. А. Маркова, *Иркутск*

Взаимодействие в образовательном процессе вуза как внутренний фактор имиджевой политики образовательного учреждения

Статья посвящена развитию позитивного имиджа образовательных организаций. Рассмотрен вопрос о том, какие именно факторы влияют на формирования позитивного имиджа учебных заведений. Разобраны внутренние аспекты образовательной организации, которые воздействуют на создания позитивного имиджа. Показаны различные методы преподавания, которые помогают в создании имиджа образовательной организации. На примере деятельности иркутских вузов проанализированы современные нововведения, которые стали широко применимы в период пандемии и перехода на дистанционное обучение.

Ключевые слова: образовательные организации, позитивный имидж, учебные заведения, новые технологии, современные методы преподавания.

Е. А. Markova, *Irkutsk*

Interaction in the educational process of the university as an internal factor of the educational institution's image policy

The article is devoted to the development of a positive image of educational organizations. The question of what factors influence the formation of a positive image of educational institutions is considered. The internal aspects of the educational organization that affect the creation of a positive image. Various teaching methods that help in creating the image of an educational organization are analyzed. On the example of the activities of Irkutsk universities, modern innovations that have become widely applicable during the pandemic and the transition to distance learning are analyzed.

Keywords: educational organizations, positive image, educational institutions, new technologies, modern teaching methods.

Вопрос формирования имиджевой политики любой социальной организации актуален независимо от развития общественного строя в стране, потому что напрямую связан с формированием позитивного социального образа, что является важным при построении социальных отношений в муниципалитете, регионе и стране. В социальной сфере образования этот вопрос встал наиболее остро после проведения реформы системы образования, которая серьезно отразилась и на высшем образовании. При этом зачастую исследуют внешние признаки имиджа, что отражается в рейтингах вузов, в публичном пространстве, в расширении аудитории обучающихся и привлечении к преподаванию хед-лайнеров науки.

На сегодняшний день в условиях конкурентной борьбы перед организациями, предоставляющими образовательные услуги, остро встает проблема создания целенаправленной системы мероприятий по построению и продвижению имиджа в групповое, личное, а также массовое сознание. Данная проблема возникает в связи с тем, что общественное сознание России в условиях развития рыночных отношений стало оперировать такими понятиями, как индивидуальность, отличительность, а также имидж субъектов социально-экономических отношений [8]. Использование вышеперечисленных понятий позволило потребителям идентифицировать для себя наиболее успешные субъекты рыночного пространства.

Понятие имидж впервые появилось в США в 50-х гг. в рекламной практике. В 60-х гг. данное понятие начало пользоваться спросом в научном употреблении. В России понятие «имидж» в научном контексте стали употреблять только с начала 90-х гг. того же столетия.

На наш взгляд определение понятия «имидж» наиболее точно раскрывают Данчеева О. В. и Швалб Ю. М.: «Имидж – это набор значений благодаря, которым какой-либо объект становится известным, и с помощью, которых люди определенным образом описывают его, запоминают, относятся к нему» [6]. Другими словами, имидж – это система представлений людей о каком-либо предмете или социальной организации. В работах иркутских коллеги проводятся исследования роли дистанционного обучения, оценки его преподавателями и студентами (И. А. Журавлева [2; 3; 4], А. В. Завьялов [5]) и виртуального развития современных университетов (С. В. Малых [6; 7]).

Имидж образовательных организаций формируется из двух компонентов: образ организации и неформально вербальные маркетинговые коммуникации. Под образом организации подразумеваются результаты деятельности образовательного учреждения, что освоено ведущими вузами региона на хорошем уровне, поскольку является маркером оценки вуза не только в системе аккредитации и аттестации, но и в других конкурсах. Так, Иркутский государственный университет в 2020 г. был высоко оценен с точки зрения построения позитивной информационной политики. Эксперты конкурса отметили системную и качественную работу по информационному сопровождению деятельности университета, а также большую просветительскую миссию в период сложной эпидемиологической ситуации в России и мире. Отмечаем, что в социальных сетях вузы также представлены и позиционируют себя на рынке образовательных услуг, демонстрируя свои примечательные стороны. Тем не менее, исследователи отмечают, что неформальные вербальные коммуникации включаются в себя совокупность различных характеристик образовательных организаций: известность, мнение тех людей, которые уже закончили обучения или еще учатся в учебном учреждении. Информацию такого рода собирают будущие обучающиеся одновременно с выбором направления подготовки, про-

веряют в период подачи документов и дополняют сведениями, полученными от студентов старших курсов в течение всего первого года обучения. Далее на формирующийся образ накладывается впечатление, получаемое в процессе обучения и участия во внеучебной деятельности. Здесь речь идет о внутренних качествах и достоинствах образовательных организаций. Если говорить о внутренних плюсах учебных заведений, то целесообразно выделить одним из главных факторов, влияющих на создания позитивного имиджа, взаимодействие между участниками образовательного процесса.

Отсутствие благоприятных условий обучения, неудовлетворительные условия труда, а также совмещение функций по обучению и воспитанию обучающихся в дополнении с интенсивной исследовательской деятельности преподавателей и студентов, что отражается при формировании внутренних рейтингов, например, в конкурсах на различные стипендии, отражается на снижении творческой части обучения и не позволяет говорить об образовательной организации, как об учебном заведении в системе российского образования. То есть мы можем заметить, что внутреннее настроение косвенно влияет на создание благоприятного имиджа образовательных организаций, поэтому руководителям данных организаций следует обратить внимание на внутренние составляющие учебного заведения, а именно, на качество информационного обеспечения, на уровень удовлетворенности как работников, так и обучающихся и их родителей, косвенно будущих работодателей. Особое внимание стоит уделить внедрению новых технологий, которые повышают современность образовательных организаций. Нам видится, что дистанционное обучение стало хорошим толчком для такого внедрения: если до нее электронная образовательная среда наполнялась контентом формально и нерегулярно (*здесь автор не претендует на объективность вследствие невозможности проведения такого анализа иначе, чем при проведении опроса экспертов из числа самих преподавателей, а также администраторов и сотрудников контролирующих органов*), теперь же она заполнена и далее можно проводить занятия в виде деловых игр, тренингов, решения кейсов и прочее.

На наш взгляд большое влияние на формирования позитивного имиджа оказывает не только внедрение новых технологий, но и усовершенствование методов преподавания. То есть мы говорим о более современных способах передачи знаний. С проблемой застойности методов преподавания российская система образования столкнулась весной 2020 г., когда все сферы образования перешли на дистанционное обучение. В условиях заочного обучения между преподавателями и студентами возникла проблема непонимания, так как было непросто усваивать информацию, связанную с учебным процессом, дистанционно и в домашних условиях. Решением данной проблемы является как раз внедрения новых более современных методов образования. Например, использование интернет-мемов в учебном процессе, такой способ визуализации учебного материала будет

способствовать быстрому запоминанию информации у студентов. Также, на наш взгляд, актуальным было бы внедрение в учебный процесс таких современных технологий, как инструменты социальных сетей в сфере виртуальной реальности, которая способствовала бы перемещению студентов в исторические моменты, также современным выглядит создание и внедрение ботов в социальных сетях, которые помогали бы преподавателям при проверке домашнего задания, а студенты с их помощью могли бы узнавать расписание занятий и изменения в их организации. Использование таких современных методов повышает не только вовлеченность студентов в образовательный процесс, но и помогает в создании позитивного имиджа образовательной организации, так как современное учебное заведение, в котором образовательные услуги будут отказываться нестандартными методами, будет у многих на слуху.

Авторы исследования решали такую задачу, как выявление практик формирования процесса преподавания в вузах города Иркутска. В период пандемии всем образовательным организациям пришлось ввести новые методы преподавания и перейти на совершенно новый формат обучения. Почти все иркутские вузы для онлайн-обучения начали использовать сразу несколько образовательных платформ, благодаря которым администрация университетов и преподаватели могли отслеживать активность студентов в период дистанционного обучения, также многие использовали различные платформы для проведения видеоконференций. Интересные нововведения были разработаны в каждом отдельном вузе. Так, иркутский транспортный вуз настроил формат цифрового документооборота, с его помощью студенты могли прямо на сайте иркутского транспортного вуза заказать различные справки и написать заявления. Иркутский национально-исследовательский технический университет частично уже был готов к переходу на дистанционный формат обучения, так как в ИРНИТУ уже не первый год пользуются технологиями, сочетающими традиционные формы аудиторного обучения с элементами электронного. На момент перехода в дистанционный формат обучения в ИРНИТУ уже существовал свой Центр электронного обучения и была собственная видеостудия для записи учебных материалов. В Иркутском государственном университете также использовались различные образовательные платформы для контроля деятельности студентов и преподавателей в период обучения и платформы для проведения видеоконференций. В ИГУ на сайте «Твой Плюс» также создан формат цифрового документооборота, с помощью которого студенты могли запросить различные справки и оформить заявления. Стоит отметить, что подготовительный факультет МИЭЛ ИГУ уже с февраля 2020 г. начал работать со студентами из Китая в мобильной коммуникационной системе WeChat, которая является главным китайским мессенджером.

Так как многие аналитики, профессора высших учебных заведений и даже сам президент РФ говорят о слабой эффективности дистанционного

обучения и о том, что в ближайшее время дистанционный формат обучения вновь заменится очным, то можно сделать вывод, что те, нововведения, которые на данном этапе уже существуют во многих иркутских вузах, могут остаться и при очном обучении. Ряд экспертов высказывает такие предположения в прессе и в дискуссиях, но последнее слово останется за учредителями образовательных организаций. Сохранение и усовершенствование новых современных методов преподавания поможет в формировании и поддержании позитивного имиджа образовательных организаций.

Таким образом, образовательным организациям для успешной конкурентоспособности необходимо создавать и поддерживать позитивный имидж. Как мы выяснили, на формирования позитивного имиджа образовательной организации влияют не только его престижность, значимость, успешность выпускников, но и внутренние аспекты данной организации, к которым относится взаимодействия субъектов в образовательном процессе. На наш взгляд, важным составляющим данных взаимодействий является именно современный подход к улучшению качества коммуникации субъектов образовательного процесса по возможности максимальным аспектам сопровождения деятельности всех участников образовательного, профориентационного и воспитательного процесса.

Список литературы

1. Васильева Е. Г. Современный университет: модель «open space» как стратегия эффективного развития // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия. 2017. С. 565–567.
2. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
3. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 475–480.
4. Журавлева И. А. Образовательные стратегии в информационном обществе // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, СПбГУАЭП, 020. С. 361–363.
5. Завьялов А. В. Социальное самочувствие во время режима самоизоляции и восприятие дистанционного обучения студентами ИГМУ // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 480–488.
6. Малых С. В. Виртуальные университеты будущего // Социология. 2019. № 6. С. 263–267.
7. Малых С. В. Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве // Социология. 2019. № 1. С. 70–77.
8. Фимилина М. А. Имидж вуза как составляющая системы образования // Актуальные задачи педагогики : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, декабрь 2011 г.). Чита : Изд-во Молодой ученый, 2011. С. 68–72. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/20/1303/> (дата обращения: 14.01.2021).

Развитие корпоративного образования в среднем бизнесе

Рассматриваются актуальные вопросы и проблемы развития корпоративного образования, а также сложности среднего бизнеса в рамках развития персонала и корпоративного обучения в целом. Выявляются основные сферы развития корпоративного обучения среднего бизнеса.

Ключевые слова: корпоративное образование, средний бизнес, корпоративный университет, стратегия.

A. N. Pruzhinin, Irkutsk

Development of corporate education in medium business

The article discusses topical issues and problems of the development of corporate education. The complexities of medium-sized businesses in terms of personnel development and corporate training in general are considered. The main areas of development of corporate training for medium-sized businesses are identified.

Keywords: corporate education, medium business, corporate university, strategy.

Сравнительно недавно средний бизнес начал внедрять в свою структуру корпоративное образование для развития своего человеческого капитала. Этот процесс обусловлен в первую очередь изменениями в характере экономики, если раньше главным ресурсом развития был капитал, то сегодня – знания. Инновации и технологии, влияющие на процессы производства и наши потребности, ускорение конкуренции, появление новых рынков (товары и услуги), все это потребовало непрерывного образования, умение оперативного реагировать на изменения непредсказуемо меняющегося мира (рынка). Корпоративное образование стало для бизнеса тем самым инструментом, позволяющим оперативнее реагировать на изменения рынка, создавать уникальные знания, увеличивать компетенции сотрудников, разрабатывать стратегии компании и т. д. Несмотря на свою востребованность оно не получило должного распространения в среднем бизнесе, это вполне возможно из-за отсутствия понимания процесса внедрения и развития корпоративного образования, близких и понятных примеров эффективности обучения своих сотрудников. Цель нашего исследования заключалась в изучении потребности среднего бизнеса в корпоративном образовании и предложении вариантов его развития, учитывая выявленные проблемы, осложняющие внедрение корпоративного образования в средний бизнес. В нашем исследовании приняло участие 25 руководителей среднего бизнеса Иркутской области. Исследование проводилось методом экспертного интервью, в котором мы рассмотрели не только сложности внедрения корпоративного образования в средний бизнес, но и изучили потребность среднего бизнеса в нем. Вместе с этим в данной работе будут представлены современные теоретические представления о корпоративном образовании и его функциях.

Изначально корпоративное образование присутствовало в крупных корпорациях и появилось во второй половине XX в. Это было обусловлено тем что, начиналась смена уклада экономики, если в индустриальной главным ресурсом развития были деньги и бизнес развивался по формуле 'деньги=деньги', то в постиндустриальной – главным ресурсом развития стали знания. Даже если мы можем с уверенностью сказать, что эпоха постиндустриальной экономики еще не наступила, современные технологии, принципиально меняющие технологические процессы и наши потребности, ускорение конкуренции, необходимость выхода на новые географические рынки, потребовали непрерывного образования сотрудников, умения успешно ориентироваться в условиях неопределенности. Вместе с этим появилась и необходимость адаптации и компании в целом к меняющимся условиям, что могло быть выражено, например, в разработке новых стратегий или необходимости создании уникальной продукции. При этом в некоторых работах указывается, что уже тогда университеты не поспевали за растущими потребностями корпораций в знаниях. Также многие компании выходили на новые географические рынки, что требовало отдельных исследований, развивали уникальные отраслевые компетенции и т. д. [2].

Согласно современным теоретическим представлениям корпоративное образование чаще оформляется в корпоративный университет, разница между этими понятиями в том, что первое – может быть стихийно складывающимся корпоративным университетом или же рядом мероприятий, намеренно организованных для повышения компетенций сотрудников или же подобных целей. Корпоративный университет – это уже устоявшаяся практика развития персонала с особенной стратегической ролью. Выделяют три поколения корпоративных университетов, как иногда оговариваются исследователи – это три этапа развития, которые проходил каждый подобный университет.

Первое поколение мало чем отличается от традиционных учебных центров, как правило, компании приглашают к себе преподавать ученых или необходимых специалистов под конкретный проект, либо отправляют сотрудников на стажировку. Если перед компанией стоят специфичные задачи, то вряд ли традиционная университетская подготовка сможет полноценно помочь, известны случаи, когда российские компании и университеты открывали необходимые программы подготовки в магистратуре. Учитывая, что временной лаг (реализованная польза) обучения может быть до полугода, такой подход к обучению персонала не мог удовлетворить потребности корпораций.

Второе поколение корпоративных университетов связано со стратегией компании, здесь обучение сотрудников обеспечивает стратегические потребности компании. К обучению подходят планомерно, учитывая постоянность повышения квалификации возможны собственные учебные центры,

образовательные программы которых заточены под задачи предприятия. Обучение связано с ценностями компании и ее социальной ответственностью.

Третье поколение представляет собой полноценный образовательный комплекс, функции которого могут выходить далеко за пределы развития персонала. На данном этапе компания полностью обеспечена всеми необходимыми образовательными курсами, многие из которых могли быть разработаны самостоятельно преподавателями-сотрудниками. Обучение циклично, имеет выявленные критерии эффективности, решает узконаправленные задачи своей компании. Дополнительные функции выражены стратегической ролью, она может заключаться в разработке стратегии компании, планировании выхода на новые географические рынки, развитии уникальных отраслевых технологий. Также корпоративный университет может управлять внедрением или разработкой инновационного проекта, например, повышение экологического класса промышленного оборудования (сокращение выбросов вредных веществ, потребления природных ресурсов и т. д.) Очень часто подобные комплексы обязательно развивают корпоративную социальную ответственность компании. Вместе с этим корпоративный университет может заниматься брендированием, формировать лояльность потребителей или управлять отношениями с заинтересованными сторонами [3].

Если обобщить, то главная задача корпоративного университета – это поиск новых возможностей для своей компании, обеспечение безопасного выхода на новые рынки и управление отношениями с клиентами и поставщиками. В рамках этой задачи необходимо помогать компании в разработке стратегии, а значит планировать обучение новым компетенциям сотрудников и содействовать распространению корпоративной культуры, в том числе иметь ряд показателей эффективности своей деятельности. Сложно сказать, что среднему бизнесу в полном объеме потребовались бы все эти функции, которые требуют внушительных инвестиций, ресурсы среднего бизнеса вряд ли рассчитаны на такие долгосрочные проекты с высоким количеством рисков. Логичным будет предположение, что корпоративное обучение среднего бизнеса должно быть обеспечено необходимым функционалом, обеспечивающим устойчивое развитие своей компании.

Почти все наши респонденты-руководители (96 %) регулярно проходят курсы повышения квалификации. Преимуществом выбора обладают дипломы управленческих и экономических направлений подготовки, иногда получение еще одного образования может быть связано не только с желанием лучше руководить своим бизнесом, но и иметь альтернативный вариант карьеры

«Мое второе высшее образование связано именно с управлением, а курсы повышения квалификации – это больше к ведению личных финансов, потому что – то как ты управляешь деньгами внутри своего кармана или

семьи, так ты и будешь управлять деньгами в бизнесе». (Е. В. учредитель 31 год)

«На мой взгляд руководитель постоянно должен чему– то учиться, если ты будешь постоянно думать только о том, чтобы заработать денег, то у тебя мозги заржавеют» (С. Г. владелец 2 предприятий, 52 года).

«Да, недавно закончил ГМУ, потому что руководящий опыт есть, может кто-нибудь и заметит, пригласит на другое направление. Для себя также много подчеркнул, т. е. какие– то моменты интуитивно чувствовал в управлении, но боялся, а тут головой кивнули – мол, правильно делаешь, так и вообще легко стало».

Вместе с этим практически все респонденты (79 %) проводят обучение своих сотрудников, при этом на регулярной основе только у (30 %) респондентов, и у (49 %) от необходимости государственной аккредитации. Иными словами, образование своего персонала используется не как ресурс устойчивого развития, а как спасательный круг в быстроменяющихся условиях. Подобный подход развития для нового времени, к изменениям необходимо быть готовым, они все равно произойдут, и если не успеть считать новую конъюнктуру рынка, в лидирующие позиции сложнее попасть, при этом сохраняются риски управленческих и технологических ошибок из-за недостаточного образовательного ценза, что принесет дополнительные убытки. Также подобный подход исключает возможность реализации планов по устойчивому развитию и других подобных преференций.

«За три года обучили 10 сотрудников, руководителей отправляли на курсы управления персоналом, рабочих – на обучение по утилизации особых бытовых отходов, а менеджеров на искусство продаж, мои компании – это обучение оплачивают, мы заключаем дополнительное соглашение к трудовому договору, что сотрудник должен отработать после 3 года, либо вернуть деньги, но стараемся, чтобы таких ситуаций не было. Обучить одного сотрудника – 140 тыс. примерно выходит». (А. К., учредитель, 37 лет)

«Стараемся проводить дополнительное обучение регулярно, каждый сотрудник проходит его три обучения в год, используем все что нам выгодно: вузы, тренинги, онлайн образование, особенно сейчас при коронавирусе. Я если прохожу дополнительное обучение, да даже что– то читаю – я вовлекаю в это своих сотрудников, потому что, если человек не учится, выполняет одни и те же функции – у него пропадает интерес к работе, он теряет мотивацию, плохо начинает работать». (В. А., владелец двух фирм, 35 лет)

Пассивный подход к обучению персонала не может быть связан со стратегией компании, следовательно, мы можем предполагать, что и стратегическая роль корпоративного образования будет неявно определена.

Так или иначе, устойчивое внутрифирменное обучение не только может работать со стратегией, но и привлекать, удерживать ценных кадров, внедрять корпоративную культуру, формировать бренд компании. Преимущественно у внутрифирменного образования среднего бизнеса нет таких функций, они могут возлагаться на отдел продаж или кадров. Интересно что (65 %) руководителей сами выполняют эти функции и (30 %) из них открыто заявляют, что боятся их доверить, потому что «могут увести бизнес», это опасение принадлежит преимущественно руководителям, пережившим «перестройку». При этом руководители уделяют достаточно много времени на решение оперативных вопросов. Попытка сосредоточиться на «оперативных» и «стратегических» задачах, как признаются предприниматели, почти всегда заканчивается тем, что что-то «выпадет». Иными словами, будет хромать, либо решение оперативных вопросов, либо стратегических.

«Я не могу никому доверить стратегию своего бизнеса, потому что, если ты его не контролируешь – это не твой бизнес. Мой приятель – генеральный директор одной из нефтяных корпораций, он все держит в голове!» (С. Г., владелец двух предприятий, 52 года)

«Разрабатывать стратегию и удерживать ценных кадров – это чисто моя прерогатива, иногда я обсуждаю это с партнерами по бизнесу. Ведь в кризис из-за коронавируса как многие бизнесмены поступают – они сокращают персонал и аккумулируют денежные потоки внутри компании, а мы – в первую очередь сокращаем неконкурентоспособных сотрудников и за счет них повышаем зарплату тем, кто ценен для нас, чтобы они чувствовали свою ценность». (В. Л. директор 39 лет)

«Мы постоянно внедряем новые товары, фишки, услуги. Я заказываю маленькие исследования для слежения за рынком, как минимум можем просто отдел продаж опросить – какая есть общая картина». (А. В., директор, 37 лет)

«Подразделений, которые удерживают ценных кадров нет, только я, как и стратегию разрабатываю только я или структурный директор, т. е. если я делаю коллектив, то он есть, если я не делаю коллектив – его нет» (А. Г., учредитель, 48 лет) [1].

Согласно современной теории управления – чем выше статус руководителя, тем меньше он должен уделять внимания процедурным или технологическим вопросам и больше сосредотачиваться на работе со стратегическими ресурсами. Средний бизнес находится на границе этого правила, и предприниматель должен решить, будет ли он доверять большую часть оперативных моментов своим подчиненным, а сам сосредотачиваться на управлении стратегическими ресурсами или же введет новую должность по развитию корпоративного образования, в рамках которого будет проходить разработка стратегии и планирование обучения персонала.

Из всевозможных стратегических ролей корпоративного образования (университета) предприниматели отдали предпочтение развитию корпоративной социальной ответственности – руководители хотят быть уверены, что их клиенты довольны качеством предоставляемых услуг, имидж компании положительно представлен среди в информационном пространстве, а сотрудники ценят свое место работы – именно за эти показатели отвечает корпоративная социальная ответственность. На втором месте стоит стратегическая роль по управлению отношениями с поставщиками – умение договариваться, соблюдая тонкий баланс взаимовыгодного сотрудничества, стало особенно важно для предпринимателей в период пандемии, при этом эти роли хорошо коррелируются друг с другом, поскольку очень часто в рамки корпоративной социальной ответственности входят процессы по управлению отношениями с поставщиками.

Сегодня рано говорить о том, что средний бизнес обладает устойчивой практикой развития своего человеческого капитал посредством корпоративного образования, но эта потребность уже осознана. Учитывая траекторию изменений экономики, в которой роль интеллектуального капитала будет возрастать, средний бизнес будет вынужден адаптироваться к этим требованиям. Результаты нашего исследования проследили эту тенденцию, бизнес развивает сотрудников, но, поздно, когда нововведения стали необходимостью выживания на рынке, а не перспективой. Вместе с этим предприниматели знают, зачем им нужно образование сотрудников – стратегическая роль корпоративного образования ими выбрана – развитие корпоративной социальной ответственности. Желанием быть ответственным перед клиентами, сотрудниками, поставщиками говорит о желании долгосрочных отношений. Каждый предприниматель знает сильные и слабые стороны своих товаров и услуг, вопрос, почему не запускается процесс долгосрочных улучшений? Возможно, потому что руководители пытаются решать, и оперативные, и стратегические задачи.

Очень сложно осмыслить процесс, находясь внутри него, чтобы увидеть ошибки, необходим взгляд со стороны, иными словами руководителям требуется решить, либо они занимаются оперативными вопросами, либо стратегическими, вполне возможно было бы нанять специалиста, отвечающего за развитие корпоративного образования. Возникает и еще один момент, сложный для понимания – как оценить рентабельность обучения? У каждого бизнеса свои субъективные показатели и они требуют отдельного рассмотрения. Это также требует временных и ресурсных вложений. Все ли предприниматели готовы к этому? Только если они будут видеть результаты на выходе, а это не всегда возможно предсказать при образовании персонала.

Вполне возможно корпоративное образование станет обыденной реальностью для среднего бизнеса, когда структура экономики не позволит обходиться без структурного подразделения, отвечающего за управление

стратегическими ресурсами и достижения долгосрочных целей, в рамках которых будет проходить необходимая подготовка персонала и анализ необходимых данных. Но тогда это будет уже обыденностью, которая дает необходимые конкурентоспособные преимущества, а не уникальные, которые дают преимущества в прибыли и т. д.

Вместе с этим средний бизнес осознает, что хотел бы получить от своего корпоративного образования – выстроенную социальную ответственность, в рамках которой мы уверены, что клиенты довольны качеством товаров и услуг, работники – условиями места работы, поставщики – в надежности сотрудничества, и также сформирован и представлен положительный имидж организации. Изучить что такое «хорошо» для каждой из сторон можно множествами способов, например, социологическими опросами, интервью или маркетинговыми исследованиями. На основе полученных данных определить потребности сторон, определить их как цели и пути их достижения – вполне реально для каждого руководителя. Выявленные потребности каждой из сторон станут пониманием чему учиться – остальное процедурные вопросы: как, где, сколько и т. п. В свою очередь руководителям необходимо перестать пытаться «обнять необъятное» и сосредоточиться на меньшем количестве вопросов. Будет справедливо заметить, что, если предприниматель хочет развиваться – ему необходимо соответствовать большим качествам нового финансового уровня и планомерное развитие в рамках корпоративного образования может стать в этом надежной опорой.

Список литературы

1. Пружинин А. Н. Эффект Отсутствия: корпоративное обучение среднего бизнеса в современной России // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 194–196.
2. Пружинин А. Н. Роль корпоративного университета в развитии человеческого капитала нефтяных компаний // Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала : материалы III Всероссийской науч.-практ. конф. представителей академической науки и специалистов-практиков в области воспитательной деятельности в высшей школе / под редакцией Ю. А. Тюриной. 2020. Иркутск : ИГУ, С. 45–50.
3. Чанько А. Д. Корпоративные университеты: анализ деятельности в международных исследованиях // Российский журнал менеджмента. 2015. № 3. С. 79–110.

А. В. Апапина, А. В. Журавлева, В. А. Фионова, *Иркутск*

Профессия рекрутер: значение рекрутеров на рынке труда

Анализируются перспективы и особенности создания новой профессии рекрутер. Выявляются социальные предпосылки и человеческие потребности к обращению к рекрутерам для получения той или иной должности. Обозначаются основные векторы развития рекрутерства как профессии.

Ключевые слова: рекрутер, качества рекрутера, подбор персонала, резюме, рынок труда, наниматель и соискатель.

A. V. Apanina, A. V. Zhuravleva, V. A. Filonova, *Irkutsk*

Profession recruiter. The importance of recruiters in the labor market

The article analyzes the prospects and features of creating a new profession – recruiter. The social prerequisites and human needs for contacting recruiters for obtaining a particular position are identified. The main vectors of development of recruiting as a profession are outlined.

Keywords: recruiter, recruiter's qualities, recruitment, resume, labor market, employer and job seeker.

Название профессии рекрутер имеет французское происхождение. Дословно оно означает «набор армии». В наше время рекрутером называют менеджера по подбору персонала [3]. Несмотря на активное внедрение программ по автоматизации и роботизации рекрутинга, одной из самых востребованных вакансий на рынке труда неожиданно стала вакансия рекрутера. Это, конечно, приятно, что искусственный интеллект пока еще сильно зависим от человека, который может профессионально оценивать, корректировать его работу и делать свою. Вместе с тем поступает много жалоб на работу рекрутеров от всех участников рынка: и от кандидатов, и от нанимающих менеджеров. Нередко к нам в агентство обращаются за подбором персонала, когда свой рекрутер не справляется. Почему же эта профессия сегодня настолько востребована?

Во-первых, рынок труда стал более активным, и это заметно. Российские компании понемногу наращивают свое присутствие на различных рынках, выходят на новые. Во-вторых, компании стали более требовательны к качеству подбираемого персонала.

И в-третьих, хороший рекрутер всегда был в цене. Это как хороший продавец: их всегда меньше, чем на самом деле нужно рынку. Просто сейчас это стало более заметно. Так же как профессии продавца невозможно научиться, хорошим рекрутером невозможно стать, если нет склонности и любви к этой профессии. Никакие скрипты телефонных звонков и интервью не помогут. Безусловно, с опытом приходит уверенность и понимание, но базовые личностные характеристики здесь совершенно необходимы. Если вы находитесь в поисках рекрутера для своей компании, то обратите внимание на характеристики, схожие с теми, что вы проверяете у кандидатов на позиции менеджера по продажам: умение выстраивать отношения,

ориентация на результат и любознательность, желание развиваться, узнавать, что-то новое на постоянной основе. В этой профессии это абсолютно необходимо.

И еще один момент: хороший рекрутер обеспечивает не качественный найм, а поток кандидатов, тщательно отобранных и максимально подходящих, но финальное решение о найме принимает нанимающий менеджер. Всегда. И на мой взгляд, проблематика качественного рекрутинга и профессионализма рекрутеров неразрывно связана с проблематикой качественного менеджмента в компаниях. Замечали, что хороший рекрутер не задержится надолго в компании с низким уровнем менеджмента. И наоборот, сильные менеджеры не будут терпеть в своей команде рекрутеров низкого уровня. Профессиональный рекрутер и профессиональный руководитель предпочитают держаться вместе.

Организации берут в свой штат рекрутера для подбора персонала. Главная задача рекрутера – определение профессиональных навыков и личностных качеств, которые требуются для определенной должности в компании. Данный специалист занимается не только проведением собеседований, но и составлением заявок на подбор персонала, изучением присланных кандидатами на должность резюме и поиском узко квалифицированных специалистов.

К основным профессиональным обязанностям рекрутеров относятся:

- 1) проведение переговоров с компанией, которая ищет сотрудников;
- 2) оценка профессиональных навыков и психологических качеств кандидатов;
- 3) работа над составлением резюме и презентации;
- 4) консалтинговые услуги касательно работы с персоналом;
- 5) обучение и мотивация персонала;
- 6) подбор специалистов на конкретные должности с талантом к своему делу;
- 7) поиск специалистов по уже существующим вакансиям в компании;
- 8) оптимизация менеджмента;
- 9) составление списка требований к каждому кандидату на должность, а также составление текста для объявлений.

Данная работа предполагает постоянное взаимодействие с большим количеством людей с целью выявления максимально подходящих кандидатов. Именно поэтому специалист в области рекрутинга должен иметь уравновешенный характер, быть морально устойчивым и, пожалуй, самое главное – быть способен к объективной оценке. Беспристрастность и умение выявить в человеке потенциал, необходимый компании – то, что должно быть присуще специалисту. Профессиональный рекрутер также должен обладать необходимыми знаниями в психологии общения и делового этикета.

Рассмотрев суть деятельности рекрутера, перейдем к рассмотрению взаимодействия рекрутеров от организаций с нанимателями и нанимаемыми работниками. Эффективный рекрутинг предполагает в первую очередь грамотную работу с внутренним заказчиком – руководителем, который инициировал подбор, для этого необходимо выяснить, какой кандидат ему необходим и точно попасть в желаемый профиль. Чтобы понять требования руководителя к кандидату, и как ему будет удобнее взаимодействовать с рекрутером по вопросам подбора, необходимо провести собеседование с руководителем, для которого будет организован поиск сотрудника. Если руководитель поручит проводить первое собеседование своему подчиненному или коллеге, важно ориентироваться и на того сотрудника, которого он назовет.

Рекрутеры – люди занятые, поэтому их время высоко ценится. Особенно в настоящее время, когда их электронные почтовые ящики буквально завалены письмами уволенных по сокращению штатов специалистов, поэтому менеджеры по подбору персонала хотят видеть ясные, четко структурированные анкеты. Если рекрутера заинтересовало резюме, то назначается собеседование, оно может проходить сначала с рекрутером, но если вакансия является срочной, то подходящего специалиста сразу же отправляют на интервью к заказчику. Кроме того, рекрутер всегда порекомендует, как лучше вести себя на встрече с конкретным нанимателем, расскажет о корпоративной культуре компании, в которую направляет нанимаемого на собеседование. Необходимо отметить, что часто он выступает как посредник на переговорах о зарплате и убеждает работодателя повысить жалование успешному кандидату. Также такой специалист как рекрутер всегда может проконсультировать, сколько стоит сегодня на рынке труда оплата того или иного специалиста.

Таким образом, мы можем заметить, что одним из самых главных качеств, которыми должен обладать хороший рекрутер – это коммуникабельность. Если человек не способен установить контакт с собеседником, уметь его выслушать, поддержать разговор и направить мысли в нужное русло, это негативно отразится на выполнении поставленной задачи в целом. Также рекрутер должен быть хорошим аналитиком, так как его работа – это постоянный анализ полученной от кандидатов информации через объявления и резюме и такое качество напрямую влияет на эффективность работы HR-менеджера. Поэтому, рекрутер должен обладать аналитическим складом ума, иначе грубых ошибок не избежать. Важно, чтобы менеджер был профессионалом и ответственно подходил к выполнению поставленных перед ним задач. Он должен постоянно изучать рынок и уметь определять источники для поиска необходимых кандидатов, чтобы максимально быстро справиться с заказом, так как отсутствие человека на определенной должности может повлиять на доход компании. Еще одно из важных качеств, это стрессоустойчивость. Человек, который не способен

контролировать свое психологическое состояние, не сможет составить психологический портрет кандидата на должность и не выдержит всей нагрузки, которая возлагается на менеджера по подбору персонала.

Подводя итог, мы рекомендуем рекрутерам для повышения эффективности их деятельности и избегания возможных проблем развивать в себе мобильность, способность приспосабливаться к изменяющимся условиям. Отметим, что данная профессия является высокооплачиваемой, а потому привлекательной для выбора. Как мы отметили ранее, к рекрутерам предъявляются высокие требования, такие как коммуникабельность, стрессоустойчивость, аналитический склад ума, ответственность, высокая мобильность. Не каждый кандидат на данную должность обладает всеми этими качествами, что делает профессию менее доступной.

Список литературы

1. HR-Portal URL: <https://hr-portal.ru/article/effektivnyy-rekruting-vzaimodeystvie-s-vnutrennim-zakazchikom> (дата обращения: 24.11.2020).
2. Kadrof.ru : сайт об удаленной работе, фрилансе и заработке в интернете [электронный ресурс] URL: <https://www.kadrof.ru/profession-recruiter> (дата обращения: 24.11.2020).
3. Везде. Ру – инвестиции, финансы и трейдинг. URL: <https://vsdelke.ru/rabota/professiya-rekrutyora.html> (дата обращения: 24.11.2020).
4. Фаталина А. А. Цифровые компетенции // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-rekruterov> (дата обращения: 13.12.2020).

УДК 327.88.
ББК 95.95

С. В. Малых, *Иркутск*

Механизмы конструирования репутации ИГУ в общественном сознании жителей региона

Рассматривается механизм конструирования репутации университета как практический способ формирования имиджа и репутации вуза. На примере Иркутского государственного университета анализируются стратегии воздействия на репутацию вуза на территории региона, выявляются социально-символические стратегии общественного воспроизводства.

Ключевые слова: репутация, имидж, механизмы конструирования, регион, университет, общественное мнение.

S. V. Malykh, *Irkutsk*

Mechanisms for constructing the reputation of ISU in the public consciousness of the residents of the region

The article examines the mechanism for constructing the reputation of a university as a practical way of forming the image and reputation of a university. Using the example of Irkutsk State University, strategies of influencing the reputation of a university in the region are analyzed, social and symbolic strategies of social reproduction are identified.

Keywords: reputation, image, construction mechanisms, region, university, public opinion.

Университеты становятся не просто образовательными или научными центрами, но и как социокультурные и экономические центры. Мировое образовательное пространство формируется именно в университетах. Университеты «гумбольтовского» периода изжили себя, сегодня выходят на первый план – университеты «нового типа», в которых помимо опыта и знаний, студенты приобретают навыки в развитие общества знаний, в готовность постоянно учиться и обновлять свои компетенции, что развивает город расположения университета, положительно влияет на инфраструктуру и самих жителей.

Сегодня репутация вуза важна как никогда, так как только благодаря репутации возможно удержать целевую аудиторию. Репутация вуза складывается годами, десятилетиями, и поэтому необходимо уже сегодня поэтапно выстраивать репутацию ИГУ как вуза, способного обновить условия и формы получения образования в регионе.

Репутация вуза относится к нематериальным активам. Формирование репутации университета непосредственно влияет на потенциал развития территории и создает условия для развития потенциала региона, для роста эффективности его использования, повышения конкурентоспособности территории. Продвижение репутации вуза способствует росту его узнаваемости, а следовательно, росту числа потенциальной целевой аудитории (инвесторов, туристов, потребителей товаров и услуг, предпринимателей и т. п.). Репутация вуза – основа его развития, роста и процветания.

На репутацию и имидж вуза влияют как иррациональные условия (Р. Г. Ардашев [1–3]), так и формально-логические механизмы конструирования имиджа (И. А. Журавлева [4; 5], В. В. Тетерин [6]). Отдельно стоит сказать о более ранних работах автора, касающихся как развития бренда вуза, отдельных аспектов воздействия имиджа университета на территорию, социальной ответственности и социальных условий развития территории региона [7–19]).

Ресурсы развития репутации ИГУ:

- *Образование сотрудников университета.* Постоянное обучение, новые навыки позволяют сотрудникам университета быть среди тех, кто задает рамки и условия развития региона.
- *Повышение квалификации* (курсы, мастер-классы, тренинги, а также дополнительное образование). Активность, креативность, нестандартность, многофункциональность мышления современных преподавателей позволяет видеть в обычном необычное и находить альтернативы.
- *Применение на практике результатов интеллектуального труда сотрудников университетов.* Активность вовлечения в результаты интеллектуальной деятельности, как через обсуждение, так и через примеры реальной реализации усилий одного человека или коллектива сотрудников – позволяют вывести весь педагогический состав на новый интеллектуальный уровень. Это касается не только технических и естественно-

научных специальностей, но и гуманитарных, так как за последними стоят технологии и навыки коммуникативного взаимодействия (через психологию и социологию, литературу и историю и многие другие гуманитарные и социальные дисциплины реализуется формат социальной активности, нарабатывается социальный капитал преподавателя и вуза и закладывается перспективное развитие территории).

- *Целенаправленное формирование имиджа ректора и высшего руководства университета.* Имидж ключевых фигур университета подкрепляет и развивает репутацию вуза в общественном сознании населения региона и за его пределами.

- *Формирование и укрепление имиджа преподавателей и студентов ИГУ.* Имидж сотрудников и студентов – это фактическое доказательство высокой планки и конкурентоспособности образовательного учреждения.

Социальный капитал репутации университета – ресурс его выживания в будущем. Современные тенденции таковы, что без системной работы по развитию различных составляющих интеллектуального капитала университета, касающихся научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава, студентов и аспирантов невозможно обеспечить свое место под солнцем.

Необходима работа по увеличению роли и значимости репутации вуза в регионе. На наш взгляд она может реализоваться в следующем.

- *на общегосударственном уровне* – через изменение стандартов системы образования. Уходом от кальки болонской системы, и частичному возврату к отдельным элементам советской системы обучения;

- *внутрирегиональном уровне* – через социальное партнерство Вузов с органами власти, бизнесом и некоммерческими организациями, имеющими цель совместного развития для совместного блага региона и его жителей;

- *внутривузовском уровне* – через социальную и материальную поддержку научно-педагогических кадров, их интеллектуальное и социальное развитие, их признание и укрепление авторитета вуза.

- *индивидуальном уровне* – через построение индивидуальных стратегий карьеры и роста профессионализма в разных сферах научно-педагогической деятельности вуза.

В современном обществе происходят глобальные изменения, и это не может не отразиться на университете. Важность и востребованность высшего образования увеличивается как со стороны человека, так и со стороны государства. Эффект прослеживается в экономическом, гражданском, культурном, мировоззренческом потенциале отдельной личности и целых поколений студентов. Институт образования нацелен на формирование высокопрофессиональных специалистов, а также способствует духовному и нравственному обогащению молодого поколения, культурному развитию.

Образованные люди проще выстраивают связь и преемственность поколений. Благодаря им находят применение развитие те знания, что были получены до них, предшествующими поколениями. Недостаточно образованные люди не могут не только преумножить, но даже и воспроизводить знания. И тем самым нарушается процесс развития общества (базовый принцип социальной структуры – каждое новое поколение должно идти дальше, жить лучше предыдущего).

Традиционно, «заказчиком» для университетов выступало государство. Но перемены последних лет (а в некоторых странах и столетий) способствовали тому, что оно утратило монополию в этом вопросе (во многом, благодаря развитию рыночных отношений). С повышением социальной значимости университетов к ним стали возрастать и требования.

Эффективность работы высшей школы (преобразований и повседневных практик) следует оценивать с позиции удовлетворения ожиданий и потребностей общества и отдельной территории. Эффективность высшей школы зависит не только от административных работников университетов и педагогов, но прежде всего от диалога, между всеми участниками «социального запроса» к университетам (студенты, родители, власть, бизнес, СМИ и проч.). Университет – это ресурс, который сам по себе мало что значит. Его важность и весомость определяется через реализацию в других секторах и социальных институтах всего общества или локальной территории. Но репутация университета закладывает возможности реализации и развития в других областях и сферах жизни в конкретном регионе.

Корреляция вовлеченности в публичное пространство региона и репутацией вуза представлена в таблице.

Таким образом, можно говорить о заключении некоего социального договора между университетом и различными социальными институтами и обществом в целом. Общественный договор – это обмен ожиданиями по поводу основных прав собственности и свободы, общественных благ и, тем самым, характера и структуры государства.

Идеальное условие развития репутации вуза, когда сами сотрудники заинтересованы в постоянном обучении, получении новых навыков и знаний, в использовании последних научных достижений в образовательном процессе. При этом вуз создает условия и возможности применения этих знаний в работе со студентами, а также в выстраивании взаимодействия с другими социальными институтами. И тем самым запускается эффект развития территории и укрепления репутации вуза.

Университет – это цитадель, способная преобразовывать знания в инновации. Последнее, крайне актуально для регионального развития любой территории. Университет – это связующая система между всеми элементами регионального социума. Помимо образовательной и исследовательской функций, университету принадлежит функция интеграции народа.

Корреляция вовлеченности в публичное пространство региона и репутацией вуза

Инструменты	Известность	Симпатия	Отзывы и распространение информации	Трудоустройство (результаты студентов)
История вуза	Высокая, подкреплена архитектурными зданиями, площадками, библиотеками, спортивными комплексами, лабораториями и т. д.	Высокая. Возрастает при популяризации в публичном пространстве (через публичные лекции, экскурсии и т. д.)	Высокие, положительно влияет обсуждение на форумах в сети Интернет	Выше среднего
Ректор вуза	Выше среднего, известная фигура, но необходимо усиление социального капитала ректора, весомости его мнения, слова и дела	Высокая. Определяется имеющимся в общественном мнении уважения к умным и статусным людям	Средние. Оценки деятельности ректоров ИГУ за последние 20 лет имели неоднозначные отклики. Поэтому, требуется переосмысление позиции и позиционирования себя во вне	Среднее
Ведущие специалисты вуза	Выше среднего, в отдельных подразделениях высокая (зависит от научной школы или социальной активности преподавательского состава)	Высокая, так как строится на личных навыках и коммуникациях отдельных представителей профессорско-преподавательского состава или их интеллектуальном багаже	Высокие в кругу коллег и выше среднего в кругу обывателей	Высокие
Студенты вуза	Выше среднего, отдельные студенты и выпускники получили известность не только в городе, области, стране, но и мире. Ориентир на публичных, известных, уважаемых студентов имеется во всех подразделениях	Высокая, так как объясняется социальной активностью и высокой социальной ответственностью студентов, получивших известности в определенных кругах	Высокие, вне зависимости от контекста (положительной или отрицательной) известности студентов	Выше среднего
Образовательные продукты	Выше среднего на городском, региональном и локально-территориальном уровне (от Урала до Сахалина), в европейской части РФ менее известен. Уважением и статусом обладают отдельные направления и профили подготовки	Высокая, так как качество знаний гарантируется брендом университета	Высокая. Большая часть выпускников хорошо себя зарекомендовали в профессиональном плане, вне зависимости от того, по какой специальности они работают	Выше среднего
<i>Информационное обеспечение в сети Интернет</i>				
Сайт вуза и подразделений	Средняя при одиночном использовании, высокая степень при использовании рекламой	Высокая, возрастает при использовании страниц в социальных сетях и рекламы	Выше среднего, возрастает при использовании страниц в социальных сетях	Выше среднего
Новостные страницы	Средняя, возрастает при использовании совместно с страницами в социальных сетях	Средняя степень влияния, вырастает при регулярном использовании	Выше среднего при использовании страниц в социальных сетях и сайтов	Высокая
Страницы в социальных сетях	Средняя при одиночном использовании, возрастает степень при использовании совместно с рекламой	Высокая, имеющая долгосрочный эффект при использовании сайта и новостных страниц	Высокая	Высокая

Для бизнеса, власти, СМИ и иных социальных институтов приоритетной сферой социальной ответственности выступает не только экономическая поддержка, сколько условие формирования нового уровня и качества человеческого капитала. Человеческие ресурсы, которые готовятся в университете становятся залогом процветания всех остальных сфер общества. А это, в свою очередь, также влияет на репутацию вуза.

Репутация вуза состоит из репутации людей, в нем работающих или обучающихся: от ректора до студента, от ведущего ученого до младшего лаборанта. «Человеческое лицо» университета формирует репутацию вуза. Чем больше уделяется внимания конкретным людям, их позиционированию во вне – тем более устойчивая и качественная репутация вуза закладывается.

Управление репутацией – это комплекс мер по формированию, контролю и развитию репутационного капитала. Репутация вуза – неоднородное понятие, складывающееся из отдельных репутаций, которые могут быть самостоятельными или рассматриваться в совокупности. Это репутация ректора, преподавателей, студентов, образовательной услуги и т. п. Очевидно, что одна влияет на другую, а все вместе репутации могут производить синергетический эффект, усиливая или ослабляя репутацию вуза.

В наиболее понятном виде это означает передачу репутации одного объекта другому. Так, хорошая репутация преподавателя вносит вклад в формирование позитивной репутации вуза в целом. И наоборот, факт работы в вузе с хорошей репутацией добавляет «плюсов» в копилку преподавателя.

Роль репутации университета в общественном мнении населения значима. Пример репутации Иркутского государственного университета является ярким тому подтверждением. Но репутация требует постоянной кропотливой работы со стороны всех участников образовательного процесса.

Тот положительный образ ИГУ, который мы выявили в ходе исследования необходимо укреплять и усиливать, через целенаправленную работу с каждым человеком в стенах университета – от ректора до студента, от декана до лаборанта. Репутация вуза – это репутация тех людей, кто его создает сегодня. Без понимания этого и работы над репутацией отдельных людей – ни у одного вуза нет будущего.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 25–27.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 40–48.
4. Журавлева И. А. Университет в публичном пространстве гражданского общества // Социология. 2019. № 4. С. 14–20.
5. Журавлева И. А. Университетские корпорации: от средневековья до наших дней // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 373–377.

6. Журавлева И. А., Тетерин В. В. Роль правовых норм в институциональной культуре университетов // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 214–218.
7. Малых С. В. Бренд университета в восприятии горожан // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск : НГУ НЦ, 2019. С. 155–158.
8. Малых С. В. Бренд университета как ресурс консолидации региона // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сборник научных трудов. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 248–253.
9. Малых С. В. Воздействие имиджа иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. № 4. С. 129–135.
10. Малых С. В. Интеллектуальная среда университета как ресурс развития Иркутской области // Интеллектуальный капитал в XXI веке : сборник научных трудов. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 80–86.
11. Малых С. В. Правовое поле репутации вуза // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2020. С. 209–213.
12. Малых С. В. Репутация вуза как условие развития территории // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : материалы V международной науч.-практ. интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда : ВолНИЦ, 2020. С. 69–73.
13. Малых С. В. Репутация университета как основа развития // Социология. 2020. № 2. С. 281–287.
14. Малых С. В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. № 3. С. 123–133.
15. Малых С. В. Роль университета в развитии бренда территории: монография. Иркутск, ИГУ, 2019. 128 с.
16. Малых С. В. Роль университета в развитии территории // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект : материалы VIII международной науч.-практ. конф. Вологда : ВолНИЦ, 2019. С. 259–263.
17. Малых С. В. Социальная ответственность университета в развитии территории // Социология. 2019. № 3. С. 75–79.
18. Малых С. В. Социальные условия развития социальной ответственности университетов // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 29–37.
19. Малых С. В. Формирование репутации регионального вуза (на примере ИГУ) // Социология. 2020. № 4. С. 191–196.

УДК 364.62
ББК 60.94

С. А. Еременко, *Иркутск*

Профессиональная деятельность работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания как один из механизмов реализации социальной политики государства и консолидации общества

Рассматриваются вопросы реализации социальной политики государства и консолидации общества. На основе анализа профессиональная деятельность работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания проводится анализ эффективности реализации социальной политики и делается вывод о проблемных зонах формирования социальной солидарности общества.

Ключевые слова: работники органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания, социальная политика, консолидация, профессиональные требования.

Professional activity of employees of social protection authorities and social service institutions as one of the mechanisms for the implementation of state social policy and consolidation of society

The article deals with the implementation of the social policy of the state and the consolidation of society. On the basis of the analysis of the professional activities of the employees of the management bodies of social protection of the population and institutions of social service, an analysis of the effectiveness of the implementation of social policy is carried out and a conclusion is made about the problem areas of the formation of social solidarity in society.

Keywords: social work specialist, social policy, consolidation, professional requirements.

Современные российские реалии характеризуется высокой степенью нестабильности общественного развития. Это обусловлено повышенным уровнем разрыва среди распределения социальных благ между различными группами населения. Поэтому в нашем обществе существует высокий процесс социально незащищенных граждан. Данная проблема обуславливает важность профессиональной деятельности работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания, чья работа направлена на поддержку и помощь гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Профессиональная деятельность данных специалистов направлена на перераспределение социальных благ и осуществление социальной политики государства. Работники этой специальности способствуют повышению стабильности общественного развития и в возможной степени нивелируют общую степень неблагополучной общества. Выступая посредниками между государством и людьми, попавшими в кризисную ситуацию, работники органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания являются связующим звеном между ними.

Специалист социального обслуживания может выполнять на рабочем месте совершенно различные функции: от введения документации до обеспечения патронажа людей, попавших в трудную жизненную ситуации. Из этого можно заключить, что профессиональные обязанности специалиста варьируются в зависимости от места его трудовой деятельности. Но любая трудовая деятельность данной профессии носит в себе определенную важность как для людей, обратившихся за помощью так и для государства в целом, так как профессиональная деятельность специалиста предполагает оформление различных пособий и льгот, связанных с поддержкой индивида, что не мало важно для людей, оказавшихся в кризисной ситуации, или фактическую помощь, которая предполагает физическое наблюдение за лицом или группой лиц, которые в ней нуждаются.

Поэтому личностные требования для специалистов этой профессии весьма высоки. Высокий уровень требований к работникам органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания обусловлен рядом обстоятельств:

1. Данная профессиональная деятельность предполагает влияние на качество жизни общества, так как затрагивает интересы большей части социума.

2. Деятельность работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания находится под контролем государства, который происходит через социальную политику, деятельность органов власти, направленных на улучшение и оптимизацию качества жизни населения, деятельность государственных учреждений сферы социального обслуживания.

3. Социальное обслуживание направлено на улучшение качества жизни населения и улучшение социального здоровья граждан. Как вид профессиональной деятельности, она прямо или косвенно влияет на оздоровление населения через систему различных воздействий на конкретного человека или на общность людей в зависимости от ее направленности в конкретном учреждении социального обслуживания.

Деятельность специалистов установлена в Приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2013 г. № 792 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания» [1]. Кодекс описывает принципы профессиональной этики и нормы поведения для работников, занятых в сфере социального обслуживания населения.

В Кодексе указаны единые этические требования, которым работникам органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания необходимо соблюдать для выполнения своих рабочих функций:

- 1) добросовестно и своевременно выполнять профессиональные обязанности;
- 2) обеспечить полную конфиденциальность данных клиента, его ближайшего окружения и семьи;
- 3) придерживаться норм безопасности при предоставлении услуг;
- 4) ставить потребности и интересы клиента на первое место;
- 5) при взаимодействии с коллегами и клиентами придерживаться этических норм;
- 6) воздержаться от поведения, которое может дискредитировать специалиста;
- 7) брать ответственность за результат своей работы.

Это обуславливает формирования у человека, задействованного в данной профессиональной сфере, личных качеств, которые способствуют его оптимальному социальному и должностному взаимодействию в профессии.

Необходимыми и важными качествами личности являются:

Гуманность – чтобы реализовать в данной профессии, специалисту необходимо проявлять уважение к человеческой личности, ее психологическим особенностям и отличительным чертам. Данное качество от-

носится к одним из самых важных, так как без него невозможно целесообразно предоставлять компетентную помощь и реализовать в полной мере объем услуг, которые требуются клиенту. Сюда же можно отнести тактичность, доброжелательность, терпимость и др.

Пластичность и гибкость ума – данная профессиональная сфера очень объемна, от специалистов требуется постоянное переключение с одной задачи на другую. Для этого необходимо, чтобы работник мог быстро переключиться на различные сферы своей работы, не запутаться в его должностных обязанностях и вовремя выполнить то, что от него требуется.

Данным специалистам важно быть заинтересованными в том, чтобы клиент как можно быстрее преодолел свою трудную жизненную ситуацию. Это определяет ценностную ориентацию работника в профессиональной деятельности. Так как последующее благополучие клиента выступает как личное вознаграждение специалиста за его труд в минимизации последствий сложно преодолимых ситуации в жизни клиента. Наивысшей эффективности трудовой деятельности специалист достигает тогда, когда профессия приобретает смысл для личности.

Коммуникативность – в силу специфики этой профессии, специалист постоянно находится во взаимодействии с другими людьми, ему необходимо постоянно поддерживать связь с различными инстанциями, клиентами и коллегами. Поэтому данное качество очень важно для работника органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания, развивая его, он выполняет свою работу более качественно, так как именно налаженная коммуникация поможет клиенту получить необходимую ему услугу быстрее.

Стрессоустойчивость – работа в данной сфере труда, постоянно сопряжена с нестабильностью, большое количество разноплановых задач, которые требуется выполнить за короткое время, множество клиентов, сложные запросы – все это может давить на сотрудника и вызывать чувство стресса. Поэтому работнику органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания необходимо быть готовым к возникающим у него трудностям, он должен с наименьшими для себя потерями преодолевать стресс и выходить из затруднительного положения с помощью данного качества.

Ответственность за свою профессиональную деятельность – данное качество обусловлено тем, что специалист берет некоторую часть ответственности за правильное и быстрое исполнение своих рабочих функций в отношении услуг, которые он предоставляет клиенту, так как он является непосредственным исполнителем и куратором обеспечения корректности и своевременности предоставления услуги, от которой зависит общее благополучие клиента.

Также для работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания очень важно умение ориентироваться в законодательной базе. Специалист работает, прежде всего,

государственными услугами он должен понимать на какие законодательные акты и нормативно-правовые документы ему следует опираться при работе с различной категорией клиентов.

Присутствие вышеперечисленных качеств очень важно для формирования профессиональных компетенций работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания. Данные качества образует стержень личности профессионала, благодаря им специалист может исполнять свои профессиональные обязанности точно и правильно.

Все перечисленные качества и требования к специалистам данной сферы предполагают высокую степень ответственности перед получателям услуг, его ближайшего окружения и общества в целом. Это предполагает высокий моральный ценз для специалистов, ведь от качества их профессиональной деятельности зависит социальное благополучие общества.

Степень сплоченности общества обуславливается в том числе доступностью и своевременностью получения различных социальных услуг. Так как их своевременность и доступность предполагает, что люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, смогут скорее устранить последствия этой ситуации и нормализовать свою жизнедеятельность. От данного фактора зависит общий уровень социального здоровья населения, поэтому очень важно, чтобы специалисты социального обслуживания не только соответствовали данным качествам и требованиям, которые предполагает их профессиональная деятельность, но и имели в своем профессиональном арсенале все доступные рычаги влияния, который необходимы для исполнения их обязанностей.

Специалистам данной профессиональной сферы очень важно, для полной реализации их рабочей функции, налаженное межведомственное взаимодействие, так как оказание некоторых услуг невозможно без комплексной работы нескольких учреждений. Если межведомственное взаимодействие не налажено в достаточной степени, то получателю этих услуг они будут оказаны несвоевременно. Это может способствовать дальнейшему прогрессированию и развитию негативных последствий трудной жизненной ситуации, в которую попал человек.

Для работников социальной защиты важно непрерывное образование в их профессиональной сфере, так как посредством обучения они могут приобретать новые профессиональные компетенции, которые помогут им при реализации их профессиональной деятельности и внедрения новых технологий, которые помогут совершенствовать качество предоставления услуг заявителям. Важно, чтобы вышестоящее руководство было заинтересовано в получении новых навыков специалистами, способствовало их обучению и стимулировало к росту в своей профессиональной области.

Консолидация в обществе происходит не только благодаря определенному направленному влиянию, но и посредством общего его оздоровления. Так как именно в здоровом обществе имеет место быть активная граждан-

ская позиция, равномерное распределение социальных благ и других ресурсов. Если государство будет заинтересовано в сплоченности, оздоровлении и благополучности населения, то это приведет к его здоровой консолидации. Профессия специалистов социальной защиты и социального обслуживания способствует появлению и развитию данных факторов.

Таким образом, можно сказать о том, что работники органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания выполняет очень важные и значимые профессиональные функции, которые важны не только для определенного получателя социальных услуг, но и для всего населения в целом. Реализация данной трудовой деятельности включает в себе помощи и поддержку незащищенным слоям граждан, что обеспечивает равномерное распределение ресурсов государства, предполагает нивелирование расслоение общества и его консолидации.

Список литературы

1. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 дек. 2013 г. № 792 // Гарант : справочная правовая система. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70458556/#ixzz4dH1fW9vg> (дата обращения: 20.01.2020).
2. Пырьев Е. А. Психология труда. М. -Берлин: Директ-Медиа, 2016. 455 с.
3. Российская энциклопедия социальной работы / под общ. ред. д. и. н., проф. Е. И. Холостовой. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. 1032 с.

УДК 316.77
ББК 60.524

А. Г. Солдатова, *Иркутск*

Консолидация спортивной команды через личностную и социальную идентификации

Рассматриваются биологическая и социальная стороны человека, взаимодействия людей в группах, а также понятия личностной и социальной идентификации, их роль в консолидации команды и этапы консолидации.

Ключевые слова: личность, личностная идентификация, социальная идентификация, менталитет, консолидация.

A. G. Soldatova, *Irkutsk*

Consolidation of the sports team through personal and social identification

The concept of personal and social identification, their role in team consolidation and the stages of consolidation are also considered.

Keywords: Personality, personal identification, social identification, mentality, consolidation.

В данный момент человек является одним из самых исследуемых объектов большинства наук. Это обусловлено стремлением к самопознанию и объяснением различных процессов жизнедеятельности человека, с научной точки зрения.

На данный момент доказано, что *человек* – это биосоциальное существо.

С биологической стороны, человек – это представитель вида живых существ – *Homo Sapiens*. Как у представителя животного мира у него есть базовые потребности, такие как сон, еда и т. д. Также существует и социальная сторона. При удовлетворении этих базовых потребностей возникает новая – потребность в общении.

На данный момент на Земле проживает 7,86 млрд человек. И ежедневно мы непрерывно взаимодействуем между собой. Данные взаимодействия предусматривают консолидацию людей для выполнения разных задач.

Эта тема актуальна на данный момент, так как из-за технологического развития и постоянного доступа к большим объемам информации все больше утрачивается/пропадает потребность в общении, как способ передачи информации и активизируется индивидуализм.

В течение всей жизни человек всегда ищет что-то новое в себе и окружающем его мире, а найдя, мы корректируем представление о некоторых областях жизни. Чаще всего мы более явно видим внешние изменения в окружающих нас людях. За данные изменения отвечает аспект человека, названный индивидом.

Индивид – это человек, как носитель определенных биологических свойств, развитие которых осуществляется в ходе онтогенеза. Например, прямохождение, определенная структура мозга и т. д.

А за позицию, отношение к самому себе, окружающим, за мотивы и установки, которыми руководствуется человек в своей деятельности, за цели и ценности, на которые направлена эта деятельность отвечает другой аспект человека.

Личность – системное качество индивида, которое он приобретает во взаимодействии с социумом.

Личностная идентификация – установление и сохранение в себе постоянного и неизменного ядра личности, в котором человек может сказать «это Я». В противном случае личность потеряется за множеством своих ролей, так как любой человек имеет хотя бы несколько ролей, относящихся: к его профессии, должностному положению, увлечениям, родственным связям и т. п.

Вследствие осознания себя в той или иной роли мы начинаем общаться с другими людьми, также определившими себя с данной социальной ролью, для обмена опытом и информацией. В этот момент и происходит социальная идентификация.

Социальная идентификация – отождествление себя по общим проблемам, жизненным интересам и социальным симпатиям с определенной социальной группой. Она обусловлена с одной стороны, глубинной потребностью личности в признании других, в групповой защите, самореализации, а с другой – позитивной оценки людей из той же социальной группы людей, близких ему по духу.

Социальная идентификация может быть гражданской, этнической (расовая принадлежность), национальной, классовой, возрастной, профессиональной и т. п.

Центральное место в социальной идентификации занимает *менталитет*.

Менталитет – это мирозерцание, мировосприятие, т. е. отношение к миру, определенное народными традициями и образом жизни, мышлением и нравственностью.

Периодическое выполнение определенного порядка действий социальной группой приводит к появлению традиций и уклада жизни. В свою очередь эти общие действия помогают людям со схожей социальной идентификацией более сплоченно взаимодействовать.

Консолидация – это согласования членами группы в ходе совместной деятельности целей, норм, средств и способов деятельности.

Для консолидации группы необходимы ресурсы [3]:

1) цивилизационно-пространственный (цивилизация, занимающая определенные географические пространства);

2) гражданско-государственный (гражданская солидарность);

3) символический (мифы, ритуалы, идеология, священные писания и т. п.).

На сегодняшний день большинство людей стало меньше общаться между собой в реальной жизни. С появлением смартфонов и других технологий, позволяющих людям обмениваться различной информацией на расстоянии, многие постепенно отказываются от личных встреч. Это замедляет дальнейшее развитие общества, так как при решении той или иной задачи в группе возникает больше разнообразных вариантов, чем при индивидуальной работе [2]. Также в коллективе присутствует эффект синергии.

Рассмотрим консолидацию спортивной команды

По отдельности каждый, кто будет принимать участие в эстафете является личностью, т. е. он – спортсмен, с определенными достижениями, титулами и наградами, а также уровнем подготовки выносливости. В этом стоит его личностная идентификация. Каждый из них может сказать: я – чемпион мира или Европы, или олимпийских игр. Он четко определяет «свое я» [1].

Но это выступает основой для развития своей идентичности и в то же время командного соревнования, формирования командного духа. Эстафета может быть среди мужчин и женщин. А это также социальная идентификация.

Это можно наглядно увидеть в таблице этапов процесса консолидации [4].

Этапы процесса консолидации

Этапы консолидации	Личностная идентификация	Социальная идентификация
1. Знакомство членов группы с поставленной задачей	+	–
2. Осознание своих индивидуальных целей, интересов, возможностей, знаний при решении данной задачи	+	–
3. Обмен членов группы между собой информацией, целями, интересами, знаниями, опытом	+	+
4. Анализ каждым членом группы полученной от других информации	+	–
5. Выработка единых для группы, целей, норм, способов и действий, направленных на решение задачи	+	+
6. Согласование общих для группы целей и норм деятельности	+	+
7. Интериоризация каждым членом группы согласованных целей, ценностей, норм, средств и способов деятельности	+	-

Методические рекомендации для объединения (спортивная команда):

- регулярные разнонаправленные групповые работы;
- выявление индивидуальных возможностей и потребностей личности с помощью психодиагностики и физ. подготовки;
- отработка навыков взаимодействия в команде;
- постановка совместных целей и задач;
- разъяснение поставленных целей участникам и пользы от совместной работы;
- согласование действий каждого, исходя из миссии и цели;
- введение системы управления коллективом (тренер, ответственные и т. д.);
- совместные ритуалы общественного поощрения каждого за вклад в работу.

Проблема консолидации различных социальных групп всегда волновала ученых, философов и т. д. в разные периоды истории. «Современные поведенческие тенденции являются антисоциальными, те разрушительны для любой человеческой организации, и неспособным формировать основу организованного человеческого общества» [3].

Социальная консолидация должна быть на позитивной и конструктивной основе представлений человека о мире.

Список литературы

1. Полошкевич О. А., Медведев П. С. Различия в мотивационной структуре молодежи к занятиям традиционными и нетрадиционными видами гимнастики // Теория и практика физической культуры. 2020. № 5. С. 22.
2. Климов И. А., Шубкин В. Н. Социальная разобщенность как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / отв. ред. Л. М. Дробизева. М. : Ин-

ститут социологии РАН, 2004. 261 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-gazobshchennost-kak-fenomen-massovogo-soznaniya> (дата обращения: 25.01.2021).

3. Ковригина Г. Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества : диссертация ... кандидата философских наук / Г. Д. Ковригина. Красноярск : СФУ, 2015. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/26268> (дата обращения: 25.01.2021).

4. Почебут Л. Г. Организационная социальная психология : учебное пособие для академического бакалавриата / Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 246 с. URL: <http://pedlib.ru/Books/1/0139/1-0139-1.shtml> (дата обращения: 25.01.2021).

УДК 316.334:37
ББК 60.56

Т. А. Осипов, С. А. Сафонов, *Иркутск*

Стигматизация как индикатор статусных различий субъектов в образовательной среде

Рассмотрены концепция и процесс стигматизации в рамках образовательной среды. Показана взаимосвязь между процессами стигматизации и феноменом статусных различий в образовательной среде. Обозначены возможные варианты анализа этой взаимосвязи.

Ключевые слова: стигматизация, стигма, статус, идентичность, образовательная среда.

T. A. Osipov, S. A. Safonov, *Irkutsk*

Stigmatization as an indicator of the status differences of subjects in the educational environment

The article examines the concept and process of stigmatization within the educational environment. The relationship between the processes of stigmatization and the phenomenon of status differences in the educational environment is shown. Possible options for analyzing this relationship are indicated.

Keywords: stigmatization, stigma, status, identity, educational environment.

Концепция и процесс стигматизации, которая на сегодняшний день уже рассмотрена с различных сторон, для каждой конкретной области имеет свою специфику, в связи с чем целесообразно анализировать феномен стигмы в четко определенных рамках. Так как процессы стигматизации подразумевают субъект-объектные или же субъект-субъектные отношения, для этого необходимо рассматривать определенные микросоциумы, которым свойственна специфическая для них модель социальных отношений. В качестве таких элементов можно рассматривать микросоциумы образовательной среды, так как социальные отношения в рамках образовательных процессов имеют собственные принципы, закономерности и детерминанты.

Зачастую статусные различия субъектов образовательной среды становились причиной или катализатором многих, зачастую деструктивных, сценариев развития социальной отношений в образовательном микросоциуме. Выделим некоторые общие моменты, существенные для развития анализа в этом аспекте. Стигматизация в общем виде представляет собой «наклеивание» на конкретного индивида такого ярлыка, который указывает на его постыдный статус. Важно отметить, что какой-либо статус может считаться постыдным, только если существуют определенные стандарты и

нормы, при сравнении с которыми определенные качества индивида «проходят» отбор, а другие – нет. Как можно заметить, уже в определении стигматизации как процесса понятие статуса играет немаловажную роль. Однако в то же время в данном контексте он звучит так же в обобщенном виде и не имеет четко определенной коннотации. По нашему мнению, это показывает так же и возможность разноплановой трактовки понятия статуса в целом и проблемы статусных различий в контексте стигматизации.

В первую очередь стигматизация может быть рассмотрена в контексте классической концепции социального статуса. Здесь в первую очередь затрагиваются более-менее объективные факторы определения статуса, а именно экономические, национальные, возрастные, образовательные и так далее. Образовательная среда же в свою очередь представляет собой площадку, которая, как правило, подразумевает длительные и довольно тесные социальные взаимодействия между своими субъектами. Близость и длительность являются характеристиками, которые влияют на возможность «вскрытия» различных статусов индивида и, соответственно, определения их желательности или нежелательности для данной среды или ее конкретных субъектов. Индивид, имеющий нежелательный социальный статус, может быть заклеен. Это может касаться как предписанных социальных статусов, так и достигнутых, в связи с чем выдвигается и подобные виды стигм. К примеру, конкретная национальность в качестве предписанного статуса в некоторых сообществах, микросоциумах или группах может считаться нежелательной, т. е. ее можно определить как врожденную стигму. В то же время низкая экономическая обеспеченность тоже является часто встречающейся стигмой, но она не является врожденной, т. е. существуют способы ее преодоления. Важно отметить и самообразование как важный элемент статусного набора. В глобальной образовательной среде некоторые образовательные специализации или уровни образования считаются более или менее престижными, в связи с чем появляются «образовательные» стигмы. Концепция социального статуса в такой трактовке также тесно связана с социальной стратификацией, так социальный статус индивида тесно связан с тем, в какой страте он на данный момент находится. Определенным типам стратификации могут соответствовать определенные типы стигм (конфессиональная, расовая, национальная, экономическая и др.). Более подробно об этом см. нашу работу [4].

Говоря о классической концепции социального статуса, мы упомянули о том, что в этом случае стигматизация основывается в первую очередь на объективных факторах, таких как экономическое положение, расовая принадлежность и так далее. Однако есть и другая сторона феномена стигматизации, в связи с чем приходится расширять концептуальное поле при его исследовании. Ирвинг Гофман в своей работе пишет о том, что при аргументации целесообразней использовать дополненную версию социального статуса, а именно термин социальная идентичность [6]. Он

включает в себя не только структурные качества, присущие социальному статусу, но также и личностные качества. Социальную идентичность можно разделить на истинную и виртуальную. Истинная основывается на тех факторах, которые можно доказать (объективность социального статуса), виртуальная в свою очередь может конструироваться и «достраиваться» на основе объективных качеств, т. е. не всегда отражать подлинную картину. То есть, человеку могут «добавлять» некоторые статусы, которыми он на самом деле не обладает, или же обладает только в связи с существующей системой оценок и суждений в данном сообществе, микросоциуме или среде.

Такую статусную «надстройку» целесообразно рассмотреть в рамках концепции Говарда Беккера, которую он описал в своей работе «Аутсайдеры». По его мнению, феномен девиации и навешивание ярлыков в первую очередь обусловлены способностью некоторых влиятельных групп навязывать другим определенные стандарты поведения [1]. Таким образом, эти группы обладают фактически монополией на стигматизацию, так стандарты и нормативные ожидания, регулирующие этот процесс, создаются и меняются этими группами. В образовательной среде мы четко можем проследить существование таких «групп давления», которые могут быть разными почти для каждого его субъекта этой среды. Даже если субъект сам находится в одной из такой групп, «над ним» может находиться другая группа, которая имеет еще больше полномочий и ресурсов для регуляции процесса создания норм и стандартов.

Это можно показать на примере университетской среды. Среди студентов может выделяться отдельная группа, «каста» студентов (на основе критериев силы, способностей, талантов и так далее), которая является доминирующей и, соответственно, создающей особые правила и стандарты поведения «нормальных», по их мнению, студентов. В связи с этим они могут выносить суждения о том, кто является «нормальным», а кто – не является. В то же время «над» всеми студентами стоят преподаватели, которые обладают уже официально закрепленным властным ресурсом и инструментами влияния. Административная верхушка в свою очередь верховенствует над всеми вышеуказанными. Таким образом, вырисовывается цепочка субъектов, которые способны заниматься нормотворческой деятельностью по отношению к нижестоящим группам и субъектам.

Таким образом, существующие в образовательной среде процессы стигматизации может являться как просто показателем статусных различий субъектов этой среды, так и лежать в основании этих различий. То есть, являться как причиной, так и результатом статусных различий. Важно отметить, что процессы стигматизации и их влияние на статусные различия, по всей видимости, имеют свою специфику по отношению к различным микросоциумам и сообществам. Это обуславливает важность изучения этой проблемы через призму более конкретных исследовательских установок.

Список литературы

1. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-прессЦ, 2000. 304 с.
3. Липай Т. П. О проявлении стигматизации в процессе образования // Социологические исследования, 2004. № 10. С. 140–141.
4. Осипов Т. А. Стигматизация в контексте социальной стратификации: экспертное регулирование. В поисках социальной истины : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 145–149.
5. Полякова М. В. Проект «педагогическая стигма»: происхождение, влияние, управление // Вестник науки и творчества, 2016. № 8. С. 211–220.
6. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York : Prentice Hall, 1963. 147 p.

УДК 378.147.88

ББК 65.26

Ж. Б. Литвинова, И. В. Литвинова, *Иркутск*

Образовательный потенциал физики как науки в консолидации российского общества

Статья посвящена осмыслению проблемы раскрытия образовательного потенциала курса физики в консолидации российского общества. Выявляя воспитательный потенциал содержания физического образования, подчеркнута необходимость его целенаправленного выбора. На личном опыте работы авторов показано, что курс физики обладает большим потенциалом и может дополнить воспитательную работу педагогов и психологов в профилактике различного рода аддиктивного поведения обучающихся, в том числе мобильных и интернет-зависимостей, профилактики жестокого обращения с животными в среде обучающихся, способствующей формированию личностных ориентиров и норм поведения обучающихся.

Ключевые слова: физика, естествознание, образование, консолидация, аддикция, воспитательная работа.

Zh. B. Litvinova, I. V. Litvinova, *Irkutsk*

The Educational potential of Physics as a Science in the Consolidation of Russian Society

The article is devoted to understanding the problem of revealing the educational potential of the physics course in the consolidation of Russian society. The authors of the article, identifying the educational potential of the content of physical education, emphasize the need for its purposeful choice. The physics course has great potential and can complement the educational work of teachers and psychologists in the prevention of various kinds of addictive behavior of students, including mobile and Internet addictions, prevention of harsh treatment of animals in the environment of students, contributing to the formation of personal guidelines and norms of behavior of students. The article presents the personal experience of the authors of the study.

Keywords: physics, natural science, education, consolidation, addiction, educational work.

Понятие *consolidation* широко распространено в области права, экономики, финансов, социологии, активно употребляется в деловых и научных кругах. В задачи данной статьи входит рассмотреть понятие «консолидация» в физическом образовании, привести несколько конкретных примеров из курса физики с целью ответа на вопрос, каков образовательный потенциал физики как науки в консолидации российского общества.

В контексте физического образования под консолидацией понимают объединение и слияние, т. е. интеграцию естественно-научных знаний в курсе физики. Проблема ликвидации многопредметности за счет интеграции родственных учебных дисциплин уже находила решение в разработке новых учебных планов и программ, объединенных в курсе естествознания. Суммирование курса биологии, химии, физики, астрономии как объединение в единый курс всех знаний названных наук не принесло требуемого результата. Данный процесс возможно осуществить лишь через консолидацию, укрепление, объединение, сплочение общих идей и теоретических положений физики с другими науками. Вертикальная и горизонтальная консолидация научных знаний и положений в курсе физического образования во многом могут разрешить ряд противоречий в преподавании курсов биологии, химии, физики, астрономии. Но разрешение данной проблемы заслуживает отдельного научного исследования.

Автор придерживается мнения, что наряду с интеграцией в курсе физики следует включать в понятие «консолидация» упрочнение физических знаний, обладающих большим воспитательным потенциалом, позволяющих дополнить и обогатить работу педагогов и психологов по профилактике аддиктивного поведения обучающихся, в том числе различного рода мобильных и интернет зависимостей, профилактики жестокого обращения с животными в среде обучающихся, способствующей формированию личностных ориентиров и норм поведения обучающихся и многое другое.

Рассмотрим на отдельных примерах, каким образом можно с учетом возрастных и психологических особенностей обучающихся мы можем консолидировать курс физики. На решение данной проблемы может работать и содержание образования, и формы организации образовательного процесса, и методы, и приемы. Подчеркнем, что в основе построения курса физики и отбора содержания учебного материала, выбора форм и методов образования должны быть положены следующие принципы: принцип научности, принцип фундаментальности знаний, принцип целостности, принцип преемственности и непрерывности, принцип систематичности и доступности, гуманитаризации, эволюционности, экологичности образования.

При выборе методов образования предпочтительными являются интерактивные методы обучения [1]: круглые столы, дискуссии, дебаты, мозговые штурмы, деловые и ролевые игры, case-study, а также приемов: «Займи позицию», «Дерево решений», «Попс-формула», тренинги, сократический диалог, групповое обсуждение, интерактивная экскурсия, видеоконференция, фокус-группа и другие формы развития критического мышления.

Интерактивные методы способствуют укреплению курса физики, упрочнению воспитательного воздействия на обучающихся, способствует развитию чувства коллективизма, развивает умение отстаивать свои убеждения, обосновывать свою точку зрения. Групповые формы образования способствуют раскрытию потенциала каждого обучающегося, в том числе

командная работа позволяет воспитывать лидерские качества. В качестве лидера команды выбирается обучающийся, увлеченный физикой как наукой, ответственный, пользующийся авторитетом у ребят, обладающий высоким уровнем коммуникативных и организаторских способностей.

Рассмотрим на конкретных примерах. При изучении темы «Скорость» [2] обучающиеся обязательно знакомятся со скоростями, встречающимися в животном мире, а также проводят их анализ и сравнивают со скоростями в жизни человека и технике. Данный учебный материал обладает определенным потенциалом в воспитательной работе по профилактике и решению такой социальной проблемы, как жестокое обращение с животными, в том числе со стороны несовершеннолетних лиц.

В рамках изучения темы «Невесомость», «Искусственные спутники Земли» [2] обучающиеся рассматривают проблемы физики космических полетов, среди которых как уменьшить вредное воздействие перегрузок на человека. Знакомство обучающихся с книгами о космонавтах, прочтение их биографий позволяет создать «портрет настоящего космонавта»: трудолюбивого, умного, доброго, смелого, находчивого, внимательного, решительного, сообразительного, здорового, заботливого, выносливого, терпеливого, наблюдательного. При изучении данной темы особое внимание следует уделить созданию здоровьесберегающей образовательной среды, способствующей формированию личностных ориентиров и норм поведения. В процессе освоения курса физики обучающиеся получают информацию о достижениях отечественных ученых, знакомятся с биографиями выдающихся ученых физиков и естествоиспытателей, что может способствовать становлению позиции активного гражданина у обучающихся, человека равнодушного к решениям и изменениям в различных сферах жизни страны и своей малой Родины.

Тема «Работа» [2] позволяет сформировать понимание различий понятий механической и физиологической работы (поступлению и увольнению с работы, умственная, физическая работа). Данный материал позволяет дополнить профилактическую работу с обучающимися направленную на профилактику беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, через ряд мероприятий, обеспечивающих сохранение и укрепление физического и психического здоровья.

При изучении темы «Электромагнитные волны» [3] в контексте принципов, форм и методов работы по профилактике патологических зависимостей обучающихся от мобильных телефонов, интернет-зависимостей возможно осуществлять профилактику аддикции обучающихся в рамках курса физики. Данной проблеме посвящено отдельное исследование авторов статьи.

Подведем промежуточный итог. Подчеркнем, что данное исследование не претендует на исчерпывающий анализ данной проблемы, а лишь отражает авторский взгляд на проблему раскрытия образовательного потенциала физики как науки в консолидации российского общества. Статья будет интересна педагогам и обучающимся, студентам педагогических

специальностей, а также всем увлекающимся физикой как наукой. Курс физики обладает большим воспитательным потенциалом, позволяющим дополнить и обогатить работу педагогов и психологов по профилактике аддиктивного поведения обучающихся, в том числе различного рода мобильных и интернет-зависимостей, профилактики жестокого обращения с животными в среде обучающихся, способствующей формированию личностных ориентиров и норм поведения обучающихся.

Список литературы

1. Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке : пособие для учителей общеобразоват. учреждений. 2-е изд., дораб. М. : Просвещение, 2011. 223 с.
2. Шаталина А. В. Физика. Рабочие программы. Предметная линия учебников серии «Классический курс». 1–11 классы : учеб. пособие для общеобразоват. организаций: базовый и углубл. уровни. 3-е изд. М. : Просвещение, 2021. 91 с.
3. Филонович Н. В., Гутник Е. М. Физика. 7–9 классы: рабочая программа к линии УМК А. В. Перышкина, Е. М. Гутник : учеб.-метод. пособие. М. : Дрофа, 2017. 76, [2] с.

Авторская справка

Абдрашитова Ольга Алексеевна – студентка 1-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: olga.abdrashitova98@mail.ru

Андреева Ирина Александровна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: rina.andreeva.98@mail.ru

Анохина Анна Альбертовна – студентка 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Антонова Александра Андреевна – ассистент, преподаватель Департамента искусств и дизайна Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, e-mail: antonova-sasha@yandex.ru

Апанина Алена Владимировна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа», Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: aapanina7@gmail.com

Ардашев Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, Москва, e-mail: ardashev.rg@bk.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Астрейко Анастасия Викторовна – студент 4-го курса специальности «Практическая психология, факультета педагогики и психологии» Барановичского государственного университета, Республика Беларусь, Барановичи, e-mail: astrejko.nastya@mail.ru

Бардамова Яна Юрьевна – студентка 2-го курса направления «Менеджмент организации» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: yanabardamova@gmail.com

Батьянова Людмила Николаевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: batyanova.ekaterina@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович – доцент, доктор политических наук, ведущий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, e-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна – доцент, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, e-mail: olga. bahlova@gmail.com, olga. bahlova@mail.ru

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – студент 1-го курса магистратуры направления «Государственно-муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: alesha. bobkov@inbox.ru

Бобровская Анастасия Владимировна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Бовыкин Кирилл Александрович – студент 3-го курса направления «Публичная политика и социальные науки» Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, Ярославль, e-mail: bowykin.kirill2011@yandex.ru

Борозненко Анатолий Викторович – директор АНО ИФЦ «Байкал-Тотем», Иркутск, e-mail: bog73@bk.ru

Васильев Николай Гаврилович – кандидат философских наук, доцент кафедрой гуманитарных и информационных дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министрства юстиции Российской Федерации», Иркутск, e-mail: ngv@bk.ru

Власевская Екатерина Игоревна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Галаева Хава Хусейновна – студентка 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ewa.evina2017@yandex.ru

Гасанов Эльнур Лятиф оглу – доктор философии по историческим наукам, главный специалист Президиума Гянджинского отделения Национальной академии наук Азербайджана, Гянджа, Республика Азербайджан. e-mail: el-hasanov@mail.ru

Гильдебрандт Алиса Игоревна – студентка 1-го курса магистратуры направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, специалист отдела по работе с образовательными организациями высшего образования управления по работе с образовательными организациями высшего образования и информационных техноло-

гий министерства образования Иркутской области, Иркутск, e-mail: alisa-281999@mail.ru

Головчун Ксения Артемовна – студент 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kseniagolovchun@yandex.ru

Гольцова Евгения Викторовна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: jeny1963@bk.ru

Григорьева Марина Ильинична – студент 2-го курса стоматологического факультета Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: marinagrid475@gmail.com

Гудаева Елена Константиновна – студент 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: elenagudaeva16@gmail.com

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Даркина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского юридического техникума, Воронеж, e-mail: ana_darkina@mail.ru

Деренко Николай Васильевич – доцент, кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: derenko.n@gmail.com

Диггид Джон Дерин – профессор философии Университета Дж. Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США, e-mail: diggid@gmail.com

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, член правления Иркутского регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, Иркутск, эл. почта: druzhinin93@mail.ru

Ерёменко Софья Анатольевна – преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: Eg.Sophia@mail.ru

Журавлёва Арина Вячеславовна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: arina.zhuravleva.2000@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – доцент, кандидат философских наук, Иркутск, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, e-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Заварзина Юлия Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: julia661@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: zavialovandrijko@yandex.ru

Запезалова Екатерина Станиславовна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ekaterinazapevalova9@gmail.com

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: history2002@bk.ru

Иванова Виктория Денисовна – студентка 1-го курса стоматологического факультета Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: vikaccc@fo.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член РФО, Казань, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Карандина Арина Андреевна – студентка 1-го курса магистратуры направления «Цифровое искусство» Школы цифровой экономики Дальневосточного федерального университета, Владивосток, e-mail: agina.karandina@yandex.ru

Кармадонов Олег Анатольевич – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: karmado@yandex.ru

Карнышев Александр Дмитриевич – профессор, доктор психологических наук, заведующий междисциплинарной лабораторией психолого-экономических и кросскультурных исследований Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ale3441@yandex.ru

Карнышева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: borisovvla@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна – доцент, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Саранск, e-mail: irakil1967@mail.ru

Кирпиченко Павел Васильевич – студент 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: kirpichenkopasha@yandex.ru

Кишея Инна Леонидовна – старший преподаватель, магистр психологических наук кафедры психологии и физического воспитания, Барановичского государственного университета, Республика Беларусь, Барановичи, e-mail: kisheya.inna@yandex.by

Ковалевская Анжелика Евгеньевна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: angelika.k1278@gmail.com

Ковригина Галина Дмитриевна – доцент, доктор философских наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, Иркутск, e-mail: kowrigina.galina2017@yandex.ru

Конколевский Егор Петрович – студент 2-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: konkolevskiy_egor@mail.ru

Костылев Сергей Валерьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Сибирского федерального университета, лауреат Государственной премии Красноярского края в сфере профессионального образования, Красноярск, e-mail: profikost@mail.ru

Косякова Екатерина Сергеевна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ekkosiakova@mail.ru

Лашко Ольга Константиновна – студентка 2-го курса магистратуры направления «Мировая экономика» Российского государственного гуманитарного университета, Москва, e-mail: Lashko-olga97@mail.ru

Лешенко Ярослав Александрович – профессор, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, Ангарск, e-mail: yaleshenko@gmail.com

Литвинова Жанна Борисовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физики Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: litv-zhanna@yandex.ru

Литвинова Ирина Викторовна – учитель физики Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения города Иркутска средней общеобразовательной школы № 20, учитель физики Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения города Иркутска средней общеобразовательной школы с углубленным изучением отдельных предметов № 14, Иркутск, e-mail: irinality2606@yandex.ru

Мадойкина Елена Викторовна – студентка 5-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: lenamadoyckina@yandex.ru

Макаренко Евгений Александрович – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента наукоемких производств Института технологий предпринимательства Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, e-mail: ss300@yandex.ru

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Маркова Елизавета Александровна – студентка 2-го курса направления «Менеджмент организации» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Медведева Дарья Александровна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Мехришвили Ламара Ленгизовна – профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, Тюмень, e-mail: lamara_m@inbox.ru

Москвитина Наталья Владимировна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: natalikm@mail.ru

Мухаметзарипов Ильшат Амирович – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, e-mail: muhametzaripov@mail.ru

Назаева Петмат Халидовна – студентка 3-го курса направления «Профессиональное обучение (по отраслям)» факультета технологии и менеджмента в образовании Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, e-mail: shalinskayali@gmail.com

Новохатская Алена Игоревна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: anovohatskayaa@gmail.com

Олефир Аксана Васильевна – студентка 2-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: olefir7@yandex.ru

Осипов Кирилл Дмитриевич – студент 2-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: osipov.kirill01@list.ru

Осипов Тимур Алексеевич – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: otukeyofficial@gmail.com

Островский Сергей Николаевич – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры экономической социологии и психологии предпринимательской деятельности Белорусского государственного экономического университета, Республика Беларусь, Минск, e-mail: ostrova@tut.by

Петров Артем Андреевич – студент 2-го курса направления «Менеджмент» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: a.petrov.isn@gmail.com

Пиляк Сергей Александрович – директор ФГБУК «Государственный музей «Смоленская крепость», кандидат архитектуры, Смоленск, e-mail: s.pilyak@mail.ru

Поджидаева Анастасия Юрьевна – студент 2-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: sei135@mail.ru

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, доцент, кандидат философских наук, Иркутск, e-mail: 900320@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «Социальная философия», ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Пряжников Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, e-mail: olgar07@ Rambler.ru

Пустобаева Анастасия Михайловна – доцент, кандидат социологических наук Харьковского государственного университета, Украина; стажер Университета Дж. Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США, e-mail: pustobaevz@gmail.com

Рангин Владимир Юрьевич – студент 2-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: rangin.vova2011@mail.ru

Распутина Елизавета Витальевна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: lizaveta-rasputina@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, директор института социальных наук ИГУ, Иркутск, e-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – доцент, кандидат философских наук, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: eresh80@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», кандидат социологических наук, Иркутск, e-mail: rudakova_nvl@mail.ru

Салимгореева Румина Равилевна – студентка 4-го курса направления «Менеджмент организации» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: salimgoreeva@gmail.com

Сарапулова Лариса Николаевна – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: larsara91@mail.ru

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Семейкина Татьяна Владимировна – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: semetv@mail.ru

Силивеев Илья Михайлович – преподаватель кафедры общегосударственных и обще-специальных правовых дисциплин Восточносибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Иркутск, e-mail: siliveev@mail.ru

Скирко Мария Олеговна – PhD, доцент кафедры социальных систем и права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, Самара, e-mail: maria.skivko@gmail.com

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, Иркутск, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Солдатова Александра Геннадьевна – студентка 1-го курса педиатрического факультета Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: kley.vse@gmail.ru

Спешилова Мария Алексеевна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: Speshilova.1999@mail.ru

Тайсумова Халимат Вахаевна – старший преподаватель кафедры экономики и управления в образовании Чеченского государственного педагогического университета, Грозный, e-mail: vashstroy@mail.ru

Терещенко Анна Григорьевна – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и информационных наук Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, e-mail: 89025119540@yandex.ru

Тирских Максим Геннадьевич – доцент, кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: tirskm@mail.ru

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ – «Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета), Нижний Новгород, e-mail: treskin-ne@ya.ru

Удалых Станислав Кузьмич – доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, e-mail: usk2.irk@yandex.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессам Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: dear_dear@inbox.ru

Федосеева Александра Анатольевна – студент 2-го курса направления «Философия», Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, e-mail: aleks1666666@yandex.ru

Фейткевич Никита Александрович – студент 1-го курса магистратуры направления «Менеджмент в образовании» Педагогического института Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: feytkevich@mail.ru

Фионова Виктория Александровна – студентка 3-го курса, направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: fiona@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – профессор, доктор социологических наук, кафедра маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, Тюмень, e-mail: hayrullina@mail.ru

Хандагурова Валентина Андреевна – студентка 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: vkhandagurova@mail.ru

Хлудова Виктория Анатольевна – эксперт Автономной некоммерческой организации «Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного», Санкт-Петербург, e-mail: ss300@yandex.ru

Чернякевич Елена Юрьевна – доцент, кандидат психологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, Санкт-Петербург, e-mail: chernik.72@mail.ru

Чеснокова Леся Владимировна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, e-mail: L.Chesnokova@mail.ru

Шантанов Родион Викторович – студент 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Шахбазова Арина Александровна – студентка 3-го курса лечебного факультета Иркутского государственного медицинского университета, Иркутск, e-mail: inflams637@gmail.com

Шкуран Оксана Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета, Луганская Народная Республика, Луганск, e-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Шмаков Владимир Сергеевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, Новосибирск, vsshmakov@gmail.com

Эбасан Сетмер Ридванович – студент 1-го курса магистратуры направления «Финансы и кредит» Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, e-mail: ebasan98@mail.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕСУРСЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы
VII Международной научно-практической конференции

Иркутск, 15 февраля 2021 г.

Материалы публикуются в авторской редакции
Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2021. Поз. 10
Уч.-изд. 37,4.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. (3952) 52-18-53
e-mail: izdat@lawinstitut.ru

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук — учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

В Институте действует Совет по защите докторских диссертаций по философским и социологическим специальностям. На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, инновационное пространство региона, социология образования, политическая социология, социология символа и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных для проведения совместных научных исследований, хоздоговорных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Телефон/факс: (3952) 243 748, (3952) 200 205